

66.4(2Рос)3

К - 14

В.Н. Казимиров

МИР КАРАБАХУ

В.Н. КАЗИМИРОВ

МИР КАРАБАХУ

Посредничество России
в урегулировании
нагорно-карабахского
конфликта

МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
2009

УДК 327.56(470+571)
ББК 66.4(2Рос),3
К14

Казимиров В.Н.

К14 Мир Карабаху. Посредничество России в урегулировании нагорно-карабахского конфликта. – М.: Междунар. отношения, 2009. – 456 с., ил.

ISBN 978-5-7133-1344-9

Книга профессионального дипломата, в 1992–1996 г.г. главы российской посреднической миссии и полномочного представителя Президента России по политическому урегулированию конфликта вокруг Нагорного Карабаха – первое в отечественной литературе детальное и документированное освещение истории конфликта, переросшего в полномасштабную войну, и, главное, посреднической деятельности России, приведшей к достижению соглашения о прекращении огня с 12 мая 1994 г.

Заслуживают внимания суждения автора, участника и сопредседателя Минской группы ОБСЕ о сотрудничестве с западными партнерами и противодействии их усилиям ограничить или сократить влияние России в регионе.

В приложении к книге содержатся основные документы по урегулированию конфликта и хронология карабахского урегулирования

В книге использованы фотографии из архива автора и Г. Газаряна.

УДК 327.56(470+571)
ББК 66.4(2Рос),3

© Казимиров В.Н., 2009
© «Международные отношения», подготовка к изданию и оформление, 2009

ISBN 978-5-7133-1344-9

Содержание

Вместо вступления	7
Сокращения, принятые в книге	9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Штрихи воспоминаний

Почему?	13
«Пролог»	16
Знакомство и первые контакты с Гейдаром Алиевым	21
Карабах на XXVIII съезде КПСС	25
В «приготовишках»	28
«Незаконнорожденная» Минская группа СБСЕ	35
Первые шаги Минской группы	41
Баку – Нахичевань	47
Прямая встреча в Москве (7–8 августа 1992 г.)	52
Хандра: МГ для урегулирования или наоборот?	55
Начало 1993 года	59
Гейдар Алиев – снова в Москве	62
Российско-турецкая инициатива и ее крушение	66
Сначала – ограничения военных действий	71
С Гейдаром Алиевым – наконец, в Баку	82
Профзаболевания есть и у послов	87
Падение Агдама	90
Прямые контакты Баку – Степанакерт	93
Три послания Б.Н. Ельцину	103
Осенние потрясения	107
Три исповеди по телефону	114
Инцидент на границе 20 ноября 1993 г.	120
Что и кем накручено на этот инцидент	123
Отдаленный фланг карабахского фронта	131
Версия Еревана, и хотя бы немного логики	132
Декабрьская афера 1993 года	138
Бишкекский протокол	146
Подписание протокола в Баку	151
Баку – Москва, 9–11 мая	153
12 мая – прорыв к перемирию в Карабахе	158
Голь на выдумки хитра	159
Плюсы и минусы прекращения огня 1994 года	163
Московская встреча министров обороны	164
Закрепление перемирия: фантазии и реалии	166
Кому-то и перемирие не власьть	170

Роль посредничества России в прекращении огня	172
Козни западных партнеров	174
Переполюх среди западников	183
Еще о нейтралах	193
Карабахские дела при Е.М. Примакове	201
Промежуточное резюме	209

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Его Величество Аргумент

Без посредника не обойтись (1994)	217
Россия и Минская группа СБСЕ (1994)	219
Выступление на заседании Постоянного комитета СБСЕ о мандате Минской группы (1994)	223
Письмо Яну Элиассону (1994)	228
Вклад СНГ в прекращение кровопролития в Карабахе (2000)	239
Письмо Генеральному секретарю ОБСЕ Яну Кубишу (2003)	254
Карабах и резолюции Совета Безопасности ООН (2004)	257
Письмо докладчику ПАСЕ по Нагорному Карабаху Дэвиду Аткин-сону (2004)	265
Нагорный Карабах должен участвовать в переговорах (2005)	270
Кто искал силового решения в Карабахе? (2005)	277
Открытое письмо Действующему председателю ОБСЕ Димитрию Рупелю (2005)	285
Народной дипломатии – второе дыхание! (2005)	287
Народную дипломатию – на поводок! (2005)	289
Подписать – полдела. Выполнить! (2006)	291
Слишком много тумана и обмана вокруг Карабаха (2006)	295
Два хельсинкских принципа и «атлас конфликтов» (2007)	299
Есть ли выход из тупика в Карабахе? (2007)	305
Важный документ или ничего особенного? (2008)	315
Подпись высокая, а дно – двойное (2008)	317
Россия, ОБСЕ и карабахский конфликт (2009)	318

Приложения

Основные международные документы по урегулированию нагорно-карабахского конфликта	333
1. Железноводское коммюнике (<i>Железноводск, 23.09.91</i>)	334
2. Резюме выводов Совета министров СБСЕ (<i>Хельсинки, 24.03.92</i>)	335
3. Совместное заявление глав государств (<i>Тегеран, 07.05.92</i>) ...	337
4. Резолюция 822 Совета Безопасности ООН (<i>30.04.93</i>)	338
5. Резолюция 853 Совета Безопасности ООН (<i>29.07.93</i>)	339
6. Резолюция 874 Совета Безопасности ООН (<i>14.10.93</i>)	341
7. Резолюция 884 Совета Безопасности ООН (<i>12.11.93</i>)	343
8. Заявление глав государств СНГ (<i>Москва, 15.04.94</i>)	344
9. Бишкекский протокол (<i>Бишкек, 05.05.94</i>)	346
10. Соглашение о прекращении огня с 12 мая 1994 г.	346

11. Решение саммита ОБСЕ по Нагорному Карабаху (<i>Будапешт, 06.12.94</i>)	347
12. Договоренность об урегулировании инцидентов (<i>04.02.95</i>)	349
13. Мандат сопредседателей Минской группы ОБСЕ (<i>01.03.95</i>)	351
14. Резюме Действующего председателя ОБСЕ (<i>Прага, 31.03.95</i>).....	353
15. Заявление Действующего председателя ОБСЕ (<i>Лиссабон, 03.12.96</i>).....	354
16. Совместное заявление президентов РФ, США и Франции (<i>Денвер, 23.06.97</i>).....	354
17. Предложение сопредседателей МГ ОБСЕ («пакетный» вариант), 1997	355
18. Предложение сопредседателей МГ ОБСЕ («поэтапный» вариант), 1997	361
19. Предложение сопредседателей МГ ОБСЕ («общее государство»), 1998	365
20. Московская декларация (<i>02.11.08</i>)	372

Документы российского посредничества и прямых контактов между Баку и Степанакертом

1. Из Баку. О прекращении обстрелов Степанакерта и Агдама (<i>17.06.93</i>).....	375
2. Из Степанакерта. Об ограничении военных действий от Магадиза до Агдама (<i>27.06.93</i>)	376
3. Из Баку. Об ограничении военных действий от Магадиза до Агдама (<i>27.06.93</i>).....	377
4. Из Баку. О повсеместном ограничении военных действий на 3 дня (<i>24.07.93</i>)	378
5. Из Баку. О повсеместном ограничении военных действий на 3 дня (<i>25.07.93</i>).....	379
6. Из Баку. О встрече официальных лиц АР и НК 28 июля 1993 г. (<i>27.07.93</i>)	380
7. Из Степанакерта. О продлении прежней договоренности на 7 дней и встрече руководителей АР и НК на высшем уровне (<i>28.07.93</i>).....	381
8. Из Баку. О продлении прежней договоренности на 7 дней и встрече руководителей АР и НК на высшем уровне (<i>28.07.93</i>).....	382
9. Из Баку. О продлении прежней договоренности еще на 3 дня и встрече руководителей АР и НК (<i>05.08.93</i>)	383
10. Полномочия Г. Алиева вице-премьеру Р. Гулиеву (<i>17.08.93</i>)	384
11. Из Баку. О возобновлении прекращения огня на 5 дней и встрече высших руководителей АР и НК (<i>17.08.93</i>)	385
12. Из Баку. О возобновлении прекращения огня на 11 дней и встрече высших руководителей АР и НК (<i>30.08.93</i>)	386
13. Полномочия Г. Алиева вице-спикеру А. Джалилову (<i>31.08.93</i>)	387
14. Полномочия Г. Алиева вице-спикеру А. Джалилову (<i>03.09.93</i>)	388
15. Из Баку. О продлении прекращения огня еще на 3 дня (<i>10.09.93</i>).....	389

16. Из Москвы. Совместное коммюнике представителей руководства АР и НК по итогам их встречи в МИД России (13.09.93).....	390
17. Из Степанакерта. Об установлении нового прекращения огня на 10 дней (16.12.93)	391
18. Из Москвы. О невыполнении в Баку договоренности посредника с Г. Алиевым по оформлению прекращения огня на 10 дней (18.12.93)	392
19. Из Баку. Превратное ответное письмо, сорвавшее установление прекращения огня на 10 дней с 17 декабря (19.12.93)	393
20. Из Баку. Об установлении прекращения огня на 10 дней (26.04.94).....	394
21. Из Степанакерта. О выполнении протокола от 18 февраля вместо 10-дневного прекращения огня (28.04.94).....	395
22. Из Баку. О повсеместном прекращении огня с 12 мая 1994 г. (09.05.94)	396
23. Из Еревана. О повсеместном прекращении огня с 12 мая 1994 г. (10.05.94)	397
24. Из Степанакерта. О повсеместном прекращении огня с 12 мая 1994 г. (11.05.94)	398
25. Из Москвы. Договоренность о закрытых контактах между Баку и Степанакертом (не была подписана).....	399
Хронология посредничества России в мирном урегулировании нагорно-карабахского конфликта.....	400
Именной указатель	453

Вместо вступления

Уважаемый читатель!

Перед Вами воспоминания и отдельные статьи автора по карабахскому урегулированию, в основном по тому периоду, когда мне пришлось быть главой посреднической миссии России, представителем Президента Российской Федерации по Нагорному Карабаху, а также участником и сопредседателем Минской группы ОБСЕ от России (1992–1996). Сложность этого периода – в нарастании, длительности и ожесточенности военных действий, в самых первых миротворческих опытах ряда посредников на традиционно сложнейшем материале армяно-азербайджанских отношений.

В разное время вооруженного противоборства в Карабахе немало видных должностных лиц и других деятелей России проявляли готовность, а иногда и конкретные усилия, направленные на оказание содействия мирному разрешению этого конфликта в роли посредников. О миротворческих амбициях министра обороны П.С. Грачева известно немало, о них сказано и в этой книге. Их изначальный импульс был здравым, верным, но практическое исполнение заведомо обрекало его на неудачи, особенно из-за недооценки межведомственной согласованности действий. Мало кто знает, что вице-президент РФ А.В. Руцкой в январе 1993 г. в записке Президенту России сообщал, что готов возглавить посредническую миссию российского руководства. Среди других таких лиц – В.С. Черномырдин, министр внутренних дел В.П. Баранников, Маршал авиации Е.И. Шапошников, генералы Д.А. Волкогонов и А.И. Николаев, давние жители Баку – всемирно известный виолончелист М.Л. Ростропович и некогда чемпион мира по шахматам, а ныне обладатель в основном политических амбиций Г.К. Каспаров. С некоторыми из этих лиц автору довелось одно время поддерживать контакт как раз по карабахским делам.

Многослойная компоновка этой книги (воспоминания, статьи и выступления, документы, хронология) может потребовать от читателя немало терпимости к практически неизбежным в таком случае повторам тех же констатаций и эпизодов. Правда, это коснется лишь того, кто возьмется читать книгу «от корки до корки», а не пролистать ее, посмотреть документы либо отыскать нужные даты в хронике. Для сокращения текста и во избежание официаль-

ных длиннот нередко пришлось использовать аббревиатуры, некоторые из них общеизвестны, а другие пояснены в самом начале книги. Автор выражает терпеливому читателю признательность за внимание и заранее приносит извинения за упомянутые и иные неудобства.

Хотелось бы, кроме того, этой книгой и ее размещением на личном сайте www.vp.kazimirov.ru придать импульс более глубокой проработке истории и проблематики мирного урегулирования карабахского конфликта.

Если Вы удостоите вниманием содержание книги, буду рад и критическим замечаниям, поправкам, уточнениям, даже если их цель – скорректировать или оспорить отдельные соображения или подсветить иначе некоторые эпизоды. Готов воспринять все это не с позиций уязвленного авторского самолюбия, а прежде всего как естественное стремление придать больше достоверности описанию и осмыслению событий совсем недавнего прошлого, которое, к сожалению, уже страдает и от произвольной путаницы, и от намеренных искажений.

В этом отношении карабахский конфликт поразителен. Не прошло и двух десятилетий после периода военных действий и первоначальных миротворческих усилий, а нагромождено уже столько небылиц, что диву даешься. И думаешь, а как же тогда пишется история Древнего мира или Средних веков?!

Внести возможные поправки читателей в эту книгу можно будет лишь при ее переиздании. Но дойдет ли до этого?

Однако готов с учетом поступивших замечаний вносить правку в текст этой книги на своем личном сайте или даже отражать там альтернативную версию, которую выдвинете Вы, уважаемый читатель. С предложением использовать ресурсы современной информатики, чтобы совместно содействовать отработке объективной истории карабахского урегулирования, я обращался к ряду азербайджанских и армянских коллег, причастных к этому процессу или внимательно следивших за ним.

А теперь позвольте передать слово самому себе, но в ожидании Вашего суждения или критики. Как сказал Александр Твардовский про правду: «Да была б она погуше, как бы ни была горька».

Сокращения, принятые в книге

АзССР	–	Азербайджанская Советская Социалистическая Республика
АР	–	Азербайджанская Республика
АрмССР	–	Армянская Советская Социалистическая Республика
ГА ООН	–	Генеральная Ассамблея ООН
ГПВУ	–	Группа планирования высокого уровня (в ОБСЕ)
ДП ОБСЕ	–	Действующий председатель ОБСЕ
КГБ	–	Комитет государственной безопасности СССР
КСДЛ	–	Комитет старших должностных лиц СБСЕ (до 1995 г.)
1 ЛАО	–	Первый латиноамериканский отдел МИД СССР
2 ЛАО	–	Второй латиноамериканский отдел МИД СССР
МВД	–	Министерство внутренних дел
МГ	–	Минская группа СБСЕ/ОБСЕ (с июня 1992 г.)
МИД СССР/ России	–	Министерство иностранных дел
МК	–	Минская конференция СБСЕ/ОБСЕ (с марта 1992 г.)
МККК	–	Международный комитет Красного Креста
МО	–	Министерство обороны
МПА СНГ	–	Межпарламентская ассамблея СНГ
НАР	–	Нахичеванская Автономная Республика
НК	–	Нагорный Карабах
НКАО	–	Нагорно-Карабахская автономная область
НКР	–	Нагорно-Карабахская Республика
НПО	–	неправительственные организации
ОБСЕ	–	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (с 1995 г.)
ОИК	–	Организация Исламская конференция
ООН	–	Организация Объединенных Наций
ПК	–	Постоянный комитет СБСЕ (в Вене – до 1995 г.)
ПС	–	Постоянный совет ОБСЕ (в Вене – с 1995 г.)
РА	–	Республика Армения
РС	–	Руководящий совет ОБСЕ (одно заседание в Праге 30–31 марта 1995 г.)
СБ ООН	–	Совет Безопасности ООН
СБСЕ	–	Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (до 1995 г.)
СГГ СНГ	–	Совет глав государств Содружества Независимых Государств
СНГ	–	Содружество Независимых Государств
СССР	–	Союз Советских Социалистических Республик
ЦК КПСС	–	Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**Штрихи
воспоминаний**

Почему?

Немало моих товарищей и сослуживцев по МИД СССР/России рискнули, в основном по завершении активной работы, изложить свои воспоминания и соображения по делам, которыми им пришлось заниматься ранее. Одни упрятали их под цветастую обложку, другие молча задвинули в стол. Друзья не раз подталкивали и меня взяться за воспоминания. Порой не без укора говорили, что за годы дипломатической службы не всем довелось повидать столько разных и нередко довольно значимых событий. Но мне явно не хватало смелости или надежной мотивации, чтобы отважиться на это.

К тому же не был уверен – будет ли это интересно знать другим? Тем временем что-то начинало уходить из памяти, оставаясь в ней лишь пунктирами отдельных эпизодов. Так, где-то далеко остались трагические события октября 1956 г. в Будапеште, уплывали вдаль Бразилия с военным переворотом 1964 г. и Коста-Рика 70-х годов с полным курьезов учреждением первого советского посольства в Центральной Америке, отступалась и война в Анголе с первыми попытками поворота к миру в конце 80-х и так далее. Дневников я не вел, а зря... Сохранились лишь отдельные блокноты, газетные вырезки и книжки разных лет, скуповатые на истины.

Не скрою, смущало и то, что авторы воспоминаний нередко вольно или невольно надувают щеки, тщеславно пыжятся выпятить собственную фигуру в канве происшедшего... Конечно, никто не застрахован от субъективизма, если повествует о том, что происходило не только вокруг его персоны, но с каким-то его участием или у него на глазах. Побоялся, что не удалось бы и мне избежать этих прегрешений, а еще пуще, что пробоины в памяти начну заделывать домыслами или натягивать повествование на какую-то заданную себе схему.

И вдруг стимул подоспел с неожиданной стороны! Обнаружив неодолимую, как от наркотика, зависимость от проблематики Карабаха, я продолжал следить за ходом урегулирования нагорно-

карабахского конфликта, которым мне пришлось заниматься вплотную сравнительно недавно.

Читая написанное другими о войне в Карабахе, стал раз за разом сталкиваться с утомительными неточностями, нагромождениями путаницы, фальшивыми версиями, претенциозными утверждениями и т.п. Особенно о роли России. А ведь мне с 1992 по 1996 г. как раз пришлось быть главой российской посреднической миссии по Карабаху, представителем Президента РФ по урегулированию этого конфликта – то личным, то специальным, то, наконец, полномочным. И представлять в те годы Россию в Минской группе СБСЕ/ОБСЕ¹, быть ее сопредседателем. Одним словом, мало кому довелось знать тогда этот процесс и роль России в нем больше, чем мне. Словно будильник, всякий раз пробивала мысль: ведь ты же знаешь, как это было, – совсем не так, как здесь написано! Но почему-то молчишь...

А историю этого конфликта и его обуздания бесстрашно берутся писать и вчерне уже «накатали» люди, которые знают многое лишь понаслышке, живут вдалеке от описываемых ими событий, где-то что-то вычитали или услышали и скроили, как поняли. Ладно бы это были журналисты, которые работают впопыхах, – им более или менее простительны некоторые погрешности. Но несут неразбериху и исследователи, которым не стоило бы довольствоваться ссылками на сомнительные источники. Да грешат против истины и некоторые участники событий – то ли по забывчивости, то ли в стремлении протащить свою собственную версию. Один из многих примеров: распространена, уже укоренилась легенда, будто соглашение о прекращении огня в Нагорном Карабахе (НК) было подписано в Бишкеке 5 мая 1994 г. Мало кто знает, что это вовсе не так и даже быть так не могло. Но это еще сравнительно безобидное искажение, хотя и тут есть умысел, а сколько небылиц подброшено сторонами конфликта своекорыстно!

Что же это за исследования или воспоминания, если в них не хватает главного – достоверности?! Трезвон этих будильников уже стал сливаться в нестерпимый гул. Нельзя терпеть обилия кривды и напраслин вокруг роли России в процессе урегулирования в Карабахе...

Подоспел еще один стимул. Стороны этого конфликта впали в явно чрезмерную жесткость и, несмотря на усилия посредников, так и не достигли не только позитивных сдвигов в процессе уре-

¹ Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), принявшее в 1975 г. Хельсинкский Заключительный акт, с января 1995 г. было преобразовано в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). О создании Минской группы см. ниже.

гулирования, но даже сколь-нибудь значимых подвижек. Минуло 15 лет со времени подписания соглашения о прекращении огня с 12 мая 1994 г., но в этом процессе оно так и осталось единственным достижением, которое реально ощутимо народами. Другой крупной вехой стала Московская декларация от 2 ноября 2008 г., но вокруг нее возникло немало дискуссий, причем больше в Армении и НК, чем в Азербайджане, который после многих лет настойчивой воинственной риторики, казалось бы, «больше терял» от того, что декларация нацелена на мирное, политическое решение конфликта.

Примечательно, что как перемирие, так и подписание Московской декларации достигнуты собственными усилиями России, а не обязаны международным организациям с тем или иным участием Запада. Западники всячески противились заключению перемирия при посредничестве России, чтобы не позволить ей сохранять свое влияние в регионе. Московскую декларацию они вынуждены были приветствовать, но со смешанными чувствами – ведь она была подписана через три месяца после августовской авантюры Саакашвили в Южной Осетии и многих наветов ряда западных стран на Россию. Перемирие и декларация немало говорят на деле о реальной роли как России, так и западных держав в разрешении карабахского конфликта. Любопытный читатель вправе знать от причастных к этому, как на самом деле было достигнуто прекращение огня.

Как ни странно, к этим очеркам побудило и уже упомянутое упорство сторон конфликта в отстаивании своих завышенных требований. В переговорном процессе они не так далеко ушли от позиций 1996 г., когда я, уехав в Латинскую Америку, оставил карабахские дела. Поэтому, несмотря на более чем десятилетний перерыв, старожилу оказалось сравнительно нетрудно оценивать нынешнее состояние дел.

Приведу достаточно убедительный пример того, как «уперты» стороны конфликта в своих запросах, как, сами того не замечая, идут вразрез с элементарной логикой. Всем совершенно очевидно, что главный спор идет о судьбе НК, о его будущем статусе. Но попробуйте добиться от любой из сторон признания того, что НК является спорной проблемой. Каждая из них как бы выводит НК из сферы споров, заявляя, что бесспорно принадлежит Азербайджану (как скажет Баку) или несомненно давно независим (как скажут армяне). Между тем признание НК спорной проблемой было бы немалым шагом вперед, сняло бы запредельное завышение сторонами запросов, приблизило бы их к реализму, к поиску взаимных уступок. По самой сути дел стороны занимают те же позиции, что и 15–17 лет назад. Даже согласование части принципов

урегулирования не меняет ситуации, ибо в главных вопросах реальных подвижек нет.

В отличие от событий давних десятилетий 90-е годы еще довольно свежи в памяти. Да и материалов и документов того периода больше, чем о событиях предыдущих декад. С учетом совокупности упомянутых обстоятельств и дерзнул я опубликовать эту серию очерков про Карабах. Многие из написанного выставил сначала на своем личном сайте. Потом по предложению Акопа Аветикяна, главного редактора армянской газеты «Азг», опубликовал в ней выжимки на русском и английском языках. По предложению журналиста Эйнуллы Фатуллаева напечатал серию очерков в его еженедельнике «Реальный Азербайджан», самой тиражной года два назад из русскоязычных газет Баку. С 16 января по 20 апреля 2007 г. в ней было помещено 10 очерков, привлечших внимание.

Но в конце апреля 2007 г. Э. Фатуллаев был осужден в Баку сначала на 2,5 года, а затем еще на 8,5 лет (всего 11 лет тюремного заключения!). Эти репрессии вызвали волну протестов среди журналистов и правозащитников в Азербайджане и за его пределами.

На фоне малой убедительности и даже нелепости обвинений в адрес Э. Фатуллаева возникла догадка: а не могла ли публикация им серии этих очерков быть среди скрытых причин его преследования? Конечно, это не фигурировало в суде, но известно, что их опубликование в «РА» (особенно святотатство прикасаний к фигуре «общенационального лидера») вызывало у бакинской верхушки немало раздражения. А заточение Э. Фатуллаева само по себе прекратило издание «РА», в том числе эти публикации.

Срыв выхода очерков в Баку потребовал издать их отдельной книгой. Для русских или российских читателей они не могут быть столь интересны, как для азербайджанских и армянских. Труднейшее время войны в Карабахе вряд ли безразлично для жителей Закавказья. Многие азербайджанцы и армяне проявляют интерес к событиям тех лет, к прекращению военных действий, к истокам перемирия. Это видно и по посещению упомянутого выше совершенно неброского сайта.

Этим и хотелось бы завершить ответ на вопрос, с какой стати возник сей сборник воспоминаний и статей по Карабаху.

«Пролог»

Для меня лично все связанное с Карабахом началось до банальности просто, но на несколько лет основательно перевернуло

жизнь. 24 апреля 1992 г. министр иностранных дел России А.В. Козырев вызвал меня и предложил заняться урегулированием вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе.

К тому времени я уже отработал в Министерстве почти 40 лет, последних полтора года возглавлял Управление стран Африки МИД России, хотя не мог считать себя африканистом, поскольку за спиной у меня был опыт работы только в одной африканской стране – Анголе. Правда, в довольно трудный, но весьма интересный для посла СССР период поворота от войн к миру на юго-западе Африки – как в Намибии, так и в самой Анголе (1987–90 гг.). Но этого, на мой взгляд, было явно недостаточно для того, чтобы активно заниматься африканским направлением во внешней политике нашей страны, чуть ли ни возглавлять его.

К тому же назначение послом в Луанду в немалой мере было вызвано моими трениями с заместителем министра по кадрам В.М. Никифоровым. Они нередко проявлялись в текущих делах, но особенно на заседаниях парткома МИД СССР, например в ходе кампании против семейственности и при других перегибах. Летом 1987 г., после скандального и незаслуженного снятия В.Я. Плечко с должности начальника Консульского управления, я, несмотря на приманку членства в Коллегии Министерства, с боем отрекся от предложения занять его место. От этой почести еще никто не отказывался, а я наивно настаивал на том, чтобы продолжать заниматься Латинской Америкой (хотя, казалось бы, должен был понимать, что уже 7 лет заведу Первым латиноамериканским отделом и надо было морально готовиться к иному назначению).

После двух напряженных разговоров в течение дня Никифоров на тот же вечер вызвал начальника кадровой службы и секретаря парткома МИД в свой кабинет, чтобы общими усилиями воздействовать на меня как члена парткома и выбить согласие. Когда и это не помогло, он взял паузу примерно на месяц-полтора, а затем использовал, как говорят теперь, «административный ресурс»: предложил назначение послом в Анголу. Отказываться от выезда в воюющую страну было неприлично, хотя я – опять же наивно – полагал, что для работы там необходимо знать Африку, в которой до того я не был ни разу.

В паутуственной беседе Э.А. Шеварднадзе лукаво подсластил пилюлю. Опровергая В.М. Никифорова, он сказал, что предложение возглавить Консульское управление исходило не от него, а от самого Валентина Михайловича, хотя он, Шеварднадзе, будто бы говорил ему, что лучше использовать Казимира на дипломатической работе. Кроме того, министр «утешил» тем, что я знаю кубинцев, а кубинское руководство знает, мол, меня, а это важно, поскольку в Анголе много кубинских войск. Возможно, продол-

жал он, придется вести работу по их выводу из этой страны, а это надо сделать, не нарушив взаимопонимания с Гаваной. Так потом и было это сделано, несмотря на целый ряд сложностей.

Но «почетная ссылка» в Анголу обернулась увлекательной в профессиональном отношении, захватывающей работой. Потом, через три с половиной года, никак не хотелось оставлять ее и возвращаться в Москву, тем более на должность руководителя африканского направления МИД, к чему я опять же не считал себя готовым.

Вот и попробуйте угадать, чем, какими соображениями движимы руководители Министерства? Не могу знать, чем руководствовался Э.А. Шеварднадзе при моем отзыве из Луанды, чтобы посадить начальником Управления стран Африки. Точно так же не могу гадать, почему остановил на мне выбор А.В. Козырев, когда решил создать посредническую миссию России по мирному урегулированию в НК.

С какой стати я так отклонился от карабахской темы, вернувшись к Анголе? Кто-то утверждал потом, будто мой опыт участия в урегулировании на юго-западе Африки сыграл какую-то роль в подборе главы создававшейся в тот момент российской посреднической миссии по Карабаху.

Теперь речь шла уже не о далеком континенте, а о новом «ближнем зарубежье» России. Закавказье еще вчера было одним из окраинных уголков нашей страны, заочно даже казалось весьма уютным и симпатичным. А теперь там пылали испепеляющие тысячи людей костры вооруженных конфликтов. Причем предстояло заняться самым первым и наиболее масштабным из конфликтов – самым «древним» из действующих вулканов в этом регионе, да и на всей территории Советского Союза. К подобным делам не за рубежом, а в пределах еще вчера нашей общей страны никогда прежде мне не приходилось прикасаться.

Была у меня лишь довольно эпизодическая роль члена мандатной комиссии XXVIII съезда КПСС. Этой комиссии, в частности, сразу пришлось разбираться с мандатами трех «лишних» делегатов съезда от НКАО. На этом же съезде возникла у меня переписка с первым секретарем Компартии Азербайджана А.Н. Муталибовым вокруг событий в Сумгаите. Вот это и были мои первые, не слишком глубокие соприкосновения с карабахскими делами – за два года до назначения на Карабах.

Да и в Закавказье был я ранее всего два раза по полтора-два дня, сопровождая в качестве заведующего 1 ЛАО при поездках в Тбилиси министра иностранных дел Венесуэлы Рамона Эскобара Салома и в Ереван министра иностранных дел Кубы Исидро Мальмьерку, посетивших СССР соответственно в 1976 и 1983 гг. Так что бэкграунд мой по Карабаху был чрезвычайно беден.

Что же представлял для нас нагорно-карабахский конфликт в тот период, в начале 1992 г.? Тут уже не сработал бы широко применяемый в военной авиации прием определения «свой – чужой». Конфликт уже не велено было считать «своим»: как Азербайджан, так и Армения уже провозгласили свою независимость. Но невозможно было относиться к нему как к «чужому»: и азербайджанцы, и армяне еще были для нас своими – гибли свои ребята! И в этом потом оказалась одна из главных особенностей нашего посредничества по Карабаху. Она и облегчала нам во многом работу, и неизменно осложняла ее, сковывала все движения.

А в тот момент – вернемся к началу – в апреле 1992 г. в кабинете А.В. Козырева, порядком озадаченный его предложением насчет Карабаха, я смог лишь, не выбирая слов, пробормотать: «Откровенно говоря, энтузиазма не испытываю. Но если надо, буду работать». Видимо, министр не счел это за достаточно убедительный отказ. 5 мая 1992 г. им был подписан приказ об учреждении посреднической миссии России по НК во главе с послом по особым поручениям таким-то.

Как забавный курьез вспоминал потом свой разговор на ходу с другом и однокашником послом Всеволодом Олеандровым. Он сообщил мне, что только что получил новое назначение, связанное с работой по Армении. «Не на Карабах ли?» – сочувственно переспросил я его. Всеволод уточнил, что на двусторонние отношения Россия – Армения. «Ну, слава богу», – порадовался за него я. Это было как раз накануне разговора с министром о моей переброске на Карабах.

Чтобы перейти потом ближе к делу, скажу сразу несколько слов о характере нагорно-карабахского конфликта и его специфике. Казалось бы, он не нуждается в особом представлении. Слишком жив в памяти моего поколения шок от первой вооруженной конвульсии, потрясшей устои огромной мировой державы – Советского Союза. Но новые поколения этого не знали.

Само слово «Карабах» стало нарицательным для вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР (в силу своей продолжительности, ожесточенности, беспросветности, иррациональности). И для конфликтов, которые уже обогрели кровью земли в разных уголках Евразии, и для тех, которые еще только назревали.

Его особая пагубность в том, что не одно такое противоборство было как бы поощрено, почти «легализовано» карабахским прецедентом. Дестабилизирующий эффект его вышел за пределы региона. Но в чем-то Карабах послужил и предостережением – не дал где-то тлению политической конфронтации вспыхнуть кровавыми разборками и прямыми военными действиями.

И все же нельзя обойти молчанием ряд особенностей карабахского столкновения, во многом отличающих его от других постсоветских конфликтов.

Во-первых, проблема Карабаха имеет **давние исторические корни** (в отличие от других, «молодых» конфликтов): например, хорошо известны столкновения между армянами и азербайджанцами в начале прошлого века. Это предопределило особую степень взаимного недоверия сторон, эмоционально-психологический накал нынешнего конфликта, его ожесточенный и затяжной характер. Военные действия в Карабахе отличались тем, что пленных там было необычайно мало по сравнению с погибшими и пропавшими без вести: в плен брали в виде редкого исключения. Поэтому и этническая чистка была там в годы войны своеобразна: при приближении сил противника мирное население сотнями тысяч бежало, превращаясь в вынужденных переселенцев. Стороны нередко обвиняют друг друга в депортациях, но они больше присущи первой фазе конфликта. В годы боев депортированных было гораздо меньше, чем тех, кто оставлял родные места, опасаясь депортации или жестокого обращения другой стороны.

Другая особенность Карабаха – постепенное, особенно с конца 1991 г., разрастание отдельных очагов силового конфликта **в настоящую войну**. В войну, в которой развернулись масштабные наступательные операции, захватывались обширные территории. Бои расползлись далеко за пределы НК, дошли до границ третьих государств, приблизившись к опасной грани интернационализации конфликта. Транспортная и энергетическая блокада деформировали экономику и экологию всего региона. Были прямо затронуты интересы России, Грузии, Ирана, Турции.

В-третьих, именно в Карабахе имело место наиболее массивное **применение современных тяжелых вооружений**, включая танки и другую бронетехнику, артиллерию и ракетные установки залпового огня и даже авиацию для бомбардировок. Не были редкостью удары по населенным пунктам и гражданским объектам, что привело к большим жертвам среди мирного населения, к нарастанию массовых потоков переселенцев и беженцев. Этому конфликту присущи **многократные грубые нарушения норм международного гуманитарного права**, да и по завершении боев их было немало.

Еще один штрих карабахского конфликта – **феномен наемничества**. С одной стороны, привлечение из-за рубежа готовых сражаться армян и не только армян, оказавшихся в статусе то ли добровольцев, то ли наемников, а с другой, платная вербовка офицеров по военкоматам ряда областей России и прямое привлечение наемников-моджахедов.

Особые сложности создавала и создает **специфика политической конфигурации карабахского конфликта**. В отличие от «двухмерных» внутригосударственных конфликтов в Грузии, Молдавии и Таджикистане, где две стороны прямо противоборствуют друг с другом на этнической, клановой или иной основе, в Карабахе рисунок конфронтации не прост – здесь в военном конфликте было две стороны, а политически их три: Азербайджан, НК и Армения. Здесь переплетаются черты как внутреннего, так и внешнего конфликта (не говоря уже о советском периоде 1988–91 гг.). Причем лишь в этот конфликт непосредственно вовлечены две бывшие союзные республики, а ныне два суверенных государства, являющиеся участниками Содружества Независимых Государств (СНГ).

Все эти особенности войны в НК и вокруг него настоятельно требовали не допустить ее дальнейшего разрастания, тем более интернационализации, как можно скорее пресечь ее, прекратить первоначально хотя бы кровопролитие, а затем добиться постепенной деэскалации конфликта, перехода к политическому урегулированию в условиях прекращения боевых действий. К сожалению, правящие элиты конфликтующих сторон, особенно одной из них, долго не могли расстаться с иллюзорными надеждами достичь своих целей военным путем, проявляли непримиримость и негибкость.

Стоит ли объяснять, что специфика этого конфликта лишь усугубляла дело, осложняла миротворческие усилия? Общая дестабилизация обстановки в регионе создавала особые трудности для прекращения огня и мирного урегулирования.

Конечно, сказанное не исчерпывает всех особенностей карабахского конфликта, но о нем уже немало сказано и написано. Гораздо меньше написано о его урегулировании, но зато тут больше нелепостей и искажений. Поэтому и нужно отвергнуть ложь и путаницу вокруг разрешения карабахского конфликта и роли России в нем.

Знакомство и первые контакты с Гейдаром Алиевым

Как уже отмечалось, к весне 1992 г. познания мои по Карабаху были довольно поверхностными, а по Закавказью в целом еще меньше – скудными. Предстояло срочно вникнуть в специфику ситуации в Карабахе и, конечно, мобилизовать свои знакомства среди армян и азербайджанцев, чтобы лучше понять происходящее. Мне еще только предстояло установить контакт с руководящими армянскими и азербайджанскими деятелями.

Из них прежде был я знаком лишь с Гейдаром Алиевичем Алиевым. Однако он оказался теперь на периферии событий – в Нахичевани. Правда, уже вернулся на политическую арену: основал там партию «Ени Азербайджан» («Новый Азербайджан») и стал председателем Верховного Совета Нахичеванской Автономной Республики (НАР), что по должности делало его вице-спикером Милли меджлиса в Баку. Позднее был в полуоппозиции к президенту Абульфазу Эльчибею и Народному фронту, пришедшим к власти в Азербайджане после выборов 7 июня 1992 г. Это, а также его отдаление от эпицентра бакинской политики создавало некоторые ограничения и неудобства для контактов с ним.

Так уж получилось, что мое знакомство с Г.А. Алиевым в апреле 1982 г. началось на... латиноамериканской почве.

После работы послом СССР в Коста-Рике (1971–75) и Венесуэле (1975–80) мне довелось руководить Первым латиноамериканским отделом МИД СССР (с июля 1980 г. по сентябрь 1987 г.), который курировал отношения с Мексикой, государствами Центральной Америки и Карибского бассейна.

Тогда в Министерстве было два отдела по Латинской Америке (сейчас один департамент). В шутку сотрудников обоих отделов называли тогда весьма популярным сокращением КВН по широко известной игре «Клуб веселых и находчивых». Это прозвище, видимо, было какой-то данью темпераменту латиноамериканцев, но четко делило «клуб» на веселых и находчивых. Первый ЛАО нарекли «веселым» из-за серии революционных режимов и движений (Куба, Никарагуа, Гренада, Сальвадор), а сотрудников Второго ЛАО, где была вся Южная Америка, прозвали «находчивыми», ибо обстановка в южноамериканских странах была постабильнее и местная валюта (конечно, слабоватая) все-таки потверже, чем в бурных странах ЦА и КБ. Правда, тем же сокращением КВН иногда обозначали и меня, заведующего 1 ЛАО, за совпадение первых букв фамилии, имени и отчества.

С каждым десятилетием нарастали связи Верховного Совета СССР с парламентами других государств, в том числе стран Латинской Америки. В 1982 г. по плану межпарламентских обменов намечалось по приглашению Национального конгресса направить в Мексику официальную делегацию нашего парламента. Когда мне предварительно сообщили, кто ее возглавит (не буду называть фамилию), возникли сомнения, соответствует ли уровень делегации важности той страны в регионе, нашим традиционным связям с ней.

Вопрос деликатный, чувствительный и для двусторонних отношений с Мексикой, и в персональном плане. Пришлось доверительно обозначить это в беседе с помощником Л.И. Брежнева по

внешней политике – Андреем Михайловичем Александровым-Агентовым (в прошлом мидовцем). Тот проявил понимание и дал понять, что доложит Генеральному секретарю ЦК КПСС. (Столь актуальное для наших дней понятие о разделении властей тогда не очень занимало – было ясно, где именно решаются важные или даже сравнительно важные вопросы.)

Потребность повысить уровень этой делегации Верховного Совета СССР через несколько дней сработала. Мне дали знать, что возглавит ее кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г.А. Алиев. Укреплен был и состав делегации: к рядовым депутатам М.С. Саматовой, Х.А. Султанову и Н.Ф. Татарчуку подключили заместителя председателя Госплана СССР П.П. Анисимова и самого А.М. Александра. Мне поручили сопровождать делегацию. Среди сопровождающих был и А.Ф. Дашдамиров, помощник Г. Алиева.

Решение было верным. Гейдар Алиев был восходящей фигурой на кремлевском горизонте. К тому времени он уже 13 лет (1969–82) возглавлял Компартию Азербайджана, а до этого КГБ АзССР. С 1976 г. был кандидатом, а в том же 1982 г. (через несколько месяцев после визита в Мексику) стал членом Политбюро, был переведен из Баку в Москву и назначен первым заместителем председателя Совета министров СССР.

Для меня лично немало значило то, что к его выдвижению на первую роль в Азербайджане, а потом и к переводу в Москву не мог не иметь прямого отношения Юрий Владимирович Андропов – «мой посол» в самое трудное время событий 1956 г. в Венгрии, где я начинал дипломатическую службу (1954–59). Ю.В. Андропов много лет возглавлял КГБ СССР (1967–82), потом вышел на вторую роль в партии, после смерти Брежнева возглавил ее, а затем стал главой государства.

Те, кто знал Андропова не понаслышке, его ум, деловитость, требовательность (прежде всего, к самому себе) и бескорыстность, невольно проецировали эти достоинства и на его выдвиженцев (жизнь потом не раз накажет нас за наивность, в случае с М.С. Горбачевым особенно жестоко).

В части Г. Алиева тогда все вроде бы сходилась. К тому времени он обрел репутацию непримиримого борца с коррупцией в Азербайджане. Кстати, это было первое выдвижение из кавказской республики в высший ареопаг КПСС (затем, в 1985 г. вошел туда и Э.А. Шеварднадзе). Прежде в Политбюро ЦК КПСС попадали только лидеры крупнейших республик (России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана).

Визит делегации немало значил тогда для наших отношений с Мексикой. Состоялись теплые встречи с президентом Хосе Ло-

песом Портильо, другими высшими руководителями страны. Поездка широко освещалась и в мексиканской, и в советской прессе. Но это уже другая тема.

В ходе первого знакомства с Гейдаром Алиевичем у меня сложилось весьма благоприятное мнение о нем. Еще в самолете по пути в Мехико у нас установился нормальный рабочий контакт. Он не выказывал никакой сановности, был прост в общении, современен, деловит и требователен. Достоин, но не заносчиво держался и перед мексиканцами.

Своим переездом в Москву Г. Алиев невольно помог и мне. Не раз приходилось обращаться к нему за содействием в служебных делах. Тогда нередко приезжали в СССР члены руководства то Кубы, то Никарагуа, реже – другие латиноамериканские деятели, которым надо было устроить беседы на высоком уровне. С кубинцами было попроще, ибо их опекал отдел ЦК КПСС по соцстранам, а забота о сандинистских руководителях чаще ложилась на мидовцев. Иногда в этих случаях звонил я его помощнику Ухову и просил выяснить, не сможет ли шеф принять того или иного гостя. Как правило, Гейдар Алиевич давал согласие, и мы готовили записку в Политбюро с предложением, чтобы он принял очередного гостя.

Но дело было вовсе не в относительной доступности этого варианта приема высоких гостей на уровне члена Политбюро. Г. Алиев намного лучше проводил беседы, чем некоторые другие члены советского руководства. Он быстро вникал в наши материалы, держал под рукой на столе, но, не заглядывая в них, свободно распоряжался ресурсами своей необыкновенно цепкой памяти и последовательно проводил нужную линию.

Многие помнят, что Леонид Ильич Брежнев не мог обходиться без текстов, отпечатанных для него «дровами» – так прозвали в МИДе большие буквы, не заглавные, а необычно крупные, набитые на специальной машинке. Это породило тогда немало анекдотичных ситуаций и еще больше анекдотов (например, после стука в дверь Л.И. Брежнев, пошелестев бумажкой, вопрошал: «Кто там?»). Чего греха таить, немногие из наших руководителей обладали тогда высочайшим искусством проведения бесед, как Алексей Николаевич Косыгин (не раз был на его беседах, весьма поучительных – не только для нас, но и для его маститых зарубежных партнеров, как, скажем, Фидель Кастро).

Что касается Г. Алиева, он находил верную тональность в отношении иностранных собеседников, не был ни нравоучителен, ни слащав. Все это оставило самые добрые впечатления от нечастого, но приятного общения с ним в 80-е годы.

Тогда никто не ведал, что через несколько лет карабахский конфликт заставит нас часто общаться то по телефону, то лично

(с Гейдаром Алиевичем у нас было более 50 встреч, причем специфика посредничества требовала, как правило, и разговора один на один).

Карабах на XXVIII съезде КПСС

Уже отмечалось, что две краткие поездки в Закавказье не слишком обогатили меня прозрением насчет будущего конфликта в Карабахе. Плотный график мероприятий в ходе официальных визитов гостей не оставлял там времени для бесед на иные темы. Это было еще до перестройки, пробудившей вместо полезных социально-экономических сдвигов немало политического брожения.

Правда, вспомнился потом один разговор в Ереване. Джон Киракосян, министр иностранных дел Армении (отец нынешнего замминистра РА Армана Киракосяна), впервые поведал мне о сложности взаимоотношений армян и азербайджанцев. В неформальной вечерней беседе с глазу на глаз, когда кубинские гости во главе с министром И. Мальмьеркой отправились отдыхать, Киракосян сетовал на то, что в Баку по-прежнему культивируется неприязнь к армянам. В подтверждение этого на другой день он передал мне несколько страниц из повести Джалила Мамедкулизаде «Бородатый ребенок», опубликованной в 1983 г. стотысячным тиражом в издательстве «Гянджлик». Помню, что герои повести обсуждали между собой, почему армяне не принимают ислам. Один из них приводил такой довод: если бы они стали мусульманами, то зачем тогда Аллаху было создавать ад и кого бы он туда посылал? Ад и создан для армян. Но это ж литература, подумал я.

Мои верования в интернационализм были неколебимы, и не придавал я особого значения, как мне показалось, обидам Джона Киракосяна на литературные выпады. Собственное благоверное понимание дружбы народов наивно считал тогда чуть ли не всеобщим в нашей стране.

Еще раньше, в начале 80-х годов, не пошли мне впрок доверительные, в узком дружеском кругу, рассказы выросшего в Тбилиси Леона О니кова. Глубокий аналитик Леон Аршакович, проработав много лет консультантом Отдела агитации и пропаганды, затем Идеологического отдела ЦК КПСС, одним из первых, еще задолго до Карабаха, стал бить тревогу перед руководством партии по поводу неурядиц и напряженностей в межнациональных отношениях в СССР, особенно в Средней Азии и Закавказье. Но и это воспринималось мной тогда с резервом как возможные эмоциональные перехлесты друга из-за отдельных неблагоприятных явлений.

Период непосредственного нарастания конфликта в Карабахе я провел в Анголе (1987–90). Карабахские конвульсии повергали большинство советских людей (даже за рубежом) в недоумение и даже негодование, но советскому послу в стране, завязшей в десятилетиях гражданской войны и международных осложнений, вполне хватало неотложных дел и на местном материале. Неприятности по Карабаху беспокоили, но все же были на дистанции от Луанды и заслонялись заботами на месте.

Самое близкое, но тоже лишь косвенное соприкосновение с тематикой карабахского конфликта получил я как участник последнего, XXVIII съезда КПСС (2–13 июля 1990 г.). Был избран делегатом сначала на конференции членов нашей партии в Анголе, где был послом СССР, а затем на специально созванном в Москве форуме представителей парторганизаций за рубежом. При открытии съезда – не знаю с чьей подачи – меня избрали в его мандатную комиссию.

Уже было известно о проблеме с мандатами делегатов от НКАО, по квоте которой вместо трех делегатов на XXVIII съезд КПСС прибыли шестеро. Коммунисты от армян Нагорно-Карабахской автономной области – НКАО (не знаю, самостоятельно или с подсказки Еревана) предприняли ловкий ход. Их делегаты на съезде в Москве должны были избираться на республиканском съезде в Баку. Но карабахские армяне отказались направить туда своих представителей. Тогда там избрали на большой съезд в Москву по квоте НКАО трех делегатов – одного азербайджанца, одного армянина и одного русского – кажется, генерала В.Н. Сафонова, военного коменданта Особого района Нагорного Карабаха. Армяне возненавидели его за активное участие от МВД СССР в операции «Кольцо» весной 1991 г., формально нацеленной на разоружение незаконных армянских вооруженных формирований севернее НКАО, но приведшей на деле к массовым репрессиям против мирных жителей и к выдворению армян из многих сел этого района. (В апреле 1991 г. группа армян организовала на него покушение в Ростове-на-Дону, но по ошибке убила у его дома совсем другого офицера.)

Как только съезд в Баку завершился, руководители карабахских армян организовали в НКАО самостоятельное избрание трех делегатов в Москву, причем по самой демократичной на тот момент схеме прямых выборов. Не помню всех трех армян, но среди них был Олег Есяян (потом он возглавлял правительство непризнанной НКР, затем ее парламент, далее переехал в Ереван, а с 2006 г. стал послом Армении в Белоруссии).

Естественно, мандатная комиссия XXVIII съезда должна была определиться с представительством коммунистов НКАО на форуме.

На первом же пленарном заседании съезда посыпались краткие выступления делегатов от микрофонов в зале, породившие острую перепалку между азербайджанцами и армянами. Это было открытие форума из привычной полуторжественной колеи. В этих условиях задача мандатной комиссии (ее возглавил тогдашний секретарь ЦК КПСС Юрий Алексеевич Манаенков) обрела уже вовсе не организационно-техническое, а действительно политическое значение. На мандатной комиссии адвокатами сторон выступили вторые секретари ЦК компартий Армении и Азербайджана О.Н. Лобов и В.П. Поляничко, игравшие важную роль в Ереване и Баку как фактические назначенцы Москвы, хотя на местах все оформлялось их избранием.

Любое предложение мандатной комиссии, вынесенное на пленарное заседание, могло вновь взорвать работу съезда. Нужна была тактическая изворотливость: с одной стороны, не дать обсуждать эту проблему на пленарках, ибо вопрос уже рассматривается, мол, мандатной комиссией, а с другой, не спешить с оглашением даже компромиссного решения – ведь им автоматически будут довольны как те, так и другие. По большому вопросу не избежать острой дискуссии, но надо было свести ее к минимуму.

Пришлось в первые же дни съезда «выпустить пар» – дать промежуточное краткое сообщение, что мандатная комиссия рассматривает правомочность мандатов делегатов от НКАО. Компромиссное решение по самой сути комиссия нашла сравнительно быстро (признать мандат трех карабахских армян, но лишь с совещательным голосом). Однако надо было ловить подходящий момент для его оглашения.

Предложил Ю.А. Манаенкову сделать это в конце рабочего дня, когда вопреки регламенту съезда заседание затянется за 18 часов. Расчет был на то, что многие делегаты, особенно прибывшие с мест, намечают вечером встречи в Москве с родными и друзьями, посещают культурные мероприятия – словом, не очень будут склонны заседать и далее ради дебатов по трем мандатам из НКАО. Юрий Алексеевич принял такой план.

В итоге так и сделали, когда вечернее заседание затянулось более чем на час и все с нетерпением ждали его окончания. Все делегаты рады были «гонгу», ни один не рванул к микрофону, не рискнул оспаривать выводы мандатной комиссии. Все прошло неожиданно удачно. Эпизод сам по себе не такой уж значительный, но кое-что показал мне из непримиримости и ухищрений сторон набравшего тогда обороты карабахского конфликта.

Другой интересный для меня эпизод на XXVIII съезде был связан с выступлением первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Аяза Ниязовича Муталибова. Меня искренне удивило, про-

сто поразило то, что коммунист, лидер коммунистов республики свалил всю вину за карабахские события на Центр и соседнюю республику, не нашел никаких собственных погрешностей и ни одного слова для осуждения потрясших всю страну событий в Сумгаите. Тут же послал ему небольшую записку с выражением недоумения по этому поводу.

На следующий день получил в ответ пространное послание на семь страниц. Муталибов обличал меня в недостаточной информированности о конфликте вокруг Карабаха и сумгаитских событиях и настаивал на исключительной виновности Москвы и Армении. Лестило внимание видного деятеля к моей краткой записке и его желание просветить меня, рядового делегата, на сей счет. Его письмо (я его сохранил) дало представление о жестких расхождениях даже в оценке прискорбных событий в Сумгаите – у меня она не вызывала сомнений или колебаний.

Но если суммировать все мои прежние соприкосновения с тематикой карабахского конфликта (и перед его началом, и в начальный период), то все равно этого было крайне мало для эффективной посреднической работы в заведомо трудных условиях. Так что оставалось во многом полагаться на иной опыт и интуицию да жадно-жадно учиться.

В «приготовишках»

Цель российской посреднической миссии при ее создании 5 мая 1992 г. была определена как систематическая работа МИД РФ в интересах мирного урегулирования вооруженного конфликта в НК (в отличие от прежних разовых акций).

Изначально подразумевалось собственно российское посредничество, начатое еще в бытность СССР с поездки президентов России и Казахстана Б.Н. Ельцина и Н. Назарбаева в зону конфликта и проведения 23 сентября 1991 г. их встречи в Железноводске с руководителями конфликтующих сторон.

Конечно, к весне 1992 г. все мы в самых общих чертах представляли себе противоборство между армянами и азербайджанцами, переросшее в вооруженный конфликт. Не стоит преувеличивать его роль в развале СССР – причин было больше, а некоторые из них и глубже, – но невозможно и умалить роль этой наиболее острой формы раскола единого государства. Все же общего знаменателя с картиной конфликта ничтожно мало для работы по его урегулированию.

Прежде всего, нам пришлось знакомиться с тем, что было принято Россией ранее, начиная с «Железноводской инициативы».

30 декабря 1991 г. Россия обратилась к Азербайджану и Армении с призывом восстановить переговорный процесс. 30 января 1992 г. МИД России выступил с заявлением в связи с обострением конфликта.

20 февраля 1992 г. в Москве по инициативе А.В. Козырева был достигнут ряд договоренностей между министрами иностранных дел Азербайджана и Армении, что было позитивно встречено в ООН и СБСЕ.

20 марта в Киеве Совет глав государств СНГ по инициативе Москвы и Алма-Аты принял принципиальное решение о готовности направить группу наблюдателей и коллективные силы по поддержанию мира в зону карабахского конфликта, но это решение так и осталось выражением намерения.

В первой декаде апреля 1992 г. Козырев совершил две поездки в регион конфликта. В Баку и Ереван направлялись его спецпредставители. 13 апреля мининдел России выдвинул двухэтапный план урегулирования в Карабахе, направив его генсеку ООН Бутросу Гали и Действующему председателю СБСЕ, заместителю премьер-министра, мининдел ЧСФР Иржи Динстбиру, а затем руководителю конфликтующих сторон.

Вопреки суждениям, укоренившимся на Западе (да и в Баку), будто Россия только и мечтала о размещении своих вооруженных сил в зоне конфликта, активная переписка между Козыревым и Динстбиром в апреле показывает прямо противоположное – Москва делала упор на прекращение огня и размещение наблюдателей от Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), а затем международных миротворческих сил. Однако за словесными посулами Европы на этот счет еще не было никакой готовности всерьез. Ведь Карабах был для СБСЕ самым первым опытом собственного миротворчества – организация не была к нему готова.

На 23 или 24 апреля мининдел России предложил сторонам встречу в Минеральных Водах при своем посредничестве для обсуждения выдвинутой Москвой примерной схемы карабахского урегулирования. Азербайджанцы соглашались обсудить порядок проведения встречи, но и.о. председателя Верховного Совета НК Георгий Петросян уклонился, ссылаясь на то, что 24 апреля – день национального траура в связи с событиями 1915 г. в Турции, и выдвинул ряд условий: достичь «предварительных соглашений» и признать равный статус сторон в конфликте.

Последнее требование отдавало наивностью: в конфликтных ситуациях никто, если это ему невыгодно или не компенсируется чем-то другим, не страдает щедростью раздавать антиподу желанные статусы. Чаще статус рождается из жизни, из тех самых встреч,

от которых карабахцы как раз уклонялись. Сама встреча сторон – это уже кирпичик в фундамент такого статуса, положенный без шума и треска. Прямое такое требование нередко заводит дело в тупик, ибо противник не жаждет давать такой статус даром.

2 мая 1992 г. схема двухэтапного карабахского урегулирования была неформально обсуждена в Москве на отдельных встречах с представителями Азербайджана (Расим Насреддинович Мусабек-ков) и НК (Левон Грантович Мелик-Шахназарян) в присутствии представителя Армении (Сурен Тигранович Золян) и с участием первого замминистра России Федора Вадимовича Шелова-Коведяева. Армяне и на сей раз уклонились от общей встречи с участием азербайджанцев.

Таков краткий перечень основных посреднических усилий России до учреждения ее посреднической миссии и до возникновения так называемой Минской группы СБСЕ с июня 1992 г.

30 апреля, перед подписанием приказа о нашей миссии, провел межведомственное совещание по НК, представившись будущим посредником в этом конфликте. Изложили бэкграунд посреднической роли России. Коснулись и решения СБСЕ месячной давности по созыву Минской конференции. Высказались многие: от Министерств госбезопасности, внешнеэкономических связей, социальной защиты, Минтранса, Минфина, Минтруда, Госкомсотрудничества. Увы, Минобороны РФ не пожелало прислать на совещание своего представителя. Ясности совещание добавило немного – дало мне лишь самые общие контуры проблематики под углом зрения наших ведомств. Уяснил только, как много проблем, пронизывающих наши отношения и с Баку, и с Ереваном.

Чуть позднее, в мае 1992 г., запомнился один эпизод. Перед моим отъездом в Хельсинки на заседание Комитета старших должностных лиц СБСЕ неожиданно по правительственному телефону позвонил мне Евгений Аршакович Амбарцумов, недавно избранный председателем комитета по международным делам Верховного Совета России. Мы с ним лично еще и не были знакомы. Он счел свой статус достаточным, чтобы давать довольно примитивные «наставления» главе посреднической миссии России, конечно, в пользу армян. Выслушал его холодно и дал понять, что наша позиция будет зависеть от конкретной сути дела. Его лоббирование было явной бестактностью. Надо было осваиваться и с такими добротами-ходатаями. Оказывается, и со «своими» надо ухаживать остро, тем более что уже обозначился круг известных лиц, готовых «попосредничать» в Карабахе.

Приказ об учреждении посреднической миссии России по Нагорному Карабаху создал ее лишь на бумаге, да дал мне громкую должность – не более того. Он перечислил ее участников, но все

они оставались при прежних функциях, не могли всерьез переключиться на карабахские дела. Так что это, скорее, был круг консультантов, а реально команду еще только предстояло сколотить. Через какое-то время мне придали советника С.А. Панчехина, прекрасно знавшего английский и португальский языки, и машинистку-стенографистку. Позднее еще второго секретаря – В.И. Музыченко. И все! Зато оснастили разной аппаратурой, позволявшей поддерживать телефонную и радиосвязь с регионом конфликта, включая линию правительственной связи – ВЧ (высокочастотная) – благо, с советских времен эта система связи работала в Баку, Ереване и Степанакерте, а также в других крупных городах Закавказья.

Не буду скрывать осторожности на первом этапе работы: маловато знаний, ни живых связей, ни понимания теперь уже внешних партнеров – армян и азербайджанцев, ни чувства локтя с внутренними партнерами, особенно с Минобороны России, которое держалось как государство в государстве. Предстояло срочно вникнуть в специфику ситуации и, конечно, мобилизовать знакомства среди армян и азербайджанцев, чтобы лучше понять происходящее.

Пунктирно обозначу крупные потрясения, показавшие масштаб ожесточенности конфликта незадолго до моего назначения на Карабах. Черная цепочка прискорбных событий еще в мирной обстановке (Сумгаит + Баку) была продолжена в ходе набиравших оборот боевых действий (Ходжалы и Марага). Стало ясно, что накал ожесточения порождает массовые нарушения норм международного гуманитарного права, и единственный способ поправить положение – как можно скорее положить конец военным действиям. Этим, а также необходимостью создать более благоприятные условия для переговоров и был предопределен концептуальный подход России к прекращению огня как самой приоритетнейшей задаче.

Для основательного описания карабахского конфликта надо сплести два больших противоборствующих потока: ход военных действий и шаги в поисках мирного урегулирования. Разрывать их невозможно, потому что обстановка на поле боя во многом отражалась на положении за столом переговоров (или вокруг него, ибо невероятных трудов стоило усадить представителей сторон за один стол). Бывало и наоборот: пробуксовки в переговорах подталкивали вернуться к иллюзиям силового решения. Немало случаев, когда на поле боя разрывалось и то, что уже подписано. Поэтому и было так важно добиться в первую очередь прекращения огня и военных действий.

Но отразить сгусток противоборства двух потоков столь плотно и полно современникам еще вряд ли под силу. Да многие, осо-

бенно в Азербайджане, Армении и НК, помнят ход боевых действий не хуже меня. Поэтому в основном ограничиваюсь описанием усилий в пользу мирного разрешения конфликта, отражая лишь самые общие контуры хронологии войны.

На начальной фазе карабахского конфликта поиски его политического урегулирования велись параллельно и попеременно рядом посредников: Россией, Казахстаном, Ираном, а затем СБСЕ. Стоит отметить активность Ирана до падения Шуши 9 мая 1992 г. Его представителям не раз удавалось договориться со сторонами о прекращении огня, но лишь в принципе. Так, в трехстороннем коммюнике (Иран, Армения, Азербайджан) от 16 марта предусмотрено недельное прекращение огня. Наиболее известно совместное заявление глав трех государств, подписанное в Тегеране 7 мая 1992 г. В нем намечалась поездка замминистра Ирана Махмуда Ваязи в течение недели в регион конфликта для подписания договоренности о прекращении огня. Но и в этот раз планы рухнули – с падением Шуши (буквально через сутки!) документ полностью утратил значение, а Иран на много лет прекратил посредничество. Мы поддерживали контакт с Тегераном, но совместно не работали.

Наше сотрудничество с Алма-Атой в посреднических усилиях было полезным, но оказалось не очень продолжительным.

В том же мае 1992 г. на нашу посредническую миссию возложили и работу в рамках СБСЕ, что обеспечило двойной объем нагрузки. С тех пор в наших делах тоже сливались и частично противоборствовали два потока: собственные посреднические усилия России и наше участие в усилиях СБСЕ в рамках сложившейся с середины 1992 г. Минской группы.

Неудивительно, что раньше всех и больше всех иных посредников проявляла активность Москва. Железноводское совместное коммюнике уже намечало выход на прекращение огня и другие важные меры до 1 января 1992 г., но такой большой срок – более трех месяцев – при расширении конфликта неизбежно оказался чреват осложнениями, и цель не была достигнута.

Как глава миссии я имел какой-то опыт посредничества в бытность послом СССР в Анголе (1987–90), но для работы по линии СБСЕ явно не хватало навыков многосторонней дипломатии (почти всегда работал в плоскости двусторонних отношений, лишь немного соприкоснулся с многосторонкой, участвуя в работе Совместной комиссии по юго-западу Африки и в трехсторонней посреднической структуре СССР–США–Португалия по урегулированию внутри Анголы). Только на усвоение азов этого конфликта у меня ушло около года. Помню, что лишь где-то в первой половине 1993 г. почувствовал себя достаточно уверенно и в от-

ношении конфликтующих сторон, и в контактах со многими зарубежными партнерами по Минской группе, сложившейся в рамках СБСЕ в интересах урегулирования этого конфликта. Но и поныне, много лет спустя, то и дело обнаруживаешь себя недоучкой то в одном, то в другом аспекте – настолько многогранна фактура этого трагического противостояния в Закавказье, которое обрело теперь резонанс далеко за пределами региона. Нередко его отзвуки доносятся теперь к нам и из-за океана.

Одной из азбучных проблем любого вооруженного конфликта является определение его сторон – противоборствующих сил. Без четкости в этом вопросе нельзя и рассчитывать на успех посредничества. Недавний распад СССР привнес новые осложнения в карабахский конфликт, начавшийся в едином государстве, превратив его из чисто внутреннего в немалой мере и в межгосударственный.

Обычно в этнополитических конфликтах есть две стороны, направляющие и осуществляющие ход военных действий. Но бывают и более сложные по конфигурации конфликты. Так, с правительственными войсками Анголы противоборствовала не только УНИТА, но и войска ЮАР. Кубинские войска подкрепляли правительство Анголы, они не только обеспечивали его тылы, но иногда и прямо участвовали в военных действиях. Поэтому в конфликте на юго-западе Африки нельзя было не учитывать множество факторов и немало сторон, не говоря уже «за кадром» о США и СССР, поддерживавших разные стороны конфликта.

Карабахский конфликт был в этом смысле сложнее обычных, хотя и не столь сложен, как на юго-западе Африки. Мы довольно быстро охватили его конфигурацию: увидели, что в нем не две стороны, как обычно, а три, одна из которых противоборствует со второй и третьей. Иначе говоря, в плане военном было две стороны, а в политическом – три.

Москва была первой в признании трехстороннего характера конфликта. Мы изначально считали сторонами конфликта как НК, так и Армению, которая довольно долго пыталась свести конфликт к азербайджано-карабахскому, выдвигая на первый план НК и камуфлируя собственную роль в нем. Позиции Еревана и Степанакерта были схожи, но не идентичны. НК имел свои вооруженные силы и командовал ими. Он был практически в союзе с Арменией, во многом был полностью зависим от нее, но не раз – и не только на показ, а всерьез – проявлял самостоятельность.

Западные страны долго не могли определиться в этом, впадали в противоречия сами с собой, признали НК третьей стороной лишь позднее, осенью 1993 г.

Борьба вокруг конфигурации конфликта и статуса сторон конфликта оказалась весьма длительной, вплоть до наших дней

и еще какое-то время будет продолжаться. Интерес каждой из сторон очевиден. Для Степанакерта статус стороны конфликта важен для участия в переговорном процессе, для усиления освободительной окраски движения и вооруженной борьбы, которые Баку клеймит как сепаратистские. Армении важно избежать ответственности за участие в конфликте или умалить ее и снять сложившееся впечатление о прямых территориальных претензиях к Азербайджану (миацум). Баку выгоднее как раз наоборот – обвинить в этом Ереван, затушевать силовое подавление сепаратистов, затруднить участие Степанакерта в переговорах, несмотря на то что в ходе войны почти все ограничения военных действий оформлялись именно между Баку и Степанакертом (как правило, без участия Еревана). Поэтому азербайджанцы предпочитают ссылаться на решение Хельсинкской дополнительной встречи Совета СБСЕ от 24 марта 1992 г., а те и другие армяне – на решение Будапештского саммита ОБСЕ от 6 декабря 1994 г.

Проблемы конфигурации конфликта и его сторон были лишь одним из первых вопросов, по которым мы начали вгрызаться в непростую материю нагорно-карабахского конфликта. Ориентиры и установки Москвы оказались в данном вопросе наиболее верными. Жизнь постепенно вносила коррективы в позиции западников в СБСЕ/ОБСЕ, сближая их с подходом России.

Не буду перегружать деталями рассказ о том, как участники миссии России проходили подготовительный курс к активной работе по Карабаху: к первым акциям своего посредничества, а потом и в рамках Минской группы СБСЕ. Наше вхождение в курс дел по времени совпало с важным рубежом в ходе вооруженного конфликта: 8–9 мая армяне взяли Шушу, а 19 мая – Лачин. Война стала выходить за пределы бывшей НКАО. Эти потери психологически стали самыми болезненными занозами для азербайджанцев на весь период конфликта.

Наша внутренняя собранность в учебе и известная «робость», скорее, осторожность на начальном этапе работы не имела ничего общего с тем, как изображают западники тогдашнюю роль России в минском процессе. Так, молодая персиянка Рексане Дедашти, защитившая диссертацию в Германии и издавшая там книгу «ОБСЕ и нагорно-карабахский конфликт», ничтоже сумняшеся пишет в ней: «В мае 1992 г. российский МИД создал рабочую группу по карабахскому конфликту и поручил В. Казимирову возглавлять ее, однако в целом Россия очень слабо проявила себя в посредническом процессе. Вот как выразил свои впечатления один из западных участников минского процесса: “В первый год существования Минской группы русских там практически не было. Их было не слышно и не видно. Хотя они и появлялись на

заседаниях, однако не было заметно, чтобы от них исходили какие-то инициативы и предложения”². Далее идет анонимная ссылка на одного из участников минского процесса.

Если бы мнение анонима хотя бы немного соответствовало фактам! Насколько же он был глух и слеп, если не заметил русских в Риме на старте Минской группы, когда именно ими был внесен ряд конкретных предложений. Этим суждениям анонима из минского процесса нарочно предваряю рассказ о возникновении Минской группы и нашей работе в ней. Чуть ниже вернемся к этому. Но вот так некоторые «исследователи» пишут историю! Р. Дедаш-ти это еще прощительно – она на встречах в Риме не бывала. А цитируемый ею аноним?

Участники миссии России не стыдятся того, что побывали в «приготовишках». Тем не менее, совсем нетрудно подтвердить их активность с самого начала, в том числе в Минской группе. К сожалению, и поныне немало журналистов, даже политологов и исследователей ходят в «приготовишках» или прикидываются ими в суждениях об этом конфликте.

«Незаконнорожденная» Минская группа СБСЕ

Включение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в урегулирование карабахского конфликта произошло сразу после приема в него независимых Армении и Азербайджана (Прага, 30 января 1992 г.).

Это соответствовало интересам США и других западных держав. Прежде они не имели ни экономических, ни политических позиций в Закавказье, тогда только создавали там свои посольства и устанавливали контакты. Но уже были заинтересованы в выдавливании России из этого региона. Посредничество в конфликте позволяло им быстро наращивать там свое присутствие и влияние в весьма чувствительном для сторон конфликта вопросе и исподтишка вытеснять влияние Москвы. К тому же западные державы с самого начала конфликта несколько заангажировались перед карабахскими армянами, сочувствовали их движению, усматривая в нем возможность ослабления СССР (о его развале они в 1988 г. еще и не думали).

24 марта 1992 г. первая дополнительная встреча Совета СБСЕ в Хельсинки (на уровне министров иностранных дел) приняла решение о том, что «СБСЕ должно играть важную роль» в мирном

² Die OSZE und der Berg Karabach-Konflikt, Frankfurt/Main 2000, Campus Verlag, S. 289.

процессе по Карабаху. Для этого было предрешиено созвать под эгидой СБСЕ конференцию в Минске с участием 11 государств (Азербайджан, Армения, Беларусь, Германия, Италия, Россия, США, Турция, Франция, Чехословакия и Швеция), а также – в качестве заинтересованных сторон – «избранных и других представителей Нагорного Карабаха».

Почему хотел вовлечь СБСЕ в карабахские дела Андрей Владимирович Козырев, министр иностранных дел России, вернувшийся с упразднением МИД СССР на Смоленскую площадь? Ведь он был одним из инициаторов подключения общеевропейского совещания. Сложилось впечатление, что его расчеты были хитроумны, но все же опрометчивы и привели к промахам. Он полагал, что все равно никто, кроме России, не сможет добиться там реальных сдвигов, но зато мы можем обзавестись не только флагом СБСЕ, действуя как бы от его имени, но и его материальным и финансовым содействием, ибо своих средств у Москвы тогда ни на что не хватало. Одно время даже могло показаться, что план Козырева срабатывает: в СБСЕ не раз высказывалась поддержка посредническим усилием России. Но недолго!

В какой-то мере его подвели иллюзии, будто Запад коренным образом пересмотрел свой подход к нашей стране после исчезновения СССР. Он думал о поддержке наших посреднических усилий со стороны СБСЕ, но явно недооценил стремление западников втиснуть саму Россию и ее влияние в пределы новых границ государства. Более того, как раз Минская группа послужила первым оселком для отработки ныне достаточно очевидного разворота ОБСЕ против интересов России.

Подключение СБСЕ к урегулированию в Карабахе (спустя почти полгода после Железноводска) по видимости немного облегчало, но на деле немало усложняло задачи посреднической миссии России. В своих первых решениях по Карабаху СБСЕ еще одобряло **взаимодополняющие** усилия РФ, Казахстана, СНГ. Но в 1993–94 гг., когда общеевропейский форум буксовал в посреднических усилиях, а Россия явно набирала очки, стал претендовать сначала на **центральную роль**, а потом практически на **монополию** в урегулировании. СБСЕ не только не оказывало поддержки наиболее активному и удачливому посреднику, но и пыталось сдержать его, втиснуть в общую упряжку. Сказывались геостратегические установки Вашингтона на недопущение закрепления влияния России в регионе, на ее выдавливание оттуда. Вот их-то Козырев и недоучел, хотя порой по отдельным деталям пытался даже остро спорить с американцами.

Базовое решение от 24 марта 1992 г. о созыве Минской конференции оказалось лишь контурным, да и не могло быть иным. Ведь

оно было принято еще до нарастания военных действий, до их полного разгара. Основные вехи вооруженного конфликта – взятие Шуши и Лачина, Мардакерта, Кельбаджара, Агдама, и все остальное было еще впереди. В этом документе СБСЕ вообще нет даже четких терминов «конфликтующая сторона» или «сторона в конфликте». Но в первом же пункте этого решения по Карабаху ошутима необычность конфигурации конфликта: призыв к сдержанности адресован **всем** сторонам (а не **обеим**). Причем речь тут как раз об участниках конфликта (а не о статусе сторон на Минской конференции, намеченном намного ниже, ближе к концу этого документа).

Да и в текстах резолюций СБ ООН 1993 г. тоже не было четкости насчет сторон конфликта – там выгораживается роль Армении, к чему мы еще вернемся. Формулировки в этих резолюциях противоречивы: Азербайджану противостоят будто бы лишь «местные армянские силы», то есть НК, хотя призывы вновь адресованы **всем** сторонам.

Кстати, та же формула – **все** стороны, а не **обе** – использована в декабре 1994 г. в решении Будапештского саммита ОБСЕ, где участвовали Г. Алиев, Г. Гасанов и другие высокие представители АР. На запоздалые возражения Баку по статусу НК в переговорном процессе Действующий председатель ОБСЕ мининдел Венгрии Ласло Ковач 31 марта 1995 г. официально ответил подтверждением ранее принятых ОБСЕ решений о статусе сторон, подчеркнув «участие двух вовлеченных в конфликт государств-участников, а также третьей стороны в конфликте (Нагорного Карабаха) во всем процессе переговоров, включая Минскую конференцию».

Возвращаясь к первым шагам СБСЕ, надо упомянуть поездку его специальной миссии в зону нагорно-карабахского конфликта в феврале 1992 г. По ее итогам конфликт обсуждался на 7-м и 8-м заседаниях Комитета старших должностных лиц (КСДЛ) 27–28 февраля и 13–14 марта 1992 г. КСДЛ был тогда оперативным руководящим органом общеевропейского совещания.

По предложению КСДЛ состоялась упомянутая встреча Совета СБСЕ в Хельсинки 24 марта 1992 г., которая приняла решение о созыве в Минске международной конференции по НК (Би-Би-Си и ряд исследователей, даже обстоятельный Томас де Валл, пишут, будто 24 марта 1992 г. создана пресловутая Минская группа СБСЕ. Ниже будет показана ошибочность этих суждений). Тогда же по инициативе мининдел России решено направить в регион Действующего председателя СБСЕ (30 марта – 3 апреля 1992 г.).

7 апреля И. Динстбир назначил председателем Минской конференции итальянского политика и дипломата Марио Раффаэлли,

ранее достигнутого заметного сдвига в разрешении конфликта в Мозамбике. Началась активная подготовка к созыву этой конференции 23 июня 1992 г., в том числе аврал в Минске. И Динстбир, и Раффаэлли были за скорейший созыв конференции.

1 мая 1992 г. 10-е заседание КСДЛ приняло решение по правилам процедуры конференции и учреждению миссии по наблюдению за прекращением огня.

Особенно важную роль сыграло 11-е заседание КСДЛ (Хельсинки, 18–19 мая 1992 г.), которое должно было предварить открытие конференции. Но на пути к ней уже появились завалы. 9 мая армяне захватили Шушу, основную опору азербайджанцев в НК. Ее расположение примерно на 700 метров выше Степанакерта использовалось для обстрелов главного города бывшей НКАО. Нарастало давление армян на Лачин, преграждавший связь НК с Арменией. На второй день заседания КСДЛ, 19 мая, поступило сообщение о захвате Лачина и обострении боев у Нахичевани.

Представитель Азербайджана Надыр Худавердиевич (Худаверди-оглы) Мехтиев отмечал применение армянами танков, тяжелой артиллерии и вертолетов, а главное – утверждал, что расползание военных действий за пределы НК настолько изменило характер конфликта, что уже невозможно проводить Минскую конференцию, готовившуюся в иных условиях. Он требовал переоценки конфликта, признания агрессии Армении (последнее могло быть во власти Совета Безопасности ООН, но не СБСЕ).

Представители Армении отрицали участие своих регулярных военных формирований в боях за пределами ее территории, утверждали, что там вообще нет танков и тяжелой артиллерии. Один из них признал в беседе, что их воинские формирования заняли лишь часть находящейся на территории Армении демилитаризованной 5-километровой полосы вдоль армяно-азербайджанской границы вокруг Нахичевани. В частности, высоту в 200 метрах от Азербайджана, господствующую над окружающей местностью. И лишь в ответ на обстрелы территории Армении из Нахичевани.

Почти все делегации на 11-м заседании КСДЛ, включая США, Россию, ЕС, а также Армению, были за скорейший созыв конференции. Но Азербайджан предварительным условием ставил уход армян из Лачина и Шуши. Его поддерживала только Турция. Возник тупик – пришлось прервать заседание КСДЛ до 21 мая.

После консультаций с делегациями стран ЕС, России и Турции делегация США выдвинула проект промежуточного решения. Отметив распространение военных действий «на другие районы Азербайджана» (Нахичевань не упоминалась), американцы предложили провести чрезвычайную подготовительную встречу представителей 11 государств – участников Минской конференции,

чтобы «срочно обсудить все аспекты ситуации с целью возобновления диалога между конфликтующими сторонами».

Армения сочла, что теперь ее очередь возражать, и не дала согласия на проект решения, мотивируя это тем, что Нагорный Карабах лишен возможности участвовать в обсуждении (не нравилось ей и упоминание территориальной целостности АР в тексте американского проекта). Для решения не было консенсуса. Проект резолюции США так и не был принят.

Но, сочтя его достаточно сбалансированным, ряд делегаций предложил внести его в журнал № 4 заседания КСДЛ, чтобы председатель конференции при подготовке чрезвычайной встречи мог руководствоваться им. Никто не был против фиксации текста проекта, а также против проведения встречи.

По приглашению председательствующих на конференции итальянцев совещание представителей 11 государств прошло 1–5 июня 1992 г. в Риме. Увы, столь же жаркие дебаты между двумя делегациями, но никаких сдвигов. Пришлось назначить повторную встречу там же. Результат тот же. Потом третий раунд встречи, затем консультации нейтральной «восьмерки» (без участия Турции); появились, наконец, армяне Нагорного Карабаха; четвертый раунд – уже с их участием, пятый... Так в Риме де-факто явочным порядком возникла Минская группа.

Многие воспринимают МГ как некую данность. Мало кто знает о ее происхождении и мере ее легитимности. Не ведают, что **никакого решения в СБСЕ о создании МГ не было.** (Ведь все, что было решено, – включить в журнал КСДЛ текст непринятого американского проекта.) Но и в нем речь шла лишь об одной чрезвычайной встрече, а не серии раундов и тем более не о регулярном функционировании новой вспомогательной структуры СБСЕ. Вот почему **у Минской группы нет никакого мандата** (в отличие от любой другой структуры СБСЕ, даже временной или *ad hoc*). Кое-кто рассуждает о мандате МГ, даже не сознавая, что его вообще нет в природе. О нем можно вещать лишь абстрактно, чисто символически – в нем нет ни одного слова.

Есть подобие мандата Минской конференции (решение от 24 марта 1992 г., хотя и его еще требовалось бы доработать). Позднее, в 1995 г., утверждены мандаты сопредседателей Минской конференции и личного представителя Действующего председателя СБСЕ, но у МГ мандата нет³.

³ Публикуя 30 марта 2007 г. этот очерк, бакинская газета «Реальный Азербайджан» рядом с ним разместила суждения известных азербайджанских политологов Эльдара Намазова и Расима Мусабекова насчет мандата Минской группы. Оба утверждали, будто МГ «имеет мандат ОБСЕ». Но ни

Скажу сразу, что на одной из встреч МГ в Риме, видя как плюсы, так и минусы ее деятельности и стремясь упорядочить ее, 1 марта 1993 г., мы внесли проект «Оперативных правил карабахского урегулирования», но западники их «не заметили» – замотали. 14 октября 1994 г. с согласия министра мной опубликована в московской газете «Сегодня» весьма откровенная статья «Россия и Минская группа СБСЕ». Мы распространили ее и в штаб-квартире СБСЕ в Вене, показывая не только недостатки МГ, но и ее прямые помехи посредничеству России, уже добившейся перемирия.

На заседаниях Постоянного комитета СБСЕ в Вене 24 и 31 октября 1994 г. мы предлагали устранить эту аномалию, принять мандат МГ и дали его проект. Казалось бы, что за проблема?! В практике СБСЕ/ОБСЕ – десятки случаев разработки и утверждения мандатов различных структур в данной системе! Почему же надо так бороться против принятия еще одного мандата? Но западным государствам мандат был не нужен, ибо его рамки мешали бы вступать в любой вопрос, чтобы тормозить или сковывать более успешные посреднические усилия России.

Курьезна была аргументация моих оппонентов. Американец стоял на том, что мандат у МГ уже есть, только он «рассеян» по многим документам различных органов СБСЕ, а немец Йотце утверждал, будто он ей вообще не нужен. Шикарная иллюстрация к цинизму в дипломатии: как будто тот и другой не знали, что такое мандат и как он принимается! Мандат – четко определенный, цельный документ, а не нечто воздушное, косвенное; он рассматривается во всех деталях, обсуждается, утверждается.

Об этом у меня возникла переписка с опытным шведским дипломатом, тогда председателем Минской конференции Яном Элиассоном (совсем недавно он был председателем 63-й сессии ГА ООН). Он прислал мне тогда целый перечень цитат из документов СБСЕ в хронологическом порядке, выразивших в основном «поддержку неустанным усилиям Минской группы». Однако стоило разложить их не по хронологии, а по смыслу, как выяснилось, что тут нет самого главного для любого мандата – целей и задач. В письме от 4 ноября 1994 г. пришлось предметно показать это Элиассону.

один из них не сможет дать какие-либо ссылки на него – кем и когда он принят и где же сей загадочный, можно сказать, виртуальный документ опубликован. Мандат – это конкретный текст с указанием целей и задач соответствующей структуры, а не аморфная интуиция, не приблизительное ощущение. Такого текста действительно нет в природе. Пусть привели бы из него хоть одну цитату, хоть одно слово, но непременно со ссылкой на источник! О мандате МГ можно говорить лишь образно, в переносном смысле, но не как о документе ОБСЕ – его нет.

Его сменщик – Андерс Бьюрнер доказывал мне, что МГ имеет «косвенный» мандат. А есть ли в СБСЕ практика выписки «косвенных» мандатов? Об этих дискуссиях насчет мандата МГ в 1994 г. можно многое высказать. И, наверное, придется это сделать, но позже.

А для завершения очерка про рождение Минской группы лучше разобраться, насколько верным был отказ Азербайджана от созыва Минской конференции. Теперь, спустя 17 лет, судить легче. Ушли ли армяне из Лачина и Шуши, как того добивался Баку? Насколько реалистичным было это требование для открытия конференции? Могла ли Минская конференция быть еще менее эффективной для урегулирования конфликта, чем возникшая «вместо нее» де-факто Минская группа? Эти и другие вопросы ждут вразумительных ответов. Особенно от руководства Азербайджана (пусть бы ответили хотя бы самим себе – было бы больше реализма, трезвее стали бы расчеты).

Именно в Баку нередко появляются контрастные оценки деятельности Минской группы официальными лицами – то почти позитивные, то резко негативные, то немного завышенные, то явно заниженные. Безусловно, полезно видеть в делах и плюсы, и минусы. Но тут не разносторонность, не взвешенность оценок, а шараханья в них. И никто (не то, чтобы официальные лица, но и политологи) так и не дал оценки отказу Азербайджана от Минской конференции в мае 1992 г. А ведь МГ фактически не что иное, как «детище» Баку. Причинно-следственная связь тут гораздо очевиднее, чем в более сложных делах (скажем, в происхождении такого явления, как оккупация).

Но вернемся к первым шагам Минской группы с июня 1992 г.

Первые шаги Минской группы

Летом 1992 г. перешедшие в наступление азербайджанские войска овладели Шаумяновским районом, Мардакертгом, контролировали около 40% территории бывшей НКАО, захватили армянский анклав Арцвашен.

А на встречах МГ СБСЕ в Риме с 1 июня 1992 г. шла полемика между главами делегаций Азербайджана Н. Мехтиевым и Армении К. Тер-Степаняном. Будто по очереди, они требовали осуждения захватов другой стороны: азербайджанцы – захвата Шуши и Лачина, армяне – Шаумяновского и Мардакертского районов. Много времени отнимали споры по процедурным вопросам, правам «заинтересованных сторон», прежде всего не приезжавших на первые раунды представителей армян НК. Реального продвиже-

ния в делах почти не было. После первой бесплодной встречи МГ состоялась вторая (15–20 июня), третья (29 июня – 6 июля). В итоге предварительная чрезвычайная встреча представителей государств–участников Минской конференции СБСЕ превратилась в целую серию встреч и стихийно привела к образованию вспомогательной структуры – Минской группы.

Острые противоречия двух государств не позволили саммиту СБСЕ (Хельсинки, 9–10 июля 1992 г.) принять документ по НК.

К концу III раунда впервые появились в Риме представители армян НК, но потом пошла череда демонстративных уходов с заседаний то армян, то азербайджанцев. Работа МГ более или менее стабилизировалась с IV раунда (31 июля – 5 августа) после того, как Ереван убедил карабахских армян участвовать в римских встречах (тогда от НК были Борис Арушанян, Роберт Кочарян и Грант Хачатрян). Недавно избранный председателем ГКО НК Р. Кочарян держался в тени, оставляя руководство делегацией за Б. Арушаняном. В центре споров оставался «малый статус» НК. Так называли его процедурный статус в рабочей группе, на пленарном заседании МГ и на Минской конференции (в отличие от «большого», окончательного, который определялся бы в Минске).

С июня по август еще не списывалась виртуальная возможность созыва Минской конференции (то путем ее открытия в два этапа, то в более поздние сроки), но постепенно становилось ясно, что из-за резких расхождений сторон конфликта по многим вопросам ее не создать.

Активнее всех в МГ был посол США Джек Джон Мареска, весьма опытный дипломат. Влияние Вашингтона на союзников облегчало ему сотрудничество с президиумом МГ: с Марио Раффаэлли и его заместителем – неутомимым трудягой послом Марио Сикой.

Весьма активны были турки. Они однозначно поддерживали АР, пренебрегая принципом беспристрастности МГ. Когда восемь «нейтралов» собрались на неформальные консультации без участия сторон конфликта (17–21 июля), Турция не захотела быть девятой. 1 августа вслед за азербайджанцами турки покинули зал заседаний. Под нажимом США они потом малость «исправились», обратив «восьмерку» в «девятку», но вовсе не стремились к беспристрастности, за что не раз подвергались критике в Риме.

Вашингтон был заинтересован в смягчении переулков Анкары, но при сохранении ее активности в МГ. Близость конфликта к Турции помогла США выделять ее из участников МГ, втихую поддерживать и противопоставлять России. При пробуксовках американцы пестовали «запасной» формат: самую активную «тройку» США–Россия–Турция. Там им оставалось развести партнеров –

один пусть будет на стороне АР, что, глядишь, вынудит другого, выправляя дисбаланс, взять сторону армян. Себе же американцы отводили в этой тройке «скромную» роль арбитра: так было осенью 1992 г. в Женеве и в апреле-мае 1993 г. в Москве.

Делегация России внимательно присматривалась. Мы старались не вступать в распри между азербайджанцами и армянами, но выдвинули ряд инициатив. Не все встретили понимание, а тем более поддержку у западных партнеров. Глава делегации РА так пенял прессе на беспристрастность России: «Эта страна пытается поправиться и Армении, и Азербайджану».

Несмотря на две свои поездки в Карабах в апреле, А.В. Козырев не держал его среди приоритетных для себя проблем. Министр «не мешал» мне работать, доверив и наше посредничество по Карабаху, и ведение дел в МГ. Сам подключался в основном при согласовании линии с Б.Н. Ельциным.

В Москве наши «римские каникулы» воспринимали язвительно. Недавний замминистра РФ А. Федоров обличал в СМИ: создают, мол, новые структуры за рубежом и проводят там месяцы... Или: «Кое-кто из дипломатов не скрывает, что готов несколько лет вести переговоры по Карабаху в Италии». (Так он подал чуть ли не всерьез мою, видимо, неуместную шутку.)

Из конкретных дел МГ запомнились так называемые «программы по районам», занятым той или иной стороной (Шуша, Лачин, Шаумян, Мардакерт). Их инициатором был Мареска. Каждая программа являла собой перечень мер по нормализации обстановки в данном районе. Набор программ намечалось сделать итоговым документом МГ, чуть ли не материалом для открытия Минской конференции. Он намечал «что делать?», но не давал уточнений «когда?» и «как?»: не было последовательности действий, не обеспечивался баланс интересов сторон, что крайне важно при их глубоком взаимном недоверии. Они и поныне настаивают на срочности выполнения своих требований; меньше спорят о существовании мер, чем об их очередности.

В начале сентября 1992 г. МГ пришлось отказаться от «программ по районам». Наша делегация перекрыла их календарем мер с разбивкой по времени и с учетом интересов сторон. Меры в пользу той или другой стороны чередовались, как зубцы шестеренок, обеспечивающие тягу. Выпади один-другой, и все стопорится. Календарь был специфичен – в нем не конкретные даты, а условные. За исходную взята ключевая дата прекращения огня (день «Икс»). То, что должно быть сделано за два дня до этого, обозначалось как «X-2», за пять дней – «X-5», а что позже, скажем, «X+3» или «X+10» (мы использовали такую схему в ангольском урегулировании). В дальнейшем целый ряд графиков МГ был

построен по этому принципу. Робкие попытки ввести настоящие даты быстро срывались сторонами конфликта. Мареска упирался даже в букве – пытался по схеме, принятой в США, навязать букву «D», но не преуспел. Мы сохранили «X».

Проблема размещения наблюдателей СБСЕ вошла в порочный круг. Не веря в собственную способность удержать прекращение огня, стороны добивались быстрого приезда наблюдателей, а те могли быть размещены лишь после эффективного и устойчивого прекращения огня. Козырев советовался с Дж. Бейкером и М. Раффаэлли, не стоит ли России и США предложить Действующему председателю СБСЕ экстренно создать миссию наблюдателей и постепенно наращивать ее присутствие в зоне конфликта. Отсутствие у СБСЕ опыта миротворчества и неповоротливость его механизмов создали массу трудностей. Из-за чрезмерной пропагандистской активности сторон конфликт оброс небывшими, ошибочными, а то и фальшивыми данными и оценками.

Именно Россия предприняла главные на начальном этапе урегулирования усилия в Риме по свертыванию военных действий и прекращению кровопролития. Берусь утверждать, что больше всех других участников МГ. Вот основные факты.

Уже 12 июня 1992 г. в Москве мы передали сторонам, а 15 июня в Риме участникам МГ предложения по деэскалации вооруженного конфликта и постепенной нормализации жизни мирного населения. Армения и Азербайджан позитивно отреагировали, хотя затянули передачу нам конкретных замечаний, особенно Баку. Итальянцы и американец не больно удостоили наши предложения вниманием, тем более что они уже были в руках сторон и без «клейма» МГ, а только от имени России.

20 июня мы внесли предложение о приостановке всех активных боевых действий на 30 дней с 23 июня – первоначальной даты намечавшегося открытия конференции в Минске. То есть предложили отказаться на это время от наступательных операций, атак и разведывательных рейдов, ракетных, артиллерийских и минометных обстрелов населенных пунктов, дорог и позиций другой стороны, боевого использования авиации и любой бронетехники, передвижения вооруженных формирований в зоне конфликта (кроме отвода в тыл). Разумеется, намечалось потом продлить паузу в боевых действиях и завязать переговоры о полном прекращении огня. Однако МГ, то есть заправлявшие ею США и итальянцы, не решились тогда принять наше предложение, спрятав его в пакет мер для рассмотрения.

На III раунде наша делегация лишь с третьего захода добилась его безотлагательного обсуждения. Пришлось преодолевать противодействие представителей Баку и Анкары. 3 июля призыв

приостановить военные действия 9 июля с 01.00 по московскому времени на 30 дней был наконец одобрен. Дату мы приурочили ко дню открытия в Хельсинки саммита СБСЕ. М. Раффаэлли направил эти призывы президентам АР и РА А. Эльчибею и Л. Тер-Петросяну, а их копии – «избранным и другим представителям» НК: Г. Петросяну и Н. Бахманову. Это стало первой конкретной и важной акцией МГ в отношении конфликтующих сторон.

8 июля Н. Мехтиев перед моим отлетом в Москву сообщил о согласии А. Эльчибея. Срок уже истекал, а Ереван и Степанакерт молчали. Мне пришлось с аэродрома лететь на Смоленскую площадь, чтобы успеть связаться с аппаратом президента Армении. Было около 22 часов – осталось часа три до предложенного срока приостановки военных действий.

Трубку ВЧ в Ереване взял шеф секретариата Л. Тер-Петросяна Шаген Караманукян. Он делал вид, будто там и не знают о призыве из Рима. Сказал ему, что, если бы даже произошел сбой с доставкой, глава-то делегации РА обязан был информировать Ереван. Он же был в Риме и знал об этом призыве еще с 3 июля, то есть 5 дней назад. Караманукян обещал доложить все президенту утром, будто бы не понимая, что срок истекает часа через два. Пропадало предложение, уже принятое в Баку. Состоялся весьма острый разговор, но он уже не мог дать результата.

Ереван и Степанакерт дали ответы на следующий день – 9 июля (выходит, всё там получили!). Но оба ответа были весьма двусмысленны. Армения прикрылась тем, что не является, мол, воюющей стороной, и даже игриво призвала Азербайджан и НК к приостановке военных действий. Подозреваю, что армяне не поддерживали нашу инициативу из-за тяжелой для них ситуации на фронте – они хотели сначала отбросить азербайджанцев, занявших в июне уже почти половину территории НК.

11 июля срочно лечу в Ереван, чтобы прояснить ситуацию. Встретился с президентом Левоном Акоповичем Тер-Петросяном, председателем Верховного Совета РА Бабкеном Гургеновичем Араркцяном и руководством МИД Армении (Арман Джонович Киракосян). Все они за возобновление нашей инициативы в июле.

13–14 июля переговорил в Москве с Хикметом Гаджизаде, вице-премьером и постпредом АР, и по телефону с представителем руководства НК Георгием Михайловичем Петросяном. Договорились с обоими о том же самом.

В Риме представители Италии, США и Турции противились моему предложению вновь призвать стороны к приостановке военных действий. Утверждали, что прежний призыв остается, мол, в силе! Кто-то предлагал даже продлить призыв о 30-дневной приостановке.

О новом призыве руководство МГ задумалось лишь после моей информации о том, что в ходе нашей поездки 21–27 июля в Баку, Нахичевань, Ереван и Степанакерт высшие руководители всех трех сторон изъявили готовность начать приостановку с 9 августа (спустя месяц после первого призыва). Причем мы предложили сторонам и график мер по подготовке к приостановке. Получив замечания Еревана и Степанакерта, опять пришлось долго ждать ответ из Баку (как и по нашей инициативе от 12 июня).

На IV раунде мы сделали заявление, выразив озабоченность эскалацией конфликта, осудив непрекращающееся применение силы и призвав стороны одновременно заявить о приверженности решению конфликта исключительно путем переговоров.

Наконец, 3 августа с нашей подачи итальянский президиум МГ предложил приостановить боевые действия, но уже на 60 дней. На сей раз Мареска идею поддержал, но дискуссия шла противоречиво. Мехтиев твердил, что Баку уже давал согласие – не захотели армяне. Не сработает и новый призыв. Азербайджанцы имеют право отвечать последними. Переговорив с Баку, Мехтиев выдвинул условие: рассматривать новый призыв лишь вместе с итоговым документом встречи в Риме, хотя тот уже не имел шансов быть принятым. (А в беседе со мной уже стал уходить от обещаний А. Эльчибея, предлагая отсрочку, – дескать, давайте не с 9 августа, а с другой даты в том же месяце.) Армяне (те и другие) были «за».

После долгих дебатов лишь 5 августа, впритык к завершению раунда, сошлись на том, что М. Раффаэлли лично вручит сторонам призыв МГ СБСЕ о приостановке боев, а при согласии всех он же загодя определит ее дату. Так нужно, мол, для повышения престижа и роли МГ в контактах со сторонами.

Он посетил Баку и Ереван лишь 24–26 августа, когда минули уже три недели! Итальянцы пренебрегли согласованной нами со всеми сторонами датой 9 августа, растратили время на «надувание щек» и... наказали сами себя.

Тем не менее, Россия поддержала их акцию по максимуму. 24 августа постпредам АР и РА в Москве мной были переданы послания Б.Н. Ельцина А. Эльчибею и Л. Тер-Петросяну с выражением поддержки призыва МГ и готовности направить в Баку и Ереван главу посреднической миссии России.

Едва Раффаэлли вернулся из Завкавказья, как 27 августа в Алма-Ате по инициативе Н. Назарбаева прошла встреча министров иностранных дел Армении, Азербайджана и Казахстана, подписавших меморандум насчет прекращения огня с 1 сентября 1992 г., но лишь по армяно-азербайджанской границе (а не в Нагорном Карабахе).

29 августа Ереван и Степанакерт согласились приостановить наступательные действия. Л. Тер-Петросян предложил прекратить огонь с 1 сентября.

2 сентября МИД Азербайджана сообщил М. Раффаэлли, что с учетом пожеланий армянской стороны военные действия на всем протяжении армяно-азербайджанской границы прекращены с 17.00 1 сентября. Президент А. Эльчибей в своем письме 5 сентября дал понять, что приостановит военные действия в НК лишь после вывода оттуда «армянского экспедиционного корпуса» и ухода армян из Шуши и Лачина. Переписка между Раффаэлли и Эльчибеем о 60-дневной приостановке боевых действий тянулась до ноября 1992 г., но и после согласия президента АР итальянцы так и не реализовали полученное право объявить дату прекращения огня.

(Анонимный западный собеседник Р. Дедашти, видимо, и не подозревал, что в 1992 г. вся субстантивная часть усилий МГ, направленных на прекращение или приостановку военных действий, предпринималась по инициативе России. Другое дело, что нашим предложениям оказывалось сопротивление. Даже когда западные партнеры были вынуждены принять их, итальянцы при поддержке США не лучшим образом претворяли их в жизнь. Не потому ли работа МГ не давала нужного результата? Желчные суждения анонима о роли России в МГ в тот период лишь выдают своекорыстный подход западников к сотрудничеству с Москвой.)

Баку – Нахичевань

20 июля 1992 г., перед моей первой поездкой в Баку (до этого никогда там не был), замминистра В.И. Чуркин направил министру иностранных дел Азербайджана Тофику Гасымову личное письмо с просьбой оказать мне содействие в организации встреч на высоком уровне и поездки в Нахичевань. Со мной был помощник – советник С.А. Панчехин.

21–23 июля провели беседы с Тофиком Гасымовым, с председателем Милли меджлиса Исой Гамбаровым и его заместителем Афияддином Джалиловым, был принят президентом Абульфазом Эльчибеем, одержавшим победу на выборах 7 июня. Беседы для первого раза прошли внешне в довольно благожелательной атмосфере, но были весьма жесткими по существу проблем урегулирования конфликта. Несколько реалистичнее остальных был разговор с вице-спикером.

В вечерней беседе в резиденции президента информировал его о деятельности посреднической миссии России, изложил наше пред-

ложение приостановить военные действия на 60 дней с 9 августа (две недели назад А. Эльчибей давал согласие на подобное предложение через МГ на приостановку на 30 дней с 9 июля). Передал ему конкретные предложения по механизму подготовки и осуществления этого шага.

Сославшись на недостаток навыков русской речи, президент предпочел высказываться через переводчика – своего помощника Г. Зарбалиева, но в переводе с русского не нуждался. Он утверждал, что всегда за приостановку боевых действий, «хотя бы на день-два», но критиковал Л. Тер-Петросяна: «он человек дипломатичный, обманывает». По его словам, после переговоров армяне всегда повышали свою боевую активность; так пали Шуша и Лачин. Тер-Петросян предлагает прямой контакт, переговоры, но их надо, мол, подготовить сначала на уровне экспертов, потом министров иностранных дел, а может, и премьер-министров и тогда поднять до уровня президентов.

В любом случае Азербайджан, говорил он, сможет пойти на подписание какого-либо соглашения с Арменией только при гарантиях США, Турции и России («чтобы можно было спросить, если не выполняют договор») и только в рамках и на принципах СБСЕ.

А. Эльчибей не раз подчеркивал, что он – выходец из народа, не дипломат, знает его чаяния, предпочитает играть честно, по-мужски, без уловок. Он предложил создать «микрзоны мира» на местах вдоль границы с Арменией (Казах, Акстафа, Тоуз, Садарак), но не вокруг НК. «Народ сам поймет друг друга, главное – начать этот процесс, раскрутить его».

К концу беседы президент «подобрел», выказывал расположение и дружелюбие: согласился с датой 9 августа, пообещал назначить свое доверенное лицо для оперативных контактов с нами (дня через три таким лицом был назван Надыр Мехтиев, с которым уже был знаком по встречам Минской группы в Риме и который исполнял роль моего «поводыря» в Баку).

Эльчибей стал отмечать перемены к лучшему в отношениях с Россией, заверять в стремлении к честным и дружеским отношениям с ней. Он с энтузиазмом воспринял мое сообщение о том, что МИД России подумывает, не проявить ли инициативу принять совместное заявление шести стран региона – РФ, АР, РА, Грузии, Турции и Ирана в пользу мирного решения всех спорных вопросов и создания здесь зоны добрососедства, стабильности и сотрудничества: «У меня самого были такие мысли. Главная забота, чтобы не было конфликтов».

В целом первая беседа с А. Эльчибеем произвела смешанное впечатление: было всего понемногу – и порывы к прямоте, и не-

искушенность в политике, и хитреца, и переменчивость настроения, и даже немного мистики. Эти загадки остались до дальнейших встреч с президентом Азербайджана.

В Нахичевани, куда мы прилетели с Панчехиным, нас ждала встреча с Г. Алиевым. Автономия была под двойным слоем блокады. Азербайджан с начала конфликта блокировал Армению и Нагорный Карабах, а армяне, в свою очередь, – Нахичевань (где их соотечественники, составлявших когда-то более трети населения, уже почти не осталось). Армения еще сохраняла выход на Грузию, Иран и на весьма недружественную ей Турцию, а Нахичевань – на Иран и Турцию.

Условия нашего пребывания в Нахичевани были примитивными, но сетовать не приходилось. Электроснабжение редко радовало жителей. Хорошо запомнилось, что, подобно туристам, мы варили чай на костре во дворе домика, где нас угощали.

Разговор с Гейдаром Алиевичем прошел в скромном помещении Верховного Совета НАР. Г. Алиев выстраивал свои беседы из трех частей (при прессе; в узком составе и наедине). В провинциальном центре журналистов было немного, на нашей беседе – трое или четверо. Затем им дали понять, что надо уйти. Остались с нами лишь помощники: фамилию его помощника не помню (через несколько лет повстречал его вновь на конференции в Берлине, где он отличился громкими и злобными выкриками в мой адрес).

Вначале проинформировал Г. Алиева о работе посреднической миссии России, усилиях СБСЕ по подготовке Минской конференции, трех первых встречах МГ, прошедших в Риме без продвижения вперед. Г. Алиев интересовался, насколько миротворческие усилия затрагивают Нахичевань, благодарил за передачу посреднических предложений России от 14 апреля и 12 июня 1992 г., а также предлагаемого нами графика мероприятий по приостановке военных действий.

Со своей стороны, он охарактеризовал обстановку в республике. По его словам, в течение конфликта в НК ситуация в Нахичевани оставалась до последнего времени нормальной, даже более или менее стабилизировалась с сентября 1991 г., когда он стал здесь председателем меджлиса: любые стычки на армяно-азербайджанской границе, захваты заложников, инциденты на железной дороге Баку–Нахичевань он разрешал по телефону с президентом Армении Л. Тер-Петросяном.

Но с начала мая 1992 г. ситуация резко ухудшилась из-за выдвигания армян на границе в районе поселка Садарак (14 тыс. жителей). Контакты с Тер-Петросяном позволили частично урегулировать обстановку, но с 18 мая она вновь серьезно деградировала и остается сложной. Продолжаются обстрелы Садарака, есть жертв

вы. Армяне захватили прилегающие пограничные высоты на территории Нахичевани. С января 1990 г. занят азербайджанский анклав в Армении – Кярки. Постоянно обстреливаются села на севере и востоке Нахичевани (Бузгов, Кярмачатах, Шада, Батабад). Идут перестрелки и на границе Ордубадского района НАР с Мегрийским районом Армении.

Г. Алиев подчеркнул, что не раз предпринимал попытки прекратить кровопролитие. Во избежание взаимных обвинений из-за того, кто начал очередную перестрелку, Л. Тер-Петросян предложил пригласить иранцев на роль международных наблюдателей на границу Армении, но только с Нахичеванью. Еще не получив его согласия, армяне начали консультации с иранцами. А с ним обсуждали этот вопрос в весьма необычной форме – по телефону из кабинета Ашота Манучаряна, советника президента РА по национальной безопасности, в присутствии там посла Ирана.

Армяне предлагали установить 8 пограничных точек с 240 иранскими наблюдателями (по 30 в каждой). Г. Алиев не настаивает на международном наблюдении, уверен, что можно справиться своими силами. Он не согласен на участие одних иранцев, предложил пригласить и турецких наблюдателей. Это не устроило армян. Недели две назад он предложил подключить Иран, Турцию и Россию. Ответа от армян пока нет.

Потом Гейдар Алиевич сказал помощникам, что мы давно знакомы и хотелось бы поговорить один на один. Наедине он первым делом спросил, приехал ли я к нему по своей инициативе или с подачи Эльчибея. Ответил, что, конечно, по собственной, чтобы ознакомиться с обстановкой в этой зоне конфликта. Но, разумеется, не хотел подводить ни себя, ни его и согласовал эту поездку – возражений в Баку не было.

По словам Г. Алиева, недавно армянское руководство прислало ему проекты официальных договоров между РА и НАР (минуя Баку). Один из них нацелен на развитие приграничной торговли с участием РА, АР, Ирана и Турции: по инициативе иранцев предлагается создать на стыке границ некий «международный базар». Проект ему нравится, но политически осуществить его пока невозможно.

Он проинформировал спикера Милли меджлиса АР Ису Гамбарова о своих переговорах с Тер-Петросяном. Тот воспринял это одобрительно. Его же официальный Баку ни о чем не информирует – о происходящем в Карабахе, об усилиях международного сообщества он узнает лишь из СМИ (в Нахичевани принимались тогда канал Останкино и турецкое телевидение; Баку ежедневно присылал кассету с информацией за вчерашний день).

Г. Алиев высказался за прекращение блокады железной дороги Баку–Нахичевань–Ереван, по которой раньше шло 70–80% грузов

в Армению через Азербайджан. Даже заявил, что Баку больше блокирует его, чем Армению. Считает, что деблокада Нахичевани автоматически избавила бы от блокады Армению. Армяне готовы пропускать грузы на Нахичевань, находящуюся в тяжелейшем положении (не хватает топлива, электроэнергии, продуктов). Но есть силы, не желающие нормализации здесь обстановки.

По конфликту в НК он зачитал свое интервью «Известиям» от 29 июня 1992 г., где называл его военное решение тупиковым путем, призывал к решению политическими средствами с учетом территориальной целостности АР, побуждал руководство РА форсировать переговорный процесс.

Вернувшись к назреванию карабахского конфликта с 1988 г., он подчеркивал ответственность бывших и нынешних руководителей в Москве. Рассказывал, какие усилия предпринимал он сам, чтобы ситуация не вышла из-под контроля, но не был услышан тем руководством. Едко, весьма нелицеприятно говорил о Горбачеве, Лигачеве и других.

По оценке Г. Алиева, конфликт в Карабахе находится в апогее. Тут нет возможности использовать южноосетинский опыт разъединения сил. Идея совместных армяно-азербайджанских миротворческих сил абсурдна, ибо нет на свете армянина, который не болел бы за Нагорный Карабах. За него – армянское лобби во всем мире. Г. Алиев пробросил также, что не без оснований сложилось мнение, будто Москва помогает армянам.

В беседе наедине Г. Алиев не скрывал напряженных отношений с новым руководством в Баку, несмотря на то что он сыграл немалую роль в недопущении возвращения А. Муталибова к власти. Отмечал неблагодарное к себе отношение своих выдвиненцев – Везирова и Муталибова, их нежелание прислушиваться к его советам. Чтобы не допустить его избрания президентом, Муталибов пошел даже на введение возрастного ценза. Гейдар Алиевич утверждал, что имел широкую поддержку в Верховном Совете АР: около 200 депутатов готовы были поддержать его кандидатуру на пост председателя, что открывало бы ему путь для избрания затем президентом.

Но, по его словам, груз ответственности за 14 лет руководства этой союзной республикой и 6 лет руководящей работы в Москве, 68-летний возраст и сложное семейное положение (после смерти жены и сестры) побудили его не вступать в борьбу за власть в Баку, а остаться в Нахичевани. Здесь он автономен, практически самостоятелен. Вместе с тем давал понять, что его опыт намного шире этой родной ему, но небольшой республики и еще может быть востребован для более масштабной работы.

Г. Алиев сказал, что ожидает в скором времени дискредитации пришедшего к власти Народного фронта из-за некомпетентности

его руководящих кадров. С Эльчибеем он не разговаривал ни разу, даже по телефону. Отдельным деятелям НФА дал нелестные оценки (охарактеризовал Тофика Гасымова просто как неуравновешенного человека). Заявил, что не мешал приходу НФА к власти, чтобы эти люди могли показать, что представляют собой на самом деле. Это не заставит себя долго ждать, и тогда из Баку обратятся к нему за помощью.

Оба мы не скрывали удовлетворения новой встречей. Трехчасовая беседа в Нахичевани возобновила наши контакты, которые продолжались потом в телефонных разговорах по правительственной ВЧ-связи. Но почва для наших собеседований стала куда горячее, чем это было когда-то в Латинской Америке, а потом в Москве.

Прямая встреча в Москве (7–8 августа 1992 г.)

31 июля 1992 г. в Риме перед очередным раундом МГ глава делегации АР Надыр Мехтиев изложил мне ряд соображений о мерах по подготовке к приостановке военных действий. Прежде всего, ссылаясь на неопределенность сроков учреждения миссии наблюдателей и времени созыва Минской конференции, он предложил отодвинуть дату приостановки военных действий с 9 августа на другой день в том же месяце и провести в Москве в первой декаде августа встречу личных представителей президентов АР и РА для того, чтобы определить новую дату приостановки и начать проработку нормализации армяно-азербайджанских отношений.

Для подготовки общественного мнения к повороту в сторону примирения Мехтиев предложил, чтобы президент Российской Федерации обратился к президентам Армении и Азербайджана с личным призывом прекратить военные действия в Карабахе и вдоль границы двух государств и нормализовать их взаимоотношения. Ельцин мог бы предложить им при его содействии встретиться с этой целью в одном из южных городов России и подписать там соглашение о приостановке боевых действий. В ответных посланиях президенты АР и РА выразили бы согласие с этим.

После подготовки экспертами этой встречи лидеров за 5–7 дней до нее проводится в присутствии мининдел России парафирование соглашения министрами иностранных дел и военачальниками, уполномоченными на то политическим руководством. По словам Мехтиева, этот запас времени нужен, чтобы склонить общественное мнение в пользу переговоров и мира. Он отметил также, что на соглашении о приостановке или прекращении военных дей-

ствий проставляются подписи авторитетных представителей армянской и азербайджанской общин НК.

На мой вопрос, можно ли рассматривать все это как предложение президента А. Эльчибея, Мехтиев уклончиво заверил, что такая схема действий будет приемлема для него.

Сомнений возникало немало. При всей внешней «грамотности» построения многоэтажной конструкции выхода на приостановку военных действий из этой схемы выширало заведомое затягивание сроков достижения этой цели и возможность сбоя на том или ином этаже.

Серия предложений Мехтиева вызвала сомнения в его состоятельности как партнера. С учетом его вихляний в высказываниях в Риме был вынужден там же уже 3 августа обратиться к нему с прямым вопросом, что из предложений 31 июля остается в силе и что отпадает, но четкости в ответах опять не было. Не означало ли это по сути просто уйти от обещанного А. Эльчибеем на 9 августа?

Заодно обратил его внимание на то, что Баку явно затягивал передачу нам конкретных замечаний по предложениям России, казалось бы, в целом одобрительно встреченным им. Так было и с предложениями от 12 июня о неотложных мерах по деэскалации вооруженного конфликта и нормализации жизни мирного населения, и с предложенным нами графиком конкретных мероприятий по подготовке к приостановке военных действий. Причем по обоим документам от Еревана и Степанакерта уже были получены замечания – не было ответов только от руководства АР.

Сомнения насчет изложенного Мехтиевым возникли и у первого замминистра А.Л. Адамишина. С другой стороны, прямые контакты сторон конфликта еще были редкостью, и мы все же пошли на организацию сравнительно высокой встречи в Москве.

7–8 августа 1992 г. в здании МИД России впервые за годы конфликта состоялась встреча личных представителей президентов АР и РА Н. Мехтиева и Давида Шахназаряна. С Мехтиевым мы вместе только что вернулись из Рима (из-за затянувшегося раунда Минской группы даже сдвинули встречу в Москве с 6 на 7 августа), а Шахназарян специально прилетел из Еревана.

Однако тематика их обсуждений в эти два дня резко сузилась по сравнению с римскими предложениями Мехтиева, что подтвердило нам сомнения в этом партнере. При нашем содействии ими был выработан проект соглашения «О мерах по прекращению огня и военных действий в северных районах армяно-азербайджанской границы». В полном заглавии проекта этого соглашения, несмотря на его многословность, сразу была обозначена конечная задача – «с целью создания необходимых условий для начала процесса урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе». На-

мечалось подписать это соглашение в Сочи примерно 18–20 августа и ввести в силу с 22 августа, что было бы первым шагом к карабахскому урегулированию.

Соглашением охватывалась значительная часть границы (около 300 км), где было немало столкновений и обстрелов. Предусматривалось создание смешанной комиссии из представителей сторон и России как посредника, которая попеременно собиралась бы в Берде и Таузе, а также приглашение наблюдателей СБСЕ. Мехтиев пытался включить в соглашение и Нахичевань, но это было отложено. Намечалось позднее охватить и «другие зоны конфликта», то есть НК. Это явно было отговоркой со стороны Баку – там вообще пока не хотели ограничивать военные действия в НК.

Проект соглашения был направлен в Баку и Ереван на одобрение (по совпадению как раз 8 августа был захвачен азербайджанцами небольшой армянский анклав Арцвашен). После предварительного одобрения Азербайджан и Армения должны были сообщить Действующему председателю СБСЕ и председателю Минской конференции, что готовы через несколько дней подписать такое соглашение и попросить срочно направить наблюдателей из США, России, Германии, Италии, Швеции и Чехословакии. Одновременно они должны были обратиться к А.В. Козыреву и Дж. Бейкеру с просьбой оказать содействие в скорейшем решении этого вопроса в СБСЕ.

Мехтиев и Шахназарян исходили при этом из того, что Россия могла бы первой положительно откликнуться и прислать своих наблюдателей по линии СБСЕ, что привело бы к немедленному (через двое суток после прекращения огня) направлению российской передовой группы наблюдателей на эту границу. Все мы идеализировали СБСЕ, полагая, что можно так быстро согласовать в Вене направление наблюдателей.

Не обошлось и без курьеза. Представители обоих президентов предъявили претензии к МИД России за утечку информации об их встрече в Москве, ибо это может активизировать «ультрапатриотическую» оппозицию в Баку и Ереване. Они обратились с настоятельной просьбой не допускать более утечки до подписания соглашения.

Но до этого дело так и не дошло – выявились проблемы посерьезнее: Баку просто замотал ответ на предложение подписать соглашение. Армяне проявили готовность к его заключению, но были меньше меня удивлены позицией Баку. Причина была не только в неразберихе в администрации Эльчибея, но и в ревности министра иностранных дел Тофика Гасымова ко всем вторжениям в ту сферу, которую тот считал исключительно своей (хотя у Мехтиева

был статус представителя президента Азербайджанской Республики). Та же история дважды была в начале 1993 г. с Х. Гаджизаде.

Хандра: МГ для урегулирования или наоборот?

Осень 1992 г. запомнилась продолжением усилий МГ в целях приостановки военных действий и двумя «побочными», без ее участия, попытками остановить кровопролитие (Алма-Ата, 27 августа и Сочи, 19 сентября). Порыв свернуть военные действия сам по себе был похвален, общий вектор усилий верен, но исполнение неудачно, а быстрый срыв алма-атинского меморандума и сочинского соглашения даже поучителен.

Для МГ договоренность в Алма-Ате о прекращении огня, но лишь на армяно-азербайджанской границе, была явной неожиданностью. Н. Назарбаев будто бы давал понять армянам, что его инициатива идет в русле усилий МГ и якобы согласована с Б. Ельциным, но вряд ли это верно. Правда, 25 августа замминистра Казахстана Курмангузин доверительно сообщил мне по ВЧ об инициативе своего президента и предстоящих встречах сначала министров, потом президентов Армении и Азербайджана. Цель казахской инициативы – приостановка военных действий и развод противоборствующих сил. Но от более предметного изложения и плотного взаимодействия он явно ушел.

Реакция в МГ на алма-атинский меморандум была неоднозначной.

Исходя из понимания самого главного (любое свертывание военных действий на пользу делу), делегация России в принципе положительно отнеслась к этой попытке, хотя ее недостатки были очевидны. Для нас не было принципиальной разницы – кем достигнут сдвиг. Лишь бы был достигнут! Лишь бы грамотно и надежно, хотя последнее больше зависело от сторон, чем от посредника. Тот, кто считал, что важнее всего прекратить кровопролитие, не мог ревниво воспринимать меморандум Алма-Аты.

Концептуально мы исходили из принципа взаимодополняемости и взаимной поддержки усилий, а не чьей бы то ни было монополии на урегулирование. Из этого исходило тогда и само СБСЕ в решениях по Карабаху: оно прямо призвало государства региона, особенно Казахстан и Российскую Федерацию, продолжать усилия в целях прекращения огня и содействовать переговорам в рамках СБСЕ. Взаимодополняющие усилия приветствовались в решениях 7-го заседания КСДЛ от 28 февраля 1992 г. и Хельсинкской дополнительной встречи СБСЕ от 24 марта 1992 г. (пункт 6).

Когда есть несколько посредников, важна взаимная воддержка, особенно поддержка всеми усилий того, кто достиг сдвига, а не ревность и тем более не помехи ему. Но это идеалистическая постановка вопроса. В политике и дипломатии это дается тем, кто искренне нацелен на искомый результат, а не на попутные приобретения под вывеской посредничества. Кроме того, редко удается решить конфликт одним махом. Поэтому нельзя пренебрегать шансами добиться его деэскалации, постепенного свертывания, частичных подвижек, даже если они достигнуты иным посредником.

Москва вела работу над прекращением боев и на границе Армении и Азербайджана. Уже упоминалась встреча 7–8 августа 1992 г. в МИД России (за три недели до Алма-Аты) личных представителей президентов АР и РА – Н. Мехтиева и Д. Шахназаряна и выработанный ими при нашем содействии проект соглашения по армяно-азербайджанской границе.

К сожалению, команда Эльчибея отошла от этих договоренностей. Мехтиев намекнул мне 21 августа, что воспротивился мининдел Т. Гасымов. В Алма-Ате Д. Шахназарян напоминал им обоим насчет согласованного в Москве, но тогдашний мининдел АР Гасымов резко был против (он вообще воспротивился посредничеству Москвы, не одобрял контакты Мехтиева и Гаджизаде с Россией. Отсюда подключение Казахстана. Гасымов не пожелал даже, чтобы в меморандуме была ссылка на Железноводск, поскольку Назарбаев был там вместе с Ельциным).

Но вернемся к Алма-Ате. Возможно, сторонам сгодились там что-то из московских заготовок. Но все же меморандум был недостаточно проработан, не был четок в фиксации договоренностей. Министры АР и РА «подтвердили готовность своих государств прекратить военные действия в соответствии с призывом МГ СБСЕ с 1 сентября и предпринять практические шаги по реализации его положений». То есть речь шла не о прекращении военных действий, а лишь о готовности к нему. Ни слова в меморандуме о том, что это коснется лишь армяно-азербайджанской границы, а не главного фронта – в Нагорном Карабахе. Было еще две встречи сторон: 3 сентября в Иджеване подписан протокол, будто договоренность Алма-Аты выполняется. Но бои продолжались и на границе. До намеченного саммита трех президентов дело так и не дошло.

Ссылка на то, что «посреднические усилия Республики Казахстан предпринимаются в контексте миротворческих усилий СБСЕ, ее Минской группы в соответствии с духом и принципами этой организации», не спасла участников меморандума от резкой критики со стороны западных членов МГ, особенно итальянцев

и американца, весьма озабоченных престижем МГ, а точнее – собственной ролью в карабахском урегулировании.

На V раунде МГ 7–10 сентября в Риме в ходе неформальных консультаций они выплеснули свое раздражение. Алма-Ата запутала, мол, ситуацию: СМИ восприняли меморандум как достижение всеобщего прекращения огня; он покрывает лишь 5% проблем, а ставит, дескать, под удар все урегулирование. Западники были против выделения наблюдателей СБСЕ на границу. Мареска усмотрел в Алма-Ате подрыв доверия к МГ СБСЕ – зачем она тогда? По его словам, положительное решение даст лишь МГ, а Алма-Ате надо войти в нее либо отойти в сторону.

Жесткой критике подвергся Азербайджан за то, что Эльчибей все еще не давал согласия на приостановку военных действий в Карабахе на 60 дней, а на договоренность по границе пошел в обход МГ. Бомбежки жилых кварталов Степанакерта и другие нарушения Азербайджаном гуманитарного права не случайно в этом контексте обратили на себя больше внимания западников, чем обычно. Мареска настроился «дожать» Баку до приостановки военных действий. Было условлено направить новое послание Эльчибею по этому вопросу. Готовилось обращение к нему с призывом прекратить бомбардировки. На азербайджанцев падала вина в возникновении тупика в МГ. Их ситуация в Риме заметно осложнилась.

Но выручили их... армяне. Сломав выгодную для себя конъюнктуру, они опять стали добиваться «малого» статуса для НК, и сами подверглись критике. Карабахцы не одобряли Алма-Ату, ибо не были там представлены.

В итоге назревал первый кризис в биографии МГ. Кстати, итальянцы сетовали, что безрезультатно, впустую израсходовали уже около 2 млн. долларов на встречи в Риме.

Еще большим сюрпризом для западников (но неожиданностью и для меня) стало соглашение, заключенное в Сочи 19 сентября 1992 г. министрами обороны Азербайджана и Армении Р. Казиевым и В. Саркисяном при участии П.С. Грачева, В.П. Баранникова и Т. Китовани (всего пять подписей) о временном прекращении огня из всех видов оружия в полночь с 25 на 26 сентября. Объявлялся «мораторий на все виды военных действий между АР и РА по всей линии государственной границы и в районе Нагорного Карабаха сроком на два месяца». Намечался поэтапный отвод вооруженных формирований и всех видов вооружений. Было условлено ко дню прекращения огня обменяться протоколами о механизме отвода формирований и контроле за реализацией договоренностей.

«Подписанты» обратились к правительствам России, Грузии, Беларуси, Украины и Казахстана с просьбой направить наблюда-

телей, которые после прекращения огня будут размещены на границе и на территории НК вместе с представителями двух сторон для контроля за выполнением соглашения. Стороны обязались придать группе наблюдателей и представителей сторон контингент военнослужащих для обеспечения их личной безопасности. Было предусмотрено, что по предложению наблюдателей и при согласии сторон в необходимых случаях вводятся миротворческие силы. Без конкретизации предусматривалось также внести предложения руководителям государств о необходимости проведения ими консультативных встреч для выработки политических решений по урегулированию конфликта.

Ответственность за нарушения соглашения определялась советом наблюдателей (по два представителя от каждой стороны-наблюдателя). Свой порядок работы этот совет должен был определить сам на первом заседании.

Сочинское соглашение – продукт самодеятельности Минобороны РФ, самого Павла Сергеевича Грачева и его окружения. Он был самонадеян, ему льстила роль миротворца. О том, как безалаберно вел дела Б.Н. Ельцин, говорит тот факт, что его личный представитель по карабахскому конфликту, глава российской посреднической миссии (извините, что говорю о себе в третьем лице), прилетел в Баку 16 сентября для передачи А. Эльчибею личного послания президента России, не ведая о том, что Грачев уже собирает в Сочи министров обороны АР и РА. Ни инициатива заключить такое соглашение, ни его суть, ни круг участников не были проговорены с МИД России. А круг участников даже странен, будто собрали подписи всех, кто гулял там вместе.

По прилету в Баку в аэропорту Бина случайно встречаюсь и знакомлюсь с вылетающим куда-то министром обороны АР Рагимом Казиевым. Спрашивать, куда он летит, не будешь – у министров обороны много дел и немало деликатных. Ни он, ни Эльчибей ни слова не говорят мне о встрече в Сочи. И не обязаны. Могут полагать, что у русских голова все знает о своих телодвижениях – может, эдак координирует их... Если бы так!

Речь идет не об обидах или ревности, а о беспорядке в руководстве государством. Характерно, что Минобороны и задним числом, несмотря на наши неоднократные просьбы, тянуло с передачей текста сочинского соглашения в МИД России – нам быстрее удалось получить его у сторон!

Соглашение не учитывало усилий по линии СБСЕ, не предусматривало направления наблюдателей под его эгидой и за его счет. Армяне НК вообще не были им охвачены. Ряд положений сформулирован недостаточно четко, что могло создать проблемы при реализации. Был даже перл – призыв (без предварительной

проработки) к Украине, Белоруссии и Казахстану прислать своих наблюдателей (Грузия хотя бы была представлена в Сочи Тенгизом Китовани). Немудрено, что Киев, Минск, Алма-Ата и Тбилиси не только не стали выделять наблюдателей, но и были удивлены фактом такого обращения без какой-либо подготовки.

Зато в Минобороны было сделано все, чтобы через неделю отправить в зону конфликта 50 или 56 наблюдателей (точно не помню). 25–26 сентября в Москве состоялась встреча военных представителей России, Азербайджана и Армении и подписан соответствующий протокол. В ту же ночь наблюдатели были отправлены в зону конфликта и пробыли там около двух недель. Увы, прекращения огня так и не удалось достичь и пришлось их вернуть обратно.

Завидная оперативность Минобороны с размещением наблюдателей резко контрастировала с тем, какие ответы мы получали оттуда, когда просили выделить группу военных наблюдателей в связи с подготовкой к очередному соглашению о прекращении огня в Карабахе. Обычно первый замминистра обороны, начальник Генштаба М.П. Колесников формально отвечал нам, что данный вопрос мог бы быть рассмотрен только после длительного и прочного прекращения огня. То есть негоже даже рассматривать этот вопрос на опережение, как того требует обстановка при вооруженном конфликте. Причем так было при многих наших обращениях! А для своего министра-миротворца – пожалуйста, наблюдатели уже размещены!

Тем не менее, пока сочинское соглашение не рухнуло из-за несоблюдения приостановки военных действий, мы попытались было спасти его. Предложили считать его чисто военно-техническим (каким оно и должно было бы быть, если бы не амбиции министра обороны) и «накрыть» его другим, действительно политическим соглашением с устранением изъянов первого.

Начало 1993 года

Напомню, что в 1992 г. МГ дважды (в июле и августе) обращалась к президентам АР и РА и представителям НК с призывом приостановить военные действия сначала на 30, а потом на 60 дней. А. Эльчибей после длительной переписки с М. Раффаэлли дал в ноябре 1992 г. согласие и на 60, требуя, однако, «вывода иностранных войск» из НК и зоны Лачина в период этой приостановки, но до открытия МК (Ереван и Степанакерт со второго раза дали согласие на приостановку на 60 дней и потом подтвердили его).

Таким образом, с конца 1992 г. М. Раффаэлли имел согласие всех сторон, чтобы назначить дату приостановки военных действий на 60 дней, но не рисковал это делать (не было уверенности в серьезности обязательств сторон, все еще не был решен вопрос о наблюдателях СБСЕ).

Тогда с подачи Еревана, чтобы расшевелить деятельность МГ, были начаты встречи в более узком составе (АР, РА, РФ, США, Турция – так называемый формат «пятерки»). 7–9 декабря 1992 г. на такой встрече в Женеве были достигнуты важные договоренности по графику мероприятий и мандату наблюдателей СБСЕ, однако через неделю, 14 декабря, в Стокгольме под предлогом инцидентов на границе с Арменией азербайджанцы при поддержке турок отказались от них.

Положение зимой 1992–93 гг. в АР и особенно в РА – критическое. Баку не идет на прекращение огня, считая, что армянская сторона не выдержит труднейшей зимы. Азербайджанцы разочарованы в СБСЕ. Мининдел АР критиковал «молодую азербайджанскую дипломатию» за согласие с мандатом МК от 24 марта 1992 г.

3 января 1993 г. было принято совместное заявление президентов России и США по НК. Позитивно, но не слишком конструктивно отреагировал на него 7 января А. Эльчибей, несколько более гибко – президент РА и руководство НК.

На встрече в Москве 5–8 января 1993 г. в формате «5+1» (к «пятерке» присоединился итальянский председатель МГ) представители Баку и Анкары пытались продолжать линию на отрыв «пятерки» от МГ, добиваясь соглашения 5 стран о гарантиях России, США и Турции под какие-то неопределенные будущие договоренности между АР и РА. Это не встретило поддержки у остальных, и тогда они повели дело к срыву работы: Баку не одобрил оба согласованных в Москве документа (проект заявления 11 мининдел к их встрече в Париже и проект мандата наблюдателей).

В Москве нами был поставлен вопрос о необходимости обеспечить устойчивость мирного процесса, несмотря на колебания военной конъюнктуры. Сторонам переданы проект календаря взаимоувязанных мероприятий (от приостановки военных действий до открытия МК) и другие наши инициативы.

Турки тут же попытались назначить новую встречу в Стамбуле на 20–21 января, но Россия и Армения уклонились, и пришлось ее отменить. Тогда М. Раффаэлли смог совершить ранее намеченную на эти сроки поездку в регион. 21 января он посетил Анкару, 22–24 – Баку, 24 – Ереван, 25 – Москву и 26 января – Стокгольм для встречи с Действующим председателем СБСЕ. По просьбе Баку он перенес встречу МГ в Риме с 28–30 января на 22–25 фев-

раля 1993 г. В Москве Раффаэлли был принят А.В. Козыревым. А.Л. Адамишин устроил завтрак с ним. Итальянец высоко оценил посреднические усилия России, ее конструктивный вклад в работу МГ СБСЕ. Раффаэлли потом документально зафиксировал свою высокую оценку роли России в карабахском урегулировании.

Еще 21 января итальянцы сообщили, что мининдел Казахстана Сулейменов хотел бы направить на встречу МГ своего наблюдателя, и запросили членов МГ на этот счет. Мы приветствовали бы его подключение. Однако Рим в створе с Вашингтоном отказал в этом Казахстану, несмотря на то что тот дважды включался в дела карабахского урегулирования.

(Это не помешало потом Финляндии, Швейцарии и другим западным государствам стать полноправными членами МГ. В беседах с итальянцами мной была отмечена контрастность их подходов. Возможно, это и объясняет сдержанность Рима в отношении Великобритании, когда та зондировала свое вступление в МГ. Англия, не пожелавшая участвовать в МК в 1992 г., так и осталась единственной крупной державой в Европе за бортом МГ, несмотря на свои интересы в этом регионе.)

Встреча «пятерки» в Риме 22 февраля должна была создать почву для заседания МГ там же 26 февраля, то есть ее реанимации после полугодового перерыва (с сентября 1992 г.). Должны были обсудить доработанные проекты трех документов: заявления мининдел 11 государств-участников МГ и мандата передовой группы наблюдателей СБСЕ (оба обсуждались и были приняты в Москве 5–8 января 1993 г., но не получили одобрения в Баку), а также всеобъемлющий календарь минского процесса. Самым легким из трех казался скромный проект мандата, он не раз уже обсуждался на различных форумах СБСЕ и на неформальных встречах «пятерки». В том числе ранее был полностью согласован «пятеркой» в Женеве при участии самого Гасымова. С трудом всем удалось убедить его начать согласование с проекта мандата, который еще имел шансы пройти. Тем не менее Гасымов выдвинул ряд новых требований, часть из которых была заведомо неприемлема для армян (например, скорейшее разоружение и роспуск «нерегулярных формирований», то есть «сил самообороны НК», еще до МК). Кроме того, он внес альтернативные проекты заявления министров и календаря, а также дополнительно проект соглашения между АР и РА о прекращении конфликта. Армяне также создавали некоторые трудности при обсуждении, но были заметно гибче. После упорных многочасовых дискуссий, нескольких кругов обсуждения одного и того же в ночь на 26 февраля стала ясна невозможность найти развязки по двум-трем узловым вопросам.

Кончилось все сравнительно благополучно. Была достигнута первая существенная подвижка. Но до обсуждения в Риме других документов дело практически так и не дошло. В кратком интервью М. Ильинскому («Известия», 3 марта 1993 г.) мне пришлось сказать:

«Римская встреча проводилась в условиях обострения конфликта, определенной дестабилизации обстановки как в Азербайджане, так и в Армении, что вызвано военными неудачами азербайджанской стороны и трудной блокадной зимой в Армении.

Несмотря на возникавшие трудности, МГ одобрила проект мандата передовой группы наблюдателей для передачи его на рассмотрение Комитета старших должностных лиц СБСЕ. МГ намерена в ближайшее время согласовать календарь сбалансированных и взаимоувязанных политических и военно-технических мероприятий, которые позволят осуществить прекращение огня и приступить к полномасштабному урегулированию этого затяжного и ожесточенного конфликта.

На римском заседании российская делегация внесла ряд конкретных предложений, в частности о календаре мероприятий по прекращению военных действий, об оперативных правилах урегулирования».

Любопытно, что 11 марта «Президиум Верховного Совета НКР», заслушав отчет руководителя своей делегации Б.С. Арушаняна и члена делегации Г. Хачатряна о заседании в Риме 26 февраля – 2 марта, отметил, что «делегации, участвующие в работе межправительственных организаций, обязаны соблюдать государственную политику НКР», и поручил разрабатывать и утверждать документы ко всем таким мероприятиям по НК.

Гейдар Алиев – снова в Москве

В первой декаде февраля 1993 г. позвонил мне по ВЧ председатель Верховного Совета Нахичеванской Автономной Республики Г.А. Алиев. Поведал о тяготах экономического положения анклава. Девять месяцев блокады обострили дефицит, особенно плохо с мукой и мазутом. Получают продовольствие из Ирана, но очень мало. Оттуда же иногда немного дают электроэнергию. 70–80% леса вырублены на дрова. Кредит, предоставленный Турцией, на исходе. Он написал письмо Б. Клинтону с просьбой о помощи. Видимо, по его поручению 4 февраля в Нахичевань для ознакомления с ситуацией приезжал из Баку посол США Ричард Майлз. Но военно-политическую обстановку Г. Алиев охарактеризовал как более или менее сносную. В конце разговора он сообщил, что скоро навестит в Москве приболевшую дочь, а при проезде

в Баку, возможно, впервые встретится с А. Эльчибеем. В итоге договорились повидаться по его приезду и поговорить.

Прибыв в Москву, Г. Алиев позвонил и подтвердил, что 13 февраля у него была беседа с президентом АР. По его словам, весьма продолжительная (около 4 часов) и довольно содержательная.

15 февраля пишу проект докладной своему министру от имени его первого заместителя А.Л. Адамишина с предложением принять Г. Алиева на высоком уровне (варианты: А.В. Руцкой, А.В. Козырев, С.М. Шахрай, А.И. Вольский), а также устроить ему завтрак от моего имени как главы посреднической миссии России. Подчеркиваю в записке вес Г.А. Алиева в политической жизни Азербайджана (и по его статусу, и как известной в СССР фигуры). Отмечаю, что он сохраняет сравнительно нормальные отношения с Арменией и негласно поддерживает контакт с ее руководством (иногда через нас). Упоминаю о его непростых отношениях с президентом АР и встречах в Баку с А. Эльчибеем, а также с председателем Милли меджлиса Исой Гамбаровым (избавившись от русифицированной фамилии, он ныне – Иса Гамбар).

Подчеркнул, что Г. Алиев, несмотря на 70 лет, сохраняет политические амбиции, а основанная им партия «Новый Азербайджан» имеет определенные шансы на ближайших парламентских выборах. Пишу, что он готов конфиденциально встретиться с представителями руководства России (правда, просит учесть, что в Баку ревниво восприняли его поездку сюда, считают «агентом Москвы»).

Но, несмотря на все мои доводы, Анатолий Леонидович Адамишин засомневался в целесообразности приема Г. Алиева на предложенном уровне, пометил на проекте записки «Не уверен» и не стал представлять ее министру.

Благо, был у меня еще один куратор, уже по страноведческой линии – Виталий Иванович Чуркин, другой заместитель министра, занимавшийся тогда Закавказьем (ныне представитель России при ООН). Переделываю проект докладной – уже от его имени – на более скромный запрос: свожу дело к тому, что в случае согласия министра выясним, не будет ли С.М. Шахрай готов принять Г. Алиева.

Чуркин подписывает докладную, а на следующий день, 16 февраля, получает сердитые каракули Козырева без какой-либо реакции по существу предложения. Помощники министра еле расшифровали его надпись Чуркину: «Прошу представлять бумаги с четкой постановкой вопросов и указанием времени предполагаемых мероприятий, а не загадки».

Не совсем понятно, отчего столько раздражения, но прием Г. Алиева на должном уровне срывается. Остается лишь устроить ему ланч от моего имени. Виталий Иванович, «подставленный»

мной, но тоже недоумевающий, пишет свое «Согл.» на бумаге о проведении завтрака с Гейдаром Алиевичем.

Сомнения Адамишина и раздражение Козырева не смею прямо приписать их осведомленности насчет неприязни Б.Н. Ельцина к Г. Алиеву, но и исключить этого не могу. Как известно, в «Исповеди на заданную тему» будущий президент РФ крайне жестко отозвался о Гейдаре Алиеве. Он писал, что Горбачев «долго не хотел решать вопрос с Г.А. Алиевым, когда всем уже было ясно, что держать этого погрязшего в мелких и крупных корыстных делах человека в составе Политбюро просто невозможно. Я специально пришел к Горбачеву с папкой документов и почти час уговаривал: Михаил Сергеевич, стыдно сидеть вместе с ним, мы не можем так позорить Политбюро. Так он меня тогда и не послушал. Правда, в конце концов, Алиева отправили на почетную персональную пенсию. Но почему надо было так долго решать эту кричащую, однозначно решаемую проблему?!»

Звоню Гейдару Алиевичу, чтобы пригласить на ланч в особняк МИД России на Спиридоновке (как раз рядом с домом, где жила его дочь). Принимаемая приглашение, Гейдар Алиевич намекнул, что стоило бы позвать кого-нибудь из секретариата Б.Н. Ельцина с учетом интереса, который может представлять его первая беседа с А. Эльчибеем в Баку.

Тематически это было ближе всего Дмитрию Борисовичу Рюрикову, помощнику президента по международным делам. На мое предложение принять участие в нашем завтраке он не стал отвечать сразу (видимо, счел нужным доложить или посоветоваться), но потом отзвонил и уклонился.

На следующий день часа за два до ланча, назначенного на 13.00, по каким-то делам зашел я в секретариат министра и застал там переполох: его сотрудники выясняют, кто устраивает завтрак с Г. Алиевым. Потом мне объяснили, что только что министру звонил помощник президента Виктор Васильевич Илюшин и выплеснул раздражение тем, что в МИД вздумали чествовать Гейдара Алиева, устраивая ему завтрак, и велел принять меры. А.В. Козырев и его аппарат уже успели забыть о вчерашней записке Чуркина, а тот и не стал докладывать министру о ланче (для этого было достаточно согласия его зама). Министр устроил разгон помощникам. Совершенно случайно в этой суматохе выяснения дел я и застал их.

Моя «сознанка» в устройстве ланча здорово облегчила им жизнь, но все осложнила мне. Моих резонов, что Г. Алиев уже приглашен и часа через полтора будет в особняке, коллеги и слышать не хотели, требовали немедленно отменить мероприятие. Мой порыв объяснить ситуацию министру был быстро подавлен черес-

чур категоричными выражениями его помощников. Пришлось подчиниться, хотя это никак не радовало.

Нужно было срочно найти и упредить Г. Алиева. Пожалуй, проще всего сослаться на то, что никто из секретариата президента не сможет подъехать сегодня, и предложить перенести встречу на другой день.

Звоню домой его дочери, а та сообщает, что отец где-то в городе и вернется только после обеда. Единственное, что остается, – выехать на место и заранее встретить Г.А. Алиева перед особняком, высказав ему свою версию прямо на улице. Хотя все это не очень элегантно, где-то у грани приличия...

Собрался уже выезжать на Спиридоновку, как вдруг позвонил сам Гейдар Алиевич. Оказывается, из телефонного разговора с дочерью он узнал, что я его срочно разыскивал. Как мог, предложил ему отложить нашу встречу и созвониться дополнительно. Но вскоре Г. Алиев вернулся в Нахичевань.

В следующий раз увиделись мы с ним в Анкаре 20–22 апреля 1993 г. на церемонии похорон президента Турции Т. Озала. Среди иностранных гостей были как А. Эльчибей, так и Г. Алиев, а также Л. Тер-Петросян, Н. Назарбаев и многие другие. В состав российской делегации во главе с вице-премьером Г. Хижой включили и меня.

В траурной процессии по улицам Анкары я специально пошел рядом с Гейдаром Алиевичем. Хотелось ближе к истине пояснить ему срыв нашей встречи в Москве. Но он приостановил меня почти на полуслове: «Я все понимаю – не первый же год в политике». Какой-либо обиды, по крайней мере на меня, в его словах вроде бы и не было. Или он так искусно скрыл ее. Между нами еще долго сохранялись довольно добрые отношения, иногда мы продолжали созваниваться по ВЧ-связи Москва–Нахичевань.

В июне 1993 г. Г. Алиев даже перевыполнил мой скромный прогноз: вернулся к власти в Баку. Потом я напомнил своим начальникам нелепость всей этой истории с явно контрпродуктивной отменой встречи в Москве. Они и сами понимали это, но роптать, а тем более послушаться не могли, потому что Б.Н. Ельцин все еще был всесилен.

Остается не совсем ясным, что произошло после того, как Д.Б. Рюриклов доложил своему шефу о моем приглашении на завтрак с Г. Алиевым. То ли В.В. Илюшин в свою очередь доложил об этом Б.Н. Ельцину и получил команду пресечь затею с «чествованием Г. Алиева», то ли, зная мнение президента, он сам решил выдать сердитый звонок министру иностранных дел. Да принципиальной разницы нет. Как бы то ни было, пользы нам это не принесло, а некоторый ущерб – несомненно.

Еще один резон взвесить, насколько правомерно определять государственный подход лишь на основе личного мнения или каприза аж самого первого лица. А иначе, к сожалению, пока не умеем!

Российско-турецкая инициатива и ее крушение

В карабахском урегулировании было немало поучительного, полезного для учета и в других случаях. Например, довольно любопытна история так и не реализованной инициативы России и Турции – совместной поездки А.В. Козырева и Хикмета Четина в регион конфликта с единственной целью достичь прекращения огня.

Пока шла встреча Минской группы в Риме (22 февраля – 1 марта 1993 г.), где мы увязли в спорах о календаре миротворческих мероприятий, А.В. Козырев 1 марта принял в Москве министра иностранных дел Турции Х. Четина. Гость говорил ему о полезности сотрудничества двух стран в урегулировании конфликтов в Боснии и Нагорном Карабахе, даже предлагал каким-то образом институировать взаимодействие и особую ответственность обеих стран за безопасность в этих регионах. Россия и Турция, заявлял Четин, более, чем кто-либо, заинтересованы и могут успешно справиться с теми конфликтными ситуациями, которые не поддаются урегулированию на многосторонней основе. Он скептически высказался об усилиях на уровне экспертов в карабахском урегулировании и предложил, опираясь на политический авторитет руководителей двух стран, предпринять на высоком уровне совместные усилия, возможно, в форме посещения Баку и Еревана, чтобы на политическом уровне добиться прекращения огня и продолжить на техническом уровне обсуждение других проблем урегулирования.

Довольно неожиданно Козырев согласился посетить вместе с ним Баку, Ереван и добавил: «Возможно, Степанакерт» (Четин туда и не собирался). Он предложил немедленно начать для этого двусторонние консультации на уровне старших экспертов и в этой роли назвал меня. Обрадованный его согласием, Четин заявил: «Если нам удастся добиться хотя бы прекращения огня, то одно это уже будет огромной заслугой». И пригласил Казимирова в Анкару для начала консультаций. Четин предложил огласить план поездки, но Козырев высказался за то, чтобы сначала предметно выработать этот план.

Откровенно говоря, согласие Козырева на поездку вместе с Четиню в регион конфликта немало удивило меня. Начиная с заседания «восьмерки» в Риме в июле 1992 г. набралась масса подтверждений того, что Анкара не способна на конструктивную

роль в карабахских делах. Как раз три недели назад, 9 февраля, мне пришлось специально пригласить посла Турции в России Волкана Вурала, чтобы, сославшись на имевшуюся договоренность теснее взаимодействовать в карабахском урегулировании, высказать ряд укоров в адрес турецкой дипломатии (явная пристрастность в пользу Баку, ненадежность во взаимодействии, попытки оторвать «пятерку» от Минской группы, явные затяжки ответов на наши предложения, неиспользование своих возможностей для подсказок молодой бакинской дипломатии). Естественно, я доложил руководству нашего министерства об этой беседе.

Но решают министры, а не послы. Козырев поручил срочно представить план реализации российско-турецкой инициативы. Конечно, если министры добились бы незамедлительного и безусловного прекращения огня, то это позволило бы рассматривать проблемы урегулирования в более благоприятных условиях. Но нужно, чтобы с учетом опыта прежних нереализованных договоренностей о прекращении огня все стороны подошли к решению этой ключевой проблемы со всей ответственностью.

Четин с энтузиазмом развернул бурную деятельность, в тот же день на пресс-конференции в пресс-центре МИД России поторопился предать идею огласке, хотя еще ничего не было подработано. Он тут же посетил Баку в плане подготовки совместной поездки. По итогам визита он проинформировал Москву, Вашингтон, Париж и Лондон, что президент АР А. Эльчибей в общем виде приветствовал инициативу России и Турции.

В интервью турецкой газете «Хюрриет» Эльчибей заявил, что работа Четина по решению карабахской проблемы заслуживает присуждения Нобелевской премии мира, и предложил, чтобы наряду с Турцией и Россией гарантами соглашения о прекращении огня выступили США. В этом интервью никаких условий для прекращения огня он не выдвигал, кроме необходимости механизма наблюдения за ним.

Однако 10 марта посольство США в Анкаре передало в МИД Турции сомнения Госдепартамента в целесообразности инициативы Козырева–Четина. На следующий день госсекретарь США У. Кристофер высказал это и в телефонном звонке самому Четину. Тот оправдывался: эта инициатива нацелена, мол, не на подрыв минского процесса, а на придание ему импульса, ориентирована, прежде всего, на прекращение огня. Чтобы сгладить ситуацию, Четин приветствовал и возможное подключение США к этой инициативе в той или иной форме. После этого МИД Турции стал торопить меня с приездом в Анкару.

Перед консультациями с турками я доложил Козыреву, что, если не получу иных указаний, намерен сосредоточить все усилия

на достижении безусловного прекращения огня и предложить туркам особо поработать с Баку, при понимании, что мы поработаем с Ереваном и Степанакертом. Министр согласился с этим. 15 марта мы передали в Анкару два материала: сжатый – для министров и более развернутый – для экспертов. В них были предусмотрены политические и организационные меры подготовки к прекращению огня, шаги по деэскалации боевых действий, оформление прекращения огня, военных и враждебных действий, а также меры по обеспечению его поддержания.

Встреча с турецкими экспертами уже не получалась в Анкаре, поскольку и нам, и им с 18 по 23 марта надо было быть в Женеве на неформальных консультациях «5+1». Там и состоялся в несколько заходов (один раз – пятичасовой) обмен мнениями по российско-турецкой инициативе с послом Сельджуком Коркудом и заведомо Закавказья МИД Турции Чанданом Азером.

Вдруг нам предстает совсем иная картина, чем та, что рисовал Четин в Москве. Теперь в понимании турок цель совместной поездки двух министров вовсе не только прекращение огня, но и кое-что другое – уход армян с занятых территорий. Практически это возвращало дело к известным требованиям Азербайджана, главным из которых был уход армянских формирований из зоны Лачина в обмен на обещание пропускать через коридор гуманитарную помощь из Армении под наблюдением СБСЕ (хотя как раз проблема Лачина не позволила перед этим согласовать календарь взаимоувязанных мероприятий на период после приостановки военных действий).

В Женеве уже просматривались контуры подхода участников «пятерки» к российско-турецкой инициативе. Азербайджан выжидал, проявляя заинтересованность не столько в прекращении огня, сколько в повышении роли Турции в этих делах. Армения как раз поэтому была настроена резко негативно. Несмотря на очевидный риск, турки взвинчивали ожидания вокруг намеченной поездки. США опасались, как бы не выпала эта инициатива из минского процесса, не превратилась в нечто самостоятельное. И лишь мы были озабочены выработкой реалистической основы для поездки министров.

Тем временем мне сообщили из Москвы, что Четин в письме Козыреву от 16 марта счел, что в российских предложениях слишком детально проработаны основные элементы подготовки, осуществления и поддержания прекращения огня. В связи с этим замечанием пришлось написать в Москву, что как раз и нужна детальнейшая проработка заранее всех аспектов прекращения огня – уже вполне достаточно попыток решить этот конфликт с наскока, хватает срывов из-за недоработки неизбежных вопро-

сов. Позиция турецких экспертов помогла раскрыть туманные формулировки Четина насчет того, что документ к поездке должен отражать «фундаментальное понимание основных предпосылок компромисса». Проще говоря, Четин после визита в Баку отошел от позиции, занятой в Москве, и подрядился добиваться «размена» прекращения огня на удовлетворение требований Азербайджана. Будто в прекращении кровопролития были заинтересованы лишь одни армяне...

Любопытной была и аргументация турецких коллег. Коркуд и Азер утверждали, будто под прекращением огня Четин «само собой» всегда понимал и выполнение ряда требований, поэтому ни о каком безусловном прекращении огня не может быть и речи. Оно было бы, мол, равнозначно «сдаче» азербайджанцев; армяне должны, дескать, разменять Лачин на мир. Они называли это «основополагающим элементом». Даже намекали нам, насколько рискуют сами, не настаивая при этом на уходе армян из Шуши.

Совершенно очевидно, что если при известном равновесии сил на поле боя одна сторона не желает безусловного прекращения огня, а пытается увязать его с выполнением своих требований, то таким же образом поступит и противостоящая ей сторона, выдвинув свои условия. Нетрудно было догадаться, что в ответ на требования по Лачину армяне тут же выставят «встречный иск» по Шаумяну и Мардакерту. Вместо того чтобы остановить кровопролитие без всяких условий для рассмотрения спорных проблем в более благоприятной обстановке, мы опять завязнем в поисках сложнейшего баланса интересов, в порочном кругу полемики и тяжб, а кровь будет продолжать литься. Крутой вираж Анкары подтвердил ненадежность партнерства с ней и сразу поставил под вопрос смысл поездки двух министров в регион конфликта.

В конце марта и самом начале апреля, будто по инерции, мы еще продолжали в Москве работу над тремя вариантами итоговых документов. Как программу-максимум готовили проект соглашения между Азербайджаном и Арменией о недопущении инцидентов на армяно-азербайджанской границе и содействии мирному урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе в рамках Минской конференции ОБСЕ; как нечто среднее – совместное заявление президентов АР и РА; как минимум – итоговые коммюнике о миссии двух министров.

4 апреля в Женеве (в дни новых неформальных консультаций «5+1») мы провели еще одну подготовительную встречу с Коркудом и Азером, уже весьма осложненную захватом Кельбаджарского района армянами. Настрой партнеров был безрадостным, но они еще пытались спасти поездку двух министров. Почти заклинали нас: отказаться от этой идеи невозможно, министры взяли на себя

обязательство; оно под пристальным вниманием общественности, отказ равнозначен провалу. И т.п. Но теперь для прекращения огня в их понимании нужен был еще один «основополагающий элемент»: уход армян не только из Лачина, но и Кельбаджара. Но потом было и нечто похожее на раскаяние – мой партнер в МИДе Турции по карабахским делам Омэр Эрсун пробросил однажды, что надо было действовать, как договорились в Москве («as agreed in Moscow»).

Окончательно идея совместной поездки отпала вскоре после взятия армянами Кельбаджарского района и провозглашения Б.Н. Ельциным 8 апреля миротворческой инициативы России (насколько помню, Козырев в письме Четину изложил потом свои доводы в пользу того, чтобы отложить ее до лучших времен). Рождение ребенка, долгожданного и заранее разрекламированного, так и не состоялось – произошел «выкидыш».

Вся эта история поучительна во многих отношениях.

Во-первых, это урок реализма, столь важного в посредничестве, – незаменимость чуткого понимания того, что в данной конкретной ситуации необходимо и достаточно. Надо знать меру, чтобы не перегружать лодку.

Во-вторых, это подтверждение приоритетности прекращения кровопролития (практически для любого конфликта). Всегда независимо от каких-либо других условий надо делать все возможное, чтобы остановить огонь, прекратить военные действия (в крайнем случае, приостановить боевые действия на какой-то срок – желательно на месяц, два или три). Даже в неблагоприятных условиях это окупится тем, что позволит перейти к решению других задач в более спокойной, более рациональной атмосфере (как однажды очень верно выразился сам Четин, «остальное можно потом»). Конъюнктурные колебания обстановки на фронте не должны отвлекать от этой цели. Позывы сначала отыграться на поле боя не приближают к ней, могут привести к эскалации конфликта и наверняка дорого обойдутся собственному народу.

В-третьих, азбучно, что в поисках прекращения огня необходима детальнейшая проработка различных аспектов этого крайне важного и деликатного мероприятия, а вот досрочная реклама шагов к мирному урегулированию конфликта не только излишня, но и, как правило, противопоказана, поскольку при срыве даст совсем обратный результат.

В-четвертых, одной из изначальных помех плану совместной поездки были расхождения между Москвой и Анкарой в понимании конфигурации конфликта. Москва считала его трехсторонним, а Анкара, подыгрывая Баку, не желала признавать Степанакерт стороной конфликта (поэтому Четин не хотел посещать НК и вначале не одобрял поездки туда Козырева даже в одиночку).

В-пятых, практически невозможно выступать посредником тому, кто не в силах подняться до беспристрастности по отношению к конфликтующим сторонам, ибо связка с одной из них почти неизбежно деформирует основу посреднической акции, доводя ее до неприемлемости для противостоящей стороны (так стремление подыграть братскому Азербайджану лишило Четина возможности выступить с потенциально полезной инициативой и приподнять роль Турции в этом урегулировании).

Конечно, нельзя сказать, что если бы турки не выдумали «основополагающих элементов» (не пристегивали бы к прекращению огня уход армян из Лачина), то совместная поездка двух министров уже успела бы состояться, они добились бы реальной цели – прекращения огня и таким образом предотвратили бы захват Кельбаджара. Тут слишком много «если»...

Но логика верна: прекращение военных действий – единственный надежный способ избавления от неприятных сюрпризов на фронте. Анкара, видимо, сама этого недопонимала и не смогла вручить Баку – убедить его, что нельзя упустить этот шанс. То ли по просьбе Баку при обсуждении Х. Четинум с А. Эльчибеём идеи совместной поездки двух министров, то ли из собственного желания «услужить» ему? Как это Четин всегда «само собой» подразумевал под безусловным прекращением огня и одновременное решение иных вопросов при очень сложном раскладе спорных проблем? Оставляю все это как темы для исследователей и историков, прежде всего турецких и азербайджанских.

Сначала – ограничения военных действий

Основной размах военных действий, особенно наступательных операций в НК и вокруг него, пришелся на 1993 год. Это несколько не умаляет важности событий вокруг Шуши и Лачина (май 1992 г.) и наступления азербайджанской армии летом того же года на территории бывшей НКАО, а также обоюдоострых боев зимой и весной 1994 г., незадолго до перемирия 12 мая.

В целом 1993 год прошел под знаком военной активности армян. В конце марта они захватили Кельбаджарский район, широко сомкнув Армению и НК. Летом армяне обложили, а затем заняли два важнейших опорных пункта азербайджанских войск у восточных границ НК – города Агдам и Физули, а на севере – Мардакерт. Затем армяно-карабахские войска нависли над юго-западными районами Азербайджана (Джебраил, Зангелан, Кубатлы), угрожая выйти на границу с Ираном по реке Аракс. В октябре 1993 г., воспользовавшись локальным нарушением прекращения

огня с азербайджанской стороны, они развернули крупное наступление и сначала отрезали, а затем захватили весь юго-запад АР.

Зимой 1993/94 гг. азербайджанские войска предприняли ряд попыток контрнаступления. Но они либо окончились неудачей (особенно в районе Кельбаджара), либо принесли лишь местный успех (например, в районе Горадиза, возле границы с Ираном).

* * *

Первый год деятельности МГ СБСЕ (с июня 1992 г.) показал нам, что она не способна эффективно выполнить роль посредника, прервать либо хотя бы сдержать расползание вооруженного противоборства на новые районы со всеми вытекающими последствиями: умножением жертв и материальных разрушений, нарастанием волны беженцев, усилением опасности интернационализации конфликта. Тем более что в МГ явно недооценивался бесспорный для нас приоритет прекращения кровопролития. Мы продолжали свою активность в этой группе, стремясь выправить ее курс и противодействуя попыткам западников использовать этот формат в своих геополитических интересах, прежде всего чтобы снизить влияние России в Закавказье.

В этой ситуации нам пришлось умножить собственные посреднические усилия, все активнее самостоятельно выходить на руководство конфликтующих сторон, побуждая их к обузданию пожара войны. Необходимо хоть пунктирно прочертить линию наших действий в целях прекращения огня с середины 1993 г. Разумеется, в жизни они переплетались с нашей работой в МГ, даже не всегда могут быть поняты в отрыве от нее.

Лето и осень 1993 г. вылились в целую череду временных прекращений огня или иных ограничений военных действий, достигнутых при прямом посредничестве России. То они быстро срывались, то удавалось продлить их на какой-то срок. Это была полоса надежд и разочарований, нервного напряжения и гнетущей усталости. Задачи, которые ставились нами поначалу, не были слишком амбициозными – было важно, чтобы стороны постепенно свыклись с тем, что, оказывается, можно не вести ракетно-артиллерийский огонь по городам или не стрелять хотя бы несколько дней.

Нельзя сказать, что мы четко понимали – скорее интуитивно чувствовали, – что чудес не будет, что нам не удастся решить проблему прекращения массового кровопролития одним махом, как рассчитывал в Сочи в сентябре 1992 г. министр обороны П.С. Грачев. Придется выходить на это через настойчивые попытки, наперекор нередким уклонениям сторон, а то и срывать ими достигавшихся непродолжительных в то время перемирий.

«Летопись» ограничения военных действий и прекращения огня в Карабахе может показаться довольно скучной, но без нее трудно понять, как удалось затем добиться длительного перемирия и относительной стабилизации обстановки в регионе конфликта. Растянутость этого повествования может извинить только то, что каждый день ограничения или приостановки военных действий сберег не одну человеческую жизнь. В основном это охватывает период с середины 1993 г. по май 1994 г.

Надо сказать, что на это время пришлось и серьезные внутренние потрясения в Азербайджане. Их контуры широко известны: драматический уход Абульфазы Эльчибея и приход к власти Гейдара Алиева, который возвратился из Нахичевани в Баку в связи с бурными событиями в Гяндже в начале июня 1993 г. 15 июня он стал председателем Верховного Совета АР, а после бегства Эльчибея 18 июня в Келеки – первым лицом в государстве (с 24 июня «осуществляющим полномочия президента Азербайджанской Республики»). Не стану вдаваться в ход событий в Баку (это отдельная тема), но все, о чем пойдет речь, происходило на этом фоне.

Первую существенную договоренность между конфликтующими сторонами посреднической миссии России удалось самостоятельно достичь 17 июня 1993 г. (буквально за несколько часов до побега Эльчибея из Баку). Это был период ожесточенных боев в районах Мардакерта, Аскерана и Агдама, упорных взаимных обвинений в наступлениях и обстрелах. Несмотря на неоднократные предостережения карабахским армянам (в том числе из Москвы) не пытаться воспользоваться внутривосточным кризисом в Азербайджане для активизации боевых действий, они не смогли избежать искушения и 12 июня начали наступление на центральном участке фронта. (Накануне С. Гусейнов отвел некоторые «свои» части с карабахского фронта из-за противоречий, возникших с Эльчибеем после кровавых событий 4 июня в Гяндже.) В то время азербайджанские войска активно использовали обстрелы и воздушные бомбардировки армянских населенных пунктов. Так, 17 июня очередному сильнейшему обстрелу подвергся Степанакерт.

Договоренность между сторонами, достигнутая в ходе наших телефонных разговоров с Баку и Степанакертом, была довольно скромной, но немало значила для жителей двух многострадальных городов, оказавшихся мишенями военных действий. Это было взаимное обязательство не подвергать обстрелам города Агдам и Степанакерт/Ханкенди.

Некоторое время назад я обнаружил, что хранившиеся у меня документы – полузабытые, но, можно сказать, исторические в этом

конфликте – стали безнадежно выцветать и желтеть, без шансов на восстановление. На некоторых листках уже почти не было возможно прочесть весь текст.

Из доступных нам в июне-июле 1993 г. средств передачи текстов на расстояние факсимильная связь была самой современной и быстрой. Телефонной связи – даже по ВЧ – хватало только для разговоров, уговоров, переговоров, а когда надо было почтче сформулировать предложения, достоверно донести их до партнеров в зафиксированной форме, тут уже надо было либо диктовать текст по ВЧ (но это не было надежно, поскольку зависело от того, как он записывался там, на том конце провода), либо передавать текст по факсу, что явно предпочтительнее. Электронная связь в те годы еще не была доступна для нас и наших партнеров даже в столицах развитых стран. Мы настолько широко пользовались факсом для передачи текстов, особенно в контактах с Баку, Степанакертом, а также Ереваном, что невольно создали новый жанр работы, который и прозвали в шутку «факсовой дипломатией».

Столь активное использование факса было вызвано и другими причинами. Стороны карабахского конфликта, как правило, уклонялись от проведения прямых встреч, будь то с участием посредника или без него. Свести их представителей за одним столом или хотя бы в одном месте для подписания уже согласованных документов стоило немалого труда и удавалось крайне редко. Помехой для прямого общения были и боевые действия сами по себе. Да и транспортные возможности в регионе конфликта были весьма ограниченными. А многое приходилось делать срочно и на дистанции, нередко прямо из Москвы. Поскольку стороны глубоко не доверяли друг другу, они нуждались в посреднике, чтобы поверить во что-то, а также чтобы иметь свидетеля на случай вероломства другой стороны. Правда, и посредник воспринимался сторонами нередко с осторожностью, каждая из них подозревала его в том, что он подыгрывает другой стороне. Поэтому и с ним в серьезных делах лучше было не ограничиваться телефонными разговорами, а получить письменные тексты, особенно для доклада начальству. Словом, причин было немало. Но главное все же в том, что жесткость позиций сторон делала их рабами собственной неуступчивости.

Увы, факсимильная бумага весьма недолговечна. Недавно я решил перепечатать текст первых документов, чтобы сохранить хотя бы самую их суть, пусть даже без изящества бланков и гербов, без «аромата» автографов.

Технология дистанционного общения между сторонами через посредника, когда он находился в Москве, была тогда, как прави-

ло, такой. На основе телефонных переговоров со сторонами – порой многочасовых – посредник составлял текст договоренности и в идентичной редакции отправлял его по факсу в Баку и Степанакерт на подпись. В случае согласия с формулировками стороны возвращали факсом подписанный документ в Москву, а посредник должен был затем для достоверности отправить его другой стороне. Примерно по той же схеме действовал посредник и тогда, когда в подобных договоренностях стала позднее появляться Армения в качестве третьей стороны в конфликте.

Конечно, далеко не всегда стороны подписывали текст в том виде, как присылал им посредник. Было немало случаев, когда та или иная сторона вносила свои поправки, что до подписания документа вполне нормально. Но иногда это делалось и при подписании, то есть явочным порядком, без проговора с посредником, без согласования через него или напрямую с другой стороной. Такой «творческий зуд» у представителей сторон обнажал изъяны политической культуры или по меньшей мере нехватку соответствующего опыта. Порой это были мелочи, не затрагивавшие самой сути договоренности, но в некоторых случаях такая «самодеятельность» сторон расшатывала, казалось бы, уже достигнутое устно принципиальное соглашение, а то и приводила к его провалу. К хрестоматийному примеру такого рода в середине декабря 1993 г. мы еще вернемся.

В июне 1993 г. карабахцы еще не пользовались формальным бланком, но у них была необыкновенно большая (диаметром 4,5 см) круглая печать с надписью «Нагорно-Карабахская Республика. Комитет самообороны» на армянском и русском языках. Текст, подготовленный посредником и подписанный карабахским военным руководителем, гласил:

«В случае согласия противоборствующей стороны немедленно взять на себя обязательство не подвергать обстрелам и бомбардировкам г. Степанакерт, мы со своей стороны немедленно обязуемся не обстреливать и не бомбардировать г. Агдам.

Командующий Армией обороны
Нагорно-Карабахской Республики С. Бабаян
17.06.93 г. 22 часа 30 минут».

И огромная круглая печать!

На бланке Министерства обороны Азербайджанской Республики, как подобает, значились государственные символы и адрес: 370601, г. Баку, проспект Азизбекова, 3. Вот полный текст первого документа из Баку:

«17 июня 1993 г. 23.00 ч.

МО Азербайджанской Республики. Факс 38-30-69 (8922)

Москва, факс 230-24-74 (095)

Министерство иностранных дел России

Г-ну Казимирову

В случае согласия противоборствующей стороны немедленно взять на себя обязательство не подвергать обстрелу г. Агдам, мы обязуемся не обстреливать г. Ханкенди.

Начальник Генерального Штаба

ВС Азербайджанской Республики С. Абиев».

Как только я получил подписанные факсы в своем кабинете на Смоленской площади, тотчас же перекрестно направил их сторонам в подтверждение документального оформления телефонной договоренности, достигнутой между ними в этот день: текст С. Абиева ушел в Степанакерт, а С. Бабаян – в Баку. Вскоре оба адресата подтвердили их получение, и, казалось бы, стороны должны были придерживаться этой договоренности.

Неслучайно в текстах от 17 июня не указано никаких сроков действия данной договоренности. Всякий раз, когда представлялась возможность, мы сознательно добивались от сторон бессрочных обязательств, стремясь поскорее ограничить или свернуть военные действия.

При сопоставлении текстов двух сторон бросаются в глаза их обычные препирательства насчет названия главного города Нагорного Карабаха. Но гораздо важнее другое: умолчание Баку насчет бомбардировок. Конечно, у армян практически и не было боевой авиации, а бакинцы явно не хотели отказываться от продолжения бомбардировок Степанакерта/Ханкенди (кстати говоря, бомбили его как раз в середине июня). В итоге на деле договоренность свелась к недопущению лишь ракетно-артиллерийских обстрелов Агдама и Степанакерта.

Правда, даже эта усеченная договоренность вскоре подверглась суровому испытанию, но вовсе не из-за своих несовершенств. Всего два дня спустя, 19 июня, тот же С. Бабаян, подписавшись на этот раз на бланке комитета самообороны Нагорно-Карабахской Республики, но уже как и.о. командующего, прислал мне по факсу уведомление за № 97 (привожу его в первоизданном виде, как говорится, в авторской редакции):

«Воспользовавшись предыдущей договоренностью между сторонами о взятии обязательств не подвергать обстрелу г. Степанакерт и г. Агдам, в настоящее время в г. Агдаме происходит скопление большого количества военной техники, в том числе установок

«Град», из которых подвергаются массированным обстрелам мирные населенные пункты Нагорно-Карабахской Республики.

От имени командования Сил самообороны НКР я вынужден предупредить, что в случае продолжения подобных действий мы предпримем ответные меры по подавлению огневых точек. Ответные действия будут предприняты ровно через 1 час после получения Вами данного послания.

Вся ответственность при этом ляжет на азербайджанскую сторону».

Естественная реакция на подобное уведомление – досада на дефицит у автора здравого смысла и грамотности. Но она быстро проходит, поскольку начинаешь понимать, что вряд ли тут дело только в этом.

Из этого «извещения» легко просматривается, как обе стороны норовили всячески переиграть друг друга. Причем в данном случае с азербайджанской стороны не было нарушения договоренности от 17 июня (ведь она сводилась лишь к недопущению обстрелов двух городов). Конечно, обстрелы и бомбардировки населенных пунктов прямо противоречат международному гуманитарному праву, но азербайджанцы не брали на себя обязательств относительно военных действий в иных зонах или насчет недопущения сосредоточения военной техники в том или ином районе. Если бы суть дела действительно была в этом, то карабахские руководители могли бы предложить расширить прежнюю договоренность, включив два таких новых обязательства. Но, видимо, это не входило в их планы.

Вряд ли состоятельно и «предупреждение» насчет «продолжения подобных действий». Несерьезность приведенной мотивации видна и из того, что у посредника не было ни малейшей возможности согласовать и решить на дистанции эти вопросы всего лишь за один час! Да и сам текст этого письма Бабаяна не оставлял сомнений в том, что речь идет о преднамеренном сломе прежней договоренности, лишь припудренным эпистолярными ухищрениями новоявленного карабахского военачальника.

Вот так непросто обстояло с первой договоренностью между сторонами. Правда, путем контактов с ними удалось кое-как удерживать ее на плаву. Армяне называли свои действия ответными мерами по подавлению огневых точек противника вокруг Агдама. В последующие дни обе стороны протестовали по поводу нарушений. Протесты рассматривались сторонами, обсуждались по телефону с МИД России; принимались некоторые меры для снятия взаимных озлобленностей. Тем не менее, военное командование сторон констатировало, что общая интенсивность боевых действий, а также использование тяжелых вооружений в этих районах на время снизились.

24 июня МИД России подчеркнул в своем заявлении недопустимость вмешательства извне во внутренние дела Азербайджана и важность реализации плана выполнения резолюции 822 Совета Безопасности ООН. Суть дела была в том, что США и особенно Турция, возлагая надежды на президента А.Эльчибея, в разных формах ставили под сомнение легитимность произошедших в Баку перемен, а в дальнейшем стали использовать как средство давления на новые бакинские власти и вопрос о правах человека, требовать освобождения арестованных представителей Народного фронта Азербайджана. Доходило до абсурдов: госдеп использовал даже такую формулировку, как «так называемые события в Гяндже».

25 июня проговорил я с военным руководством карабахских армян некоторые меры по ограничению боевых действий для снятия озабоченности сторон на направлении Аскеран–Агдам и в зоне Мардакерта/Агдере. И тотчас же направил Сафару Абиеву свои предложения о сбалансированном отходе карабахских армян и азербайджанских войск из ряда населенных пунктов и с некоторых высот в этих районах. Хотелось сбить накал боев, а также вернуть стороны на позиции 14 июня, когда Степанакерт последним из трех конфликтующих сторон дал наконец согласие на план минской «девятки», хотя и попросил о месячной отсрочке его выполнения. Однако к столь примирительным жестам стороны явно оказались не готовы (потом нам пришлось на какое-то время от подобных предложений отказаться). Но если карабахцы прямо сообщили, что в некоторых местах не могут пойти на отвод своих сил с занятых позиций, то азербайджанцы тянули с ответом (в итоге карабахские армяне заняли высоты вокруг Мардакерта, вынудив азербайджанцев покинуть его).

Не получив от С. Абиева ответа на свои предложения, был вынужден на следующий день, 26 июня, послать это же сообщение с пометкой «срочно» Гейдару Алиеву. Около 15 часов Г. Алиев сам позвонил из Баку главе посреднической миссии России и предложил оказать содействие в прекращении ожесточенных боев вокруг Агдама. По его словам, армяне вновь пытались окружить и захватить этот город. Занятый в эти дни разборкой «наследства» Эльчибея и улаживанием дел с лихим «полковником» Суретом Гусейновым, он подчеркнул, что в нынешней внутривнутриполитической обстановке в Азербайджане потеря Агдама привела бы к катастрофическим последствиям. Даже счел нужным заявить, что намерен самым конструктивным образом решать карабахскую проблему, будет в этом вопросе в тесном контакте с Ереваном, но сейчас нужна пауза в военных действиях.

При втором звонке в этот же день по ситуации вокруг Агдама Г. Алиев сообщил заодно, что хочет быстро заменить постпреда

Азербайджана в Москве. Гейдар Алиевич поинтересовался моим мнением о постпреде Хикмете Гаджизаде. Ответил ему, что, несмотря на принадлежность к Народному фронту, тот был достаточно гибок и конструктивен, довольно активно сотрудничал на переговорах в Москве о прекращении огня и военных действий. Рассказал, как при этом он дважды был дезавуирован из Баку. Выслушав, Г. Алиев охарактеризовал его все же как «человека с улицы» и высказал намерение назначить послом солидного представителя – профессора Рамиза Ризаева (член-корреспондент Академии наук Азербайджана, директор одного из институтов). Буквально тотчас же, в 17.11, Х. Гаджизаде сообщил в МИД РФ по факсу о приостановке своих функций без объяснения причин.

Докладывая А.В. Козыреву о разговорах с Г. Алиевым, отметил, что пытаюсь в контактах со Степанакертом и Баку приостановить военные действия в районах Агдама и Мардакерта, где шли ожесточенные бои. Сообщил, что продвигаем и более широкие посреднические предложения. К полуночи 26 июня удалось наконец достичь договоренности между сторонами о прекращении на одну неделю (то есть до утра 4 июля) упомянутых военных действий. Но датирована она уже 27 июня, поскольку обмен факсами был завершён около 2 часов ночи.

Вот первый текст, без комментариев:

«230-24-74. Москва, МИД России, г-ну Казимирову В.Н.

В случае подтверждения Вами согласия противоборствующей стороны, мы обязуемся сроком на одну неделю с 5.00 утра 27 июня 1993 года (воскресенье) прекратить любые наступательные операции и попытки продвижения вперед с линии соприкосновения, которая сложилась на вышеуказанный момент; любые ракетные, артиллерийские обстрелы, а также воздушные бомбардировки на всем участке боевых действий от села Мадагиз – на севере, до города Агдама – на юге. Эта договоренность вступает в силу сразу по получении упомянутого подтверждения.

Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Азербайджанской Республики полковник С. Абиев

27 июня 1993 года».

Тот же текст поступил к нам в 1.45 и 1.47 ночи из Степанакерта за подписью «командующего Армией обороны НКР С. Бабаяна». После перекрестной пересылки этих факсов в Степанакерт и Баку надо было еще убедиться в том, что оба подписанных текста там получены. На одном сохранилась моя приписка А. Гукасяну: «Как Вы получили текст С. Абиева? 27.VI 1.45. ВК». Заверений посред-

ника в том, что документ подписан и другой стороной, не хватало – каждая сторона хотела иметь зримое подтверждение этому хотя бы по факсу.

К сожалению, и договоренность от 27 июня устоялась не сразу. Утром еще продолжались обстрелы, возникали инциденты, и лишь к середине дня удалось наконец претворить в жизнь ночное соглашение.

В этот же период российский посредник, сталкиваясь с нередкими нарушениями то с одной, то с другой стороны, начал предлагать им систему мер по урегулированию возникающих инцидентов, чтобы даже в таких случаях обеспечить выживание достигнутых договоренностей. Эти меры предусматривали сообщение другой стороне по ВЧ или через МИД РФ конкретных данных о допущенном нарушении (его точное время и место, характер и последствия). Другая сторона должна была бы не позднее трех часов дать ответ в письменном виде, включая уведомление о принятых ею мерах. Когда подобное сообщение поступало в МИД России, мы были бы обязаны немедленно довести его до сведения другой стороны (в рабочие дни и часы – незамедлительно, в остальное время – как можно скорее).

Охотно обвиняя друг друга в нарушениях как подлинных, так и мнимых (нередко ради пропаганды), стороны не демонстрировали слишком большой готовности использовать механизм урегулирования инцидентов. Поэтому российскому посреднику не раз приходилось возвращаться к этому, настаивать на предлагаемой системе мер, «доводить» ее.

Вечером 27 июня с Г. Алиевым и Р. Кочаряном было условлено, что потом можно продлить и расширить только что достигнутую договоренность о приостановке наступлений, обстрелов и бомбардировок. 29 июня по договоренности с Г. Алиевым А.В. Козырев специально направил послание конфликтующим сторонам именно с таким предложением. Об этом послании были проинформированы Генеральный секретарь ООН, Действующий председатель ОБСЕ, члены Совета Безопасности и Минской группы. Мы всячески пытались добиться реализации достигнутого взаимопонимания, но безуспешно.

В развитие этих идей МИД России 2 июля передал сторонам новое предложение: продлить договоренность от 27 июня на целый месяц (до 4 августа) и распространить ее на зоны Гадрута и Физули, вызывавшие у сторон озабоченности. Мы предложили также не подвергать ракетно-артиллерийским обстрелам и воздушным бомбардировкам населенные пункты в радиусе 10 км от центра городов Агдама и Агджабеди, Аскерана и Мартуни (то есть по две расширенные зоны безопасности с каждой стороны), при-

чем не располагать ракетные установки и орудия в населенных пунктах или вблизи них. Оговаривался также порядок действий в случае нарушения договоренностей той или иной стороной. В случае принятия и выполнения эти предложения могли бы сбить накал военных действий в самых чувствительных для обеих сторон местах.

Степанакерт не принял взаимный отвод войск с нескольких недавно взятых высот и из занятых накануне сел, но с остальными предложениями был согласен. Дело было за азербайджанцами. Казалось бы, идея заранее проговорена с Г. Алиевым. Однако С. Абиев, несмотря на неоднократные напоминания, так и оставил наши предложения без ответа.

Между тем стали поступать сведения, что дипломаты США в Баку и Ереване принимали меры против продления и расширения договоренностей, достигнутых между Баку и Степанакертом при содействии МИД России, пытались подбить новое руководство Азербайджана, а также представителей Армении и Нагорного Карабаха содействовать реанимации «тройки» (Россия, США и Турция), несмотря на то что мы твердо сказали американцам, что продолжать работу в этом формате не будем.

Используя в качестве рычага давления вопрос о легитимности перемен в Баку, американцы побуждали Азербайджан выпячивать тройственную инициативу России, Турции и США, хотя та уже в июне была перекрыта «планом минской девятки». 2 июля Г. Алиев специально обратился ко всем странам мира, особенно к США, Турции и России как инициаторам мирных предложений, причем возложил на три государства главную ответственность за их претворение в жизнь. 5 июля он пригласил к себе послов трех стран и, сетуя на серьезное осложнение ситуации на фронте, особенно подход армян вплотную к Агдаму, призывал три государства эффективно содействовать достижению поставленных целей. Стоит отметить, что Г. Алиев уже изображал Россию, США и Турцию гарантами урегулирования конфликта.

С другой стороны, чего стоили оглашенные бакинской прессой упреки Г. Алиева в том, что будто бы ни одна из этих трех стран ничего конкретного не предприняла? (Это после ряда попыток России свернуть боевые действия и на фоне уклонения Баку от предложенных мер!). Перед лицом этих упреков и, мягко говоря, нечетких формулировок насчет обязательств и гарантий России, США и Турции пришлось направить советнику Г. Алиева – Вафе Гулузаде личное письмо, показав, что ни обязательств, ни гарантий пока нет, что нельзя смешивать роль посредника с ролью гаранта. Привел ему и перечень шагов, предпринятых Россией в июне и начале июля в интересах деэскалации военных действий.

В итоге предложенное нами месячное продление не было принято в Баку. Недельный срок действия договоренности от 27 июня истек 4 июля, и бои вокруг Агдама возобновились. Вскоре (буквально через три недели) это привело к захвату армянами этого стратегически важного пункта, транспортного узла и крупного города, в котором когда-то проживало около 30 тысяч человек. Причем потом азербайджанцы даже иногда утверждали, будто армяне нарушили при этом договоренности, замалчивая, что именно Баку не пошел на продление и расширение прежнего соглашения.

С Гейдаром Алиевым – наконец, в Баку

Первая встреча посреднической миссии России с Гейдаром Алиевичем Алиевым, вернувшимся из Нахичевани в Баку в начале июня и фактически вскоре взявшим там власть, прошла 20 июля 1993 г. Мы не раз общались с ним по правительственному телефону, иногда по его инициативе, но не сразу добились randevu с «новым» руководителем Азербайджана. Москва и в июне, и в июле предлагала направить в Баку личного представителя Президента РФ, но Г. Алиев оттягивал мой приезд. Все понимали, что ему вначале надо укрепиться; были и иные версии, но не будем гадать.

Да и обстановка на фронте была неустойчива. Относительные затишья сменялись методичным давлением армян. Их войска уже охватывали Агдам, контролировали высоты вокруг него. Через несколько дней, 23 июля, он пал.

Почти трехчасовая беседа с «осуществляющим полномочия президента Азербайджанской Республики» прошла в кабинете председателя Верховного Совета АР (еще не в президентском дворце, где прошли потом десятки наших встреч с ним). Вдоль продолговатого кабинета вытянут неширокий, но длинный стол. За ним – лица, служившие уже новому руководству Азербайджана, очищенному от явных сторонников Эльчибея. Среди них помню советника президента по внешней политике Вафу Мирзоевича Гулузаде, и.о. мининдел Альберта Алиевича Саламова и начальника управления международных организаций МИД АР Араза Беюкагаевича Азимова (ныне заммининдел АР). По другую сторону стола – мы с нашим послом Вальтером Александровичем Шонией и моим напарником по посредничеству С.А. Панчехиным. Недолго присутствовали журналисты.

Начали с воспоминаний о нашей поездке в Мексику, о пребывании в Анголе. Потом мы изложили Г. Алиеву нашу оценку урегулирования карабахского конфликта, разъяснили подходы России. Попросили также освободить шестерых граждан России,

захваченных в НК, в обмен на азербайджанских военнопленных у армян (по предложению последних).

«Новый» лидер Азербайджана подчеркнул, что готов поддерживать добрые отношения с Россией, гасить антироссийские настроения. «Моя стратегическая линия на этот счет ясна», – заявлял он. Отмечал, что связи с Россией со времен Петра I многообразны, что нельзя спустя 200 лет вдруг отвернуться от нее и дружить только с Турцией и США. «Хочу, чтобы здесь учитывались и интересы России. Я не допустил бы вывода российских войск», – заявил он. Достаточно сравнить жизнь азербайджанцев в Иране и в СССР, говорил он, и все встает на свои места.

По карабахскому конфликту Гейдар Алиевич занял несколько более гибкую позицию, чем А. Эльчибей и Т. Гасымов. Он с раздражением признал дезорганизованность, раздробленность и неэффективность азербайджанских вооруженных сил, их неспособность противостоять формированиям армян. Он согласился с необходимостью скорейшего прекращения кровопролития, но добавил к этому вывод армян из занятых ими районов. В отличие от прежних руководителей Азербайджана, он не обусловливал напрямую прекращение военных действий возвращением этих территорий, но настаивал, чтобы это делалось затем поэтапно, начиная с Кельбаджарского района. Признал, что скорейшее возвращение Кельбаджара помогло бы укрепиться новому руководству в Баку.

Г. Алиев оценил содействие России «малым» локальным договоренностям между Баку и Степанакертом и предложил продолжать их поиск с С. Абиевым, чтобы сохранить относительное затишье и «дотянуть» без новых крупных военных потрясений до того, как будет задействован план минской «девятки». В. Гулузаде заметил, что Запад не готов дать разъединительные силы и не хочет, чтобы это сделала Россия. Почему это? – прикинулся непонимающим Гейдар Алиевич.

Если бы сторонам потребовалось, сказал я им, в Москве могли бы рассмотреть такой вопрос. Однажды уже выражалась готовность, но не хотел Эльчибей. Условились с Г. Алиевым продолжать прямой контакт либо через его внешнеполитического советника Гулузаде.

Вместе с тем выявилось различие акцентов. Г. Алиев продолжал возносить тройственную инициативу России, США и Турции, выступал за скорейшее начало выполнения графика МГ, а я подчеркивал, что процесс уже ушел дальше: после ее встречи в Риме 3–4 июня график, предложенный ранее тремя государствами и преобразованный затем в план минской «девятки», был по нашему настоянию прямо подчинен выполнению резолюции 822 СБ ООН (мы выступили за это сразу после ее принятия 30 апреля 1993 г., но американцы и турки сначала противились этому).

Показывал, что эта резолюция и план минской «девятки» не одно и то же. Подчеркивал обязательность выполнения резолюции для государств-членов ООН, для всех сторон конфликта, причем полностью, а не выборочно. В подтексте нашей заочной дискуссии с МГ и тут были концептуальные расхождения: та стремилась корректировать военные действия, а мы – полностью прекратить их: иначе не решить трудные спорные вопросы.

Поскольку Степанакерт, ссылаясь на события в Азербайджане, предложил отложить на месяц выполнение графика (Раффаэлли дал согласие лишь на 6 дней, но пока не запустил его реализацию), важно было «дотянуть» до этого без новых потрясений на фронте. Отметил, что для этого надо продолжать заключать и выполнять «мини-соглашения», которые подписывались между Баку и Степанакертом при содействии России. Говорил о необходимости создания сторонами конфликта совместной контрольной комиссии (СКК) для подготовки и проведения деэскалации военных действий, подбора и назначения в нее военных представителей сторон, особенно если не будет развода войск и размещения разьединительных сил.

В посреднической работе иногда приходится «перепроверять» багаж аргументации сторон. Не раз пришлось приводить Г. Алиеву аргументы Р. Кочаряна (разумеется, не в их поддержку, а в поисках контрдоводов). Так, тот отмечал, что если азербайджанцы воздействуют на противника в основном огнем и бомбардировками, то карабахцы лишены таких возможностей (нет авиации, не хватает снарядов) и они прибегают к «рейдам», то есть наступательным операциям. По его словам, в Баку – разделение ролей: Г. Алиев за политическое решение, а С. Гусейнов за военное давление. Кочарян отмечал отсутствие прямых контактов с Баку; опасался, что после ухода армян из Кельбаджара азербайджанцы могли бы вновь развернуть боевые действия – поэтому необходим «ограниченный контингент по обеспечению безопасности».

Однако вместо контрдоводов аргументы Кочаряна вызвали растущее раздражение у собеседников и даже у нашего посла. Г. Алиев отвел опасения карабахцев насчет того, что азербайджанцы могут возобновить военные действия после возврата Кельбаджара. «Какая война после ухода армян из Кельбаджара?! Нам бы дух перевести!» – пробросил он. Г. Алиев больше своих предшественников выказывал готовность к отмене блокад («я сам натерпелся от них в Нахичевани»).

Помню, что обвинял Г. Алиев в основном Р. Кочаряна, а не Л. Тер-Петросяна, с которым поддерживал контакт из Нахичевани. Он считал, что прямые контакты со Степанакертом опасны его признанием. Разумеется, я высказывался за реализм – за признание НК стороной конфликта. Г. Алиев заметил, что ранее не учли это,

а теперь Баку надо время, чтобы разобраться. «А они на нас давят», – заявил он.

В целом этот разговор с Гейдаром Алиевым оказался довольно трудным, полемичным сначала в подтексте, а затем и напрямую, вязким, напряженным. Заметно отличался тональностью от наших прежних бесед – в Нахичевани, других местах или по телефону. На повышенных тонах он начал выплескивать на нас свое негодование наступлением армян. Взынченность была для него необычной – как правило, он был выдержан.

В какой-то момент гнев Гейдара Алиевича перехлестнул разумные пределы: встав со стула, он ходил за ним и пустился в крик почти истерично. Сгоряча он угрожающе возопил: «Задавим армян, задавим!». Не удержался и от выпадов в наш адрес. «За Нагорным Карабахом стоит Армения, а за Арменией – Россия, – кричал он, – иначе никто не захватил бы столько азербайджанских территорий». До сих пор вижу эту сцену.

Когда кричит руководитель не твоего государства, это не так страшно. Страшновато было совсем другое – как бы с ним самим не приключилось что-нибудь. Трудно сказать, то ли это просто был нервный срыв, то ли он показывал своему окружению, как жестко умеет отстаивать интересы страны и разговаривать с посредниками, в том числе с гонцами из Москвы. Мы держались спокойно, опасаясь лишь за него самого (правда, оставшись наедине, Гейдар Алиевич сам принес извинения за свою несдержанность).

На наших встречах такого больше не случалось. Однако непросто избавиться от впечатления, что, когда требовалось, Г. Алиев мог умело разыграть подобные сцены, компенсируя эмоциями нехватку весомых доводов. Сходное мнение приходилось слышать от тех, кто встречался с ним позднее по делам Карабаха (так было много лет спустя на беседе Г. Алиева с сопредседателями МГ: из-за возникшей сцены американец Рудольф Перина так и не смог отстоять перед ним вполне резонную идею. Вячеслав Иванович Трубников вынужден был деликатно притормаживать активность Перины).

Самое время подробнее, чем ранее, сказать о том, как Гейдар Алиевич выстраивал наши беседы. Как когда-то в Нахичевани, так и 20 июля в Баку и при многих наших дальнейших встречах он обычно проводил разговор в три этапа. Беседы с ним проходили, как восхождение от простого к сложному, от общего к частному, от абстрактного к конкретному. Сначала это была беседа в присутствии журналистов – открытая, напоказ прессе. В Баку набиралось по 10–15 репортеров, а то и больше.

Г. Алиев первую часть бесед, как правило, активно использовал для пропагандистского вещания, да и собеседники были вынужде-

ны отвечать взаимностью, хотя, конечно, поскромнее. Затем давали понять журналистам, что встреча для них закончена, и оставались лишь ее участники или члены делегации и, конечно, его команда.

Вторая часть бесед была предметней, существенней, но редко когда доверительной. Из вежливости и по тактическим соображениям Г. Алиев обычно давал гостям высказаться первыми, а затем поражал своей реакцией на каждый вопрос, затронутый собеседниками, несмотря на то что пометок почти никогда не делал. Посложнее было иногда с сутевой «начинкой» его высказываний. Тут многое зависело от его позиции, становившейся позицией Азербайджана, – порой ему объективно не хватало убедительности. Его позиция отражала азербайджанские интересы, как он их понимал, но при всем его хладнокровии иногда имела основой эмоциональное восприятие. Он был терпим и к возражениям, но старался не оставлять их без ответа.

Доверительность в беседах с Г. Алиевым могла прийти лишь наедине, да и то не всегда. Это была наиболее ценная часть бесед для посредничества. Гораздо удобнее, чем публичные спектакли. Разговор менее формальный, более откровенный, полезный и для прояснения позиций основной стороны конфликта и даже для негласных договоренностей, с тем только минусом, что остается верить лишь его слову (свидетелей-то нет!) и своей памяти.

Намного позднее, в 1995–96 гг., партнеры по сопредседательству Минской группы ОБСЕ (шведы, а потом финны) ревниво воспринимали мои личные поездки в регион конфликта и добивались совместных выездов и переговоров. Старался не обижать их отказом, хотя сожалел, что утрачиваю возможность доверительно поговорить с руководителем с глазу на глаз. Тогда мы с Гейдаром Алиевичем стали прибегать к такому приему: после общих с ними бесед встречались еще раз, уже наедине, обычно в поздние часы, а то и за полночь. Так же было в Ереване и Степанакерте с Л. Тер-Петросяном и Р. Кочаряном.

Посреднику нелепо довольствоваться общими посиделками, лишаясь доверительного общения с руководителем государства или конфликтующей стороны. Оно помогало лучше ориентироваться и потом позволяло делиться информацией с партнерами (но, конечно, в иносказательной форме).

Это не было чем-то личностным – просто мной использовались уникальные возможности России, коих тогда не могло быть у западных держав, стран-председателей или сопредседателей Минской группы. Западу не хотелось ни признавать, ни востребовать особые шансы России на благо примирения, хотя это продвинуло бы дело вперед. А без этих уникальных ресурсов мы и не

смогли бы вывести стороны конфликта к прекращению массового кровопролития, несмотря не только на ревность, но и на немалые помехи со стороны западников.

Не вполне уверен, что нынешняя форма общения сразу трех сопредседателей с лидером каждой стороны конфликта является оптимальной. Они достигают одной цели – демонстрируют единство стран-посредников, но не утрачивают ли возможность поговорить с ним в более доверительной форме?

Профзаболевания есть и у послов

В напряженной, временами нервной беседе с Гейдаром Алиевым в Баку 20 июля 1993 г. меня поразило поведение нашего посла Вальтера Шонии. В разгоряченной обстановке он не только не поддерживал меня либо хранил молчание, а начал всячески выказывать лояльность новому руководителю Азербайджана. Счел возможным открыто критиковать посреднические усилия России, втягивал меня в междоусобную перепалку перед лицом всей бакинской верхушки. Бросал запальчивые реплики, вставлял резкие суждения, хмыкал при моих высказываниях. Все это напоказ, ради подыгрыва азербайджанской стороне, отнюдь не безгрешной в том, что кровопролитие продолжалось и докатилось до Агдама.

Как мог, я пытался сдержать посла в этом нелепом рвении. Под видом пометок при продолжительных высказываниях Алиева набросал на клочке бумаги и передал Шонии краткую записку: «В.А. Очень прошу оставаться на российской стороне – не переходить на другую сторону». Прочитав записку и отбросив ее обратно, Вальгер продолжал свое. К радости некоторых из присутствовавших, демонстрировал отказ от корректности между коллегами, от элементарного такта, хотя оба мы были при официальных статусах.

Подобный инцидент особенно неуместен при посреднической работе, когда неизбежны деликатные, а иногда и напряженные беседы с руководителями конфликтующих сторон. Причем посол не имел никаких полномочий по делам урегулирования конфликта, да и информированность его в этих делах была неполной, во многом односторонней. Удивили излишние комплименты посла Г. Алиеву, льстивая манера его высказываний. Мелькнула мысль: неужели официальному представителю России для успеха в работе нужно держаться столь двусмысленно и угоднически?

Острое «объяснение» между нами по завершении встречи было неизбежно. За 40 лет моей работы в МИД никогда не приходилось слышать про подобные случаи. Пришлось задуматься, а все ли ладно в ориентирах у тех из наших послов, которые хотят прак-

тически любой ценой создать для себя удобный микроклимат в общении с руководством «страны пребывания»? Это полезно и даже важно, но не такой ценой!

В чем мог быть интерес В.А. Шонии в столь необычном проявлении симпатий или лояльности к азербайджанской стороне в этом конфликте? Потом я припомнил, что в июне, когда после событий в Гяндже зашаталось положение Эльчибея, Вальтер Александрович активно убеждал Москву в том, что следует поддержать «всенародно избранного президента». Этот заимствованный у ельцинской пропаганды довод почему-то казался ему весомее, чем очевидная ориентация Эльчибея на Турцию и свертывание им отношений с Россией. Не мы «избирали» его, не нам надо было спасать его. В то время у нас еще не было шифрованной связи с посольством в Баку. Общение посла с Москвой шло по факсу или по открытому телефону. Возможно, В.А. Шония опасался, как бы Гейдар Алиев не узнал о лоббировании им интересов народнофронтовцев перед Москвой, а ему надо срочно наладить с ним отношения, войти в доверие. Не могу утверждать, что именно в этом причина его столь нестандартных выходов, но других причин найти тоже не могу.

По возвращении в Москву я представил 26 июля необычную докладную своему куратору, первому замминистру А.Л. Адамишину. Не буду скрывать ее содержания:

«Есть профессиональные заболевания и у дипломатов, особенно послов. Порой «чрезмерная увлеченность» страной пребывания, некритическое усвоение ее политики мешает трезво оценивать положение в ней и проводить нашу собственную линию, приводит чуть ли не к отождествлению ее интересов с нашими. Иногда некоторые послы теряют чувство меры в объяснении и даже отстаивании правильности курса государства своего пребывания. Чаше эта болезнь проявляется в странах, вовлеченных в конфликты, что крайне опасно.

Давно замечено, например, что наши послы в Ереване и Баку рьяно отстаивают взаимоисключающие позиции стран своей аккредитации по Карабаху, хотя, казалось бы, оба представляют Россию, причем официально. Не может же быть у нее сразу три «политики» в том же вопросе: одна – в Ереване, другая – в Баку, третья – в Москве.

На внутренних совещаниях в МИД РФ не раз отмечалась зангажированность посла В.П. Ступишина. Он позволял себе одно время даже выступать в прессе с односторонними проармянскими оценками конфликта. Несколько умереннее выглядел в этом отношении В.А. Шония. Однако смена руководства в Баку и, видимо, стремление быстро наладить отношения с Г. Алиевым толкнули и его на необдуманные действия».

Далее излагалось, как проходила встреча с Г. Алиевым в Баку 20 июля и какое «участие» принял в ней наш посол. В заключение ставились риторические вопросы: «Возможна ли терпимость к таким вещам? Личные обиды перешагнуть нетрудно. Но разве это не профессиональное заболевание? Полезна ли подобная развязность в дипломатической работе, тем более на уровне посла и при высшем лице в государстве? Совместима ли неразборчивая услужливость в отношении страны пребывания и ее лидера с требованиями к послу нашего государства?»

Предложил указать Шонии на недопустимость такого образа действий, подчеркнув, что не считаю более возможным его участие в моих беседах с азербайджанцами. Вместе с тем представлялось целесообразным поставить вопрос шире – проанализировать реалистичность и критичность оценок послами РФ обстановки и политики стран их пребывания: не впадают ли они в ее апологетику (в плане профессиональном думается, что такой анализ работы послов вряд ли быстро утратит актуальность).

Конечно, никаких реальных мер по этой «докладной» принято не было. Чиновная атмосфера, когда она берет верх в министерстве, способна глушить и позитивные, и негативные импульсы. Но почти все мои беседы с Г. Алиевым проходили с тех пор без присутствия посла. В целом не считаю это нормальным, но в той ситуации иного выхода не было.

Правда, с Вальтером Александровичем мы не возвращались более к этому инциденту. По итогам последующих встреч с Г. Алиевым я подробно информировал его, и в целом у нас восстановились довольно ровные, нормальные отношения. Остается надеяться, что и этот рассказ с горчинкой не повлияет на них, ибо речь идет вовсе не о сведении личных счетов, а о поучительном, можно сказать, хрестоматийном примере того, как не должны взаимодействовать посол и посредник в непростой ситуации урегулирования вооруженного конфликта.

Это, как в математике, доказательство «от противного» (*ad absurdum*)!

О живучести этого профзаболевания свидетельствует много лет спустя похожий настрой другого нашего посла в Азербайджане. Наступая на те же грабли, Н.Т. Рябов взялся в 2002 г. публично отстаивать необходимость поэтапного урегулирования конфликта, но именно в его лукавой бакинской интерпретации: то есть сначала решить проблемы, волнующие азербайджанскую сторону, а потом рассмотреть те, которые интересуют армян.

Во-первых, вряд ли наши послы, постоянно аккредитованные в столицах, прямо связанных с конфликтами, должны публично усердствовать в определении позиции России в данной сфере –

для этого есть Москва и, возможно, совсем другие лица, специально на то уполномоченные. Во-вторых, надо основательно разбираться в своекорыстных хитростях той линии, которую отстаивает страна твоего пребывания. Без этого неизбежно становишься ее рупором, а не послом России. В принципе нашей дипломатии не помешало бы иметь «профилакторий», избавляющий кандидатов в послы от подобных болезней.

Падение Агдама

Падение Агдама стало знаковым военно-политическим событием в конфликте. Важность этого довольно крупного населенного пункта и узла коммуникаций очевидна. Как уже отмечалось, обеспокоенность ситуацией вокруг Агдама Г. Алиев проявил заранее, с первых дней своего прихода к власти, звонил мне из Баку в Москву еще в конце июня специально по ситуации у этого города. Для него это стало бы первой крупной потерей в войне с армянами, поскольку все прежние (Шуша, Лачин, Кельбаджар) были при Эльчибее.

Стоит отметить также, что Агдам стал первым азербайджанским городом восточнее Нагорного Карабаха, которым удалось овладеть армянам. До этого их военные успехи были достигнуты внутри НК (взятие Шуши и Мардакерта) или на запад от него, рядом с Арменией (Лачин, Кельбаджар). Политически все это еще могло прикрываться ссылками на нужды обороны (прекращение обстрелов Степанакерта из Шуши, прорыв блокады НК, ликвидация кельбаджарского клина между НК и РА).

В случае с Агдамом уже проглядывали наступательные устремления армян, что в условиях внимания Совета Безопасности ООН к развитию этого конфликта вынуждало их действовать с повышенной осторожностью. Конечно, еще активнее был пущен в оборот термин «подавление огневых точек противника», и нельзя сказать, что это было так уж бесосновательно. Азербайджанцы в то время использовали и воздушные бомбардировки, и ракетно-артиллерийские обстрелы из зоны Агдама, в том числе по Степанакерту. Но на этот раз армянам такая мотивация была нужна куда больше, чем азербайджанцам само использование Агдама как «огневой точки», способной держать под обстрелом прилегающие районы.

Начало двадцатых чисел июля 1993 г. было захлестнуто резко разноголосой пропагандой сторон о боях в районе Агдама. Азербайджанцы утверждали, будто город уже захвачен армянами. По версии карабахцев, азербайджанские войска будто бы пытались

развернуть наступление в направлении Аскерана, были отброшены, а затем покинули Агдам, однако армянские войска лишь обложили этот город, но еще в него не входили. Наконец, 24 июля армяне признали, что взяли Агдам под свой контроль.

В телефонных разговорах со мной Кочарян сначала тоже отрицал намерение захватить Агдам. Потом стал признавать только его охват путем взятия прилежащих высот. Затем пришла пора отмечать, что азербайджанцы оставляют Агдам, но «мы не входим». Окончательно признал он его захват, лишь когда уже невозможно было это скрыть. МИД России в своем заявлении осудил захват Агдама.

Совет Безопасности ООН на сей раз отреагировал новой резолюцией 853 гораздо быстрее, чем по Кельбаджару, – всего через пять дней, 29 июля. Только в этом документе единственный раз содержится требование безоговорочного вывода оккупирующих сил, хотя азербайджанская сторона до сих пор стремится создать впечатление, будто все четыре резолюции СБ ООН требуют безоговорочного вывода.

Характерно, что уже 24 июля по инициативе Баку состоялись прямые контакты между сторонами по телефону и факсу. В какой-то мере этому способствовало и то, что российского посредника в Москве не было – с 21 июля в Риме проходила встреча минской «девятки» для уточнения «Графика неотложных мер по выполнению резолюции 822 СБ ООН». Азербайджанцам пришлось выходить на Степанакерт самим, напрямую.

По возвращении из Рима с 28 июля мне пришлось провести целую серию телефонных разговоров с Баку, Ереваном и Степанакертом. По поручению Козырева 31 июля в телефонном разговоре президенту Армении Л. Тер-Петросяну на основе сообщения Ю.М. Воронцова из Нью-Йорка мной было рассказано об обстановке, сложившейся в Совете Безопасности ООН после захвата Агдама. Президент принял это к сведению и пообещал изложить на заседании Совета национальной безопасности Армении, который состоится 1 августа в городе Горис с участием лидеров Нагорного Карабаха. Одновременно он выразил согласие с предложением «досрочно» вывести войска из Агдама при содействии России и вызвался от себя обсудить эту идею с руководителями НК, мотивируя тем, что поставленные задачи подавления огневых точек уже выполнены.

2 августа Л. Тер-Петросян проинформировал нас по телефону об этом заседании СНБ, где были Р. Кочарян, К. Бабуриян, С. Саркисян и А. Гукасян. По его словам, лидеры армян НК заняли еще более жесткую позицию, переживают «головокружение от успехов», как после взятия Шуши и Лачина. Он высказал опасение, как

бы карабахцы и дальше не ставили всех перед фактами, подобными захвату Агдама, сетовал, что они отказываются повиноваться Еревану, надеются на поддержку каких-то сил в России (он лично полагал, что речь идет об их контактах с Руцким и Вольским). При этом Л. Тер-Петросян заявлял, что потребуются огромные усилия в работе с ними, причем он исчерпал, мол, свои возможности, надеется только на Россию, тем более что карабахцы охотно предпочли бы иметь Россию, а не СБСЕ в роли посредника.

По утверждению президента Армении, они хотели бы сорвать план СБСЕ, добиться своего признания со стороны Баку в качестве стороны конфликта и договориться об ограничении военных действий в ряде мест, включая создание демилитаризованных зон. Намереваются вернуться к игнорированию Минской группы СБСЕ под тем предлогом, что М. Раффаэлли направил председателю СБ ООН необъективный, односторонний доклад. Поэтому не хотят ехать в Рим, где после встреч минской «девятки» 4–5 августа должны состояться отдельные встречи с конфликтующими сторонами. Он рассказал, что Р. Кочарян и другие лидеры НК рассчитывают больше вырвать уступок от Баку в прямых контактах, чем через СБСЕ. Сам Л. Тер-Петросян считал этот расчет ошибочным, поскольку Баку только обещает им «встречу на высшем уровне», чтобы поддерживать временное прекращение огня (до 4 августа), но пока не идет на нее.

Складывалась весьма сложная картина. С одной стороны, рискованная, но довольно прозрачная игра карабахских армян, с другой – более тонкая игра президента Армении, который расписывался в собственной бессилии воздействовать на них, чтобы чуть ли не перебросить ответственность за их несговорчивость на Москву.

В целом после падения Агдама на первый план вышли две проблемы: выявление и использование шансов на прямые контакты между сторонами конфликта, особенно между Баку и Степанакертом (без посредников или при их содействии), и организация встречи руководителей АР и НК для закрепления этих шансов.

Между тем заботы наших западных партнеров были совсем о другом. Они больше всего пеклись о судьбе Минской группы. Американцы и итальянцы особо просили нас участвовать во встрече «девятки» 4–5 августа, опасаясь, что если Россия снова, как в конце июля, «снизит уровень», то это может подорвать МГ СБСЕ в самый критический момент. Они опасались также нового тупика из-за позиции Степанакерта.

Кроме того, в начале августа 1993 г. мне пришлось обсуждать с Г. Алиевым проблемы обмена шестерых бывших российских военнослужащих, осужденных в Баку. Он сообщил, что готов при-

нять положительное решение по схеме обмена на основе предложения, сделанного ему по согласованию с руководством карабахских армян (карабахцы после суда передали бы российскому правосудию находящегося в степанакертской тюрьме пилота Чистякова, вернули бы азербайджанской стороне 5 пленных и 9 гражданских лиц-азербайджанцев).

Г. Алиев хотел бы переговорить по данному вопросу с кем-то из высших должностных лиц России и сетовал, что ему не удалось связаться по телефону с Ельциным, Козыревым и Филатовым. Он дал понять, что его задевает невозможность прямого общения с российским руководством. Г. Алиев подчеркивал свою добрую волю в данном вопросе, а также готовность рассмотреть возможность активизации роли России в запуске плана СБСЕ, если он будет включать уход армян из Агдама и Кельбаджара.

Прямые контакты Баку – Степанакерт

В отличие от ряда западных партнеров, переменчиво относившихся к прямому общению между сторонами в карабахском конфликте, российские посредники не только позитивно, без какой-либо ревности воспринимали их самостоятельные контакты и договоренности между собой, но наоборот – однозначно стимулировали их, побуждали стороны к этому. Мы просили только информировать нас об итогах. Прямые контакты между сторонами обрели особенно важное значение после того, как команда А. Эльчибея дважды (в сентябре 1992 г. и апреле 1993 г.) фактически прерывала минский переговорный процесс. Мы учитывали это и в своем посредничестве.

В то время речь шла, прежде всего, о контактах Баку–Степанакерт, поскольку Ереван еще тешил себя надеждой остаться за спиной карабахцев и изображал, будто конфликт имеет место лишь между Баку и Степанакертом, а Армения – только содействующий мирному урегулированию участник МГ СБСЕ. Истина многогранна: объективно верная установка на прямые контакты Баку–Степанакерт вместе с тем была для Еревана ширмой не слишком хитрой политико-дипломатической игры. Нам стоило немалых усилий показать Еревану невозможность удержаться на этой лукавой позиции «стороннего». Поэтому задача нормализации обстановки на армяно-азербайджанской границе служила и повышению роли самой Армении в переговорах с Азербайджаном.

Одна из главных процедурных трудностей урегулирования по Карабаху, давно ставшая политической, – это намеренное искажение конфигурации конфликта сначала больше Ереваном, а потом

все больше Баку. Тщетны были попытки Еревана изображать почти непричастность к конфликту. Тщетны и многолетние попытки Баку игнорировать Степанакерт, утверждая, будто конфликт связан напрямую лишь с Арменией. Опасаясь притязаний НК на государственность и статус субъекта международного права, Г. Алиев после некоторых колебаний и противоречивых высказываний не захотел признавать его даже стороной в конфликте и с октября 1993 г., вопреки обеим «маршрутным картам» и своей личной договоренности с Кочаряном в Москве в конце сентября, избежал прямых контактов с лидерами НК.

Это на много лет серьезно осложнило переговорный процесс, тормозит урегулирование, противоречит подходу СБ ООН и руководства ОБСЕ, собственному подходу Баку к контактам со Степанакертом ранее, а также практике политического улаживания многих других конфликтов. Парадокс в том, что Баку будто бы стремится ускорить урегулирование, а на самом деле затягивает его и фактически помогает армянам, которых же обвиняет в том, что те «тянут время».

* * *

Бывший посол России в Армении В.П. Ступишин в своих мемуарах «Моя миссия в Армению» довольно подробно (но с рядом неточностей) описывает становление этих контактов между Баку и Степанакертом, задиристо швыряя стрелы в адрес МИД России, который будто бы не заметил или даже проигнорировал завязывание прямых контактов. Русское слово «напраслина», пожалуй, самое мягкое из того, что можно сказать об этом.

Он мог и не знать, что первые прямые конфиденциальные контакты между официальными представителями Азербайджана и Нагорного Карабаха прошли именно в Москве (15 сентября 1992 г. встретились посол АР в РФ Хикмет Гаджизаде и «советник председателя ГКО НКР по внешнеполитическим вопросам» Аркадий Гукасян).

Другая подобная встреча состоялась 10–16 апреля 1993 г. В эти дни в Москве при посредничестве МИД России проходили закрытые переговоры личных представителей президентов Азербайджана и Армении и высшего руководства Нагорного Карабаха с целью разработки соглашения о прекращении огня (Х. Гаджизаде, Д. Шахназарян, А. Гукасян). Как и в январе 1993 г. на московских переговорах в формате «5+1», Баку снова дезавуировал своего представителя Х. Гаджизаде, посмеявшегося согласиться с рассмотренными проектами документов. Несмотря на то, что на сей раз он имел даже письменный мандат президента А. Эльчибея!

Оба эти прецедента имели место еще при нем. Абульфаз Эльчибей, как и «ранний» Гейдар Алиев, не отвергал столь категорично, как «поздний», контактов с карабахскими армянами. При разрастании вооруженного конфликта, особенно при неважных делах на фронте, руководство Азербайджана шло на контакты с лидерами армян НК, а при Г. Алиеве само стало выходить на них, иногда напрямую, минуя МИД России. Эти две стороны конфликта постепенно начинали общаться между собой по телефону или факсу. Чаще по инициативе Баку; карабахцы реже сами выходили на связь, чтобы не выглядеть просителями.

Понятно, психологически путь к этим контактам был не из легких. Не так просто было тогда добиться, чтобы один позвонил другому. Первый телефонный разговор при нашем косвенном подбадривании состоялся между высшими военачальниками – и.о. министра обороны Азербайджана С. Абиев вышел на «министра обороны» Нагорного Карабаха С. Саркисяна 27 июня 1993 г. по ВЧ-связи (эта общесоюзная сеть еще охватывала столицы некогда союзных республик и другие города, включая Степанакерт).

Во второй половине 1993 г. азербайджанская сторона стала проявлять известную заинтересованность в ограничениях и временных приостановках боев, ибо инициатива на фронте переходила к армянам. Выше уже отмечалось, что при посредничестве России Баку оформлял первые договоренности об ограничении военных действий или прекращении огня как раз со Степанакертом (вообще без участия Еревана). К тому же вскоре в Азербайджане были назначены референдум по мандату Эльчибея (на 29 августа), а потом выборы нового президента АР (на 3 октября). Г. Алиеву и властям Баку в тот период явно не хотелось обострения военной ситуации.

В переписке с карабахцами (как прямой, так и через посредника) азербайджанцы, как правило, использовали официальные бланки, обозначали карабахских армян термином «сторона». Постепенно четче становились адресовки (например, «Министерство обороны Нагорного Карабаха»; «Руководству Нагорного Карабаха»).

Однажды Г. Алиев (скорее всего, по недосмотру) даже подписал полномочия на проведение переговоров с «НКР». Понимая бессмысленность политизации явного недогляда им лишней буквы, я позвонил ему и вскоре получил по факсу новый мандат за его подписью, но уже без буквы «Р». Но потом выяснилось, что первый вариант мандата уже был послан в Степанакерт. Правда, карабахцы никак не стали обыгрывать эту промашку Баку. Разумеется, было бы наивным преувеличением усматривать в подобных вынужденных или опрометчивых штришках какие-то ростки признания «НКР», а тем более ее государственности, но это под-

тверждало, что Баку воспринимает карабахцев противоборствующей стороной.

Азербайджанцы тогда выставляли в качестве таковой Армению в основном в пропаганде, а в оперативные документы по ограничению военных действий на фронте и не пытались включать какие-либо элементы, связанные с Ереваном. Разворот в сторону провозглашения Армении конфликтующей стороной и отказа признавать НК в этом качестве пришел позднее, после захвата армянами юго-западных районов Азербайджана осенью 1993 г. Об этом – ниже.

* * *

В.П. Ступишин признает, что в июле-августе 1993 г. был в Москве в отпуске и поэтому описывает ход событий по документам и со слов их очевидцев и участников. При падении Агдама 23 июля я тоже был не на месте событий, а в Риме на встрече МГ СБСЕ, но по возвращении смог полнее разобраться в них.

В отличие от версии Ступишина, прямые контакты между Баку и Степанакертом начались не с послания командующего армией самообороны НК С. Бабаяна и.о. министру обороны АР С. Алиеву 24 июля. Сначала в тот же день состоялся телефонный звонок С. Абиева К. Бабуряну, недавно сменившему Г. Петросяна во главе парламентской структуры НК. На самом деле Абиев и направил первое послание по факсу, но со странной адресовкой: «Верховный Совет Республики Армения для господина Бабуряна К.». Он предлагал в тот же день с 16 часов прекратить на три дня любые наступательные операции, ракетные, артиллерийские обстрелы и воздушные бомбардировки и упоминал возможность договоренности о встрече, но какой именно – не уточнял.

Карабахцы «подкорректировали» С. Абиева и в адресовке, и по смыслу. С. Бабаян в своем факсе Абиеву отодвинул на восемь часов вступление уговора в силу (то есть с 00 часов 25 июля) и уточнил, что в эти три дня «будет достигнута договоренность о встрече руководителей Азербайджана и Нагорного Карабаха». Как раз в полночь на 25 июля Абиев, включив эти поправки, послал новый факс в «Министерство обороны Нагорного Карабаха, командующему армией С. Бабаяну».

На брифинге представитель МИД Армении с удовлетворением отметил, что это первая попытка самих сторон конфликта самостоятельно решить вопрос о перемирии – без посредников.

Как видно из факсов, сторонам пригодились некоторые формулировки, наработанные с ними ранее российским посредником, но они допустили явную нечеткость, условившись, что при дости-

жении договоренности о встрече на высшем уровне «прекращение огня автоматически продлевается до 24.00 дня ее проведения». На самом деле их договоренность не предусматривала полного прекращения огня! Потенциально в каких-то случаях подобная неточность могла привести к опасным недоразумениям, к новым взрывам недоверия между сторонами, но обошлось.

27 июля Баку и Степанакерт обменялись списками участников прямой встречи и взаимно гарантировали безопасность на контролируемой ими территории в прифронтовой зоне у высоты 482,2 в районе Мардакерта.

Именно там, у развилки дорог, в 16 часов 28 июля 1993 г. прошла встреча «официальных лиц Азербайджана и Нагорного Карабаха». От АР в ней приняли участие: и.о. министра обороны С. Абиев, государственный министр И. Алиев, зампред Госкомитета по делам военнопленных и заложников И. Кязимов, представитель МИД Т. Зульфугаров и в качестве секретаря Н. Талыбов; от Нагорного Карабаха: «министр обороны НКР» С. Саркисян, назначенный буквально накануне «министром иностранных дел НКР» А. Гукасян, «председатель главного управления национальной безопасности» К. Абрамян, «замминистра внутренних дел» А. Агасярян, секретарь А. Мелик-Шахназаров.

За 1 час и 20 минут встречи были обсуждены вопросы продления прежних ограничений боевых действий, сроков проведения встречи высших руководителей АР и НК, обмена военнопленными и другие. Карабахцы представили проекты соответствующих договоренностей, но азербайджанцы сослались на то, что не уполномочены подписывать на месте какой-либо документ. Тогда С. Саркисян передал подписанный им текст соглашения о продлении ограничения военных действий, который С. Абиев все же подписал в Баку в ночь на 29 июля (видимо, по получении согласия Г. Алиева) и перебросил затем в Степанакерт по факсу. В нем продлевалась договоренность от 24 июля на 7 дней, в течение которых уполномоченные на то официальные представители обеих сторон должны были достигнуть соглашения о предстоящей встрече на высшем уровне руководителей АР и НК. (На сей раз была устранена нечеткость насчет прекращения огня – продлены запреты лишь на те военные действия, о которых договорились ранее). Немаловажные детали: документ был назван соглашением, а под автографами С.Абиева и С.Саркисяна соответственно значилось «За Азербайджан» и «За Нагорный Карабах».

В дальнейшем в центре внимания всех встреч и контактов между азербайджанцами и карабахцами были проблемы прекращения огня и того или иного признания карабахской стороны со стороны бывшей метрополии.

После захвата армянами Агдама в июле 1993 г. ложный сигнал в данном вопросе послала в Баку минская «девятка». При подготовке в Риме предложений к проекту резолюции СБ ООН западники отвергли наш призыв к прямым контактам между сторонами. В ответ на наши возражения Дж. Мареска заявил, что это было бы «поощрением захватчиков». (К счастью, ошибку минской «девятки» удалось поправить в Нью-Йорке: СБ ООН в резолюции 853 призвал стороны к прямым контактам!).

Летом и осенью 1993 г. карабахцы продолжали добиваться «встречи в верхах», но ее проведение всячески оттягивалось азербайджанской стороной. Баку ограничился включением политических деятелей в подготовительные контакты со Степанакертом и некоторым повышением их уровня.

4 августа С. Абиев в очередном факсе на имя «министра обороны Нагорного Карабаха» С. Саркисяна предложил возобновить то же самое ограничение военных действий еще на 10 дней для достижения договоренности «о встрече старейшин армян и азербайджанцев Нагорного Карабаха, а в последующем и встрече руководителей Азербайджана и Нагорного Карабаха». Карабахцам не была нужна предварительная встреча старейшин. Они понимали, что это затяжка «встречи в верхах», и стали даже публично обвинять Баку в этих проволочках, но не отвергли нового продолжения договоренности об ограничении военных действий.

5 августа С. Абиев был вынужден подписать такое соглашение, но лишь на три дня и с обязательством (в который раз!) достичь за это время договоренности о встрече руководителей Азербайджана и НК (уже без промежуточной встречи старейшин).

Надо сказать, что соглашения об ограничениях военных действий соблюдалось сторонами лишь относительно, точнее – только местами. В одних зонах действительно устанавливалось и соблюдалось затишье, а в других его так и не было – обстрелы, бомбардировки и даже наступательные бои почти не прекращались. Тем не менее, общая интенсивность боевых действий несколько снижалась, и поэтому нельзя считать, что подписание подобных соглашений было пустым делом.

16 августа начались новые контакты, а 17 августа было подписано соглашение между «уполномоченными на то официальными представителями» обеих сторон о возобновлении повсеместного прекращения огня. Со стороны Азербайджана оно подписано уже не только С. Абиевым от военного командования, но и заместителем премьер-министра Расулом Гулиевым от руководства политического. Причем письменные полномочия Р. Гулиеву «вести переговоры об организации встречи высших руководителей Азербайджана и Нагорного Карабаха» подписал сам Г. Алиев. На этот раз с 18 часов

18 августа провозглашалось именно повсеместное прекращение огня, в том числе прекращение любых наступательных операций, ракетно-артиллерийских обстрелов и воздушных бомбардировок сроком на 5 дней. К сожалению, однако, оно быстро сорвалось.

Нам пришлось затем восстанавливать перемирие, уже при российском посредничестве и с подключением некоего механизма подстраховки. 30 августа состоялся обмен посланиями по факсу с направлением копий в МИД России о возобновлении повсеместного прекращения огня с 31 августа по 10 сентября включительно. В Баку под этим посланием поставили подписи заместитель председателя Верховного Совета АР А. Джалилов и С. Абиев. Текст гласил, в частности, что «стороны подтверждают, что до 5 сентября специально на то уполномоченными официальными лицами будет согласована, а до 10 сентября с.г. будет обязательно проведена встреча руководителей Азербайджана и Нагорного Карабаха, о которой была ранее достигнута договоренность».

На этот раз стороны обязались принять самые решительные меры в целях соблюдения прекращения огня полевыми командами, вплоть до привлечения к ответственности нарушителей и их непосредственных начальников. Кроме того, содержалось обязательство выявить неподконтрольные формирования, удалить их с линии соприкосновения, расформировать и разоружить. Стороны обязались постоянно поддерживать прямой телефонный контакт на уровне высшего военного руководства в целях предотвращения и урегулирования нарушений. Все эти элементы были включены в текст договоренности по нашему предложению. Конечно, и этот механизм не мог быть надежной гарантией соблюдения соглашения, но надо было всеми средствами свести к минимуму риск очередного срыва. Кстати, этот отрезок времени прошел без крупных нарушений.

Но Баку продолжал в который раз затягивать проведение встречи высших руководителей. Чтобы сдвинуть с места этот воз, МИД России предложил провести в Москве встречу уполномоченных представителей руководства Азербайджана и НК.

В тот же день, 31 августа, Г. Алиев подписывает весьма странные, видимо, специально аморфные полномочия: «Руководство Азербайджана уполномочивает (так в тексте) Заместителя Председателя Верховного Совета А. Джалилова вести переговоры». Естественно, это бросилось в глаза, и 3 сентября Г. Алиеву пришлось их переподписать: теперь А. Джалилов был уполномочен «вести переговоры об организации встречи руководителей Азербайджана и НКР».

Конечно, и на этот раз срок проведения «встречи в верхах» (до 10 сентября) не был соблюден азербайджанской стороной.

Даже для организации первой встречи «представителей руководства» потребовалось продлить прекращение огня еще на три дня – с 10 по 13 сентября 1993 г. включительно. «В этот период состоятся переговоры в Москве специально на то уполномоченных официальных лиц по подготовке встречи руководителей Азербайджана и Нагорного Карабаха, о которой была ранее достигнута договоренность», – так говорилось в идентичных посланиях, подписанных соответственно А. Джалиловым и С. Абиевым, А. Гукасяном и С. Бабаяном и перекрестно направленных «Руководству Нагорного Карабаха» и «Руководству Азербайджана», а в копиях – в МИД РФ.

Встреча «представителей руководства Азербайджана и Нагорного Карабаха» прошла 12 и 13 сентября в здании МИД России при нашем посредничестве. Руководство Азербайджана представлял А. Джалилов, Нагорного Карабаха – А. Гукасян. Участвовал и С. Абиев. Обсуждались военные, но больше политические вопросы. А. Джалилов добивался продления прекращения огня на длительный срок, чтобы выборы президента Азербайджана прошли 3 октября в условиях перемирия. Достичь этого удалось лишь в 23.55 13 сентября, то есть буквально за 5 минут до истечения ранее согласованного срока прекращения огня. В конце концов, А. Гукасян согласился на продление перемирия до 5 октября. По нашему проекту впервые было принято итоговое совместное коммюнике.

Встреча Азербайджан – Нагорный Карабах на высшем уровне в итоге состоялась лишь 25 сентября 1993 г. Она прошла в Москве в особняке МИД России на Спиридоновке. Азербайджан представлял Гейдар Алиев, который до выборов 3 октября оставался «осуществляющим полномочия президента», а Нагорный Карабах – Роберт Кочарян, в тот момент председатель комитета обороны никем не признанной Нагорно-Карабахской Республики.

В отличие от проведенной там же беседы Г. Алиева с Л. Тер-Петросяном, по настоянию Гейдара Алиевича условились считать его встречу с Кочаряном закрытой. Введя гостей в зал, я оставил их для разговора «с глазу на глаз». Завершая почти часовую беседу, они пригласили посредника и скуповато посвятили в итоги, из которых яснее всего была договоренность продолжать прямые встречи. Это был первый личный контакт Г. Алиева и Р. Кочаряна. Намного позднее он станет предтечей целого «марафона» их встреч на рубеже двух веков, но уже в качестве президента Армении, а не руководителя НК.

(По совпадению в тот же день в соответствии с «маршрутной картой» у линии фронта в Агдамском районе состоялась встреча двух вице-премьеров по экономике – А. Аббасова и Ж. Погосяна.)

Нам удалось заранее продлить срок перемирия сразу на целый месяц – до 5 ноября. Спустя неделю после выборов 3 октября

Г. Алиев 10 октября вступил на пост Президента АР. Первый замминистра А.Л. Адамишин и я прилетели в Баку на его инаугурацию. Однако мне не пришлось там быть – остался на телефонах в резиденции для улаживания между Степанакертом и азербайджанскими военными инцидента у села Куйджак, который едва не сорвал перемирие. А через десять дней, 21 октября, оно все-таки было окончательно сорвано: армяне воспользовались новым, хотя и локальным нарушением прекращения огня со стороны азербайджанцев в районе Джебраила и приступили к захвату всех районов юго-запада Азербайджана.

* * *

Негласная встреча Г. Алиев – Р. Кочарян в Москве стала не только кульминацией, но и завершением прямых контактов между Баку и Степанакертом. Вопреки их договоренности о продолжении встреч, азербайджанская сторона после этого резко свернула контакты с властями Нагорного Карабаха. В узких беседах Г. Алиев объяснял это «вероломством» армян, захвативших осенью 1993 г. ряд районов Азербайджана за пределами НК, стремлением армян использовать эти контакты в пропагандистских целях – для повышения веса «НКР». Крутой поворот Баку к настояниям на том, что противоборствующей стороной является Республика Армения (а не НК), по-видимому, был вызван не только и, может быть, даже не столько возросшим подключением войск РА к военным действиям. С учетом того, что в этом конфликте стороны явно завышают значение пропаганды, Баку не желал более считать НК противоборствующей стороной. (Вспоминается риторический вопрос, который использовался почти как довод: мог ли 100-тысячный Нагорный Карабах противостоять 7-миллионному Азербайджану?) Военные неудачи и захват армянами больших территорий гораздо легче было списать в пропаганде на массированное включение войск РА, на агрессию Армении. В который раз трезвая, реалистическая оценка дел была принесена в жертву сомнительным нуждам пропаганды...

В наших дальнейших беседах Г. Алиев делал вид, будто не против возобновления прямых контактов с карабахцами, но только в условиях дискретности. Получив через посредника гарантии в этом, он в общей сложности восемь раз (!) пообещал возобновить негласные контакты, но всегда изыскивал предлоги для отсрочек, ссылаясь в основном на трудности подбора своего представителя для этих встреч или на неподходящую конъюнктуру. Он знал, что в нашей встрече не обойтись без этой темы, и в двух последних встречах сам затрагивал этот вопрос, чтобы спустить его «на тормозах».

Мной был подготовлен текст письма, в котором Баку и Степанакерт брали бы обязательство проводить встречи своих представителей в закрытом режиме, не подтверждать и не опровергать их в случае утечки и т.п. Кочарян готов был подписать его, если подпишет Г. Алиев. Но тот уклонился...

* * *

Резкое шарахание Баку в политико-процедурных делах от прямых контактов со Степанакертом к их разрыву и непризнанию НК стороной в конфликте негативно сказалось на всем переговорном процессе. Причем для Азербайджана это имеет в основном политико-пропагандистское значение, позволяет раскручивать более выгодную ему версию конфликта – мол, с Арменией, обвинять ее в оккупации, приглушать конфликт с НК. Это ценно для Баку и как некая психологическая компенсация за военные неудачи и оккупацию, как бы подтверждающая, что за столом переговоров он одерживает верх над армянами.

Переговоры по Карабаху при прямом посредничестве России в 1993–94 гг. и в рамках ОБСЕ с 1995 г. велись уже не по устаревшей схеме МГ (на основе решения Совета СБСЕ от 24 марта 1992 г.: 11 государств и 2 заинтересованные стороны: «избранные и другие представители Нагорного Карабаха»), а на совершенно иной основе – между тремя конфликтующими сторонами (в полном соответствии с наиболее обстоятельным решением системы ОБСЕ по Карабаху, принятым Будапештским саммитом, более высоким по уровню и более поздним по срокам, чем решение 1992 г.).

На них делегация Азербайджана в ущерб целям переговоров, а нередко и своим собственным интересам обрекла сама себя на длительные процедурные дискуссии, чтобы не признавать за НК статус конфликтующей стороны либо противопоставить карабахским армянам представителя азербайджанской общины НК (вплоть до карикатурных попыток выставить его еще одной – четвертой! – делегацией на этих переговорах). Это лишь мешало обсуждению и решению реальных проблем урегулирования. Несмотря на обструкции и даже щадя чувствительность азербайджанцев, сопредседатели твердо придерживались решения саммита в Будапеште (кстати, саммиты ОБСЕ в Лиссабоне и Стамбуле не пересматривали его и вообще не касались механизма переговоров).

Нелепую попытку выставить руководителя азербайджанской общины НК Н. Бахманова самостоятельной единицей предприняли также парламентарии Азербайджана в Бишкеке, хотя он никак не тянул на избранника даже муниципального уровня, а всего неполных два месяца представлял исполнительную власть в Шуше.

Позиция Азербайджана не позволила потом заключить и полноценное, юридически корректное **соглашение о прекращении огня с 12 мая 1994 г.**, которое держится до сих пор. Все три стороны проявляли в тот момент политическую волю прекратить кровопролитие, однако Баку не пожелал встречи полномочных представителей для нормального подписания документа, предложенного посредником и принятого всеми сторонами. Вот почему пришлось прибегнуть к беспрецедентной форме подписания этого важного соглашения – единственной поныне действующей договоренности.

Когда азербайджанская сторона после Будапештского саммита, где все было одобрено Г. Алиевым, начала чинить помехи на переговорах, Действующий председатель мининдел Венгрии Ласло Ковач на заседании Руководящего совета ОБСЕ в Праге 31 марта 1995 г. четко перечислил конфликтующие стороны в карабахском конфликте: **два государства (Азербайджан и Армения) и Нагорный Карабах**. И поныне любые попытки исказить конфигурацию карабахского конфликта лишь мешают его мирному урегулированию, в котором Баку должен быть заинтересован никак не меньше армянских сторон.

В 1993 г. возродить шансы на прекращение огня удалось лишь к декабрю, однако азербайджанская сторона дважды уклонялась от оформления новых договоренностей (сначала с 16, а потом с 30 декабря). Как выяснилось вскоре, азербайджанские войска готовились перейти в контрнаступление. Видимо, именно это и породило неожиданные трудности с оформлением нового перемирия.

Три послания Б.Н. Ельцину

К августу 1993 г. в МИД России созрела идея предложить всем трем сторонам конфликта срочно собраться для подписания соглашения о полном и повсеместном прекращении огня и военных действий при условии ухода армян из Агдама (а возможно, и из Кельбаджара). Сначала мы предлагали для этого один из южных российских городов, потом остановились на Дагомысе. Подготовили записку президенту России и проекты его посланий Г. Алиеву и Л. Тер-Петросяну, а также устного сообщения Р. Кочаряну, но по непонятным нам причинам направление посланий не состоялось. Тогда мы стали продвигать эти идеи иными путями – в беседах Козырева с новым мининдел РА В. Папзяном и с Р. Кочаряном, побывавшими в Москве, в его телефонном разговоре с Г. Алиевым 11 августа.

С Баку важно было также договориться об освобождении шести военнопленных – бывших российских военнослужащих, захваченных и осужденных азербайджанцами. Г. Алиев пообещал Козыреву поставить этот вопрос на заседании парламента и вести дело к тому решению, которое я обозначил ему в разговоре 2 августа (передача России шести наших ребят в обмен на шесть азербайджанских военнопленных и девять азербайджанцев-гражданских лиц – эти шестерку и девятку соглашались отдать карабахские армяне).

Гейдар Алиевич отметил, что уже месяца два выступает за то, чтобы вывести отношения с Россией на более высокий уровень, но не встречает адекватной реакции, снова сетовал, что несколько раз пытался, но так и не смог связаться по телефону с Б.Н. Ельциным. В этом же разговоре он сам впервые упомянул о том, что можно было бы продумать форму участия АР во встрече глав государств СНГ в Москве в начале сентября.

В частности, для обозначения развития отношений между нашими странами он попросил направить в Баку российскую делегацию во главе с первым заместителем мининдел А.Л. Адамишиным. Было решено отправить туда делегацию МИД России в составе заммининдел Бориса Леонидовича Колоколова и главы посреднической миссии России.

Встретились мы с Гейдаром Алиевым вновь в Баку как раз через месяц после первой нелегкой беседы с ним. На сей раз встреча была тематически шире, но коснулась и Карабаха. Прошла сравнительно гладко. Г. Алиев дал добро на нашу схему действий по Карабаху, включая подписание соглашения в Дагомьсе.

Состоялись также встречи с рядом фигур новой администрации АР – госсекретарем Лалой-Шовкет Гаджиевой, много лет работавшей в Москве, с и.о. мининдел А.А. Саламовым и другими лицами. Пребывание делегации в Баку заметно освещалось местной прессой.

Запомнилось общение с советником Г. Алиева по внешней политике Вафой Гулузаде (с ним Гейдар Алиевич и рекомендовал мне поддерживать рабочий контакт). В беседе один на один он удивил меня неожиданной просьбой набросать примерный текст послания Г. Алиева Б.Н. Ельцину по карабахским делам. Обращение весьма необычное, но, полагая, что Вафе Мирзоевичу нужен какой-то каркас для последующей доработки, отказываться не стал. Круг вопросов был очевиден – мне приходилось заниматься ими каждый день. Примерно через полчаса передал ему свой набросок на полторы страницы, вложив туда свое понимание данной тематики, особенно роли России в урегулировании и ее гарантий по будущему соглашению.

На следующий день нам передали послание Г. Алиева от 21 августа для доставки адресату. Я был изрядно удивлен, чуть ли не польщен тем, что в нем сохранились все основные мысли и даже формулировки из моего наброска. Осталось загадкой, почему Вафа попросил меня об этом. Он вполне мог сам написать подобный текст или попросить кого-нибудь из своих. То ли сам Г. Алиев предложил ему задействовать меня, то ли Вафа был в цейтноте и не поспевал по срокам? На провокацию это не было похоже, ибо рисковал больше он. Не уверен и в том, что он доложил Гейдару Алиевичу о моем авторстве или хотя бы соавторстве. Признаюсь, и я не стал докладывать своему начальству о «сверхурочной» работе. Немного недопонимал, почему же Г. Алиев так легко подписал все набросанное мной? То ли подписал, не читая, то ли действительно был согласен с сутью изложенного в тексте? Устно он соглашался с нашим планом действий, но в письменном виде могли появиться всякие отклонения или условия, однако их не было.

Послание главы одного государства главе другого в любом случае требует к себе соответствующего отношения, независимо от того, кто его готовил. Пришлось принимать его за основу позиции АР при Г. Алиеве и соотносить с позициями других сторон конфликта. Основа была вполне для нас подходящая, мы нашли способ вкратце проинформировать о ней Тер-Петросяна и Кочаряна, побуждая их направить подобные же письма президенту России, чтобы сформировать консенсус среди сторон конфликта.

Кочарян к своему приезду в Москву прислал 23 сентября письмо, очень близкое по формулировкам к желательным. Письмо Тер-Петросяна пришло лишь 30 сентября. Но главным разочарованием были его весьма нечеткие, уклончивые формулировки по сравнению с посланиями Г. Алиева и Кочаряна. Причем содержание письма Тер-Петросяна плохо вязалось с его довольно категоричными высказываниями в наших беседах. В своей записке министру РА Папазяну я высказал недоумение в связи с полученным текстом, но никакого другого послания по данному вопросу оттуда не поступило. Выявилось, что и Еревану не чуждо умение вести двойную игру.

* * *

Самостоятельные посреднические усилия России к осени 1993 г. шли по ряду направлений. На первом плане, разумеется, была работа по подготовке «большого» соглашения о полном и повсеместном прекращении огня и военных действий. Имелось в виду трехстороннее соглашение с участием АР, РА и НК, допускавшее

возможность размещения разъединительных сил в наиболее напряженных зонах, прежде всего вблизи иранской границы – по линии Физули – Гадрут – Джебраил – Кубатлы.

Г. Алиев попросил об отсрочке подписания соглашения до 25 сентября, но азербайджанцы и дальше продолжали затягивать дело. Мининдел Гасанов предпринял явно несостоятельную попытку выдвинуть встречный проект «протокола», включив в него немало завышенных, нереалистических требований Баку. Пришлось пункт за пунктом показать ему непроходимость его проекта и предложить продолжать работу по документу посредника. В разговоре по ВЧ 16 октября он обещал срочно дать свои замечания по нашему проекту.

Степанакерт в принципе был согласен с нашим проектом, но сохранял резерв в отношении конкретных мест размещения разъединительных сил и порядка финансирования их расходов (эти вопросы следовало бы должным образом оформить протоколом к соглашению).

Вопрос о разъединительных силах требовал также нашей серьезной внутренней доработки. Прежде всего, в Минобороны России, да и в МИД РФ в плане подготовки к постановке вопроса о получении мандата ООН. Наши дела с Минобороны никак не клеились. На многие обращения МИД России насчет выделения разъединительных сил или даже военных наблюдателей мы получали, как правило, просто отписки: данный вопрос может, мол, быть рассмотрен только после достижения устойчивого прекращения огня. Как будто наши партнеры не понимали, что прекращение огня, чтобы стать устойчивым, нуждалось в основательной заблаговременной проработке.

Другим направлением наших усилий осенью 1993 г. было заключение договоренности между АР и РА о недопущении пограничных инцидентов. Оно было бы подобием «второго полушария» к соглашению о прекращении огня между АР и НК, продленном до 5 ноября 1993 г. Оба эти документа логично подводили бы базу под искомое большое трехстороннее соглашение.

Правда, возникали проблемы и с продлением прекращения огня после 5 ноября. Перед лицом ужесточения позиций Азербайджана Кочарян не хотел больше идти на продление, если не получит от Г. Алиева подтверждений взаимопонимания, достигнутого ими на негласной встрече в Москве 25 сентября того года.

Во избежание новых инцидентов мы предложили двум сторонам – АР и НК – в качестве временной военно-технической меры (без каких-либо политических последствий) зафиксировать линию соприкосновения на период сохранения прекращения огня. Однако Минобороны АР опасалось, как бы это не «узаконило» пребывание армяно-карабахских сил на азербайджанской территории.

И азербайджанцы, и армяне (кроме карабахцев) затягивали реализацию нашей второй «маршрутной карты», которая предусматривала серию сначала двусторонних, а затем трехсторонних встреч по конкретным вопросам. Наиболее важной из них представлялась встреча в Ростове-на-Дону по восстановлению транспортных и энергетических связей в зоне конфликта. В ней могли бы принять участие представители Азербайджана, включая Нахичевань, Армении, НК, а также России.

В самых общих чертах мы имели в виду проинформировать об этих шагах России участников МГ СБСЕ. В самой Минской группе, в том числе на консультациях «девятки» в Риме, мы намерены были продолжать доработку графика неотложных мер, прежде всего в части обеспечения надежности прекращения огня и возобновления военных действий. Вместе с тем требовалось сделать акцент на том, чтобы Минская группа не противопоставляла усилия России своим усилиям, а поддерживала их на основе сочетания и взаимодополнения. В этом контексте мы намеревались показывать неотложность солидного, юридически обязывающего стороны соглашения о полном прекращении огня, которого добивается Россия. А насчет созыва Минской конференции мы считали, что она может стать эффективной только после прекращения военных действий, что не следует искусственно форсировать ее открытие.

Осенние потрясения

Избрание Г. Алиева президентом АР 3 октября и его вступление в эту должность 10 октября не стали поворотом к примирению. Даже наоборот – отпала предвыборная заинтересованность в затишье на фронте. По прибытии в Баку вместо присутствия на инаугурации «нового» президента мне пришлось более суток висеть на телефонах правительственного особняка, где нас с Адамишиным разместили, утрясая инцидент у села Куйджак 10–12 октября. Но рад, что удалось, в конце концов, уладить эту ситуацию.

Однако это столкновение оказалось лишь бледной репетицией кровавого спектакля и массового исхода населения, разыгравшихся на юго-западе Азербайджана с 21 по 27 октября. После того, как азербайджанцы вновь локально нарушили прекращение огня на юге, армяно-карабахские войска провели в ответ широкую операцию по захвату всего юго-запада АР. Как всегда, у сторон были взаимоисключающие версии. Начну с более подробной. На встрече МГ СБСЕ в Вене 2–6 ноября Аркадий Гукасян, руководитель карабахской делегации, давал такую версию этих событий:

21 октября в 14.05 Степанакерт получил сообщение о том, что в нарушение перемирия, державшегося с 31 августа, азербайджанцы внезапно заняли четыре высоты в районе Джебраила. Через 10 минут об этом было сказано по ВЧ вице-спикеру Милли меджлиса АР А. Джалилову. Тот обещал уточнить обстановку и отзвонить через полчаса, но не сдержал слова, а в 16.15 его аппарат не ответил. Позвонили дежурному по Минобороны АР, тот был не в курсе дела, но обещал доложить начальству. Не ответил и аппарат Казимирова в Москве (как выяснилось, тот находился в Риме). Тогда Гукасян сообщил о происходящем послу России в Армении Ступишину. Одновременно попросил Липаритяна и Шахназаряна связаться с Баку. Переговорить с представителем ООН в Баку египтянином Эль-Саидом тоже не удалось – его аппарат не ответил.

С 11 часов 22 октября, по словам Гукасяна, возобновилось наступление азербайджанцев в том же районе. В 11.10 он позвонил Джалилову (тот как раз отъезжал в Кусарский район), требуя, чтобы не повторилось вчерашнее, и напомнил, что продлить прекращение огня до 5 ноября просил Азербайджан. Соединиться с Аббасовым и Эль-Саидом не удалось. Проинформировал снова Ступишина. В наступлении уже участвовало около 40 единиц бронетехники, было 14 погибших, 9 пропавших без вести, около 40 раненых. 23 октября, по версии Гукасяна, бои шли с 6 утра. В 9.15 он вновь звонил в Баку, а в 11 часов армяне остановили наступающих и перешли в контрнаступление. Через час после этого позвонил уже сам Джалилов с просьбой принять меры. Он утверждал, что прекращение огня нарушили неподконтрольные Баку формирования, возможно из Гянджи. Он заверял, что будет проведено разбирательство у Г. Алиева и виновных накажут, однако в дальнейшем ничего об этом так и не сообщалось.

Гукасян особо подчеркивал, что контрнаступление было начато ими лишь на третий день после срыва прекращения огня азербайджанцами. По его словам, 21 октября думалось, что это эпизодический всплеск военных действий и даже не отвечали огнем. С 23 по 26 октября шло армянское наступление «на уничтожение группировки противника», а 27 октября сделано заявление К. Бабуряна об одностороннем прекращении карабахцами огня и наступления.

Главный оппонент Гукасяна – Вафа Гулузаде утверждал, что у каждой стороны своя версия событий: концентрация армянских войск у Зангелана шла еще за три дня до срыва прекращения огня. Он не без оснований напомнил, что армяне и ранее обещали не брать то Агдам, то Физули, то Джебраил, а потом все равно захватывали их. Идет наступление уже на Бейлаган, а с другой стороны – концентрация сил под Казахом. Он отрицал, что Азербайдж-

жан виноват в возобновлении военных действий. По его словам, никакая провокация не может оправдать операцию армянских войск. Гулузаде делал акцент на тяжелейших гуманитарных последствиях этой операции (люди бегут на территорию Ирана, тонут в Араксе, пришла зима, а они без крова).

Одно время показалось, что надо требовать возвращения к статус-кво-анте, то есть к позициям, которые стороны занимали 20 октября, до нарушения прекращения огня, но вскоре выявился наш идеализм — этого не достичь.

Не успели мы приехать в Вену 1 ноября, как меня начали снова выдергивать в Москву. Пришлось 3 ноября писать в ответ, что готов тотчас вылететь по получении прямых указаний, но не стоит это делать сразу, так как только в этот день (из-за задержки с приездом делегации Азербайджана и азербайджанской общины НК) МГ приступила к работе в полном составе. Мой отъезд из Вены, как и невяку в Париж в сентябре, наверняка вновь сочтут демонстративным нежеланием взаимодействовать с МГ.

(По возвращении в Москву прочитал грозное нравоучение в записке моего куратора и даже друга — первого замминистра А.Л. Адамишина. При всех добрых личных отношениях он мне писал: «Вл. Ник., получается ерунда, если не безобразие. Ты нужен для дела, а не для представительских поездок. Учти это всерьез».)

Но нам было безразлично, какая страна будет претендовать на роль председателя Минской конференции. В Вене подтверждалась версия, что итальянцы пытаются протащить Великобританию в состав МГ и на пост ее председателя. Выяснилось, что армяне против приема Англии.

Пробросил из Вены в Москву идею, что нам без излишней навязчивости стоило бы показать, что Россия не стала бы уходить от ответственности, что ее председательство обеспечило бы оптимальное сочетание усилий с МГ. Вместе с тем обозначил, что США, Турция и некоторые другие члены МГ постараются не допустить этого. Зато это позволило бы нам закрепить самостоятельную посредническую роль России, оградив от домогательств, втиснуть ее в «общую упряжку» МГ, что лишь тормозит процесс урегулирования. Москва не отреагировала на это предложение, и мы не стали активничать.

Внес из Вены и другое предложение — по восстановлению прекращения огня. Идея состояла в том, что в полночь на 6 ноября истек срок прежнего прекращения огня (до 5 ноября), нарушенного возобновлением и расширением боев в период с 21 по 27 октября, а поскольку, несмотря на 7-дневный сбой, стороны объявили о стремлении соблюдать его, предложить им автоматическое продление на семь дней — до 12 ноября включительно, чтобы в эти дни

срочно провести переговоры и оформить продление на более продолжительный срок.

Напомнил, что вчерне эти соображения переданы в Баку и Степанакерт мной еще 31 октября в проекте документа «Временные договоренности между Азербайджаном и Нагорным Карабахом». Предложил придать этому дополнительный импульс, запросив мнение сторон по данному вопросу. Для баланса интересов сторон думал заложить потом в договоренность как порядок их действий в случае новых инцидентов (это было реализовано лишь через полтора года – в феврале 1995 г.), так и отвод сил на позиции от 20 октября. Понимал, что на это скорее согласится Баку, чем Степанакерт, но оказалось, что дистанционное управление процессом далеко не всегда срабатывает – ничего не ответила мне Москва. Так и не знаю, делалось ли тогда что-то для этого...

«Девятка» намечала обменяться в Вене мнениями о новой ситуации в регионе конфликта, о смене председательства Минской конференции в связи с предстоящим в начале декабря переходом к итальянцам председательства в СБСЕ, об определении постоянного места проведения встреч МГ, финансировании и реорганизации ее работы.

А на заседаниях МГ полного состава надо было внести поправки в «График неотложных мер», обсудить два новых приложения к нему (по разъединительным силам и по мерам повышения надежности прекращения огня и военных действий), а также проект повестки дня и регламента Минской конференции СБСЕ.

Для нас встреча была примечательна и тем, что сопоставление миротворческих усилий России и МГ СБСЕ не только составляло ее общий фон, но иногда прорывалось в дискуссиях на первый план. Уже была опубликована в московской газете «Сегодня», а потом распространена в штаб-квартире СБСЕ моя весьма критическая статья о проблемах с Минской группой (готовил ее для Козырева, но тот предпочел мое авторство). Прилетев в Вену, мы еще до начала встречи МГ 2 ноября посетили генерального секретаря СБСЕ Вильгельма Хейнка. Он вопрошал сам себя, как избежать обвинений в том, что прекращения огня достигались не в рамках минского процесса, а «в ином формате» (при посредничестве России)? Кроме прекращения огня, отмечал он, речь идет и о целой серии договоренностей, включающих двусторонние переговоры между НК и АР. Хейнк говорил, что НК – специфическая зона и проблема, где наиболее выпукло просматривается особая роль России на территории бывшего СССР – практически все делегации в Вене признали, что без России решение конфликтов на этом пространстве невозможно.

Да, у России есть свои национальные интересы, в том числе в Закавказье, продолжал он. А у кого их нет? Это нормально. Однако по Карабаху необходимо решение, приемлемое для всех. Российские возможности должны быть реализованы в приемлемых международных рамках. Он считал, что в МГ должна быть найдена формула: что делает сама Россия и что она делает в контексте, соответствующем пониманию и функционированию Минской группы. И обязательно надо избежать споров между Россией и МГ СБСЕ. По его мнению, то, что делается и нарабатывается в СБСЕ в связи с Карабахом, в том числе с участием России, выходит далеко за рамки самой проблемы НК.

Наш аккуратный зондаж, не передать ли России председательство в МГ СБСЕ, Хейнк воспринял без восторга. В качестве сугубо личного мнения сказал, что сейчас рано, время придет примерно через год (как он угадал!). Он считал, что такой крупной державе не стоит получать отказ, наносить ущерб собственному авторитету. Лучше, по его мнению, получить в МГ одобрение высокого профиля России.

Потом, задним числом, я узнал по записи беседы А.В. Козырева с послом Швеции в Москве Э. Бернером 8 ноября, что министр зондировал перед Стокгольмом возможность объединения усилий России и Минской группы СБСЕ путем моего назначения председателем МГ. Он предлагал также, если будет необходимо, подобрать сопредседателей и создать таким образом минскую «тройку» с официальным статусом в рамках СБСЕ. По его мысли, об итогах своих поездок в регион конфликта я должен был бы докладывать как в МИД России, так и в МГ, что решило бы многие имевшиеся проблемы, позволило бы на практике «состыковать» миротворческие усилия России и СБСЕ.

Э. Бернер счел идею интересной, способной снять дублирование в действиях МГ и России, удостоил меня комплиментов, отметив, что шведы считают меня «весьма способным и активно работающим дипломатом». Он обещал доложить в Стокгольм о соображениях Козырева. Наш министр отметил важность поддержки шведами этого предложения, напомнил, что М. афф-Угглас согласна с тем, что урегулирование в Карабахе вряд ли возможно без нас, но и мы не хотели бы действовать в отрыве от СБСЕ.

Но этому не суждено было осуществиться в конце 1993 г., а лишь через год в Будапеште, после того, как Россия добилась прекращения огня и массового кровопролития и ее недругам из западников уже некуда было деваться.

Когда на той встрече в Вене стало вырисовываться председательство Швеции в МГ (оно намечалось на один год), Армения и карабахцы были согласны, азербайджанцы колебались.

В ходе неформальных консультаций «девятки» мы проинформировали ее участников о шагах, предпринятых нами для возобновления прекращения огня и отвода армянских сил на позиции 20 октября. Выразили также готовность продолжать наши усилия таким образом, чтобы Минская группа не была в стороне (скажем, действуя от ее имени или по ее поручению и информируя ее о ходе переговоров).

Представитель США Дж. Мареска (по ряду вопросов явно утративший равновесие на этой встрече МГ, потому и ставшей для него последней) поспешил заявить, что не может «дать России мандат» на проведение переговоров по прекращению огня от имени МГ, поскольку, видите ли, не знает их содержания. Чтобы как-то оправдать эту позицию, он упирал на то, что таким мандатом может обладать лишь председатель МГ.

Резкая позиция американца прямой поддержки других участников «девятки» не получила, но турок и француженка были не далеки от этого (Ч. Азер высказывался за «концентрацию» усилий, Э. Дюбуа призывала «не рассеивать внимания конфликтующих сторон»). Лишь немец Ф. Ламбах призвал «девятку» быть в этом гибче, а Россию – действовать в том же духе «даже без мандата». Швед М. Моссберг отстаивал право Действующего председателя СБСЕ и председателя Минской конференции добиваться скорейшего восстановления прекращения огня, проводил разницу между оперативным прекращением огня, которое интересует стороны конфликта больше в тактическом плане, и тем, которое значится в «Графике неотложных мер». Больше других поддержал нас белорус А. Бубен.

Эта дискуссия дала нам возможность жестче поставить вопрос о необходимости поддержки усилий России со стороны МГ. Мы подчеркнули, что некоторые ее члены вместо того, чтобы поддержать прекращения огня, достигнутые при содействии России, пытаются как бы ставить «вне закона» наши шаги по пресечению кровопролития. Не стал я скрывать и того, что в течение ряда недель осуществлялось прямое противодействие заключению соглашения о полном и повсеместном прекращении военных действий лишь из-за того, что оно готовилось при посредничестве России.

Мы подчеркнули, что последовательно концентрируем внимание МГ на прекращении огня и военных действий, но она, к сожалению, хронически недооценивает это. МГ вспомнила об этом лишь тогда, когда российскому посреднику удалось несколько раз оформить такие договоренности между сторонами и они впервые в этом конфликте соблюдали их довольно долго.

Отметили, что в интересах самой МГ максимально использовать уникальные возможности России в карабахском урегулиро-

вании, а не мешать ей. Твердо заявили, что Россия не ослабит своей активности с целью прекращения боевых действий. Попытки противопоставлять усилия России и МГ идут не от нас. Эту же мысль особо выделили и в выступлении на заседании венской группы КСДЛ. Под разными предлогами наши партнеры фактически ушли от продолжения этой дискуссии по существу.

Сошлись в том, что финансирование деятельности МГ должно осуществляться за счет бюджета СБСЕ, а не председательствующего в МГ государства.

Бурные дискуссии развернулись вокруг выбора постоянного места встреч МГ. Вначале чешский посол Зденек Матейка предложил Прагу с использованием инфраструктуры, оставшейся там после деятельности Секретариата СБСЕ, но затем не стал настаивать на этом. С пониманием было встречено предложение проводить встречи в столице государства – председателя МГ. Виновником несоразмерного обострения дискуссии по этому вопросу был американец Дж. Мареска, категорически возражавший против проведения встреч в Вене. Кулуарно говорили, что не сложились личные отношения Марески и представителя США при СБСЕ Дж. Корнблюма, который в процессе создания СБСЕ был его подчиненным.

Понятно, что другие участники МГ не считали возможным исходить из этого. Между тем Мареску просто заклинило на этом вопросе, доводило его до ультимативного тона. Он не только предлагал любые места, лишь бы не в Вене (например, Вашингтон или Женеву – причем последнюю под предлогом взаимодействия с ООН, хотя все мы знали его скептическое отношение даже к резолюциям СБ ООН по Карабаху). Он не только соглашался даже на Москву, но настойчиво требовал письменно зафиксировать, что не следует проводить встреч в Вене. Это ввергло его в споры со многими другими участниками, особенно с француженкой Э. Дюбуа и шведом М. Моссбергом.

В дискуссии по графику МГ азербайджанская делегация предавалась изобретениям, чтобы вместо обычного термина «стороны конфликта» использовать словосочетание «стороны прекращения огня». Примерно так прошли очередные заседания Минской группы. Это была ее обычная встреча. О других не пишу – утомительно. Главное, что их отличало, – говорильня без надлежащей концентрации на важнейших вопросах. И прав был Мареска, раздражаясь тем, что ряд стран-участниц присылал новичков, мало знакомых с проблемами НК и редко способных внести полезный вклад.

Три исповеди по телефону

По поручению президента России нашу ноябрьскую поездку в регион конфликта А.В. Козырев согласовал в телефонных разговорах лично с Г. Алиевым, Л. Тер-Петросяном и Р. Кочаряном. В его кабинете к аппарату ВЧ был параллельно подключен другой аппарат для переводчика или стенографистки. На сей раз министр предложил мне по мере необходимости включаться с него в эти разговоры (собеседники даже недоумевали, с кем говорят: то с Козыревым, то с Казимировым).

Сеанс 9 ноября 1993 г. из трех бесед подряд был небезынтересен. Мы настаивали на незамедлительном прекращении военных действий и отводе сил на позиции до нарушения прекращения огня 21 октября, предлагали, чтобы руководители Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха подписали такое соглашение в Москве или на юге России с последующим его закреплением на многосторонней основе с участием представителей СБСЕ и, возможно, ООН.

Г. Алиеву Козырев прямо сказал, что Азербайджан терпит военные неудачи потому, что затягивал урегулирование, слушая тех, кто отговаривал от подписания соглашения при посредничестве России. Отметил, что срыв прекращения огня произошел не без вины азербайджанской стороны, конфликт вышел на опасную грань интернационализации, которая поднимет радикалов и экстремистов. «Будет разговор и с Л. Тер-Петросяном и, возможно, с Р. Кочаряном. Им будет сказано, что пора кончать с этим конфликтом, что терпение России тоже безгранично. Мы хотим знать, есть ли готовность к прекращению военных действий на основе ее компромиссных предложений», – заключил Козырев.

Г. Алиев досадовал: повернув Азербайджан лицом к России, в трудный момент помощи от нее он не получил. Описав трагизм событий на юге вдоль границы с Ираном, он признал: «Может быть, и по нашей вине 21 октября в районе Джебраила было нарушено прекращение огня, велись бои за какие-то два села. Но разве это основание для развертывания массированного наступления, для превращения десятков тысяч человек в беженцев? Когда начались эти события, я обращался к Казимирову, к Тер-Петросяну, к руководителям Нагорного Карабаха. Последние заверяли, что не войдут в Зангелан».

Алиев подчеркнул, что пошел на контакт с карабахскими лидерами, а Кочарян пытается теперь диктовать свои условия. Армения делает вид, что не участвует в событиях, но всем управляет Ереван – без Армении Нагорный Карабах ничего не может сделать. Сказав, что Армения тоже ничего не может сделать без ино-

странной помощи, он, видимо, намекнул на Россию. В заключение Алиев заявил, что готов на компромиссы, но только на справедливые компромиссы.

Козырев отметил, что мы впервые столь жестко ставим вопросы урегулирования и перед армянами, но те отвечают, что это Баку не хочет подписывать соглашение о прекращении военных действий, даже вести переговоры о нем. Он прямо сказал Алиеву, что Гасанов ставит вопросы максималистски. «Сейчас в азербайджанском руководстве каждый говорит свое. Так невозможно вести дело. Гасанов нереалистично требует полного незамедлительного вывода со всех занятых территорий. А потребуются определенные этапы, освобождение районов по фазам, стадиям. Вам надо принять решение».

Президент Азербайджана вдруг выпалил: «Я Вам открыто, официально заявляю, что делаю ставку в решении конфликта на Россию – мне не нужны СБСЕ, ООН. Россия может решить конфликт справедливо, без ущерба для Азербайджана. Я возьму ответственность на себя, иду на это».

Козырев сообщил ему, что в ближайшие дни направит меня с проектом соглашения в Баку, а затем в Ереван и Степанакерт. Он заверил, что мы не противопоставляем себя международному сообществу и готовы получить одобрение соглашения в Минской группе СБСЕ и СБ ООН. Карабахцы обрели бы гарантии безопасности, а не признание независимости, но уже не лилась бы кровь, началось освобождение территорий и другие практические шаги, а статус НК стал бы предметом обстоятельных и, возможно, длительных переговоров.

Алиев согласился, что не с максималистских позиций надо искать договоренности. «Кочарян настаивает, чтобы мы признали их легитимной стороной. Я согласен, что они – сторона в конфликте, но не более того!»

Козырев напомнил, что Гасанов как раз не признает их стороной конфликта, что это не давало бы им международно-правового признания, а было бы лишь признанием реальности такой, как она есть. «Кочарян отмечает: то, что Алиев признает на словах, Гасанов «железно» вычеркивает на бумаге. Надо внести в это ясность».

Г. Алиев предложил, чтобы помимо трех сторон соглашение подписала и Россия. Козырев согласился: «И Россия как посредник».

Гейдар Алиевич повторил: «Главный союзник, главная сила в решении этого конфликта – Россия. Я хочу, чтобы у России были с Азербайджаном такие же отношения, как и с Арменией. Не претендую ни на один сантиметр больше. Я всегда говорил, что Азербайджан тесно связан с Россией. А меня теперь здесь «склоняют»: Россия выбросила Алиева, он ей не нужен».

Министр попросил Алиева лично посмотреть наш проект соглашения, поскольку представители АР на другом уровне говорят разными голосами.

Алиев согласился рассмотреть этот план с Казимировым, поискать дополнительные резервы, но просил не растягивать вывод оккупирующих сил на месяцы – счет должен идти на дни и недели. Он проявил понимание, что нереалистично ожидать быстрого возвращения Лачина и Шуши, но не может не упомянуть о них – надо хотя бы обозначить эту проблему.

Со своей стороны, мне пришлось напомнить Алиеву, что требование их скорейшего возвращения на практике имеет совсем иной результат – задержку освобождения других районов одного за другим.

Президент АР поднял вопрос о том, чтобы на время моей поездки ничего не происходило на фронте. Заверил, что делает ставку на Россию, готов приехать в Москву, просил передать Б. Ельцину о желании встретиться с ним, если нужно, а В. Черномырдину – что тут тянутся к нефти.

Козырев пообещал передать Тер-Петросяну и Кочаряну, что нельзя допустить активизации военных действий, а Ельцину о желании Алиева встретиться в Москве.

* * *

Тут же позвонили Л. Тер-Петросяну. Разговор был короче, но не менее откровенен. Козырев подчеркнул, что без всесторонней поддержки Армении экспансионистские действия карабахских вооруженных формирований были бы невозможны. Руководство Армении несет ответственность за все более угрожающее развитие событий. Усиливается опасность вмешательства Ирана и Турции, активизации исламского фундаментализма, что нанесет ущерб интересам не только Армении, но и России. Может рухнуть важный политико-психологический барьер – неприкасаемость границ бывшего СССР для Ирана и Турции.

Вкратце коснувшись разговора с Алиевым, Козырев отметил, что тот согласен искать компромиссную основу для проекта соглашения, который привезет Казимиров сначала в Баку, а затем в Ереван (но не считает возможным вычеркнуть из него Лачин и Шушу). Пусть это будет предметом будущих переговоров.

Тер-Петросян высказался за мою поездку и в Степанакерт для работы с карабахцами – там легче будет их убедить. Козырев дал согласие, но подчеркнул, что те подводят Армению и надо активно работать с ними. Я тоже попросил Тер-Петросяна об этом еще до моего приезда. Президент Армении сказал, что хотел направить

в Москву мининдел В. Папазяна для обсуждения новой обстановки, но принял мое предложение отложить его приезд на период после моей поездки. По обстановке успокоительно заверил нас, что сейчас боевых действий нет – все тихо.

* * *

Р. Кочаряну Козырев сразу сказал, что в Москве весьма озабочены развитием обстановки в регионе, мы решительно осуждаем развертывание боевых действий и захват юго-западных районов Азербайджана, настаиваем на незамедлительном прекращении боев и отводе карабахских сил путем подписания в Москве соглашения о полном и повсеместном прекращении военных действий на уровне руководителей трех сторон при поэтапном освобождении занятых районов и гарантиях взаимной безопасности.

Не зная, что я на проводе, Кочарян начал было с того, что не знает, как я информировал Москву, возможно, недостаточно его понял. Далее он связал последние события с прибытием в Азербайджан целого полка афганских моджахедов, который теперь «драпанул» в Иран. Он считает, что Баку договоренностями прекратить огонь в последние месяцы выигрывал время для подтягивания и задействования моджахедов.

Козырев отвечал ему, что продолжение конфликта неизбежно ведет к включению третьих сил, экстремистов из Ирана и Турции. Тут будет представлен весь исламский мир, и никаких сил не хватит, чтобы противостоять ему. Или вы получите гарантии и мир в обмен на военные успехи и отойдете с занятых территорий, или поведете к третьей мировой войне – опасному столкновению христианского мира с исламским. Вам надо воспользоваться, что у власти стоит такой прагматичный политик, как Г. Алиев, и искать соглашения с ним.

Кочарян оправдывался тем, что говорят о неуступчивости карабахцев, а от договоренностей отказывались азербайджанцы. Мы были, мол, согласны с последним проектом соглашения, предложенным Казимировым, готовы идти на его подписание. Он переспросил, не слишком ли в Москве верят Алиеву? И напомнил, что 25 сентября до полтретьего ночи вместе с Казимировым и Шахназаряном ждал приезда Гасанова в МИД России для работы над проектом соглашения, но тот так и не приехал – не хотели они соглашения! И даже не сообщил, что не приедет.

Козырев парировал тем, что верит Алиеву в той же мере, как и другим участникам конфликта. Сказал, что Алиев пообещал лично рассмотреть проект соглашения (не только Гасанов).

Кочарян сетовал, что в Баку не с кем работать – Гасанов, Гаджиева, Садыков представляют жесткую линию. Неясно, остаются ли в силе договоренности, достигнутые с Алиевым в Москве. От себя я прямо сказал Кочаряну, что первый шаг к примирению должны сделать карабахцы – у Баку простор для политического маневра сейчас весьма ограничен.

Козырев нажимал на то, что нельзя упустить исторический шанс приступить к политическому урегулированию.

Кочарян опять подчеркнул, что Г. Алиев ушел от подписания соглашения в Москве, чтобы выиграть полтора-два месяца, и может вновь поступить так же, но он, Кочарян, готов попробовать еще раз. Их вполне устраивает план, который предлагал Казимиров, но Баку завышает планку требований и привлекает силы извне. Козырев подхватил: «Расчет строится не на свои силы, а на привлечение других, а те, другие, очень заинтересованы в этом... Ни у кого нет сомнений, что захваченные территории принадлежат Азербайджану, и все более широкий круг стран будет оказывать ему моральную поддержку. Вам же предстоит разыграть интересный гамбит – отдать пешку ради получения выигрышной позиции».

Козырев предостерег, чтобы за время моей поездки в Баку, Ереван и Степанакерт не было никаких военных сюрпризов. Кочарян ответил: «Гарантируем на все время его пребывания»

* * *

В каждом из трех разговоров были и некоторые курьезы. От фразы Г. Алиева про Нагорный Карабах как сторону конфликта («но не более того») Баку открещивался потом годами...

Л. Тер-Петросян ошарашил другим «откровением». На прямые улики Козырева, что Армения – непосредственный участник конфликта, тот впал в укрывательство секрета полишинеля: «Это – между нами!».

А Р.С. Кочарян в ответ на призыв Козырева отвести войска на позиции от 20 октября или даже символически освободить какой-то район заявил, что изучит возможность отвода войск на несколько километров. «Я поработаю над картой», – заверил он, – «территория позволяет».

Таким образом, со всеми высшими руководителями сторон была согласована цель поездки спецпредставителя Президента РФ: проработать наш проект соглашения о прекращении вооруженного конфликта, а также достигнуто взаимопонимание, что на это время стороны будут соблюдать фактически установившееся на тот момент прекращение огня.

13 ноября мы выехали в Баку, но пробыли там гораздо больше, чем планировали. Состоялись не одна, а несколько встреч с Г. Алиевым и Г. Гасановым. Азербайджанские руководители заверяли, что готовы работать над заключением соглашения о прекращении огня и военных действий при посредничестве России, хотят, чтобы Россия была гарантом его выполнения, предоставила свои разъединительные силы и наблюдателей, хотя допускают в дальнейшем комбинацию с наблюдателями СБСЕ. Они соглашались финансировать пребывание этих сил и наблюдателей совместно с Россией, Арменией и Нагорным Карабахом. Г. Алиев заверил, что если придется оформлять их пребывание сначала на 6 месяцев, то это будет продлеваться в течение длительного времени.

В последней беседе 19 ноября Г. Алиев на словах согласился с тем, что надо поставить СБСЕ перед фактом соглашения до совещания мининдел СБСЕ в Риме в начале декабря. Даже обещал отдать соответствующие распоряжения. Словесно ему вторил и Гасанов, но всякий раз обуславливал это тем или иным решением в разрешении проблем Лачина и Шуши.

Вместе с тем было видно, что Алиев и Гасанов недопонимают, насколько срочно надо заключить соглашение даже с целью скорейшего начала вывода армянских сил из захваченных районов. Не просматривалось готовности форсированно работать, чтобы подписать соглашение уже в ноябре, – все растягивалось. Даже «мышинная возня» вокруг процедурных вопросов грозила погубить дело (нежелание признавать карабахцев стороной в конфликте и участником соглашения – Гасанов допускал лишь их визу, но не подпись). Совсем неясно было, намерен ли Баку и как именно поддерживать фактически сложившееся в ноябре прекращение огня. Со своей стороны, по итогам бакинских бесед я докладывал в Москву о тягучей работе над проектом соглашения и что «на авось», без специальной договоренности прекращение огня не продержится.

Гасанов гнул свою более жесткую линию, несмотря на относительную словесную гибкость Г. Алиева, и всячески затягивал наш отъезд в Армению. Как выяснилось потом, в Баку спешно готовился альтернативный нашему, собственно азербайджанский проект соглашения. В последней беседе Гасанов предложил, даже просил передать его армянам как якобы проект посредника, что немало говорит о нравах и стиле автора этой затеи. Выдавать его за свой я категорически отказался, согласившись передать его армянам лишь как контрпредложение азербайджанской стороны, что почти гарантировало неприятие армянами. Хотя вовсе не в этом была цель нашей поездки.

Из Баку попросил я министра и о срочной проработке с руководством Минобороны РФ вопроса о разъединительных силах

примерно для четырех зон и наблюдателях для остальных участков зоны конфликта. С учетом настроения Минобороны по данному вопросу не было ясности, будет ли это нам по плечу самостоятельно. Но это мое сообщение из Баку от 19 ноября было доложено Козыреву лишь в понедельник, 21 ноября, когда ситуация резко осложнилась.

Инцидент на границе 20 ноября 1993 г.

Много шума, кривотолков, спекуляций вызвал инцидент со стрельбой при попытке нашей посреднической миссии перейти границу из Азербайджана в Армению. Расскажу предельно подробно: пора снять с этого эпизода густые наслоения небылиц – как случайных, так и умышленных искажений. Тем более что он вызвал недолгое, но небывалое осложнение отношений между Россией и Арменией.

В те годы посредническая работа довольно часто заставляла нас перебираться из Баку в Ереван или наоборот. Прямой связи давно не было, и приходилось ехать через Москву, что отнимало по двое-трое суток. На сей раз, просидев в Баку 6 дней (13–19 ноября), мы хотели наверстать упущенное время прямым переходом границы с Арменией. Тем более что на фронтах было относительное затишье, да и со сторонами специально условлено придерживаться режима прекращения огня на весь период нашей поездки.

Утром 18 ноября мне вспомнилось, что во второй половине дня в Москве официальный представитель МИД России Г.Б. Карасин должен на очередном брифинге огласить заранее оставленное нами сообщение об очередной поездке посреднической миссии России. Чуть ли не интуитивно – бывает же так! – срочно направил из Баку небольшое дополнение к тексту, чтобы успеть к брифингу. Дословно такое: «Достигнуто взаимопонимание, что на время поездки в регион конфликта специального представителя Президента РФ противоборствующие стороны обоюдно сохраняют установленное прекращение огня».

Получив от Г. Алиева «добро» на переход границы и обещание помочь нам добраться до Казаха, в тот же день я связался по ВЧ с аппаратом президента Армении и передал советнику президента Давиду Гургеновичу Шахназаряну и начальнику президентского секретариата Шагену Леоновичу Караманукяну, что на сей раз не хотим лететь через Москву, а готовы перейти армяно-азербайджанскую границу. Договорились, что по прибытии в Казах 19 ноября примерно в 18 часов выйдем на связь. Предметно путь следования через границу не проговаривался (да мы его и не знали), но армяне

подразумевали обычный маршрут по дороге Казах–Иджеван. Они заверили, что сделают все необходимое для встречи на своей стороне.

19 ноября мы с В.И. Музыченко перелетели из Баку в Нафталан, а оттуда автомашиной в сопровождении ГАИ приехали в город Казах, но лишь к 18.30 по местному времени: позднее, чем хотелось бы, – уже смеркалось.

Встретивший нас комендант гарнизона полковник Иса Назарович Садыхов отказался от перехода границы в сумерках, предложил переночевать и сделать это утром. Тогда мы попросили его срочно связаться с армянами и сообщить им об этом (собственных мобильников или иных каналов связи у нас тогда не было, и в этом мы, к сожалению, целиком зависели от сторон конфликта). Садыхов сослался также на минирование некоторых дорог. Он известил армянских партнеров, что переход границы произойдет в районе Воскепара у села Ашагы Аскипара 20 ноября после 10 часов утра.

Мы быстро получили косвенное подтверждение, что он так и сделал. В 19.30 из Москвы в Казах позвонил сотрудник нашей посреднической миссии Ю.С. Игнатов и сообщил, что только что Д.Г. Шахназарян из Еревана изложил ему возражения против изменения азербайджанцами места пересечения границы. Со своей стороны, попросил Игнатова передать Шахназаряну, что азербайджанцы отказываются обеспечить безопасность миссии по одному маршруту и гарантируют на втором – вплоть до места, находящегося под контролем армянской стороны, что маршрут следования по своей территории определяет сторона, обеспечивающая безопасность.

Вечером азербайджанцы и армяне поддерживали контакты по рации.

Гостиниц в городе не оказалось. По приглашению Садыхова заночевали у него в квартире. Познакомились с его женой Ирой, узнали, что у них два сына – Ян и Рустам.

Утром 20 ноября я не раз спрашивал Садыхова насчет связи с армянами по ту сторону границы и места ее пересечения. Вначале он говорил, что связь налаживается, но с трудом, а потом сообщил, что все согласовано: и место, и время перехода границы.

Часам к 10 выдвинулись на машинах из Казаха. Целый караван втянулся в сопровождение: все местное начальство, включая руководителя администрации Казахского района Насими Гусейновича Шахмалиева. По неширокой асфальтовой дороге двинулись шесть или семь автомашин. Слева за рекой, которую с дороги сначала и не было видно, нарастало возвышение, являвшееся, как выяснилось потом, ее крутым дальним берегом. Он был под контролем армянских сил. Мы ехали по более пологому, вдоль почти пустующих поселений приграничной полосы.

Примерно через полчаса Садыхов остановил кавалькаду в селе Мазам и предложил всем переждать за высоким холмом у полуразрушенного дома, пока передовой джип доедет до расположения армян, обговорит с ними наш переход и вернется за нами. Так и сделали.

В «УАЗ-469» сел командир азербайджанского батальона Иса Велиев с двумя солдатами и шофером. Они поехали, а мы топтались в ожидании перед разгромленным обстрелами домом. Было нехолодно, но довольно свежо. Местами уже лежал снег. Спросил Садыхова, сколько времени надо Велиеву, чтобы добраться до позиции армян и вернуться? По его словам, 12–15 минут. Но минуло уже примерно полчаса. Садыхов тоже был несколько озадачен тем, что джипа еще нет. Дело шло уже к 11 часам.

Прошел еще десяток минут, и вдруг – одиночный выстрел. Затем повторился. Еще и еще. Потом посыпалась очередь. За ней другая, третья. За холмом, куда уехал «уазик», что-то происходило. Командир при мне послал нескольких солдат заглянуть за вершину холма, чтобы разобраться, но не велел открывать огонь в ответ. Тем временем раздалась выстрелы более крупного калибра и гранатометов. Это уже «Шилка», сказал Садыхов. Вернувшиеся с холма солдаты доложили, что с высокого берега идет обстрел подбитого на дороге джипа. Пошла стрельба и по холму, где только что обозначились азербайджанские солдаты.

Всего за разбитым домом мы простояли минут 40 плюс минут 10 под аккомпанемент нарастающей стрельбы. Нас нельзя было «достать» из легкого оружия, но руины дома подтверждали, что он вполне досягаем для артиллерии или минометов.

Стало ясно, что в этой ситуации границу нам не перейти. Пришлось всему каравану машин развернуться вспять. Возвращались в Казах по другой, совсем необустроенной дороге, но подальше от высокого берега, чтобы быть менее досягаемыми для возможного обстрела. Местами ехали просто по целине.

Как выяснилось уже в Казахе, в результате прямого попадания УАЗ был разбит и сгорел. Комвзвода Вагиз Мамедов и водитель Бахрам Набиев получили ранения. К счастью, не слишком тяжелые: первый в живот, второй в руку. Попытки оказать им помощь пресекались огнем с армянской стороны. Ввиду того, что они были на отлогом берегу – как на ладони у тех, кто занимал крутой берег, всей четверке пришлось залечь в кювет и пролежать там, пока не стало смеркаться. Лишь под покровом сумерек удалось выползти и добраться до своих.

В Казах мы вернулись пополудни. Записал фамилии тех, кто нас сопровождал и попал под обстрел. Затем, попрощавшись со всеми, автомобилем выехали в Гянджу, чтобы ночным рейсом вылететь в Москву.

В Гяндже встретил нас руководитель администрации Эльсевар Алекперович (Алекпер-оглы) Ибрагимов. Из его кабинета по ВЧ кратко рассказал первому замминистра А.Л. Адамишину, что инцидент перекрыл нам дорогу в Армению и мы вынуждены вернуться домой. Вот вкратце факты того дня, хотя важные детали и логические выкладки еще впереди.

Все остальное о произошедшем у границы, о бурных событиях и сочинениях, нанизанных на этот инцидент, узнавали мы уже дома. Возникла небывалая напряженность между Москвой и Ереваном на радость Баку. Конечно, это вполне ожидаемо, но, пожалуй, излишнюю остроту привнесли факторы, влияние которых, будь на то воля, можно было сдержать. Те, кто непосредственно был причастен к этому происшествию, меньше всего помогали его раскрутке, ограничиваясь выяснением причин и обстоятельств.

Что и кем накручено на этот инцидент

21 ноября уже в Москве мы разбирались с ходом событий. Из-за отсутствия связи в ходе этой поездки из Баку в Казах и далее к границе многое нам не было известно. Ю.С. Игнатов, дежурный по нашей миссии, вечером 19 ноября после обращения Шахназаряна предпринял массу усилий во избежание возможных накладок, просто «забомбил» звонками Баку и Ереван, но, увы...

Москва. Оказывается, 20 ноября А.Л. Адамишин доложил о моем звонке А.В. Козыреву, и было распространено краткое, но довольно резкое заявление министра иностранных дел РФ по поводу этой «варварской акции» с требованием официальных объяснений с армянской стороны и прямым намеком на жесткие выводы.

А.В. Козырев представил записку Б.Н. Ельцину «О серьезном инциденте с представителем Президента РФ по Нагорному Карабаху». В ней отмечалось, что «ссылки армян на то, что азербайджанская сторона изменила маршрут следования, несостоятельны – в Ереване знали об этом и мер не приняли». «Эта беспрецедентная акция, противоречащая и международному праву, и всему характеру отношений России с Арменией, требует принятия самых решительных мер с нашей стороны», – говорилось в записке. «Если мы не сможем защитить безопасность и достоинство официального российского представителя, что тогда говорить о простых наших соотечественниках в ближнем зарубежье?». Упоминались уже принятые меры и среди них – задержка в Москве нашего посла в Армении «для консультаций».

Козырев предложил потребовать, чтобы президент Армении принес незамедлительно официальные извинения, дал публичные

гарантии, что после выявления виновные будут преданы суду, а также принять меры для неукоснительного обеспечения безопасности российских представителей, выполняющих миротворческую миссию. «Если в течение 24 часов этого не будет сделано, пойти на жесткие политические и экономические санкции в отношении Армении – вплоть до прекращения поставок нефтепродуктов».

Ельцин в весьма срочной резолюции В.С. Черномырдину, А.В. Козыреву и В.М. Мащичу выразил согласие с предложениями МИД, одобрил проект заявления Совета министров – Правительства РФ по инциденту, поручил следить за реакцией армянской стороны, продумать возможные меры.

Получив согласие президента, А.В. Козырев 22 ноября вызвал меня в пресс-центр МИД и огласил на пресс-конференции текст заявления правительства России. Оно осуждало эту акцию, требовало незамедлительно принести публичные извинения и гарантировать обеспечение безопасности российских представителей, осуществляющих официальные миссии. Правительство РФ оставляло за собой право принять самые решительные меры, чтобы впредь исключить повторение подобных инцидентов.

Козырев подчеркнул, что сама наша миссия осуществлялась по его личной договоренности с Л. Тер-Петросяном и Г. Алиевым в соответствии с поручением президента России. Отметил, что с полным доверием относится к сказанному спецпредставителем об инциденте. Добавил, что уже два дня ждет официальных разъяснений армянской стороны, но пока получена лишь «невразумительная бумага» от мининдел В.А. Папазяна, «на основе которой едва ли возможен дальнейший контакт с этой персоной», что самые решительные меры в данном случае не заставят себя ждать.

Козырев воспользовался оказией, чтобы провозгласить настрой жестко защищать русскоязычное население, отстаивать его интересы и интересы России перед кем бы ни было, даже если это наши друзья. «Это оселок, на котором будет проверяться искренность дружественных отношений».

Мне пришлось рассказать участникам пресс-конференции, как готовился переход границы Армении и что получилось. Я придерживался фактической стороны дела, избегал обобщений. Кроме одного: отметил, что согласование маршрутов следования миротворческих миссий традиционно стало в этом конфликте абсурдной тяжбой между сторонами (обычный довод – данная дорога заминирована). Так было до этого с миссиями М. Раффаэлли и М. Моссберга, иногда доходило и до стрельбы. Пояснил, что инцидент не имеет прямого отношения к Нагорному Карабаху, произошел далеко от него. Сказал, что аппарат президента Армении был прекрасно осведомлен, куда везут нас азербайджанцы, и что

велся интенсивный многоплановый обстрел из разных калибров. Подчеркнул, что инцидент еще раз показал абсурдность, безумие конфликта, над прекращением которого работает посредническая миссия РФ.

Отвечая на вопросы, Козырев пробросил, что если бы что-то подобное произошло, скажем, с американским дипломатом – личным представителем президента, то мы бы уже увидели там авианосец. В ответ на намеки Папазяна, что если не будет дана, мол, соответствующая интерпретация инцидента, то Казимирову трудно будет продолжать посредническую миссию, Козырев посоветовал ему озаботиться не подбором кадров российских дипломатов для миротворческих миссий, а быстрой реакцией на наши предложения.

Он дал понять, что Россия продолжит оказание помощи в урегулировании конфликта, но вместе с тем заявил нечто, выходящее за рамки инцидента: стороны, в том числе армянская сторона, по существу исчерпали лимит действий, за которыми начинается прямой ущерб и национально-государственным интересам России. Министр отметил расширение конфликта в последнее время, появление предлога для втягивания других сил. Обозначил, что посредническая миссия из уговоров может перерасти в нечто другое, что наши интересы затронуты в этом регионе гораздо более непосредственно, чем интересы многих других государств.

Пресс-конференция Козырева вызвала немалый интерес и широко комментировалась прессой разных стран. Отмечался резкий тон его высказываний в адрес Еревана, «необычные для дипломатии» выражения.

В тот же день заммининдел В.И. Чуркин вызвал посла Армении Ф. Мамиконяна и вручил ему текст заявления правительства РФ. Посол пытался рассуждать о том, что инцидент и острая реакция Москвы на него стали, мол, следствием изменения политики России в регионе, крена в пользу Азербайджана после прихода к власти Г. Алиева. Чуркин отвел эти инсинуации, высмеял попытку представить дело, будто чуть ли не сам российский представитель вызвал огонь на себя, чтобы развернуть политику России. Он настаивал на позитивном ответе на требования правительства РФ в течение 24 часов.

Ереван. 21 ноября МИД Армении изложил свою версию событий, привычно вверстав их в рамки антагонизма с Азербайджаном, а мининдел Ваган Папазян прислал личное письмо А.В. Козыреву, в котором называл инцидент прискорбным, выражал искреннее сожаление по этому поводу, но и недоумение резким тоном козыревского заявления, сделанного «до выяснения всех деталей происшествия». Папазян возлагал всю вину на азербайджанскую сторону, изменившую время и место пересечения границы, объясняя

все стремлением Баку уйти от принятия обновленного графика Минской группы и особенно – последней российской инициативы.

Заканчивал В. Папазян письмо своеобразно. Стоит привести целиком: «На мой взгляд, интересам общего дела послужило бы публичное заявление посла В. Казиминова, которое внесло бы ясность в вопрос, был ли он в курсе намерения азербайджанской стороны об изменении согласованного маршрута или сам стал невольной жертвой провокации, организованной бакинскими властями. Считаю своим долгом заявить со всей откровенностью, что без такого заявления, без четкого определения послом В. Казимировым своей позиции Республика Армения может оказаться в весьма затруднительной ситуации при дальнейшем сотрудничестве с ним в нынешнем его качестве посредника в карабахском урегулировании».

Каково? Я еще должен был оправдываться перед Папазяном за стрельбу с подконтрольного армянам берега!

Посол по особым поручениям Давид Шахназарян вышел на наше посольство в Ереване и утверждал, что 18 ноября был согласован маршрут движения по дороге Казах–Иджеван (это, мол, единственная приличная дорога в этом районе, остальные горные тропы). 19 ноября встречающие с армянской стороны с 16 часов ждали гостей на этой дороге. К 18 часам азербайджанцы сообщили им по радию, что поедут севернее, через село Ашагы Аскипара. Армяне ответили просьбой не делать этого без согласия их стороны – не гарантируем, мол, безопасность.

Шахназарян пытался отыскать меня, но не смог. Хотел договориться с Баку по ВЧ об установлении контакта с Казимировым в Казахе, но получил отказ. Позвонил в Москву Ю.С. Игнатову и подтвердил нецелесообразность движения по новому маршруту. 20 ноября встречавшие с 8.30 продолжали ждать гостей на дороге Казах–Иджеван, а к полудню по радио «Свобода» узнали об инциденте. Шахназарян считал это заранее спланированной акцией Баку, чтобы подвести дело к инциденту и обвинить во всем армян.

23 ноября правительство Армении заявило, что глубоко сожалеет об обстреле автомашины. Оно подчеркнуло, что этому ЧП предшествовало изменение азербайджанскими представителями маршрута следования. В заявлении сообщалось, что военной прокуратурой РА ведется расследование. Правительство Армении предложило направить в регион комиссию для расследования инцидента и выразило готовность, если будет установлена ответственность армянской стороны, принести публичные извинения. Одновременно выражалась уверенность, что «досадный инцидент не может повлиять на активное продолжение миротворческих усилий Российской Федерации».

Перед публикацией этого заявления мне позвонил Д. Шахназарян и в неофициальном порядке зачитал весь текст, подчеркнув, что не может изменить в нем даже запятой. Ответил ему, что такое заявление не закрывает проблему, раз в нем не признается, что огонь был открыт с армянской стороны. Напомнил, что пресс-секретарь президента Армении уже сообщил, что «армянские пограничники, не предупрежденные о визите, открыли огонь». Сказал Шахназаряну, что на этом фоне видна неискренность заявления правительства Армении, тогда как с учетом слов пресс-секретаря президента логично принести извинения за ошибочное открытие огня и тем самым закрыть весь вопрос. Но и этот негласный совет не помог.

Баку. Еще 20 ноября сообщение дал пресс-центр МИД Азербайджана. В нем подчеркнуто, что инцидент произошел «между азербайджанским населенным пунктом Мазам и оккупированным Республикой Армения азербайджанским селом Ашагы Аскипара». Не обошлось и без нагнетания страстей: «В результате обстрела возникла реальная опасность для жизни членов группы В.Н. Казимирова». И конечно, острые сообщения было в то, что посредническая миссия сорвана по вине Армении. В нем нарочито завывалось значение наших встреч в Баку («откровенный и конструктивный обмен мнениями»; «переговоры имели исключительно важное значение для претворения в жизнь резолюций 822, 853, 874 и 884 Совета Безопасности ООН») – ведь все произошло через неделю после принятия последней резолюции СБ.

Обгоняя Папазяна, 22 ноября направил послание Козыреву мининдел Азербайджана Гасан Азизович Гасанов. Он взялся изложить подробности случившегося, но сам обильно грешил неточностями. По версии Гасанова, были обстреляны автомашины (во множественном числе). Место и время перехода границы будто бы заранее согласовано между властями Азербайджана и Армении, в течение 19 ноября пять раз осуществлялась телефонная связь с армянской стороной, «во время которой самим послом В.Н. Казимировым еще раз были обговорены время, условия и место перехода границы» (этого, конечно, не было). Гасанов выразил возмущение «этой вызывающей акцией Армении, направленной на подрыв российского посредничества», и сожаление по поводу инцидента, «воспрепятствовавшего завершению плодотворной работы, проведенной г-ном В.Н. Казимировым в Баку». К нарочитым комплиентам Гасанов присоединил также пожелание возобновления «посреднической миссии России, столь необходимой народам региона».

Из Баку поступали отклики с осуждением обстрела. Как сообщал наш посол, мои слова о намерении продолжать посредниче-

ские усилия расценивались как подтверждение серьезного и ответственного подхода России к своей миссии. По просьбе Расула Гулиева я переслал ему и Афияддину Джалилову текст заявления правительства Армении.

Так что все, кто хотел, усердно отметились по поводу этого инцидента.

Прислали телеграммы и письма в знак солидарности и партнеры по линии СБСЕ: генсек СБСЕ Вильгельм Хейнк, американец Джеймс Коллинз, турок Чандан Азер, итальянец Федерико Ди Роберто и другие. Все выразили свою солидарность и не касались при этом иных вопросов. Кроме Коллинса. При всем моем личном уважении к нему американец счел и эту оказию подходящей для настояний на многосторонности миротворческих усилий, как бы косвенно пеняя на наши односторонние действия. Минская группа СБСЕ – наилучший механизм для скорейшего прекращения огня и размещения международных наблюдателей, писал он (хотя СБ ООН в резолюциях 874 и 884 вынужден был уже с одобрением говорить о шагах России по прекращению огня).

Эта особенность его послания не была случайной. 23 ноября, в тот же день, когда он направил свое письмо, по поручению господина меня посетил советник-посланник посольства США в Москве Л. Селл – под предлогом выяснения деталей инцидента. На самом деле он больше вел речь о координации действий, ссылаясь на договоренности, достигнутые на недавней встрече Тэлботт – Мамедов в Бонне. Не скрывая различий в подходах России и США к урегулированию в Карабахе, Селл запросил информацию о наших последних шагах (последний российский проект соглашения о прекращении огня и военных действий; характер наших переговоров со сторонами конфликта; планы России по размещению своих разъединительных сил, их количестве и статусе и т.п.). Он выразил надежду, что российский план урегулирования будет осуществляться с учетом многих элементов графика Минской группы СБСЕ, и пожелание, чтобы не было сюрпризов при подписании соглашения и размещении разъединительных сил России (как выразился Селл, им не хотелось бы при подписании соглашения быть статистами). Словом, на той фазе США предпочитали, не оспаривая прямо наших действий, засыпать нас вопросами о том и сём, чтобы под видом тесного сотрудничества всячески сковывать наши шаги.

Потом по указанию министра А.Л. Адамишин и я представили ему жесткую схему действий:

– по завершении урегулирования инцидента с Арменией настоять на заключении трехстороннего соглашения о полном и повсеместном прекращении огня и всех военных действий при посредничестве России;

– пригласить в Россию Г. Алиева, Л. Тер-Петросяна и Р. Кочаряна и добиться подписания соглашения, а также общей схемы будущего статуса Нагорного Карабаха.

А.В. Козырев поддержал настрой перейти от уговоров к жесткому прессингу и велел подготовить конкретные документы, максимально учитывающие уже проделанную работу и роль СБСЕ.

Через день была подготовлена и согласована со всеми заинтересованными ведомствами записка В.С. Черномырдину о мерах воздействия на Армению ввиду отказа принести извинения за инцидент. Предлагалось строго соблюдать ранее установленный запрет на поставку ей вооружений, военной техники, снаряжения и боеприпасов, а также принять меры для свертывания таких поставок из третьих стран, особенно членов СНГ; приостановить предоставление кредитов; прекратить поставку нефти и нефтепродуктов, кроме как для жизнеобеспечения населения (при всей проблематичности контроля за их целевым использованием).

В аппарате правительства началась было бюрократическая тянучка, но один из первых замов В.С. Черномырдина – О.Н. Сосковец расшевелил руководителей ряда ведомств. Он пригласил меня для пояснений и принял меры. Правда, дело и дальше шло с трудом. Помню, как Сосковец звонил потом А.Л. Адамишину при мне и спрашивал, как дела, а тот бросил фразу: «Им пора голосить, а они даже не пищат!». Действительно, армянское лобби немало поработало в Москве, чтобы амортизировать принятые против Армении меры, а позднее добиться их отмены.

25 ноября с заявлением перед главами иностранных дипмиссий в Ереване выступил президент Армении Л. Тер-Петросян. Он сообщил о безоговорочном согласии руководства Нагорного Карабаха с предложенным СБСЕ графиком неотложных мер, но сделал также ряд реверансов в адрес России. Отметив, что в графике Минской группы нет надежного механизма невозобновления военных действий, он рекомендовал мировому сообществу найти оптимальную форму использовать предложения России.

«Досадный инцидент», по словам президента, менее всего выгоден Армении. Но продолжал твердить, что маршрут был в последний момент изменен азербайджанскими властями, из-за чего и произошел, мол, инцидент. Правда, добавил, что военная прокуратура ведет расследование и, «если окажутся виновные, они будут наказаны». Не без лукавства он назвал все это лишь недоразумением в отношениях России и Армении, которое не может иметь никаких серьезных последствий, выразил убеждение, что инцидент очень скоро будет улажен.

Ответ на его заявление был дан на брифинге в МИД России на следующий день. Текст, оглашенный Г.Б. Карасиным, был отредак-

тирован руководством МИД РФ. Отмечалось, что армянская сторона не идет на выполнение самого элементарного требования – принести извинения за неоспоримый факт, что ею был открыт огонь на уничтожение по машине сопровождения спецпредставителя президента России. Подчеркивалось, что одним из условий миротворческой миссии Казимилова было соблюдение всеобщего прекращения огня, обговоренное лично с президентом Армении. Все это вносит ненужные осложнения в отношения двух стран. «При всей их важности для России мы не можем поступаться безопасностью и достоинством официальных представителей страны и ее президента». Было отмечено, что Ереван говорит о важности посреднической роли России, но не делает необходимого для ее возобновления. На брифинге были отвергнуты доводы о якобы изменившемся подходе России к урегулированию, ее проазербайджанском крене. Еще раз подчеркнуто, что Россия строго придерживалась и твердо намерена придерживаться объективности и беспристрастности в процессе урегулирования конфликта.

28 ноября советник Л. Тер-Петросяна Д. Шахназарян от имени президента начал зондировать через меня возможность своего приезда в Москву под предлогом не состоявшегося в Ереване обсуждения посреднических предложений России. МИД Армении прорабатывал другой вариант улаживания инцидента – созыв политических консультаций в соответствии с двусторонним протоколом. Чтобы не терять темпа в нашем посредничестве, я высказался за приезд Шахназаряна в Москву, и начальники согласились.

Его визит имел целью объяснение и улаживание инцидента. Шахназарян передал мне несколько фотографий дороги из Мазамы в Ашагы Аскипара, которая, по его словам, была перерыта рвом и заминирована. Ту же цель преодоления инцидента преследовало посещение МИД России госминистром Армении Вигеном Ивановичем Читечаном, отвечавшим за экономические связи с Россией, – ничего другого он и не мог обсуждать с А.Л. Адамишиным. Он нередко бывал в Москве, но никогда ранее не посещал наше министерство.

Закрыт инцидент был лишь через месяц на саммите СНГ в Ашхабаде 24 декабря 1993 г. Мне не довелось там быть (мы возвращались с Аландских островов, где провели симпозиум парламентариев по мирному решению спора между Финляндией и Швецией). На брифинге МИД России 28 декабря было сказано, что в беседе с президентом Армении в Ашхабаде был урегулирован инцидент 20 ноября. Армяне настаивали, что никаких извинений Л. Тер-Петросян там не приносил, а наши представители сочли их достаточными...

Отдаленный фланг карабахского фронта

Инцидент на границе немало тогда анализировался и обсуждался. Из-за суматохи событий, которые при конфликтах наползают лавиной и быстро сменяют друг друга, мы, прямые их участники, не видели особого смысла возвращаться к ним, заикливаться на инциденте. Он отполз куда-то к исследователям, бойким интерпретаторам, шустрым мемуаристам. Но целый ряд обстоятельств так и не был уточнен тогда, многие точки над «i» так и не проставлены. В чем-то их даже легче проставить теперь, спустя годы – не столь болезненно для сторон.

Происшествие высветило одну особенность карабахского конфликта, подверстав к событиям вокруг Карабаха наглядную картинку с далекого от него участка армяно-азербайджанской границы. Давно было известно, что положение и там ненормальное, но это долго оставалось в тени на фоне бурных военных действий на основном фронте.

Трудновато достоверно судить, кто больше виноват в обстановке на границе между Азербайджаном и Арменией, но каждая сторона внесла немалый вклад: обстрелы и захваты поселений были обоюдными. Нет сомнений, что обе имели свои виды и расчеты на этот фланговый участок конфликта. Азербайджанцев мог привлекать шанс наглядно показать прямое участие в нем Еревана. Армения долго, но тщетно пыталась скрывать или минимизировать свое участие в карабахском конфликте, не хотела признавать себя его стороной, всячески камуфлировала участие своих войск в боях на карабахском фронте. А северный участок армяно-азербайджанской границы отдален от Карабаха так, что там нет карабахских войск – только войска этих двух государств.

Ввиду превосходства Азербайджана в живой силе армянам было важно максимально сковывать силы и средства противной стороны вдали от основного очага военных действий в Карабахе. Видимо, по этим причинам посреднические предложения России с целью нормализации ситуации на границе Армении и Азербайджана в 1992–1993 гг. не встречали поддержки. Ереван, как правило, уклонялся от этих предложений под тем предлогом, что основные участники конфликта – Азербайджан и Нагорный Карабах.

В августе 1993 г. не было принято предложение России оформить договоренность о прекращении огня на границе: Ереван отговорился тем, что Армения не находится, мол, в состоянии войны с Азербайджаном. 8 октября 1993 г. нами было сделано новое предложение – о предотвращении инцидентов на армяно-азербайджанской границе (оно сохраняло силу к моменту инцидента и могло быть быстро оформлено). Но Ереван опять не согласился, выдвигая

нув условием достижение соглашения между Баку и Степанакертом. Логически это не было слишком убедительно. Тот, кто за прекращение вооруженного конфликта, вряд ли ратует за его расширение, а старается использовать любой шанс для его свертывания.

В октябре 1993 г. в связи с протестами Азербайджана по поводу оккупации вооруженными силами Армении целого ряда азербайджанских сел в районах Казах и Зангелана председатель Минской группы СБСЕ попросил у Еревана фактическую информацию на этот счет. Но МИД Армении отказал даже в сведениях о положении в этих приграничных районах. В довольно резком ответном письме утверждалось, что это не имеет отношения к основным проблемам конфликта и что у Армении тоже немало встречных претензий к Азербайджану.

Ереван не раз утверждал, что азербайджанская сторона специально дестабилизирует обстановку на границе обстрелами армянских сел, чтобы вовлечь Армению в конфликт. Но при поездке к границе мы видели немало разрушений и в пустующих азербайджанских поселениях в районе Казах.

Не тем ли и вызвано предпочтение азербайджанцев этому маршруту? Не потому ли и оказался он неприемлем для Еревана, что вел через деревни, захваченные или разгромленные вооруженными формированиями армян на территории Азербайджана? Этот фон может иметь некоторое значение для понимания корней инцидента. Для сторон, заикленных на конфликте, важнее было переиграть друг друга и в данном случае, а то, что это мешает нормальной переброске нашей миссии через границу, не было столь важно.

Версия Еревана, и хотя бы немного логики

Конечно, в этом эпизоде ловчили обе конфликтующие стороны, но больше – армяне, опростоволосившиеся в своем хитроумии. Их доводы во многом не выдерживают критики. Основной принцип тут однозначен – каждая сторона обеспечивает безопасность «гостей» на своей территории.

Начнем с утверждений, что маршрут следования миссии будто бы был согласован заранее. И Баку, и я приняли предложение Еревана о переходе границы в районе города Казах, но армяне однозначно понимали под этим чаще всего используемую дорогу Казах–Иджеван.

С кем же ими согласован этот маршрут? Со мной? Что в этом толку – ведь дорог в этой зоне я и не знал. Да даже зная, не мог

бы единолично решать, как поеду, раз обеспечение безопасности до перехода границы за азербайджанцами. А с ними согласования не получилось – возникли разногласия и возражения армян против «нового» маршрута. Ловчили и азербайджанцы, ложно заверяя меня, будто с армянами все согласовано.

Всячески выпячивая проблему изменения маршрута, армяне тщательно замалчивали, что аппарат президента Армении, да и он лично прекрасно знали о «новом» маршруте Мазам–Ашагы Аскипара, причем заранее, с вечера. Иначе как же мог Д. Шахназарян активно возражать уже вечером 19 ноября против изменения пути? В тот вечер он не раз бывал в кабинете Л. Тер-Петросяна и не мог не доложить ему о ситуации (нашему Ю.С. Игнатову на звонки Шахназаряну тогда отвечали, что тот у президента).

Самый коренной, стержневой вопрос – было ли сообщено армянским военачальникам в той зоне, что там около 10 часов утра **могут** появиться пусть даже «незваные гости»? Но об этом Ереван – ни гу-гу. Трудно поверить, что государственные мужи Армении, даже отвергая «новый» маршрут, не догадались поставить в известность своих военных в том месте. Если нет, то ответственность официального Еревана еще очевиднее. Если сообщили, то важно знать, с каким указанием? Все зависит от сути отданной команды и ее понимания на месте (то ли просто быть на чеку, но не пускать, то ли не пускать любыми средствами, вплоть до открытия огня?). Если Ереван все сообщил кому надо, но получилось не так, то понятно, с кого спросить, – не нужны никакие комиссии.

Берем даже версию, что смена маршрута – провокация Баку. Но зачем же армянам ввязываться в нее, да еще усугублять стрельбой? Раз, по их версии, маршрут вел в тупик – к перерыву в рвом и заминированной дороге на территории АР, то за все это азербайджанцы сами и отвечали бы. Переход границы там так и не состоялся бы, но вовсе не по вине армян. Уперлись бы в этот ров, возникла бы заминка, возвращение в Казах, неловкость для самих азербайджанцев, но не инцидент.

Характерны уловки армян при объяснении инцидента. Они упорно обходили вопрос, кто стрелял, с какой стороны велся огонь, хотя в этом нет ни малейших сомнений. Делались даже пробы, будто стреляли какие-то провокаторы или сами азербайджанцы. Чтобы закамуфлировать, что стрельба шла с подконтрольного армянам берега, Ереван переключал внимание на то, что инцидент имел место на территории Азербайджана. Первоначально даже выгораживал себя тем, будто никто не пострадал (армяне не сразу усекли, что этим невольно выдают себя – ведь тому, кто делает вид, будто стрелял не он, и не нужны такие «смягчающие обстоятельства»).

Чем в условиях фактически установившегося прекращения огня можно оправдать эту стрельбу, даже если не знать о приезде посреднической миссии России? Разве не абсурд – обстрел из-за того, что одной из сторон не нравится маршрут? Почему надо обстреливать и уничтожать спокойно едущий по территории Азербайджана чужой автомобиль?

Показательны и формулировки официального Еревана. Папазян назвал инцидент прискорбным, Тер-Петросян дважды – досадным. Выражено сожаление. Но ни разу не высказано **осуждение**. А если он учинен или спровоцирован другой стороной или кем-то еще, что мешает осудить его?

Любопытно и то, как официальный Ереван старательно понижал мой статус. Москва подчеркивала статус специального представителя президента России и перед поездкой, и в ее ходе, и после инцидента. А Ереван, чтобы сбить резонанс происшествия, всегда говорил об инциденте лишь с послом по особым поручениям. Видимо, рассчитывали, что не все это заметят – ведь я же и вправду был послом.

Вопреки условию блюсти прекращение огня на время этой поездки, стрельбу открывают армяне. Джип, двигаясь по дороге на территории АР, не проявлял никакой агрессивности. Стрельба открыта не предупредительная, в воздух, а на поражение и с нарастанием калибров. К вынужденным действиям (положим, ответным) это не отнести. С азербайджанской стороны (мы – свидетели) была команда огонь не открывать.

Идея создания комиссии для разбирательства инцидента была лишь отговоркой, ибо фактическая сторона дела была абсолютно ясна и не нуждалась в детальном расследовании «компетентной комиссией». Нужны были только объективность, мужество и ответственность. Президент и правительство Армении не раз говорили о собственном расследовании (хотя военный прокурор выехал в этот район лишь через шесть дней, 26 ноября). Но затем ни слова об итогах его поездки, будто так и не нашли стрелявших. А ведь там были не два-три случайных выстрела, а сладострастная пальба из разных калибров. Паливших нетрудно найти даже по расходу боеприпасов. И не спишешь это на неподконтрольные Еревану формирования – на той границе бдели не только пограничники, но и регулярные войска.

С Л. Тер-Петросяном не раз бывало, что он пытался перехитрить всех и вся. Логично ли говорить: «если окажутся виновные, они будут наказаны»? Как будто в данной ситуации (при прекращении огня и приезде посредников) вообще может не быть виновных в массивном одностороннем огне на поражение, причем ничем не спровоцированном. Или виновные где-то еще, но не

в Армении? (Вспоминается уголовное дело о гибели пяти российских военнослужащих в Гюмри в июле 1992 г., которое было приостановлено производством в январе 1993 г. из-за того, что два подозреваемых гражданина Армении скрылись от следствия.)

Среди словесных ухищрений Л. Тер-Петросяна «исходный постулат», что инцидент меньше всего выгоден Армении. Но разве это доказывает, что стрелял кто-то другой? Позволю себе дерзкую, но доходчивую аналогию. Разве не был теракт в московском метро 8 января 1977 г. менее всего выгоден для репутации армян в СССР? А кем он был совершен?

Отдают лукавством и дифирамбы президента РА отношениям между Арменией и Россией (настолько крепки и доверительны, мол, что инцидент не будет иметь серьезных последствий). Возникает вопрос: почему же эта доверительность не позволила ему сразу закрыть дело подобающим образом? И не обязательно публично, как заламывал Козырев. Почему же так упорно Левон Акопович не хотел найти форму принесения извинений? Сделать это за подчиненных не так уж трудно. Сдается, что труднее за себя.

Итак, каков «сухой остаток» армянской версии инцидента?

1. Не прямое отрицание, но всяческий уход от признания того, что огонь был открыт и настойчиво велся с армянской стороны.

2. Замалчивание того, что на фронтах было затишье, что стороны обязались сохранять прекращение огня на время нашей поездки.

3. Искусственное снижение в официальных заявлениях Еревана уровня российской посреднической миссии.

4. Упорное сокрытие того, что высшее руководство Армении с вечера 19 ноября знало о другом маршруте следования.

5. Умолчание, сообщалось ли на место будущего инцидента о нашем предстоящем приезде туда, и если да, то с какими указаниями.

6. Неуклюжие попытки переноса акцентов для увода от истинной сути инцидента (на территории Азербайджана; провокаторы или сами азербайджанцы; мол, никто не пострадал).

7. Многочисленный уход от осуждения инцидента.

8. Ни слова об итогах своего расследования.

9. Изворотливое заявление Л. Тер-Петросяна 25 ноября.

Весь комплекс этих доводов изобличает «хитроумие» Еревана, которое дало обратный эффект. Это наводит на мысль, что стрельба не была случайной, велась не без ведома Еревана. Ясно, что стреляли не в нас, а то, что при нашей поездке, – это не было главным. При одержимости сторон конфликтом важнее было свести счеты с азербайджанцами, «проучить» их за попытку использовать ситуацию в своих интересах... Хотя в «уазике» мог быть и кто-то из нас...

Так что Левон Акопович вряд ли был искрещен, заверяя, будто так уж и не за что извиняться.

* * *

Конечно, и Москва провела партию не лучшим образом. Излишнюю экзальтацию проявил А.В. Козырев. Открыто требовать публичных извинений на высшем уровне, причем в 24 часа да под аккомпанемент угроз – эмоциональный перебор, ибо это действительно могло затронуть престиж президента Армении. Настаивать на извинениях лучше «тихой дипломатией» и на ином уровне.

Со своей стороны, должен самокритично признать недооценку того факта, что нет прямой связи с другой стороной перед переходом границы и уже известной степени ослепления сторон от неуступчивости в этом конфликте (тем более что уже были примеры с Раффаэлли и Моссбергом).

* * *

Вряд ли стоило бы уделять столько внимания этому инциденту, если бы не все то, что на него накручено. Курьезно, что рьяным адвокатом армян публично выступил бывший посол России в Армении В.П. Ступишин. Сначала он издал брошюру про карабахский конфликт, а затем почти целиком включил ее в свои мемуары «Моя миссия в Армению». В обоих изданиях инциденту на границе посвящен целый очерк – аж более 10 страниц!

В его оценках по существу дела почти не найти отличий от армянских. Критически разобрать позицию Еревана он и позволить себе не может (в том числе потому, что пишет в основном со слов армян). Критические стрелы он запускает в азербайджанцев, но больше всего в собственный МИД. Он просто заряжен на всемерное оправдание действий армянской стороны при всяческом охаивании российских участников событий. Его отличие от армян лишь в том, что те не позволяют себе столь разухабистых поношений своих бывших сослуживцев (холуи, бонзы и т.п.). И все это бывший посол России в Армении (похоже, что, скорее, наоборот) изображает как отстаивание правды, как смелую критику в адрес неразумной Москвы.

Как и другие главы его книги, связанные с карабахским конфликтом, этот очерк лишен главного – достоверности. Просто восхищают его самоуверенность, апломб в отношении тех дел, с которыми он соприкасался лишь косвенно, знал в основном с чужих слов, но подает без тени смущения как истину в последней инстанции. В очерке немало неточностей и диалогов, сочиненных

самим автором. Негоже утомлять читателя перечислением его «перлов» и «ляпов». Коснусь лишь нескольких, зримых и невооруженным глазом.

1. Верх безответственности – распространение им в книге сплетни, будто «по МИДу уже ходил проект докладной на имя президента с предложением порвать дипломатические отношения с Арменией». Ведь прежде, чем городить такое (даже если бы и услышал от кого-то), надо хоть задаться вопросом, насколько это верно. Семь раз отмерь, прежде чем писать.

2. Ступишин искусственно отделяет конфликт в Нагорном Карабахе от того, что происходило на армяно-азербайджанской границе (напряженность, обстрелы, взаимные захваты). Будто одно с другим не связано! Могла ли, вопреки очевидному, поступать так Москва, то есть отслеживать не всю панораму конфликта, а только его разрозненные сегменты как совершенно самостоятельные и изолированные? Причем сами армяне не отрицают, а лишь приуменьшают эту связь. А наш бывший посол и тут идет дальше своих армянских друзей. Чего ради вносится это искажение?

3. Любопытно описывает Ступишин мое выступление 22 ноября: «На той же пресс-конференции в присутствии Козырева «спецпредставитель президента» [заметьте, как трудно ему писать это без кавычек] почему-то врать не осмелился и по существу признал, что в него, да и в кортеж тоже никто не стрелял». Каково? Ступишину заведомо известно, что тот должен был врать, а тут вдруг подвел – не осмелился. Из-за этого в конце фразы Ступишину приходится привирать самому. Легкая словесная манипуляция, и... «никто не стрелял». Ну, раз не убили, значит, не стреляли.

4. «Казимиров и Садыхов действительно спрятались в укрытие», – пишет он. В подвал? В блиндаж? «Действительно» вписано для вящей убедительности. Пусть читатель мнит, будто автор самлично видел это.

5. «Уазик» у Ступишина виноват в том, что выкрашен в защитные цвета. А раз так, то для него естественно, что «кто-то» открыл по нему огонь. Какое значение имеет, что соблюдалось прекращение огня, что заранее сообщено о приезде сюда посредника? «Уазик» же окрашен в защитный цвет! Огонь!

6. Сплошной курьез – описание Ступишиным случайно услышанного им в Москве моего телефонного разговора с Казахом (ему показалось, будто с Баку). Он глумится над тем, что я поинтересовался состоянием пострадавших от обстрела азербайджанских «ребят». Ему не понятно чувство сострадания и сопричастности к людям, раненным в связи с нашей миссией. Но он будто бы «расслышал» даже сказанное мне с того конца провода: «Все целы, все живы-здоровы!», хотя из Казаха сообщили прямо противополож-

ное (Ступишин еще отрабатывает первую версию армян, будто никто не пострадал).

Владимир Петрович заявляет, что не в его правилах слушать чужие разговоры, но жалеет, что недослушал. Выходит, подслушивать – неловко. А этично ли тиражировать в книге «недоподслушанное», щедро сдабривая все своей фантазией?! Мораль, что надо!

7. Ссылаясь на Д. Шахназаряна (неизвестно, с какой стати, – тот это отрицает), Ступишин вещает, будто в январе 1994 г. я пытался поехать в Нахичевань. Ему неизвестно, что мне там и делать было нечего (после поездки в июле 1992 г. никогда туда и не собирался). Автор щедр и на небывлицы!

Завершая перечень нелепостей, отмечу лишь, что тогдашний посол и не прилагает усилий, чтобы разобраться в произошедшем, принимая на веру все, что ему говорят официальные лица Армении. Поражает ангажированность, близкая к сервильности запальчивость в обслуживании и даже отстаивании иностранной версии инцидента, мягко выражаясь, весьма зыбкой. Кто прочтет его мемуары, поймет наконец, что все безупречные деятели произрастают в Армении, а разного пошиба негодяи гнездятся в Москве не иначе, как в МИД России.

Уж не буду обличать его в сущих мелочах, например опрометчивом датировании событий (азербайджанское контрнаступление он отнес к первым числам декабря, урегулирование инцидента – к встречам министров в Риме 30 ноября, а не к саммиту СНГ в Ашхабаде 24 декабря и т.п.).

Не случайно подверстываю творения моего рьяного «оппонента» именно к армянской версии событий. Но об этом уже более чем достаточно.

Одна ремарка. В целом не считаю нормальным, что два ветерана МИД России не нашли иного места для дискуссии, чем страницы газет и книг. При первой же атаке Ступишина в «Независимой газете» лет десять назад кратко высказал ему это в том же издании. С тех пор он опубликовал две книги и немало статей по Карабаху, где не просто спорит со мной, но и шельмует меня по любому поводу. Десятки выпадов оставлю без ответа. Не могу же реагировать тут на всё – много чести.

Декабрьская афера 1993 года

При развале начала 90-х годов у России была тьма собственных проблем, но не могла она остаться равнодушной к кровавым событиям на окраинах рухнувшего СССР (от Карабаха и Приднестровья до Таджикистана) – они представляли угрозу и для

нее. Тем не менее, еще бытуют примитивные спекуляции насчет того, что ключ к их урегулированию в руках у Москвы, но ей, мол, выгодны тлеющие конфликты для контроля над бывшими союзными, а ныне независимыми республиками. Все помнят Карабах, ставший нарицательным именем для межэтнических столкновений и ареной полномасштабной ожесточенной войны. Но легко забывается, каким образом при настоятельном содействии России было сбито пламя этого конфликта, опалявшее все Закавказье, каких усилий это стоило. Конфликт все еще не ликвидирован, продолжает чахнуть. Но большая кровь не льется уже 15 лет.

Разгар военных действий в Карабахе пришелся на 1993 год. Это были уже не очаги локальных стычек, а практически сплошная линия фронта и массированные боевые операции с применением современных вооружений, захватами обширных территорий. Инициатива перешла к армянам: помимо карабахцев и добровольцев из разных стран там сражались уже и регулярные войска Армении. Другая сторона завербовала разных наемников, в том числе многих офицеров через военкоматы ряда областей России и около двух тысяч афганских моджахедов.

С середины 1993 г. Россия как посредник все настойчивее подводила конфликтующие стороны сначала к мерам по ограничению боевых действий, а затем к повсеместному прекращению огня. Но перед тем, как выйти на перемирие с 12 мая 1994 г., пришлось пережить горечь целого ряда срывов прекращения огня. Те первые перемирия оказались недолговечными. (Правда, если сложить их сроки, то за вторую половину 1993 г. кровопролитие было приостановлено на целых два месяца: два месяца затишья из шести – не так уж и мало в пересчете на человеческие жизни!)

Тогда никому, кроме России, – ни другим государствам, ни Минской группе СБСЕ – не довелось хотя бы временно сдерживать военные действия в Карабахе (даже когда некоторые возможности возникали и у них). Но это и неудивительно: Москва целеустремленнее других посредников добивалась прежде всего прекращения кровопролития. И не только по гуманным соображениям (хотя их одних более чем достаточно для этого) – в ходе боев еще труднее вести переговоры. Наши западные партнеры вряд ли хотели продолжения боевых действий, но не бились за прекращение огня так, как Россия. У них были другие приоритеты...

Некоторые обвалы надежд в 1993 г. вызывали не только огорчения, но и тяжкие прямые или косвенные последствия. В начале сентября армяне «замотали» отвод войск из занятого ими азербайджанского райцентра Кубатлы, публично обещанный Ереваном и Степанакертом на самом высоком уровне. Тем самым был упущен шанс дать пример проявления гибкости, столь необходимой сторо-

нам для преодоления «упертости» в любом вопросе. Ведь первый жест доброй воли должны сделать те, кто находится в более выгодном положении, – в ущербном состоянии никто не способен на такие жесты, они выглядели бы проявлением слабости и капитулянтством.

В октябре последовали срывы прекращения огня с азербайджанской стороны: 10 числа произошел опасный инцидент у села Куйджак, а 21 октября азербайджанцы окончательно сорвали перемирие, потеряв потом весь юго-запад страны.

Но важно отметить, что когда хоть одна из сторон действительно нуждалась в прекращении огня, оно могло держаться сравнительно долго. Так, одно из них продлевалось четыре раза и длилось с 31 августа до 21 октября: Г.А. Алиеву для избрания президентом 3 октября, что завершало переход власти в его руки, нужны были не бои, а более благоприятные условия.

Особенно памятен своей абсурдностью и кровавыми последствиями срыв договоренности о прекращении огня в середине декабря 1993 г., достигнутой при содействии МИД России «на самом высоком уровне» (то есть с высшими руководителями, если бы только на том же уровне они всё соблюдали). На сей раз причиной был не досадный инцидент на линии фронта (как бывало прежде вследствие опрометчивых действий полевых командиров либо неподконтрольных формирований), а головоупяцтво либо циничный трюк в столичных кабинетах. Вот как это было.

16 декабря 1993 г., находясь в Москве, узнаю, что вновь обострились военные действия на юге, возле г. Бейлаган. Как обычно, посыпались взаимные обвинения. Созваниваюсь по ВЧ-связи поочередно с президентом Г.А. Алиевым и лидером карабахских армян Р.С. Кочаряном. На удивление быстро получаю от обоих согласие на предложение о новом повсеместном прекращении огня. Договариваемся прекратить огонь в полночь на 17 декабря на десять дней, чтобы договориться за это время о его продлении.

Г.А. Алиев сообщает, что от политического руководства Азербайджана соглашение подпишет заместитель председателя Верховного Совета АР А. Джалилов, от военного командования – начальник генштаба Н. Садыков. Р.С. Кочарян поручает это А. Гукасяну и С. Оганяну. Тотчас высылаю факсом в Баку и Степанакерт проект документа для оформления. Текст совсем немного отличается от прежних подобных соглашений.

Времени в обрез, всего несколько часов – ведь после письменного оформления мы еще должны перекрестно направить обеим сторонам факсы, подписанные другой стороной, чтобы подтвердить взаимность принятых обязательств. А военному командованию надо после этого успеть отдать приказы и как можно скорее известить командиров на фронте.

Вскоре получаю факс из Степанакерта: все подписано без поправок или дополнений. Проходят драгоценные часы, а из Баку документа нет и нет. Зная, что Г.А. Алиев плотно занят приготовлениями к визиту во Францию, начинаю торопить бакинцев. Меня уверяют, что задержка носит чисто технический характер: вот-вот вернется в Баку Н. Садыков и сразу подпишет документ. Никаких замечаний или поправок по тексту не высказывают. Чтобы ускорить подписание, «досрочно» высылаю в аппарат президента Азербайджана факс с автографами карабахцев (обычно такая рассылка делалась мной после поступления документов от обеих сторон). Азербайджанцы теперь достоверно могут видеть, что Степанакерт обязался прекратить огонь, если они сделают то же самое. Ложных обольщений на этой почве у них быть не должно – ведь в тексте прямо говорится, что договоренность вступит в силу лишь после подтверждения посредником получения обоих аналогичных документов.

Учитывая сложность обстановки под Бейлаганом и то, что все согласовано лично с президентом Азербайджана (выше некуда – надо доверять!), зондирую мнение Р.С. Кочаряна: не стоит ли прекратить огонь сегодня же в полночь «на джентльменской основе», не откладывая этого из-за «технической задержки» с подписанием документа в Баку? (Каюсь теперь в своей наивности!). К немалому удивлению, Р.С. Кочарян, известный жесткостью, не возражает. Обе стороны вроде бы отдают приказы войскам (из Москвы мне это не проконтролировать!).

Однако утром снова идут взаимные претензии из-за нарушений. Следующие сутки продолжаю выбивать из Баку подписание документа, передаю сторонам встречные протесты и настоятельные требования принять меры. К вечеру 17 декабря шлю лично Гейдару Алиевичу факс с перечислением срывов договоренности (по Р. Кочаряну), с просьбой проверить их и отдать «жесткий приказ о соблюдении прекращения огня». Высылаю этот факс и Минобороны АР М. Мамедову. Свои в подобных ситуациях крайне нежелательны, но все-таки бывали (скажем, не везде на местах сразу получили и выполнили приказ). Иногда ситуация постепенно выправлялась, переходя в затишье.

Но задержка с подписанием документа беспрецедентна! Она продолжается и 18 декабря. Президент Азербайджана уже недосыгаем по ВЧ. Обрывая провода, связываясь с его аппаратом, председателем парламента, министром обороны, генштабом. Телефонные разговоры не запишешь, но сохранился факс личному секретарю Г.А. Алиева: «Тариель, прошу доложить Президенту, что **до сих пор** из Баку не получен посредником **азербайджанский** текст о прекращении огня, подписанный А. Джалиловым и Н. Садыко-

вым. Так работать невозможно. Дело достаточно серьезное, и в нем должен быть порядок. Или тогда надо отменить прекращение огня. 18.XII. 21.00». Опять глухо – ответа нет.

Наконец лишь 19 декабря в 21.40 (более трех суток после уговора с Г. Алиевым!) пришел факс на бланке министра обороны АР, подписанный Джалиловым и Садыковым. Бумага произвела крайне несерьезное впечатление. Это было совсем не то, чего ждали мы с 16 декабря, – не только по форме и адресу, но и по содержанию. Первый трюк очевиден – нет даты. Второй – письмо адресовано не «руководству Нагорного Карабаха» и посреднику, как было прежде, а лишь посреднику. Не внушает доверия подпись Джалилова, мало схожая с прежними.

А главное – в тексте почти ничего не осталось от нашего проекта, давно посланного в Баку и уже подписанного Степанакертом. Искажается и сама суть дела – будто речь идет не о прекращении огня, а уже о его продлении. Словом, письмо совершенно непригодно для оформления того, что было согласовано с Г.А. Алиевым. К тому же, армянам предлагается отвести войска на 10 км: даже не уточняется, где именно – чуть ли не по всему фронту! В довершение нелепостей в конце выражается надежда на «неукоснительное соблюдение подписанных договоренностей!» На что все это рассчитано? Издевка над здравым смыслом. В ущерб своему же народу!

Для наглядности и документальности приведу в приложениях оба текста: 1) тот, что был отправлен в Баку и Степанакерт для подписания (кроме адресовки и подписей, они абсолютно идентичны), и 2) тот, что был получен из Баку трое суток спустя (см. № 20 и 21 среди прилагаемых документов российского посредничества).

Стоит ли напоминать, как оформляют столь деликатные соглашения? Обычно полномочные представители сторон подписывают единый документ в одно время и одном месте. Но чтобы не признавать карабахских армян стороной в конфликте, Баку предпочитал подписывать договоренности с ними заочно (как правило, через нас по факсу). Мы как посредники не возражали против этого – так даже было быстрее. Но совершенно азбучно, что при любой процедуре текст документа должен быть абсолютно идентичным (если бы возникли поправки, их надо было бы согласовать с другой стороной напрямую или через посредника). Разумеется, изменение содержания или формы текста в одностороннем порядке, явочным путем, тем более задним числом нельзя считать ни правомерным, ни корректным. Неужели об этом не догадывались высокие чины в Баку?

(Кстати, 18 и 19 декабря министр обороны Азербайджана М. Мамедов трижды присылал мне перечни нарушений со стороны ар-

мян, исходя из наличия прекращения огня. Будто Баку уже оформил его должным образом!)

Получив эту галиматью из Баку, срочно передаю Н. Садыкову, что текст неприемлем для посредника – документы по прекращению огня обязательно должны быть идентичными по содержанию и форме. Внесение в текст каких-либо иных элементов – абсурд, тем более что бакинцы давно знают, что текст, предложенный посредником, подписан Степанакертом без единой поправки. Новые формулировки могли бы быть предметом переговоров, но это поправки к конкретным формулировкам, скажем, при продлении прекращения огня. А там совершенно иной, ничем не похожий на основу, произвольный текст! Ни одна из сторон без согласования с другой (напрямую или через посредника) не вправе претендовать на свою редакцию текста. Поэтому мы не можем считать прекращение огня состоявшимся.

Тем временем Г.А. Алиев уже в Париже. Строчу в нашем МИД проект шифровки нашему послу во Франции Ю.А. Рыжову. Он должен срочно отыскать там президента Азербайджана и в деликатной форме выразить недоумение тем, что его указания не выполнены в Баку. Несмотря на плотность программы визита Г. Алиева, Юрий Алексеевич находит его и выполняет поручение МИД России. Он сообщил ему, что письмо из Баку совершенно неприемлемо для оформления прекращения огня, но подтвердил нашу готовность провести новые переговоры для установления перемирия. В соответствии с указаниями из Москвы Ю.А. Рыжов подчеркнул, что непременным условием посредничества считаем четкость сторон и верность принимаемым обязательствам – иначе лишь углубляется взаимное недоверие между ними.

Президент заверил посла, будто отдал в Баку все необходимые распоряжения и пообещал по возвращении (!) разобраться с произошедшим (как он разобрался потом с этим делом, мы так и не узнаем).

Что же за спектакль это был? Цепь нелепых недоразумений? Роковая несогласованность внутри бакинской администрации? «Неграмотность» подписантов? Попытка прямого надувательства?

А главное – почему же Г. Алиев, лично распорядившийся прекратить огонь, не проследил за подписанием документа еще до своего отъезда во Францию? Время было. Ведь даже в спешке приготовлений это не могло быть вопросом, недостойным внимания главы государства. Но если не проследил, то какие же указания оставил перед отлетом в Париж? Наконец, было ли возможно там своевольное слушание высшего руководителя со стороны двух высоких лиц, готовых рискнуть своими должностями? Скажем, он велел сделать одно и быстро, а там сделали все лишь трое суток

спустя и шиворот-навыворот. Возможно ли такое при авторитарных порядках, тем более в ходе войны и по ключевому, действительно горящему делу? На эти вопросы никому не хочу навязывать готового ответа – читатель волен выбрать ответ на свой вкус.

А ларчик-то просто открывался! Середина декабря – начало попыток азербайджанского контрнаступления на южном фронте. Одни датируют его как раз 17 декабря, другие началом 20-х чисел, но ясно, что это было самой крупной попыткой отбросить армянские войска в карабахской войне.

В тот же злополучный день, 16 декабря, предприняли мы попытку оздоровить обстановку и на армяно-азербайджанской границе. На основе проговоренного ранее в Баку и Ереване направил Г. Алиеву и Л. Тер-Петросяну проект «Договоренности между АР и РА о недопущении пограничных инцидентов», предложив провести подписание документа в Санкт-Петербурге 19 декабря 1993 г.

В этот день по пути в Финляндию должны были прилететь туда руководящие деятели парламентов Азербайджана и Армении – вице-спикеры Афияддин Джалилов и Арташес Туманян (мы слетались туда, чтобы вместе перебраться автобусом в Хельсинки, а затем самолетом на Аландские острова, где готовилась первая встреча парламентариев трех сторон конфликта).

С мэрией Питера было предварительно договорено о содействии в возможном проведении акта подписания этого документа. 18 декабря из Еревана пришли две небольшие поправки к предложенному мной проекту документа, что подтверждало принципиальную готовность к его подписанию. Эти поправки не помешали бы сторонам договориться об окончательных формулировках. Оставалось каждой стороне дать своим парламентским деятелям полномочия на проведение переговоров и подписание документа.

Однако из Баку не было никакой реакции – ни поправок, ни отказа, а при нашем общении в Петербурге А. Джалилов даже сказался не в курсе данного предложения и проекта документа. И этот план был обрушен, причем из той же столицы! В Питере вместо переговоров прошла в виде милой беседы моя встреча с А.А. Собчаком в присутствии его тогда мало кому известного советника по внешним связям.

Вернувшись с Аландских островов в Москву, подробным письмом от 28 декабря нелепеприятно изложил Г. Алиеву причины несостоявшегося (а вернее, сорванного!) прекращения огня, но... вновь без ответа. Когда было нужно, азербайджанская сторона умела терять способность реагировать на обращения и предложения посредника.

В ходе эскалации боев не было принято и наше новое предложение установить на две недели с 31 декабря новогоднее переми-

рие. Оно было направлено 30 декабря в письменном виде лично Г.А. Алиеву, Р.С. Кочаряну и Л.А. Тер-Петросяну. Баку опять оставил его без ответа. Карабахцы дали согласие и на этот раз. Ереван в тот же день поддержал предложение, согласившись добиваться предотвращения инцидентов на армяно-азербайджанской границе сроком на две недели.

На саммите СНГ в Ашхабаде 23–24 декабря, то есть в интервале между срывами обеих попыток прекращения огня, Г.А. Алиев в заявлении для печати сказал, что (цитирую по ИТАР) «отдает предпочтение мирному решению конфликта, выступает за немедленное прекращение военных действий между противоборствующими сторонами». По его мнению, «необходимые для этого условия пока не созданы, достигнутые ранее договоренности нарушены, не помогли процессу и прямые контакты с представителями армянской общины Нагорного Карабаха».

Контрнаступление, призванное, видимо, создать «необходимые условия», вскоре захлебнулось, принеся азербайджанцам лишь небольшой локальный успех в зоне Горадиза. Но ожесточенные бои зимой 1993/94 гг. еще долго продолжались с большими потерями для обеих сторон.

С этого времени Баку прерывает прямые контакты со Степанакертом, полностью игнорируя его как сторону в конфликте, хотя в 1993 г. десять (!) раз именно с Нагорным Карабахом заключал договоренности об ограничении военных действий, прекращении огня или его продлении (даже без какого-либо участия Еревана). Россия как посредник считала, что в этом конфликте три стороны и, реалистически исходя из его необычной конфигурации, упорно вовлекала в урегулирование и Ереван, но вовсе не для отстранения Степанакерта.

Декабрь 1993 г. выпукло иллюстрирует постоянные трудности работы посредника со сторонами. Показывает, насколько важны политическая воля, четкость действий и верность высших руководителей своему слову. И, кстати, проясняет, почему еще пять месяцев после этого сотрясали регион упорные военные действия. С немалыми человеческими жертвами и материальными разрушениями. С нарастанием потока азербайджанских беженцев, о которых теперь в Баку столько пекутся на словах... Кто ответит за лишние жертвы?

Стоит ли удивляться, что бич карабахского урегулирования – взаимное недоверие сторон!? Декабрьская афера 1993 г. только усугубила его. Не скрою, как посредник я был крайне разочарован, даже удручен. Правда, не мог опускать руки, потому что в Карабахе и вокруг него еще продолжала литься кровь.

Бишкекский протокол

Работу по прекращению кровопролития в Карабахе в 1991–94 гг. Россия вела широко, многопланово, не ограничиваясь военной и политико-дипломатической сферой. Надо было срочно содействовать формированию «партий мира» в противовес разгоряченным и весьма активным «партиям войны» в противостоящих лагерях. Поэтому мы и сами инициировали различные встречи (парламентариев, военных, религиозных лидеров, журналистов), побуждали к этому разные общественные организации конфликтующих сторон и поддерживали возникавшие в этом направлении предложения.

Много усилий прилагалось для прекращения конфликта по парламентской линии, разумеется, при самой активной роли России. В Межпарламентской ассамблее (МПА) СНГ, созданной в 1992 г., была даже (кажется, в сентябре 1993 г.) сформирована группа содействия урегулированию карабахского конфликта. Ее возглавил тогдашний председатель парламента Киргизии Медитхан Шеримкулович Шеримкулов. Называли ее то примирительной миссией, то миротворческой, то посреднической группой МПА СНГ по Карабаху. На той фазе конфликта она была довольно активна и тесно сотрудничала с посреднической миссией России. Мне не раз пришлось участвовать в ее поездках и других мероприятиях.

На встрече парламентариев Азербайджана и Армении и представителей Нагорного Карабаха, проведенной на Аландских островах 21–22 декабря 1993 г. по инициативе МПА СНГ, МИД России и Аландского института мира, ее участникам была предоставлена возможность ознакомиться с опытом разрешения национальных противоречий между шведами и финнами вокруг этих островов. Тогда же в Мариехамне, главном городе Аландских островов, М.Ш. Шеримкулов предложил столицу Киргизии для продолжения межпарламентского диалога между сторонами конфликта.

По предложению МПА СНГ, парламента Киргизии, Федерального Собрания и МИД России новая встреча парламентариев состоялась в Бишкеке 4–5 мая 1994 г., на этот раз на более высоком уровне – руководителей парламентов. Главой делегации Армении был председатель Верховного Совета Бабкен Аракцян. Группу представителей Нагорного Карабаха возглавил тогдашний и.о. «спикера» из Степанакерта Карен Бабурян. Председатель азербайджанского Милли меджлиса Расул Гулиев собирался быть в Бишкеке, но не смог, поскольку президент Г.А. Алиев, вылетев 3 мая на организованную натовцами в Брюсселе встречу «Партнерство ради мира», оставил его старшим лицом в стране. Делегацию Азер-

байджана возглавил его заместитель Афияддин Джалилович Джалилов (позднее, 30 сентября того же года, был убит неизвестным террористом в подъезде своего дома в Баку).

Председатель Совета МПА СНГ и Совета Федерации РФ В.Ф. Шумейко, секретарь Совета МПА СНГ М.И. Кротов участвовали во встрече в Бишкеке от МПА, а по существу представляли также Россию (наряду с автором этих строк, участвовавшим в качестве полномочного представителя Президента Российской Федерации и одновременно от МИД России). Мало кто знает, что в Бишкеке по приглашению М.Ш. Шеримкулова – в ответ на ранее оказанное гостеприимство – присутствовала в роли наблюдателя и делегация лагтинга (местного парламента) Аландских островов во главе с Рогером Янсоном.

В отличие от первой встречи, на Аландских островах, где никаких документов не принималось, хотелось воспользоваться более высоким уровнем форума в Бишкеке, чтобы попытаться принять согласованный итоговый документ, нацеленный на поддержку принятого 15 апреля Заявления глав государств СНГ с его императивной установкой на прекращение кровопролития в Карабахе.

Разумеется, никаких иллюзий, что это будет легко, у нас и быть не могло. Главным в тот момент было перенастроить общественное мнение на перемирие, прекращение огня. Заранее, еще в Москве, мной был подготовлен проект документа – Бишкекского протокола. Вокруг этого проекта и развернулись в столице Киргизии 4 и 5 мая упорнейшие дискуссии, в основном между азербайджанцами и карабахцами, длившиеся оба дня по многу часов. Далеко не всегда удавалось свести споры к тексту документа, нередко они шли гораздо шире. (В порядке самокритики замечу, что дал не очень удачное название этому документу. Ввел слово «протокол» как бы для фиксации намерения прекратить огонь, но оно придало ему оттенок юридического, а не политического документа, каковым он был. Ведь мало кто читал текст этого документа. На этой почве возникли недопонимания и даже мнение, будто в нем и содержится акт прекращения огня.)

Вскоре стало ясно, что вся подготовленная хозяевами программа рушится: заманчивую поездку на озеро Иссык-Куль, намеченную, было, на конец первого дня, и другие мероприятия пришлось отменить. Все застопорилось. Оба дня прошли в жарких спорах – то в полном составе делегаций, то в узком кругу только их руководителей, когда остальные участники встречи часами томилась в кулуарах в ожидании исхода острых дебатов между «спикерами», несмотря на попытки сразу четырех посредников смягчить их.

Само по себе предложение поддержать установку Заявления глав государств СНГ на прекращение огня и военных действий не

вызвало дискуссий. Суть проекта нового документа состояла в развитии этой установки путем призыва со стороны руководителей парламентов ко всем сторонам конфликта прекратить огонь. Но надо было выразить это не общим благим пожеланием, а сделать предметной инициативой. Приближалось 9 мая, связанное в памяти народов Советского Союза с Днем Победы, и надо было использовать эту дату. Ее включение мной в текст документа ни у кого не вызвало возражений – хотелось показать, что наконец-то и в этом конфликте берет верх, **побеждает** разум. В итоге сердцевинной Бишкекского протокола и стал призыв прекратить огонь с предложением конкретного срока – в полночь с 8 на 9 мая 1994 г.

Но по другим вопросам противоречия между сторонами остались непреодолимыми. К сожалению, и в Бишкеке непомерно большое место заняли процедурные вопросы: является ли Нагорный Карабах стороной в этом конфликте и должен ли быть по статусу участия в этом форуме приравнен к армянам из Степанакерта представитель азербайджанской общины Нагорного Карабаха Низами Бахманов. Джалилов оспаривал правомерность участия карабахских армян в этой встрече (по сути дела низводил их статус «стороны конфликта» к «заинтересованной стороне»). Не в силах добиться этого, поскольку участие карабахцев в бишкекской встрече было заранее принято к сведению и Г. Алиевым, он стремился уравнивать с ними члена своей делегации Н. Бахманова. Но это противоречило бы элементарной логике, поскольку тот не представлял ни парламентскую, ни даже муниципальную структуру (очень недолго, с марта до начала мая 1992 г., был в Шуше главой исполнительной власти, но никак не представительной).

Конечно, никто не признавал «НКР» и ее парламент, но все-таки карабахские армяне имели некую выборную структуру на основе волеизъявления местного населения. Даже в хельсинкском решении Совета министров СБСЕ от 24 марта 1992 г. упоминались в первую очередь именно избранные представители Нагорного Карабаха. Запальчиво отторгая их, азербайджанцы не оценили, просто приняли за должное то, что Ереван постепенно подходил к признанию своего статуса стороны в этом конфликте. Аракчян и особенно Бабурян, естественно, всячески отстаивали статус Нагорного Карабаха как стороны конфликта и участника встречи в Бишкеке. Не преминули они также укорить азербайджанцев за снижение их собственного уровня участия в этом форуме.

В ходе дискуссий В.Ф. Шумейко однозначно высказался в том плане, что Нагорный Карабах, как и Армения, является стороной в этом конфликте, и подчеркнул, что без понимания этого практически невозможно прийти к его урегулированию. Из этого исходили мы и на московских переговорах, где с участием делегаций

трех конфликтующих сторон разрабатывался проект соглашения о прекращении вооруженного конфликта.

Расхождения доминировали в Бишкеке и по вопросам существования урегулирования. Разумеется, большинство вопросов реально и не могло быть рассмотрено, а тем более решено руководителями парламентов ввиду специфики этого форума, однако инерция споров на периодически проводившихся в Москве переговорах сработала и в предгорьях Тянь-Шаня. Так, Джалилов больше, чем армяне, ратовал за скорейшее прекращение огня, но настаивал при этом на его непосредственной увязке с незамедлительным выводом армянских войск со всех оккупированных азербайджанских территорий и возвращением туда беженцев. Однако бросалось в глаза, что он совсем не делает акцента на том, как добиться невозобновления военных действий – явно уходил от идеи размещения нейтральных разъединительных сил, готов был довольствоваться наблюдателями.

Джалилов не проявлял также понимания целесообразности предлагать парламентам стран-участниц СНГ обсудить инициативу В.Ф. Шумейко и М.Ш. Шеримкулова о создании миротворческих сил Содружества (в этом вопросе уже чувствовалось, что азербайджанское руководство заангажировалось перед западниками, которые были резко настроены против размещения в зоне конфликта российских миротворческих сил, а силы СНГ представлялись им лишь ширмой для России).

В конечном счете, азербайджанская делегация пыталась продвинуть свой собственный проект итогового документа, в котором находила отражение лишь потребность в прекращении огня при немедленном выводе армянских войск из оккупированных районов Азербайджана, но, разумеется, отклонялось участие Нагорного Карабаха и предельно сужалась роль СНГ в урегулировании. Конечно, собственные проекты любой из сторон конфликта на подобных форумах – дело практически бесперспективное, поскольку они явно нацелены на отражение только своих интересов и легко отклоняются оппонентами как односторонние. Но азербайджанцы и до этого, и впоследствии не раз недопонимали этого и выступали со своими проектами вместо доработки проектов, представленных посредником. Так, в их проекте делалась попытка снять в начале текста ссылку на то, что конфликт «существенно затрагивает интересы других стран региона», которая легко была отклонена другими участниками встречи.

Армяне же делали особый акцент на необходимости выработки механизма, который обеспечивал бы соблюдение прекращения огня и военных действий и надежно гарантировал бы, что они не возобновятся. Только после этого они допускали вывод своих сил

с занятых ими территорий Азербайджана. Иначе говоря, добивались сначала окончательного закрепления прекращения огня и военных действий, решения военно-технических вопросов перед тем, как переходить к военно-политическим (то есть к выводу своих войск).

Как отмечал потом В.Ф. Шумейко, было беспрецедентным, что руководители такого уровня почти двое суток непрерывно работали непосредственно над текстом документа. Хотя, естественно, почти вся «черная» работа, поиск альтернативных формулировок, выпуск очередных обновленных вариантов проекта практически легли на меня как посредника.

В конце дня 5 мая, после действительно изматывающих споров, Бишкекский протокол подписали руководители обеих армянских делегаций и все лица, выступавшие в роли посредников, но не стал подписывать глава делегации Азербайджана. Конечно, отказ Джалилова смазывал результаты встречи. Азербайджанцы внешне мотивировали свою позицию тем, что не было дано право подписи Низами Бахманову, делали не слишком внятные ссылки на то, что документ не отвечает их интересам. Но это были лишь предлоги.

Истинная причина позы Джалилова выявилась довольно быстро. Было известно, что президент Азербайджана Г.А. Алиев выступал 4 мая на заседании Совета НАТО в Брюсселе и подписывал там рамочный документ программы «Партнерство ради мира». В той аудитории он, конечно, ни слова не сказал о миротворческих усилиях России и СНГ, вовсе не говорил о том, что ключ к урегулированию карабахского конфликта в руках у Москвы (как не раз заявлял публично и до этого, и позднее). Достаточно сказать, что в той его речи помимо НАТО, коему было адресовано немало дифирамбов, упоминались только ООН, СБСЕ и его Минская группа – ни Россия, ни СНГ не были названы им ни разу. Эта поездка и речь в штаб-квартире НАТО уже были частью геополитической игры «в зигзаги», в которую втягивался лидер Азербайджана с подачи западных держав.

В этом контексте в те дни вряд ли нужно было Алиеву и подписание Бишкекского протокола, которое как раз энергичнее всего продвигалось именно представителями России как важный шаг идейно-политической подготовки к прекращению кровопролития (что ничуть не умаляет важности вклада других участников встречи в Бишкеке).

В своем выступлении 21 мая 1994 г. Г.А. Алиев раскрыл, как заблаговременно заблокировал подписание протокола: перед своим отъездом в Брюссель он не дал Джалилову полномочий подписывать в Бишкеке какой-либо документ без своего согласия. Тот и действовал в Киргизии в духе этих указаний, чтобы не мешать

своему президенту в Брюсселе. Конечно, это любопытно, но с других точек зрения: было ли в Баку разделение властей, каковы были там реально политические нравы?

В Бишкеке мы, естественно, не знали об этих указаниях Алиева, и тщетно я добивался телефонной связи оттуда с председателем Милли меджлиса Гулиевым в надежде заручиться его согласием на подписание бишкекского призыва. Тем не менее, безусловно правильным было решение, принятое тогда теми, кто подписал документ, – оставить руководству Милли меджлиса возможность присоединиться к нему позднее, если оно пожелает.

После стольких усилий бросать дело на полпути было бы слишком расточительно. Надо было продолжить их. Мне пришлось залететь на один день в Москву для участия в первой встрече А.В. Козырева с новым председателем Минской конференции СБСЕ шведом Яном Элиассоном 6 мая, а на следующий день по договоренности со своим министром и с В.Ф. Шумейко вылететь в Баку для обсуждения Бишкекского протокола с президентом Азербайджана и председателем Милли меджлиса. Надо было выявить окончательную позицию Азербайджана в отношении этого документа, попытаться выйти на его подписание.

Подписание протокола в Баку

8 мая Гейдар Алиевич Алиев собрал в своем кабинете высшее руководство Азербайджана. На совещании были руководители парламента Р.Б. Гулиев и А.Д. Джалилов, госсветник по внешней политике В.М. Гулузаде, мининдел Г.А. Гасанов, министр обороны М.И. Мамедов, заммининдел Т.Н. Зульфугаров, посол Азербайджана в России Р.Г. Ризаев и другие.

Открывая встречу, президент выставил очередную порцию укоров российскому посреднику, начав буквально так: «Опять Вы подготовили документ, который идет вразрез с интересами Азербайджана...» Пришлось потом сказать, что некоторыми положениями Бишкекского протокола не вполне довольны и армяне, но в нем не найти ни одной фразы, которая шла бы вразрез с чаяниями армян или азербайджанцев, заинтересованных в прекращении кровопролития.

Естественно, высказывания присутствовавших на совещании шли в поддержку своего президента. Соотношение «голосов» за столом и не могло быть благоприятным для посредника. Вдруг первым из азербайджанцев более определенно высказался за прекращение огня посол в Москве Рамиз Ризаев. Его поддержал в этом Расул Гулиев. Постепенно стал намечаться поворот к реализму.

Прозвучали и компромиссные идеи подписать документ, но с поправками: кто-то предложил вставить «международные» перед словом «наблюдатели», кто-то вместо «занятые территории» сказать гораздо резче – «захваченные». Первая поправка означала, чтобы наблюдатели были не только из России (кстати говоря, вставлять слово «международные» про наблюдателей было неуместно в том контексте, поскольку речь шла о Протоколе встречи министров обороны в Москве от 18 февраля 1994 г. Реально в тот момент только Россия проявляла готовность быстро выделить миротворческий контингент и наблюдателей, если не считать Турции, что категорически отвергалось армянами). Вторая поправка была преимущественно эмоциональной: ведь в ходе военных действий, за редким исключением, территории захватывают силой или занимают, если противная сторона сама оставляет их. В этом конфликте имело место и то, и другое. Суть-то дела от этих слов мало менялась.

Со своей стороны, как мог, объяснял, что внесение в текст поправок вообще не имеет реального смысла, поскольку все остальные участники встречи в Бишкеке подписали документ в том виде, как есть, и не будут вновь заниматься его рассмотрением – ведь это же не договор, не юридический, а политический документ.

Сказалась и традиционная «болячка» бакинской дипломатии: вновь стали настаивать на подписи Н. Бахманова от имени азербайджанской общины Нагорного Карабаха. Показывал им, что Бахманов не может быть приравнен к руководителям представительных структур. Однако интерес азербайджанских участников этого совещания был горячее и круче любых логических доводов! Подумалось, правда, что нет худа без добра: оговорки вроде бы «спасают лицо» азербайджанских властей при присоединении к документу.

Ближе к концу совещания Алиев сказал Джалилову: «Ну, подписывай, Афияддин!» Но тот заявил, что не может сделать этого, поскольку связал себя позицией, занятой в Бишкеке.

Возникла деликатная, даже курьезная ситуация. И не только в смысле слушания Афияддина Джалиловича. После поворота в настрое совещания в пользу прекращения огня его уклонение позволяло вырulerить на более высокий и естественный уровень подписание документа – председателем Милли меджлиса Р. Гулиевым! Ведь остальные подписи сторон в конфликте принадлежали первым лицам по парламентской линии. Поэтому мне пришлось, как ни странно, выразить понимание позиции Джалилова и поддержать его перед Г. Алиевым, подводя дело к тому, чтобы документ был подписан спикером.

Не без укора своему заместителю Гулиев заметил, что кое-кто озабочен тут своей репутацией, его лично это не беспокоит, была бы лишь польза народу. Он готов подписать с упомянутыми оговорками и с подписью Бахманова. Алиев дал ему согласие. И Гулиев тут же расписался там, где намечалась подпись Джалилова. А внизу страницы разборчивым почерком по-русски были вписаны две «оговорки». Другие важные, но деликатные положения документа (ссылка на Протокол министров обороны от 18 февраля, роль СНГ, идея создания им своих миротворческих сил) затронуты не были.

Затея с подписью Бахманова кончилась конфузом. Азербайджанцы вписали от руки и его фамилию, но не смогли вовремя отыскать его в Баку. Известив Москву о подписании Бишкекского протокола Гулиевым, на другой день я так и увез с собой экземпляр текста с двумя оговорками и приписанной фамилией Бахманова, но без его подписи.

Баку – Москва, 9–11 мая

Утром в понедельник, 9 мая, пришлось провести в Баку необычно многолюдную и продолжительную пресс-конференцию (были представители 20 СМИ) с изложением в самых общих чертах российского плана урегулирования. Подробный (более трех часов) разговор с прессой был вызван в основном множеством наскоков министра иностранных дел Г.А. Гасанова на «российский план» в ходе слушаний в Милли меджлисе 18 апреля.

Пришлось подтвердить журналистам и подписание Р. Гулиевым Бишкекского протокола с двумя поправками, что стало для них сенсацией. О поправках к протоколу вынужден был сказать, что их следует рассматривать как особое мнение азербайджанской стороны, ибо для всех, кто подписал документ еще в Бишкеке, текст остается таким, как они его подписали.

(Огласить предстоявшее в тот же день, 9 мая, подписание министром обороны М. Мамедовым другого документа – о прекращении огня – никак не мог. Уверенности в том, что он будет подписан, как было намечено накануне, не было до самого конца, да к тому же предстояло потом получить еще подписи в Ереване и Степанакерте. Сказал лишь, что теперь необходимо юридически обязывающее соглашение, которое подписали бы руководители Азербайджана, Армении, России, а также Нагорного Карабаха, и добавил, что находясь сейчас ближе к прорыву в урегулировании карабахского конфликта, чем раньше.)

При всех колебаниях и зигзагах азербайджанского руководства подписание им Бишкекского протокола, то есть согласие Баку на

призыв к перемирию, было верным, более или менее своевременным и мужественным шагом с его стороны. Это стало одной из важных предпосылок к прекращению кровопролития.

«Партия войны» в Баку развернула бурную кампанию, даже истерию против Бишкека, причем «вслепую» (полный текст протокола был опубликован местной прессой не сразу – конечно же, в бакинской редакции). Борьба против этого документа, косвенно подогревая и недавним выступлением Г. Гасанова в парламенте с резкой критикой «российского плана», была еще одним предлогом для давления оппозиции на команду Г.А. Алиева и стимулом для объединения ранее разрозненных сил. 10 мая 12 политических партий выступили с заявлением, в котором осуждалось подписание протокола. Пугали тем, что подпись Р. Гулиева рядом с подписью К. Бабуряна будто бы приведет к международному признанию НКР, обвиняли его в национальном предательстве. Глашатаи оппозиции даже не особенно вникали в то, что это был лишь призыв к скорейшему прекращению огня, в котором на тот момент как раз азербайджанская сторона нуждалась больше, чем армяне!

Были, конечно, и трезвые голоса в Азербайджане. Шесть партий центристского блока в совместном заявлении поддержали подписание Бишкекского протокола. Немало зависело от самого Г.А. Алиева, но он не торопился дать знать, что лично благословил подписание. 13 мая партия Национальной независимости Азербайджана потребовала, чтобы президент проявил свое отношение к документу. Алиев довольно аморфно высказался в том смысле, что подписание протокола было правильным шагом, ведущим к прекращению огня. 14 мая в интервью азербайджанскому телевидению Р. Гулиев был вынужден особо подчеркнуть, что подписал Бишкекский протокол в кабинете Алиева, в его присутствии и с его согласия. Надо отдать Гулиеву должное: он и публично высказался за то, что Нагорный Карабах – сторона в конфликте.

С 10 мая обещавшее быть бурным заседание Милли меджлиса было перенесено сначала на 13 число, а потом на 18 мая (второй перенос был из-за нашего с Элиассоном приезда в Баку и длительных – часа на четыре – переговоров у Г.А. Алиева 13 мая с участием спикера Р. Гулиева).

18 мая в Азербайджане разразился парламентский кризис. Когда оппозиции не удалось две попытки включить вопрос о Бишкекском протоколе в повестку дня Милли меджлиса (голосование принесло «ничью» – 19 : 19 при двух воздержавшихся), она стала утверждать, что председатель Милли меджлиса превысил полномочия, настаивала на аннулировании подписи Гулиева и его отставке. Особенно активны были бывший мининдел Тофик Гасымов и Этибар Мамедов. В итоге 17 депутатов покинули заседание,

сорвав кворум (в Милли меджлисе 50 депутатов, кворум – 34) и больше недели отказывались продолжать работу. Гулиев вряд ли ожидал столь бурной обструкции оппозиции и столь невнятной позиции руководства Азербайджана.

Утверждают, будто А. Джалилов и в Баку давал понять прессе, что Бишкекский протокол не учитывает интересы Азербайджана. Верно ли это – не знаю. Любопытную позицию занял Г. Гасанов. В интервью агентству АТА он всячески открещивался от Бишкекского протокола, утверждал, что и не видел его, отказывался комментировать, переадресовывал корреспондента к тем, кто его подписал. Хотя он был среди присутствовавших в кабинете Г. Алиева в тот момент и прямым свидетелем подписания.

Азербайджанские журналисты обращались и ко мне по этому поводу. Не раз звонили и в Москву. Например, спрашивали, надеюсь ли я на ратификацию Милли меджлисом Бишкекского протокола. Выражал им свое недоумение. Отметив важное значение документа для создания политического фона, благоприятствующего прекращению кровопролития, вопрошал затем их самих, о какой ратификации может идти речь, если в нем содержатся лишь призыв к прекращению огня, обращения, предложения и не более того – что же там ратифицировать?

Несмотря на истерику оппозиции, население Азербайджана восприняло Бишкекский протокол сравнительно благожелательно. Согласно опросу, проведенному социологической службой бакинской газеты «Зеркало», 30,7% респондентов отнеслись к нему положительно и 17,8% – скорее положительно, тогда как отрицательно только 17% и скорее отрицательно – 11,5%. Надо сказать, что и другой вопрос дал неблагоприятный для оппозиции результат. Создание на территории республики российских военных баз 27% респондентов сочли просто необходимым, 30,7% – тяжелым, но вынужденным шагом, а отрицательно отнеслись 29,9%. Причем больше других слоев за протокол и за создание баз высказались военные (а за базы и студенческая молодежь) – те, кому продолжение войны угрожало непосредственно. А ведь именно этим оппозиция пугала население, утверждая, что введение российских разъединительных сил приведет к тому, что они останутся тут надолго, будет чуть ли не равнозначно оккупации и созданию здесь военных баз России.

Страсти вокруг Бишкека продолжали бушевать в Азербайджане несколько недель, даже после того, как было достигнуто прекращение огня. Правда, из-за припоздания с подписанием бишкекского документа азербайджанцами и трудных дискуссий в Баку 8 и 9 мая нам не удалось, как намечалось ранее, приурочить перемирие ко Дню Победы. Еще два дня ушло на работу со сторонами

по тексту нового соглашения – прекращение огня вступило в силу лишь в полночь на 12 мая 1994 г.

Вспоминая из-за того, что кровопролитие остановлено при посредничестве России, западники, прежде всего США, лихо-радочно усилили нажим и на Баку, и на Ереван, чтобы те не вздумали принять «российский план» (прямых рычагов давления на Степанакерт у них не было). Но об этом стоит рассказать подробно – возможно, даже отдельным очерком. Здесь отмечу лишь, насколько трудно поверить, что линия США не имела никакого отношения к выступлениям оппозиции в Баку против бишкекского документа. Тем более что Бишкек никак не был связан с СБСЕ и его Минской группой, а прошел как бы в рамках СНГ.

Бишкекский протокол стал кульминацией тех политических усилий, которые мы прилагали в целях прекращения огня за пределами непосредственно переговорного процесса и военно-дипломатической работы. Ведь за спиной руководителей парламентов фактически стояло высшее руководство сторон конфликта. Документ имел важное значение в борьбе за общественное мнение. Это была «грунтовка» для первого эскиза картины будущего перемирия.

Средства массовой информации, даже исследователи и политики, мало знакомые с текстами документов, нередко ошибочно пишут, будто в Бишкеке как раз и было подписано прекращение огня в карабахском конфликте. Они не отличают **призыв** прекратить огонь от документального оформления взятых на сей счет **обязательств** на основе принятых руководством всех сторон политических решений. Не вникая в «технологии» перемирия, не учитывая они и того, что это была встреча руководителей парламентских структур сторон в конфликте, а не представителей исполнительной власти. Главы этих структур нуждались бы в официальных полномочиях на подписание такого соглашения от высших руководителей исполнительной власти, а их ни у кого не было, да они и не запрашивались. Организаторы встречи в Бишкеке и не ставили такую задачу, хотя, разумеется, стремились реалистичски продвинуть дело к тому, чтобы покончить с кровопролитием.

Казалось бы, исследователи должны были обратить внимание и на то, как оценили Бишкекский протокол подписавшие его Бабкен Аракцян и Расул Гулиев. Так, Б. Аракцян на специальной пресс-конференции 7 мая 1994 г. в Ереване отметил, что это серьезный политический документ, однако он составлен в парламентском стиле и носит мягкий рекомендательный характер. Выступая 18 мая 1994 г. на открытии заседания Милли меджлиса, Р. Гулиев в ответ на обвинения группы депутатов в превышении полномочий заявил, что это всего лишь протокол о намерениях, не имеющий юридической силы и носящий рекомендательный характер,

для его подписания не требовалось согласия парламента, а также особых полномочий, не нуждается он и в ратификации.

Гипертрофия значения Бишкека в карабахском урегулировании возникла с обеих сторон: в Азербайджане вследствие той шумной политической борьбы, которая развернулась вокруг протокола, а среди армян из-за эйфории насчет того места, которое занял в Бишкеке и в этом документе Нагорный Карабах. Один из участников бишкекской встречи Аркадий Гукасян в те дни в газете «Республика Армения» назвал ее исторической, поскольку Нагорный Карабах впервые был представлен в качестве равноправной стороны, а «и.о. председателя Верховного Совета НКР» К. Бабурян поставил свою подпись рядом с подписями других участников. Многим армянам примерещилось в этом чуть ли не какое-то признание НКР. Куда умереннее был Б. Аракцян, заявив на той же пресс-конференции, что главным достижением Бишкека явилось признание Нагорного Карабаха де-факто конфликтующей стороной всеми участниками встречи, кроме делегации Азербайджана. Конечно, не так уж точно, что главное было именно в этом, как и то, что Россия признала Степанакерт в данном качестве лишь в Бишкеке, но Б. Аракцян все же был реалистичнее своих соплеменников-политологов.

Достойно сожаления, что даже многие серьезные исследователи – и не только в Баку, Ереване и Степанакерте, но и в Москве – из-за несоразмерного увлечения Бишкекским протоколом практически потеряли из виду куда более основательный документ, принятый на более высоком уровне за 20 дней до Бишкека. Некоторые из них называли Бишкек прорывом в карабахском урегулировании, тогда как подлинный прорыв произошел немного раньше и вылился в достижение бессрочного прекращения огня.

Как отмечалось выше, 15 апреля 1994 г. Совет глав государств СНГ по инициативе России принял в Москве важнейшее Заявление с четкой постановкой вопроса о прекращении огня как неотложной потребности урегулирования в Карабахе. Такой документ был принят СГГ по Карабаху впервые, причем с прямым участием президентов Азербайджана и Армении! В нем говорилось: «Главный приоритет, императив урегулирования – незамедлительное прекращение огня, всех военных действий и вслед за этим его надежное закрепление. Без этого не перейти к ликвидации последствий трагического противоборства». Стоит подчеркнуть, что к тому времени вообще не было ни одного столь определенного документа на этот счет, тем более на высшем уровне, многостороннего и с участием глав обоих государств-участников конфликта.

Исследователи не заметили даже, что Бишкек лишь по форме был продолжением встречи парламентариев на Аландских остро-

вах, а по своей сути был изначально создан как раз в поддержку главами парламентов установки глав государств СНГ на незамедлительное прекращение кровопролития, изложенной в московском документе. А ведь об этом прямо говорится и в самом Бишкекском протоколе: участники встречи в Бишкеке, поддержав Заявление глав государств от 15 апреля, «высказали готовность оказать полную поддержку усилиям глав и представителей исполнительной власти по прекращению вооруженного противоборства и ликвидации его последствий путем скорейшего заключения соответствующего соглашения». Яснее не скажешь...

Так иногда нечто производное, но броское заслоняет основное, базовое, более содержательное и существенное...

12 мая – прорыв к перемирию в Карабахе

12 мая 1994 г. стало почти праздником, днем надежд для пострадавших народов Азербайджана и Армении, для всего Закавказья благодаря вступлению в силу в этот день соглашения о прекращении огня в карабахском конфликте, которое держится уже пятнадцать лет. Соглашения действительно жизненно важно по содержанию и беспрецедентного по форме. Наконец-то и нам, посредникам, улыбнулась удача! Но она благосклонна лишь к тем, кто непреклонно добивается ее. Именно на прекращение кровопролития были нацелены настойчивые посреднические усилия России на протяжении двух с лишним лет (с сентября 1991 г.).

Лучше сказать с самого начала, что ни сами конфликтующие стороны, ни иные посредники не добивались такой цели столь упорно и последовательно. Это легко подтвердить десятком фактов. Тут самый убедительный ответ тем, кто годами назойливо приписывает Москве стремление продлить этот конфликт или затянуть его урегулирование.

Конфликтующие стороны нехотя склонялись иногда к прекращению огня, но, как правило, при неблагоприятном для себя обороте дел на фронте и лишь временному. Обычно в поисках передышки, чтобы затем возобновить боевые действия в погоне за успехами. К сожалению, правящие элиты сторон в конфликте долго не расставались с иллюзией достичь своих целей военным путем, проявляя непримиримость и негибкость. Кое-кто из посредников считал тогда неизбежной продолжительность вооруженной борьбы. А иные под видом участия в урегулировании отдавали свою энергию совсем другим приоритетам.

Ситуация на фронте к началу мая 1994 г. стала весьма противоречивой. После того, как зимой выдохлось контрнаступление

азербайджанцев, дав довольно скромные результаты, но резко приумножив потери всех сторон, сложилось по большому счету определенное равновесие сил. Наиболее упорные бои шли в районе Тер-Тера. Попытки армян овладеть этим городом потенциально представляли большую опасность. Если бы им удалось перерезать дороги, ведущие на второй город Азербайджана – Гянджу, или продвинуться по направлению Барда–Евлах–Мингечаур к реке Кура, то северо-западный выступ республики подвергся бы угрозе отсечения от «материка». Мог повториться кошмар, постигший юго-запад Азербайджана осенью 1993 г., когда армяне вышли на пограничную с Ираном реку Аракс.

Поэтому азербайджанское руководство было заинтересовано в прекращении огня. Прежде оно нередко грешило то нежеланием идти на такой шаг, то нагромождением предварительных условий, иногда заведомо невыполнимых, то срывами договоренностей о нем, но на этот раз настойчиво, с явным укором ставило вопрос: неужели Россия не может остановить военные действия? Это высказывалось и мне на самом высоком уровне. Характерно, что на сей раз оно не выдвигало никаких предварительных условий для прекращения огня, не требовало при этом освобождения захваченных армянами территорий.

К концу воскресного совещания в Баку 8 мая в кабинете президента АР вскоре после того, как спикер Милли меджлиса Р.Б. Гулиев подписал Бишкекский протокол, Г.А. Алиев в моем присутствии дал указание министру обороны М.И. Мамедову оформить документ о прекращении огня.

Голь на выдумки хитра

Сразу же начали работу над текстом. Мне как посреднику приходилось из Баку по советской правительственной линии ВЧ созваниваться с Ереваном и Степанакертом для согласования документа. В какой-то мере помогало то обстоятельство, что Степанакерт как раз объявил, будто прекратил огонь в полночь на 9 мая в одностороннем порядке. В Баку тоже поговаривали об одностороннем прекращении огня, но ясности не было. Тем временем поступали сведения, что столкновения на фронте продолжают.

9 мая в том же кабинете Г.А. Алиева состоялось новое совещание по доводке подготовленного мной документа о прекращении огня. В нем приняли участие Р.Б. Гулиев, В.М. Гулузаде, М.И. Мамедов, посол в Москве Р.Г. Ризаев. Однако радоваться было рано. Азербайджанцы снова (как 4–5 мая в Бишкеке и накануне, 8 мая,

в Баку) принялись настаивать на том, чтобы и под этим документом стояла также подпись представителя азербайджанской общины Нагорного Карабаха.

Это стало «пунктиком» бакинской дипломатии. Конечно, эта община оставалась «заинтересованной стороной», но не могла считаться стороной в конфликте. Достаточно сказать, что у нее не было никаких собственных подразделений на фронте, которым надлежало бы прекратить огонь (потом однажды мой финский коллега, сопредседатель Минской группы ОБСЕ Р. Ниберг напомнил Г. Алиеву в этой связи, как Сталин в ответ на рассуждения о могуществе Ватикана спросил: «А сколько дивизий у папы римского?»). Элементарная логика не позволила мне включить в этот текст подпись Н. Бахманова. Но тут же возникли новые препятствия.

Первый вариант соглашения о прекращении огня был подготовлен мной на той же основе, что и прежде, – между Баку и Степанакертом. Однако азербайджанцы, ровно 10 раз оформлявшие до этого документы об ограничении военных действий со Степанакертом (без какого-либо участия Еревана), соглашались теперь подписать соглашение только с представителем Армении, но без армян Нагорного Карабаха. Ереван, как и прежде, сначала уходил от этого.

Со своей стороны, объяснил, что теряем на этом время – вряд ли Ереван пойдет на подписание. Но Гейдар Алиевич попросил еще раз попытаться убедить в необходимости этого руководство Армении. И действительно, не без труда, но на сей раз удалось наконец договориться по ВЧ о том, что Армения также подпишет документ (впервые после грачевского соглашения в Сочи 19 сентября 1992 г. о приостановке военных действий на два месяца).

Но в отличие от того соглашения в Сочи Ереван не желал ничего подписывать без участия Степанакерта, а азербайджанцы не хотели ставить подпись рядом с карабахцами, тем более в их присутствии. Известны «технологии», позволяющие подписать документ порознь, то есть без очной встречи представителей сторон за одним столом, но бакинцы не хотели и этого. Самое главное заслонялось явно вторичным. Кроме того, согласовать место подписания и обеспечить приезд туда полномочных представителей заняло бы не один день, а все было столь зыбко, что могло за это время и разладиться.

Тупик был абсурдным: все стороны конфликта согласны на прекращение огня, но дело упиралось в то, чьи подписи должны стоять под документом. Надо было безотлагательно использовать готовность всех сторон прекратить огонь и как-то обойти их упорное нежелание встречаться, чтобы нормально подписать единый документ.

Времени на согласование формальностей в обрез! Выбора между продолжением кровопролития и юридическими тонкостями и быть не могло. Требовались нестандартные решения, даже уловки, чтобы не потерять драгоценную суть дела, не подвергать опасности новые сотни, а может быть, и тысячи жизней только из-за формальных расхождений. По-своему пригодилась прежняя «технология», применявшаяся нами на протяжении 1993 г. при заключении краткосрочных договоренностей о прекращении огня или его продлении – уже наработанный опыт «факсимильной» дипломатии, когда из-за срочности дела и невозможности собрать представителей конфликтующих сторон воедино приходилось договариваться со сторонами по телефону, а потом быстро оформлять договоренности путем обмена по факсу между ними, но через Москву согласованными и подписанными текстами. Но то были «однодневки», а теперь нужно было совсем иное.

Так, 9 мая мы приступили к оформлению прекращения огня, несмотря на нежелание одной стороны проводить специальную встречу и подписывать документ вместе с представителем другой конфликтующей стороны, реально противостоящей ей на поле боя, но с конца 1993 г. не признаваемой более в этом качестве. Остальные параметры договоренности согласовать все же удалось. Условились, что соглашение подпишут высшие военачальники сторон – министры обороны Азербайджана и Армении и «командующий армией Нагорного Карабаха».

Текст, срочно подготовленный в Баку российским посредником, имел, подобно прежним документам, форму абсолютно идентичного обращения каждой из сторон к трем должностным лицам России. Ради отлаживания непростых отношений между МИД и Минобороны РФ на первое место среди адресатов я ставил не своего непосредственного начальника, а министра обороны П.С. Грачева, только на второе мининдел А.В. Козырева, а на третье полномочного представителя Президента России по урегулированию в Нагорном Карабахе.

Такая последовательность адресов использовалась и ранее. Она была вполне естественной, поскольку подписывают обращение высшие военачальники и по тексту просят Грачева как можно скорее провести совещание в Москве с их участием для согласования механизма обеспечения прекращения огня. Приходилось учитывать, что могут потребоваться то ли российские военные наблюдатели, то ли разделительные силы, а они есть только у Минобороны. Грачев именно себя видел в роли миротворца: как только в сентябре 1992 г. подписал он соглашение в Сочи, тут же нашлись у России военные наблюдатели (а когда прекращение огня готовилось силами МИД РФ, в ответ на наши запросы

Минобороны не раз присылало формальные отписки). Вот почему надо было первым поставить Грачева, хотя ни он, ни Минобороны не имели отношения к составлению этого документа.

Из-за двухдневных дискуссий в Баку (8 и 9 мая – сначала по Бишкекскому протоколу, а потом по соглашению о прекращении огня) так и не удалось приурочить перемирие ко Дню Победы, как предлагалось в Бишкеке. Наметили, было, начать его в полночь на 11 мая, но из-за сложного порядка подписания соглашения пришлось сдвинуть еще раз на 00 часов 01 минуту 12 мая.

В итоге Г. Алиев 9 мая благославил министра обороны М. Мамедова подписать текст из четырех пунктов. В нем были обозначены должности и других «подписантов»: министра обороны Армении и командующего армией НК. Но им предстояло подписывать не этот же лист, а в Ереване и Степанакерте точно такой же текст с теми же адресами. Кто-то в Баку даже сочинил, будто подпись НК не намечалась, а внес ее туда задним числом я. Гнусность этой выдумки показывает текст, подписанный Мамедовым (см. стр. 396). В нем видно, что, когда удалось уговорить Ереван, мной от руки на радость азербайджанцам вписана посредине должность министра обороны Армении, а НК пропечатан там изначально.

Из Баку факсом тот же текст был отправлен мной на подписание в Ереван и Степанакерт. Поскольку я тут же вылетал в Москву, то попросил оба подписанных экземпляра прислать оттуда сразу в МИД России. Параллельно сразу же выслал копию в Москву, в том числе П.С. Грачеву и его заместителю Г.Г. Кондратьеву, пометив, что текст передал на подпись армянам.

Пока мне удалось добраться в Москве до МИД, министр обороны Армении Серж Саркисян внес две небольшие поправки (опустил одну из ссылок на московский протокол министров обороны от 18 февраля 1994 г. и снял идею пригласить председателя Минской конференции СБСЕ по Нагорному Карабаху на подписание будущего соглашения о прекращении вооруженного конфликта). Уже из Москвы по телефону я согласовал эти поправки с Баку, но там быстро согласились с ними.

10 мая получил окончательный текст с подписью министра обороны Армении. 11 мая пришел факс из Степанакерта с такой же «одиноким» подписью командующего армией Нагорного Карабаха Самвела Бабаяна. Немедленно известил все стороны о завершении процедуры подписания и перекрестно разослал факсом каждой стороне листы с подписями двух других сторон – надо срочно отдать приказы войскам!

Эти три листка (с идентичным текстом и одной подписью на каждом из них), сведенные воедино в Москве в руках российского

посредника, и стали искомым соглашением о прекращении огня. Совокупно они как бы составили документ, который обычно подписывают полномочные представители сторон за одним столом либо, по меньшей мере, в один день и в одном месте, на одном листе (а иногда и в нескольких экземплярах). Ссылки в тексте на Протокол министров обороны от 18 февраля и призыв парламентариев из Бишкека вовсе не означали, что документ был чем-то производным от них. Это было самостоятельное соглашение, но упоминание о них как бы закрепляло позитивную динамику мирного процесса.

Плюсы и минусы прекращения огня 1994 года

В отличие от всех предыдущих договоренностей о прекращении огня действие данного соглашения изначально оформлялось «по умолчанию» как бессрочное: на этот раз специально не был указан какой-либо срок его действия. С этим крайне важным обстоятельством согласились все стороны (хотя потом вокруг этого возникали непростые ситуации).

Другое отличие от предыдущих соглашений состояло в том, что на сей раз на каждом листе ставились не по две подписи от каждой стороны (от имени политического и военного руководства – как было прежде), а по одной подписи высшего военачальника каждой стороны. Вроде бы это технические мелочи, но они отражали некоторые политико-процедурные подвижки. Во-первых, как ни капризничали в Баку, под соглашением значилось, что его подписывает и Нагорный Карабах. Во-вторых, как бы ни ловчил Ереван, изображая, будто конфликт лишь между Баку и Степанакертом, ему пришлось поставить и свою подпись. Наперекор пропагандистским ухищрениям сторон, все это гораздо реальнее отражало обстановку в регионе. Бакинцев радовало появление подписи Еревана. Правда, в дальнейшем Баку стал еще больше уклоняться от признания Степанакерта конфликтующей стороной и участником переговоров.

Только ревнители стерильной юриспруденции могут скептически обозначать слишком своеобразную форму соглашения. Но можно вспомнить аналог – широко применяемое заключение договоренностей в виде обмена письмами между сторонами. Специфика ситуации состояла в том, что стороны не были готовы обменяться письмами между собой напрямую (к тому же их было трое!). Именно поэтому использовалась форма обращения каждой из сторон к России как посреднику с принятием идентичных обязательств. Дело облегчалось также тем, что в данном конфликте этот

прием оформления договоренностей уже был признан сторонами, не вызывал у них отторжения.

Поэтому соглашение о прекращении огня с 12 мая 1994 г. не имеет единого оригинала или нескольких экземпляров, подписанных представителями всех трех сторон. Не было печатей, сургуча, нарядных папок. Нет и формального депозитария соглашения, хотя все три экземпляра обращения были адресованы и направлены в Москву. Но эти формальные «несовершенства» документа, его несоответствие известным стандартам не помешали, однако, осуществить прекращение огня на практике, а ведь это главное. Дело не в неурядицах оформления, а в политической воле сторон, верно отражавшей в тот момент стремление как азербайджанского, так и армянского народов добиться прекращения кровопролития. К тому же, критерий истины – практика, в данном случае длительное перемирие...

Существеннее другие слабости соглашения. Оно не содержало таких обычных средств закрепления прекращения огня, как развод сил конфликтующих сторон от линии их соприкосновения, отвод от нее тяжелых вооружений, создание буферной зоны, размещение там нейтральных наблюдателей или разделительных сил, мер контроля, международных гарантий. Исходили из того, что часть этих задач будет решена на встрече министров обороны Азербайджана, Армении и «командующего армией Нагорного Карабаха», которую в этом обращении все трое просили министра обороны России срочно созвать в Москве (предлагалось даже сделать это 12 мая, но Грачев не мог в те дни).

Московская встреча министров обороны

По приглашению П.С. Грачева эта встреча в Москве прошла 16–17 мая 1994 г. Любопытно, что к ней сотрудники Минобороны РФ, привыкшие к нередким срывам прекращения огня в Карабахе, подготовили своему министру проекты документов, в которых вновь предлагали... прекратить огонь с 18 мая. С некоторым недоверием и даже без удовольствия выслушали они мои пояснения, что такое соглашение уже подписано и вот уже несколько дней как в основном установилось прекращение военных действий (инцидентов было немного, а крупных не было вообще). Поверить, что перемирие наконец-то состоялось, было нелегко!

Во время совещания в Минобороны РФ кое у кого не выдержали нервы. Грачев, не раз проводивший подобные встречи азербайджанских и армянских военачальников по Карабаху, явно раздосадованный их несговорчивостью и необязательностью, весь

ма опрометчиво избрал чересчур резкий, почти ультимативный тон, чуть ли не тон диктата. На следующий день пресса не упустила случая расписать это самыми броскими мазками. К совещанию были разработаны и в основном одобрены на нем меры по укреплению режима прекращения огня, исходившие из размещения в зоне конфликта российских миротворцев.

Но нервы подвели не только Грачева. В тот же день Г.А. Алиев срочно дал указание своему министру Мамедову не подписывать выработанного на этой встрече документа, а немедленно вернуться в Баку будто бы за дополнительными инструкциями. 17 мая вместе с Мамедовым мы вылетели в Баку. 18 мая Г.А. Алиев принял его и дал указание не подписывать московский документ. Как рассказал мне потом министр, президент помахал перед ним ладонью вниз, давая понять, что не следует торопиться.

Принимая в тот же день меня, президент делал финты, предлагая встречу с Л. Тер-Петросяном в Москве в первых числах июня будто бы уже для подписания «большого политического соглашения», как его окрестили СМИ. Гейдар Алиевич объяснял отзыв Мамедова в Баку неподобающе резким тоном Грачева, но причины явно лежали глубже. О чем речь еще впереди.

Когда 19 мая мы с Мамедовым опять же вместе вернулись в Москву, азербайджанский министр на встрече с заместителем министра обороны России Г.Г. Кондратьевым (Грачев не пожелал принимать его) начал накручивать новые условия как раз для того, чтобы не подписывать документ, подготовленный 16 мая. Он попытался увязать развод войск с выводом армянских сил с занятых ими территорий, хотя это уже не столько военно-технический вопрос, сколько военно-политический, который надо было решать в «большом политическом соглашении».

Азербайджан подвергся сильнейшему нажиму западных держав. Если прекращение огня при посредничестве России было для западников немалым огорчением, то перспектива размещения в зоне конфликта ее миротворческих структур становилась для них просто невыносимой. Это видно и из необычайной активизации руководства Минской группы после 12 мая, из серии поездок и предложений Яна Элиассона, а также из всей динамики западной дипломатии по Карабаху на протяжении всего 1994 г. Все ее усилия были нацелены на то, чтобы обозначить хотя бы перспективу направления наблюдателей и миротворческих сил ОБСЕ – лишь бы не допустить размещения сил России и других стран СНГ. Вот этого нажима Алиев и не выдержал, дав команду на очередной зигзаг в своей политике, на сей раз в сторону Запада.

Уход Азербайджана от средств закрепления прекращения огня не дал возможности основательно упрочить соглашение в военно-

техническом отношении. В итоге перемирие не получило надлежащего подкрепления ни от России, ни от Запада и объективно осталось сравнительно хрупким. Не было проведено развода сил сторон от линии соприкосновения, отвода тяжелых вооружений на достаточную дистанцию, не установлена бесполетная зона и т.п.

Иногда стороны не без гордости отмечают, что прекращение огня поддерживается ими самостоятельно, без подключения иностранных наблюдателей или разъединительных сил. Верно – это действительно достижение! Но все-таки линия соприкосновения сторон осталась весьма взрывоопасной зоной. Вследствие нередких инцидентов каждый год там гибнут люди. Есть оценки, что за 15 лет в этой полосе погибли несколько тысяч военнослужащих и мирных жителей. Кроме того, это постоянный источник подпитки напряженности в зоне конфликта, «масло» в огонь враждебной пропаганды.

Чувствовалась разница в восприятии прекращения огня сторонами. В Азербайджане вначале преобладало некоторое облегчение. А некоторые армяне, особенно карабахские упрямцы, не раз потом сетовали, что настойчивость России помешала им овладеть городом Тер-Тер и сделать Баку сговорчивее. Публично же они не раз заявляли, что прекращение огня не столько результат посреднических усилий, сколько прямое следствие установившегося военного равновесия сил.

Закрепление перемирия: фантазии и реалии

Два месяца спустя, 20 июля 1994 г., последовала довольно нелепая попытка западников «перехватить» у России майское прекращение огня. Президент Л. Тер-Петросян сообщил мне в Ереване, что из Стокгольма звонил швед Матиас Моссберг и от имени руководства Минской группы (шведы были тогда ее единоличными председателями) предложил... продлить прекращение огня на 30 дней.

Отвечаю президенту, что часа два назад Моссберг позвонил и мне в Ереван, но ни слова не сказал о таком предложении. Но еще более странно и гораздо важнее другое: как это продлить прекращение огня, которое специально было установлено как бессрочное? Что означало бы это на практике? Фактически дать той или иной стороне возможность через 30 дней отказаться от дальнейшего продления и открыть простор для возобновления военных действий. Разумеется, мы не могли пойти на это – променять бессрочное перемирие на месячное и оказаться затем перед неизвестностью. Курьезная вылазка М. Моссберга примечательна тем,

что ради «перехвата» прекращения огня и передачи дела в руки МГ шведы не останавливались даже перед риском его срыва! Трудно поверить, что грамотные шведские дипломаты не сознавали этого или действовали так по своей собственной инициативе.

Вместо этого тут же предложил Тер-Петросяну альтернативный вариант. Пусть политические и/или военные руководители сторон периодически (совместно или порознь) подтверждают режим прекращения огня, что только укрепляло бы его. Тер-Петросян одобрил идею. Обсудив ее с Баку и Степанакертом, мы получили согласие всех сторон. Тут же сделали первый набросок и начали согласование со сторонами небольшого текста из двух абзацев. Вернувшись в Москву, следил, как стороны – уже напрямую – завершали согласование формулировок.

26–27 июля 1994 г. три военных руководителя – министры обороны Азербайджана и Армении и командующий армией Нагорного Карабаха подписали первое такое подтверждение. Опять же по факсу его текст был направлен в Москву в те же адреса, что и прежде. Правда, в Баку советник президента Азербайджана Вафа Гулузаде предложил мне направить этот текст и Яну Элиассону как председателю Минской конференции. Мы не стали возражать, согласились и армяне. Так впервые стал фигурировать в переписке с Москвой и этот новый адресат.

Не смешно ли, что посему западники заметно поднимают значение этого документа в противовес соглашению от 9–11 мая? Но еще раньше мы видели, как Постоянный комитет СБСЕ 19 мая вообще «не заметил» этого соглашения, потому что достигнуто Россией, и выразил поддержку альтернативному проекту соглашения об укреплении режима прекращения огня, с которым несколько недель «носился» Я. Элиассон, мешая нашей работе со сторонами над «большим политическим соглашением» (он даже добился подписи азербайджанцев, но они тут же, через два дня, отзывали ее).

Новинкой документа от 26–27 июля было то, что на сей раз все оформлялось уже на одном листе (а не отдельно) с указанием должностей и автографами (это было чуть ли не достижением!). Именно в этом тексте впервые появилась широко использовавшаяся потом в разных вариациях формулировка о том, что стороны обязуются соблюдать прекращение огня вплоть до заключения соглашения о прекращении вооруженного конфликта. Дословно это было высказано так: «Противоборствующие стороны обязуются в согласованные сроки подтверждать взятые на себя обязательства по прекращению огня вплоть до заключения большого политического соглашения, которое предусматривает полное прекращение военных действий».

Поиск путей закрепления отказа от кровопролития был продолжен нами. С целью укрепления режима прекращения огня (опять же по нашей инициативе, но от имени сопредседателей Минской группы – России и Швеции) было оформлено и с 6 февраля 1995 г. вступило в силу соглашение об укреплении режима прекращения огня. Это договоренность о порядке урегулирования вооруженных инцидентов, которые возникали порой чаще на армяно-азербайджанской границе, чем вокруг Нагорного Карабаха. Важно было предоставить в распоряжение сторон четкий механизм, который затруднял бы их продолжение или эскалацию. По просьбе одной из сторон нами был разработан даже проект внутренней инструкции по порядку использования данного механизма. И если стороны не использовали в должной мере этот механизм, то это «их проблема» – они сами ответственны за это.

Спустя много лет обнаруживаю некий перл, принадлежащий Вафе Гулузаде. В бакинской газете «Зеркало» (26 декабря 1998 г.) он расписывает, будто в мае 1994 г. я предлагал установить трехмесячный срок действия соглашения о прекращении огня. «Через каждые три месяца Азербайджан и Армения должны были бы при посредничестве России договариваться о продлении прекращения огня, – негодует он. – Так что кланяться в ноги России нам предлагали через каждые три месяца».

Право, логика довольно странная: неужели Москва, положившая столько сил для прекращения кровопролития в Карабахе, могла быть заинтересована вновь и вновь упражняться каждые три месяца в том, чтобы уламывать таких непростых партнеров продлить перемирие, не говоря уже о возможности его срыва? К счастью, сохранился рукописный черновик этого соглашения: изначальный набросок, сделанный мной в кабинете Г.А. Алиева 8 мая 1994 г. Разумеется, в нем нет ни прямых, ни косвенных намеков срока действия – как уже говорилось, соглашение сразу разрабатывалось как бессрочное!

Но В. Гулузаде не останавливается на этой выдумке. Он продолжает фантазировать: «Формулировка о прекращении огня – «вплоть до заключения мирного соглашения» – была достигнута обходным путем, по телефону, минуя Москву, Париж, благодаря конструктивизму и сотрудничеству Жирайра Либаридяна, бывшего советника бывшего президента Армении Левона Тер-Петросяна, с которым я вел прямые переговоры. Эта формулировка, наряду с другими факторами, несомненно, способствовала тому, что прекращение огня приобрело устойчивый характер. Начался мирный процесс, и перестали гибнуть люди».

Не хочу оспаривать слов о Ж. Либаридяне и важности упомянутой формулировки. Но Вафа Мирзоевич не отличился тут ни

серьезностью суждений, ни надежностью своей памяти. Мирный процесс начался еще раньше, люди перестали гибнуть благодаря перемирию, а не какой-то формулировке. Прямые переговоры советников двух президентов начались в Амстердаме лишь 19 декабря 1995 г., полтора года спустя. Так что и в этом деле участие Москвы не было лишним, хотя В. Гулузаде – то ли по забывчивости, то ли по умыслу – столь рьяно отрицает, даже отвергает его.

И уж совсем не удержал он в памяти, что именно предлагалось делать раз в три месяца. В июле 1994 г. в связи с разработкой текста периодических подтверждений прекращения огня вначале действительно была идея делать их раз в три месяца, но затем в ходе согласований конкретная периодичность выпала. Но ведь это вовсе не срок действия прекращения огня! Одним словом, не то, не тогда и не там... Тщетна попытка В. Гулузаде вчинить нам сей нелепый укор! Не буду касаться политической сути его строк. Сознает ли он, в каком дефиците у него самое необходимое – сама достоверность изложения?

Так в основных чертах обстояло дело с прекращением огня и военных действий в Карабахе в мае 1994 г. Хотя пресса, политологи и даже некоторые исследователи, нередко не зная документов, впадают в путаницу и вводят в заблуждение своих читателей. Незнание документов по этому конфликту носит пандемический характер. Можно лишь диву даваться при чтении высказываний разного рода обозревателей и комментаторов.

Чаще всего приписывают прекращение огня Бишкекскому протоколу, не понимая, что там был лишь призыв руководителей парламентов прекратить огонь в ночь на 9 мая, а не соглашение об этом с 12 мая 1994 г. Отмечая годовщины перемирия, некоторые СМИ, как по единой команде, утверждают, что в тот день «вступил в силу» Бишкекский протокол. Им и невдомек, что это был политический документ, а не юридический, который может вступать в силу. Признаю собственную погрешность: конечно, этот документ и надо было назвать призывом, а не протоколом.

Другая нередкая ошибка – будто прекращение огня в Карабахе установлено с 18 мая (на упомянутом совещании министров обороны в Москве). В какой-то мере повинны в этом и мы, поскольку не публиковали текст соглашения о прекращении огня (правда, говорят, он давно был размещен на сайте «МИД НКР»).

Кому-то и перемирие не власть

Остается добавить, что прекращение кровопролития не только и не столько порадовало, сколько озаботило наших западных партнеров по Минской группе СБСЕ тем, что достигнуто при содействии России. Это вызвало немалый переполох среди западников и необычайную активизацию шведов как председателей МГ СБСЕ. О некоторых «контрмерах» уже говорилось. Когда Минской группе не удалось перехватить прекращение огня, возобладала линия на то, чтобы, признав скороговоркой вклад России, хотя бы умалить его значение. Это проявлялось в различных формах.

Например, и много лет спустя справочники ОБСЕ утверждали, будто соглашение о прекращении огня в Карабахе имело неофициальный характер. Выше уже отмечалось, что в нем нет юридической чистоты и других тонкостей. Но оно подписано старшими военачальниками всех трех сторон в конфликте, уполномоченных на то высшими руководителями Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха. Более того, его многократно и публично одобряли и подтверждали первые лица всех сторон в конфликте. Оно не требовало одобрения парламентов, но было однозначно одобрено народами. Годы, прошедшие с тех пор, подтвердили его жизнеспособность. Каковы же основания считать его неофициальным? Кто и по каким критериям уполномочен определять меру официальности этого документа? Вряд ли корректно судить об этом со стороны СБСЕ, которое не имело прямого отношения к его подписанию. Если в этом истолковании и состоит реальный вклад ОБСЕ в карабахское урегулирование в части прекращения огня, то вряд ли он полезен.

Свою лепту в возбуждение сумятицы насчет характера этого соглашения внес в свое время президент Армении Л. Тер-Петросян. Выступая на 49-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 29 сентября 1994 г., он заявил, что «благодаря прямым и непосредственным контактам сторон конфликта установленное 12 мая прекращение огня получило де-факто 27 июля и 28 августа 1994 г. официальный характер, стороны подтвердили свое стремление соблюдать режим прекращения огня до подписания политического документа». Слова президента Армении явно нацелены на показ плодотворности прямых контактов между сторонами конфликта, хотя абсолютно ничем невозможно подкрепить его суждение о том, будто заявления в конце июля и августа того года имели более официальный характер, чем само соглашение. Тот же уровень подписей, то же благословение высших руководителей. Как прекращение огня могло получить (к тому же де-факто!) официальный характер от июльского и августовского подтверждений –

одному богу известно! Надо сказать, что со стороны Азербайджана и Нагорного Карабаха подобных чудачеств не было.

Важно отметить, что в то время американцы как раз вели работу в пользу так называемой «формализации» прекращения огня (иначе говоря, как бы придания ему более официального характера). Вице-президент А. Гор и госсекретарь У. Кристофер 27 сентября 1994 г. говорили нашей делегации в США об этом как чуть ли не о первоочередной задаче по Карабаху. В переводе с псевдоюридического на язык политики это, с одной стороны, означало по-прежнему стремление принизить достижение России как посредника, а с другой – поиск новой формы того же перехвата прекращения огня и его передачи в руки СБСЕ. Поэтому в ответ им А.В. Козырев подчеркнул тогда, что надо добиваться политического соглашения между сторонами конфликта, ибо в его отсутствие прекращение огня никогда не станет устойчивым, сколько бы мы его ни формализовали.

Стоит ли удивляться тому, что затем кое-кто из исследователей стал называть это соглашение «неофициальным», что международные чиновники из Секретариата ОБСЕ упорно твердили об этом в своих официальных справочниках? А ведь вопрос этот не носит чисто исторического или абстрактно юридического характера. То, что этим пытаются уязвить роль России, не самое главное. Суть в другом: это соглашение остается пока единственным реальным достижением в карабахском урегулировании – его значение ощущают оба народа и весь регион. Тем самым подрывают то небольшое, но существенное, что достигнуто. Более того, опасно потакают тем авантюристам от политики, которые вновь ратуют за силовое решение этого затянувшегося конфликта. Так что, судя по обстановке в регионе, это имеет самое прямое отношение не только ко вчерашним делам, но и к сегодняшним, и, нельзя исключать, что к завтрашним.

Из-за объявления соглашения «неофициальным» в справочниках ОБСЕ мной 29 сентября 2003 г. было направлено письмо тогдашнему Генеральному секретарю общеевропейской организации Яну Кубишу (ныне мининдел Словакии) с предложением убрать из них это словечко при последующих изданиях. Поэтому с интересом ознакомился с новым изданием справочника ОБСЕ, вышедшего в 2007 г. И действительно не нашел там больше этого коварного словечка. Но не смог найти и какой-либо отсылки к тому, что ныне посредническая деятельность ОБСЕ по урегулированию карабахского конфликта ведется в условиях перемирия и даже бессрочного перемирия. Вместе с водой выплеснут и ребенок. Раз прекращение огня неудобно называть неофициальным, а оно достигнуто не ОБСЕ, а Россией, то лучше о нем не упоминать вооб-

ще. В карабахской части брошюры говорится о чем угодно, приведено 13 различных дат, но нет ни самого прекращения огня (единственного достижения в карабахском процессе!), ни его даты. Вот вам объективность и аккуратность наших столь щепетильных собратьев-европейцев!

Роль посредничества России в прекращении огня

На этот счет есть крайние суждения. Одни усиленно подчеркивают роль России в прекращении кровопролития в Карабахе, так как будто бы все и зависело только от посредника, от его настойчивости и давления на стороны. Другие низводят эту роль, будто стороны остановили огонь сами по себе. Эта позиция, казалось бы, подтверждается и тем, что прекращение огня удерживается довольно долго без нейтральных наблюдателей или разъединительных сил.

Например, «мининдел Нагорно-Карабахской Республики» А. Гукасян, выступая на публичных слушаниях в Комитете по делам СНГ и соотечественников за рубежом Госдумы России 11 апреля 1995 г., заявил, что не посредничество России остановило огонь, а усталость сторон и сложившееся равновесие сил. Мысль об усталости обоих народов от войны в качестве толчка к перемирию развивает и известный азербайджанский политолог Ариф Юсуфов. Нет сомнения, что оба упомянутых фактора сыграли свою роль в достижении прекращения огня. Но ведь народы региона устали от крови не к 12 мая 1994 г., а гораздо раньше, и уж, безусловно, к концу 1993 г. Да и равновесие сил держалось раньше, несколько месяцев после захвата Кельбаджарского района. Дело все-таки сложнее, слагаемых несколько больше, чем те два, которые отмечены А. Гукасяном.

Для уяснения этого феномена нельзя игнорировать многое другое.

Во-первых, Баку до последнего времени не терял надежды на военную победу над армянами. Поэтому не раз уходил от прекращения огня и других миротворческих инициатив или шел на это в тактических целях, а затем срывал даже подписанные договоренности.

Во-вторых, Россия и Совет глав государств СНГ последовательно проводили установку на однозначный приоритет, императив прекращения огня в процессе урегулирования. Только Россия и по ее инициативе Совет глав государств СНГ так четко ставили эту задачу как самую первоочередную.

В-третьих, со стороны России это была не просто принципиальная установка, а настойчивая, последовательная практика ее

руководства, министерств иностранных дел и обороны РФ. Достаточно упомянуть целую серию краткосрочных прекращений огня, достигнутых в этом конфликте именно при посредничестве России в 1991, 1992 и особенно в 1993 г. К сожалению, они не так долго продержались, но явились важной политико-психологической предпосылкой прекращения огня с 12 мая 1994 г., которое держится поныне.

В-четвертых, Россия добивалась этого и в МГ СБСЕ, но там ее голос за прекращение огня или хотя бы приостановку военных действий довольно долго глушили представители некоторых других стран, которые диктовали тогда курс Минской группы и придавали больше значения непрерывности переговорного процесса, чем прекращению огня.

В-пятых, стоило бы припомнить, что другим посредникам ни разу не удалось добиться реального прекращения огня в Карабахе: ни Минской группе СБСЕ, ни Тегерану, ни Алма-Ате...

Как рассказывали мне некоторые коллеги по МГ, посол США Джон Мареска заочно даже слегка трунил и чуть ли не жалел меня – дескать, немного свихнулся на прекращении огня, продолжение боев пока неизбежно, не тот это путь к урегулированию.

Правда, шведам – руководителям Минской группы в начале 1994 г. – очень хотелось добиться прекращения огня, пусть даже вместе с Россией, а лучше в обход, без нее, от имени МГ СБСЕ.

Если А. Гукасян остается при своем прежнем мнении, то пусть бы объяснил, почему руководители Нагорного Карабаха довольно долго высказывали представителям России своего рода укор или претензию за то, что русские в мае 1994 г. помешали им взять Тер-Тер. А это означало бы выход на Барду и Евлах и угрозу отрезать в районе Мингечаура весь северо-запад Азербайджана (подобно тому, как был отрезан в октябре 1993 г. его юго-запад). Стало быть, несмотря на усталость и равновесие сил, карабахские лидеры еще стремились тогда выжать максимум из наступления на Тер-Тер, но вынуждены были под давлением обстоятельств остановить огонь.

Вот так обстоит дело с ролью России в прекращении огня. Не стоит преувеличивать ее, но и умалить не удастся.

Напоследок еще один курьезный факт в связи с прекращением огня в Карабахе. В резолюции ПАСЕ по Карабаху от января 2005 г. выражается признательность сопредседателям Минской группы и личному представителю Действующего председателя ОБСЕ за их неустанные усилия, особенно за достижение прекращения огня с 12 мая 1994 г. Авторам резолюции ПАСЕ было невдомек, что в тот момент еще не было ни сопредседателей МГ, ни личного представителя Действующего председателя ОБСЕ. Председателями МГ

были шведы, но они, как и СБСЕ в целом, не имели отношения к прекращению огня в Карабахе. Оно было достигнуто Россией.

Но даже когда мы сообщили Д. Аткинсону об этом задолго до принятия резолюции, в ней все так и было оставлено. Как трудно дается Западу признание того, что этого добилась Россия! А точнее говоря, просто даже не дается...

Козни западных партнеров

Если до этого ради простоты изложения события той поры описываются в основном «плоско», иногда как будто бы лишь региональные, а то и внутривосточные, то тем более необходимо особо подчеркнуть рельефность их международных аспектов. Внешние по отношению к региону факторы играли в них в тот период немаловажную, а иногда и решающую роль.

Трудно даже сказать, чем больше богат опыт карабахского урегулирования, чем он более поучителен (по крайней мере, в 1992–96 гг., когда мне пришлось заниматься этими делами) – сотрудничеством между Россией и некоторыми западными государствами или как раз различием и противоборством их подходов? А точнее – помехами Москве со стороны западников. Нисколько не умаляя важности действительно конструктивного сотрудничества, необходимо обозначить некоторые приемы, использовавшиеся нашими западными партнерами в попытках утеснения России. Проявления этого, можно сказать, хрестоматийны. Нельзя промолчать об этом еще и потому, что с чем-то подобным, возможно, придется сталкиваться в ходе взаимодействия при урегулировании других конфликтов.

Приведу мнение корреспондента «Крисчен сайенс монитор» в Москве, который еще в 1993 г. писал о карабахских делах: «Россия и Запад расходятся во мнениях о том, как достичь там мира. Российские представители, действуя на свой страх и риск, пытаются выступать посредниками в прямых переговорах между воюющими сторонами, чтобы добиться прекращения огня. Но западные партнеры в продолжающихся почти два года усилиях СБСЕ обвиняют Москву в том, что она преследует свою цель – вновь укрепить влияние России на Кавказе... Отношение в Минской группе к российской инициативе весьма противоречивое, СБСЕ отказалось поддержать переговоры о прекращении огня по инициативе русских, а также предложение о том, чтобы российские войска действовали в качестве сил, разделяющих воюющие стороны».

В нашей вполне корректной, но по содержанию весьма полемической переписке со шведским дипломатом Яном Элиассоном в октябре-ноябре 1994 г. пришлось показать ему существенную разницу как в интенсивности, так и в эффективности посреднических усилий Минской группы СБСЕ/ОБСЕ и Российской Федерации, особенно на высоком и высшем уровне, отметить медлительность и нерешительность МГ в целом ряде вопросов. Россия была инициатором не только прекращения огня, но и формата переговоров (между тремя сторонами конфликта), их основы (юридически обязывающее соглашение), а также реалистических подходов к ряду трудных проблем конфликта.

Минская группа довольно долго пыталась пренебрегать предложениями Москвы, но потом вынуждена была принять многое из того, что впервые было привнесено в карабахское урегулирование нами. Теперь, по прошествии многих лет, когда по публикациям стали известны откровения моего американского коллеги – посла Дж. Марески, который при председательстве итальянцев в 1992–1993 гг. играл наиболее заметную роль в Минской группе, не приходится удивляться тому, как вяло воспринимались вначале наши предложения руководством МГ.

Дж. Мареска, несомненно, был компетентным переговорщиком, весьма опытным дипломатом в делах СБСЕ. В какой-то мере помогал ему ладить с председателями и его итальянские корни. Но главное было, конечно, в том, что он представлял США и добивался более глубокого подключения Вашингтона к карабахским делам, причем, как явствует из его публикаций, как раз для обуздания «неоимперских амбиций» России.

Арсенал средств, которые использовались в то время руководством и некоторыми членами МГ, чтобы сковать либо ограничить, умалить роль России в карабахском урегулировании, был довольно разнообразен, но все они «били в одну точку». Об этом стоит сказать подробнее, поскольку это далеко не единственный случай сложного сочетания взаимодействия России с другими государствами при немалой доле трений и даже соперничества.

* * *

Вот как конкретно действовали в этих целях некоторые западные партнеры (конечно, это прежде всего США и те, кто им был послушен):

- Западники то игнорировали настойчивые инициативы России по прекращению огня как будто бы нереальные, не осуществимые в тех условиях, но когда увидели, что она добивается больше,

чем ожидалось, вдруг возникла у них жажда не только воспользоваться плодами ее усилий, что более или менее естественно, но и «перехватить» их, присвоить Минской группе. Был период, когда они и вовсе предали себя соблазну приписать достигнутое прекращение огня МГ, замалчивая или приглушая роль России. Чего стоят утверждения Парламентской ассамблеи СБСЕ в июле 1994 г., будто его достигла Минская группа! Больше того, был эпизод, когда ради перехвата прекращения огня в руки МГ они готовы были подвергнуть его риску срыва (сначала предложение шведа Моссберга продлить его на 30 дней – продлить бессрочное соглашение! – а потом с идеей «формализации» этого соглашения носились американцы, вплоть до А. Гора и У. Кристофера).

• После того, как Будапештский саммит ОБСЕ взял курс на полную координацию всей посреднической и переговорной деятельности, уж больно хотелось западникам переиначить или вообще поменять российский проект соглашения о прекращении вооруженного конфликта как основу переговоров между сторонами, проходивших при нашем самостоятельном посредничестве в 1993–94 гг. Но никакого проекта своего документа, юридически обязывающего стороны, у них не было. В этом направлении усердствовали представители разных стран, в том числе шведы, долго не желавшие принять наше «большое политическое соглашение» (так называли его журналисты) за основу для переговоров в надежде протащить свое «малое соглашение» об укреплении режима прекращения огня. Они потратили на это месяца три, но после провала «малого» вынуждены были приступить к работе над «большим». В одной из дискуссий с западниками пришлось не слишком дипломатично, но чтобы осадить их, нарочито жестко сказать им в глаза: «Не мы пришли к вам на ваши переговоры, а вы на наши».

Особенно активен в переиначивании переговорной основы был представитель Германии Ф. Ламбах. Он упорно говорил (и не только нейтральным членам группы, но в кулуарах и конфликтующим сторонам) о неприемлемости этого проекта соглашения вообще. Предлагал искать иную основу для переговоров. В итоге в Минской группе ему и было предложено заняться этим поиском, что так и не дало полезного результата.

• Степень нацеленности западников на помехи России была столь высока, что иногда они пытались порушить в нашем проекте соглашения даже то, с чем уже согласились все конфликтующие стороны. Хотя, казалось бы, для посредника нет ничего ценнее, чем согласие всех сторон. Однажды, приехав вместе со шведами в Баку, мы провели в гостинице полдня в острейшей дискуссии о том, где должно быть подписано соглашение о прекращении вооруженного

конфликта. В проекте документа с согласия всех сторон уже значилась Москва. Однако А. Бьюрнер всячески добивался, чтобы тут был проставлен прочерк, то есть хотел оставить вопрос открытым для последующего пересмотра. Спрашивается, если все участники конфликта, все стороны договора согласны, то почему же один из посредников против? Где он нашел тут интересы урегулирования? Вот такие были у нас партнеры! Пойти им навстречу в этом вопросе мы просто не смогли.

- Они добивались удаления с этих переговоров наблюдателей СНГ. Причем в этом произошла любопытная метаморфоза. Придя к руководству Минской группой, шведы вначале приятно удивили нас подчеркиванием важности участия России и ее роли в урегулировании конфликта. Отмечали они и полезность привлечения СНГ. Например, Г.А. Алиев в выступлении 21 мая 1994 г. рассказывал, что Элиассон и Моссберг в беседах с ним отводили особую роль России, заявляли о необходимости участия СНГ. Что же произошло потом? Почему те же шведы стали потом выступать даже против символического присутствия наблюдателей СНГ на переговорах? К тому же мы не отказывали шведам в присутствии ранее на переговорах по нашему проекту соглашения, пока те проходили в Москве под единоличным посредничеством России. Трудно найти основания для изменения их точки зрения. Возникает вопрос: не было ли это результатом давления на них со стороны каких-то других государств-членов Минской группы?

А разве не любопытно стремление западников убрать из преамбулы уже согласованную между сторонами конфликта фразу, мотивировавшую соглашение стремлением укрепить СНГ? Ведь стороны соглашения (а вовсе не посредник) сами определяют, чем руководствуются при его подписании (Азербайджан уже был участником СНГ, как и Армения, а НК явно находился в его ареале).

- Характерно, что в 1993 г. итальянцы отклонили просьбу Казахстана подключиться к Минской группе в скромной роли наблюдателя. Несмотря на то, что руководство Казахстана реально включалось в карабахское урегулирование в 1991 и 1992 гг. Это был единственный случай отказа в просьбе присоединиться к МГ. Все западные государства легко получали потом вхождение в МГ (Финляндия, Швейцария, Австрия). Из крупных государств Европы лишь Великобритания, оставшаяся за бортом МГ при всех своих интересах в Закавказье, потом выясняла свои шансы войти, но до этого мы уже сделали акцент на отказе Казахстану и приеме других, что, возможно, побудило президиум МГ притормозить британцев.

- Западники чинили всяческие затруднения для поездок российского посредника в регион конфликта, которые воспринимались

ими с ревностью, как источник нашей информированности о позициях и делах конфликтующих сторон и канал нашего воздействия на них, особенно в части контактов на высшем и высоком уровне. Они побуждали финских сопредседателей увязываться за мной в эти поездки или требовать согласования их содержательной основы.

- Наконец, такой отчаянный шаг, как вымученная, но не более чем декларативная готовность западников пойти на создание многонациональных сил ОБСЕ для размещения в регионе карабахского конфликта – лишь бы не пришлось размещать там только российских наблюдателей или только российские силы для разъединения враждующих сторон на линии соприкосновения.

- Доходило и до прямого использования Минской группы против России, до нежелания выработать и утвердить ее мандат, чтобы ничем не ограничивать ее произвольных, нигде не прописанных функций, хотя в системе ОБСЕ нет других прецедентов деятельности каких-либо органов, групп или комиссий, которые не имели бы четкого решения о своем создании, конкретного утвержденного мандата и четко очерченных функций.

- Не раз встречи Минской группы назначались председателем Минской конференции (причем по предварительному согласованию с представителем США) на заведомо неудобные для нас даты, чтобы не позволить России прилагать собственные усилия по сближению позиций сторон. Это стоит показать подробнее. С 1993 г., когда посредничество России постепенно стало приносить плоды, появились как бы случайные накладки по срокам созыва заседаний МГ. То итальянцы, то шведы стали назначать встречи как раз на те дни или вплотную к тем дням, когда Москва готовила или проводила мероприятия с участием высших руководителей АР и РА. Об этом мы объявляли либо было известно заранее. Мы загодя информировали и председателей МГ. В первый раз это показалось неудачным совпадением, но когда потом повторилось и точно так же сложилось в третий раз, умысел стал очевиден.

При первом таком «совпадении» в 20-х числах сентября 1993 г. (в это время в Москве проходило заседание Совета глав государств СНГ, готовились и состоялись беседа Г.А. Алиева с Л.А. Тер-Петросяном и его первая закрытая встреча с лидером Нагорного Карабаха Р.С. Кочаряном) пришлось вместо постоянного представителя России направить в Париж на встречу МГ другого дипломата – директора Департамента СНГ МИД РФ В.И. Кузнецова, который имел достаточное представление о ходе урегулирования конфликта, а по «табелю о рангах» был не ниже, а выше меня. Но западники громко сетовали, будто Россия не была там должным образом представлена.

Во втором случае (Прага, 12–15 апреля 1994 г., как раз 15 апреля в Москве опять состоялось заседание СГГ СНГ) представлял Россию советник нашего посольства в Чешской Республике Н.Г. Фомин. Снова почему-то речь шла о кануне форума с присутствием президентов АР и РА в Москве. Понятное дело, нам нельзя было упустить такую возможность для организации прямой встречи между ними и подготовки важного заявления по Карабаху. Причем об этом мероприятии в Москве Элиассон был извещен мной за две недели. Затем он говорил, будто речь идет о досадных совпадениях.

В третий раз мы уже были вынуждены демонстративно не посылать никого на созванное подобным образом заседание МГ в Вене (12–14 сентября 1994 г.). Заранее были согласованы даты этой встречи (21–23 сентября), и мы подтвердили свое участие. Вдруг, вопреки договоренности, Элиассон оповестил всех о неизвестно откуда возникшей «необходимости» переноса встречи дней на 10 раньше. А 8–9 сентября по поручению президента РФ Козырев и руководитель посреднической миссии России проводили в Москве двусторонние и многосторонние встречи высших руководителей конфликтующих сторон: президентов Азербайджана и Армении, руководителя Нагорного Карабаха. Перед этой встречей и после нее (1–7 и 10–14 сентября) в Москве велись переговоры между уполномоченными представителями руководства сторон в конфликте по российскому проекту политического соглашения (причем на них присутствовали наблюдатели не только исполнительного секретариата СНГ и МПА СНГ, но и шведского президиума МГ СБСЕ). Естественно, мы возражали против столь неприемлемых для нас сроков.

11 сентября 1994 г. я отправил Элиассону подробное письмо, где отметил, что «кому-то хочется создать затруднения в посреднических усилиях России, а, кроме того, нас же и обвинить в невнимании к Минской группе, нежелании сотрудничать с ней». Поскольку применение таких «искусственных офсайдов» стало системой, мы попросили Элиассона информировать всех членов МГ, что Российская Федерация не будет считать себя связанной какими-либо договоренностями, которые могут быть достигнуты на этой встрече в отсутствие ее представителя.

Московские переговоры по проекту соглашения о прекращении вооруженного конфликта упорно не признавались в МГ таковыми, проходя в ее повестке дня как «другие встречи и консультации». Поэтому заодно направил Элиассону копию письменных полномочий одной из делегаций на этих переговорах, выданных ее высшим руководством, подчеркнув, что это еще одно свидетельство нелояльной атмосферы и манипуляций в МГ вокруг роли России,

о которых писал ему ранее. Специально отметил, что «Россия открыта к серьезному, честному взаимодействию с Минской группой, но, разумеется, не пойдет на свертывание своих посреднических усилий». Это письмо было одним из серии тех, которыми мы обменялись с Элиассоном насчет посредничества России и СБСЕ.

Казалось бы, заслуживало внимания и поддержки то, что представители России вели непосредственную работу с руководителями сторон в конфликте, причем на высоком уровне. Председателю МГ стоило бы в этих условиях в первую очередь согласовывать сроки ее встреч с Москвой, а не с Вашингтоном или иными столицами – ведь никто больше не вел подобной работы. Однако все делалось как раз наоборот – даты подбирались с другими, причем так, чтобы помешать миротворческим действиям Москвы.

Одной из пружин переноса срока, видимо, было то, что 14–16 сентября предстояло 28-е заседание КСДЛ в Вене, и западникам надо было к нему (не столько ради урегулирования, сколько в пик России) подготовить решение насчет возможности создания многонациональных сил СБСЕ для Нагорного Карабаха. Если упустить эту оказию, стало бы намного труднее подготовить к Будапештскому саммиту предложения о создании таких сил. Но не следует думать, что эта лихорадочная активность всерьез вела к принятию решений в интересах действительного размещения сил СБСЕ в зоне конфликта. Характерно, что на КСДЛ было решено лишь **изучить возможность** создания многонациональных сил СБСЕ, а в Будапеште была зафиксирована лишь **«политическая воля»** к их созданию. Не более того! Тем не менее, это уже выставлялось как чуть ли не альтернатива размещению российских сил разъединения. А заодно чинились помехи нашим усилиям по урегулированию конфликта.

После трех таких «совпадений» (Париж, Прага и Вена) нам уже нельзя было ограничиваться тихим препирательством с председателем МГ по подобным случаям. Нас вынудили дать делу огласку, чтобы затруднить в дальнейшем такие трюки с целью выбить из колеи российские посреднические усилия. В сентябре 1994 г. пришлось по согласованию с руководством МИД России заявить корреспондентам, что, если подобное будет повторяться, мы будем вынуждены отказываться от участия во встречах МГ, хотя нам не хотелось бы этого.

- Были случаи, когда наши партнеры оказывались не в ладах и с элементарными нормами этики. В апреле 1993 г. посол США Мареска досадовал из-за ухода азербайджанцев с консультаций в Женеве и позитивной реакции Баку, Еревана и Степанакерта на инициативу Б.Н. Ельцина от 8 апреля о посредничестве России.

США могли оказаться вне игры. Тогда он сообщил мне, что хотел бы поддержать инициативу президента России и напросился на приезд в Москву с этой целью. Под этой вывеской и прошла наша с ним работа в последние дни апреля вместе с послом Турции в Москве В. Вуралом. Каково же было мое удивление, когда представитель Госдепартамента сделал потом заявление о лидирующей роли США и ни единого слова о том, что наша работа в Москве над графиком шла на основе инициативы российского президента. Мне пришлось написать Мареске жесткое письмо по этому поводу, и он прислал затем свои извинения. Но извинения-то «шепотом», а те разглагольствования – в полный голос. Этот цинизм не был единичным явлением.

Пиком бестактности западных партнеров по МГ в их шагах в отношении России стал эпизод 11 сентября 1993 г. на первой вне Рима встрече минской «девятки» в Москве. В конце заседания 10 сентября в особняке МИД России на Спиридоновке условилось, что продолжим там же на следующий день в 10 часов утра. Как «хозяин» встречи и с учетом ряда дел решил подъехать туда пораньше – примерно к 9.15 утра. Вдруг вижу, что все западники уже были там в сборе. Мой ранний приход явно помешал их дискуссии, направленной, разумеется, против России и ее посредничества. Иначе зачем было собираться без нас, до нашего прихода и в тайне от нас? Причем «в нашем доме»! Вот вам и цивилизованный Запад! Не берусь ручаться, что это был единственный такой случай. В иных столицах мы могли просто ничего не знать об их сепаратных сходах.

Еще один эпизод был связан с подготовкой к моей поездке в регион конфликта в 1995 г. Недавно приступивший к карабахским делам мой финский коллега – сопредседатель МГ Рене Ниберг (спустя лет десять был послом в Москве) захотел поехать вместе со мной. Это не очень входило в мои планы, ибо явно снизило бы доверительность общения с руководителями сторон в конфликте, но не хотелось отказывать, выглядеть не желающим помочь коллеге-новичку. Согласился.

Однако мой напарник был себе на уме. Он понимал, что и при равенстве нашего статуса сопредседателей МГ как новичок он вряд ли будет восприниматься сторонами как равный тому, кто уже давно работал по Карабаху. Видимо, это его уязвляло, и он без согласования со мной, даже в тайне от меня стал хлопотать перед Будапештом (венгр Ласло Ковач был Действующим председателем ОБСЕ), чтобы вместе с нами поехал Иштван Дьярмати как представитель ДП и председатель Постоянного совета ОБСЕ в Вене. Это автоматически передавало венгру и формальное старшинство в нашей поездке. О подключении Дьярмати финн меня

и не информировал – поставил перед фактом. Несмотря на свой европейский внешний лоск, некоторые партнеры проявляли порой и такой избыток «корректности»...

• Был еще один еле заметный прием для торможения усилий России и противодействия им. Это их персонификация, «приватизация», построенная на том, что усилия российской дипломатии намеренно сужаются до одной персоны. Так, у западников было в ходу называть наш проект соглашения «проектом Казиминова» или даже «бумагой Казиминова» («paper of Kazimirov»). Например, в упоминавшейся ранее книге Дедашты этот прием просто очевиден. Казалось бы, лестно для персоны, жаждущей личного признания. Но на самом деле это попытка противопоставить эту персону его стране, выдать российский проект за личный проект этой персоны, ее «самodelку», чтобы выступать против него, апеллируя даже к самой России, к ее более высоким представителям.

Вспоминается беседа первого заместителя министра И.С. Иванова с послом США в России Пиккерингом. Секретариат Игоря Сергеевича запросил посольство США, по какому вопросу посол хотел бы переговорить с ним. Диапазон тут необъятен, вопросов, возникающих между Россией и США, великое множество даже за пределами чисто двусторонних отношений. Когда оттуда сказали, что по Карабаху, Иванов пригласил на эту беседу меня.

Многоопытный Пиккеринг при входе в кабинет Иванова немало стусевался, увидев меня. Оказывается, он пришел по поручению госдепа с «нон-пейпа» в руках как раз для критики моей работы, моего пренебрежения интересами СБСЕ. Американцы любили выставлять себя поборниками ее интересов, чтобы не говорить о собственном своекорыстии. И.С. Иванов очень мягко отклонил их претензии, но не дал мне высказаться по их сути.

Иногда мы недопонимали эту игру западников в «принудительную приватизацию», даже невольно подыгрывали им. Диву даюсь, читая запись беседы Козырева с госсекретарем США. Уоррен Кристофер рассуждает, что должно сделать СБСЕ по Карабаху. А наш министр заявляет: «Да что там СБСЕ! Казиминов один сделает больше, чем СБСЕ». Что и говорить, гипербола зашкаливает. И без всякой нужды. Она и порадовала бы самолюбие, скажем, на внутреннем совещании, но не в разговоре с американцем. Эта фамилия и так вызывала в госдепе подобие раздражения.

Этот набор приемов и способов, как сбивать наши усилия в карабахском урегулировании, стоило бы, пополнив за счет опыта других конфликтов, проходить на курсах руководящих работников МИД России.

Переполох среди западников

Как бегло отмечалось ранее, американцы восприняли прекращение огня 12 мая 1994 г. с явной озабоченностью, поскольку активная роль России в его установлении приподнимала ее авторитет и влияние в регионе. Особенно беспокоила их возможность размещения в зоне конфликта миротворческих сил России. И они сконцентрировали немало усилий, чтобы не допустить этого – даже в ущерб интересам урегулирования конфликта.

Вашингтон действовал многопланово. Ключевым направлением было прямое воздействие на Баку и Ереван, чтобы те не принимали «российский план». Лихорадочно активизировалась роль Минской группы как основной ширмы, прикрывавшей происки США: на первый план усиленно выдвигались председательствовавшие в ней шведы во главе с Яном Элиассоном. Стимулировались и задействовались возможности Турции повлиять на Баку. Пытались американцы и сами всемерно «сдерживать» Москву.

В Госдепартаменте США довольно откровенно рассуждали о том, что не следует поощрять действия Москвы по карабахскому урегулированию, так как это ведет к неприемлемому для США усилению влияния России в Закавказье. Отмечалось, что если в Таджикистане Вашингтон в известной мере готов смотреть сквозь пальцы на действия России, то совсем другое дело в Азербайджане, где американский нефтебизнес имеет серьезные интересы. Сведения о готовности сторон в конфликте подписать в Москве соглашение о разводе противостоящих войск не на шутку встревожили госдеп. Посольствам США в Баку и Ереване срочно было поручено обратиться к руководству республик «за разъяснениями». Азербайджанцам пригрозили также неизбежным осложнением двусторонних отношений. Госдеповцы говорили о том, что надо более настойчиво ставить перед Москвой вопрос о «возвращении» переговорного процесса под эгиду Минской группы СБСЕ. При этом отмечали, что нет иллюзий насчет дееспособности МГ, но подчеркивали, что ее топтание на месте в любом случае лучше, чем предоставить России карт-бланш на самостоятельные действия в Закавказье.

Логично начать с **активизации шведов с мая 1994 г.** Это верно и по хронологии, и потому, что больше получало огласку, чем иные закулисные усилия Вашингтона. Надо сказать, что авторитетные шведские дипломаты были достаточно деятельны сами по себе, но, кроме того, их активность в немалой мере не только поощрялась, но иногда и искусно направлялась американцами. Тому есть немало примеров.

В начале месяца было условлено, что с 12 мая мы впервые совершим совместную поездку в регион со шведами Яном Элиассоном и Матиасом Моссбергом. Это призвано было символизировать гармонизацию усилий основных посредников – России и СБСЕ перед лицом сторон в конфликте.

Но как раз в полночь на 12 мая вступило в силу соглашение о прекращении огня в Карабахе, достигнутое при единоличном посредничестве России. Шведам пришлось перестраиваться на ходу. Элиассон вынужден был свой ранее заготовленный проект такого же по названию соглашения срочно переделать в «соглашение об укреплении режима прекращения огня». Хотя суть этого проекта была довольно куцей и осталась той же: он содержал лишь обращение сторон к СБСЕ, СНГ и России с предложением направить наблюдателей в зону конфликта.

Шведы познакомили меня с его текстом. Лояльно предложил им внести несколько поправок, которые улучшили его. Они приняли их. Вместе с тем честно сказал им, что слишком невелико реальное содержание такого соглашения. Привлек их внимание к тому, что гораздо шире набор реальных задач в российском проекте Соглашения о прекращении вооруженного конфликта, прозванного к тому времени прессой «большим политическим соглашением» – БПС. (Шведы хорошо знали его, поскольку давно присутствовали на московских переговорах по этому соглашению как наблюдатели от Минской группы и потом усиленно пытались переиначить ряд его положений.)

Считая этот багаж слишком скудным для первой совместной поездки в регион, предложил шведам отложить ее на несколько дней, чтобы вместе выработать более солидную основу для предложений сторонам. Однако это показалось Элиассону неприемлемым, и он стал настаивать на ранее намеченных сроках поездки. Мы понимали, что «малое соглашение» о приглашении международных наблюдателей по сути дела выдвигалось шведами для спасения лица СБСЕ. Не хотелось создавать у них впечатления, будто мы недостаточно кооперативны. В итоге мы не стали настаивать на отсрочке поездки, хотя и поныне считаю, что это было не очень большой, но все же нашей общей ошибкой.

В первый же день поездки шведские партнеры в ходе переговоров в Баку были заняты не столько тем, как продвинуть свой малосодержательный проект, слегка подправленный нами, сколько как можно дальше отодвинуть БПС. То же потом просматривалось и в Ереване. Нелетная в течение двух дней погода не позволила нам посетить Степанакерт. Встреча с карабахскими лидерами в итоге состоялась в столице Армении. 15 мая мне пришлось вместе с министром обороны Армении вылететь из Еревана

в Москву для участия во встрече министров обороны у П.С. Грачева, а шведы еще раз вернулись в Баку, продолжая агитировать за «малое соглашение».

Еще в начале мая 1994 г. Р. Гулиев по поручению Г.А. Алиева зондировал наше отношение к тому, чтобы соглашение о прекращении вооруженного конфликта было подписано не только конфликтующими сторонами и Россией как посредником, но и Элиассоном как председателем Минской конференции СБСЕ по Нагорному Карабаху. Руководству Азербайджана так было бы легче подписать БПС не только перед своей общественностью и даже оппозицией, но и перед лицом давления США.

17 мая М. Мамедову по вызову Г.А. Алиева пришлось, покинув встречу министров обороны у П.С. Грачева, вылететь в Баку. Я вылетел вместе с ним. На следующий день мы с Мамедовым порознь провели беседы с президентом. На моей встрече с Г.А. Алиевым была достигнута договоренность провести одновременное подписание всех трех документов (БПС, военно-технической договоренности от 16 мая и «малого соглашения» о приглашении наблюдателей). По возвращении в Москву 19 мая послал ему по факсу личную записку, в которой, опираясь на это взаимопонимание, предложил определиться по порядку подписания этих документов 1 или 2 июня в Москве. Срочно запросил конкретные азербайджанские замечания по тексту БПС, подтвердил, что мы будем приглашать Элиассона к подписанию «большого соглашения», но не можем давать ему право вето по уже согласованному между сторонами тексту, а также соглашался влить «малое соглашение» в БПС (можно было пойти и на отдельное, но одновременное их подписание). Мы исходили из того, что участие Элиассона в подписании этих документов затруднило бы США и Турции проведение линии на противопоставление посреднических усилий России усилиям СБСЕ. Однако до рассмотрения этих предложений в комплексе дело так и не дошло.

Весьма показательно, что 19 мая в Вене Постоянный комитет СБСЕ по докладу Элиассона принял заявление, в котором ни слова не говорится о прекращении огня, достигнутом при посредничестве России, но высказана полная поддержка соглашению об укреплении режима прекращения огня, переговоры по которому ведутся, мол, при посредничестве СБСЕ и Российской Федерации. Комитет призвал стороны соблюдать прекращение огня и как можно скорее подписать это соглашение.

На следующий день, 20 мая, прояснилось, что договоренности с самим президентом Г.А. Алиевым ничего не стоят. Это был очередной финт с его стороны. Узнаем, что руководство Азербайджана, издерганное внутренней напряженностью и нестабильностью,

внешним давлением и собственными колебаниями да шараханиями, вопреки нашей договоренности подписало «малое соглашение» (причем Р. Гулиев от имени Г. Алиева заверял, будто прежняя договоренность «полностью остается в силе», утверждал, что Г. Алиев поручил Г. Гасанову и В. Гулузаде срочно подготовить замечания по проекту БПС).

Ереван и Степанакерт не спешили подписывать «малое соглашение». По нашим сведениям, их не устраивало развертывание наблюдателей СБСЕ ни по масштабам, ни по темпам. Они намеревались настаивать на размещении разъединительных сил России, а без такой «подстраховки» и не собирались уходить из захваченных районов Азербайджана. Можно было ожидать спланированного Вашингтоном «навала» на армян, но до этого дело даже не дошло. Настолько быстро, всего через несколько дней, Баку отрекся от подписанного «малого соглашения», поняв, что оно консервирует статус-кво, не ведет к освобождению оккупированных территорий.

Преодолев 27 мая парламентский кризис, руководители Азербайджана снова стали заверять Москву в готовности подписать БПС (правда, теперь уже не 1 или 2, но до 10 июня). При всем понимании того, что в столь сложной обстановке азербайджанским руководителям неизбежно приходится политически маневрировать, веры им – после такого множества зигзагов – оставалось все меньше.

Всего в бесплодной работе над «малым соглашением» было потеряно почти три месяца. Единственным реальным, но деструктивным результатом было переключение внимания сторон в конфликте с БПС. В итоге Минская группа во главе со шведами занялась работой над БПС намного позже, причем практически ничего конструктивного привнесено ею не было. А ведь мы предлагали шведам заняться этим еще в мае 1994 г., тотчас после прекращения огня, в первой же совместной поездке в регион.

Надо сказать о работе шведов шире. С учетом профессиональной квалификации своих дипломатов и нейтрального в целом курса Стокгольма они могли бы успешно руководить Минской группой (с января 1994 г. по 21 апреля 1995 г.). Тем более что шведы не имели прямых собственных интересов в регионе конфликта и вначале высказывались за усиление взаимодействия с Россией. Однако США постоянно стремились негласно дирижировать ими. В свою очередь, шведы с самого начала отводили американцам особую роль, согласовывали с ними основные вопросы, иногда не скрываясь от нас, а нередко и закулисно. В то же время Элиассон весьма уязвленно реагировал на мои намеки на то, чьи интересы он отстаивает. Расскажу о некоторых случаях.

В январе 1994 г., едва войдя в роль председателей Минской группы, шведы предложили провести в Стокгольме трехстороннюю встречу с участием представителей России и США. В декабре того же года в дни саммита СБСЕ в Будапеште перед принятием решения по Нагорному Карабаху целый ряд вопросов, в том числе введение специально для России сопредседательства Минской конференции и группы, решался на узких встречах в том же трехстороннем составе. Но если участие России в этой «тройке» оправдывалось ее реальной ролью в урегулировании, то США участвовали просто как сверхдержава, которой шведы, тогдашние председатели Минской группы, «обязаны» были заглядывать в рот.

В начале июля 1994 г. в Вене одновременно проходили заседания Минской группы и сессия Парламентской ассамблеи СБСЕ, на которую приехали также спикеры Азербайджана и Армении. Мы воспользовались этим совпадением и провели общую встречу с ними (по моему предложению – в посольстве Швеции). В другой день я беседовал с Р. Гулиевым в его гостиничном номере, когда ему позвонил Элиассон и сказал, что хотел бы зайти к нему. Как я и предполагал, он пришел не один, а с американцем Пресселом и был явно смущен тем, что я их увидел вместе. Чтобы эффект неожиданности был сильнее, я пояснил Гулиеву, что выйду из его номера на 5 минут, а потом вновь зайду. Так и сделал. Надо сказать, что Ян Элиассон, несмотря на колоссальный профессиональный опыт, не был лишен обычной человеческой стыдливости, когда что-то получалось не так, как хотелось бы. Смущение просматривалось и сквозь дипломатическую маску.

А вот другой случай, покурьезнее. 8 июля 1994 г. на той же встрече Минской группы в Вене Элиассон представил проект своего заявления как председателя Минской конференции. В нем бегло упоминался факт прекращения огня, но, разумеется, без малейшего намека на вклад России. Мы тоже не собирались делать акцента на нашей роли. Но по ходу заседания мне поднесли текст итоговой декларации только что завершившейся Парламентской ассамблеи СБСЕ. В документе, принятом парламентариями, повышенное внимание было уделено карабахскому конфликту (9 пунктов из 73!), причем прекращение огня явно приписывалось усилиям Минской группы – ни слова о том, что оно достигнуто при посредничестве России.

Увидев эту нечистую игру западников, пришлось как бы в ответ на их искажения внести поправку в проект заявления Элиассона, специально включив в него упоминание о роли России. Надо отдать должное Элиассону: он тут же напомнил о нашем жесте доброй воли в отношении СБСЕ: 12 мая 1994 г. МИД РФ на брифинге в Москве по собственной инициативе заявил, что прекращение

огня было достигнуто при посредничестве Российской Федерации и СБСЕ. Тогда я подтвердил, что мы сделали это специально, и сказал, что согласны на такую формулировку и сейчас. Элиассон поблагодарил и внес дополнение в текст.

Однако затем «втихую», через своего помощника направил эту формулировку на одобрение Пресселу, сидевшему за П-образным столом почти напротив меня. А тот легким росчерком пера поменял местами Россию и СБСЕ (видимо, считая, что международная организация должна быть упомянута прежде, чем отдельное государство). Сия манипуляция не ускользнула от нашего внимания. Перед концом обсуждения пришлось вновь поинтересоваться – как же, наконец, выглядит принимаемая формулировка?

Скрыть своего смущения Элиассон не смог, но вынужден был огласить: «при посредничестве СБСЕ и Российской Федерации». Игра вскрылась, и тогда не без сарказма мы выразили сочувствие западным коллегам, насколько трудно им сохранять объективность, когда речь идет о России. Вот как работали шведы, не забывая и об интересах США, не имевших ничего общего с нуждами урегулирования.

Прямое воздействие США на Баку и Ереван. Сразу после прекращения огня, в середине мая 1994 г., была срочно предпринята поездка в Ереван, Баку, Анкару и в Москву координатора по новым независимым государствам Госдепартамента США Джеймса Коллинза и его заместителя Джозефа Прессела, назначенного месяц спустя представителем США в Минской группе. Сам срок этой поездки говорит о многом. А поскольку П.С. Грачев созвал совещание министров обороны Азербайджана и Армении и командующего армией Нагорного Карабаха в Москве на 16–17 мая, американцам было важно «притормозить» два государства, бывшие сторонами в конфликте, а косвенно – через Ереван – и Степанакерт.

14 мая Коллинз заявил Л. Тер-Петросяну, что зря Ереван принимает план Москвы. На вопрос президента, есть ли у Вашингтона свои идеи, Коллинз стал выдвигать на первый план Минскую группу. Тер-Петросян негативно высказался о ее деятельности, но подчеркнул, что основную роль в ней играют Москва и Вашингтон, и необходимо согласовать действия между ними, а не вести борьбу за влияние в Закавказье. Он предложил Коллинзу ознакомиться с российским планом урегулирования конфликта и выработать совместные миротворческие действия США и России.

Вечером 15 мая Коллинз и Прессел беседовали в Баку с Г.А. Алиевым. Они многозначительно подчеркнули перед прессой, что США полностью поддерживают СБСЕ и Минскую группу, а, с другой стороны, расписывали готовность к развитию двусторонних отношений с Азербайджаном. Г.А. Алиев, уже обязавшись в соглаше-

нии о прекращении огня направить М. Мамедова в Москву на встречу высших военачальников 16–17 мая, стал под воздействием американцев публично настаивать на участии в московской встрече представителя СБСЕ – шведского полковника Берга. Но это была лишь малая верхушка айсберга.

17 мая Г.А. Алиев не только принял посла США Ричарда Козларича, но и отозвал своего министра обороны М. Мамедова с совещания у П.С. Грачева. На следующий день в Баку Гейдар Алиевич объяснил мне отзыв Мамедова из Москвы жестким, ультимативным тоном, который действительно неудачно избрал Грачев, несмотря на совершенно излишнее присутствие прессы на всем совещании министров обороны. А реальная причина намного проще и прозаичнее – мощное давление на него со стороны США, для которых размещение российских сил в зоне конфликта было бы куда огорчительнее, чем прекращение огня при посредничестве России.

16 и 17 мая Коллинз провел консультации **в Анкаре**, нацеленные на ограничение российских инициатив. Он рекомендовал туркам активизироваться в рамках СБСЕ по вопросам направления в регион международных наблюдателей, а в перспективе и международных сил по поддержанию мира, а также настаивать на жестком контроле за действиями российских войск в составе этих сил со стороны международных организаций, чтобы обуздать самостоятельные действия России. Эти вопросы обсуждались на заседании Совета министров Турции 18 мая и на совещании у президента Демиреля 19 мая (были выделены два турецких офицера в состав группы наблюдателей СБСЕ, а также предложено организовать в Турции центр тылового обеспечения международного воинского контингента). Турки решили усилить давление на Алиева как по линии двусторонних контактов, так и путем поощрения азербайджанской оппозиции к более активным выступлениям против сближения с Москвой. Обсуждалась идея задержать предоставление выделенной ранее Турцией помощи, увязав ее с позицией Алиева. В целом турки с подачи США включились в работу по срыву «российского плана», исходя из собственных и американских интересов в Закавказье.

Подытоживая свою поездку, Коллинз отмечал, что Г.А. Алиев категорически против самостоятельной операции России или СНГ по поддержанию мира, но опасается консолидации оппозиции под антироссийскими лозунгами с целью его устранения. Поэтому Коллинз предлагал ему проводить миротворческую акцию под эгидой СБСЕ, что будет выглядеть как политический компромисс. По его мнению, армяне осторожнее, поскольку больше зависят от России, но тоже за объединение усилий России и СБСЕ. Коллинз

считал, что Россия могла бы осуществлять оперативное командование миротворческими силами при общем управлении операцией со стороны СБСЕ, а такой мандат должен разработать Элиассон.

Торпедирование московского совещания 17 мая со стороны Алиева (вызов Мамедова в Баку и его отказ подписать разработанный тогда документ) фактически и стал прямым результатом давления американцев. Это не особенно скрывали некоторые сотрудники госдепа. Любопытно и появление в бакинской прессе в этот же день опровержения пресс-центра МИД АР относительно закрытого совещания у президента Азербайджана 13 мая, на котором якобы состоялся обмен мнениями о вводе российских войск. Пресс-центр заявил, что на этом совещании вопрос о введении в Азербайджан войск России или какого-либо другого государства не обсуждался.

Об аппетитах западников свидетельствовали и высказывания в беседах заместителя генерального секретаря НАТО Баланцино. После подписания Г.А. Алиевым 4 мая в Брюсселе натовской программы «Партнерство ради мира» он поговаривал и о подключении к этой программе Еревана, что, по его мысли, позволило бы НАТО включиться в карабахское урегулирование.

Попытки прямого давления США на Москву тоже выглядели довольно колоритно. 14 мая госсекретарь У. Кристофер на встрече в Женеве с А.В. Козыревым уделил особое внимание обсуждению урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе, позитивно оценивая совместную поездку представителей России и СБСЕ (Элиассона и Казимирова) с целью, как выражался американец, достижения прекращения огня.

18 мая он направил Козыреву послание, в котором упор явно делался на опутывание рук России в ходе урегулирования в Карабахе. Так, он утверждал, что армяне и азербайджанцы хотят, чтобы «международное сообщество обеспечило мониторинг прекращения огня и рамки для политических переговоров». По его словам, «обе стороны также присоединились к призыву США гармонизировать усилия России с действиями Минской группы СБСЕ, направленными на прекращение военных действий». Стоит процитировать У. Кристофера полнее: «В целом ряде неофициальных контактов с нами Азербайджан заявлял, что введение российских войск на его территорию в любом виде неприемлемо, кроме как под эгидой СБСЕ. Поэтому мы считаем, что эта акция России стала бы препятствием на пути укрепления прекращения огня. Далее мы считаем, что наиболее надежным путем к решению этой проблемы для России является направление ее большей дипломатической энергии в русло инициативы Минской группы, которая вызвала к себе повышенный интерес всех вовлеченных

в конфликт сторон, и осуществление любых усилий России в рамках Минской группы, возглавляемой послом Элиассоном».

Далее У. Кристофер лукаво разделял суждения, высказанные А.В. Козыревым в журнале «Форин афферз» насчет того, что СБСЕ должно играть ключевую роль в трансформации постконфронтационной системы евроатлантического сотрудничества. «Мы оба хотим, продолжал он завлекать своего адресата, видеть развитие оперативных возможностей СБСЕ по обеспечению мира и стабильности во всей Европе. Сейчас у нас есть шанс. Оказывая сильную и недвусмысленную поддержку инициативе Минской группы, Россия и Соединенные Штаты имеют реальную возможность помочь СБСЕ раскрыть свой потенциал». В заключение следовали комплименты в адрес председателя Минской конференции СБСЕ Элиассона, который «проделал выдающуюся работу», а также призыв оказать ему полную поддержку. Стоит ли гадать о том, насколько искренними были словеса о роли СБСЕ в новой Европе, где США откровенно делали ставку как раз на старую НАТО, а далеко не на будущую общеевропейскую организацию?

Другое дело – Карабах. Там Вашингтон действительно нуждался в СБСЕ, чтобы блокировать миротворческие усилия России. Их эффективность была доказана прекращением кровопролития, но не это было нужно там американцам.

20 мая Дж. Коллинз был принят в Москве А.В. Козыревым, передал ему это послание госсекретаря и, конечно, призывал поддержать Минскую группу СБСЕ. Мининдел России был откровеннее: рассказал об обезкураживающем поведении азербайджанской стороны, подчеркнув, либо они идут на прекращение военных действий и обращаются с просьбой к России о выделении миротворческого контингента, разумеется, в стыковке с СБСЕ, либо шанс на урегулирование в очередной раз будет сорван. Он прямо сказал, что СБСЕ, действуя самостоятельно, не добьется успеха, что Элиассон, хотя и проводит большую работу, еще не избавился от иллюзий относительно намерений сторон. Козырев назвал довольно неуклюжим маневрирование Баку, оно и прежде не раз приводило к досадной потере времени и усилий посредников.

В тот же день у меня был Джо Прессел, которому не присущи тонкости Коллинза. Он порадовался тому, что азербайджанцы только что подписали «малое» соглашение «об укреплении режима прекращения огня», подготовленное Элиассоном при нашем содействии. Фон радостей Прессела был очевиден: отказ Азербайджана от подписания документа у П.С. Грачева. Он предлагал добиться подписания «плана Элиассона» обеими армянскими сторонами. Пришлось показать гостю, что, при всем уважении к усилиям шведского посла, его «план» – всего лишь предложение

сторонам обратиться к СБСЕ, а также СНГ и России с просьбой направить своих наблюдателей, которое не содержит никаких других мер по укреплению прекращения огня.

Прессел позволил себе дерзость, заявив, что если «план Грачева» будет реализован без учета озабоченностей СБСЕ, то это не останется «бесплатным» для России – может негативно отразиться на российско-американских отношениях. Спохватившись и упреждая нашу реакцию, он стал заверять, что не угрожает, а лишь подчеркивает значение, которое придадут США роли СБСЕ в этом вопросе. (Впрочем, Прессел в отличие от своего предшественника, многоопытного посла Дж. Марески, и прежде был известен нам своей разухабистостью и беспардонностью. Из Вашингтона нам сообщали: он пробрасывал, что США и Россия – партнеры, мол, неравные, что «надо обязательно консультироваться, но не нам с вами, а вам с нами» и т.п.).

Пришлось прямо сказать ему, что США, к сожалению, больше внимания уделяют не самому урегулированию конфликта, а геополитической игре вокруг него: кому-то не по душе, если активная роль России приведет к сохранению и упрочению ее влияния в регионе. Давление США на стороны в конфликте, особенно Баку, для того и усиливается, чтобы не допустить принятия российского плана. На конкретных выкладках показал ему значительную разницу в эффективности между миротворческой операцией России по проекту, согласованному в Минобороны РФ 16 мая, и планом размещения наблюдателей СБСЕ.

Переполох среди западников перед «опасностью» российской миротворческой операции продолжался еще несколько месяцев. Летом и осенью 1994 г. они под вывеской Минской группы развернули довольно широкую атаку на российское посредничество, что привело к явным натянутостям, а в некоторых случаях даже к открытой полемике (А.В. Козырев не пожелал участвовать в ней сам, а поручил мне выступить с критикой Минской группы в московской газете «Сегодня» 14 октября 1994 г.).

На осень того года пришлась и лихорадочная активность западников в подмене миротворческой операции России/СНГ хотя бы виртуальной видимостью какой-то альтернативы. Несмотря на немалые объективные трудности, наша схема действий могла бы стать вполне реальной, если бы не бурное противодействие Запада, усилившее и без того очевидные вихляния одной из сторон конфликта. В итоге на саммите ОБСЕ в Будапеште в декабре 1994 г. были приняты компромиссные решения. В частности, была объявлена всего лишь декоративная «политическая готовность» создать миротворческие силы ОБСЕ для Карабаха. Однако для этого было необходимо сначала заключить соглашение о прекра-

щении вооруженного конфликта, которое до тех пор обсуждалось на московских переговорах при посредничестве России. Спустя 15 лет, наверное, можно спросить, как далеко продвинуто дело после той «политической готовности».

Воз и поныне там... Хотя это тема для отдельного разговора.

Еще о нейтралах

О сотрудничестве и трениях со шведами Яном Элиассоном и Андерсом Бьюрнером сказано уже немало. Можно лишь добавить, что Элиассон был затем шесть лет заместителем мининдел, стат-секретарем МИД Швеции, представителем Швеции в ООН, послом в США, а в 2005 г. был избран председателем 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, причем в марте 2006 г. был одновременно назначен министром иностранных дел Швеции. Элиассон уделял много внимания актуальным проблемам человеческого общества, включая конфликты – от экологии и СПИДа до Дарфура.

Преемник Элиассона в карабахских делах как сопредседатель Минской группы СБСЕ/ОБСЕ швед Андерс Бьюрнер представлял потом свою страну в Бельгии и Европейском Союзе.

21 апреля 1995 г. Швецию в сопредседательстве минского процесса сменила Финляндия (до этого она и не входила в Минскую группу). Надо отдать должное финскому дипломатическому ведомству: для работы по Карабаху была подобрана добротная, весьма грамотная команда. Почти все ее участники, в отличие от шведов, работали ранее в СССР или знали русский язык, что имело значение, так как все переговоры между конфликтующими сторонами велись на русском (позднее был введен синхронный перевод на английский; Минская группа также использовала оба эти языка).

В качестве председателя Минской конференции ОБСЕ финскую команду возглавил заммининдел Хейкки Талвитие, бывший посол в Москве (1988–92), а позднее в Стокгольме – двух весьма важных для Хельсинки столицах. Позднее, в 2003 г., Евросоюз назначил его своим специальным представителем по Южному Кавказу, а в 2008 г. он был спецпредставителем Действующего председателя ОБСЕ-мининдела Финляндии по этому же региону. Х. Талвитие родился в Выборге, когда тот принадлежал Финляндии, но умел находить с русскими общий язык. В последние годы он занимался связями с Россией по общественной линии (возглавлял подобие финско-русского общества).

Вторым лицом в составе финской команды стал посол Рене Ниберг, имевший ранее опыт работы в Москве, Ленинграде, Брюс-

селе, Бонне. До включения в карабахские дела он представлял Финляндию в ОБСЕ. Позднее возглавлял управление МИД Финляндии, отвечавшее за связи с Россией. В 2000–2004 гг. был послом Финляндии в России, а в 2004–2008 гг. – в Германии.

Опытный юрист-международник Тимо Лахельма стал впоследствии послом Финляндии в Тегеране и по совместительству в Ереване и Баку.

Советник финской команды Терхи Хакала работала потом в финском консульстве в Петербурге, была вторым лицом в посольстве Финляндии в Москве, затем послом своей страны в трех государствах Закавказья, но с постоянным местом пребывания в Хельсинки и, наконец, стала главой миссии ОБСЕ в Грузии. Там она получила двусмысленную известность после нападения Саакашвили на Южную Осетию. Она была в отпуске в Хельсинки, когда это произошло, а затем вела спор с замещавшим ее старшим из британских наблюдателей Райаном Гристом, который выступил с разоблачением агрессивных действий Грузии.

Советник Кристер Мичельсон в последние годы стал посланником в финском посольстве в Москве. Аналитической работой и переводами в финской команде старательно занималась Еварита Кархула.

Раньше других из этой команды мне довелось познакомиться с Рене Нибергом на одном из мероприятий в штаб-квартире ОБСЕ в Вене. Симпатичный, интеллигентный, сравнительно молодой человек, довольно прилично говоривший по-русски, хорошо знавший другие европейские языки. Наши контакты с ним стали регулярными с марта 1995 г. А с апреля мы с ним более чем на год стали коллегами – сопредседателями Минской группы ОБСЕ. Вскоре почувствовалось, что Р. Ниберг наиболее активен, но не столь позитивно относится к своим русским коллегам, как его шеф Х. Талвитие. Ниберг проявлял склонность предъявлять нам претензии, иногда пытался даже брать поучительную интонацию, что было замечено и в период его пребывания послом в Москве.

С приходом финнов разрешился внутри сопредседательства спор вокруг присутствия на переговорах по Карабаху наблюдателей от структур СНГ. В последние месяцы перед этим этот спор немало осложнял нам взаимодействие со шведами. Причем как раз со стороны шведов это было особенно неуклюже: ведь мы до этого не раз давали согласие присутствовать наблюдателями на переговорах, которые велись нами между тремя сторонами конфликта. Россия решительно отбила наскоки на наблюдателей СНГ. Западники предпочли отступить, опасаясь срыва очередного раунда переговоров и публичного скандала вокруг их закулисных происков. Мы твердо отклонили и их процедурные уловки (например,

требование получить согласие Минской группы на присутствие наблюдателей СНГ).

Финны вынуждены были искать компромиссную формулу и нашли в целом вполне приемлемую: наблюдатели СНГ приглашены на переговоры Россией, а Финляндия не возражает против этого. Так и порешили.

Но без проблем и с финнами не обошлось: не одно, так другое. С их приходом в сопредседательство развернулась весьма острая закулисная дискуссия по двум другим вопросам: о месте продолжения переговоров по Карабаху и о моих поездках в регион конфликта. Предпринятая финнами попытка вырвать переговоры из Москвы фактически была развитием стараний шведа А. Бьюрнера не допустить, чтобы соглашение о прекращении вооруженного конфликта подписывалось в Москве. Поскольку шведу не удалось снять в проекте соглашения упоминание о том, что оно будет подписано в Москве, то надо было выдернуть корень – перевести наши переговоры в другое место. Две иные проблемы, но знаменатель – общий.

Финны стали настойчиво предлагать перенести переговоры в Вену. Они мотивировали это тем, что после Будапештского саммита переговоры, ранее проходившие в Москве при посредничестве России, переходят под эгиду ОБСЕ (проводятся теперь не только Россией, но и другим сопредседателем), а штаб-квартира ОБСЕ находится в Вене. Надуманность этого довода очевидна (разве все переговоры, к которым причастна ООН, непременно проводятся в Нью-Йорке?).

Мы сделали встречное предложение, исходившее из равенства прав сопредседателей и предыдущего опыта, – проводить переговоры поочередно в двух столицах: в Москве и Хельсинки.

Оказавшись в Вене, Рене и я были приглашены его преемником, новым представителем Финляндии при ОБСЕ на ланч. Там Ниберг предложил и довольно напористо отстаивал такой «компромисс»: проводить переговоры поочередно в Москве, Вене и Хельсинки. Смысл был ясен: раз не удастся целиком вырвать переговоры из Москвы, то хотя бы свести к минимуму ее долю. Пришлось твердо сказать ему, что мы не претендуем на 51%, но никогда не согласимся не только на 33%, но даже на 49%.

Несмотря на это, Рене продолжал в переписке и при телефонных разговорах приводить мне то один, то другой довод против переговоров в Москве. Причем пытался даже обговаривать со сторонами конфликта сроки проведения очередного раунда до того, как мы согласовали его место, что могло поставить сопредседательство в деликатное положение... Кроме того, Ниберг стал предлагать вынести наш спор на рассмотрение Минской группы

ОБСЕ, рассчитывая на поддержку большинства ее западных участников.

Тогда мы подготовили и передали финнам весьма обстоятельную записку «О месте продолжения переговоров по Нагорному Карабаху». Стоит подробно изложить ее содержание, которое обосновывало нашу позицию. Мы начали с того, что главы 52 государств–участников ОБСЕ, учредив на саммите в Будапеште сопредседательство Минской конференции, поручили сопредседателям среди первоочередных задач срочно провести переговоры в целях заключения политического соглашения о прекращении вооруженного конфликта. (К компетенции сопредседателей относится, естественно, и порядок проведения переговоров – выбор места и времени и т.п. Мнения членов Минской группы могут учитываться, но решение принимают сопредседатели. Вопрос о месте переговоров или встреч всегда решался председателем или сопредседателями в рабочем порядке.)

Мы подчеркнули, что неверно представлять дело так, будто после Будапешта речь идет о совсем новых переговорах по соглашению, как бы начатых с нуля. Они уже имеют свою историю и пока нигде, кроме Москвы, не велись. Можно сказать, это «московские» переговоры (подобно тому, как были «жневские», «парижские» и т.п.). Будапештское решение учитывает эти обстоятельства. Именно в отношении этих переговоров в нем выражена идея продолжения, преемственности («опираясь на прогресс, уже достигнутый ранее в ходе посреднической деятельности»).

Отметили, что наше предложение проводить раунды поочередно в Москве и Хельсинки соответствует прежней практике ОБСЕ. При председательстве Италии в 1992–93 гг. переговоры в рамках Минской группы проводились в основном в Риме, и никто из ее участников не ставил вопрос о переносе встреч в Вену, где уже тогда размещалась штаб-квартира ОБСЕ.

При председательстве и сопредседательстве Швеции никто не возражал против переговоров или встреч в Стокгольме. Шведы не раз были в 1994 г. наблюдателями от Минской группы на переговорах в Москве, проводившихся при посредничестве Российской Федерации. А в феврале 1995 г., уже после Будапештского саммита ОБСЕ, где мы со шведами стали сопредседателями, они вместе с нами участвовали в проведении нового раунда в Москве и не предлагали перенести его в Вену.

В нашей записке прямо было отмечено, что вызывает недоумение, что новый сопредседатель начинает свою работу не с инициатив по существу урегулирования, а с настойчивых предложений о переносе места переговоров. Это лишь отвлекает от основной работы и создает ненужные трения внутри сопредседательства.

Тем более что сопредседатели сами требовали от конфликтующих сторон отложить дискуссии по процедурным вопросам.

Мы обратили внимание финнов, что нет никакой нормы относительно того, что переговоры в рамках ОБСЕ будто бы должны проводиться именно в Вене. Кроме того, одна из сторон прямо настроена против переговоров во дворце Хофбург, где размещена штаб-квартира ОБСЕ. Представители европейской организации участвуют в различных переговорах в разных местах.

Сопредседательство Минской конференции, подчеркнули мы, само по себе – одна из структур ОБСЕ. Россия и Финляндия – равноправные участники этой организации. Москва и Хельсинки не находятся вне сферы ОБСЕ.

Москва является наиболее естественным местом для проведения переговоров и подписания данного соглашения с учетом самых интенсивных связей России как с Азербайджаном, так и с Арменией, а также ее активной роли в карабахском урегулировании. Не случайно в Будапештском документе отмечен «решающий вклад Российской Федерации».

Сам формат переговоров – между сторонами в конфликте – сложился в Москве; в этом формате переговоры по Карабаху не велись нигде (Минская группа долго избегала его, работая по схеме от 24 марта 1992 г.).

«Единая согласованная база для переговоров», созданная после Будапешта, основывается на российском проекте соглашения, который, кстати говоря, уже более чем наполовину был раньше согласован между конфликтующими сторонами на московских переговорах.

В Москве и других городах Российской Федерации (Железноводск, Сочи) состоялись другие важные встречи и переговоры по Карабаху, в том числе встречи на высшем уровне. В Москве 15 апреля 1994 г. принято Заявление Совета глав государств СНГ, позволившее вскоре установить при посредничестве Российской Федерации прекращение огня.

Если Хельсинки – это дань равноправию сопредседателей и уважение к истории ОБСЕ, то Москва – отражение реальности самых тесных связей с Закавказьем и конкретных дел по урегулированию карабахского конфликта, естественная среда его разрешения.

Конфликтующие стороны никогда не возражали против проведения переговоров в Москве; более того, с ними давно согласовано, что подписание соглашения состоится в ней. Это отражено и в «единой согласованной базе».

Особо было подчеркнуто, что невозможно не учитывать объективные факторы данного переговорного процесса. Очевидно, что предложения об изменении места переговоров вызваны иными –

политическими мотивами. Они не имеют ничего общего с интересами существа урегулирования карабахского конфликта, не могут быть поставлены выше них. Естественно, российский сопредседатель, занимаясь урегулированием конфликта, не может идти навстречу иным интересам некоторых партнеров по Минской группе. Кроме того, увлечение процедурными вопросами в ущерб существу дела может нанести серьезный урон минскому процессу, авторитету сопредседательства и ОБСЕ.

Подчеркивалось, что и в практическом плане Москва наиболее доступна всем сторонам. В Москве есть посольства Азербайджана и Армении, прямые авиарейсы, а также быстрая связь с Баку, Ереваном, а также Степанакертом, в том числе по закрытым каналам, что может быть полезным в ходе переговоров. Таких возможностей в других местах нет. Например, в Хельсинки и Вене у конфликтующих сторон не будет этих удобств, в том числе закрытой связи со своим руководством.

Готовя этот документ финнам, я подумал, что еще можно было бы понять постановку вопроса о Минске, поскольку ОБСЕ в карабахском урегулировании широко использует название этого города (конференция, группа, процесс), но никогда не проводила там переговоров или встреч.

Подумалось и другое: с учетом равноправия сопредседателей ради устранения ненужных трений можно было бы рассмотреть такой вариант договоренности: каждый из них поочередно назначает место проведения следующего раунда. Вместе с тем, не стоило бы умножать число переговорных точек – крайне нежелательно, чтобы общественное мнение восприняло это как «политический туризм». Удаление переговоров от региона конфликта не всегда идет на пользу делу.

Надо сказать, что это обилие аргументов, причем весомых, сработало. Дискуссия по вопросу о месте продолжения переговоров, занявшая несколько недель, разрешилась в традиционной для финнов обстановке – в сауне нашего посольства в Хельсинки, украшенной доской о ее посещении президентом Финляндии Урхо Кекконеном. Посол Юрий Дерябин пригласил «попариться» замминистра Хейки Талвитие и меня. Там мы и договорились о том, что раунды будут проводиться поочередно в Москве и Хельсинки. (Затем финнам, похоже, оказалось не под силу проводить у себя каждый второй раунд. Позднее они воспользовались нашей идеей поочередного назначения каждым сопредседателем места переговоров, проведя вместо Хельсинки один раунд в ноябре 1995 г. в Бонне, а в другой в июле 1996 г. в Стокгольме.)

Вторая сфера трений с финнами возникла из-за их помех самостоятельным поездкам российского посредника в регион конфлик-

та. Проблема проистекала из того, что западники, в частности финны, недооценивали наше вековое проживание бок о бок и с армянами, и с азербайджанцами и вытекающий из этого определенный уровень взаимопонимания и относительной доверительности в контактах с конфликтующими сторонами. Вместо того чтобы пользоваться этим ресурсом, этими уникальными возможностями России, западникам мерещилось, что представители Москвы будут в этих контактах угрожать молодым государствам, давить на них, и поэтому они всячески противодействовали нашим прямым контактам со сторонами в конфликте. А финны были лишь проводником этой линии, хотя, конечно, тут играли роль и определенные чувства «ревности» к активности более расторопных коллег.

Партнеры надеялись таким образом лишить нас прямого воздействия на конфликтующие стороны. Признаюсь, что и при совместных поездках представитель России практически всегда имел возможность провести дополнительно отдельную встречу с высшими руководителями сторон в конфликте.

Порой противодействие финнов принимало занимательные формы. Рене Ниберг, которого я заранее извещил, что в конце апреля 1995 г. вновь выезжаю в зону конфликта, пожелал присоединиться. Ради доброго партнерства я не стал возражать. Но, видимо, финна не устраивало при этом, что, несмотря на наше равенство как сопредседателей Минской группы, стороны могут все-таки воспринимать старшим в этой «спарке» более опытного российского партнера. Тогда за моей спиной Ниберг уговаривает поехать с нами посла Иштвана Дьярмати, представителя Действующего председателя ОБСЕ (тогда им был мининдел Венгрии), поскольку в этом случае старшинство в ходе поездки переходит к венгру. Чтобы не огорчать партнера, мы сделали вид, будто не замечаем этой возни, но сразу же нашли противоядие подобным ходам.

Свое ревнивое отношение к моим поездкам в Баку, Ереван и Степанакерт западники жуликовато мотивировали тем, будто стороны могли бы видеть во мне сопредседателя МГ или того хуже – будто именно так я буду подавать себя. Стоит ли говорить, что оба эти суждения не отличались корректностью. Вот как описывает персианка Дедашти высказанное ей на эту тему анонимными западными участниками МГ: «Казимиров в свое оправдание заявлял, что он посещал участников конфликта не как сопредседатель Минской группы, а как полномочный представитель президента России. Финская сторона пыталась противодействовать этому, оповестив, в свою очередь, участников конфликта, что российская сторона во время визита говорила не от имени Минской группы».

Такой позорный для наших партнеров факт, по меньшей мере, один раз в самом деле имел место.

Западники наивно исходят из того, будто статус сопредседателя МГ мог меня приподнять в глазах руководителей сторон конфликта, хотя тем тогда важнее было знать настрой Москвы. И каждый раз в Баку, Ереване и Степанакерте я четко заявлял, в каком качестве выступаю: от имени Президента РФ или Минской группы.

Были и другие детали, весьма характерно отражавшие разницу в наших с финнами подходах к этой посреднической работе. Однажды Ниберг не стал навязываться на совместную со мной поездку, поскольку взял отпуск. На сей раз он настаивал лишь на том, чтобы нам посоветоваться и проводить мою поездку на согласованной основе. Каникулы были ему дороже миссии. Мы же об отпусках и думать себе не позволяли – за четыре с лишним года работы по Карабаху у меня накопилось немало прав на отпуск, но потом при отъезде в Латинскую Америку пришлось вместо этого довольствоваться денежной компенсацией.

Довольно симптоматична преждевременная «усталость» наших западных партнеров, участвовавших в руководстве минским процессом. Итальянцы пробыли председателями Минской конференции и группы всего 17 месяцев, шведы – 16 месяцев, финны – 20 месяцев. Все это весьма характерно, поскольку для этих государств, пожелавших принять активное участие в урегулировании, реально в этом не было глубокого национального интереса, хотя, конечно, ценились шансы заработать очки на почве миротворчества, а главное – на подыгрыше тем, с кем были сопряжены реальные интересы страны, будь то США или Европейский Союз.

В целом о том, как вели дела наши финские партнеры по председательству, лучше всего поведали они сами, когда, отчаявшись, добились освобождения от этой роли на Лиссабонском саммите ОБСЕ в декабре 1996 г. (причем, первоначально они хотели свернуть свою миссию уже через 11 месяцев, но мне удалось уговорить их «дотянуть» до Лиссабона). Тогдашняя мининдел (ныне президент) Финляндии Тарья Халонен 11 февраля 1997 г. представила Комиссии по иностранным делам финского парламента доклад о посреднической роли своей страны в урегулировании нагорно-карабахского конфликта. Из него однозначно вытекает, что одной из главных задач финских дипломатов было все то же удержание России от прямой собственной активности в урегулировании конфликта (под внешне привлекательным предлогом единства минского процесса, который не отличался, однако, эффективностью).

Автор монографии «ОБСЕ и нагорно-карабахский конфликт» Дедашти, хотя и в несколько иной плоскости, но прямо пишет

о привлечении финнами американцев: «Финны как сопредседатели пытались, кроме того, в 1995–96 гг. усиленно втянуть США в минский процесс, чтобы укрепить собственную позицию по отношению к российским посредникам». Услуга за услугу.

Карабахские дела при Е.М. Примакове

9 января 1996 г. министром иностранных дел России был назначен Е.М. Примаков, до этого в течение ряда лет руководитель Службы внешней разведки России, а ранее директор двух академических институтов (востоковедения; мировой экономики и международных отношений), председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. Первые дни он целиком посвятил вхождению в дела министерства, пока воздерживался от публичных появлений при тех или иных акциях.

В это же время как раз с 9 по 12 января в Москве проходил очередной раунд переговоров по Карабаху при посредничестве России и Финляндии, а 13–15 января – консультации Минской группы ОБСЕ сначала полного состава, а затем без сторон конфликта. При первой же нашей встрече новый министр охотно откликнулся на предложение принять 13 января участников Минской группы в полном составе. Это стало первым публичным актом Е.М. Примакова в роли министра.

Участники Минской группы, представлявшие 11 государств, а также «НКР», признанную лишь в качестве стороны конфликта, были признательны новому руководителю министерства, поскольку в прежних случаях их принимал чаще один из заместителей министра.

Встреча в целом прошла успешно. Если не считать недовольства армян одним высказыванием Е.М. Примакова. Надо отметить, что новый министр знал карабахский конфликт. Как кандидат в члены Политбюро он несколько недель находился в Баку перед самым вводом туда советских войск 20 января 1990 г., за что был зачислен народнофронтовцами в список врагов Азербайджана. Гейдару Алиеву пришлось затем изъять его из этого списка.

Ближе к концу беседы, видимо, желая подвигнуть участников Минской группы на урегулирование нагорно-карабахского конфликта, он заметил, что оно не представляет из себя чего-то особенно сложного. Все это было бы нормально, если бы он не добавил вдруг: «Надо решить лишь проблемы Лачина и Шуши».

Армян (и ереванских, и карабахских) шокировала такая постановка вопроса. Они считали куда важнее проблемы статуса и без-

опасности Нагорного Карабаха. Проблемы Лачина и Шуши они уже числили среди предрешенных в свою пользу и давно отклоняли на переговорах попытки азербайджанцев акцентировать на них внимание. После завершения встречи с Евгением Максимовичем Аркадий Гукасян прямо высказал мне недовольство такой постановкой вопроса новым министром.

Но, независимо от интересов сторон, выражение Е.М. Примаковым оптимизма было понятным, но все же чрезмерным, не соответствовало реальным трудностям улаживания этого конфликта.

Возможно, этот завышенный оптимизм нового министра и был затем причиной его явного недовольства труднейшим ходом переговоров между сторонами при посредничестве России и Финляндии. Только позднее, при поездке в регион конфликта в мае 1996 г., министр смог убедиться в том, насколько трудно согласовывать позиции сторон в этом конфликте и выполнять даже то, о чем они, казалось бы, договорились.

К поездке Е.М. Примакова в Баку, Ереван и Степанакерт 8–11 мая 1996 г. мы готовились особенно тщательно. Это был самый канун заседания в Москве Совета глав государств СНГ (17 мая 1996 г.). Переговорный процесс по Карабаху продолжал пробуксовывать, и надо было этой акцией министра придать ему импульс. На своем рабочем уровне мы проецировали это на ССГ СНГ, чтобы при благоприятном исходе достичь сдвигов и на самом верху.

Хотелось обеспечить успех визита, строя его на «двух китах»: в плане политическом казалось возможным вывести стороны на совместное заявление высших руководителей в пользу мирного урегулирования, а в плане гуманитарном – провести обмен военнопленных «всех на всех».

Мы понимали и трудности работы над текстом заявления, и явную условность формулы «всех на всех», поскольку стороны могли еще скрывать часть военнопленных или просто не знать о тех из них, кто был в частных руках. В плане подготовки к поездке Е.М. Примакова мне пришлось сначала резко активизировать телефонные контакты со сторонами на дистанции, а затем заранее посетить все три точки и специально провести беседы с Г. Алиевым, Л. Тер-Петросяном и Р. Кочаряном.

Особенно много хлопот вызывал проект совместного политического заявления. Ради приемлемости для всех трех сторон он был составлен мной в основном из фраз проекта соглашения о прекращении вооруженного конфликта, которые при посредничестве России уже были согласованы между всеми сторонами, что обозначалось в тексте соглашения жирными буквами. Сторонам труднее было возражать против уже согласованных формулировок, ибо каждое слово в них уже было одобрено ими на переговорах.

«Цитируя» в проекте заявления то, что согласовано сторонами в проекте соглашения, которое еще неизвестно когда удастся согласовать целиком, мы исходили из того, что важные согласованные политические положения «прозябали» втуне в ожидании завершения переговоров по соглашению. А могли бы уже досрочно быть востребованы и начать немедленно работать в виде самостоятельного документа как заявление высших руководителей сторон. Эта идея была заранее проговорена мной с каждым из них.

Ввиду сложности подписания или принятия совместного заявления Г. Алиевым (из-за участия в этом Р. Кочаряна) мы прорабатывали разные варианты. Вполне возможно, что Алиев не прямо откажется подписывать документ вместе с ним, а прикроет это невозможностью согласования каких-то важных для Азербайджана положений в тексте заявления.

Вначале мы не хотели как-либо обозначать сторонам связь подписания заявления со встречей глав государств СНГ в Москве 17 мая, то есть добивались согласования текста уже в ходе поездки Е.М. Примакова. Но мы удовлетворились бы его подписанием и на разных листах (подобно прекращению огня с 12 мая 1994 г.) либо его принятием вообще без подписей или даже визированием. Как вариант фигурировало его одновременное опубликование в Москве, Баку, Ереване и Степанакерте 12 мая – в день второй годовщины прекращения огня.

Но в случае согласования документа имелось в виду развить успех: предложить поднять его значение и формализовать актом подписания или принятия в Москве 17 мая в ходе или за рамками заседания ССГ СНГ. Можно было бы мотивировать это тем, что в таком случае поставил бы свою подпись и президент Российской Федерации, председатель Совета глав государств СНГ. Это важно, мол, и потому, что 19 января с.г. ССГ СНГ обратился с соответствующим призывом к президентам Азербайджана и Армении, который был подписан Б.Н. Ельциным.

Поскольку участие Кочаряна в подписании наряду с президентами может оказаться неприемлемым для Алиева, можно было бы разбить процедуру на две части: на широкой церемонии 17 мая заявление подписывают Г. Алиев, Л. Тер-Петросян и Б.Н. Ельцин; затем проводится краткая встреча последнего с Р. Кочаряном, который как бы присоединяется к заявлению двух президентов. Г. Алиеву такая процедура могла показаться мягче подписания. Кочарян должен был понять, что не мог быть приглашен на заседание глав государств.

Увы, наши хитроумные построения оказались тщетными, им не суждено было сбыться (и не по весомой причине, а почти из-за случайности).

Е.М. Примакову к поездке в Закавказье был выделен вместительный самолет. График специально был скроен так, чтобы 8 мая забрать в Баку армян (задержанных и военнопленных), доставить их в Ереван на самолете министра, забрать там военнопленных азербайджанцев, находящихся в Армении и Нагорном Карабахе, и 10 мая (кстати, в день рождения Г. Алиева) привезти их в Баку, где завершить поездку по карабахским делам. Далее Примаков должен отправиться с кратким визитом в Тбилиси.

8 мая Е.М. Примаков, сопровождаемый Б.Н. Пастуховым и мной, прибыл в Баку. Г. Алиев и он предпочли часа два беседовать наедине (как и в январе 1996 г. в Москве). Евгений Максимович сказал нам потом, что Гейдар Алиевич всячески пытался отговорить его от посещения Степанакерта, но не достиг цели.

Затем прошли переговоры в более широком составе. Вопрос об обмене пленными был согласован мной заранее и не требовал дальнейшего обсуждения. Было лишь подтверждено, что в тот же день при вылете в Ереван мы заберем с собой 39 армян, которых азербайджанцы выдавали за военнопленных, хотя среди них было немало задержанных властями Азербайджана в поездах и в иных ситуациях, но не в ходе военных действий.

Основное внимание сосредоточилось на нашем проекте политического заявления. Г. Алиев высказался в принципе за его принятие. Но мининдел Г. Гасанов вдруг заявил, что одна из формулировок устроит азербайджанскую сторону, если это будет двустороннее заявление с Арменией, но не устроит, если оно будет с участием Нагорного Карабаха. Скорее всего, между Г. Алиевым и Г. Гасановым заранее были распределены роли «хорошего и плохого парня». Вряд ли эта диверсия была экспромтом мининдела. Но ведь уже давно было договорено, что заявление будет трехсторонним, и все три стороны уже согласовали данную формулировку в проекте соглашения!

Можно было без особого труда отбить этот наскок Г. Гасанова. Но Евгений Максимович, спасая формулировку, сразу дал согласие на двустороннее заявление без участия Карабаха. Любая иная реакция нашего министра помогла бы нейтрализовать эти происки. Он мог бы высказаться выжидательно или чем-то обусловить свое согласие, а потом уточнить у меня настрой сторон. Но он уже высказался, что поставило меня в весьма деликатное положение. С одной стороны, было абсолютно ясно, что Ереван не пойдет на заявление с Баку без участия карабахцев. С другой стороны, переговоры вели Г. Алиев и Е.М. Примаков, и вклиниваться с корректировкой слов своего министра было весьма неловко, но иначе не спасти заявления.

Пришлось, нарушая иерархию, ввязаться. Апеллируя к Г. Алиеву, а не к Гасанову, сказал, что Ереван не согласится на заявление

без Карабаха – ведь уже условлено, что оно будет от трех сторон. Но Г. Алиев скромно промолчал, а наш министр считал, что можно договориться с Л. Тер-Петросяном. Это дало шанс диверсии Г. Гасанова.

В самолете по пути в Ереван, когда мы остались втроем – министр, Б.Н. Пастухов и я – Евгений Максимович за рюмкой водки немного пожурил меня: «Зря ты это сказал». Я оправдывался тем, что как эксперт обязан знать, что проходимо, а что нет, и должен реалистически обозначить это. Вечером 8 мая мы встретились с министром Армении В. Папазяном и передали через него проект заявления президенту Л. Тер-Петросяну. Встреча с ним была назначена на конец следующего дня, после посещения нами Степанакерта.

Переночевав в Ереване, 9 мая мы сразу направились вертолетом в Нагорный Карабах. В беседе с Р. Кочаряном Е.М. Примаков тему совместного заявления вообще не затрагивал, что не могло не обратить внимания карабахских руководителей. Они были довольны самим фактом приезда министра иностранных дел России в Степанакерт, но по завершении беседы А. Гукасян подошел ко мне и спросил: «А как насчет заявления?» Чтобы не раскрывать сути дела, я попытался неопределенно отшутиться: «Да разве с вами о чем-нибудь договоритесь!»

По возвращении в Ереван встретились с Л. Тер-Петросяном. Мы пытались продолжить разговор о проекте заявления, но он, видимо, уже был в курсе того, что эта тема не затрагивалась нами в Степанакерте. Левон Акопович проявил осмотрительность, избегая высказываний по заявлению. Вместе с тем никак не исключая, что он заранее проинформировал Р. Кочаряна о полученном от нас проекте заявления. Не составляло труда вычислить, что предлагалось принять его без участия Карабаха.

Вскоре по телефону из Степанакерта стал разыскивать Е.М. Примакова Р. Кочарян. Министр уклонился от разговора и велел переговорить с ним мне. Роберт Седракович в довольно возбужденном тоне сказал, что мы обманываем их, пытаемся выйти с заявлением без участия карабахцев. Для убедительности он заявил, что отдал распоряжение вернуть из Еревана всех 60 азербайджанских военнопленных, которых накануне перевезли туда на автобусах для отправки нашим самолетом в Баку.

Выкручиваться было довольно неприятно, но ничего другого не оставалось. Чтобы несколько осадить напор Р. Кочаряна, высказал ему недоумение, почему он претендует на то, чтобы вопрос о заявлении мы обсуждали с ним прежде, чем с главой Армении, международно-признанного государства? Затем начал доказывать ему различие самой природы двух вопросов: заявление – акт по-

литический, а обмен военнопленными – гуманитарный. Подчеркивал, что в ходе подготовки визита никто никогда не увязывал один вопрос с другим. Каюсь, первый мой довод был совершенно искусственным, но второй и третий – абсолютно верными. Мое замечание, что в Ереване мы уже передали армянских военнопленных, доставленных из Баку, Роберт Седракович парировал тем, что среди них нет карабахцев.

Доложил Евгению Максимовичу о нелегком разговоре с Р. Кочаряном, вызвав серьезную озабоченность результатами визита. Представьте себе, что в итоге не будет ни намеченного политического заявления, ни обещанного крупного обмена пленными. Причем после того, как из Баку в Ереван уже доставлены 39 армян. Если бы Р. Кочарян осуществил свою угрозу и отозвал «своих» пленников, мы смогли бы привезти в Баку не 71 азербайджанца, а только 11 – тех, которые содержались в Армении. Г. Алиев (к тому же в свой день рождения) счел бы себя просто обманутым нами, хотя первопричиной была бы коварная вылазка Г. Гасанова при его молчаливом согласии. Но это было бы близко к провалу миссии нового министра иностранных дел России.

То, что Р. Кочарян передумал и отменил свой приказ (если на самом деле давал его), не берусь приписывать своим доводам. Скорее, карабахцам самим не хотелось ссориться с Россией, напугать контакты с посредником, который наиболее последовательно выступал за признание НК стороной конфликта. Смягчить подход Р. Кочаряна мог и Л. Тер-Петросян, который, естественно, уклонился от двустороннего заявления с Баку.

В итоге поездка завершилась лишь обменом военнопленными. 110 человек были освобождены и получили возможность вернуться из плена на родину. 102 сразу воспользовались ею. Среди освобожденных было два или три гражданина России, которые выехали домой. Само по себе это было уже немало – самая крупная гуманитарная акция. Прежде обмена производились по одиночке или мелкими группами по два-три человека.

Несмотря на неудачу с совместным заявлением, визит Е.М. Примакова, несомненно, имел важное политическое значение как демонстрация активной роли России в Закавказье и ее заинтересованности в конструктивном мирном разрешении накопившихся там проблем, особенно в связи с конфликтами.

К лету выявилась разница в условиях моей работы по Карабаху при двух министрах. С Козыревым я не имел личных связей, но его явно наивная ориентация на крупные проблемы отношений с Западом и отношение ко всем остальным вопросам как не столь главным, включая Карабах, как ни странно, позволяли мне при всем уважении к иерархиям работать довольно самостоятельно.

Козырев не слишком подробно вникал в карабахские дела (хотя дважды посетил зону конфликта), фактически передоверял их ведение мне при общем надзоре своих заместителей А.Л. Адамишина и В.И. Чуркина, которые тоже оставляли простор для проявлений самостоятельности.

Е.М. Примаков, с юношеских лет тесно связанный с Кавказом и поддерживавший плотные контакты со многими деятелями этого региона или выходцами с Кавказа, уделял кавказским делам в целом и в частности карабахским заметно больше внимания. Его нелегкое пребывание в Баку в канун ввода советских войск придало ему особый интерес и приобщение к проблематике Карабаха, о чем он пишет в своих мемуарах «Годы в большой политике». Но за минувшие годы противостояния и противоборства до его перевода в МИД России события вокруг Карабаха ушли так далеко, что знаний шестилетней давности оказывалось недостаточно.

С Евгением Максимовичем довелось мне познакомиться еще до его назначения министром. У нас были близкие общие друзья, среди них замечательный врач и человек Владимир Бураковский (чье имя носит теперь Институт кардиохирургии, что возле Рублевского шоссе на кольцевой дороге вокруг Москвы), сотрудники ЦК КПСС Леон Оников и Юрий Хильчевский, ставший потом заместителем министра культуры СССР, и дипломат с корнями разведчика Александр Чурлин. Всех не перечислишь. Иногда виделись мы с Евгением Максимовичем в дружеском кругу, в неформальной обстановке. Наши отношения слишком близкими не были, но он еще до прихода в МИД помогал мне в делах по Карабаху при понимании, что это останется между нами.

Несмотря на патриотические ориентиры нового министра и его личное благорасположение, мне стало труднее работать самостоятельно. Е.М. Примаков глубже вникал в дела и ждал от нас больше, чем мы могли дать в условиях жесткого взаимного недоверия и упорного противостояния сторон. Помню его раздражение итогом одного из раундов переговоров, когда за два-три дня удалось согласовать между тремя сторонами всего лишь две фразы в проекте соглашения о прекращении вооруженного конфликта. Полагая, что тут надо повысить уровень, министр стал подключать к карабахским делам своего первого зама Бориса Николаевича Пастухова. Но дело было не в том, ибо мы и до этого имели привилегированный доступ к самым первым лицам сторон.

Более того, самый важный и самый трудный партнер – Гейдар Алиевич настоятельно просил меня не оставлять карабахских дел. Будя честолюбие, не раз даже «грозился» поставить в Баку бюст миротворцу (конечно, если урегулирование будет отвечать интересам Азербайджана). Но когда я сообщил ему о своем предстоящем

отъезде за океан, это не помешало Гасанову и бакинской прессе устроить целый шабаш «отстрела» и погребения моей персоны.

Козырев чуть ли не за год до этого дал согласие на мой отъезд послом в Латинскую Америку, направил записку президенту, но поперек встал Дмитрий Борисович Рюриков, помощник Ельцина по внешнеполитическим делам. Он настаивал, чтобы я продолжал работу по Карабаху, добиваясь новых конкретных результатов. Объяснял ему, что Россия уже добилась немало (не только перемирия, но и многих вещей в самом переговорном процессе), что в ближайшие годы мы вряд ли еще чего добьемся из-за жесткой позиции сторон.

Евгений Максимович сначала занял позицию, близкую к Рюрикову, но потом с учетом возраста (мы с ним одноклассники) не стал противиться и направил президенту новую записку о моем назначении послом в Коста-Рику, где в 1972 г. я открывал первое советское посольство в Центральной Америке. Это было моим необычным пожеланием перед завершением службы (вторично послов в ту же страну назначают очень редко, но у меня был шуточный, хотя и с горчинкой, аргумент – тогда я был там послом СССР, а теперь – России).

Понимая, что мои 67 лет могут помешать этому назначению, Е.М. Примаков заранее принял меры, чтобы в комитете Госдумы по международным делам не спрашивали... года моего рождения. Заседание комитета по моему назначению прошло благополучно, чему способствовали высказывания А.С. Дзасохова, Б.В. Громова и В.И. Севастьянова. А Виталий Иванович, знавший меня ранее как посла в Венесуэле, где пришлось ему побывать как космонавту и руководителю нашей шахматной федерации, поставил меня в комитете перед трудным выбором. Подобный мне кандидат на назначение должен чуть ли не стоять навтыжку, как школяр, демонстрируя почтение к членам комитета, а он вышел из-за стола, чтобы обнять меня всеми дланями. Боюсь, что из двух возможных я совершил обе ошибки: и обнялся недостаточно крепко, и послушание выказал скуповато.

В сентябре 1996 г. передал все карабахские дела, включая подготовку к саммиту ОБСЕ в Лиссабоне, послу Юрию Алексеевичу Юкалову, который незадолго до этого вернулся из Зимбабве, а 3 сентября был назначен вместо меня полномочным представителем Президента Российской Федерации по нагорно-карабахскому конфликту (сама формулировка там мудренее, но суть дела в этом). Помню, что и ему, и нашему финскому коллеге Р. Нибергу всячески доказывал необходимость при подготовке к Лиссабону и тем более там избежать выпячивания двух принципов – территориальной целостности и права народов на самоопределение, ибо

это самый надежный путь в тупик. Так оно и приключилось. Русский фольклор давно освоил эту истину – за что боролись, на то и напоролись.

С Ю.А. Юкаловым мы объехали Баку, Ереван и Степанакерт. Надо было представить сменщика, а мне – проститься с руководителями трех сторон конфликта. Своеобразно проводил меня Г. Алиев. После беседы и подношения мне азербайджанского ковра Гейдар Алиевич сказал: «Хочу преподнести Вам еще один подарок», – и попросил подойти к нему по ту сторону стола. Там он раскрыл папку и вручил фотографию, запечатлевшую ужин в армянском ресторане «Серебряный век» в Москве. За одним столом со мной были А. Гукасян и одна из самых острых фигур карабахского движения – журналист Зорий Балаян.

Я помнил этот случай. Гукасян пригласил меня после переговоров в Москве в этот ресторан, но ни слова не сказал о том, что с нами будет З. Балаян. Мы с ним лично и не были знакомы. Когда Гукасян представил нас друг другу, мне не понравилось то, что я не был предупрежден им об этом. Думаю, тут был не злой умысел, а незнание Аркадием Аршавиричем этих тонкостей. Но развернуться и уходить тоже не стоило – надо было обсудить с ним ход наших переговоров.

«Как Вы могли сидеть за одним столом с этим фашистом?!» – спросил Г. Алиев. Пришлось прежде всего поздравить Гейдара Алиевича с успешной работой его разведчиков даже в армянском ресторане – его школа! А объясняться насчет Зория Балаяна, говорить, как это получилось, не имело никакого смысла. В полуплутливой форме сказал лишь Гейдару Алиевичу, что профессионалы дипломатии имеют дело не только с правительством страны пребывания, но, как правило, не уходят от контактов и с оппозицией. Так мы прощались с Г. Алиевым, еще не ведая, что это лишь предпоследняя из наших почти шестидесяти встреч.

Промежуточное резюме

Уезжая в сентябре 1996 г. по своему выбору вновь в Центральную Америку, думал, что расстаюсь с Карабахом, с препирательствами сторон по каждому поводу. Но оказалось ментально не легко освободиться от него. И в Коста-Рике, и в Гватемале, где был аккредитован по совместительству, ловил каждую карабахскую новость, хотя избытка там в них не было.

Иногда звонили мне туда партнеры по Карабаху: то Роберт Кочарян, то Расул Гулиев, то Давид Шахназарян, то Рене Ниберг.

Шахназарян рассказал об отставке президента Л.А. Тер-Петросяна (своего родственника – их дети женаты между собой). Гулиев сам грозился навестить меня в Сан-Хосе, но не сложилось. Приезжал ко мне туда лишь Жирайр Липаритян, уже вернувшийся из Еревана в Бостон к своей семье. Так что даже голоса из Нью-Йорка, Бостона и Хельсинки напоминали про Карабах.

Выходя в 70 лет в отставку, был принят министром иностранных дел И.С. Ивановым (отработав в МИД СССР/России 47 лет, по возрасту не мог быть больше на государственной службе). Договорились, что будут привлекать меня к анализу и проработке карабахских дел. В середине декабря 1999 г. предстояла поездка сопредседателей Минской группы в Ереван и Баку. Мне предложили поехать с ними на неформальной основе.

Давний коллега, посол Азербайджана в России Рамиз Ризаев сказал, что Гейдар Алиев будто бы рад моему возвращению к карабахским делам, хоть и в неофициальном статусе. Вспомнилось, как Гейдар Алиевич убеждал продолжать работу по Карабаху вместо отъезда за океан, а я все же «ослушался» и уехал. Порадовало, что он не помнит «зла». Несмотря на неизбежные сложности посредничества, наши отношения с Гейдаром Алиевичем в целом были довольно равными, а иногда и доверительными. Помню его оценки ряда деятелей, которыми он иногда делился наедине. Как-то он сказал, что должен по политическим соображениям восхвалять руководителей АДР 1918–1920 гг., а это были самые настоящие негодяи.

Принимая в Баку трех сопредседателей МГ, Г. Алиев, как обычно, в конце встречи уединился с ними. Когда гости прощались, уже «на ногах», он спросил их: «А как тут оказался Казимиров? Он столько лет мурыжил нас с урегулированием! Согласовано ли это с Парижем и Вашингтоном?». Француз и американец, естественно, сказали, что нет. Наш сопредседатель промолчал. Хотя аргументы были под рукой. Не только с другими государствами-сопредседателями, но и со сторонами конфликта назначения даже на должность посредника не согласовывались – это было единоличное решение данной страны-сопредседателя. Лишь в системе ОБСЕ требовалось назначение Действующим председателем, но только сопредседателя Минской конференции, а не МГ. Тут же речь шла о приобщении к своей команде в неофициальном статусе! Понимал ли это сам Г. Алиев? Видно, хотел объявить меня «персонай нон грата» сразу в глазах трех стран.

Между тем по традиции он уже негласно назначил мне час для встречи позднее наедине. Наш сопредседатель знал об этом, но пересказать мне сцену у Г. Алиева не посмел – доложил лишь нашему послу А.В. Блохину.

Тот спешно проинформировал меня, и мы с ним договорились ехать к Г. Алиеву вместе, чтобы избежать ненужных недоразумений. Разговор по существу проблем в этих условиях был скомкан. Все свелось к довольно прохладному прощанию, прикрашенному присутствием нашего посла.

У меня и прежде бывали сложности с мининделом Г. Гасановым и другими представителями Баку, но нормальные отношения с Г. Алиевым как бы выправляли все остальное. «Грязная политика» проявлялась и раньше: например, при инциденте 20 ноября 1993 г. Гасанов дарил мне в ноте лихие комплименты, а перед отъездом в Коста-Рику всячески охаивал в прессе. К этим вещам я более или менее привык. Оставалось разгадать причину такого поворота Гейдара Алиева. То ли недруги убедили и его в моей предубежденности к Азербайджану, то ли еще что? Полагаю, что через пять лет после войны ему не нужен был в процессе урегулирования или даже рядом тот, кто знал заморочки и зигзаги его политики по Карабаху: замах на силовое решение конфликта, невыполнение требований СБ ООН, отказы и срывы прекращения огня, колебания, проволоочки и т.д.

Стоило ли мне в этих условиях быть в команде российского сопредседателя? Хотя кое-кто из начальства не считал нужным обращать на это внимание. Так карабахская проблема стала для меня, скорее, темой для выступлений в прессе и на конференциях, чем дел практических.

* * *

В сложнейшей, весьма противоречивой проблематике карабахского конфликта нелегко разобраться, не выделив его ядро или главное звено. Безусловно, это судьба Нагорного Карабаха, его статус. Все остальное, включая оккупацию, – производное от возникшей из-за этого войны.

Судьба НК – коренная **спорная** проблема. Это признают все. Все, кроме сторон конфликта! Те делают вид, будто НК бесспорно принадлежит им, а не противостоящей стороне. Как минимум, его принадлежность той стороне отвергают. Для них признать это спорным означает ослабить свои позиции или притязания. Отсюда их радикализм, их стрельба словесами «ни за что» и «никогда». Но, даже понимая политико-пропагандистские интересы сторон, необходимо подводить их к признанию того, что НК – главная **спорная** проблема. Это имело бы огромное психологическое значение и для самих лидеров, и для поворота общественной психологии в пользу примирения. В таком подходе нет антагонизма – это кратчайший путь к рациональности, поиску компромиссов, хотя, конечно, он требует времени.

Решать судьбу НК придется самим армянам и азербайджанцам, как бы кто из них не надеялся на «дядю», который внемлет их доводам и все решит.

Всем, кто изучает эту проблематику «со стороны», нельзя сужать обзор ситуации – необходимо видеть ее в историко-географическом контексте. Конечно, речь идет не о глубине веков, но минувший век не вычеркнуть. Нельзя забывать судьбу армян Нахичевани, Баку, Гянджи, Сумгаита, судьбы азербайджанцев, переселенных из Армении еще во времена СССР.

Из-за грубых и массовых нарушений норм гуманитарного права, депортаций и бегства от наступающего противника вооруженный конфликт довершил размежевание азербайджанцев и армян. Это прискорбно. Их дети и внуки несомненно смогут снова жить рядом и попеременно. Да, размежевание – негатив, но еще хуже возбуждение взаимной неприязни и ненависти, угрозы возобновления войны. Нельзя не учитывать причинно-следственных связей, на словах выступать за его преодоление, а делами как раз закреплять его.

Политической остроты карабахскому конфликту добавил распад СССР. Он придал ему и межгосударственный характер. Ряд советских республик провозгласил независимость вовсе не по закону от 3 апреля 1990 г. Западные поклонники права закрыли на это глаза, не желая считаться с чуждой им правовой системой, а ее игнорирование лишь подхлестнуло конфликты. Масштабные боевые действия развернулись в Карабахе именно в конце 1991 – начале 1992 г. АР даже не подтвердила преемственность от АзССР. Наоборот, в своей конституции отрекалась от нее, подорвав свои же ссылки на международно-признанные границы.

Каковы бы ни были законные интересы и завышенные аппетиты у каждой из сторон, для международного сообщества нет ничего важнее, чем **предотвращение возобновления военных действий**. Причем нельзя ждать реального появления такой угрозы. Наивысшим приоритетом, в том числе для ОБСЕ и сопредседателей МГ, должно стать заблаговременное **принуждение к миру**, но цивилизованными **политико-дипломатическими средствами**. Именно на это нацелена Московская декларация.

Наша дипломатическая служба – надо это признать – не всегда последовательна в обеспечении собственных интересов и сохранении преемственности в делах. Тяга к новому не может быть самоцелью, это лишь средство. Необходимо убедиться в эффективности предлагаемых новшеств как для урегулирования, так и для своих интересов, а не полагаться на авось. Немало того, что мы упорно отстаивали под нажимом западников и отстояли, было потом «слито» нами на радость им (скажем, роль и место СНГ в урегулировании,

в частности, в преамбуле соглашения о прекращении вооруженного конфликта, наш формат переговоров, их документальная основа и другое). Очевидно и вытеснение русского языка из карабахского урегулирования, который вначале был там основным.

Стремление (уже вместе с западниками) любой ценой удержать на плаву переговорный процесс привело к его нынешней деформации, к отстранению от него одной из конфликтующих сторон, причем вопреки самому высокому и наиболее обстоятельному решению Будапештского саммита ОБСЕ и мандату сопредседателей Минской группы. Неумение ОБСЕ выполнять собственные решения, добиваться выполнения соглашения, подписанного под ее эгидой, просто поражает!

Карабахское урегулирование рискует замкнуть заколдованный круг. Если стороны (причем все) согласуют базовые принципы урегулирования (что пока проблематично) и на их основе приступят к разработке соглашения, то так и будет. А разве на основе проекта соглашения 1994–96 гг. нельзя было выйти на ту же цель, не петляя по трем проектам 1997–98 гг., по формуле Ки-Уэста, по «пражскому процессу» и другим вариантам предложений сопредседателей МГ? Можно сказать, что им не хватило усидчивости и долготерпения в работе со сторонами, подвела наивная жажда найти тут же, за углом, волшебную формулу мгновенного разрешения проблем.

В заключение скажу несколько слов и о себе. Посредническая работа приучила к тому, что тобой недовольны все стороны. Посредник ничего не несет в дар стороне конфликта, а добывается от нее уступок, «обслуживая» интересы противостоящей стороны. Этот лидер не видит, как он выбивает уступки у противника, отстаивая его интересы, если считает их резонными.

Недовольство посредником – общая болезнь сторон конфликта. Не обошла она и меня. Каждая сторона имела свои претензии, выплескивала их и наружу, чаще всего в прессу. Только ленивый не критиковал меня в армянских и азербайджанских СМИ. Конечно, желчнее всего потерпевшая сторона. В Баку меня постоянно обвиняют в проармянской ориентации, а то и в служении армянам. Восприятие лишь двух цветов: черного и белого (все на свете или проармянское, или проармянское) примитивно, убого, сродни аберрации. Жизнь многоцветна – есть и иные цвета, есть интересы и других стран. В ответ назвал бы свою позицию вовсе не пророссийской, а именно российской. Даже, если хотите, ультрароссийской.

Ни одна другая страна не заинтересована, как Россия, в мирном разрешении конфликта в Карабахе, нормализации армяно-

азербайджанских отношений, развитию связей с этими государствами. Интересы, скажем, США и Франции или даже соседней Турции не могут идти в сравнение с нашими. У тех стран нет столь многообразных и тесных исторических и современных связей с Азербайджаном и Арменией.

А почему «ультра»? Это уже нечто личностное. Посредничество привило нетерпимость к продолжению военных действий (в то время), а тем более к их возобновлению в наши дни или в перспективе. Вполне логично тот, кто годами добивался перемирия и его укрепления, будет против воинственных угроз, гонки вооружений, инцидентов, пропаганды ненависти между двумя народами. С чьей бы ни было стороны! Кто бы ни стремился вернуться к боевым действиям, буду среди противодействующих этому. Та война и так слишком дорого обошлась обоим народам. Да и нам!

Помню, что в конце 90-х годов старался не высказываться в прессе по Карабаху, чтобы не обидеть ту или иную сторону. Но потом пришел к выводу, что это вообще **не моя проблема**. В этом конфликте чересчур много построено на обмане, чаще всего – собственного народа. Каждый автор должен быть предельно достоверен, а если это кого-то задевает или уязвляет, то это проблема тех, кто лукавил, искажал, подгонял версии под свои интересы, а то и просто лгал. Вот они пусть и доказывают свое, если сочтут себя в силах совладать с фактами и документами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Его Величество Аргумент

Довод, аргумент – это, пожалуй, главное оружие в дипломатической и, в частности, посреднической работе.

Далее следуют некоторые статьи, выступления, а также письма автора иностранным деятелям по карабахской тематике.

СМИ России, Армении, Азербайджана, карабахская пресса в разные годы публиковали большинство этих материалов.

Перед каждым таким текстом проставлена дата и место опубликования.

Некоторые из них немного сокращены или обновлены перед включением в книгу.

«Российская газета», 26 марта 1994 г.

Нагорный Карабах:

Без посредника не обойтись

Сейчас возродилась надежда на возможность выхода из тупика карабахского конфликта. Об этом рассказывает специальный представитель Президента Российской Федерации в переговорном процессе политического урегулирования в Нагорном Карабахе, руководитель посреднической миссии России Владимир КАЗИМИРОВ.

Сначала при посредничестве министра обороны России Павла Грачева участники конфликта подписали протокол о прекращении военных действий и разводе войск, затем состоялась встреча председателей Верховных Советов Армении и Азербайджана Бабкена Аракчяна и Расула Гулиева.

Полным ходом идет подготовка большого политического соглашения о прекращении конфликта при посредничестве России. Работа над этим соглашением охватывает все главные вопросы первой фазы урегулирования, которое, по мнению российского дипломата, может быть только поэтапным. Абсолютный приоритет имеет прекращение огня и военных действий – это ключ к решению всех проблем. Чтобы оно было надежным, необходим механизм, сводящий к минимуму возможности возобновления боевых действий. Лишь при надежности прекращения кровопролития можно решать другие головоломки.

Наиболее эффективным средством закрепления прекращения военных действий было бы размещение разъединительных миротворческих сил. МИД РФ ставит вопрос о такой многосторонней операции. Для нее нужны международные мандат и финансирование. Российские войска в одиночку, уверяет Владимир Казимиров, в зоне конфликта размещаться не будут – это однозначно. У Рос-

сии здесь нет никаких «имперских» амбиций, в которых ее заподозрили на Западе. В упомянутом протоколе встречи министров обороны ничего и не говорится о буферных силах – только о разводе сил и наблюдателях.

Порядок осуществления протокола министров обороны видится таким. Стороны разводят силы со своих позиций назад – так, чтобы они были недостижимы для огня друг друга. Тяжелые вооружения должны быть отведены минимум километров на 20 с каждой стороны. Формирования, вооруженные стрелковым оружием, должны быть разведены от линии соприкосновения симметрично – так, чтобы создать между сторонами зону взаимной безопасности, где устанавливается контроль смешанных постов наблюдения. Намного сложнее, но в принципе возможен и асимметричный развод сил сторон, однако в таком случае он должен быть надежно сбалансирован за счет глубины дистанции и регулирования количества сил на новом рубеже.

Коллизия в том, что азербайджанцы не желают «пятиться» еще дальше в глубь собственной территории, а карабахские армяне очень не хотят «просто так» оставлять завоеванные рубежи. По сей день и у тех, и у других эмоции довлеют над логикой. В нынешней накаленной атмосфере практически невозможны договоренности без содействия посредника. И все же главная предпосылка – смена военного, милитаристского подхода у самих участников конфликта рациональным политическим подходом. Без этого из трясины противоборства не выбраться.

Закрепление прекращения военных действий откроет следующий этап – переход к ликвидации основных негативных последствий конфликта, в первую очередь к освобождению захваченных в ходе боев территорий. После обеспеченного присутствием наблюдателей прекращения боевых действий тех отговорок, на которые сегодня богаты обе стороны, не будет. Тогда можно приступить к восстановлению транспортных и энергетических коммуникаций, к возвращению беженцев, число которых превысило миллион.

К сожалению, мирный процесс осложнен жестокостью этого конфликта. В нем нарушаются все нормы гуманитарного права – прежде всего Женевские конвенции 1949 г. и Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. Много жертв среди гражданского населения. Обычное дело – ракетно-артиллерийские обстрелы и воздушные бомбардировки населенных пунктов, захват заложников (в том числе по заказу частных лиц для обмена на своих пленных родственников), жестокое обращение с пленными, вплоть до расправ на месте.

Только на последующем, третьем этапе, когда уже пойдет преодоление последствий конфликта, можно переходить к централь-

ной проблеме – определению будущего правового статуса Нагорного Карабаха.

В МИД России считают, что эти три этапа не должны расчлениваться искусственно. Желательно, чтобы они максимально стыковались, а когда возможно, даже частично совмещались друг с другом. Паузы опасны, они могут создавать впечатление замораживания неурегулированной ситуации, что будет усиливать взаимное недоверие.

Главное, конечно, в том, как и когда будет решаться основной вопрос, из-за которого, собственно, и загорелся сыр-бор – статус Нагорного Карабаха. Если попытаться ввести сейчас в переговоры эту тему, эффект практически будет один – накал страстей, продление кровопролития. Переговорный процесс неизбежно застопорится, а военные действия разгорятся с новой силой. Кстати, обнадеживает, что по этому вопросу (единственному!) у всех сторон есть согласие – и Ереван, и Степанакерт, и Баку, да и Москва считают, что статус должен определяться на последнем этапе и, что крайне важно, на основе компромисса.

Попытки решать эту проблему по принципу «территории за статус» являются по сути плохо прикрытой формой силового решения конфликта и уже поэтому несостоятельны.

И надо, наконец, осознать, что уклонение от соблюдения договоренностей, срыв выполнения документов, подписанных высокими должностными лицами, – совсем не тот путь, который ведет к миру и стабильности. Никто, кроме руководства сторон, не решит эту задачу.

Записал **Владимир Тюркин**

«Сегодня», 14 октября 1994 г.

Россия и Минская группа СБСЕ

**Настало время сказать правду
о роли некоторых «посредников»
в карабахском урегулировании**

Пять месяцев в Карабахе не льется кровь. Но прекращение огня, достигнутое при содействии России, пока что не удалось претворить в прочный мир. Почему ни Россия, ни так называемая Минская группа Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) никак не могут добиться этого? На этот вопрос свой ответ дает посол по особым по-

ручениям Владимир Казимиров, возглавляющий российскую посредническую миссию и представляющий Россию в Минской группе.

В последнее время много говорится и пишется о том, что в процессе карабахского урегулирования усиливаются противоречия между Россией и СБСЕ. Расхождения действительно есть, но не с СБСЕ, а внутри его Минской группы, где представлены вместе с конфликтующими сторонами 11 государств. Еще точнее — с несколькими довольно влиятельными членами «нейтральной девятки».

Взаимоотношения России как посредника с некоторыми партнерами по этой группе отягощаются их назойливой претензией на центральную роль Минской группы в карабахском урегулировании. По существу это попытка умалить самостоятельную посредническую роль России.

Россия острее других стран воспринимает этот конфликт и раньше всех, задолго до Минской группы, последовательно выступала посредником — самостоятельно и вместе с другими участниками СНГ. Ее возможности, вытекающие прежде всего из теснейших уз с народами Закавказья, уникальны. Отсюда и результаты российского посредничества, включая прекращение огня, которое держится уже пять месяцев.

Заметим, что некоторые наши партнеры по Минской группе активизируются, как правило, когда России удается добиться каких-то сдвигов. Их настойчивость в пропаганде «центрального» значения Минской группы явно несоразмерна с тем, что ей реально удалось сделать. Стоит обратить внимание на то, как фабрикуется некоторыми западными кругами миф о плодотворности Минской группы. То в Европейском Союзе, то в Парламентской ассамблее СБСЕ одно за другим штампуются специальные заявления в поддержку Минской группы и ее руководства с выражением благодарности и полного доверия. Поскольку щедрые авансы славословия пока нечем подкрепить в реалиях жизни, выпирает их подлинная цель — игнорировать усилия Российской Федерации и приписать достигнутое ею Минской группе.

Иногда, правда, действуют несколько по-иному: отдают словесную дань «решающему вкладу» России. А на деле — продолжают отгеснять ее от посредничества. Творится миф о каком-то «плане СБСЕ» по карабахскому урегулированию. Если не считать довольно уязвимого прошлогоднего графика, который не все участники конфликта смогли принять, то никакого цельного плана у Минской группы нет. Именно поэтому ее руководство под предлогом создания «консолидированного мирного плана» попыталось, было,

прибрат к рукам российский проект «большого политического соглашения», но подвела неумеренность в желании переиначить его.

Карабахский конфликт оказался первым в опыте миротворчества СБСЕ. Оно почти не имеет опыта урегулирования конфликтов, нет у него ни мандата, ни механизмов, ни финансирования для проведения масштабных миротворческих операций. А Минская группа вообще не имеет ни решения о своем создании, ни четкого мандата. Поэтому она хватается за все, чтобы оправдать претензии на «центральную роль».

Личный представитель Действующего председателя СБСЕ после своей поездки в регион в октябре 1993 г. рекомендовал, в частности, подвергнуть внимательному рассмотрению формы и методы урегулирования карабахского конфликта. Это отмечалось и в докладе о деятельности СБСЕ за 1993 г. Ведь, будем откровенны, Минская группа за два с половиной года своей деятельности не всегда избирала верные ориентиры и приоритеты, не раз запаздывала с определением своей позиции. Например, только к концу 1993 г. в Минской группе была осознана и признана приоритетность прекращения огня во всем процессе урегулирования. Сама Минская группа ни разу не добилась прекращения огня, что не мешало ей, когда России удавалось остановить кровопролитие, заносить это в свой актив. Характерен и такой случай: председатель Минской конференции г-н Раффаэлли после длительной переписки получил от высших руководителей конфликтующих сторон право назначить дату прекращения военных действий, но так и не воспользовался им. Остается только догадываться: почему?

Вплоть до сентября 1993 г. Минская группа избегала признания того, что в конфликте участвуют три стороны. Она также долгое время не желала работать над соглашением как юридическим документом, обязательным для всех сторон. Предпочтение отдавалось менее определенным формам, вроде графика, плана и т.п. Многие месяцы оказывалось упорное противодействие нашей идее создания совместной координационной комиссии, за которую так ратуют сейчас некоторые члены группы.

К осени 1993 г. Россия первой пришла к выводу, что для урегулирования конфликта недостаточно наблюдателей – нужна миротворческая операция с использованием сил разъединения воюющих сторон. Это предложение России долго блокировалось. Теперь же лихорадочно изыскиваются контингенты для создания многонациональных сил СБСЕ. Совсем недавно воспринята, наконец, элементарная идея разведения войск противоборствующих сторон.

Более пяти месяцев поддерживается режим прекращения огня. Однако Минская группа не торопится с размещением наблюдателей СБСЕ. А ведь председатель группы г-н Элиассон на протяже-

нии ряда месяцев утверждал, что это самая первоочередная задача, настаивал на заключении специального соглашения.

Примеры такого рода ошибок можно продолжить. Заметим, что Россия не отмалчивалась в ходе обсуждения всех этих вопросов в Минской группе.

Оппоненты пытаются отыскать противоречие между нашей постановкой вопроса о том, что СБСЕ должно играть центральную роль в обеспечении безопасности и стабильности в европейском регионе, и нашим критическим подходом к работе Минской группы, к ее реальной роли. Но противоречия тут нет. Невысокая эффективность Минской группы и побуждает нас, в частности, добиваться превращения СБСЕ в полнокровную региональную организацию.

Основополагающий документ по карабахскому урегулированию – решение Совета СБСЕ от 24 марта 1992 г. – показывает, что министры иностранных дел стран-членов этой организации исходили из важной, но не исключительной роли СБСЕ. Они исходили из концепции взаимодополняющих скоординированных усилий, но не из идеи монопольного ведения всего процесса урегулирования исключительно в рамках СБСЕ. Заметим, что еще ни одно соглашение по урегулированию конфликтов на территории бывшего СССР не заключалось под эгидой СБСЕ, не подписывалось его представителем. По согласованию со сторонами в карабахском конфликте российский посредник впервые проявил готовность указать в преамбуле своего проекта соглашения о прекращении вооруженного конфликта, что оно заключается «под эгидой СБСЕ», а также предложил председателю Минской конференции подписать это соглашение от имени СБСЕ (наряду с СНГ и Россией).

Однако ряд членов Минской группы не желает ни подписи, ни даже упоминания СНГ, лишь снисходительно допуская упоминание «государств-участников СНГ». В то время как в документах СБСЕ, принятых на высшем уровне, прямо указывается возможность использования механизма Содружества Независимых Государств по поддержанию мира (Хельсинкский документ 1992 г., раздел III, пункт 52). Добавим, что, в отличие от Минской группы, Организация Объединенных Наций добивается максимального привлечения региональных и субрегиональных организаций.

Взаимодополняемость и координация усилий ООН, СБСЕ, СНГ и Российской Федерации – вот путь к скорейшему достижению успеха. Соотношение ролей вряд ли должно быть раз навсегда данным – оно может изменяться по мере развития мирного процесса. Ясно, что на данном этапе в силу ряда объективных факторов роль «локомотива» играет Россия.

Ждать, когда СБСЕ обретет способность к проведению масштабных миротворческих операций, значит завязнуть в неопределенности, потерять несколько драгоценных месяцев. А ведь полагаться на то, что нынешнее прекращение огня бессрочно, нельзя – необходимо как можно скорее заключить политическое соглашение о прекращении вооруженного конфликта.

Роль СБСЕ в карабахском урегулировании должна возрастать в реальной жизни, а не на бумаге. Важными этапами в этом смысле станут размещение наблюдателей СБСЕ, открытие Минской конференции. Но пока ведь нет ни того, ни другого.

Не мы противопоставляем усилия России Минской группе. Мы считаем, что работаем в одном направлении и должны координировать усилия, поддерживать друг друга. Однако некоторые представители в Минской группе руководствуются не столько задачами прекращения конфликта, сколько своими политическими и экономическими интересами в Закавказье. Ради корыстных целей, не связанных с урегулированием, они по сути дела подвергают СБСЕ риску дискредитации, пытаются использовать его структуру в качестве ширмы для своих геостратегических комбинаций. Не хотят ли вообще ввести для СБСЕ «двойной» стандарт: главенствующая роль на Востоке и скромная на Западе?

Постоянные помехи российскому посредничеству в карабахском урегулировании чинятся потому, что далеко не всем нравится эта активная роль России. Не дай бог, она приведет к укреплению ее влияния в регионе, к оживлению интеграционных процессов на пространствах СНГ! Характерно в этом смысле рассуждение одного американского политика насчет того, что лучше нестабильность, чем восстановление российского влияния в Закавказье.

Необходимо положить конец губительным для Минской группы дискуссиям о «распределении ролей», навести порядок в ее деятельности, четко определить ее мандат, сконцентрироваться на существовании тех проблем урегулирования, которые будут отнесены к ее задачам.

Выступление на заседании Постоянного комитета СБСЕ о мандате Минской группы

Вена, 24 октября 1994 г.

Большое спасибо, господин Председатель.

Хотел бы напомнить, что 23 сентября 1992 г. председатель Минской конференции г-н Марио Раффаэлли (убежден, что наш

Председатель г-н Марио Сика хорошо это помнит) направил Действующему председателю СБСЕ г-ну Моравчику письмо, в котором просил внести некоторые уточнения в мандат Минской конференции. Мы можем говорить о том, что существует мандат Минской конференции (в отличие от Минской группы). Не буду делать ссылок, это достаточно общеизвестный факт. Тем не менее, даже при наличии мандата председателю Минской конференции потребовались некоторые уточнения к нему. У Минской группы никакого мандата нет, и запрос насчет его уточнения не сделаешь. Это как выстрел в направлении космоса.

Г-н Йотце (Германия) не утверждает, что такой мандат есть. Он подчеркивает, что группа может работать без мандата. Может быть, и сможет работать, но насколько эффективны будут ее действия? Ведь это приводит к тому (и это не абстрактная логика, а живая практика), что Минская группа берется за очень многие вопросы, но очень мало что было, наконец, завершено. Быть мандату или не быть – это вопрос об эффективности, о целеустремленности в поэтапном, последовательном решении тех задач, которые будут выстроены в мандате. Нужна не хаотическая деятельность по всем направлениям только ради того, чтобы оправдать заявку на центральную роль в урегулировании данного конфликта.

Существование Минской группы оспаривать невозможно. Речь идет не о признании ее существования, а о мере эффективности ее деятельности. Пожалуй, нет важнее критерия, чем эффективность при урегулировании кровавых конфликтов, несущих урон всем народам региона. Могут быть и другие критерии, важные сами по себе, но если эффективность недостаточна, то это обесценивает даже «неустанные усилия». Кстати говоря, дает ли нам формулировка «неустанные усилия» понимание того, чем именно должна заниматься Минская группа, на что должны быть направлены эти неустанные усилия? Нет, такого ответа данная формулировка не дает.

Читая цитаты из документов СБСЕ, Совета СБСЕ, Комитета старших должностных лиц, которые здесь распространены, вы обнаружите, что почти нигде четко ничего не сказано о задачах Минской группы. Высказывается общая поддержка или доверие, но это же не определение задач. Это не может подменить определение задач. Либо говорится о задачах Минской конференции или минского процесса, под которым, видимо, следует понимать как деятельность будущей конференции, так и деятельность Минской группы до открытия конференции.

Поэтому нужен анализ этих формулировок с лупой в руках, чтобы не запутаться. Скажем, задачи председателя Минской кон-

ференции не могут быть отождествлены с задачами Минской группы и истолкованы как таковые. Иначе говоря, в этом вопросе очень много неясного. Лучше своевременно признать наши коллективные, общие упущения, недочеты в этом вопросе, как можно скорее поправить их, выйти из этого неясного положения, чем упорствовать в этих упущениях, нанося реальный ущерб эффективности Минской группы СБСЕ.

Должен откровенно сказать, что стимулировало эти вопросы, как они возникли. Это фактически связано с тем, что Минская группа или, точнее, некоторые представители в Минской группе все более настойчиво стали ставить вопрос (и устно, и в письменном виде) о том, что группа играет или должна играть центральную роль в карабахском урегулировании. Обратим внимание на то, когда эти вопросы стали ставиться. Осенью 1993 г. На этот период – на июль, август, сентябрь прошлого года – стали приходиться то удачные, то неудачные попытки прекращения огня при посредничестве Российской Федерации. Около двух месяцев продержалось в прошлом году прекращение огня благодаря очень ограниченным, можно сказать, гомеопатическим дозам: договоренностям установить или продлить прекращение огня на 1 неделю, на 3 дня, на 10 дней.

Поэтому совсем не случайно 23 сентября 1993 г. КСДЛ впервые столкнулся с формулировкой о центральной роли Минской группы в урегулировании. В чем тут проблема? Почему вдруг российские представители не хотят поддержать формулировку о центральной роли минского процесса? Да дело в том, что эти формулировки предлагаются не в каком-то ином смысле, а либо как отрицание посреднических усилий, которые осуществляет Российская Федерация, либо как попытка отодвинуть их на второй план. Эта конкуренция совершенно не нужна, и мы постоянно ставили вопрос о том, что нам надо не конкурировать, а поддерживать друг друга. Особенно поддерживать того партнера по миротворческим усилиям, которому удалось продвинуться вперед, создать возможность для дальнейшего продвижения. Потому что в итоге неважно будет, кем достигнут этот прогресс. Важнее другое: что кровь не льется и политическое урегулирование все ближе.

Мы считаем, что дискуссия о том, кому должна принадлежать центральная роль в урегулировании, наносит только ущерб делу. Мы ни разу, никогда не предлагали сформулировать, что Россия играет центральную роль, хотя в этом урегулировании больше пока достигнуто при содействии Российской Федерации. Надо избавиться от претензии на какую-то монополию или центральную роль. Взаимодействие на этом построить будет очень трудно.

Во-первых, роль государств и международных организаций в урегулировании будет определяться не по бумагам, не по фор-

мулировкам, которые будут записаны в том или ином решении, а только конкретными практическими делами. Искать эти формулировки на бумаге – зряшная схоластическая, догматическая идея.

Во-вторых, разве можно сказать, что весь достаточно продолжительный процесс карабахского урегулирования может пройти под знаком центральной роли того или иного субъекта в этом урегулировании? Да в этом процессе роли не раз еще поменяются. Сейчас мы считаем, что рано пока говорить о центральной роли не только Минской группы, но даже СБСЕ. Но представьте себе такой сюжет. Завтра СБСЕ размещает миссию наблюдения, проводит другие практические шаги, открывается Минская конференция. Разве роль СБСЕ не возрастет от этого? Мы убеждены, что неизбежно возрастет. Но возрастет в жизни, а не на бумаге.

Или давайте представим другой сюжет. Все будет согласовано, подписано, а потом возникнут серьезные нарушения достигнутого перемирия, возобновятся военные действия и придется прибегать к усилиям Совета Безопасности по статье 7 Устава ООН. Разве не ясно, что центральная роль в этом вопросе перейдет к ООН?

Основные субъекты миротворческого процесса по Карабаху – Организация Объединенных Наций, Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, Содружество Независимых Государств, Российская Федерация. Каждый легко даст ответ, кто из этих субъектов обладает наибольшим опытом и отработанностью механизмов по проведению миротворческих операций или в целом в области миротворчества. Это ООН. А вот кто меньше всех имеет опыт в этой части, менее всего отработанные механизмы? Оставляю ответ на усмотрение каждого из участвующих в сегодняшнем обсуждении.

Проьба обратить внимание на то, как взвешенно, реалистично формулирует ООН свою роль и своих органов в мирном разрешении международных споров. Манильская декларация 1982 г. применительно ко всей ООН и к ее Генеральной Ассамблее говорит о **важной** роли в мирном разрешении международных споров. Формулировка о **центральной** роли там есть только применительно к Совету Безопасности ООН, но и она сформулирована чрезвычайно деликатно. Это сказано той международной организацией, всемирной и наиболее представительной, которая имеет наибольший опыт в разрешении конфликтных ситуаций – гораздо больше, чем у нас с вами в рамках европейской организации. Не стоит претендовать на такие громкие формулировки.

Возникает вопрос: что сейчас является наиболее приоритетным в урегулировании этого конфликта? У нас ответ однозначный: надо закрепить почти полугодовое прекращение огня. Это

можно сделать только путем заключения политического соглашения о прекращении вооруженного конфликта. Ничто другое так надежно не закрепит это положение, не избавит нас от неприятной ситуации замораживания нынешней обстановки в регионе. Только такое соглашение позволит перейти к ликвидации негативных последствий этого конфликта.

Чрезвычайно благодарен Вам, г-н Председатель, и всем участникам сегодняшнего обсуждения, за терпение. Хотел бы внести одно уточнение в письмо, которое распространил Председатель Минской конференции г-н Ян Элиассон. Он утверждает в своем тексте, что 11-е заседание Комитета старших должностных лиц приняло решение о создании Минской группы. Такого решения в действительности не было. Видимо, это описка, и к ней соответствующим образом надо относиться. Большое спасибо.

ДЕЛЕГАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
31 октября 1994 г.

Элементы к мандату Минской группы СБСЕ

Минская группа является временным вспомогательным механизмом, действующим до созыва Конференции по Нагорному Карабаху под эгидой СБСЕ, которая должна состояться в Минске.

В своей работе она исходит из того, что СБСЕ должно играть важную роль в развитии мирного процесса, а Минская конференция обеспечит постоянный действующий форум для переговоров в целях мирного урегулирования кризиса на основе принципов, устремлений и положений СБСЕ.

Группе поручается:

- содействовать скорейшей подготовке к созыву Минской конференции;
- добиваться от всех сторон в конфликте сохранения прекращения огня, обязательства решать все спорные вопросы исключительно мирными средствами;
- поддерживать устойчивость мирного процесса перед открытием Конференции, содействовать переговорам между сторонами в конфликте, заключению политического соглашения о прекращении вооруженного конфликта;
- поощрять проявления доброй воли сторон в конфликте, осуществление мер укрепления доверия;
- побуждать стороны в конфликте исходить из последовательного поэтапного урегулирования, не осложнять переговорный процесс выдвижением предварительных условий;

– поддерживать посреднические и миротворческие усилия государств и международных организаций, вносящих существенный вклад в урегулирование, сотрудничать с ними, исходя из важности взаимодополняющих скоординированных действий;

– помогать председателю Конференции в подготовке докладов Действующему председателю СБСЕ, председателю Совета Безопасности ООН и Генеральному секретарю ООН;

– способствовать повороту общественного мнения в пользу мира;

– содействовать подготовке миссии наблюдения СБСЕ и усилиям по поддержанию мира в регионе конфликта.

* * *

Участники Минской группы будут добиваться от всех сторон в конфликте готовности к сотрудничеству, проявлять при рассмотрении вопросов беспристрастность в отношении всех конфликтующих сторон, не блокироваться ни с одной из них.

Заседания Минской группы и ее неформальные консультации в полном составе или без участия представителей конфликтующих сторон, а также подготовка проектов документов и планов поездок представителей Минской группы организуются президиумом Минской конференции с согласия всех участников.

Заседания и консультации группы проводит председатель Минской конференции, а при его отсутствии – его заместитель.

Председателю конференции по Нагорному Карабаху под эгидой СБСЕ господину Яну Элиассону

Москва, 1 ноября 1994 г.

Уважаемый господин Элиассон,

Благодарю Вас за письмо от 21 октября. Примите самые искренние поздравления по поводу Вашего нового назначения, хотя теперь Вам будет труднее следить за урегулированием в Карабахе.

Мы начали разговор с послом Бьюрнером в Вене и, надеюсь, скоро продолжим его в Москве. Однако ряд вопросов, затронутых в Ваших письмах, требуют ответа.

Вы выражаете сожаление по поводу того, что на критическом этапе усилий мы вынуждены посвящать время и энергию обсуждению мандата Минской группы. Но ведь эта проблема возникла не случайно: именно из-за того, что в Минской группе выдвигают-

ся на первый план не столько вопросы существования урегулирования, сколько «распределения ролей». Мы не раз говорили о ненормальности такого подхода.

Настойчивые требования признать «центральную роль» Минской группы в урегулировании, естественно, породили немало вопросов. В чем тут дело? Чем вызваны такие требования, что стоит за ними? Каково предназначение Минской группы, кто и как ее учредил? Каковы сфера ее компетенции, задачи, ее мандат? Не уяснив этого, нельзя судить о роли Минской группы, а тем более об эффективности ее работы.

Перед нами уникальный казус в деятельности СБСЕ. Ни один орган не принимал решения о создании Минской группы. Поэтому ее и не наделили мандатом.

Вынужден отметить явную ошибку в Приложении к Вашему письму. Там утверждается, что 11-й КСДЛ **решил** созвать «чрезвычайную встречу» (из бесконечного продолжения этой встречи и возникла потом де-факто Минская группа). Журнал № 4 указывает, что такого **решения** не было (из-за отсутствия консенсуса). Решение 11-го КСДЛ свелось к тому, чтобы **приложить к журналу** проект несостоявшегося документа. Когда речь идет об урегулировании вооруженного конфликта, нужна особая четкость, которой, увы, не было проявлено.

В практике СБСЕ, пожалуй, вообще нет другого такого случая, как с Минской группой: ни один из его механизмов не работает без четко определенного мандата – даже самая маленькая миссия, будь то краткосрочного или долгосрочного характера. Достаточно, например, посмотреть решение 17-го КСДЛ (п. 3) о создании совсем ненадолго специальной группы открытого состава по передовой группе наблюдения СБСЕ для Нагорного Карабаха. Ляпсус с Минской группой можно считать хрестоматийным. Его нечем объяснить, кроме аморфности порядков в рамках Совещания, пока оно переходит от форума к организации, и недостатка опыта СБСЕ в миротворческих делах.

Попытки доказать, что мандат есть, граничат с мистификацией. Вы и, например, представитель США утверждаете, что якобы **мандат существует**. Представитель Германии от имени «ЕС+4» говорит, что **мандат вообще не нужен**. Обратите внимание на эту разногласию – ведь она могла возникнуть только в обстановке полной сумятицы, возникшей в этом вопросе. Мандат должен быть четким, с конкретными задачами. Это – ясно сформулированный текст, а не сумма ощущений, не интерпретация самых общих фраз, которая может быть самой различной.

Отсутствие мандата не закрыть и придирчивым вопросом, почему, мол, раньше Россия не обращала на это внимание. Во-

первых, лучше устранить этот пробел, чем делать вид, что все в порядке.

Во-вторых, Россия прямо не поднимала вопрос о мандате потому, что никто не претендовал до этого на главенствующую роль в урегулировании. Но мы ставили очень близкие вопросы. Не раз предлагали проанализировать работу Минской группы, извлечь уроки, однако вопросы эффективности, видимо, не всех волнуют. Полтора года назад, 1 марта 1993 г., в Риме представители России предложили составить «Оперативные правила карабахского урегулирования». Внесенный нами проект документа содержал ряд элементов, которые могли бы частично восполнить отсутствие мандата Минской группы. Однако это предложение не было даже обсуждено.

Стоит обратить внимание на то, что Ваш предшественник М. Рафаэлли, даже имея мандат Минской конференции, 23 сентября 1992 г. поставил перед Действующим председателем СБСЕ вопрос об уточнении этого мандата. Нам не избежать возвращения к нему, потому что некоторые неясности в нем не устранены.

Посмею не согласиться с Вами в том, что «задачи и роль Минской группы ясно определены рядом решений Совета и КСДЛ». Если внимательно прочитать приложение к Вашему письму, то нельзя найти сферы компетенции, полномочий, конкретных задач Минской группы. Некоторые формулировки говорят о роли Минской конференции, ее председателя и даже минского процесса, но не о задачах Минской группы.

Стоит взять те же самые цитаты, которые приведены Вами в приложении к письму, только классифицировать их не по хронологии, а по содержанию – и это станет абсолютно ясным. А ведь именно задачи являются ядром мандата любого механизма или органа. Их нельзя заменить ни эпитетами, ни даже щедрым финансированием.

Если Вы все же продолжаете считать, что задачи и роль Минской группы будто бы ясно определены, то попытайтесь, строго придерживаясь текстов решений СБСЕ, выписать ее задачи. Быстро выяснится, что этих лоскутиков никак не хватит на платье. А тем, кто в восторге от этого «платья», пора сказать правду: «Король-то гол!»

Убежден, что такое в СБСЕ не повторится. Ведь работа на основе мандата может быть целенаправленнее и эффективнее, чем без него.

Неужели настолько трудно поправить дело, выработав мандат? Потеря времени? Это можно сделать за десять дней. А сколько недель и месяцев было уже растрчено прежде на менее существенные дела?

Ясно, что Минская группа – структура временная и вспомогательная. Она не может иметь карт-бланш, не может присвоить себе полномочия главного органа – Минской конференции.

Не буду возвращаться к пустому занятию: рассуждать о «центральной роли» Минской группы. Ограничусь только тем, что отмечу, как неполно и даже неточно приводятся в Вашем письме ссылки на решения 23-го и 25-го КСДЛ. Причем неточностей слишком много. Случайно ли в цитате из решения КСДЛ выпущены слова о прямых контактах сторон и встрече на высшем уровне в Москве? Вы скажете, что московские переговоры и встреча не имели прямого отношения к минскому процессу. Да, это было сделано при российском посредничестве. Но и прекращение огня, которого добивалась Россия, почему-то упорно связывали с Минской группой (см. резолюции Совета Безопасности).

Стоит разобраться с фразой о «центральной роли» минского процесса. 23-й КСДЛ **подтвердил** ... – явная неаккуратность. Не мог КСДЛ этого **подтвердить**, поскольку никогда до тех пор не формулировал ничего подобного. Далее: минский процесс явно подразумевает и Минскую конференцию, которая будет значительным событием. Поэтому тут мало что остается для Минской группы. В решении 25-го КСДЛ: речь идет о Минской конференции, а не о Минской группе.

Наконец, еще одна оплошность в том же абзаце Вашего письма. Я скрупулезно точно воспроизвел на русском языке важнейшую формулировку о роли СБСЕ. Перевод моего письма любезно сделало посольство Швеции в Москве. Вот почему в английском тексте вместо слова «a major» появилось слово «important».

А насчет «центральной роли» Минской группы: разве не показательно, что стали добиваться ее признания как раз осенью 1993 г., когда России удалось провести ряд посреднических акций?

Не хочу оспаривать изложенного в Вашем письме вклада Минской группы в процесс урегулирования, хотя мог бы внести коррективы. Ограничусь лишь вопросом: соответствует ли этот вклад заявке на какую-то центральную роль? Мы на эту роль не претендуем, но Вы легко можете сопоставить вклад Минской группы с тем, что сделано Россией и СНГ. Для этого даю в приложениях некоторые выкладки.

Кстати, если искренне признается решающий вклад России, то почему мы никак не можем докричаться до наших партнеров по Минской группе? Почему предложения России принимаются только тогда, когда уже больше нельзя их не принять? Сколько времени и энергии убито на это на протяжении двух с половиной лет.

Гармонизация посреднических усилий безусловно полезна, если под этим не понимать устранение посредничества России.

Вы говорите, что надо воздерживаться от создания **параллельных процессов**. Но кто их создает? Ведь все вопросы были первоначально введены в оборот переговоров именно в рамках посредничества России. Вот поэтому и надо определить, какие задачи должны стоять перед Минской группой, чтобы не возникало дублирования и конкуренции.

Мы приветствуем идею многонациональных сил безопасности. Именно Россия высказала ее первой еще осенью 1993 г. Сомнения в другом: стоит ли миротворческую операцию в Карабахе проводить сразу по линии СБСЕ, которое пока не имеет ни какого-либо опыта в этой сфере, ни отлаженных механизмов. Обе альтернативы в рамках СБСЕ неутешительны: либо возникнет серьезный риск проведения операции, подготовленной наспех, в стиле импровизации, либо ее основательная подготовка займет много времени. Но есть более разумное решение: начать операцию по линии ООН и затем в более спокойной и стабильной обстановке передать ее в руки СБСЕ.

Мне кажется, г-н Элиассон, что председатель Минской конференции не только вправе, но, пожалуй, даже обязан оценивать эффективность деятельности Минской группы. Кто же имеет больше возможностей анализировать, что делается ею, что из этого получилось, что не удалось и почему? Ведь мы имеем дело с непростым конфликтом, нередко с взаимоисключающими позициями сторон, и надо итожить каждый шаг, извлекать уроки, прежде чем переходить к следующему шагу.

Все изложенное выше может иметь смысл только в том случае, если признается вес конкретных аргументов – иначе бесполезен любой диалог, любая переписка.

Вы оспариваете, что работа Минской группы была направлена против посреднических усилий России, и в доказательство приводите высокую оценку вклада Российской Федерации как решающего. Мы ценим эти слова, но судить предпочитаем все же по делам. Если Российская Федерация вносит решающий вклад, то почему же встречи Минской группы иногда проводятся без учета возможности участия ее представителя? Почему сроки проведения этих встреч обсуждаются с ней в последнюю очередь, когда остальные уже дали согласие? Пока в Минской группе преобладает недоверие к тому, что делается Россией в целях урегулирования конфликта. В конкретных делах это отразилось не раз, что, разумеется, тормозит мирный процесс.

Представители России не хотели бы выпячивать то, что сделано ею, но когда нам твердят о чьей-то центральной роли, мы вынуждены показать явное несоответствие этой претензии реальным делам (смотрите Приложения 2 и 3 к настоящему письму).

Иногда наши оппоненты как бы исходят из презумпции того, что коллективные, многосторонние усилия имеют или должны иметь преимущества перед усилиями одного государства. Однако при этом отодвигаются в сторону не только усилия России, но и коллективные усилия структур СНГ – Содружества, которое страдает от этого конфликта больше других. В этих делах гораздо больше весит конкретика, чем абстрактные суждения. Коллективный характер посреднической работы далеко не всегда может служить гарантией эффективности. Не от количества государств зависит успех дела. Обратите внимание на то, что, столкнувшись с серьезными трудностями в работе Минской группы полного состава, председатель Минской конференции нередко вынужден был прибегать к встречам в более узком составе. Причем не только «нейтральной восьмерки» или «девятки». Состоялись также несколько встреч в формате «пятерки», «пятерки плюс один» и даже «тройки». Любопытно, что инициаторов этих узких встреч не очень смущал дух коллективизма, то, что остальные участники Минской группы, то есть многостороннего механизма, по крайней мере на какое-то время оказывались «вне игры».

И действительно, при одном посреднике или в узком кругу легче нащупать договоренности между сторонами, чем на широком пленарном заседании. Бесспорно, согласие с найденными решениями и поддержка со стороны коллективного органа имеют огромное значение. Представьте себе, насколько дальше продвинулись бы все мы в карабахском урегулировании, если бы в Минской группе не чинилось противодействия, а поддерживались бы усилия России. Вот почему мой министр недавно написал так: «Сегодня проверкой зрелости СБСЕ становится отказ от борьбы за лавры «главных посредников» в карабахском конфликте в пользу практического содействия дипломатическим усилиям, а в перспективе и миротворческим силам России».

Мне кажется, что в нашей переписке мы достаточно полно обменялись взглядами, и можно было бы поставить на этом точку. Согласен с Вами в том, что лучше было бы оставить спорные вопросы позади и перейти к совместным делам. Но для этого надо упорядочить подход к этим делам. Мы внесли в Постоянный комитет элементы к мандату Минской группы, было бы полезно обсудить их в формате «девятки» наряду с анализом деятельности Минской группы. Необходимо соблюдение консенсуса и в процедурных вопросах, чтобы избежать новых недоразумений при назначении встреч группы. Не можем мы согласиться и с разделением функций председателя Минской конференции и Минской группы. Это создало бы ложное впечатление, будто бы группа

выделена в самостоятельный орган, не связанный с Минской конференцией. Мы с большим уважением относимся к послу А. Бьюрнеру и можем сотрудничать с ним в качестве заместителя председателя Минской конференции, как это было с послом М. Сикой при председательстве М. Раффаэлли. Наконец, необходимо реалистически прекратить бесполезную и даже вредную дискуссию о чьей бы то ни было «центральной роли» и проявить расчетливость, реализм при изучении вопроса о миротворческих силах для Карабаха.

Убежден, что разумное решение этих вопросов оздоровит наше взаимодействие и сделает его более эффективным.

С наилучшими пожеланиями,

В. Казимиров

Приложения:

1) Анализ выдержек из документов Совета и КСДЛ СБСЕ в части, касающейся Минской группы.

2) Сравнительные показатели миротворческой деятельности Минской группы и Российской Федерации.

3) Некоторые вопросы карабахского урегулирования, поставленные Россией, но упущенные либо поздно принятые Минской группой.

Приложение 1

АНАЛИЗ ВЫДЕРЖЕК ИЗ ДОКУМЕНТОВ СОВЕТА И КСДЛ СБСЕ В ЧАСТИ, КАСАЮЩЕЙСЯ МИНСКОЙ ГРУППЫ

(Охвачены все положения Хельсинкской дополнительной, Стокгольмской и Римской встреч Совета СБСЕ и 11, 16, 17, 22, 23, 24, 25-х и 28-го заседаний КСДЛ)

**Из не принятого проекта решения 11 КСДЛ (май 1992 г.) –
перед тем, как сложилась де-факто Минская группа:**

«...call an emergency meeting of the States taking part in the Conference on Nagorno-Karabakh agreed by the Council of Ministers on 24 March 1992 ...to explore urgently all aspects of the situation, with a view to reopening the dialogue among the parties to the conflict.»

Таким образом, формального решения о создании Минской группы вообще не было. Было решено только приложить к журналу № 4 текст не принятого проекта США. Но и в этом проекте решения речь шла о созыве одной чрезвычайной встречи, а не серии встреч, и тем более не о регулярном функционировании новой вспомогательной структуры СБСЕ. Задачи этой встречи формулировались в довольно общем виде.

Оценки и выражения поддержки деятельности председателя Минской конференции и Минской группы

– «The Ministers asked the Chairman of the CSCE Conference on Nagorno-Karabakh, Hon. Mario Raffaelli, and the «Minsk Group» to continue their tireless efforts to advance the peace process». (**Стокгольм, декабрь 1992 г.**).

– «The Ministers ... welcomed the appointment by the Chairman-in-office of Mr. Jan Eliasson as new Chairman of the Minsk Conference as well as the role of Sweden as the next supporting State of the Minsk process. ... The Ministers confirmed the preliminary decisions by the CSO on the financial implications of the Minsk Group...» (**Заявление председателя Совета, декабрь 1993 г.**).

– **16 КСДЛ** выразил позитивную оценку усилий Председателя Минской конференции, «aimed at finding a solution to the problems still standing in the way of convening the Minsk Conference» (**сентябрь 1992 г.**).

– **24 КСДЛ** принял бюджет деятельности СБСЕ, связанной с минским процессом, включая текущие расходы на 1994 г. для проведения встреч Минской группы до открытия Минской конференции. «All relevant CSCE financial regulations will be applicable mutatis mutandis to the activities of the Minsk Group» (**ноябрь 1993 г.**).

– **23 КСДЛ** «took positive note of the continued efforts by the Minsk Group...» (**сентябрь 1993 г.**).

– **25 КСДЛ** «expressed its full support for the activities of the Chairman of the Minsk Conference, Ambassador Jan Eliasson» (**март 1994 г.**).

– **28 КСДЛ** «took note with appreciation of the report given by Ambassador Eliasson, Chairman of the CSCE Minsk Conference and Group...» (**сентябрь 1994 г.**).

– **Постоянный комитет СБСЕ** «welcomed the report of the Minsk Group Chairman, Ambassador Jan Eliasson, and expressed its gratitude for his continuing efforts, and those of his colleagues, on behalf of a peaceful resolution of the conflict...» и «reaffirmed its full support for his latest round of negotiating efforts to achieve an early cease-fire as a first step in a political process aimed at achieving a comprehensive solution to the conflict...» (**12 мая 1994 г.**).

– **Постоянный комитет СБСЕ** «expressed its full support for the preliminary Agreement to consolidate the cease-fire, mediated by the CSCE and the Russian Federation» (**19 мая 1994 г.**).

Призывы к государствам и конфликтующим сторонам, связанные с деятельностью Минской группы

– **17 КСДЛ** призвал «all CSCE participating States to coordinate their efforts, aimed at promoting a negotiated settlement, with the activities of the Minsk Group» (**ноябрь 1992 г.**).

– **23 КСДЛ** «urged all parties to intensify their negotiating efforts within the Minsk Group in order to facilitate progress towards a durable and balanced solution to the conflict» (**сентябрь 1993 г.**).

О роли и задачах СБСЕ, Минской конференции, ее председателя, минского процесса в целом

– **СБСЕ** «must play a major role in promoting a peace process relating to the conflict. They agreed that the situation in and around Nagorno-Karabakh requires further CSCE action».

«... a conference on Nagorno-Karabakh under the auspices of the CSCE would provide an ongoing forum for negotiations towards a peaceful settlement of the crisis...» (**Хельсинки, март 1992 г.**).

– **8 и 10 КСДЛ** высказались за скорейший созыв конференции по Нагорному Карабаху (**март, апрель – май 1992 г.**).

– **16 КСДЛ** предложил Действующему председателю СБСЕ и председателю Минской конференции «to continue their contacts with a view to removing the obstacles and achieving the conditions which could provide new impetus to the Minsk Process» (**сентябрь 1992 г.**).

– **23 КСДЛ** подтвердил (?) «the central role of the Minsk Process in organizing credible international participation in negotiations and monitoring to end the conflict» (**сентябрь 1993 г.**). Слово «подтвердил» – явная «неточность», поскольку ни в одном из прежних решений не фиксировалась центральная роль минского процесса в чем бы то ни было.

– **25 КСДЛ** подчеркнул, что Минская конференция «has a central role in the search for a political solution to the conflict», а также призвал к немедленному прекращению огня и возобновлению усилий в рамках Минской конференции (**март 1994 г.**).

– **28 КСДЛ** призвал председателя Минской конференции «to continue his efforts to achieve a peaceful solution to the Nagorno-Karabakh conflict», а также призвал Действующего председателя СБСЕ при содействии председателя Минской группы предпринять необходимые шаги для активного изучения возможности организации многонациональных миротворческих сил СБСЕ (**сентябрь 1994 г.**).

О взаимодействии с государствами и международными организациями

– **Хельсинкская дополнительная встреча Совета СБСЕ** в пункте 6 своего решения прежде всего приветствовала взаимодополняющие усилия государств и их объединений (ЕС и его участники, СНГ и его члены и т.д.), а также подчеркнула важность взаимодействия с ООН (**24 марта 1992 г.**).

– **17 КСДЛ** призвал все государства–участники СБСЕ «to coordinate their efforts, aimed at promoting a negotiated settlement, with the activities of the Minsk Group» (**ноябрь 1992 г.**).

– **28 КСДЛ**, признав решающий вклад Российской Федерации во всеобъемлющее политическое урегулирование, «reiterated the urgent need for continued and intensified harmonization of the mediation activities undertaken by the Minsk Group and by its member states into one co-ordinated effort» (**сентябрь 1994 г.**).

– **Постоянный комитет СБСЕ** «reiterated its conviction that continued and intensified harmonization of all negotiating efforts is necessary to achieve success» (**19 мая 1994 г.**).

О задачах Минской группы (? ? ?)

Ядро мандата любого органа – сфера компетенции и задачи. Конкретные задачи Минской группы не сформулированы ни в одном из вышеприведенных решений Совета, КСДЛ или Постоянного комитета СБСЕ. Упоминаются некоторые задачи, поставленные перед Минской конфе-

ренцией, ее председателем (иногда он назван председателем Минской группы) или перед минским процессом в целом, но нигде – специфически перед Минской группой.

В основном говорится о «деятельности», «усилиях», «контактах», «переговорах». Иногда отмечается в самом общем виде, что они направлены на мирное решение конфликта. Не конкретизируется – контакты для чего, переговоры о чем? Вряд ли правомерно считать Минскую группу «постоянно действующим форумом для переговоров». Это – функция Минской конференции.

Приложение 2

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНСКОЙ ГРУППЫ СБСЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(1992 г. – октябрь 1994 г. включительно)

Показатели интенсивности работы с конфликтующими сторонами	Минская группа	Россия
Количество встреч на высшем уровне	0	12
Количество посланий на высшем уровне	0	7
Количество встреч на уровне министров	2	12
Количество поездок в регион конфликта	12	27
Количество проведенных заседаний	25	0
в том числе: Минской группы	13	
«нейтральной девятки»	7	
«пятерки»	3	
«тройки»	2	
Количество проведенных раундов переговоров	0	15
Количество встреч руководителей парламентов	1	4
 Показатели эффективности		
Конкретные предложения прекратить огонь;	3	14
из них реализовано: огонь прекращен	0	7
Предложения продлить прекращение огня;	1	4
из них – продлено	0	3
Организация прямых встреч между сторонами	0	4

Гуманитарные акции

1) Обмен Минской группой
4 военнопленных (2 на 2) | 2) Освобождены при содействии
России более 30 женщин и детей |
|---|--|

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КАРАБАХСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

(к которым Минской группе не удалось найти верного подхода)

Из-за противодействия с явным запозданием приняты следующие предложения России:

- признать наличие трех сторон в конфликте (только в сентябре 1993 г.);
- признать прекращение огня приоритетом урегулирования (до конца 1993 г. больше пытались «корректировать» военные действия вместо их прекращения);
- необходимы силы разъединения (с осени 1993 г., потерял год);
- необходимо разведение войск от линии соприкосновения (учтено только весной 1994 г.);
- подчинить график Минской группы резолюциям СБ ООН (дискуссия в мае-июне 1993 г., было противодействие этому предложению России);
- создать совместную координационную комиссию (дискуссия с марта по сентябрь 1993 г.), это предложение России отклонялось, а теперь форсируется;
- необходим юридически обязывающий документ – соглашение о прекращении вооруженного конфликта, а не только график или календарь;
- необходимо стимулировать прямые переговоры (при подготовке резолюции 853 СБ ООН «девятка» исключила предложение России о прямых контактах);
- поддержать работу над «большим политическим соглашением» (вместо «малого», на который весной 1994 г. потеряно более трех месяцев).

Нерешенные или незавершенные Минской группой вопросы:

- нет цельного плана урегулирования на нынешнем этапе;
- не использовано согласие сторон на определение даты прекращения военных действий (1992–93);
- растянулось утверждение мандата передовой группы наблюдения (с марта 1993 г.) и подписание меморандумов о понимании;
- не определена зона конфликта;
- заброшена процедурно-политическая подготовка Минской конференции;
- не уделялось внимания проработке проблем Лачина и Шуши;
- отрицается необходимость взаимодействия с СНГ;
- недооценивается важность заключения политического соглашения о прекращении вооруженного конфликта, хотя без него практически невозможно размещение наблюдателей и международных сил безопасности.

Вклад СНГ в прекращение кровопролития в Карабахе

Трагическое противоборство между армянами и азербайджанцами в Нагорном Карабахе и вокруг него продолжалось с 1988 г. шесть лет, став особенно ожесточенным с 1991 г. **Много лет прошло с 12 мая 1994 г., когда было прекращено это кровопролитие при посредничестве России, содействии Содружества Независимых Государств (СНГ) и Минской группы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (ныне ОБСЕ).**

К сожалению, до сих пор не найдено мирное решение сложнейших проблем этого межэтнического вооруженного конфликта, самого первого в СССР, наиболее длительного и ожесточенного. Два многострадальных соседних народа и поныне испытывают на себе последствия опустошительной войны. Сложилось положение, которое характеризуют формулой «ни войны, ни мира». Много лет в разных формах идут труднейшие переговоры в поисках взаимоприемлемых компромиссов. Но как бы ни было трудно, самое главное – **не льется больше кровь азербайджанцев и армян.** Жизнь будто хочет подтвердить поговорку «худой мир лучше доброй ссоры».

Руководство Азербайджана, Армении, а также Нагорного Карабаха, да и международное сообщество, не удовлетворенные затянувшимся противостоянием, продолжают следить за переговорным процессом, миротворческими усилиями отдельных государств и международных организаций. В том числе в рамках минского процесса ОБСЕ, где с 1994 г. сопредседательствует Российская Федерация (сначала вместе со Швецией, затем с Финляндией, а с 1997 г. – с США и Францией).

О карабахском конфликте и его мирном урегулировании немало сказано и написано. Однако до сих пор обходят вниманием **вклад СНГ в прекращение этого кровопролития в Закавказье.** Он малоизвестен широкой общественности, особенно на Западе, где официальные круги ряда государств норовят вообще не признавать Содружества как такового. Непринятие роли СНГ в карабахском урегулировании проявлялось и правительствами ряда стран-участниц Минской группы. Что же касается СМИ, то, возможно, российская пресса больше освещала усилия Москвы, а западная, превозносившая на все лады деятельность Минской группы, крайне скупа даже на оценки самоочевидного вклада России, а уж о роли СНГ ей вообще говорить не пришлось.

Конечно, практически невозможно провести четкую грань между тем, что делала для прекращения военных действий в Карабахе Россия, и тем, что предпринималось по линии СНГ, – это переплетено теснейшим образом. Не раз именно Россия, председательствовавшая в органах СНГ, была инициатором рассмотрения проблемы в структурах Содружества. Ее стремление использовать возможности СНГ в целях ликвидации конфликта в Карабахе вполне естественно.

Необходимо восполнить возникший пробел, напомнить хотя бы в общих чертах о роли Содружества в прекращении кровопролития в Карабахе. Конечно, перечень предпринятого тогда в рамках СНГ – не слишком занимательное чтение, однако предать это забвению хотели бы лишь недоброжелатели Содружества.

Участие СНГ в этих усилиях имеет свою предысторию. Когда руководство СССР не справилось с задачей разрешения карабахского конфликта, президенты РСФСР и Казахстана первыми попытались оказать посреднические услуги. Посредническая миссия Б.Н. Ельцина и Н.А. Назарбаева в Баку, Гянджу, Степанакерт и Ереван (20–23 сентября 1991 г.) и их **встреча в Железноводске** по итогам этой поездки с руководителями Азербайджана, Нагорного Карабаха и Армении стали самым первым многосторонним усилием в этом направлении. В принятом 23 сентября совместном коммюнике намечены важные ориентиры для дальнейшей миротворческой деятельности: поэтапность урегулирования и приоритетность прекращения огня. Подчеркивался суверенный характер Азербайджанской Республики и Республики Армения, принцип невмешательства посредников в их внутренние дела.

Срыв сторонами достигнутых там договоренностей не умаляет значения железноводской инициативы двух республик СССР, которые потом вошли в СНГ. Эта встреча стала отправной точкой в создании условий для начала переговорного процесса. Впервые удалось свести вместе лидеров всех трех конфликтующих сторон. Железноводск положил начало дальнейшей серии встреч их руководителей начиная с 1993 г. Не случайно Россия и Казахстан и дальше энергично прилагали посреднические усилия, были активнее других по Карабаху.

Руководители стран Содружества 30 декабря 1991 г., всего через три недели после его провозглашения, призвали Азербайджан и Армению возобновить переговорный процесс.

В 1992 г. Содружество находилось в стадии становления своих органов. Несмотря на это, **Совет глав государств** (Киев, 20 марта 1992 г.) **принял решение по Нагорному Карабаху**. В нем впервые выражена принципиальная готовность направить группу наблюдателей и коллективные силы по поддержанию мира при поступ-

лении просьбы со стороны Азербайджана и Армении после достижения соглашения о прекращении огня и других враждебных действий в зоне карабахского конфликта.

Это были самые первые решения по Карабаху. Примечательно, что руководители стран СНГ договорились информировать о принимаемых решениях ООН, СБСЕ, другие международные организации и страны и при их согласии организовать взаимодействие с ними. Эта изначальная открытость, готовность к сотрудничеству при установке на взаимодополняемость миротворческих усилий, без каких-либо претензий на монополию в урегулировании конфликта будет затем заметно контрастировать с подходом западных держав к карабахскому урегулированию.

Азербайджан тогда еще не вошел в состав СНГ. Баку высказал оговорку в отношении киевского решения. Оно было подписано его представителем с примечанием: «Вступает в силу после ратификации парламентом». Однако тогдашняя администрация Азербайджана оказалась недолговечной и не смогла предпринять серьезных мер для его ратификации.

Почти одновременно и параллельно с этим закладывалась основа для миротворческих усилий в рамках общеевропейского форума – СБСЕ. 24 марта 1992 г. на Хельсинкской встрече Совета министров СБСЕ принимается решение как можно скорее **созвать в Минске Конференцию по Нагорному Карабаху** с участием 11 государств, а также заинтересованных сторон. Поскольку на деле из-за позиций противоборствующих сторон осуществить созыв Конференции так и не удалось, пришлось провести «чрезвычайную подготовительную встречу» ее участников (Рим, 1–5 июня), затем вторую, третью и т.д. Так де-факто начала свою деятельность так называемая Минская группа.

Мало кто знает сегодня, что Минская конференция, а отсюда и Минская группа, в целом весь минский процесс ОБСЕ обязаны своим названием тому, что намечалось созвать Конференцию именно там, где размещалась **штаб-квартира Содружества Независимых Государств**, его Секретариат. На этом основании как принимающая страна вошла в число ее участников Беларусь.

Роль Содружества в карабахском урегулировании возросла после вступления Азербайджана в СНГ и Договор о коллективной безопасности (сентябрь 1993 г.). Совет глав государств СНГ при активном участии президентов Азербайджана и Армении не раз обсуждал ситуацию в Нагорном Карабахе и вокруг него, принимал документы, нацеленные прежде всего на прекращение огня. Так, 24 декабря 1993 г. в Ашхабаде **главы государств Содружества приняли обращение**, в котором призвали незамедлительно положить конец этой войне, подписать соглашение о прекращении военных

действий и заявили о готовности выступить гарантами его выполнения в рамках механизмов Совета коллективной безопасности СНГ. В этом документе содержалось также обращение к ООН, СБСЕ, другим международным организациям с призывом оказать политико-дипломатическую поддержку и разностороннее содействие усилиям Содружества по мирному разрешению карабахского конфликта.

В феврале 1994 г. по поручению председателя СГГ СНГ его исполнительный секретарь разослал президентам стран Содружества материал **«Согласованные подходы к урегулированию карабахского конфликта»**. В нем, в частности, отмечалась готовность СНГ способствовать поиску политического решения, поддержать посреднические усилия участников Содружества, делался акцент на том, как много зависит от политической воли сторон. В этом материале впервые столь категорично сформулировано, что главным приоритетом, императивом урегулирования является незамедлительное прекращение огня. Подчеркивалось, что СНГ готово подкрепить его направлением наблюдателей и разъединительных сил своих участников, которые пожелают сотрудничать в этом с СБСЕ и ООН. (Заметьте вновь эту готовность СНГ к международному сотрудничеству!) Зафиксирован ряд положений по другим аспектам разблокирования конфликта.

В протокольном решении СГГ СНГ 9 марта 1994 г. была вновь выражена поддержка посредническим усилиям участников Содружества, миротворческой инициативе Российской Федерации. В нем обрела силу установка: **«Главным приоритетом, императивом урегулирования является незамедлительное прекращение огня и всех военных действий»**, подтверждена решимость направить разъединительные силы и наблюдателей. СГГ обратился в СБСЕ и ООН с призывом оказать содействие посреднической миссии РФ.

На заседании СГГ СНГ в Москве 15 апреля 1994 г. были приняты к сведению заявления президентов Азербайджана и Армении. В заявлении Совета были поддержаны усилия государств-участников Содружества, в том числе настойчивые миротворческие инициативы России, приветствовалась примирительная миссия Межпарламентской ассамблеи СНГ. Совет подтвердил стремление всемерно способствовать поиску единственно возможного – компромиссного решения. Как настойчивый рефрен, высший форум Содружества подтвердил «триаду» самых неотложных требований – незамедлительное прекращение огня, всех военных действий и его надежное закрепление. Совет вновь обратился к международному сообществу, СБСЕ и ООН с призывом оказать поддержку мерам Содружества для урегулирования конфликта.

Через месяц после этого заявления глав государств СНГ, через несколько дней после Бишкекской встречи парламентских делегаций конфликтующих сторон, организованной руководством Межпарламентской ассамблеи СНГ 4–5 мая, была наконец решена первая рубежная задача: с 12 мая 1994 г. при посредничестве России достигнуто устойчивое прекращение огня. Его сохранение на протяжении многих лет, несмотря на отдельные инциденты, остается **самым крупным достижением в карабахском урегулировании, единственным реально ощутимым обоими народами.** Никто не может оспорить очевидные результаты настойчивой, напористой линии глав государств Содружества и других структур СНГ.

К тому же это довольно уникальное прекращение огня в современной мировой практике – по ряду причин оно поддерживается в необычных условиях: без развода сил сторон от линии их соприкосновения, даже без отвода от нее тяжелого вооружения, без создания нейтральной полосы или буферной зоны, без размещения в ней разъединительных сил или нейтральных наблюдателей, то есть объективно при повышенной опасности возобновления военных действий.

Стоит особо подчеркнуть, что **форумы СГГ СНГ давали** не частую в те годы возможность **организовать контакты на высшем уровне** – встречи руководителей Азербайджана и Армении, а иногда и всех сторон в конфликте. 23–25 сентября 1993 г. при содействии российского посредника в Москве проведены две первые встречи Г.А. Алиева, исполнявшего тогда обязанности президента Азербайджана, – с президентом Армении Л.А. Тер-Петросяном, а также негласная беседа с лидером карабахских армян Р.С. Кочаряном. С тех пор состоялось немало встреч между президентами Азербайджана и Армении, что содействовало разрядке периодически возраставшей напряженности в регионе конфликта, закреплению прекращения огня и поискам компромиссных решений.

(И поныне такие встречи нередко проходят **в дни заседаний СГГ СНГ**, иногда с участием главы российского государства. Так, 1 апреля 1999 г. в Москве было положено начало большой серии встреч президентов Азербайджана и Армении, которая в те годы заняла центральное место в переговорном процессе. В заключительной фазе подобной встречи в Москве в январе 2000 г. принял участие глава российского правительства В.В. Путин.)

Проблемы Карабаха рассматривались и на других форумах Содружества. Например, **Совет министров иностранных дел** 19 июля 1994 г. поручил своему председателю направить послания министрам иностранных дел государств–участников Минской группы и некоторым другим влиятельным участникам СБСЕ, призвав их

содействовать закреплению прекращения огня и скорейшему заключению соглашения о прекращении вооруженного конфликта. СМИД выдвинул идею оперативной «тройки» для содействия выполнению этого соглашения (представители России, Минской конференции СБСЕ, СНГ).

Иногда по поручению председателя Совета глав государств СНГ, президента России некоторые вопросы разрядки ситуации в Карабахе затрагивались и в ходе поездок в регион тогдашнего **исполнительного секретаря СНГ И.М. Коротчени**.

Российские представители не раз информировали органы СНГ о ходе карабахского урегулирования.

Немалую роль в прекращении кровопролития в Карабахе сыграли **связи между парламентами стран Содружества**. Созданная в 1992 г. **Межпарламентская ассамблея (МПА) СНГ** вскоре учредила свою **примирительную миссию** для содействия разрешению карабахского конфликта. Ее возглавил М.Ш. Шеримкулов, спикер парламента Киргизии. Миссия совершила ряд поездок в Баку, Ереван, Степанакерт, встречалась с депутатами Азербайджана и Армении, представителями Нагорного Карабаха, убеждая их содействовать прекращению кровопролития. В поездках участвовали генеральный секретарь Совета МПА СНГ М.И. Кротов и автор этих строк в качестве полномочного представителя Президента РФ и главы российской посреднической миссии по Карабаху. Об итогах поездок миссия докладывала Совету МПА.

В первой такой поездке 17–21 сентября 1993 г. приняли участие депутаты парламентов Белоруссии, Казахстана, России и Таджикистана. Миссия была принята и.о. президента, главой парламента Азербайджана Г.А. Алиевым, президентом Армении Л.А. Тер-Петросяном, главой армянского парламента Б.Г. Араркцяном, встретила с руководством Нагорного Карабаха. По договоренности со сторонами миротворческая группа дважды перешла линию фронта в районе г. Барда. В Ереване и Баку совместно с руководителями парламентов Армении и Азербайджана были проведены пресс-конференции.

Контакты между армянскими и азербайджанскими парламентариями заметно расширились после присоединения Милли меджлиса к МПА СНГ осенью 1993 г. Они многократно встречались в ходе заседаний Совета МПА и сессий Ассамблеи. Эти контакты облегчили проведение на азербайджанско-армянской границе встречи спикеров парламентов Азербайджана и Армении – Р.Б. Гулиева и Б.Г. Араркцяна (Иджеван–Казах, 12 марта 1994 г.).

По инициативе Совета МПА СНГ и МИД России, при содействии Аландского института мира 21–22 декабря 1993 г. в Мариехамне, главном городе Аландских островов (Финляндия), был

проведен симпозиум для парламентариев Армении и Азербайджана с участием избранных представителей Нагорного Карабаха. Во главе депутатских групп Азербайджана и Армении были вице-спикеры парламентов А.Д. Джалилов и А. Туманян, карабахцев возглавлял их «спикер» К. Бабурян. Эта встреча позволила азербайджанским и армянским парламентариям, а также нагорно-карабахским представителям ознакомиться с опытом цивилизованного разрешения противоречий между шведами и финнами, с особенностями самоуправления этого образования в составе Финляндии, где явно преобладает шведское население.

Но не менее важным было завязывание между участниками поездки полезного неформального общения. Еще по пути на Аландские острова они были приняты мэром Санкт-Петербурга А.А. Собчаком и его первым заместителем В.В. Путиным, ответственным тогда за международные связи мэрии. Подчеркнутое внимание руководства северной столицы России облегчало поиски взаимопонимания между представителями конфликтующих сторон. Контакты между ними продолжались в Петербурге и на обратном пути; в Хельсинки они совместно посетили парламент Финляндии.

Особое место в усилиях Межпарламентской ассамблеи СНГ в целях прекращения огня заняла **встреча глав парламентов** Азербайджана, Армении и избранных представителей Нагорного Карабаха **в Бишкеке 4–5 мая 1994 г.** Делегации возглавляли спикер армянского парламента Б. Араркцян, вице-спикер Милли меджлиса А.Д. Джалилов, «спикер карабахского парламента» К. Бабурян. В активных усилиях по сближению позиций сторон приняли участие председатель Совета МПА СНГ, председатель Совета Федерации РФ В.Ф. Шумейко, спикер парламента Киргизии М.Ш. Шеримкулов, генеральный секретарь Совета МПА М.И. Кротов и автор этих строк.

Встреча в Бишкеке по форме стала как бы продолжением симпозиума в Мариехамне. На нее по приглашению М.Ш. Шеримкулова прибыла делегация Аландских островов (в качестве гостя и наблюдателя). Однако содержательно Бишкек существенно отличался от Мариехамна. Если на Аландских островах имел место своего рода обмен опытом мирного разрешения межнациональных противоречий, то в столице Киргизии требовалось принять итоговый документ, сердцевиной которого был призыв по случаю Дня Победы окончательно прекратить огонь в Карабахе в ночь с 8 на 9 мая 1994 г. (**Бишкекский протокол**). Участники бишкекской встречи были приняты президентом Киргизии А. Акаевым, который выступил также на открытии форума. После упорных двухдневных дискуссий главы делегаций Армении и Нагорного Карабаха подписали Бишкекский протокол. А.Д. Джалилов не стал его

подписывать (как публично заявил затем президент Г.А. Алиев, перед своим отъездом в Брюссель на сессию НАТО он не дал ему полномочий подписывать документ в Бишкеке без согласования с главой государства).

8 мая в результате переговоров, проведенных в Баку главой посреднической миссии России, Г.А. Алиев дал согласие на подписание Бишкекского протокола спикером Милли меджлиса Азербайджана Р.Б. Гулиевым при двух небольших поправках. Это вызвало в Баку резкие выступления оппозиции, «партия войны» требовала отставки спикера, по сути возник острый парламентский кризис.

Тем не менее, впервые появился согласованный призыв к полному прекращению огня, подписанный, правда, главами законодательной, а не исполнительной власти, но одобренный высшим руководством всех трех сторон. Он имел немалое значение для консолидации «партий мира» и решительного разрыва с трясинной затяжных военных действий.

На этой волне буквально на следующий же день, 9 мая, началось в кабинете Г.А. Алиева в Баку, а затем прошло 10 мая в Ереване и 11 мая в Степанакерте раздельное подписание министрами обороны Азербайджана и Армении и командующим армией НК документа о прекращении огня, подготовленного российским посредником. В его текст была включена прямая ссылка на призывы руководителей парламентов. Таким образом, Бишкекский протокол стал непосредственным предвестником прекращения кровопролития в карабахском конфликте.

16 мая председатель Совета МПА СНГ В.Ф. Шумейко и руководитель миротворческой группы Ассамблеи по Нагорному Карабаху М.Ш. Шеримкулов приняли обращение к парламентам государств-участников СНГ по итогам встречи в Бишкеке. В нем, в частности, отмечалась предпочтительность учреждения миротворческих сил для Карабаха под эгидой ООН либо создания таких многосторонних сил в рамках Содружества и предлагалось обсудить этот вопрос на Совете МПА СНГ в начале июня 1994 г.

Вслед за этим 8 июня в Санкт-Петербурге во время заседания Совета МПА СНГ состоялась новая встреча спикеров парламентов Азербайджана и Армении и представителей Нагорного Карабаха при участии председателя МПА, спикера парламента Киргизии, генерального секретаря Совета МПА СНГ и полномочного представителя Президента РФ. Такие встречи проходили и далее, прежде всего, в стремлении закрепить установленное прекращение огня.

В июле 1994 г. такая встреча по инициативе МПА СНГ и МИД России состоялась в Вене в период сессии Парламентской ассамб-

лей СБСЕ. С учетом заинтересованности в ней и председателя Минской конференции Я. Элиассона представители России и МПА предложили ему провести ее в здании посольства Швеции в Австрии, где она и прошла. Между тем Парламентская ассамблея СБСЕ, уделившая карабахскому конфликту много внимания (ему было посвящено 9 пунктов ее резолюции из 73), продемонстрировала явный перекокс: в ней замалчивались посреднические усилия России, приведшие к прекращению огня, а фактически оно приписывалось деятельности Минской группы.

В дни годовщины Бишкекского протокола, 3–7 мая 1995 г. состоялась новая поездка примирительной группы МПА СНГ в регион конфликта. Группу возглавил председатель Комитета Совета Федерации России по делам СНГ В.А. Густов, в нее входили депутаты парламентов России, Белоруссии и Молдавии. Миротворческая группа передала азербайджанским беженцам 40 тонн российских гуманитарных грузов, в основном медикаментов, обсудила со сторонами предстоящий обмен военнопленными и заключенными.

Необходимо особо выделить встречу руководителей парламентов Азербайджана (Р.Б. Гулиев), Армении (Б.Г. Аракцян), Грузии (В. Гогуадзе), Киргизии (А. Матубраимов) и России (В.Ф. Шумейко), проведенную 5–6 сентября 1995 г. в петербургской штаб-квартире МПА СНГ – Таврическом дворце. В ней приняли также участие генеральный секретарь Парламентской ассамблеи ОБСЕ С. Оливер, глава московской делегации Международного комитета Красного Креста Т. Мера, а также представитель Действующего председателя ОБСЕ Э. Кешкенъ. Участники встречи приняли заявление «К миру и стабильности на Кавказе», призывающее не допускать вооруженного противостояния, избегать конфронтационных действий, нормализовать хозяйственные связи, создавать условия для безопасного возвращения беженцев и перемещенных лиц к родным очагам. Это была первая встреча спикеров трех закавказских парламентов, в центре внимания которой было урегулирование конфликтов. В дальнейшем подобные встречи трех закавказских спикеров (но, разумеется, без России) стали проводить ПАСЕ, Парламентская ассамблея ОБСЕ, руководители парламентов отдельных западных стран.

7 сентября председатель СНГ СНГ, президент России и председатель Совета МПА СНГ, председатель Федерального Собрания РФ встретились в Кремле для обсуждения итогов петербургской встречи глав парламентов.

Таким образом, на протяжении длительного периода, в том числе на критической фазе миротворческих усилий, когда требовалось остановить кровопролитие в Карабахе и сделать прекраще-

ние огня устойчивым, **незаменимую роль сыграла активность парламентариев и МПА СНГ.**

Полезную работу среди общественности провела созданная в октябре 1993 г. **Межгосударственная телекомпания «Мир»**, посвятившая урегулированию вокруг Карабаха немало передач. Она выделяла стремление простых людей в этом регионе к добрососедству и миру. 15–16 сентября 1994 г. телекомпания «Мир» провела в Москве при содействии российской посреднической миссии встречу руководителей телевизионных служб и союзов журналистов Азербайджана, Армении, а также Нагорного Карабаха. В сообщении для прессы участники встречи отметили, что согласились в необходимости постепенного преодоления состояния информационного конфликта, недопустимости создания образа врага в лице народов-соседей, оскорблений в СМИ представителей этих народов по этническим и профессиональным признакам. Они обратились к СМИ и организациям журналистов стран СНГ и всего мира с призывом воздержаться от публикации материалов, препятствующих начавшемуся процессу примирения сторон.

Верность духу Содружества пронизывала и многие миротворческие акции, которые провела сама Россия в интересах мирного урегулирования в Карабахе. Ее многообразные усилия в этом направлении пользовались морально-политической и дипломатической поддержкой со стороны других стран–участниц СНГ.

В ходе московских переговоров о заключении Соглашения о прекращении вооруженного конфликта, которые велись по инициативе России и при ее посредничестве, все стороны одобрили **ряд формулировок, касающихся роли СНГ.** В преамбуле проекта соглашения отмечалось, что оно заключается «при содействии СНГ». В частности, в ней подчеркивалось стремление способствовать «утверждению в рамках Содружества Независимых Государств обстановки мира, стабильности, доверия и сотрудничества». Предусматривалось, что кроме всех конфликтующих сторон под соглашением поставит свои подписи «тройка»: представитель России, председатель Минской конференции, представитель СНГ.

На этих переговорах присутствовали и **наблюдатели от двух структур СНГ** (исполнительный секретариат и МПА). Они не выступали, но могли общаться с участниками в кулуарах, информировали о ходе переговоров свое руководство.

Весьма многозначителен **подход влиятельных западных партнеров к проблемам взаимодействия с Россией и СНГ** в карабахском урегулировании. О нем надо сказать особо. Если из-за международной активности России они были вынуждены сотрудничать с ней, хотя постоянно стремились обуздать ее роль, то взаимодействие с СНГ однозначно саботировалось. Казалось бы, яснее яс-

ного, что Азербайджан и Армения – участники Содружества, да и третья сторона в конфликте находится в зоне СНГ. Вполне очевидно и то, что ситуация вокруг Карабаха существенно затрагивает интересы всех участников СНГ, Содружества в целом, что остальные члены СНГ связаны с Закавказьем тесными узами и заинтересованы в ликвидации конфликта, скажем, никак не меньше участников Минской группы.

За все время западные державы и органы ОБСЕ, включая Минскую группу, ни разу – ни по сути, ни даже по форме – **не откликнулись на неоднократные призывы Содружества**, сделанные на высшем уровне, к сотрудничеству в карабахском урегулировании, к поддержке усилий России и СНГ.

Представим себе, сколько удивления вызвало бы усердие Запада в отстранении ОАГ или ОАЕ при улаживании того или иного вооруженного противоборства в Латинской Америке или в Африке. А вот СНГ мешало некоторым западным деятелям даже в миротворчестве – им гораздо важнее было разобщать новые государства, никак не содействовать интеграционным тенденциям и структурам. Непризнание Содружества они доводили до такой крайности, что не допускали использования даже самого названия «СНГ».

После Будапештского саммита ОБСЕ (5–6 декабря 1994 г.), специально для России учредившего сопредседательство в минском процессе и передавшего ему ведение переговоров по соглашению о прекращении вооруженного конфликта, представители западных держав через шведского сопредседателя **попытались переиначить ряд положений проекта соглашения**, включая формулировки по СНГ, уже согласованные между всеми сторонами. Ряд членов Минской группы не желал видеть в соглашении ни подписи представителя СНГ, ни упоминаний о Содружестве, великодушно допуская в крайнем случае в отдельных местах словосочетание «государства–участники СНГ».

Состоялась острая дискуссия. Российский сопредседатель не позволил снять формулировки, касающиеся СНГ. Шведы попытались переименовать соглашение в Консолидированный план ОБСЕ и России, но Москва согласилась только на подзаголовок «Консолидированный план ОБСЕ, СНГ и Российской Федерации».

Весьма характерной, хотя совершенно некорректной, стала попытка западников **удалить наблюдателей СНГ с переговоров**. Тем более что Москва никогда не отказывала шведам, предсидательствовавшим в Минской группе, в присутствии на мероприятиях, проводившихся Россией и СНГ со сторонами в конфликте (например, на встрече парламентариев в Мариехамне, на ряде раундов московских переговоров).

Разумеется, северные нейтральные государства с большим опытом участия в международном миротворчестве сами не могли иметь прямого интереса в этих ухищрениях. Действовать подобным образом их представителям пришлось явно **под нажимом западных держав**.

Да американцы и сами пытались прямо действовать в том же направлении. Одно из подтверждений тому – демарш Госдепартамента США от 17 марта 1995 г. Как известно, американская дипломатия давно облюбовала такую профессиональную уловку, как представление партнерам письменных тезисов, которые как бы не являются документом (несут на себе пометку «Non paper»). Выходит, что прямо ссылаться на подобный текст вроде бы и нельзя ввиду его неофициального статуса, хотя несомненно, что речь идет об официальной акции Вашингтона, но в «неформальной форме». Согласно такому тексту, переданному посольством США в МИД России, участие наблюдателей СНГ будто бы было «вовлечением в процесс решающих новых элементов», которое, мол, «угрожает сотрудничеству», «лишь затруднит и без того сложный процесс». Пришлось разъяснить, что эти наблюдатели изначально присутствуют на переговорах, а Будапештский саммит ОБСЕ подчеркнул важность преемственности в их проведении.

Россия решительно отбила наскоки на присутствие наблюдателей СНГ. Западники предпочли отступить, опасаясь срыва очередного раунда переговоров и публичного скандала вокруг их закулисных происков. Финны, сменившие шведов в сопредседательстве 21 апреля 1995 г., вынуждены были предложить компромиссную, в целом приемлемую формулу: наблюдатели СНГ присутствуют на переговорах по приглашению России, а Финляндия не возражает против этого. Наши представители твердо отклонили и процедурные уловки (например, требование согласовать в Минской группе присутствие наблюдателей СНГ).

Западные партнеры попытались также вырвать переговоры из сферы СНГ, **не допустить, чтобы переговоры продолжались в Москве, чтобы там же прошло возможное подписание соглашения**. Предлогом служило, что после Будапешта переговоры перешли под эгиду ОБСЕ и проводятся не только Россией, но и другим сопредседателем. Приводился и такой надуманный «довод»: штаб-квартира ОБСЕ находится в Вене, а посему надо, мол, перевести переговоры туда (можно подумать, будто все переговоры, к которым причастна ООН, непременно проводятся в Нью-Йорке!).

Любопытна и установка западных стран-участниц Минской группы к переносу Минской конференции сразу после ее открытия в другую страну. Очевидна **политическая сущность** всех этих

комбинаций вокруг проблем, которые искусственно создавались якобы ради блага ОБСЕ, а на деле для отторжения СНГ. Ясно, что это делалось вовсе не в интересах карабахского урегулирования, лишь мешало ему. Характерно, что ООН, имеющая немалый опыт миротворчества, добивается максимального привлечения к нему региональных и субрегиональных организаций. Да и в таком важном документе самого СБСЕ, как «Хельсинки-92», прямо предусматривалось использование общеевропейской организацией механизма СНГ по поддержанию мира (III раздел, пункт 52).

В этих коллизиях, как в капле воды, отразились **два разных подхода к ситуации в Карабахе**: одни добивались реальной ликвидации конфликта и ради этого были открыты для международного сотрудничества, а кое-кто под предлогом урегулирования и под вывеской ОБСЕ продвигал совсем иные планы.

МИД РФ исходил из концепции взаимодополняющих скоординированных усилий ООН, ОБСЕ, СНГ, отдельных государств, включая Россию, – всех, кто мог реально внести в урегулирование существенный вклад. Не Москва и не Минск противопоставляли активности России/СНГ деятельности Минской группы. Мы считали, что работаем в одном направлении, должны согласовывать действия, поддерживать друг друга. Показателен такой эпизод. В конце января 1994 г. на встрече в Стокгольме в связи с переходом к Швеции председательства в минском процессе мы обсудили со шведами и американцами порядок дальнейшего взаимодействия. Российский представитель добивался того, чтобы не допускалось противопоставления усилий России и Минской группы, обеспечивалась взаимная поддержка, полностью исключалось противодействие друг другу перед лицом сторон в конфликте. Представители Швеции и США согласились с этим. Однако Вашингтон тут же, буквально через несколько дней, грубо нарушил эту ясную договоренность, дав указание своим послам в Баку и Ереване высказаться против «российского плана». Данный факт вынудил Б.Н. Ельцина в послании 8 февраля 1994 г. прямо выразить Б. Клинтону «недоумение» этим.

Когда Россия и СНГ стали добиваться реальных сдвигов к прекращению огня, западные державы принялись навязчиво протаскивать в документы ОБСЕ отнюдь не бесспорный тезис **о центральной роли Минской группы в карабахском урегулировании**. Попытки добиться главенствующей, преобладающей, а то и исключительной роли не конкретными делами и результатами, а «декретировать» ее на бумаге были заведомо контрпродуктивны. Они лишь затрудняли согласование подходов и практических действий. Стороны в конфликте учитывали это и использовали для ухода от принятия трудных решений.

Основополагающее решение СБСЕ по Нагорному Карабаху от 24 марта 1992 г. исходило из **важной**, но не исключительной роли Совещания в урегулировании, из идеи сотрудничества с другими участниками миротворческих усилий. К тому же роль различных участников процесса не обязательно должна быть данной раз и навсегда, она может оказаться переменной величиной на разных его этапах. Скажем, с размещением наблюдателей или миротворческих сил, открытием Минской конференции роль ОБСЕ в самом деле возросла бы и, возможно, действительно превратилась бы в «центральную». Но в таком случае это стало бы естественным делом, а не продуктом бумажной игры в магические формулировки.

Думается, гораздо полезнее говорить о **реальном вкладе** каждого участника в миротворческие усилия, чем о выделении каждому априори **некоей роли** как абстракции. Куда важнее было дать Минской группе **конкретный мандат** с четким указанием целей и полномочий, как всем структурам и миссиям ОБСЕ.

Ведущая роль не на бумаге, а в реальных делах по урегулированию в Карабахе, несомненно, принадлежала России при поддержке СНГ. Это была объективная данность, хотя ни Россия, ни СНГ никогда не претендовали на ее закрепление в документах ОБСЕ. Но об этом не раз говорили сами руководители Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха. И если перед саммитом ОБСЕ в Будапеште западные державы в поисках компромисса оказались вынуждены открыто признать **«решающий вклад Российской Федерации»**, то это было сделано вовсе не по инициативе Москвы.

Таков был реальный вклад Содружества в прекращение кровопролития вокруг Нагорного Карабаха. Таков был подход западных держав к СНГ в ходе этих миротворческих усилий. Пора извлечь из карабахского опыта и некоторые **уроки**:

1. Содружество Независимых Государств и его структуры, особенно Совет глав государств и МПА СНГ, сыграли **заметную** роль в прекращении огня в нагорно-карабахском конфликте, в том числе создавали более благоприятную обстановку для активных посреднических усилий России. Ни одна другая организация не уделила этому конфликту столько внимания на таком уровне. Многие акции – вообще впервые в многостороннем формате. На «счету» СНГ целая серия встреч лидеров противоборствовавших сторон, твердая установка на приоритетность прекращения огня и военных действий, готовность к направлению наблюдателей и коллективных сил по поддержанию мира, к гарантированию соглашения между сторонами, к сотрудничеству с ООН, ОБСЕ, всеми участниками миротворчества в Карабахе. Да и само прекращение огня, достигнутое Россией много лет назад, практически неотделимо от усилий СНГ.

2. Заслуживает внимания **активное участие Межпарламентской ассамблеи СНГ и парламентариев** в процессе прекращения противоборства. Это стало весьма важной частью подготовки поворота общественного мнения и шагов исполнительной власти в направлении политического решения конфликта.

3. Опыт полезной активности и настойчивости СНГ на первой стадии карабахского урегулирования, несомненно, может быть **полезен в разрешении других конфликтов** на постсоветском пространстве и на иных фазах.

4. Взаимодействие России и СНГ в обеспечении прекращения огня в Карабахе подтвердило **жизнеспособность** базовой установки на **взаимодополняемость** миротворческой деятельности различных международных организаций и государств при урегулировании вооруженного противоборства. Инициативы РФ и СНГ не только не мешали друг другу, а вели к их взаимообогащению, создавали более благоприятные условия для дальнейших шагов к единой цели.

5. Карабах показал, что «умозрительные» споры о «распределении ролей» больше наносят ущерб делу урегулирования. **Назойливая претензия на центральную роль Минской группы ОБСЕ**, некую монополию на миротворчество и посредничество стала подобием «детской болезни» в процессе становления общеевропейской организации, а для некоторых кругов США и Европы служила всего лишь ширмой, прикрывавшей их геостратегические расчеты на умаление роли России в Закавказье и игнорирование СНГ.

Приписывание себе главенствующей роли каким-либо государством или международной организацией не может заменить кропотливой работы участников миротворческих усилий с целью согласования своих действий и единообразных выступлений перед сторонами в конфликте, исключения соперничества между посредниками и недопущения игры сторон в конфликте на возможных расхождениях между ними.

6. По законам элементарной логики участие региональных политических организаций в ликвидации кровавых конфликтов в рамках географической сферы их ответственности является их **естественным правом** и в какой-то мере даже **обязанностью** (разумеется, с учетом внутренних уставных положений). **Оно не может зависеть от соизволения** каких бы то ни было внешних государств или международных инстанций (не путать с мерами принудительного характера, однозначно требующими решения СБ ООН). Другие государства и международные структуры, искренне стремящиеся к мирному разрешению конфликтных ситуаций, а не занимающиеся геополитическими играми в данном регионе под

предложением урегулирования, должны быть сами (как ООН) **заинтересованы** не в отстранении, а, наоборот, **в привлечении соответствующих организаций** данного региона к миротворческим усилиям, **в координации с ними своих усилий**.

7. Вклад Содружества в существенный прорыв в карабахском урегулировании – прекращение кровопролития – **совершенно преднамеренно замалчивается на Западе**, что соответствует политике ряда держав в отношении Закавказья и СНГ в целом. К сожалению, он **несправедливо забывается** и на постсоветском пространстве (в России, Азербайджане, Армении и других странах СНГ). Это на руку лишь недругам СНГ, тем, кто стремится воспользоваться бедствиями двух народов в своих геополитических интересах, для создания своего «плацдарма» на Южном Кавказе.

8. Надо признать, что в последние годы органы СНГ несколько ослабили внимание к проблематике карабахского урегулирования, как будто прекращение кровопролития было концом, а не всего лишь началом этого процесса. **Необходимо вновь активизировать миротворческие усилия Содружества в Карабахе** во взаимодействии с другими партнерами, придать им новые импульсы, второе дыхание. Тем более что объективно назревают (и в регионе, и в самом СНГ) определенные предпосылки для прорыва в направлении окончательного разрешения конфликта.

Вряд ли какая другая международная структура настолько глубоко, как Содружество Независимых Государств, заинтересована в нормализации отношений между Азербайджанской Республикой и Республикой Армения, в оздоровлении обстановки в Закавказье. Урегулирование вокруг Карабаха без участия Содружества либо при его пассивности было бы совершенно противостественным, менее эффективным и надежным. Представляется, что эта тема заслуживает внимания тех, кто стремится к ликвидации конфликтов и их последствий на пространствах бывшего СССР.

Письмо Генеральному секретарю ОБСЕ Яну Кубишу

Москва, 29 сентября 2003 г.

Уважаемый господин Генеральный секретарь,

Обращаюсь к Вам по поводу **одного слова**, фигурирующего во всех изданных до сих пор официальных справочниках ОБСЕ – там, где говорится о нагорно-карабахском конфликте (в ряде изданий на английском языке и в издании 2000 г. на русском языке – смотрите стр. 79 русского издания).

Там утверждается, будто бы соглашение о прекращении огня, достигнутое в этом конфликте с 12 мая 1994 г. при посредничестве Российской Федерации, было «неофициальным» (informal). На каком основании?

Мне как главе посреднической миссии России, полномочному представителю Президента Российской Федерации по карабахскому конфликту пришлось самым непосредственным образом заниматься этим соглашением и оформлять его. Его особенности предопределены в основном двумя обстоятельствами: 1) срочной необходимостью прекратить огонь, пока все три стороны в этом конфликте (Азербайджан, Нагорный Карабах и Армения) оказались готовы к этому из-за «усталости» и сложившегося хрупкого равновесия сил на фронте; 2) нежеланием азербайджанской стороны встречаться и подписывать документ с представителями Нагорного Карабаха, а также отказом Армении подписать его без участия представителей Нагорного Карабаха. Уверен, Вы помните проблемы переговоров в 1992–94 гг.

Поэтому пришлось прибегнуть к подписанию соглашения по факсу, без личной встречи полномочных представителей сторон (такой способ применялся несколько раз российским посредником и прежде – при оформлении кратких прекращений огня в этом конфликте в 1993 г.).

Стороны не были способны обмениваться друг с другом посланиями, в которых содержались бы обязательства прекратить огонь в согласованный момент. Поэтому была избрана форма посланий каждой стороны должностным лицам России, игравшей роль посредника (министрам обороны и иностранных дел, представителю Президента РФ по карабахскому конфликту). Все тексты были идентичного содержания. Возникшие поправки заранее были согласованы посредником между всеми сторонами. В Баку послание в Москву было подписано в моем присутствии 9 мая 1994 г., в Ереване – 10 мая, в Степанакерте – 11 мая. Затем посредник известил стороны о получении полностью идентичного послания от всех сторон и объявил договоренность вступившей в силу. Таким образом, само соглашение состоит из трех листов с идентичным текстом и подписью представителя одной стороны на каждом листе.

Вот почему в соглашении нет традиционных атрибутов юридической формалистики: единой даты и места подписания, единого оригинала с тремя подписями, сочных печатей и красивой папки, формального депозитария и т.п. Но разве от этого зависит характер соглашения – официальное оно или неофициальное?

Обратим внимание на более существенное. Послания подписаны главными военачальниками – министрами обороны Азербайджана М. Мамедовым и Армении С. Саркисяном, командующим

армией Нагорного Карабаха С. Бабабяном. Это сделано по прямому поручению высших руководителей сторон в конфликте – президентов Г. Алиева и Л. Тер-Петросяна, а также Р. Кочаряна. В отличие от прежних договоренностей о прекращении огня, заключавшихся на определенный срок, данное соглашение специально было подписано как бессрочное. Предлагалось затем переоформить это соглашение и по стандартным образцам, но азербайджанская сторона уклонилась (видимо, по тем же причинам).

Тем не менее, 27 июля 1994 г. М. Мамедов, С. Саркисян и С. Бабабян подписали новый документ, в котором обязались соблюдать это соглашение о прекращении огня вплоть до заключения соглашения о прекращении вооруженного конфликта. Заявления того же содержания неоднократно делали публично главы государств (Азербайджана и Армении) и высший руководитель Нагорного Карабаха. Все это, на мой взгляд, куда важнее, чем формальные юридические тонкости.

К тому же это соглашение остается пока единственным реальным достижением в карабахском урегулировании. Оно не требовало одобрения парламентами, но однозначно одобрено народами. Для укрепления режима прекращения огня на основе этого соглашения при содействии сопредседателей Минской группы 6 февраля 1995 г. была заключена договоренность о порядке урегулирования инцидентов.

Следует учитывать и другие особенности перемирия в Карабахе: стороны не пожелали провести развод войск от линии соприкосновения, отвод тяжелых вооружений в глубину позиций, создать нейтральную зону и разместить в ней международных наблюдателей или силы разъединения. В некоторых местах позиции сторон отстоят друг от друга лишь на несколько сотен метров, что нередко приводит к инцидентам.

Данный вопрос не носит чисто исторического или абстрактно юридического характера, а **имеет прямое политическое и практическое значение**. Обстановка в карабахском урегулировании остается весьма сложной, взрывоопасной. В Азербайджане постоянно ведется кампания за решение затянувшегося конфликта силой. Не случайно в Баку иногда стали делать заявления, расшатывающие это соглашение. Например, бывший министр иностранных дел Азербайджана Т. Зульфугаров недавно утверждал, что это было не соглашение, а всего лишь обмен факсовыми заявлениями.

Тем не менее соглашение в целом соблюдается сторонами уже который год. Спрашивается, зачем в этих условиях настойчиво внушать читателям справочника, что оно «неофициальное», невольно, но опасно потакая национал-радикалам и реваншистам?

Поскольку справочник ОБСЕ издается Генеральным секретариатом, просил бы Вас, господин Ян Кубиш, обратить внимание на вышеизложенное и принять меры, чтобы **устранить этот дефект при последующих изданиях справочника.**

С самыми добрыми пожеланиями,

посол **Владимир Казимиров**
(в 1992–96 гг. руководитель посреднической миссии России, полномочный представитель Президента РФ по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе, участник Минской группы и ее сопредседатель от России)

Информационное агентство «REGNUM», 14 ноября 2004 г.
«Голос Армении», 16 ноября 2004 г.

Карабах и резолюции Совета Безопасности ООН

В современной международной жизни резолюции Совета Безопасности ООН относятся к числу определяющих документов. Все государства–члены ООН, разумеется, ориентированы **на их выполнение.** По карабахскому конфликту есть четыре резолюции СБ ООН (822, 853, 874 и 884). Все они приняты в самый разгар войны в Карабахе, с 30 апреля по 12 ноября 1993 г.

Стороны этого конфликта не хотят понять, что резолюции СБ ООН, как правило, кроме редких особых исключений, составляются **на компромиссной сбалансированной основе.** Поэтому совершенно неприемлем выборочный подход к ним – нельзя выполнять или требовать выполнения только тех положений, которые соответствуют интересам данной стороны. Это разрушает баланс, на котором строится резолюция, ведет к ее невыполнению и другими сторонами. Требуется также **своевременное,** а не отложенное выполнение **всех** положений резолюции без каких-либо изъятий (не когда захочется данной стороне конфликта или когда жизнь ее заставит).

В буксующем переговорном процессе и повседневной словесной войне стороны карабахского конфликта часто ссылаются на отдельные положения четырех резолюций СБ ООН. Увы, каждая нажимает лишь на то, что выгодно ей в этих резолюциях, всячески избегая комплексного подхода и выполнения собственных обязательств. Причем стороны так электризуют обстановку вокруг конфликта, что тот, кто указывает им на перекосы, тотчас зачисляется в агенты противостоящего лагеря. Несмотря на это, необходимо именно **комплексно** рассмотреть основные требования СБ ООН и **их выполнение сторонами** с учетом специфики и хода этого конфликта.

В последние годы выполнения резолюций чаще требует Баку, но лишь **немедленного, полного и даже безоговорочного вывода** оккупационных сил из 7 занятых армяно-карабахскими войсками районов Азербайджана и возвращения туда своих беженцев. Сейчас все настойчивей охватывают этим требованием и сам Нагорный Карабах. Гейдар Алиев был в этом умереннее (нужна чересчур формальная логика, вряд ли применимая к конфликтным ситуациям, чтобы отнести Нагорный Карабах к оккупированным землям).

Иначе говоря, **Азербайджан по сути сводит требования резолюций к освобождению оккупированных территорий**. Никакие другие требования в Баку не акцентируются, просто замалчиваются. Ему надо привлечь внимание к оккупации – тяжкому последствию вооруженного конфликта, к боли вынужденных переселенцев. Но этим самым хотят также оттеснить на второй план, сдвинуть на «потом» **устранение главной спорной проблемы и причины конфликта – определение статуса Нагорного Карабаха**.

1. Адекватная трактовка резолюций СБ ООН невозможна **без учета обстановки, когда они принимались** (лето и осень 1993 г. – пик войны), и **без учета смысловой иерархии их требований**. Очевидно, что **первоочередным, главнейшим требованием было незамедлительно прекратить огонь, все военные действия и враждебные акты**. Оно красной нитью проходит через все четыре резолюции, как их общий стержень. Это самое чувствительное, наиболее острое требование, без его выполнения нельзя добиться выполнения других требований, например вывода оккупирующих войск.

СБ ООН выдвинул это требование еще 30 апреля 1993 г. в первой же резолюции 822, но на его выполнение не хватило целого года и трех других резолюций. Еще год лилась кровь, нарастал поток беженцев и переселенцев. «Незамедлительность» прекращения огня не могла означать отсрочки до мая 1994 г. Можно ли столь упорное пренебрежение этим коренным требованием засчитать за своевременное выполнение резолюций СБ ООН?

Какая же сторона нарушала это основополагающее требование всех резолюций и несет особую ответственность за то, что сбои ею решения этой кардинальной задачи положили начало срыву чуть ли не всех остальных требований – комплексному **невыполнению** резолюций СБ?

Конечно, безрешных тут нет, но «пальма первенства» все же **бесспорно принадлежит азербайджанской стороне**. Даже теряя контроль над своими территориями, руководство Азербайджана – и при А. Эльчибее, и при Г. Алиеве – упорствовало в попытках добиться перелома на фронте и **решить конфликт силой**. Упоная на нее, оно не имело права забывать, что рискует собственными территориями, берет на себя часть ответственности за появление

и расширение оккупированных земель. А оккупация вновь заталкивала его в порочный круг отказов и срывов миротворческих инициатив. За годы активного посредничества России набрался целый календарь нарушений сторонами прекращения огня, уходов от таких договоренностей и других недооценок миротворчества (эзоповским языком говорит об этом и резолюция 884).

Характерна политико-дипломатическая борьба сразу же вокруг самой первой резолюции 822, хотя Азербайджан был инициатором ее принятия и на словах приветствовал ее. Однако когда Россия, США, Турция и председатель Минской конференции СБСЕ в мае 1993 г. предложили сторонам конфликта **подтвердить готовность выполнить ее**, Ереван и Степанакерт сделали это, а Баку не стал отвечать.

Буквально за несколько часов до принятия в Нью-Йорке резолюции 822 Россия, США и Турция согласовали в Москве компромиссные предложения, которые в обмен на уход армян из Кельбаджара предусматривали возобновление переговоров сначала в узком составе «5+1», а затем в Минской группе и **лишь приостановку военных действий на 60 дней**. Резолюция 822 СБ ООН была радикальнее: потребовала «немедленного прекращения всех военных действий и враждебных актов в целях установления прочного прекращения огня». Получив резолюцию СБ ООН, Москва тотчас же, 30 апреля, предложила Вашингтону и Анкаре привести уже подготовленную, но еще не переданную сторонам трехстороннюю инициативу в соответствие с этой резолюцией, но партнеры уклонились и затем противились этому.

Май и июнь 1993 г. прошли в борьбе вокруг этой альтернативы: **полное прекращение военных действий** (в соответствии с резолюцией 822 СБ ООН) **или их приостановка на 60 дней** (это вполне соответствовало бы прежней инициативе России от августа 1992 г., но захват Кельбаджара резко усложнил обстановку).

С одной стороны, трехсторонняя инициатива была шагом вперед на фоне прошлого: она позволила вытянуть Азербайджан из сплошных отказов, когда тот не соглашался на прекращение огня или приостановку военных действий, прерывал переговоры, выдвигал предварительные условия и т.п. – наконец-то Баку чуть ли не впервые дал тогда согласие на миротворческую инициативу (не без учета того, что среди инициаторов была Турция, а азербайджанцы хотели поднять ее роль в урегулировании). Баку и впредь подтверждал согласие на «график неотложных мер» (трехсторонняя инициатива), а Ереван и особенно Степанакерт настаивали на его доработке именно в духе резолюции 822 СБ ООН.

С другой стороны, трехсторонняя инициатива стала помехой выполнению резолюции 822, что предопределило позицию Рос-

сии. На встрече минской «девятки» (Рим, 3–4 июня) нам стоило большого труда убедить партнеров (особенно американцев) в том, что график должен быть подчинен выполнению резолюции СБ ООН, хотя и это еще не устранило всех его слабостей. Как показывают эти эпизоды, Азербайджан, несмотря на словесное одобрение резолюции 822, **не хотел** связывать себя обязательствами по ее выполнению в части **прекращения военных действий**.

Негативное отношение Азербайджана к этому главному требованию резолюций СБ ООН проявлялось и далее. Каждая новая резолюция учитывала изменения обстановки. После достигнутых с помощью России первых договоренностей об ограничении военных действий, отказа Баку продлить их и последовавшего падения Агдама резолюция 853 от 29 июля призвала стороны «достичь прочных договоренностей о прекращении огня и соблюдать их». Резолюция 874 от 14 октября – когда держалось временное прекращение огня, заключенное при посредничестве России, – призвала сделать его эффективным и постоянным. После его срыва азербайджанской стороной последняя резолюция 884 от 12 ноября **«самым настоятельным образом»** призвала **«срочно возобновить** соблюдение прекращения огня, установленного в результате прямых контактов, предпринимаемых при содействии правительства Российской Федерации в поддержку Минской группы». Но срочно так и не получилось, на это ушло еще ровно полгода.

Уже при наличии всего блока четырех резолюций СБ ООН Баку еще несколько раз – как минимум дважды в декабре 1993 г. и по разу в феврале и марте 1994 г. – прямо пренебрег шансами положить конец военным действиям, причем в середине декабря 1993 г. особенно цинично.

В итоге Азербайджан пошел на прекращение огня в мае 1994 г. вовсе не ради выполнения резолюций СБ ООН, которые более года упорно игнорировал в этой части, а в результате ряда военных неудач, поставивших его руководство на грань полного поражения и потери власти. Характерно, что на сей раз официальный Баку впервые сам добивался прекращения огня и без каких-либо предварительных условий (хотя оппозиция еще настаивала на продолжении бойни).

Так было положено начало срыву выполнения резолюций СБ ООН по Карабаху. Поэтому и морально, и политически не слишком состоятельна попытка Баку изображать приверженность резолюциям СБ ООН, а также заносить себе в актив сохранение перемирия на протяжении 10 лет как доказательство своего стремления решить конфликт мирным путем. Слишком известны регулярные угрозы даже на самом высоком уровне решить его «любой ценой».

Прекращение огня с 12 мая 1994 г. достигнуто при содействии России уже не столько по резолюциям СБ ООН, сколько на основе заявления Совета глав государств СНГ от 15 апреля 1994 г. Главы государств СНГ впервые возвели требование прекращения кровопролития в главный приоритет урегулирования. И это соглашение о прекращении огня уже было иным, чем прежние: не временным, на столько-то дней, а бессрочным (по умолчанию), то есть практически постоянным, и подписано по настоянию Москвы не двумя, как ранее, а всеми тремя сторонами в конфликте (не только Баку и Степанакертом, но и Ереваном).

2. Пока, вопреки всем резолюциям, война еще продолжалась, в них осуждались эскалация военных действий, захваты новых городов и районов, неоднократные нарушения прекращения огня, проведение бомбардировок и артобстрелов населенных пунктов, содержался призыв воздерживаться от всех нарушений международного гуманитарного права. Это также показатель того, что **не выполнялось как самое главное, так и многое другое из резолюций СБ ООН.**

3. Через все резолюции проходит и требование освобождения захваченных территорий или **немедленного вывода всех оккупирующих сил.** В Баку утверждают, будто все резолюции требуют безоговорочного вывода, но это не так – только резолюция 853 от 29 июля. Как же исчезло затем слово «безоговорочный» из резолюций 874 и 884? Случайно, по забывчивости? А может быть, **вследствие регулярного невыполнения одной из сторон главного требования – о прекращении военных действий?** Кто же мог рассчитывать на вывод сил без прекращения боев? А кто не хотел прекращать их? Не мог СБ ООН вознаграждать за невыполнение своих резолюций. Как раз на этом фоне безусловное прежде требование превратилось в **предмет переговоров** между сторонами. Этот вопрос много раз был темой переговоров, но не решен как из-за позиции армян, так и потому, что Баку сразу же настаивал на выводе отовсюду, даже из Шуши и Лачина, никак не желая касаться статуса НК.

За упорные попытки начала 90-х годов решить конфликт силой продолжают расплачиваться сотни тысяч вынужденных переселенцев. На них же переброшено и бремя безмерного затягивания переговоров. Никто из руководителей не решился взять на себя ответственность за тяготы своего народа, норовя целиком переложить вину на другую сторону.

Вряд ли реалистичны чуть ли не ультимативные требования **начать сразу с освобождения занятых земель** – без рассмотрения других проблем и увязки с обязательствами по ним. При пакетном соглашении это исключается само по себе, а приступать реально

к поэтапному урегулированию просто невозможно, **пока нет самых надежных гарантий невозобновления военных действий**. Воинственная риторика тем более противопоказана переходу к поэтапному урегулированию. Сопредседатели минского процесса – Россия, США и Франция, призывающие стороны самим найти основы взаимоприемлемого соглашения, тоже не требуют от сторон ничего безоговорочного, кроме мира.

Теперь к бакинской дипломатии начинает приходить понимание того, что освободить оккупированные территории «в один день невозможно» и это надо сделать поэтапно. Но это ясно – а вот как построить при этом баланс интересов сторон, какие встречные уступки будет готов делать Баку?

Армяне фактически пользуются тем, что Азербайджан не выполнял резолюции СБ ООН с самого начала и в самых главных требованиях, для того, чтобы, в свою очередь, не выполнять требование о немедленном выводе оккупирующих сил из занятых районов (правда, армяне не пытаются выставлять себя поборниками выполнения этих резолюций, как опрометчиво делает Азербайджан – с обратным в итоге эффектом). Пользуются армяне и тем, что в резолюциях 874 и 884 СБ ООН «исчезло» требование безоговорочного вывода оккупирующих сил. Оно утратило безусловный характер (какой имело в резолюции 853), что равнозначно пониманию того, что вывод войск и его условия – предмет переговоров между сторонами.

Кроме того, армяне пытаются закрепить сохранение статус-кво, а требование «пакетного», всеобъемлющего урегулирования, по их мнению, позволяет затягивать вывод неопределенно долго. Они недоучли то обстоятельство, что на фоне длительного перемирия «оккупированные территории» становятся самой броской аномалией, главным раздражителем в псевдомирной обстановке как по гуманным соображениям из-за положения перемещенных лиц, так и с точки зрения общего здравого смысла.

Кстати, мне приходилось говорить армянам, что давление на них в этой связи будет возрастать. Ссылки на длительную оккупацию Израилем арабских земель тут не помогают (к тому же, например, влияние еврейского лобби в США больше армянского). Злую шутку сыграли с армянами самодовольство и самоуспокоенность, комплекс «победителей». Они недооценили, что Баку может достичь определенного успеха в прекращении внимания на зримую аномалию – оккупированные земли (с главной, но как бы полуабстрактной проблемы конфликта – статуса Нагорного Карабаха; их излишне убаюкал и фактический контроль над НК, создавая иллюзию, будто дело за малым – лишь дооформить его юридически).

4. Резолюции СБ ООН содержат **ряд других требований и призывов**, которые так и остались невыполненными:

а) «восстановить **экономические, транспортные и энергетические связи** в регионе» (853); «устранение всех препятствий для коммуникаций и транспорта» (874). С самого начала конфликта Азербайджан использовал тотальную блокаду Нагорного Карабаха и Армении, обвиняя, в свою очередь, Армению в блокаде Нахичевани. Для выполнения этих требований он ставит предварительным условием освобождение земель. Кроме того, Баку оборвал контакты с Арменией, а тем более с Нагорным Карабахом, во всех сферах;

б) ряд призывов касался **переговорного процесса**. Так как Азербайджан еще 19 мая 1992 г. отказался идти на Минскую конференцию, пока армяне не оставят Шушу и Лачин, а 6 апреля 1993 г. ушел с консультаций «минской пятерки» в Женеве из-за захвата Кельбаджара, резолюции СБ ООН предлагали «немедленно возобновить переговоры... в рамках мирного процесса Минской группы» (822), настоятельно призывали воздерживаться от любых действий, мешающих мирному разрешению конфликта, и «продолжать переговоры в рамках Минской группы, а также посредством прямых контактов» (853), призывали к скорому созыву Минской конференции (874).

Переговоры в рамках Минской группы, несмотря на сбои, были затем продолжены, а вот **прямые контакты с Нагорным Карабахом**, как раз вопреки трем резолюциям СБ, Баку, наоборот, в конце 1993 г. полностью свернул.

Противостоящей ему стороной резолюции называют «местные армянские силы» (822), «армян нагорно-карабахского района Азербайджана» (853, 884). И под прямыми контактами соответственно понимались контакты Баку–Степанакерт (там не раз упоминаются договоренности по прекращению огня при содействии России, а все они, буквально все, заключены в 1993 г. со Степанакертом – Ереван в них не участвовал).

Совсем отдельно во всех четырех резолюциях говорилось об ухудшении отношений и напряженности между Азербайджаном и Арменией. Ни в одной из них Армения не отмечалась как противоборствующая сторона (хотя это явная неточность). Ей адресовались призывы «продолжать оказывать» или «использовать свое влияние» на армян Нагорного Карабаха (853, 884). Нагорный Карабах по смыслу проходит как сторона конфликта, хотя называется – как и Азербайджан – то заинтересованной стороной, то просто стороной (853, 874, 884). Косвенно резолюции подводят к тому, что этот конфликт по конфигурации трехсторонен.

В резолюциях затронуты и другие вопросы, в том числе правовые и гуманитарные, но здесь рассмотрены лишь самые главные, определявшие выполнение или невыполнение этих решений.

В итоге приходится констатировать, что ни одно требование или призыв четырех резолюций СБ ООН сторонами конфликта не выполнены, кроме прекращения огня. Единственным достижением остается перемирие, которое держится много лет. К сожалению, и в части прекращения огня резолюции СБ ООН не всеми сторонами выполнены **своевременно и по доброй воле**. В повседневном, бытовом смысле прекращены также военные действия, но строго юридически это неверно, потому что прекращены лишь боевые действия, но стороны могут, например, производить концентрацию сил у линии соприкосновения или их переброску с одного участка затихшего фронта на другой. Тем более ничуть не прекращены враждебные акты, под которые подпадают и разного рода блокады: транспортные, энергетические, экономические.

Как итог рассмотрения проблемы выполнения карабахских резолюций СБ ООН по сторонам конфликта надо прямо сказать:

– **АЗЕРБАЙДЖАН** с самого начала, еще в 1993–94 гг. на протяжении года, упорно не выполнял самое основное требование всех четырех резолюций – прекращение огня, военных действий и враждебных актов, не желал прекращать боевые действия, продолжал ставку на силовое решение конфликта. Все это негативно повлияло и на выполнение других требований, в том числе другими сторонами. Не хочет выполнять он эти резолюции и сейчас в части прекращения враждебных актов, восстановления экономических, транспортных и энергетических связей в регионе, прямых контактов с Нагорным Карабахом, созыва Минской конференции ОБСЕ. Иначе говоря, фактически **Азербайджан не выполнил и не выполняет ни одного требования или призыва четырех резолюций СБ ООН**. Никак не вписываются в их выполнение и требования Баку к Анкаре сохранять блокаду Армении, и нынешнее бряцание оружием, регулярные призывы официальных лиц Азербайджана решить конфликт заново силой.

– **АРМЕНИЯ и НАГОРНЫЙ КАРАБАХ** продолжают не выполнять требования вывода оккупирующих сил из районов Азербайджана за пределами НК под предлогом необходимости «пакетного», всеобъемлющего урегулирования.

– **АРМЕНИЯ** мало выполняла призыв оказывать сдерживающее влияние на НК, а сейчас ошибочно подменяет НК в переговорном процессе, что опять же, но по-иному искажает реальную конфигурацию конфликта.

Невозможно считать резолюции СБ ООН по Карабаху выполненными, а позиции сторон в конфликте адекватными им. Показательно, что СБ ООН не стал больше принимать резолюций по этому конфликту, ибо их невыполнение сторонами подрывает его авторитет.

Конечно, вряд ли можно считать резолюции многолетней давности свободными от ошибок и действенными навеки. Они продиктованы реалиями того времени, но могут служить полезным ориентиром для урегулирования конфликта. Вне сомнений, Армения должна была в них считаться стороной, что четче отразило бы трехстороннюю конфигурацию конфликта. СБ ООН не осудил наемничество, которое уже тогда пустило в нем корни, а затем обрело скандальные масштабы. Есть и другие погрешности.

Сейчас, когда с той или иной целью предпринимаются попытки вновь подключить ООН к урегулированию карабахского конфликта, важно подвести итоги прежнего этапа. Нельзя закрыть глаза на прошлое – надо извлечь из него уроки.

Необходимо от руководства всех сторон в разных формах и с любых трибун **требовать твердой политической воли к урегулированию, серьезных усилий и энергичных переговоров** (вместо ложных жестов маневрирования, информационной войны и пропагандистских спектаклей). Пока их усилия явно недостаточны. Они должны согласовать основы мирного урегулирования, которые позволили бы в дальнейшем принять новую резолюцию СБ ООН в поддержку **исторического примирения между азербайджанцами и армянами**.

Международному сообществу надо поставить перед сторонами вопрос: **способны ли они признать статус Нагорного Карабаха спорной проблемой?** Всеми миру это ясно, кроме самих сторон конфликта. Как бы лихо это ни звучало, властям всех сторон еще надо пройти этот тест на реалистичность и способность перехода, наконец, к конструктивному поиску развязок. Если нет, то из-за чего конфликт, за что столько лет надо было вести переговоры? Если да, то это был бы первый шаг отхода от нынешних **ультимативных** требований, исключающих любое иное решение проблемы, кроме как **в свою пользу**, – первый шаг к **более цивилизованному решению спора**, устранению тщетных, но опасных позывов к его силовому решению и преодолению тяжелых последствий вооруженного конфликта.

Многие СМИ Армении, декабрь 2004 г.

Письмо докладчику ПАСЕ по Нагорному Карабаху Дэвиду Аткинсону

Москва, 3 декабря 2004 г.

Уважаемый господин Дэвид Аткинсон,

Вам пишет посол России **Владимир Казимиров** в связи с проектами документов ПАСЕ по **Нагорному Карабаху** (занимался

урегулированием карабахского конфликта в самый острый период войны: в 1992–96 гг. был главой посреднической миссии России, полномочным представителем Президента Российской Федерации по Нагорному Карабаху, участником и сопредседателем Минской группы ОБСЕ от России, участвовал в прекращении военных действий и продолжаю следить за Карабахом).

1. Начну с роли России, которая никак не отражена в материалах ПАСЕ. Более того, пункт 6 проекта резолюции предлагает выразить признательность сопредседателям Минской группы и личному представителю Действующего председателя ОБСЕ за их неустанные усилия, особенно **за достижение прекращения огня с 12 мая 1994 г.**

Общеизвестно, что прекращение огня в Карабахе было достигнуто **при посредничестве России**, а не ОБСЕ (до 1995 г. – СБСЕ). Россия еще не была тогда сопредседателем Минской группы (сопредседательство учреждено лишь полгода спустя – в декабре 1994 г.). Пост личного представителя Действующего председателя учрежден еще позднее. Так что ни ОБСЕ, ни Минская группа, ни личный представитель Действующего председателя ОБСЕ не причастны к **установлению** перемирия (нисколько не хочу умалять заслуг последнего в проведении с тех пор мониторинга режима прекращения огня).

Совет Безопасности ООН в своих резолюциях 874 (1993) и 884 (1993) не стеснялся отмечать посреднические усилия России, а Будапештский саммит ОБСЕ (1994) сделал это трижды, выразил признательность за **«решающий вклад Российской Федерации»**. Неужели эксперты, готовившие проекты документов для докладчика ПАСЕ, не ведают этого или, несмотря на факты, предпочли не отмечать роль России в прекращении кровопролития в Карабахе и присвоили ее ОБСЕ? Вряд ли такие неточности нужны ПАСЕ.

Этого нельзя делать и потому, что сначала в ОБСЕ пытались даже игнорировать перемирие, достигнутое Россией (Постоянный комитет ровно через неделю, 19 мая 1994 г., принял такой документ, будто ничего не произошло). Справочники ОБСЕ упорно называют прекращение огня неофициальным. Желательно писать историю поаккуратнее, достоверно.

2. Важные международные документы по карабахскому урегулированию всегда готовились на **сбалансированной** основе, чтобы облегчить сторонам выход на компромиссы. Ни один из них не был столь **односторонен** – с **креном в пользу Азербайджана**, как Ваши проекты (ни в ООН, ни в ОБСЕ – возможно, лишь в ОИК, но это объяснимо). Необходимо учитывать особую чувствительность сторон конфликта к каждой детали. Вполне уместна тут

клятва Гипократа – «не навреди» переговорному процессу, ибо каждая сторона наверняка будет использовать любой перекокс в своих интересах.

Вполне понятны уважительное отношение к Вашему предшественнику – г-ну Терри Дэвису, а также короткий срок Вашей работы над докладом. Но все же основным ориентиром должно оставаться максимальное приближение к истине, к объективной оценке конфликта, **недопущение перекосков и расхождений с ОБСЕ**, занимающейся его урегулированием, что может привести сумятицу, затруднить ее работу. А этого пока не удалось избежать.

3. Одна из главных причин, видимо, в том, что мало учтены предыстория конфликта, ход военных действий в 1992–94 гг., процесс урегулирования, отношение сторон конфликта к международным документам и миротворческим инициативам, а все это повлияло на нынешнюю напряженную ситуацию. Многие проблемы в карабахском конфликте возникли по **обоюдной** вине сторон (и этнические чистки, и оккупации, и бурный рост числа беженцев и перемещенных лиц), а в Ваших проектах вина за это фактически сдвинута лишь на армянские стороны. Мне вовсе не надо оправдывать их, но **необходима непредвзятая оценка линии всех сторон**. Тем более что как раз Азербайджан был основным носителем силового подхода к конфликту и той стороной, которая отвергала и отклоняет шаги, нацеленные на снижение напряженности.

4. Довольно опасны выборочные ссылки на основные международные документы (резолуции Совета Безопасности ООН, решения в системе ОБСЕ). Стороны охотно выхватывают из них **лишь выгодное** для себя, игнорируя все остальное и уклоняясь от выполнения своих обязательств по ним.

В проекте резолюции говорится о резолюциях СБ ООН и решениях Хельсинкской дополнительной встречи Совета министров СБСЕ от 24 марта 1992 г., но замалчивается **решение Будапештского саммита ОБСЕ от 6 декабря 1994 г. – самое высокое и наиболее обстоятельное** по переговорам. Будапешт и дополнил, и скорректировал Хельсинки. Два документа отличаются не только **уровнем**, но и **временем их принятия**. К марту 1992 г. Карабах **еще не знал таких военных действий**, как позднее. В документе Хельсинки даже нет понятия «конфликтующая сторона». Там были даны лишь контуры **проведения Минской конференции** (но Азербайджан выдвинул предварительные условия, чем блокировал ее созыв, а затем проигнорировал и все призывы СБ ООН созвать конференцию).

Будапештский саммит ОБСЕ прошел после наиболее острой, военной фазы конфликта: главы 52 государств поручили не Минской группе, а ее сопредседателям провести переговоры между

конфликтующими сторонами. На этой фазе мы и находимся – переговоры должны вестись не только между Арменией и Азербайджаном, а **между конфликтующими сторонами, включая Нагорный Карабах** (не случайно в Будапеште говорилось не об обеих, а обо **всех** сторонах – см. пункт 6 Вашего проекта резолюции).

5. В резолюциях СБ ООН и документах ОБСЕ (например, в заявлении Действующего председателя от 31 марта 1995 г. и предложениях сопредседателей Минской группы ОБСЕ в 1997–98 гг.) Нагорный Карабах то косвенно, то прямо признается стороной в конфликте (это отрицает только Азербайджан, не желающий – опять же вопреки призывам СБ ООН – входить в прямые контакты с этой стороной). В Ваших проектах резолюции и рекомендаций этот вопрос почти обойден, конфликт сведен лишь к Армении и Азербайджану – это на руку Баку. (А в пункте 18 доклада Вы верно излагаете эту проблему.) В предварительном проекте резолюции (пункт 9) правильный призыв к Баку установить контакты с представителями политических сил Нагорного Карабаха по статусу «смазан» включением в текст и азербайджанской общины Нагорного Карабаха.

Сторона конфликта – Азербайджан, а не азербайджанская община Нагорного Карабаха. Между позициями Азербайджана и азербайджанской общины Нагорного Карабаха нет различий, ее интересы отстаивает Баку. Не стоило бы использовать в ПАСЕ и азербайджанскую лексику, нарочито пренебрежительную в отношении армян Нагорного Карабаха – называть **общиной** его **основное население** (разве можно сказать «британская община Лондона», «азербайджанская община Баку», «русская община Москвы»?).

6. Проекты содержат ссылки на четыре резолюции СБ ООН, но акцент сделан лишь на требовании вывода оккупирующих сил. Остается в стороне весь комплекс требований этих резолюций, а главное – **как стороны выполняли их, насколько своевременно и полно?** Адекватно толковать эти резолюции можно лишь с учетом той обстановки, когда их принимали, и иерархии требований и призывов по смыслу. Все четыре резолюции приняты в самый разгар военных действий (апрель–ноябрь 1993 г.). Поэтому естественно, что их **главнейшим, стержневым** требованием было **прекращение огня, военных действий и враждебных актов**. Мне, как никому другому, известны факты того времени.

На протяжении этого периода и далее – до мая 1994 г., то есть более года, – **руководство Азербайджана упорно игнорировало главное требование всех четырех резолюций и продолжало ставку на силовое решение** конфликта, несколько раз нарушало прекращение огня, уклонялось от договоренностей об этом и от других миротворческих инициатив. Оно пошло на перемирие вовсе не

ради выполнения резолюций СБ ООН, а **перед угрозой полного поражения на фронте и потери власти**. Хватало проблем и с армянами, но те все же были гибче и конструктивнее. Это имеет самое прямое отношение к тяжким последствиям войны: захваты территорий, нарастание потока переселенцев **и на совести руководства Азербайджана**, а не только Армении и Нагорного Карабаха.

Резолюция 853 требовала **безоговорочного** вывода оккупирующих сил, но в последующих резолюциях 874 и 884 уже не было этого слова – не мог же СБ ООН «вознаградить» одну из сторон за срыв своих резолюций! Красноречивы формулировки резолюции 884. Нельзя не учитывать, что вывод войск стал и был в итоге **предметом переговоров** между сторонами конфликта.

7. То, что Баку **изначально** пренебрег выполнением **самого главного** требования всех резолюций СБ ООН, не могло не сказаться и на выполнении других требований, в том числе армянскими сторонами, вело к невыполнению этих резолюций в целом. Ваши проекты в основном построены на том, что армяне (те и другие) **не выведут оккупационные силы**, настаивая сразу на «пакетном» урегулировании. Это верно. Но столь же верно, что руководство Азербайджана фактически **не выполнило ни одного требования или призыва четырех резолюций СБ ООН**. Не выполняет оно и сейчас целый ряд требований и призывов. Более того, вопреки им, требует, чтобы Турция сохраняла блокаду Армении, регулярно угрожает заново решить конфликт силой, не раз отвергало меры доверия, потворствует антиармянской истерии в Азербайджане, но об этом ни слова. Баку и сейчас явно «опережает» Ереван и Степанакерт по этим негативным проявлениям, а Ваши проекты в лучшем случае ограничиваются призывами к сторонам «на равных».

8. В пункте 3 Вашего доклада отмечено, что оккупировано 8 районов Азербайджана за пределами Нагорного Карабаха. На самом деле – 7 районов (5 полностью и 2 частично). В проектах говорится лишь об оккупированных землях **Азербайджана**, но есть и **армянские** земли под азербайджанской оккупацией (например, Арцвашен или Башкенд).

9. Вызывает сомнения идея создания при ПАСЕ комитета ad-hoc по Нагорному Карабаху. Конечно, это дело ПАСЕ, но стоит ли создавать структуры, параллельные Минской группе ОБСЕ? Ведь стороны так и будут выискивать разницу в позициях двух или более структур, чтобы использовать это, по меньшей мере, в пропаганде, которая сейчас играет вредную роль по «обе стороны баррикад», мешает урегулированию.

Есть в проекте и ряд положений, не совпадающих с тем, как данные вопросы рассматривались в переговорном процессе в рам-

ках ОБСЕ. Немало замечаний и по ряду пунктов Ваших документов, но не буду входить в детали. Если потребуется, готов сообщить их конкретно по пунктам.

10. В названии Ваших проектов есть некий дубляж, подобие тавтологии. Формула «конфликт, которым занимается Минская конференция ОБСЕ» имела целью устранить спор сторон по названию конфликта (одна сторона не хотела называть его нагорно-карабахским, только армяно-азербайджанским). Если докладчик называет конфликт нагорно-карабахским, то нет нужды в том «эвфемизме». Тем более что Минской конференции не было и пока нет.

Уважаемый господин Дэвид Аткинсон,

Цель этого письма вовсе не в том, чтобы перебросить на Баку вину за нерешенность карабахского конфликта. Но ввиду крена Ваших проектов в одну сторону мне пришлось показывать, что дело не столь однозначно, намного сложнее – виноватых в нынешнем тупике больше.

Уверен, что такая авторитетная организация, как ПАСЕ, могла бы более взвешенно подойти к проблемам урегулирования конфликта в Карабахе.

С наилучшими пожеланиями,

Владимир Казимиров

Примечание: Ни одно из замечаний автора письма докладчиком не учтено; остались в докладе даже нелепости с благодарностью за прекращение огня тем, чьих должностей в то время вообще не было.

Информационное агентство «REGNUM», 11 января 2005 г.

Нагорный Карабах должен участвовать в переговорах

В карабахском урегулировании немало дополнительных, а главное, искусственных затруднений создано со стороны Баку тем, что Нагорный Карабах (НК) не признается им более стороной конфликта, всячески отдалается, отстраняется от переговоров.

НК – ядро, **сердцевина** этого конфликта, не может быть лишь его объектом. Население НК **жизненно заинтересовано** в разрешении конфликта – несравненно больше, чем остальные жители Азербайджана или Армении. Если большинство этих последних травмированы тем, что конфликт в той или иной мере затронул их

бытие, национальную гордость, престиж, чувство справедливости, то для всех жителей НК (для нынешних жителей-армян и для недавних его обитателей-азербайджанцев) это вопрос выживания в самом прямом смысле этого слова. **Статус НК является главной причиной и основной спорной проблемой этого конфликта.**

Из-за черезполосицы этносов НК – узел давних противоречий. Еще Лига Наций считала его спорной территорией. Спорным считали его РСФСР и Армения (см. соглашение между ними от 10 августа 1920 г.). В 20-е годы власти Азербайджана административной манипуляцией (создав, но затем упразднив «Красный Курдистан») перекроили районы в зоне Лачина, чтобы на 6 км отделить НКАО от Армении.

Возникшая на 70 лет оторванность преобладающего этноса НК от родственного «материка» и постоянные сдвиги демографических пропорций – не только естественным путем, но и вследствие определенной демографической политики – могли превратить НК в подобие Нахичевани или нынешнего Косово.

Карабахские армяне, составлявшие в 1989 г. $\frac{3}{4}$ населения НК, были непосредственно и массово охвачены конфликтом, включая военные действия, пропорционально намного больше, чем жители Азербайджана или армяне из Армении. Они имели свои вооруженные формирования, реально и довольно эффективно управляли ими. А это – главное в данном вопросе: **Нагорный Карабах – бесспорно конфликтующая сторона, он должен быть субъектом, участником переговоров.**

* * *

А что говорят на этот счет **история конфликта и ход его урегулирования?** Каков был прежде подход Баку к прямым контактам со Степанакертом и к участию НК в переговорах? Какое отражение данный вопрос находил в резолюциях СБ ООН, решениях и действиях ОБСЕ, в самом переговорном процессе, в практике посредников? Вот факты:

– На встрече сторон конфликта в Железноводске 23 сентября 1991 г. были представлены не только Азербайджан и Армения, но и руководство карабахских армян.

– В июле 1992 г. Минская группа СБСЕ по инициативе России шлет призыв к **трем** конфликтующим сторонам – в Баку, Ереван и **Степанакерт** – приостановить военные действия на 30 дней, а в августе – на 60 дней. Ответы ожидалось от всех трех сторон.

– 15 сентября 1992 г. (еще при А. Эльчибее и с его ведома) в Москве состоялся первый конфиденциальный контакт между полномочным представителем Азербайджанской Республики (АР)

и представителем руководства армян НК. Обе стороны пожелали периодически продолжать конфиденциальные контакты. Состоялось несколько негласных встреч при содействии России (например, 9–16 апреля 1993 г.).

– После прихода к власти Г. Алиева летом 1993 г. появились прямые контакты по телефону и факсу, продолжались и личные встречи, причем **по инициативе азербайджанской стороны**, обычно при неблагоприятных для нее делах на фронте. Сохранилась переписка Баку с карабахскими армянами (прямо или через российского посредника), как правило, на официальных бланках с конкретными адресами («Министерство обороны Нагорного Карабаха»; «Руководству Нагорного Карабаха»). Баку использовал термин «сторона» применительно к карабахским армянам в равном себе контексте, далеко не всегда настаивал на подключении Армении к подписанию документов. Разумеется, это не было признанием «НКР», но однозначно подтверждало, что Баку считает НК **противоборствующей стороной**.

– Все первые договоренности об ограничении военных действий и прекращении огня заключали именно **Баку и Степанакерт**, то есть **без участия Еревана**. Всего, как правило, при посредничестве России было достигнуто 10 таких договоренностей. [Было лишь 3 исключения, когда НК не был представлен при подписании документов: 1) политическое заявление Тер-Петросян–Мамедов в Тегеране 8 мая 1992 г. (сорвано взятием Шуши как раз **карабахскими** армянами); 2) договоренность в Алма-Ате трех мининдел о прекращении огня с 1 сентября 1992 г.; 3) организованное П. Грачевым соглашение о приостановке военных действий (Сочи, 19 сентября 1992 г.)]

– СБ ООН, не признавая государственности НКР, все же видел в ней сторону в конфликте. Прочтение четырех резолюций СБ ООН 1993 г. не оставляет в этом сомнений. В них СБ отмечал боевые действия «местных армянских сил», призывал Армению воздействовать на них, фиксируя тем самым **довольно автономную роль НК в конфликте**.

– Иногда НК занимал **отличную от Армении позицию** (не случайно поездка Л. Тер-Петросяна в Горис и Степанакерт для преодоления разногласий в июне 1993 г.). Были случаи, когда Баку и Ереван принимали предложения Минской группы, но она еще нуждалась в **согласии Степанакерта**. Этого и не требовалось бы, если бы НК не был стороной в конфликте. Ведь согласие Еревана и так имелось...

– В 1993 г. состоялся ряд **прямых двусторонних встреч представителей Баку и Степанакерта**, как открытых, так и негласных. В Москве 12–13 сентября впервые официально встретились

А. Джалилов и А. Гукасян именно в качестве представителей руководства АР и НК (и даже приняли совместное коммюнике), а 25 сентября – высшие руководители сторон, в том числе **Г. Алиев – Р. Кочарян (негласно)**. Позднее российский посредник 8 раз (!) договаривался лично с Г. Алиевым о продолжении закрытых прямых контактов Баку–Степанакерт, но тот каждый раз изыскивал предлоги и отговорки, чтобы оттянуть выполнение своего обещания. В двух последних беседах с ним Г. Алиев сам возвращался к данному вопросу, но слова не сдержал.

– Соблюдаемое много лет соглашение о прекращении огня с 12 мая 1994 г. было достигнуто при посредничестве России **между тремя сторонами в конфликте – теми, кто реально имел и задействовал в этом конфликте свои вооруженные силы**. В документе, подписанном в Баку министром обороны АР 9 мая с одобрения Г. Алиева, на том же самом уровне прямо значились должности обоих его партнеров по подписанию соглашения: министр обороны Армении и командующий армией Нагорного Карабаха.

– Переговоры по проекту соглашения о прекращении вооруженного конфликта начались при посредничестве России (Москва, 5–13 августа 1994 г.) сразу же в формате **трех конфликтующих сторон**.

– 8–9 сентября 1994 г. в Москве при содействии мининдел России состоялись переговоры высших руководителей сторон в конфликте: **двусторонние (Г. Алиев – Л. Тер-Петросян; Г. Алиев – Р. Кочарян)**, а затем **трехсторонние, с участием руководителей НК**. С кем же руководитель Азербайджана имел дело и на этот раз в лице лидеров НК, если не с конфликтующей стороной?

– Будапештский саммит ОБСЕ (5–6 декабря 1994 г.) утвердил переговорный механизм для заключения соглашения о прекращении вооруженного конфликта, поручив сопредседателям МГ переговоры **между конфликтующими сторонами**. Этот формат отличался от намеченного Советом министров СБСЕ в 1992 г. для Минской конференции (**11 государств и 2 заинтересованные стороны**). Нельзя не видеть разницы между решением от 24 марта 1992 г., которое было принято до разгара военных действий в Карабахе (в нем даже нет понятия «конфликтующая сторона»), и решением Будапештского саммита, принятым по завершении военных действий. Будапешт как бы заимствовал формат переговоров в Москве при посредничестве России, перевел их под эгиду ОБСЕ. Не случайна в Будапештском решении формулировка «все стороны» (а не «обе»). Решение саммита ОБСЕ в Будапеште принималось **при личном участии Г. Алиева и Л. Тер-Петросяна**.

– В связи с возникшими затем попытками Азербайджана оспорить конфигурацию конфликта Действующий председатель

ОБСЕ Ласло Ковач на заседании Руководящего совета (Прага, 31 марта 1995 г.), характеризуя формат переговоров по Карабаху, прямо заявил в своем резюме, что конфликтующие стороны суть два государства (АР и РА) и **еще одна конфликтующая сторона – Нагорный Карабах.**

– В соответствии с решением Будапештского саммита ОБСЕ переговоры проводились сопредседателями **между тремя сторонами в конфликте.** Это подчеркивалось даже рассадкой в зале в виде каре. (В ответ на участие делегации НК азербайджанская делегация стала позднее сажать Н. Бахманова как бы отдельно, изображая из него еще одну делегацию – азербайджанской общины НК. Сопредседатели, разумеется, никогда не признавали этого, числя его не иначе как в составе делегации АР. При всем уважении к Н. Бахманову нельзя было считать его представителем иной конфликтующей стороны.)

– На встрече глав парламентов Азербайджана, Армении, а также выборной структуры **НК в Бишкеке 4–5 мая 1994 г.** попытка изобразить Н. Бахманова не просто парламентарием, но **еще одной «стороной»** – чуть ли не парламентской структурой – приняла уже карикатурные формы. На деле он не был даже муниципальным избранником, ибо очень недолго работал в Шуше главой исполнительной власти.

– В 1997–98 гг. сопредседатели направили три известных предложения **в три адреса** и нуждались в ответах каждой из трех сторон, включая Степанакерт. Каждый читавший текст этих предложений видел, что сопредседатели прямым текстом пишут **о трех сторонах конфликта и среди них много раз прямо упоминают НК.**

Сопредседатели поныне имеют дело с **тремя** сторонами в конфликте. При поездках в регион они посещают, как правило, не только Баку и Ереван, но и **Степанакерт.** Причем, эти действия проводятся посредниками, в том числе сопредседателями, вопреки настойчивым требованиям Баку не посещать Степанакерт, не иметь дел с лидерами НК иначе, как на одном уровне с Н. Бахмановым и т.п. Помню, как Г. Алиев убеждал Е. Примакова в Баку не ездить в Степанакерт, но не преуспел. Поэтому успокоительное заявление Э. Мамедьярова о том, что сопредседатели ездят в НК с разрешения Баку, двусмысленно. Проблема в том, что Баку не хочет понять разницу между нормальной ситуацией в межгосударственных отношениях и спецификой урегулирования конфликта, когда контакты со всеми сторонами – просто аксиома посредничества. Согласие на посредничество автоматом означает «разрешение» на контакты с противостоящей стороной, и иных разрешений не требуется.

Иногда, считаясь с обстоятельствами или с чувствительностью Баку, посредники считали возможным частично пойти ему навстречу. Например, воздерживались от собственной поездки в Степанакерт, но все равно проводили встречи с руководителями НК в Ереване. Все это показывает, что, заняв нереалистическую позицию, Баку обрекает себя в данном вопросе на непонимание, изоляцию и заведомо проигрышную ситуацию. Вместе с тем это процедурная «пробка» – одно из главных препятствий к урегулированию, безусловно главная в части процедур.

* * *

Баку резко свернул прямые контакты со Степанакертом с конца 1993 г. и, путаясь в непоследовательности, в ущерб рассмотрению реальных проблем урегулирования затеял многолетнюю процедурную возню, отказывая Нагорному Карабаху в статусе стороны в конфликте и мешая его участию в переговорах. Это противоречит международной практике урегулирования конфликтов (абхазы, приднестровцы, югоосетины признаются сторонами в конфликте; известны встречи Шеварднадзе–Ардзинба, Лучинский, Воронин–Смирнов, Рахмонов–Нури, Арафат – лидеры Израиля).

Г. Алиев испытывал в этом колебания. В беседе с посредниками 9 ноября 1993 г. он говорил, что «НК – сторона конфликта, но не более того», и посредники были с ним согласны. Признание НК конфликтующей стороной имело в руководстве Азербайджана как сторонников (спикер Р. Гулиев), так и противников (мининдел Г. Гасанов). Возможно, нынешняя жесткость Баку частично объясняется как раз внутривосточными раздорами 1996 г. между Г. Алиевым и Р. Гулиевым, который в публичных заявлениях признавал НК стороной конфликта.

Упорствование Баку не имеет вразумительного обоснования, больше похоже на деспотический каприз в отношении тех, кого там считают своими согражданами. Это явно дискредитирует посулы предоставить населению НК «самую широкую автономию». Несостоятельны опасения, как бы статус стороны в конфликте не повысил шансы НК на признание государством или субъектом международного права: ни одно государство, даже Армения, не признало «НКР».

Доводы, выдвигаемые Баку в оправдание своей нынешней позиции (сначала переговоры с Арменией, а после ее «ухода» – с НК), произвольны, не имеют под собой никаких оснований в системе ОБСЕ. Не сильнее и другие «аргументы»: **конфликт, мол, с Арменией, а не с НК («агрессия Армении»); Армения и НК, мол, заодно – это нечто единое целое; азербайджанская община НК имеет те же права, что и армянская.** Это последнее не совсем

точно. Именно армянской, а не азербайджанской «общине» придавался автономный статус НКАО. непригоден и термин «община» к основному населению автономного региона.

Позиция Баку в какой-то мере имеет и «психологическое» происхождение. Отстранение НК от переговоров считается там успехом политико-дипломатических усилий, частично служит моральной компенсацией за военные неудачи. Но по сути это «пиррова победа», ибо любое соглашение потребует согласия НК.

* * *

Диалог президентов Азербайджана и Армении в 1999–2001 и в 2003–2004 гг. был **исключительным** переговорным форматом, так как президент РА Р. Кочарян по своей прежней роли как бы **представлял и НК**. Вместе с тем это было ошибкой с его стороны, переоценкой своих возможностей. Когда более 20 встреч двух президентов не дали результата, сопредседателям потребовалось оживить переговорный процесс, и они, естественно, предложили возобновить переговоры в трехстороннем формате.

По сути дела компромисс насчет **встреч замминидел АР и РА в Праге был уступкой сопредседателей капризам Баку**. Встречи на этом уровне и не были способны привести к договоренностям по существу конфликта. Фактически этой **имитацией** переговоров оба президента, да и сопредседатели избегали неприятного признания того, что в переговорном процессе налицо тупик или вакуум. Явной ошибкой со стороны сопредседателей было называть этот формат «переговорным» механизмом. Скорее, это мог быть лишь «**контактный** механизм», поскольку Азербайджан и Армения все еще не имеют нормальных дипломатических отношений. Провал этого формата с точки зрения переговорного процесса был вполне предсказуем.

Переговорный механизм определен высшей инстанцией ОБСЕ – Будапештским саммитом, главами 52 государств–участников ОБСЕ. Вряд ли сами сопредседатели правомочны перекраивать его, а тем более стороны. С тех пор иных решений на таком уровне о механизме переговоров по Карабаху не принималось. Прежние переговоры были в марте 1997 г. лишь временно приостановлены. Поэтому при их возобновлении следовало бы исходить из трехстороннего формата.

* * *

Парадокс в том, что **тактика Баку** (из чего бы там ни исходили), гипертрофируя значение процедурных вопросов явно в ущерб

существо проблем урегулирования, на деле **помогает армянским сторонам «тянуть время»**. В конечном счете, все равно **придется с участием представителей Нагорного Карабаха** проработать большинство вопросов урегулирования, ибо без учета интересов его населения оно просто недостижимо.

Проявляя **непоследовательность** в данном вопросе, Баку в одиночку цепляется за свою позицию, упорствует в своем, не в силах опровергнуть то, что все прежние контакты поддерживал с НК именно как со стороной конфликта. Это еще одно проявление упорства без надлежащей существенной и истинной мотивации. Даже Турция не оспаривает позицию сопредседателей насчет трех сторон в этом конфликте.

Следует, однако, сказать, что **сопредседатели сами недостаточно последовательных**. Постоянно озадаченные «спасением» переговорного процесса, они полагают тактически нецелесообразным заострять процедурные разногласия с Баку, что на деле уже серьезно затруднило переход к эффективным переговорам, процесс урегулирования в целом.

Информационное агентство «REGNUM», 18 января 2005 г.

Кто искал силового решения в Карабахе?

В карабахском конфликте, отличавшемся особой жесточечностью, много бед свершилось **по обоюдной вине** из-за жгучего взаимного недоверия и слепой ненависти, из-за неопытности и безответственности новоявленных властителей. Это грубейшие нарушения международного гуманитарного права и цивилизованных обычаев, обстрелы населенных пунктов, депортации или этнические чистки, захват заложников, привлечение наемников и прочее. Безгрешных сторон в этом не было, разными могли быть лишь порции.

В чем-то бывали **заметны и различия** между сторонами, а то и неоспоримое превосходство одной стороны над другой. Во благо или во зло – это другой вопрос. Один из примеров – воздушные бомбежки городов и сел (две стороны из трех просто не имели боевой авиации в зоне конфликта).

Но важнее всего коренной вопрос – и пора наконец внести в него ясность: **как каждая сторона стремилась решить вспыхнувший конфликт, силой или мирным путем?** Все уверяют, что искали мирного решения, война навязана, мол, противником. А на самом деле? Разобраться было непросто: взаимные обвинения были константой, можно сказать, ежедневной нормой конфликта.

Применю инверсию: как ни парадоксально, **начну с выводов**, чтобы читателю легче было проверить их в последующем изложении фактов и аргументов:

1) **главную ставку** руководство Азербайджана (и при А. Эльчибее, и при Г. Алиеве) делало на силовое решение, а не на переговоры;

2) Баку был **первым и неоднократным нарушителем четырех резолюций Совета Безопасности ООН**, принятых в самый разгар боевых действий (апрель-ноябрь 1993 г.): **полно и своевременно не выполнял ни одного из их требований и призывов**. Начиная с самого главного, ключевого – **немедленно прекратить огонь, военные действия и враждебные акты**;

3) Азербайджан был **основным носителем силового подхода** к решению карабахского конфликта.

Из чего это вытекает? В те годы международные посредники неплохо были информированы о шагах Баку, Еревана и Степанакерта (и в сторону мира, и в пекло войны). Руководители Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха (НК), лишив сами себя шансов договариваться и договориться напрямую (исключения единичны), поддерживали контакты через нас, посредников. Но полагаются на впечатления и оценки в период руководства посреднической миссией России или работы в Минской группе ОБСЕ (1992–96) я не мог – кто застрахован от субъективности? Однако есть «вещдоки»: документы, факты, логические доводы. Их каждый может проверить, оценить, даже оспорить (не базарными эпитетами, а весомыми контраргументами – мои оппоненты изошряются в ругани, но уж больно скупы на аргументы!).

Убежден, анализ периода войны нужен был давно. Понимаю, насколько выводы не по душе одной из сторон, но, видимо, и ей полезно извлечь уроки, чтобы не повторять ошибок. Из песни слова не выкинешь. Соккрытие или недосказанность правды о периоде, когда лилась кровь, только во вред всем.

Настойчивое апеллирование Азербайджана к тому, как важно выполнить **резолюции СБ ООН** (конечно, лишь в части вывода армяно-карабахских сил с оккупированных территорий) заставило оглянуться, посмотреть, как шло исполнение этих обязательных решений. Особенно в жизненно важном вопросе прекращения огня и военных действий – и зависела и от него осуществимость других требований. Мы всегда осуждали захваты, появление новых зон оккупации, но военные действия по самой своей сути чреватые ими. А без их прекращения вывод оккупирующих сил почти неосуществим.

Итог не выборочного, а комплексного рассмотрения всех требований и призывов четырех резолюций СБ ООН стал неутешительным.

тельным. Прекращение огня с 12 мая 1994 г. оказалось **единственным**, что хотелось бы отнести к выполненному. Все остальные требования к сторонам повисли в воздухе, не реализованы. Да и многолетнее перемирие непросто занести в актив: 1) **«немедленно»** не означало же **отсрочки на целый год** (что такое год этой войны – понятно!); 2) не все военные действия прекращены, а **лишь боевые**; 3) продолжаются враждебные акты (**блокады** и пр.). А это же было первейшее, исходное требование не одной резолюции СБ ООН, а четырех!

В 1992–94 гг. было много упущений и деструктивных актов, не давших вовремя прекратить бойню и причинивших тяжкие страдания сотням тысяч людей. Такие эпизоды отражены в **хронологии процесса мирного урегулирования в Карабахе**, которая дана в конце этой книги (см. стр. 400). Конечно, были эпизоды, где не установить, кто возобновил бои, стороны обвиняют друг друга, а нейтральных наблюдателей не было. Поэтому за основу хронологии взяты лишь **бесспорные факты**.

Из хронологии видно, что и после четырех резолюций СБ ООН Баку много раз уходил от ограничения и прекращения военных действий, срывал договоренности прекратить огонь, достигнутые при посредничестве России. Уже при всех резолюциях он 4 раза не пошел на прекращение огня (дважды в декабре 1993 г. в феврале и марте 1994 г., причем в декабре явно обманным путем). Как раз зимой 1993/94 гг. на пределе сил Азербайджан проводил самое крупное контрнаступление, принесшее гораздо больше потерь, чем успехов. То есть Баку, постоянно взывающий ныне к резолюциям СБ ООН, сам первым нарушал их главные, ключевые требования и не выполнил никаких других – буквально ни одного. Кстати, складывалась нетерпимая для Совета Безопасности ситуация – невыполнение его резолюций вело к их девальвации. С ноября 1993 г. он перестал принимать решения по Карабаху.

Могут возразить: раз перемирие достигнуто лишь спустя год после первой резолюции, в том виноваты и армянские стороны. Но те всегда **соглашались прекратить** военные действия. Вместо их приостановки Степанакерт не раз настаивал на их полном прекращении (предлагал привести график «минской девятки» в соответствие с резолюцией СБ ООН). То ли хитрее были армяне, то ли конструктивнее? Договоренностей не срывали, лишь два раза нарушили взаимодействие с посредниками (июль 1992 г., апрель 1994 г.). Конечно, они явно «замотали» вывод оккупирующих сил. Но кто дал им дурной пример, «подучил» этому – не тот ли, кто изначально нарушал резолюции СБ ООН?

Мои оппоненты прикрываются теперь прекращением огня: оно же все-таки достигнуто и держится много лет! Но как может изо-

браждать рвение выполнить резолюции СБ тот, кто в самое горячее время игнорировал их более года? К жестким условиям войны вполне применим зачет: «год за три года или пять лет». Баку пошел на перемирие вовсе не из-за стремления выполнить резолюции СБ ООН, а совсем по другим причинам: вследствие военных неудач Азербайджана и во избежание коллапса властных структур. Поэтому в отличие от ряда прежних случаев Баку на сей раз сам ратовал за прекращение огня, не выдвигал никаких предварительных условий и не ограничивал его каким-нибудь сроком.

Весной 1994 г. после игнорирования резолюций СБ ООН (от полугода до года) эффективнее их стали другие документы: Заявление Совета глав государств СНГ 15 апреля, придавшее прекращению огня наивысший приоритет; Бишкекский протокол руководителей парламентских структур Азербайджана, Армении и НК с призывом прекратить огонь к 9 мая.

Изложенное показывает, как упорно затягивался совершенно необходимый, просто неизбежный переход к мирному урегулированию. Причем это делалось **сознательно, в поисках успехов на фронте**, а не только по инерции. Под разными предложениями руководители отказывались от компромиссных инициатив посредников, встреч и переговоров, уходили от предложений и договоренностей о прекращении огня и военных действий и даже нарушали, срывали краткие перемирия, что подрывало договороспособность сторон, усугубляло и так глубокое взаимное недоверие, сразу вело в новый виток спирали боевых действий.

Из-за ложного патриотизма до сих пор никем – ни авторитетными деятелями, ни правозащитными организациями (даже международными) – ни в прямой, ни в косвенной форме **не поставлен вопрос об ответственности тогдашних руководителей (хотя бы моральной)** за тяжкие деструктивные действия, не давшие вовремя остановить кровопролитие. Трезвый углубленный анализ событий тех лет по-прежнему недоступен общественному сознанию (а это крайне важно на будущее). Кое-кто и поныне эксплуатирует легковерие и забывчивость людей, оболванивает их пропагандой в «холодной» войне (информационной, а нередко прямо-таки дезинформационной), примитивно нагнетает неприязнь к другому народу вплоть до ненависти.

Все издержки и потери войны давно переброшены на противостоящую сторону, объясняются злодейскими планами и действиями противника, хотя не все столь однозначно. **Замазываются просчеты собственного руководства**, регулярно пренебрегавшего шансами прекратить кровопролитие, что имело **тягчайшие последствия**: продолжение, затягивание и даже эскалацию войны; новые тысячи жертв; захват и разорение территорий, расползание окку-

пации; нарастание потоков беженцев и перемещенных лиц. Обратите внимание, как охотно делают акцент на оккупацию и бедственное положение этих людей, но ни гугу о том, **как же все это произошло и кто же из своих в этом виноват.**

Мне уже доводилось писать, что оккупация – злокачественная опухоль войны, продукт ее жестокой логики. Ни оправдывать, ни вырывать ее из общего контекста, из причинно-следственных связей нельзя. Многие видят в ней причину бедствий, а если копнуть поглубже, то она как раз следствие. **Первопричина – в неспособности руководства** отречься от иллюзий победы, остановить войну и сесть всерьез за стол переговоров.

Против моих статей вознегодовал ряд азербайджанских журналистов или те, кто стоит за ними. Укоряют в необъективности, аж объявляют бесплатным адвокатом армян (вместо обесчуженный всерьез). Шкала замеров у них одна: антиармянское или проармянское. И ринутся уверять, будто это и есть синонимы правды и лжи. Когда писал я в СМИ о том, что не нравится армянам (например, что «пакет» недостижим, что формула «территории за статус» имеет силовую основу, что нечего оккупированные территории величать «освобожденными» и т.п.), некоторым бакинцам, видимо, было невдомек, что так искусно маскируется ужасный армянский агент, но теперь наконец-то прозрели!

Одна из главных причин неудач азербайджанского руководства – **максималистские установки** (присущие и армянам) и **явная переоценка своих военных и политико-дипломатических возможностей**, несмотря на ряд очевидных слабостей. Баку останавливал бои лишь для выигрыша времени, передышки, перегруппировки сил (один раз для президентских выборов 3 октября 1993 г.). Ставку на силу оправдать невозможно, но какое-то объяснение ее происхождения есть: нестабильность обстановки в новом государстве, в немалой мере из-за конфликта в Карабахе. Становление государственности, не имевшей давних традиций, шло болезненно, в конвульсиях, при угаре в головах лиц, пришедших во власть без политического и управленческого опыта.

Еще одна причина – **радикализм, неопытность бакинской дипломатии**, наивно полагавшей, что крутыми разворотами на переговорах можно реально сдвинуть позиции сторон на фронте. Ее реакция на предложение бывала непродуманной, редко когда конструктивной (блокирование созыва Минской конференции СБСЕ, отказы от встреч президентов и министров иностранных дел в Москве и Париже, от продолжения консультаций в Женеве и т.п.). То, что Баку не отвечал либо затягивал ответы на инициативы посредников, лихо отклонял их, избегал прекращения огня, даже срывал его, позволяло армянам выгоднее выглядеть на между-

народной арене. Осуждая расширение военных действий и захваты армян, посредники вместе с тем признавали их сравнительную гибкость на переговорах (Ереван был гибче Степанакерта, а тем более Баку).

Это тоже имеет некоторые объяснения. Военные действия проходили вначале с переменным успехом, но армянам удалось установить и в основном удержать контроль над НК. Взятие Шуши и Лачина и отражение успешного наступления азербайджанцев летом 1992 г. позволили армянам избежать поражения и постепенно превозмочь относительное равновесие сил.

Шуша и Лачин стали глубокими психологическими «зано-зами» для Баку. Войска и дипломатия Азербайджана оказались приговоренными к роли постоянно «отыгрывающихся». Шуша не только колыбель вековой культуры – от нее было легко обстреливать Степанакерт, а Лачин 7 десятилетий был задвижкой между Арменией и НК. Требуя ухода армян из Лачина и Шуши, команда Эльчибея нерасчетливо сорвала Минскую конференцию СБСЕ. Когда не удавалось навязать предварительным условием их уход оттуда, Баку не шел на прекращение огня либо шел лишь на приостановку боевых действий. Когда забрезжила возможность вернуть Кельбаджар мирным путем, Баку захотелось достичь этого не под их прекращение, а лишь под их приостановку, чтобы потом возобновить бои за Лачин и Шушу. Но посредникам, а главное народам нужна необратимость мирного процесса.

Пока армяне на переговорах еще обещали не удерживать захваченных земель и намечался график вывода их сил, мининдел АР Г. Гасанов сразу добивался включения в него **вывода из Лачина и Шуши**. Г. Алиев был реалистичнее: хотел лишь обозначить эти проблемы на будущее, но Гасанов упорствовал в максимализме, вынуждая армян выдвигать в ответ проблему Шаумяна. (Помню тщетность своих попыток переубедить руководство Азербайджана с помощью формулы $6+2<8$: сначала вернуть 6 районов, а потом перейти к переговорам по Лачину и Шуше с учетом их специфики; суммарно это быстрее и продуктивнее, чем требовать сразу 8 районов.)

Минуло столько лет – не возвращен ни один район. Не зря ли азербайджанцы отвергли формулу $6+2<8$? Тогда гибкость была доступнее армянам, чем стала позже. Реализуйся эта схема, ситуация была бы никак не хуже нынешнего тушика: возвращались бы переселенцы, шло бы снижение напряженности, постепенная нормализация ситуации. Если и поныне велись бы переговоры по Лачину, Шуше и Шаумяну, по политическому статусу НК, обстановке и для людей, и для обоих государств была бы гораздо устойчивей. Вот как подводят лихие замахы радикалов: «все или ничего», «все и сразу!»

Возвращаясь к нашим дням, по-прежнему убежден, что реалистичнее других **многоэтапное урегулирование и формула «территории за безопасность»**. Принять «в пакете» тот статус НК, которого хотят армяне, Баку не сможет – надо оставить это до лучших времен. На первых же этапах надо начать освобождение районов за пределами НК в обмен на встречные уступки, прежде всего – его безопасность. Но прежде – внести ясность в ряд вопросов.

Возврат территорий требует, прежде всего, кардинального **обеспечения невозможности возобновления военных действий** (на переговорах в 90-е годы шла речь о серии гарантий, в частности о глубокой демилитаризации освобождаемых районов на весь период до определения и осуществления статуса НК). Если кто-то строит планы сделать возвращаемые районы плацдармом для возобновления боевых действий, это еще одна наивность. Освобождение состоится лишь при системе гарантий с широким международным компонентом.

Поэтому **контрпродуктивны «страшилки»** решить конфликт любым путем (прямо-таки преемственность поколений – будто в Баку ищут те же грабли). Есть путь к выводу войск куда короче – прямо противоположный! Это серьезные обязательства сторон решать все спорные проблемы, включая статус НК, исключительно мирными средствами. Тогда была бы ни к чему и «зона безопасности». Армяне утратили бы предлог для сохранения нынешней линии соприкосновения.

Сам Нагорный Карабах – особая статья. Требовать ухода войск оттуда можно лишь вместе с коренным населением. Настойчивость Ильхама Алиева в этом воспринимается лишь как чисто запросная позиция. Если стороны всерьез ищут мирное решение, пора им перестать кричать о НК «мое, мое!» («халва, халва!» – во рту не слаще). Им надо трезво и спокойно **признать Нагорный Карабах и субъектом, и объектом спора**. По сути это признает весь мир, и уже давно. Признают все, кроме самих участников тяжбы! Из-за этого пролито немало крови, стороны бьются на всех перекрестках, а признать спором, видите ли, неспособны... Это был бы первый шаг к цивилизованному решению, будь то за столом переговоров или путем волеизъявления народа, начало успокоения нарочито взвинченных страстей.

Есть еще один вопрос, пока незаметный. Начнут согласование вывода войск – но на какую линию их отводить? Для военных рубежей прежние границы НКАО совершенно непригодны, а лет на 10–20 эти рубежи еще нужны. Придется спрямлять линию, искать новую, а **без Степанакерта это не решить**. Затягивать с этим – значит задерживать вывод войск. Пора и сторонам, и посредникам положить конец спору о круге участников переговоров. Тем

более что решения Будапештского саммита ОБСЕ (1994) никто не отменял.

Проблем, ждущих согласования между сторонами, еще так много, что никак не получается трубить об успехах. На фоне проблем их ничтожно мало.

Еще несколько слов **об использовании хронологии в конце этой книги**. Для перепроверки моих выводов, вынесенных в начало этого материала, стоило бы в хронологии прежде всего обратить внимание на срывы прекращений огня, на уход сторон от предложений прекратить огонь или ограничить военные действия, на уклонение от миротворческих инициатив посредников.

Облегчить эту нелегкую работу, требующую немало внимания и терпения, мог бы такой краткий «путеводитель» по этой хронологии:

Срывы и нарушения прекращения огня имели место:

после 25 сентября 1992 г.,

17 августа 1993 г.,

10–12 и **21 октября 1993 г.,**

17 декабря 1993 г.,

1 марта 1994 г. (выделенное – однозначно по вине Азербайджана).

Еще чаще стороны конфликта **уходили от прекращения огня и военных действий** под разными предлогами, нередко при помощи выдвижения предварительных условий: 3 июля, 5 и 27–28 августа, 11 и 16–17 сентября, 7–9 декабря 1992 г., 1 марта, 8 и 24 апреля, 28 августа, 21 и 30 декабря 1993 г., 27 января, 5 и 18 февраля, 15 и 26–28 апреля 1994 г.

Уклонялись они и **от других миротворческих инициатив**: 19 мая и 12 июня 1992 г., 8 января, 6, 11 и 16 апреля, 25 июня, 1 и 24–25 сентября, 29 октября, 19 ноября 1993 г., 27 января и 1 декабря 1994 г.

Конечно, этот «путеводитель» не исчерпывает всех случаев пренебрежения шансами остановить кровопролитие, уйти с поля боя к столу переговоров для решения спорных проблем. Но и этого вполне достаточно, чтобы не ошибиться в выводах насчет того, **кто искал силового решения в Карабахе**.

Даже если смягчить эту формулировку, **общий баланс упущенных возможностей покончить с кровопролитием явно «в пользу» руководства Азербайджана**: целый ряд нарушений, сорвавших прекращение огня, уклонения от договоренностей об этом, множество затяжек, увиливаний и прочих деструктивных шагов. Только в период действия резолюций СБ ООН четыре прямых срыва и еще больше уходов от прекращения войны!

В хронологии **охвачены все основные инициативы России и Минской группы**, прямо нацеленные на прекращение боев. Нет речи лишь о «графиках» Минской группы, где эта главная мера не на главном месте (к тому же стороны попеременно то принимали, то отклоняли графики). Можно продолжить перечень упущенных шансов мирного урегулирования и после мая 1994 г., но общей картины это никак не изменило бы.

*«Новое время» (Ереван), 31 марта 2005 г.
«Эхо» (Баку), 2 апреля 2005 г.*

Открытое письмо Действующему председателю ОБСЕ Димитрию Рупелю

Ереван, 29 марта 2005 г.

Уважаемый господин Действующий председатель,

Прежде всего, хотелось бы приветствовать Вашу поездку в спокойный регион южных хребтов и предгорий Кавказа, Ваше стремление, насколько я понимаю, в частности, придать новый импульс урегулированию здесь застарелых конфликтов, включая нагорно-карабахский.

Оказавшись в Ереване в самый канун Ваших визитов в Армению и Азербайджан, один из первых сопредседателей Минской группы ОБСЕ Казимиров В.Н. (посол России в отставке) хотел бы высказать озабоченность застоєм в карабахском урегулировании и ряд соображений в поисках его разблокирования.

1. ОБСЕ активно занимается этим уже много лет, а оба народа не ощущают пока конкретных результатов, кроме сохранения прекращения огня с мая 1994 г. Было принято немало решений и Советом Безопасности ООН, и по линии ОБСЕ, но они во многом остаются на бумаге. Невыполнение вовремя резолюций СБ ООН и ставка на силовое решение конфликта привели к нынешним аномалиям в этой зоне, а также к деформации переговорного процесса и его пробуксовкам. Одной из сторон блокирован созыв Минской конференции ОБСЕ. Как стороны конфликта, так и структуры ОБСЕ далековато отошли от самого обстоятельного решения по Карабаху, принятого в 1994 г. Будапештским саммитом (при личном участии президентов Азербайджана и Армении). Это решение никогда не отменялось и не пересматривалось, на его основе принят мандат сопредседателей Минской группы ОБСЕ.

Общеизвестно, что им поручено скорейшее проведение переговоров между сторонами конфликта, а их три. Эпизодические встречи министров иностранных дел, а еще реже президентов двух государств трудно даже назвать переговорами. В них возникали и длительные паузы, и откаты от проговоренных схем. Теперь изредка идут консультации в поисках (заново!) первых точек соприкосновения. Надвигаются новые паузы из-за выборов. Словом, нынешняя имитация переговорного процесса, когда он еле-еле выживает, не соответствует ни решению ОБСЕ в Будапеште, ни значимости урегулирования в Карабахе для обоих народов и всего региона, ни ожиданиям бедствующих от этого миллионов людей.

2. Думается, что усилия других международных организаций в карабахских делах не должны касаться существа спорных вопросов, подлежащих обсуждению при возобновлении регулярных переговоров в рамках ОБСЕ, а идти на создание им более благоприятной обстановки: ориентировать стороны на цивилизованные средства решения спорных проблем, даже требовать этого; поддерживать подлинно демократические начала и т.п.

Полагаю, что и сопредседатели могли бы не ограничивать себя «обслуживанием» редких двусторонних встреч – важно направлять дискуссии к реалистическому руслу взаимных компромиссов, отклоняя максималистские запросы сторон и доводы, будто те дошли до предела уступок, – это вовсе не так. Они могли бы также предложить сторонам (гласно или негласно) признать Нагорный Карабах, его статус причиной и основной спорной проблемой конфликта, которая должна быть устранена, как и его тяжкие последствия. Нельзя переключать внимание с общеизвестного ядра конфликта на производные вопросы. Признать суть спора – первый шаг к цивилизованному решению.

3. Странное впечатление производят периодически возникающие серии вооруженных инцидентов на линии соприкосновения сил сторон в Карабахе, особенно их усердная раскрутка в пропаганде для нагнетания напряженности. Это тем более странно, что 6 февраля 1995 г. обрело силу соглашение об урегулировании инцидентов, официально подписанное по инициативе сопредседателей Минской группы ОБСЕ (тогда – Россия и Швеция) военачальниками Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха по поручению первых лиц всех трех сторон. Оно определяет порядок их взаимодействия в этих целях, в том числе меры против смакования инцидентов в пропаганде. Увы, оно просто «забыто» и сторонами, и в ОБСЕ. Уважают ли стороны собственные подписи? Зачем иначе искать соглашений между ними? Молчит на этот счет и ОБСЕ, хотя в ее багаже это единственное соглашение, подписанное всеми сторонами.

4. Налицо систематическая воинственная кампания, прямые угрозы силового реванша, регулярно исторгаемые из самых высоких официальных уст под девизом «любой ценой». Правда, никак не отважатся хотя бы приблизительно обозначить народу эту «цену» в масштабах новых бедствий, в тысячах человеческих жизней, в десятках или сотнях тысяч новых вынужденных переселенцев. Как бы ни объяснять это нуждами внутренней политики, как бы не утешаться тем, что это риторика, а пока не реальное дело, вред от этой кампании очевиден и многопланов.

Не маловато ли уже косвенных намеков в пользу мирного решения – не пора ли обратить на это больше внимания? Конечно, угрозу миру определяет Совет Безопасности ООН, а не ОБСЕ. Но стоит ли ждать реальной угрозы? Ведь все это явно идет вразрез с усилиями ОБСЕ по мирному политическому урегулированию конфликта, ожиданиями международного сообщества и прямыми обязательствами государств–членов общеевропейской организации не прибегать к силе и **угрозам силой**.

Словения в первый период Вашего пребывания на посту ее министра иностранных дел счастливо избежала вооруженных конфликтов в бывшей Югославии. Очень важно участникам конфликта в Карабахе убедиться в том, что любые издержки разумного мирного урегулирования, действительно неизбежные – как бы они ни удручали на первый взгляд – не идут ни в какое сравнение с тяжкими издержками войны; более того, с лихвой окупятся благами успокоения страстей, прочного мира, а далее и сотрудничества соседних народов.

Позвольте пожелать Вам, господин Действующий председатель, успешной, плодотворной поездки в эти страны.

Владимир Казимиров

Информационное агентство «REGNUM», 23 ноября 2005 г.

Народной дипломатии – второе дыхание!

Открытое письмо

азербайджанским и армянским общественным организациям

Более десятилетия назад при содействии России остановлено массовое кровопролитие в Карабахе. Ожесточенный конфликт завис в ущербной фазе «ни войны, ни мира», что наносит немалый урон обоим народам, тормозит социально-экономическое и демо-

кратическое развитие государств. Это самая болезненная проблема для всех сторон конфликта. Эпизодические встречи руководителей Азербайджана и Армении еще не дали ощутимых плодов народам.

Наконец, почти позади в этих странах мешавшие урегулированию выборные страсти и конвульсии, но остается главное препятствие – чрезмерно жесткие позиции сторон. Прошедших 11 лет более чем достаточно для проведения целеустремленных, серьезных переговоров. Люди вправе спросить – где же результат?

2006 год становится теперь моментом истины! Оба народа еще не одолели дурман неумных лжепатриотических запросов, хотя нерешенность конфликта наносит им больше ущерба, чем эвентуальные взаимные уступки (абсолютно неизбежные – соглашений без них вообще не бывает). Но нет прока в констатациях, что общество не готово к уступкам. Полезнее разобраться, а готовят ли его, кто и как? Правящие круги? Они дорожат властью. Политические партии? Те нередко лишь ловят конъюнктуру и оглядываются на общественное мнение, а не ведут его.

Чтобы прекратить бои в 1994 г., сторонам конфликта нужны были «партии мира», а сейчас острая нужда **в партиях реализма и гибкости**. Участники общественных организаций, «народной дипломатии» не цепляются за кресла. Это подвижники – люди озабоченные, дальновидные, инициативные. Они не ждут перемен к лучшему, а всемерно приближают их. Без их трезвой благотворной роли труднее выйти на разумные подвижки в позициях.

Лишь они могут сказать: все равно азербайджанцам и армянам придется веками жить если не вместе, то совсем рядом, и лучше в добрососедской среде, чем враждебной. Разъяснительной работой они помогут руководителям раздвинуть поле для политического маневра и сбалансированных уступок. При жесткости официальных позиций и разрыве контактов возрождать общение, смягчать климат, ставить «неподъемные» вопросы можно только через НПО.

Давно пора признать **судьбу Нагорного Карабаха основной причиной конфликта и главной спорной проблемой**. Это общеизвестно и неопровержимо. Признание этого всеми сторонами было бы не только данью реализму, но и первым шагом к поиску взаимных уступок, цивилизованному, мирному решению проблем. Нет сейчас и других сил, способных призвать к стратегической цели – **историческому примирению двух народов**. Лидеры пока никак не могут этого, а народам иной нормальной перспективы и не дано.

Народная дипломатия по своей природе не в ладах с напряженностью, оккупацией, гонкой вооружений, силовыми атавизмами.

Ставка на силу в отношениях между народами изначально порочна, но ныне она все опрометчивее и опаснее.

На Земле – другой век с иными ценностями: **демократия, терпимость, контакты, гибкость, компромиссы**. Спор по НК должен перейти с поля боя к столу переговоров или к прозрачным урнам. На войне ценили твердость, а теперь полезнее гибкость, но пока она в дефиците. Компромисс – шагок к цивилизованности, учет законных прав и интересов, но вовсе не только своих.

Международное сообщество, ООН, ОБСЕ, СНГ, все здравомыслящие люди – за установление и расширение контактов между азербайджанцами и армянами. Иной подход не имеет будущего. Наперекор помехам, полезны самые различные формы общения НПО, включая встречи за рубежом и, конечно, в России, порой при содействии азербайджанской и армянской диаспор.

Давние пробуксовки нагорно-карабахского урегулирования однозначно требуют возрождения и нарастающей активности народной дипломатии. Необходимо сложением усилий придать ей в 2006 году «второе дыхание», чтобы облегчить наконец выход на конкретные соглашения!

Посол Владимир Казимиров,
(в 1992–96 гг. глава посреднической миссии России,
представитель Президента России по Нагорному Карабаху,
участник установления перемирия 12 мая 1994 г.;
зам. председателя Совета Ассоциации российских дипломатов)

Информационное агентство «REGNUM», 28 декабря 2005 г.

Народную дипломатию – на поводок!

Продолжается дискуссия по моему открытому письму (распространено ИА «REGNUM» 23 ноября 2005 г.) с призывом к азербайджанским и армянским общественным организациям активизироваться к 2006 году, который станет «моментом истины» в карабахском урегулировании. Более того, вольно или невольно разговор выводят даже на более широкую тему: роль гражданского общества в столь злободневном для азербайджанцев и армян вопросе – преодолении давней пробуксовки разрешения этого конфликта.

Обращение, казалось бы, не касалось официальных властей, не требовало реакции с их стороны. Однако бакинские СМИ привели весьма любопытные заявления Араза Азимова, заместителя министра иностранных дел Азербайджана, о роли народной дип-

ломатии. 17 декабря 2005 г. в отчете о его пресс-конференции говорилось:

«Выражая свое отношение к призыву бывшего российского сопредседателя Минской группы ОБСЕ Владимира Казимирова “Народной дипломатии – второе дыхание!”, А. Азимов сказал, что в свое время этому дипломату было предоставлено достаточно возможностей для выдвижения инициатив, и порекомендовал искать другие сферы для деятельности. Тем не менее, замминистра подчеркнул неоспоримую роль народной дипломатии в разрешении конфликтов: “Но народная дипломатия может играть только поддерживающую роль. На определенном этапе ее можно использовать в необходимой форме”».

Некоторые выпады не нуждаются в реагировании (даже когда есть что ответить). Г-н Азимов не вправе забыть наши инициативы 1992–96 годов. Дам наглядные примеры. Прекращения огня, достигнутые тогда при посредничестве России, сохранили немало жизней, но эти договоренности не раз срывала одна из сторон (догадайтесь какая). В мае 1994 г. ни одна сторона не смогла уйти от предложения Москвы о перемирии, которое держится уже более 11 лет. Напомню еще о соглашении от 6 февраля 1995 г. об укреплении режима прекращения огня путем урегулирования инцидентов на линии соприкосновения, где часто гибнут и азербайджанцы, и армяне. Что же столько лет мешало г-ну Азимову подсказать министру обороны, что международные соглашения все же надо выполнять? Ведь тот не знает этого.

Но подобные наскоки лучше игнорировать: ведь к ним и прибегают для отвлечения внимания от сути дела. Рассмотрим существо суждений А. Азимова о роли народной дипломатии. Вчитайтесь в его слова (выделены мной): «НО народная дипломатия МОЖЕТ играть ТОЛЬКО ПОДДЕРЖИВАЮЩУЮ роль. На ОПРЕДЕЛЕННОМ этапе ее МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ в НЕОБХОДИМОЙ форме». Ну и ну! Роль вроде бы неоспорима, а чуть ли не каждое слово (начиная с «но») как раз оспаривает или ограничивает ее!

Неужели народная дипломатия должна **лишь поддерживать** действия властей? Верные, конечно, заслуживают поддержки. Но стоит ли одобрять невыполнение соглашения по инцидентам, ведущее к гибели многих солдат и мирных жителей? А может ли народная дипломатия играть **инициативную** роль? Или подсказывать властям, **как скорректировать** их шаги?

В словах Азимова об использовании (властями) народной дипломатии – «административный восторг»: может, используем ее, а может, и нет. Причем лишь на определенном этапе – когда власть решит и даст команду. И только в необходимой форме.

Иначе говоря, г-н Азимов по всем статьям **отказывает народной дипломатии в самостоятельности и активности.**

Налицо явное недопонимание роли НПО и в целом гражданского общества в современном развитии. Не будем корить за это одного Азимова. Многие выросли в условиях административно-командной системы, не изжили ее следы. Ясно, что это прямая установка нынешней власти. Даже в столь важном для народа вопросе и при натужном устремлении в Европу.

И все же фразы А. Азимова – довольно неуклюжий, но вынужденный шажок властей вперед после панического отклика на мой призыв, вернее – окрика «провокация!» Нужен менталитет, повернутый в прошлое, чтобы считать предателями, врагами народа тех, кто открыт к контактам с армянами, пытается посадить народную дипломатию, едва зарождающееся гражданское общество на поводок (а вдруг потребуются скомандовать «фас!»). Так норвежцы обуздать общественность Азербайджана.

Представители азербайджанских и армянских НПО восприняли призыв с пониманием. Мой ответ некоторым армянским оппонентам-скептикам был опубликован в России, Армении, Нагорном Карабахе и Азербайджане. Представитель одной азербайджанской НПО абсолютно верно написал: «Если мирный договор в какой-то форме и будет подписан, то нет никакой уверенности, что будет надежный мир... Политические реалии таковы, что без народной дипломатии процесс пойдет в тупик. Время не ждет».

Считайте, что уже 2006 год. И уже третье тысячелетие!

Информационное агентство «REGNUM», 8 января 2006 г.

Подписать – поддела. Выполнить!

2006 год уже заполнен надеждами на прогресс, а то и прорыв в разрешении нагорно-карабахского конфликта. Опыт многих лет перемирия, тягостный деформированный переговорный процесс с целой серией пауз, жесткость позиций и даже явных запросов сторон конфликта предостерегают: достичь за год решающих соглашений непросто, почти невозможно. Хотя рад бы был ошибиться в своем скептицизме.

Какова договороспособность сторон конфликта? Помимо кратких, но вполне оформленных договоренностей о приостановке военных действий или прекращении огня, которые не раз срывались, **за 20 лет противоборства и противостояния достигнуто лишь три соглашения:**

– 19 сентября 1992 г. в Сочи министры обороны Азербайджана и Армении с подачи министра обороны России подписали согла-

шение о приостановке военных действий на 60 дней (сорвано через две недели);

– в целом соблюдается лишь одно из трех: бессрочное соглашение о прекращении огня с 12 мая 1994 г. (подписано при посредничестве МИД России министрами обороны АР и РА и командующим армией Нагорного Карабаха по указаниям высших руководителей сторон);

– с 6 февраля 1995 г. тоже бессрочно действуют обязательства сторон по соглашению об укреплении режима прекращения огня (подписаны теми же тремя лицами по указанию своих высших руководителей при посредничестве сопредседателей Минской группы ОБСЕ – России и Швеции). Действуют лишь формально – на деле давно не выполняются.

Как видите, хвалиться нечем. Единственное реальное достижение – перемирие и его сохранение. Несмотря на многолетние усилия посредников, стороны не проявили способности идти навстречу друг другу, находить развязки и договоренности. К тому же столь желанное, почти недостижимое подписание соглашений – всего лишь полдела: ведь надо добиться их неукоснительного выполнения, не допустить сбоев и откатов, чреватых новыми катаклизмами.

А вот склонность к срыву или невыполнению даже оформленных документов необычайно высока. Наиболее показательна в этом судьба третьего из упомянутых соглашений – об урегулировании инцидентов.

Посредники понимали, как сложно соблюдать прекращение огня в Карабахе без обычно принимаемых мер (без развода сил от линии соприкосновения и создания широкой разделительной полосы – кое-где лишь сотни метров разделяли позиции сил сторон; без отвода в глубину тяжелого вооружения; без использования международных наблюдателей или нейтральных сил разведения). Тут инциденты почти неизбежны, и совершенно необходим четкий механизм взаимодействия, чтобы не допустить их эскалации, как можно скорее загасить их.

Документ укреплял режим прекращения огня тем, что определял порядок действий сторон при возникновении инцидента, их оперативные контакты между собой и с посредниками, чтобы локализовать аномалию, не дать ей разрастись, не допустить роста взаимного недоверия, а тем более раскрутки в пропаганде для разжигания ненависти.

Каждая сторона конфликта обязывалась немедленно и точно сообщить другой в письменном виде место, время, характер инцидента и его последствия. Другая сторона, расследовав данный факт или версию, должна была не позже, чем через 6 часов, дать ответ,

сообщив и о принятых ею мерах по преодолению осложнений и восстановлению статус-кво-анте. Копии своих сообщений стороны сразу же направляли бы посредникам, чтобы те могли быстро подключиться к делу.

Для облегчения прямых контактов стороны тогда же обменялись номерами аппаратов специальной связи политического и военного руководства, где обеспечивалось круглосуточное дежурство.

На первый взгляд, все это касалось военно-технических дел, но в данных условиях перемирия обретало и политическую важность. Поэтому все положения документа были проработаны с высшими руководителями сторон – Г. Алиевым, Л. Тер-Петросяном и Р. Кочаряном. 3 февраля им и были представлены тексты документа (на русском языке мной, на английском – шведом А. Бьюрнером). Нашей целью было зафиксировать таким образом, что высшие военачальники ставят свои подписи по поручениям первых лиц. 4 февраля обязательства были подписаны, а 6 февраля вступили в силу.

Жизнь подтвердила острую потребность в выполнении такого соглашения. На линии соприкосновения гибнет немало военно-служащих и мирных жителей. Иногда инциденты происходят сериями, сыплется град взаимных обвинений, ситуация опасно накаляется. Недавно личный представитель Действующего председателя ОБСЕ А. Каспржик, проводящий дважды в месяц мониторинг на этой линии, отметил, что число убитых и раненых за 2005 год возросло. То есть стороны несут немало потерь, но обязательств не выполняют. Инциденты иногда даже нужны для поддержания или взвинчивания напряженности, разжигания враждебности.

Вся эта история стала почти детективной. Посол Каспржик, проводя мониторинги с 1997 г., лишь летом 2003 г. не без удивления узнает об этом документе из моей заметки «Посредники – не “няньки!”» в бакинской газете «Эхо». Запрашивает меня, впервые знакомится с его текстом. Тогда я специально напоминаю об этом соглашении в прессе всех сторон конфликта, публикуется его текст. Реакции никакой.

На парламентских слушаниях в Ереване в марте 2005 г. с участием министра обороны Армении С. Саркисяна (он и подписывал документ) отмечаю, что, несмотря на массу инцидентов, обязательства не выполняются. Саркисян публично отвечает, что армянская сторона готова вернуться к их выполнению, если азербайджанская сторона поступит так же. Внимательно следя за слушаниями, в Баку не могут не уловить слов армянского министра, но молчат.

Узнав, что руководство Нагорного Карабаха (А. Гукасян, С. Оганян) стоит на той же позиции, в апреле оглашаю ее в прессе.

В конце 2005 г. и Ереван, и Степанакерт подтверждают ее. Еще раз сообщая об этом в СМИ, в том числе в Азербайджане. Баку и этого не слышит.

Прекрасно сознаю, что мой давний знакомый министр обороны АР С. Абиев не обязан реагировать на публикации бывшего сопредседателя МГ ОБСЕ, ныне посла в отставке, частного лица. Но ведь есть заявление министра обороны Армении. Есть и свое общество, которое вправе знать, почему игнорируют документ, одобренный лично «общенациональным лидером» Азербайджана. Есть раненые и родственники погибших из-за невыполнения соглашения сторонами. Есть МИД, который призван следить за выполнением международных документов. Полагаю, что каждому государству небезразлична его репутация, молодому тем более.

Поражает безответственный подход к выполнению принятых обязательств. Будто не волнует, что люди гибнут, атмосфера накаляется. Более того, настойчивое выдвижение азербайджанских позиций умножает вспышки инцидентов, еще больше обостряет обстановку.

Характерно также другое: ни одна сторона не отказывалась от своих обязательств, не требовала доработки соглашения. Но и не обвиняла другую в его невыполнении! Все стороны в основном молчат. Дефицит политической воли? Непонимание новообразованными администрациями важности выполнения обязательств? Предпочтение продолжению своей пропагандистской войны? Может, документ негоден Баку помехами выдвижению позиций? Или тем, что подписан также третьей стороной конфликта – Нагорным Карабахом?

Еще загадочнее безразличие к этому со стороны ОБСЕ, занятой карабахским урегулированием уже столько лет. Тем более что в ее активе нет иных соглашений или достижений по этому конфликту. По случаю поездки Действующего председателя ОБСЕ мининдел Словении Д. Рупеля в Ереван и Баку (март 2005 г.) шлю ему открытое письмо, где делаю акцент на проблеме инцидентов и пренебрежении сторон к своим обязательствам. Пишу ему: «Молчит на этот счет и ОБСЕ, хотя в ее багаже это единственное соглашение, подписанное всеми сторонами». Не озаботились этим ни Действующий председатель, ни генеральный секретарь, ни Постоянный совет ОБСЕ. Лишь сопредседатели Минской группы ОБСЕ на встрече в Лондоне в начале 2005 г. слегка напомнили сторонам об этих их обязательствах.

Еще один штрих. Предложил своему шведскому партнеру – послу А. Бьюрнеру совместно как двум бывшим сопредседателям обозначить эту проблему структурам ОБСЕ и сторонам. Для надежности даже продублировал это послание в Швецию по трем

каналам. Ответа не было ни по одному. Это тоже говорит о том, как дороги интересы двух народов и урегулирования в Карабахе представителям Евросоюза или западных демократий. Подписано – и с плеч долой!

Весь этот сюжет показывает, много ли значат высокие подписи под документами в данном конфликте. О срывах других обязательств, например по прекращению огня, писал уже не раз.

Вот и весь сказ о способности сторон заключать и выполнять соглашения, а ОБСЕ – привести к миру в Карабахе. Перед подписанием любого соглашения представителя каждой стороны стоит теперь особо допросить, кто и как будет выполнять принимаемые обязательства. А посредников – будет ли ОБСЕ следить за этим?

Так что 2006-й, да и последующие годы лучше подчинить девизу: «Подписать – полдела. Главное – выполнить!»

Информационное агентство «REGNUM», 6 сентября 2006 г.

Слишком много тумана и обмана вокруг Карабаха

На днях политолог Вафа Гулузаде, который много лет был ближайшим сотрудником трех президентов Азербайджана – А. Муталибова, А. Эльчибея и Г. Алиева, весьма опрометчиво высказался по проблеме политического урегулирования в Карабахе.

Он заявил агентству «REGNUM», будто нет никаких документов на переговорах по нагорно-карабахскому урегулированию. «Я, как человек, имевший в течение нескольких лет самое непосредственное отношение к переговорам, заявляю со всей ответственностью: за все время переговорного процесса сторонами не создано ни одной строчки... Ни одна из сторон не может изблещить другую в каких-либо нежелательных действиях».

Если перевести это иносказание на обычный язык: раз сторонам ни о чем не удалось договориться, то они не могут обличать друг друга в невыполнении каких-то обязательств.

Можно лишь посочувствовать такому выпадению памяти. Лучше бы В. Гулузаде и не затрагивать столь чувствительный вопрос. Мало того, что тут он сам опростоволосился, но и азербайджанская сторона в целом обрела на сей счет просто «аховую» репутацию. Стоит поднять документы, а также коснуться достоверно известного мне по посреднической работе в 1992–96 гг.

Давно пора опубликовать автографы полномочных представителей Азербайджанской Республики (АР) под рядом документов. Среди них – С. Абиев, Н. Садыков, М. Мамедов, А. Джалилов, Р. Гулиев, Г. Алиев.

В 1993 г. подписи этих лиц не раз стояли под обязательством вот-вот в конкретные сроки провести встречу высших руководителей Азербайджана и Нагорного Карабаха, но Баку пытался «замотать» его выполнение. Оно письменно повторялось при каждом прекращении огня. 12–13 сентября 1993 г. представители руководства Азербайджана и Нагорного Карабаха (А. Джалилов и нынешний министр обороны С. Абиев – А. Гукасян) продлили прекращение огня и приняли совместное коммюнике. Заинтересованный перед выборами президента АР в приостановке военных действий, Г. Алиев в нарушение всех сроков встретился с Р. Кочаряном лишь 25 сентября 1993 г., требуя не оглашать встречу и пообещав продолжение контактов.

Неоднократно те же лица обязывались прекратить огонь со стороны Азербайджана. Но, несмотря на их подписи, эта сторона четырежды нарушила прекращение огня в надежде одержать верх на поле боя. Особенно памятна история со срывом прекращения огня 16 декабря 1993 г. перед контрнаступлением азербайджанских войск на разных участках фронта.

О целой серии таких договоренностей и их срывах не мог не знать Гулузаде. Если же он говорил лишь о том, что «создают» сами стороны, без участия посредников, то вот его собственные слова о документе, подписанном всеми тремя сторонами в июле 1994 г.:

«Формулировка о прекращении огня – «вплоть до заключения мирного соглашения» – была достигнута обходным путем, по телефону, минуя Москву, Париж благодаря конструктивизму и сотрудничеству Жирайра Липаритяна, бывшего советника бывшего президента Армении Левона Тер-Петросяна, с которым я вел прямые переговоры. Эта формулировка, наряду с другими факторами, несомненно, способствовала тому, что прекращение огня приобрело устойчивый характер. Начался мирный процесс, и перестали гибнуть люди» («Зеркало», 26.12.1998).

Зачем же «со всей ответственностью» так противоречить самому себе? То ли стороны сами родили волшебную формулировку, то ли не создали «ни одной строчки»?

6 февраля 1995 г. официально вступило в силу соглашение между АР, РА и Нагорным Карабахом (НК) об укреплении режима прекращения огня, определившее порядок улаживания инцидентов на линии соприкосновения. С этой целью три стороны обменялись надежными телефонами для прямых контактов по линии как политического, так и военного руководства.

Чуть ли не каждый день Азербайджан обвиняет армян в нарушениях прекращения огня на «линии фронта» (так ее называют там), но не выполняет этого соглашения. Ереван еще в марте 2005 г.

заявил, что готов вернуться к выполнению этих обязательств. В мае с.г. Степанакерт призвал к этому Баку и Ереван. Но Баку упорно отмалчивается. Если этот документ несовершенно, Баку мог бы предложить дополнить или доработать его. Люди там продолжают гибнуть, Баку в пропаганде «стонет», но не хочет выполнять единственное соглашение, заключенное под эгидой ОБСЕ.

Обязательства возникали для сторон не только на переговорах, но и проистекали из актов международных организаций и форумов. Так, Будапештский саммит ОБСЕ консенсусом решил провести переговоры между сторонами конфликта. Со стороны Г. Алиева возражений не возникло. Действующий председатель ОБСЕ прямо заявил, что стороной конфликта является и НК. Но, несмотря на это, Азербайджан 10 лет оттесняет НК от участия в переговорах.

Особая статья – обязанность государств–членов ООН выполнять резолюции Совета Безопасности. После падения Кельбаджара СБ ООН по инициативе Азербайджана принял резолюцию 822, но Баку уклонился от ее выполнения, более года игнорировал главное требование – прекратить военные действия. И повтор этого требования в резолюциях 853, 874 и 884.

После резолюции 884 азербайджанские войска еще полгода пытались вести активные боевые действия. Баку пошел на перемирие под угрозой полного коллапса, а вовсе не ради запоздалого исполнения решений СБ ООН. Кстати, ни одного другого требования его резолюций он так и не выполнил.

Спрашивается, почему с ноября 1993 г. СБ ООН перестал принимать резолюции по Карабаху, хотя новых okazji было достаточно? Как раз потому, что одна из сторон конфликта не выполняла их главного требования. Азербайджан первым и больше всего в самом главном – в прекращении кровопролития – игнорировал резолюции СБ ООН.

Настойчиво требуя их выполнения лишь в части освобождения захваченных территорий, в Баку исходят из того, что ход войны давно забыт и никто не заметит фальши эдаких ревнителей резолюций СБ ООН.

В тактике Азербайджана главное сейчас – показ одиозной картины оккупации, но полностью в отрыве от того, как она возникла и почему сохраняется. Характерно, что там фактически под запретом самокритичный разбор военной кампании, анализ ее издержек и ошибок. Конечно, оккупация – аномалия в современном мире. Но ее никак не вырвать из динамики военных действий. Не оторвать от целого ряда отказов Баку прекратить их. От опасений, что получивший назад свои территории может в очередной раз нарушить соглашения и нанести удар по НК с более выгодных позиций.

Есть обязательства и иного происхождения – взятые АР при вхождении в международные организации. Так, участники ОБСЕ, признают всю десятку равноценных принципов межгосударственных отношений, однако Баку упорствует в мнимом приоритете принципа территориальной целостности. Вступая в Совет Европы, Азербайджан, как и Армения, обязался решить нагорно-карабахский конфликт исключительно мирными средствами, но редкий день проходит без угроз его официальных лиц прибегнуть к силе. Никто в Баку и не смеет напомнить статью 9 собственной конституции АР, которая отвергает войну как средство решения международных конфликтов.

Известны случаи крутого пересмотра Азербайджаном своих позиций (в мае 1994 г. он пошел на подписание «малого соглашения» Я. Элиассона и тут же отрекся от него). Заявления официальных лиц пестрят противоречиями (то «терпение безгранично», то «время работает на Азербайджан»; то ничего в Париже и Бухаресте не согласовано, то осталось согласовать лишь 2 пункта из 8–9). Стали традиционными тактические метания Баку – обращения по карабахским проблемам в разные международные инстанции в погоне за пропагандистскими очками, что только мешает их рассмотрению и решению по существу в рамках ОБСЕ. Эти алогизмы и вихляния не свести к недостатку профессионализма – за ними кроется нечто большее.

Будем откровенны – слишком много тумана и обмана в политике по Карабаху. Разве не издевка над собственным народом воинственная кампания с участием высших должностных лиц? Неудивительно, что исходящее оттуда нередко воспринимается настороженно или с недоверием. Трафаретные трюки пропаганды (пресловутые 20% захваченных территорий, более миллиона переселенцев) и не могли дать иного эффекта.

Конечно, и армяне прибегали к разным уловкам. В начале сентября 1993 г. руководство НК публично пообещало оставить занятый накануне город Кубатлы, но не сдержало обещания. Нередко армяне возражали против предрешения статуса НК до открытия Минской конференции ОБСЕ, но были непоследовательны, требуя в пакете решить вопрос о статусе НК в первую очередь. Но при всей их изобретательности им все-таки по несоблюдению договоренностей и актам надувательства далековато до своих оппонентов.

Сочувствую нынешним сопредседателям Минской группы ОБСЕ, которым в мученическом процессе урегулирования конфликта постоянно не хватает надежных фиксаторов позиций сторон. Сознают ли они в трудах над «принципами» (а потом и соглашениями), что над ними всегда висит дамоклов меч верности или неверности тому, что даже подпишут?

Конечно, дерзнувшему высказать изложенное выше еще раз где надо выбранят (это же легче всего). А вот опровергнуть прискорбные факты, привести разумные контрдоводы не дано.

Как известно, главным препятствием к карабахскому урегулированию остается глубокое взаимное недоверие сторон конфликта. Оно и побуждает их добиваться в первую очередь удовлетворения собственных требований. Это наследие давних между армянами и азербайджанцами распрей и глубокий шрам недавней войны, плод ретивых пропагандистов розни и один из итогов порочного круга многолетних переговоров. Неверность своему слову, невыполнение взятых обязательств наглядно высвечивают дерганье обманых финтов, а в итоге расширенно воспроизводят недоверие.

Казалось бы, руководство каждого государства, особенно молодого, решающего непростые задачи своего становления на международной арене, прежде всего само заинтересовано в своей репутации как серьезного партнера по переговорам и выполнению взятых на себя обязательств. Оно само должно тяготиться своей нечеткостью в их выполнении, всячески избегать рецидивов, подрывающих его имидж и реноме.

Но нет правил без исключения. Увы, даже ставшее модным стремление в Европу не всех избавляет от далеко не европейских стандартов.

*Журнал «Россия в глобальной политике»
март-апрель 2007 г., № 2*

Два хельсинкских принципа и «атлас конфликтов»

Стороны вооруженных этнополитических конфликтов, притупленных, но не разрешенных окончательно, упорно апеллируют к наиболее выгодному для себя международно-правовому принципу. Одни – к территориальной целостности государств, другие – к праву народов распоряжаться своей судьбой. Их интерес очевиден и понятен.

Но громогласность либо частота ссылок на «милый сердцу» принцип никого не убедит. Давно назрела необходимость углубленной (прежде всего правовой, но не только) работы по сопряжению этих двух положений Заключительного акта СБСЕ в Хельсинки. Тематика весьма деликатна, но уходить от нее нельзя.

ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ

Само собой разумеется, что оба этих принципа, как и все остальные из хельсинкской «десятки», равноценны. Каждый из них

надо брать в совокупности с остальными. Однако для одних лиц они чуть ли не взаимоисключающие, другие склонны усматривать в первом постулате защиту прав и интересов государства, а во втором – отстаивание прав личности или сообщества людей. Иначе говоря, подобным образом оспаривается приоритет прав государства над правами человека.

В некоторых случаях устранить противоречия пытаются, «разводя» сферы применения двух положений. Так, принцип территориальной целостности рассматривается в качестве внешнего (как гарантия от посягательств со стороны других государств), а право народов на самоопределение – в качестве внутреннего. Однако зачастую мы наблюдаем попытки ряда государств развернуть первый принцип именно против внутренних движений за самоопределение.

При согласии последних на автономию, которая оставляет в неприкосновенности внешние границы государства, коллизия между обоими принципами смягчается. А как при попытках отделения, сецессии? Ни одна конституция (кроме Конституции СССР) не дает на нее права, но сколько отпочкований от государств уже состоялось, иногда мирных, чаще кровавых?! Есть немало примеров, когда верх берет то первый, то второй принцип. Особенно сложны смешанные случаи – тут движение за самоопределение внутри государства опирается на активную поддержку извне (Косово и Албания, Нагорный Карабах и Армения, Южная и Северная Осетия).

Чаще всего первая реакция на противопоставление двух принципов – это вполне естественная консервативная защита территориальной целостности и неприкосновенности границ. И лишь по мере того, как невозможность сохранить прежний порядок жизни в одном государстве становится очевидной, постепенно приходит осознание прав самоопределяющихся, признание их хотя бы стороной в конфликте. Лидеры национальных движений, как правило, настаивают на праве наций на самоопределение, но, придя к власти, превозносят принцип территориальной целостности государств.

Отсюда первый вопрос: насколько применим данный принцип к конкретной конфликтной ситуации? И второй: насколько действителен каждый из них в конкретной историко-географической обстановке? Важно выявить логику, внутренние пружины, связи с другими нормами и правилами. Это помогло бы снижать накал конфликтов, избежать того, чтобы стороны делали слепую ставку на мнимое автоматическое главенство более выгодного принципа.

Необходима концепция соизмерения действенности обоих исходных положений с четким набором критериев. И комплекс-

ный, системный, а не только прецедентный подход (прецедент удобен в тактическом плане, но нужна более основательная проработка темы).

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Постановка вопроса о косовском прецеденте вызвала шквал возражений с Запада. При этом указывается на различие конфликтов, даже уникальность каждого из них. Но различие – не то же самое, что полное отсутствие общих черт, отдельных сходств. Да феномен «прецедента» и не требует всеохватывающей аналогии. В данном случае он сводится к узкому, но принципиальному вопросу: возможно ли обретение независимости без согласия государства, от которого отделяется новообразуемое? Поэтому многие различия между конфликтами и не имеют коренного значения. Вся кампания против «прецедентности» Косово бьет мимо цели.

Но в первую очередь важно разобраться с самими принципами.

Во-первых, принцип (тем более в увязке с другими) – это вовсе не догма. Уж если и возводить в абсолют какие-то из хельсинкских положений, то, скорее, два других, прописанных как раз для конфликтных ситуаций: неприменение силы или угрозы силой, мирное урегулирование споров.

Во-вторых, принцип – это абстракция, в реальности он не работает вне конкретных обстоятельств. От них, по сути, и зависит действенность обоих постулатов, которая относительна и в известной степени сопоставима, но нужна шкала замеров. Применение их в увязке с «противосиловыми» принципами – требование цивилизации: в XXI веке мировое сообщество должно повышать эту планку.

В-третьих, важен такой подход к анализу процессов и событий, как историзм, предполагающий связь с эпохой. Ведь рассматриваемые принципы не от Рождества Христова, нелепо примерять их к «крестовым походам» или войнам Наполеона. Даже Устав ООН намечает лишь их контуры. Набор исходных положений Заключительного акта – продукт своей эпохи, он определен итогами Второй мировой войны в Европе, наличием двух систем и противостоящих лагерей плюс ядерного оружия. Это своего рода «перемирие» между антагонистами, чтобы избежать Третьей мировой. Десять хельсинкских принципов подвели базу под баланс интересов двух центров силы, стали «правилами игры» для межгосударственных отношений в ту эпоху. Но та эпоха уже ушла.

Связь принципов со своим временем не означает, что они исторически «мимолетны», не имеют будущего. Смысловое ядро каждого из них – важный вклад в регулирование отношений между государствами, даже в мировую цивилизацию.

Эпоха, регион, конкретная обстановка имеют огромное значение. Оба принципа сами по себе неприкасаемы, но акцент следует перенести на их применимость и – особенно – действенность здесь и сейчас. Нет международных процессов и событий вне конкретных обстоятельств.

Мало сослаться на само по себе верное положение, каждая сторона должна еще обосновать его применимость и действенность. Когда одни взывают к целостности территории, другие – к праву на самоопределение, то выход в учете всей конкретики и специфики конфликтной ситуации.

Чем характеризовались 1990-е годы? Это уже не 1975 год, а эпоха крушения мировой системы, распада в Евразии одних и создания других государств. В данный тектонический, форс-мажорный период и как раз в зоне распада принцип территориальной целостности не оказался столь же безотказным, как прежде. Если данное положение непререкаемо, как утверждают некоторые, отчего же оно не спасло Советский Союз, Югославию, Чехословакию, Эфиопию? Право на самоопределение предоставило суверенитет 23 союзным республикам (15 в СССР, 6 в СФРЮ, 2 в ЧССР), а также Эритрее.

А откуда взялась идея неприкасаемости союзных республик? Косово, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Нагорный Карабах – и акторы, и продукты объективных обстоятельств: демографических и политических сдвигов, распада государств, войн. Важно постичь логику изменений. Не для того, чтобы дробить все мельче, а лишь чтобы учитывать объективные реалии.

Косово может стать еще одним, но лишь дополнительным доводом в ту или иную сторону. А исходный посыл – та самая характеристика эпохи и региона, конкретных обстоятельств.

НЕКОТОРЫЕ КРИТЕРИИ

На применимость и действенность принципов в каждом конфликте должна влиять масса факторов, прежде всего цивилизационные требования. Вот лишь некоторые из них.

«Стаж» пребывания в одном государстве, или, если употребить лексику Рима, где рожден феномен «сецессии», особенности пребывания «плебеев» под началом «патрициев». Идет ли речь действительно о выживании сторон – «плебеев» как этноса на своих землях либо государства «патрициев»? Или только о престиже и выгодах последнего, а то и просто о его стремлении удержать земли при полном безразличии к судьбе «плебеев»?

Динамика этнического состава населения территории, ставшей предметом спора (примерно за век). Что тут: движение масс за независимость, выступления мафиозных структур либо лишь

кучки пассионариев? Используются ли «плебеями» мирные или террористические методы борьбы? Эффективно ли и как давно «плебеи» контролируют свою территорию? Готовы ли «патриции» пойти им навстречу либо только третируют и подавляют? Состоялись ли уже пробы сил «плебеев» с «патрициями»? Насколько частыми, продолжительными, ожесточенными они были?

Безусловно, важны и **ход, и особенности вооруженного конфликта**. Все ли привержены идее о том, что мирному разрешению конфликта нет альтернативы? Кто выступает за его мирное урегулирование, а кто склоняется к силовому варианту? Какая из сторон готова подкрепить свое обязательство мирно решать споры подписанием соглашения о невозобновлении военных действий, а какая нет? Кто за налаживание диалога, прямые контакты, меры доверия, а кто против? Есть ли оккупированные в ходе боев территории, как это произошло, почему они не освобождаются, что мешает этому? Есть ли вынужденные переселенцы и беженцы, сколько с каждой стороны? Есть ли уже условия для их добровольного возвращения в родные места или что-то мешает этому? Кто соблюдает и соблюдает договоренности, а кто нет? Нарушались ли нормы международного гуманитарного права (совершенно очевидно, что их грубые и массовые нарушения серьезно влияют на действенность любого из двух принципов)? Отношение к пострадавшим от конфликта своим и «чужим»?

Предпринимались ли попытки разойтись мирно – скажем, путем волеизъявления населения? Как оно было организовано? Или как его организовать? Обладает ли субъект реальными атрибутами государственности, самоуправляемостью? Насколько его система представительна, демократична – особенно в сравнении с порядками у «патрициев»? Имеет ли государственное новообразование шансы выжить?

Крайне важно четко разграничить причины и следствия конфликта – ведь в каждом из них есть и своя предыстория, и своя юридическая специфика. Не последнюю роль играют форма выхода республики из союза либо образования из республики, мера правопреемственности суверенного государства от прежней структуры, четкость в оформлении этой правопреемственности.

Нередко используется довод, будто границы государства признаны ООН, ОБСЕ, Советом Европы и т.д. Он, конечно же, имеет некоторый политический вес, но не юридический, поскольку международные организации при приеме новых членов не утверждают их социально-экономическую или политическую систему, границы или господствующую религию. Любое признание государства – акт политический, а не правообразующий (его правовой эффект вряд ли выходит за рамки отношений между двумя субъектами).

Есть и курьезы. Административные границы в СССР были порой довольно произвольны (общеизвестны чехарда решений Кавбюро по Карабаху, волонтаристская передача Крыма). Западники, отвергая все советское, молятся теперь на административные границы, существовавшие внутри СССР. Хорошо это или плохо? Хорошо, чтобы не плодить новые конфликты. А как быть там, где уже пролита кровь, и немалая? Делать вид, будто ничего не произошло?

Словом, нужна детальная шкала критериев. Все элементы необходимо свести в единую систему, ранжировать по удельному весу (для нужд общественного мнения ее можно потом даже «математизировать»). Хорошим подспорьем стала бы широкая дискуссия по разработке такой системы с участием всех заинтересованных в мирном решении споров: международники (особенно юристы), политологи, СМИ, народная дипломатия...

Такой «политический атлас» противостояния, то есть совокупность характерных признаков эпохи, региона, специфики конфликта, позволит получить своего рода коэффициент действительности каждого из двух принципов, о которых идет речь. Конечно, это не точные величины, а примерные пропорции. Многослойный набор доводов убедительнее голого апеллирования к «выгодному» принципу. Это могло бы способствовать некоторому отрезвлению сторон и послужило бы неплохим системным ориентиром для многоликого мирового сообщества (а не выборочным и заведомо политизированным в угоду какому-то «центру силы»).

Но и важное средство – это всего лишь подспорье. Судьбу же конфликтов должны решать переговоры, если же не решают они, то волеизъявление населения. При этом совершенно исключаются угрозы и ссылки на «свой» принцип без полноты учета всех существенных обстоятельств конфликта.

РАЗРАБОТАТЬ «АТЛАС КОНФЛИКТОВ»

Международное сообщество, без сомнения, заинтересовано в мирном урегулировании спорных проблем между государствами или сторонами конфликтов, в максимальном уважении ими прав человека и соблюдении норм международного гуманитарного права. Об этом свидетельствует и увязка обоих принципов с другими в рамках хельсинкской «десятки», особенно, как уже отмечалось, с теми, которые прямо относятся к конфликтным ситуациям: мирное решение споров, неиспользование силы или угрозы силой.

Применительно к конфликтам мы вправе настаивать на прямой увязке любого из тех двух принципов с категорическими требованиями мирного решения споров. Международным организациям надо быть более последовательными и настойчивыми

в этом. Все хельсинкские принципы – это составляющие цивилизации, чего не скажешь о войне, какой бы современной и «точечной» она ни была.

Поэтому шкала критериев должна строиться в цивилизационном, даже цивилизаторском ключе, с упором на упомянутые требования мирового сообщества к сторонам конфликта. Исключены какие-либо вознаграждения той стороне, которая продолжает угрожать силовым решением, отказывается от всего того, что благоприятствует мирному урегулированию, разжигает ненависть и вражду, дестабилизирует обстановку.

Фактически разработка «политического атласа» любого конфликта состоит из следующих трех основных фаз:

- разработка общей шкалы критериев или характеристик конфликтов;
- нахождение относительного удельного веса каждого критерия в зависимости от того, насколько он полезен для мирного решения и преодоления силовых атавизмов;
- наложение этих разработок на конкретный конфликт с учетом эпохи, региона, особенностей конфликта для выяснения того, какой из двух принципов усиливается в данных условиях с точки зрения своей действенности и какой ослабляется. Конечно, тут речь идет не о выводе каких-то цифровых показателей, а лишь об общих ориентирах и пропорциях.

*Журнал «Россия в глобальной политике»
сентябрь-октябрь 2007 г., № 5*

Есть ли выход из тупика в Карабахе?

В политическом урегулировании карабахского конфликта наступает застой, неизбежный в преддверии президентских выборов в Армении и Азербайджане. Это дает возможность обстоятельнее осмотреться и, не поддаваясь гипнозам суетной конъюнктуры, поискать пути выхода из многолетнего тупика.

Конфликт в Нагорном Карабахе – самый ранний из вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве и наиболее масштабный по размаху военных действий. Его конфигурация и динамика весьма специфичны.

Во-первых, начавшись в 1988 г. еще в Советском Союзе, он достиг пика в 1992–1994 гг. уже между Азербайджаном и НК при активной поддержке последней Арменией. Поэтому проблема осложнена как внутренним, так и внешним противоборством.

Во-вторых, в конфликте задействованы два военных лагеря – армяне и азербайджанцы, но политически три стороны (интересы Еревана и Степанакерта близки, но не идентичны).

В-третьих, военные неудачи, потеря контроля над пятью своими районами вокруг НК и частично еще над двумя стали для Баку неприятным сюрпризом.

Особая острота карабахского конфликта обусловлена его историей и даже предысторией. Столкновения 1905 и 1918–20 гг., выдавливание армян из Нахичевани, выселение азербайджанцев из Армении, трагические кровопролития и в мирное время (Сумгаит, Баку), и в ходе военных действий (Ходжалы, Марага)... Все это обильно подпитывало взаимную неприязнь, разжигаемую национал-радикалами и лжепатриотами. Обоюдное недоверие тормозит весь процесс урегулирования.

Наконец, принципиально важная особенность сегодняшней ситуации: ни в одном из остальных конфликтов на территории бывшего СССР столь открыто не демонстрируется настрой на силовую рванш. Поэтому позиция и доводы азербайджанской стороны требуют чрезвычайно пристального внимания.

Статус раздора

Первопричиной конфликта и его главной спорной проблемой остается будущий статус Нагорного Карабаха. Ереван стремится «узаконить» выход НК из Азербайджана, Баку напрочь исключает подобную перспективу. За тринадцать лет перемирия позиции сторон почти не изменились, они остаются полярными, взаимоисключающими. Азербайджан отодвигает на будущее решение вопроса о статусе, ограничиваясь общими посулами самой широкой автономии.

Ясно, что статус НК не может быть определен без его участия. Но попытка задействовать демократический ресурс (плебисцит) также вызвала острые разногласия. Принятая в 1995 г. Конституция Азербайджанской Республики допускает проведение референдумов лишь в масштабе всей страны – из-за пестроты национального состава молодое государство тяготеет к унитаризму. Акт прямой демократии для того и урезан в Конституции АР, чтобы лишить население НК права самостоятельно решать свою судьбу. (Хотя, например, общеизвестно, что не вся Канада голосовала по статусу Квебека, не вся Испания – по Каталонии, не вся Эфиопия – по Эритрее, и вряд ли вся Великобритания будет голосовать на вероятном референдуме о статусе Шотландии.)

Ссылки на неприкасаемость Конституции АР не срабатывают, ибо любой статус НК (в том числе создание культурной автономии, предлагаемое армянофобами) потребует внесения в нее изменений.

Баку не желает признавать Нагорный Карабах даже конфликтующей стороной, хотя в ходе войны подписал со Степанакертом буквально десять разных договоренностей (причем без участия Еревана). В Азербайджане никто не в силах объяснить, в каком же качестве выступал тогда НК, если не был воюющей стороной. Увы, таких логических нестыковок немало. Третирование армян НК, отказ от контактов с ними не вяжутся ни с обещанием предоставить им самую современную автономию, ни с подходом к ним как к согражданам. Дефицит реалистичности, логика «тотальной» борьбы блокируют любой позитив, даже меры доверия.

Корни оккупации

В Баку прекрасно понимают, что статус НК составляет главную проблему, но не хотят этого признавать и всячески выдвигают на первый план необходимость устранить неблагоприятные для себя последствия военных действий – режим оккупации армянами семи районов вокруг НК. При этом Азербайджан утверждает, что оккупирована и территория НК. Армяне (три четверти населения НК) при поддержке Республики Армения в основном контролируют его территорию. В устах Баку это не что иное, как оккупация НК Арменией, тем более что азербайджанцев там с тех пор нет.

Оккупация – продукт вторжений и военных действий. В XXI веке ей пора бы стать аномалией, но зоны оккупации есть еще и в других местах: территории вокруг Израиля, Афганистан, Ирак. Необходимо разобраться и с захватом чужих земель в Карабахе, проследить логику и последствия действий сторон в ходе противоборства 1990-х годов.

Об оккупации не было бы и речи, если бы удалось избежать боевых действий. А если бы их сумели быстро свернуть, последствия не были бы столь значительны. Прекратись бои несколько раньше, не пали бы Шуша и Лачин. А потом не были бы захвачены Кельбаджар, Агдам, Физули, юго-запад Азербайджана...

На всех этих этапах посредники настойчиво предлагали прекратить бои. В течение двух с лишним лет не использовались шансы на перемирие, были сорваны четыре договоренности о прекращении огня и другие миротворческие инициативы. Несмотря на осуждение посредниками захватов и расширение конфликта, стороны в пылу борьбы уделяли больше внимания военным соображениям, нежели политическим. Затягивание войны – вот что породило и расширило захват чужих земель и привело к оккупации, а не только «аппетиты» армян.

Как посредник прекрасно помню, кто тогда уходил от прекращения военных действий – та сторона, что в итоге как раз больше и пострадала. Азербайджан слишком долго делал ставку на скорое

силовое решение (рецидивы подобного настроения проявляются и поныне). Баку сам упразднил Нагорно-Карабахскую автономную область в 1990 г., но фактически обвиняет армян в том, что в ходе боевых действий они не остановились у ее границ. Тот, кто более года (1993–1994) игнорировал требования резолюций СБ ООН прекратить военные действия, нагромождая предварительные условия, обязан был сознавать свою прямую ответственность за последствия – за потери все новых районов, нарастание волн своих переселенцев и беженцев.

Была и чисто военная подоплека событий. Имея явное превосходство в живой силе, АР, к тому же, получила при распаде СССР гораздо больше вооружений, чем РА. В чем-то это предопределило тактику действий сторон. Баку пытался наступать, блокировал НК, часто подвергал его территории обстрелам и бомбардировкам. Дисбаланс в живой силе и вооружениях, в том числе отсутствие боевой авиации, сложности географии, перебои со снабжением продиктовали армянам более маневренную тактику: концентрацию сил на решающих участках фронта, рейды и захваты, чтобы отодвинуть противника от НК, затруднить бомбардировки и обстрелы, сократить линию фронта из-за неравенства сил. Во многом им помогли мобилизованность и мотивация выживания (она выше соображений престижа и любых прочих), а также неорганизованность и распри в стане противника.

Таковы вкратце генезис оккупации в Карабахе, породившие ее причинно-следственные связи. Не предоставь Баку армянам вышеописанный шанс, они и не захватили бы столько территорий. Армяне искусно ловчили, не отвергали и не срывали прекращений огня; иногда принимали и неудобные им посреднические предложения – авось противник «не подведет» и сорвет их. Перемирие 12 мая 1994 года закрепило сложившийся на тот момент статус-кво: контроль армян над НК и семью районами АР и контроль азербайджанцев над некоторыми зонами, населенными ранее в основном армянами.

Всемерно выпячивая армянскую оккупацию, официальный Баку таит (главным образом от своих же граждан), как она возникла, какую роль в этом сыграли его ставка на силу, неоднократный срыв им прекращений огня. Нынешняя власть не в состоянии объективно проанализировать прошлое. Она корит лишь Народный фронт и Абульфаза Эльчибея, искажая суть феномена оккупации ради возвышения имиджа Гейдара Алиева (а при «общенациональном лидере» было больше отказов и срывов, потеряно пять районов из семи). Подобных сокрытий и умолчаний в карабахских делах немало. Например, рьяно обвиняя друг друга в этнических чистках, каждая сторона не склонна упоминать о том, что и ее действия трудно квалифицировать иначе.

Ссылаясь на свой суверенитет, взывая к бедственному положению вынужденных переселенцев, Азербайджан пытается добиться чуть ли не безусловного ухода армян с занятых ими земель. Чтобы выиграть время, президент Ильхам Алиев переносит акцент на «оккупацию НК Арменией», требуя вывести войска и оттуда. Это надежно страхует его от соглашения, которое для него опаснее, чем для отца.

Территории в обмен на что?

«Задерживаясь» на захваченных землях, армяне вначале заявляли, что не претендуют на них (кроме Лачинского коридора, обеспечивающего наземную связь НК с РА). Неверие в миролюбие Баку побудило Степанакерт и Ереван максимально укрепить линию соприкосновения, разместив там и военных из Армении. Со стороны армян все чаще стали говорить, будто занятые земли – исконно армянские. То есть они не оккупированы, а, мол, лишь освобождены и не подлежат возврату. Правда, официальный Ереван аккуратнее: готов обсуждать постепенное освобождение территорий, придерживая Кельбаджар и Лачин до проведения референдума по статусу НК. Максималисты в РА и НК остро критикуют идею ухода и способны оказать сопротивление ее осуществлению.

Много лет стороны тормозят урегулирование, выдвигая неумеренные запросы и прибегая к искусственным ухищрениям. Выступая под лозунгом «территории за статус», армяне добивались отказа АР от НК в обмен на уход с занятых ими земель. Списав на Народный фронт вину за потерю НК, Гейдар Алиев полагал, будто общественное мнение приняло бы сделку в случае обретения в качестве компенсации дороги через Мегри в Нахичевань (то есть в свой анклав через территорию Армении. – *Ред.*), но эта идея не прошла ни в Баку, ни в Ереване.

Формула «территории за статус» несбалансированна, она выглядит как «произвол победителя», в ее основе – последняя проба сил. Но нельзя ставить на одну доску с ней призывы к реваншу, как это делают в Баку. Данная формула – в отличие от этих призывов – относится не к «будущей», а к уже свершившейся войне (прежних жертв не вернуть, а реванш поглотил бы множество новых, причем с неясным конечным исходом).

Другое дело – более скромное уравнение «территории за безопасность», отражающее баланс жизненных интересов населения НК и близлежащих районов АР. Это справедливее. Все стороны оказались бы в выигрыше по сравнению с нынешним положением – каждая по-своему. Ключ тут в степени надежности всеобщей безопасности, в верности сторон своим обязательствам.

Как же добиться сдвигов, начать уход с чужих земель?

С самого начала переговоров по Карабаху допускалось, что решение относительно статуса НК потребует времени и будет вынесено лишь на заключительном этапе, после ликвидации последствий вооруженного конфликта. Правда, армянские стороны настаивали на пакетном решении всех имеющихся проблем.

Спор о поэтапном или пакетном методе урегулирования потерял прежнее значение: посредники и стороны по сути дела избрали смешанный вариант с элементами как поэтапности, так и пакетности. Но теперь в пакете не окончательный статус НК, а лишь порядок его определения волеизъявлением населения. Армяне допускают уход первоначально из 5 районов вокруг НК до полного определения его статуса. Все стороны согласны с поэтапным выполнением того, о чем им удалось бы договориться.

Разрядить обстановку могло бы соглашение о временном статусе НК на переходный период, пока продолжаются переговоры и осуществляются согласованные в их ходе меры. Официальный Баку – в отличие от азербайджанских политологов – не видит смысла и в этом. Хотя «временный статус НК» неизбежен и уже имеет место без согласования: если не де-юре, то де-факто.

Что же необходимо, чтобы вывести карабахское урегулирование из застарелого тупика? И приступить к постепенному освобождению оккупированных территорий, в основном азербайджанских? Прежде всего, надо «изъять» эту проблематику из прошлого военного контекста и переместить ее в сферу политики, права и морали, учитывая необходимость скорейшего, но непременно добровольного возвращения перемещенных лиц и беженцев в места своего прежнего проживания.

Армянам мешают психологические, эмоциональные факторы – это, дескать, пояс безопасности НК; столько жизней отдано за взятие этих земель! Национал-радикалы настаивают на их заселении чуть ли не в виде компенсации за то, что мало кто из 350–400 тысяч армян пожелает вернуться из изгнания под власть АР. (Правда, азербайджанцы могут требовать возвращения в Армению тех, кто был выселен в 1988 г. А противоположные стороны – выставить встречный иск за вытеснение армян из Нахичевани. Этому походу в историю не было бы конца и края.)

Главная помеха

Однако самыми серьезными препятствиями к освобождению территорий стали регулярные угрозы руководителей Азербайджана прибегнуть к силе. В них немало от бравады, нацеленной на поднятие тонуса во внутренней политике. Но стремление Баку запугать армянские стороны заставляет их рассматривать пробле-

му в прежнем, в военном ключе – цепляться за хорошо укрепленную линию соприкосновения. Это просто подарок тем, кто выступает против ухода с занятых земель. Кто же станет ослаблять свои военные позиции при таком взаимном недоверии и под постоянные угрозы из официальных уст? Ереван и Степанакерт считают, что оставлять хоть какой-то из занятых районов (ведь это рушит «линию Мажино») можно лишь при полной уверенности, что военные действия не возобновятся.

Настроения Баку выразил политолог Фикрет Садыхов: «На протяжении последних 10 лет Азербайджан ставит на одну плоскость со страной, которая оккупировала принадлежащие нам территории, нас принуждают к переговорам с этой страной и требуют от нас мирного решения, хотя оккупация нашей территории прошла военным путем. Безусловно, подобное положение вещей изначально несправедливо». Может быть, Садыхов не ведает, что и как произошло? Странноватая логика...

Интересы урегулирования, в том числе прекращения оккупации, требуют четкого подтверждения всеми сторонами приверженности принципам ОБСЕ о мирном разрешении споров, о неприменении силы и угроз силой. Эти два принципа закреплены в Хельсинкском Заключительном акте как основа для урегулирования конфликтных ситуаций.

Опасность реванша для реваншистов

Возобновление военных действий на деле привело бы к более тяжким последствиям, жертвам и разрушениям, чем в 1992–1994 гг. Участниками вооруженных столкновений стали бы уже не полупартизанские формирования, а хорошо оснащенные армии. Но в ближайшие 4–5 лет при реальном соотношении сил ни одной из сторон не удастся осуществить победоносного «блицкрига». А затяжные военные действия губительны, прежде всего, для того, кто их начал. Уже одно это требует особо ответственного подхода со стороны высших руководителей.

Война опасна и для международного сообщества: Южный Кавказ – не тот регион, чтобы индифферентно взирать на происходящее там. Не просто оправдать новую бойню армянской оккупацией, поскольку все видят, что Ереван и Степанакерт однозначно настаивают на компромиссном мирном решении, а Баку грозит им войной, если те не капитулируют: не освободят безусловно и быстро все земли, включая НК. Рецидив применения силы в этом регионе сочтут еще большей аномалией, чем неприглядное наследие прежней войны – оккупацию чужих земель.

Виновник срыва перемирия вызовет огонь на себя как нарушивший принципы ОБСЕ и обязательства перед Советом Европы.

Это навлечет на него порицание со стороны почти всех государств–участников Минской группы ОБСЕ и ее влиятельных сопредседателей, давно и упорно добивающихся мирного урегулирования. Против войны прямо высказались авторитетные представители ряда крупных государств и влиятельных международных организаций. Мало кто рискнет поддержать инициатора военных действий. Он еще не достигнет цели, а требование незамедлительно прекратить их уже станет всеобщим.

Вспомнят и то, что война противоречит Конституции АР (статья 9 отвергает ее как средство решения международных конфликтов). Уже сейчас руководители Азербайджана воинственными угрозами подрывают уважение к своему основному закону. Если по референдуму о статусе НК там часто ссылаются на Конституцию АР, то об этой статье – ни слова, будто ее и нет!

Припомнят Баку прямое форсирование гонки вооружений в регионе, резкое увеличение военного бюджета АР. Свою роль сыграет и факт пренебрежения, с которым там отнеслись к соглашению об улаживании инцидентов на линии соприкосновения, подписанному с НК и РА 4 февраля 1995 г. по указанию Гейдара Алиева. Дня не проходит, чтобы Минобороны АР не сообщило о нарушениях перемирия армянами, о жертвах обстрелов с их стороны. Однако речь идет об очередной логической неувязке: казалось бы, Баку жаждет прекращения инцидентов, но почему же там и не думают выполнять документ, официально подписанный под эгидой ОБСЕ?

Ереван и Степанакерт не раз выступали с заявлениями о готовности соблюдать соглашение, если та же готовность проявит азербайджанская сторона. Но та упорно отмалчивается уже более десяти лет. Если Баку считает соглашение об инцидентах несовершенным, было бы логично поправить и дополнить его либо заключить новое. Но нет – пусть лучше будут жертвы, чтобы нагнетать напряженность, вести надрывную пропаганду.

Словом, силовой реванш – пока как минимум заведомо нерентабельная авантюра, но может повлечь и более серьезные последствия. Как выразился заместитель госсекретаря США по делам Европы и Евразии Дэниел Фрид, война погубила бы будущее Азербайджана.

Курс на историческое примирение

Шоры воинственности не позволяют Азербайджану видеть, что отказ от силового решения принесет Баку прямую выгоду. Это не только позволит обратить больше средств на развитие страны и улучшение материального положения населения, но и лишит армян доводов в пользу «зоны безопасности НК». Возврат многих

районов без выстрелов стал бы крупным успехом властей АР и встретил бы широчайшую поддержку международного сообщества. Конечно, это еще не решило бы проблемы статуса НК, но кардинально оздоровило бы атмосферу, приоткрыв путь к поиску компромиссов на дальнейших переговорах.

Пока стороны пренебрегают несомненными выгодами конструктивного подхода к урегулированию. Ни одна из них не готова провозгласить единственно верный долгосрочный курс на историческое примирение между армянами и азербайджанцами или хотя бы предложить противостоящей стороне сделать это совместно. А ведь уклонение и тем более отказ от такого предложения чреват немалыми издержками на международной арене. Даже одностороннее провозглашение такого курса на перспективу было бы активно поддержано мировым сообществом и поставило бы противостоящую сторону в невыгодное положение. Однако Ереван и Степанакерт пока недооценивают этот ресурс, а Баку, нагнетая тотальный негативизм, загоняет себя в тупик, откуда нелегко повернуть к конструктивному решению – на нынешнем фоне это будет выглядеть чуть ли не капитуляцией. Смена руководителей дает армянам больше простора для маневра, им легче делать новые шаги в процессе урегулирования, тогда как президент АР, стремясь быть переизбранным, больше скован политикой своего первого мандата.

Единственный шанс для прорыва в Карабахе, в том числе к скорейшему освобождению чужих территорий, – полное исключение химеры силового решения конфликта: комплексное обеспечение сторонами условий для невозобновления военных действий при содействии международного сообщества. Тут нельзя полагаться лишь на сами стороны или только на «опеку извне». В одиночку ненадежно ни то, ни другое – необходимо соединение усилий.

Общеизвестно, что стороны неоднократно обязывались решить конфликт мирными средствами. Что же помешает им подкрепить это заключением соглашения о невозобновлении военных действий? Ведь речь идет не о новом обязательстве, а о подтверждении прежних. Конечно, последние взяты перед международными организациями, а не перед противостоящей стороной, но суть от этого не меняется. Необходимо создать условия для первых ощутимых сдвигов в урегулировании, перечеркнуть призывы последних лет к войне.

Стороны могли бы заключить соглашение о безальтернативности мирного решения конфликта. Баку непросто сделать такой поворот, но винить в этом некого. Уклонение от подобного соглашения раскрыло бы всю несерьезность подхода государства к уже принятым обязательствам. Чтобы документ не был декларативным,

а стороны не могли отказаться от него либо сорвать его, нужны гарантии СБ ООН или по меньшей мере государств-сопредседателей Минской группы ОБСЕ.

Странно, что иерархи ОБСЕ пока не предложили подобного соглашения: ведь их миссия – содействовать мирному, а не иному решению конфликта. Они не вправе вяло реагировать на серийные угрозы официальных лиц, инциденты на линии соприкосновения, развертывание гонки вооружений. Посредники – не судьи, но обязаны отстаивать свою мирную миссию, давно принятую сторонами. Ведь это, прежде всего, Организация безопасности, а уж потом сотрудничества в Европе.

Неизбежно встанет и практический вопрос: куда должны отойти армяно-карабахские войска на период до определения статуса НК? Былые границы НКАО давно упразднены и Баку, и Степанакертом. К тому же они были столь изрезаны, что совершенно непригодны для размещения сил вдоль них даже на переходный период. Для скорейшего ухода с занятых территорий необходимы переговоры по спрямлению линии, которая временно послужила бы подобием условной «границы» между АР и НК. Вряд ли Ереван возьмет на себя проведение таких переговоров, да и предоставит ли ему Степанакерт такой мандат?

Переговоры Баку – Степанакерт желательно начать как можно скорее, еще до заключения соглашения о безальтернативности мирного решения, чтобы не затягивать потом отвод войск. Оттесняя НК от своих консультаций с Ереваном, Баку лишь затрудняет себе выход на переговоры со Степанакертом. Тем более что их не заменить контактами «между двумя общинами НК».

Принуждение к миру

Учитывая тяжкий груз истории армяно-азербайджанских конфликтов, к международной миротворческой операции в Карабахе предъявляются весьма специфические требования. Она должна быть гибкой по форме и жесткой по сути, краткой по срокам (примерно два-три года) из-за необычайной дороговизны, но надежной по конечным результатам.

Потребуется двухэтапный мандат, включая право применения силы против прямых нарушителей соглашения в любой период. На первом этапе для контроля за демилитаризацией освобожденных территорий необходимо разместить военных наблюдателей по линии соприкосновения и линии отвода (особенно в местах их пересечения с коммуникациями). Кроме того, потребуется размещение мобильной «ударной силы», способной по тревожному сигналу наблюдателей быстро выдвинуться к месту нарушения (возможно, даже к двум одновременно) и блокировать, а при не-

обходимости и вытеснить нарушителей. Причем надо предусмотреть меры против нарушений, которые будут исходить якобы от гражданского населения.

На второй этап надо изначально заложить в мандате превращение операции в **операцию по принуждению к миру**. Государства-участники операции должны дать твердые гарантии возобновить ее в указанном виде. Перерастание миротворческой операции при необходимости в операцию по принуждению к миру исключит или значительно сузит возможность возникновения у сторон соблазна вернуться к силовым методам после завершения первой фазы.

Такая жесткость международной операции в Карабахе оправдана тем, что на кону – не только урегулирование нынешнего конфликта (как в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье). Речь идет о необходимости полностью исключить на историческую перспективу кровавые столкновения азербайджанцев и армян, периодически омрачавшие жизнь всего региона и способные теперь серьезно осложнить международную обстановку в целом.

«Время новостей», 6 ноября 2008 г.

Важный документ или ничего особенного?

Вокруг Декларации по Нагорному Карабаху, подписанной в Москве 2 ноября 2008 г. президентами Азербайджана, Армении и России, уже разворачивается дискуссия между ее сторонниками и критиками.

В карабахском конфликте вообще очень мало подписанных сторонами документов. С момента прекращения огня, достигнутого при посредничестве Москвы в мае 1994 г., не было ни одного документа, подписанного на уровне глав двух конфликтующих государств. В мае 1992 г. главы Армении, Азербайджана и Ирана подписали в Тегеране совместное заявление, но буквально через несколько дней разгар военных действий вокруг Шуши и Лачина сразу же обесценил его. В феврале 1995 г. при содействии сопредседателей Минской группы ОБСЕ – России и Швеции министры обороны всех трех сторон конфликта по документально подтвержденному указанию своих высших руководителей подписали соглашение об укреплении режима прекращения огня, но оно давно не соблюдается, несмотря на множество инцидентов на линии соприкосновения и напоминания посредников.

Конечно, это больше политический, а не юридический документ, но если президенты Азербайджана и Армении знают цену своей подписи, то он ко многому их обязывает. Но значение

Московской декларации из пяти пунктов не только в уровне ее подписания.

Существенно ее содержание. Декларацию пронизывают формулировки, нацеленные на мирное, политическое урегулирование конфликта. Это заметно ограничивает стремление горячих голов к возобновлению военных действий, их безответственные воинственные призывы, усиливающие напряженность в регионе. Президенты Армении и Азербайджана заявили, что будут способствовать оздоровлению ситуации на Южном Кавказе и установлению обстановки стабильности и безопасности, что имеет сейчас особое значение в этом регионе.

Недавний фон вероломных действий грузинского режима, повлекших трагические издержки и для собственного народа, придает особое звучание Московской декларации президентов трех кавказских государств.

Аktуально подтверждение ими важности посреднических усилий сопредседателей Минской группы ОБСЕ (Россия, США и Франция), предложений по базовым принципам урегулирования, переданных двум сторонам в Мадриде год назад, и последующих обсуждений с их участием. Это надолго снимает весьма легковесные сенсационные спекуляции насчет поиска новых форматов разрешения конфликта в Карабахе.

Президенты Азербайджана и Армении договорились продолжить переговорный процесс, в том числе на высшем уровне, и поручили своим министрам иностранных дел активизировать подготовительные усилия. Немаловажна установка на создание условий для реализации мер доверия, хотя интересы урегулирования конфликта однозначно и уже давно требуют их прямого применения, а не предварительного создания условий для этого.

Постановка вопроса о юридически обязывающих международных гарантиях всех аспектов и этапов мирного урегулирования в принципе верна, однако пока намного опережает перспективу появления, прежде всего, юридически обязывающих соглашений между всеми сторонами конфликта. Тех самых, которые потребуют гарантий и извне. Например, при всей своей важности провозглашение курса на политическое урегулирование конфликта еще неравноценно, скажем, юридически обязывающему соглашению о неприменении силы в его разрешении. Все помнят, к чему привело уклонение Саакашвили под ложными предлогами от заключения таких соглашений по Южной Осетии и Абхазии.

В целом новый документ, несмотря на декларативный характер, – важный шаг вперед в карабахском урегулировании, который ждет теперь проявления политической воли двумя руководителями, закрепления и подтверждения в практических делах. В повест-

ку дня встает и вопрос о новой встрече в верхах вскоре после ее подготовки министрами.

Некоторые деятели, политологи и журналисты по обе стороны линии соприкосновения – хотя и в разной мере – поторопились принизить значение Московской Декларации, заявляя, будто бы в ней нет ничего нового, она недостаточно конкретна, носит формальный характер. Они явно недооценили новизну обстановки в регионе и на международной арене в целом, которую в должной мере учитывали главы трех государств. Даже прежние слова теперь более выпукло наполнялись иным содержанием.

«Время новостей», 9 декабря 2008 г.

Подпись высокая, а дно – двойное

Кто же готов отбросить мирное решение в Карабахе?

На встрече министров иностранных дел стран-участниц Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, завершившейся 5 декабря в Хельсинки, сопредседатели Минской группы ОБСЕ (Россия, США и Франция) призвали стороны нагорно-карабахского конфликта подтвердить приверженность его мирному разрешению. Казалось бы, зачем повторяться? Ведь 2 ноября главы России, Азербайджана и Армении уже подписали Московскую декларацию, пронизанную однозначной установкой на оздоровление ситуации, безопасность и стабильность на Южном Кавказе, на мирное урегулирование конфликта в Карабахе. Выше президентской подписи не найти. Что же подтолкнуло министров повторить призыв, на который главы государств вроде бы уже ответили?

Августовские события на Кавказе заставили задуматься тех, кто довольно часто выступал с угрозами решить этот застаревший конфликт силой. Подпись под Московской декларацией помешала Баку возобновить воинственную риторику. Но ненадолго. В конце ноября в интервью итальянскому телевидению президент Азербайджана Ильхам Алиев принялся доказывать, что декларация «не лишает Баку права решить этот конфликт военным путем. В этой декларации никто не сможет найти обязательства, отвращающего Азербайджан от военного пути».

Весьма любопытное толкование международного документа и собственной подписи под ним! Иначе говоря, декларировать можно что угодно, а делать – совсем наоборот. Разве мирное уре-

гулирование конфликта не исключает военного пути? Можно ли эдаким «разъяснением» и подобным образом действий способствовать оздоровлению обстановки, безопасности и стабильности в регионе, поощрить меры доверия? Познается реальная цена каждой подписи.

Тем более что многие доводы Баку в этом конфликте далеко не бесспорны. Невозможно скрыть, что Нагорный Карабах давно был объектом и стал субъектом спора. Непросто свести все к «армянской агрессии» в конце минувшего века – истоки и динамика конфликта значительно сложнее. Понятно, что в Баку не приемлют оккупацию семи азербайджанских районов, но не утаить в том и собственной вины азербайджанцев: оккупации и не было бы, если бы Азербайджан в 1992–1994 годах так упорно не уходил от прекращения военных действий, тшась одержать верх силой. Слишком вольно трактуется право на самооборону. Как раз угрозы Баку, его нежелание способствовать безопасности Нагорного Карабаха дают армянам повод оттягивать вывод своих сил с захваченных территорий.

Азербайджанцы и армяне нуждаются в прекращении векового противоборства и противостояния, а вовсе не в новом, еще более трагичном кровопролитии. Московская декларация намечает путь к искоренению войн между ними, но требует более серьезного подхода (а не подписей с двойным дном). Сама ее суть – в безальтернативности политического урегулирования конфликта в Карабахе.

Россия, ОБСЕ и карабахский конфликт

(к 15-летию прекращения огня в Карабахе)

Использование СБСЕ западными державами против интересов России начато в 1992 г. **с карабахского конфликта** – для ее постепенного вытеснения из Закавказья. Россия начала посредничать в Карабахе в сентябре 1991 г., на полгода раньше, чем СБСЕ (март 1992). Объективно Москва имела в этом больше шансов, чем СБСЕ, не имевшее ни опыта в данной сфере, ни знаний о регионе. Западные страны тогда лишь создавали первые посольства в трех государствах Южного Кавказа, только завязывали контакты с ними.

Успех посредничества России мог закреплять ее влияние в Закавказье, чему противились США и другие западные державы. СБСЕ служило ширмой для прикрытия их геополитических планов заботой о коллективных мирных усилиях. Помог им и наивный расчет Козырева вовлечь СБСЕ в карабахские дела, чтобы Россия могла действовать там под его флагом и на его средства.

В 1992–94 гг. **параллельно** посредничали Россия и СБСЕ, что позволяло им сотрудничать, но западным державам важнее было чинить помехи Москве. Мы исходили из полезности **взаимодополняющих** усилий. К этому призывают и ранние документы СБСЕ по Карабаху.

Россия была активна и в собственном посредничестве, и в стихийно сложившейся с июня 1992 г. Минской группе (МГ) СБСЕ. На основе наших предложений была развернута в ней стержневая работа по приостановке военных действий. Даже критикуя МГ за просчеты и непоследовательность на ее встречах, мы поддерживали ее предложения, не раскрывали сторонам конфликта наших расхождений с ней и соответственно требовали от руководства МГ не настраивать стороны против предложений России. На словах США соглашались, но выступали против «российского плана», что потребовало специального послания Ельцина Клинтону 8 февраля 1994 г.

Запад отклонил наше предложение разработать мандат МГ, чтобы не ограничивать ее шансы влезать в любой вопрос, противодействуя России. Возможно, МГ – единственная в ОБСЕ структура, не имеющая ни решения о своем создании, ни мандата. Тем не менее это устоявшаяся де-факто структура, с которой нам приходится иметь дело.

1. Прекращение огня в Карабахе достигнуто с 12 мая 1994 г. при посредничестве России и держится уже 15 лет. Формат переговоров трех сторон конфликта (Азербайджан, НК и Армения) наработан Москвой, как и проект соглашения о прекращении вооруженного конфликта, по которому переговоры были продолжены затем по линии ОБСЕ. По нашей инициативе Нагорный Карабах (НК) был признан в МГ стороной конфликта. Все это вынудило западников искать компромисс с Россией на Будапештском саммите СБСЕ, сделав ее сопредседателем МГ ОБСЕ. Сейчас Россия выступает в основном в сопредседательстве со США и Францией на основе разработанного нами мандата сопредседателей. К сожалению, самостоятельная роль России в Карабахе была потом постепенно почти свернута. В этом есть как свои плюсы, так и некоторые минусы. Счастливым исключением стала Московская декларация от 2 ноября 2008 г., позволившая подчеркнуть мировторческую роль России на Кавказе.

Ревниво восприняв перемирие, заключенное при содействии России, западники пытались даже игнорировать его (спустя неделю, 19 мая 1994 г., Постоянный комитет СБСЕ не уделил ему внимания), а затем оприходовать как общее достижение МГ СБСЕ. Скорее всего, с подачи США шведы предприняли курьезную попытку перехватить его из рук России в руки СБСЕ. С той же целью

американцы предлагали потом «формализовать» договоренность от имени МГ СБСЕ.

В итоге возобладали линия на то, чтобы, нехотя признав вклад России (в решении Будапештского саммита он отмечен трижды), в дальнейшем хотя бы принизить его. Так, изданные в начале нового века **справочники ОБСЕ** на английском и русском языках утверждали, будто соглашение о прекращении огня было **неофициальным**, а последний вообще не упоминает о нем.

Особенности этого уникального соглашения были вызваны в основном 1) срочной необходимостью прекратить огонь, пока все стороны были готовы к этому из-за «усталости» и сложившегося хрупкого равновесия сил; 2) нежеланием азербайджанского руководства встречаться и подписывать документ с НК и отказом Армении подписать его без участия НК.

Пришлось прибегнуть к подписанию соглашения без личной встречи полномочных представителей сторон, а по факсу (как мы делали ранее при оформлении кратких прекращений огня в 1993 г.). Остановить массовое кровопролитие было намного важнее, чем добиваться их съезда в одно место и на тот же день. Любая перемена обстановки на фронте могла поменять настрой сторон.

Стороны не были способны напрямую обменяться друг с другом посланиями с изложением обязательств прекратить огонь в согласованный момент. Поэтому мы использовали ранее наработанную форму посланий каждой стороны в адрес России как посредника (министрам обороны и иностранных дел России, представителю Президента РФ по карабахскому конфликту). Все три текста были идентичными. Две поправки внес С. Саркисян, но посреднику удалось быстро согласовать их со всеми.

В Баку этот документ был подписан в моем присутствии 9 мая 1994 г., в Ереване – 10 мая, в Степанакерте – 11 мая. По получении обоих факсов от армян посредник известил стороны об идентичности посланий всех сторон и объявил договоренность вступившей в силу. Физически это соглашение – три листа с подписью на каждом из них представителя одной стороны.

Вот почему в нем нет традиционных атрибутов юридической формалистики: единой даты и места подписания, единого оригинала с тремя подписями, сочных печатей и красивой папки, формального депозитария и т.п. Но разве от этого зависит характер соглашения – официальное оно или неофициальное? Скорее, от более существенных черт:

Послания подписали главные военачальники – министры обороны Азербайджана Мамедрафи Мамедов и Армении Серж Саркисян, командующий армией Нагорного Карабаха Самвел Бабалян.

Это сделано ими по прямым поручениям высших руководителей – президентов Гейдара Алиева и Левона Тер-Петросяна, а также лидера карабахских армян Роберта Кочаряна. В отличие от подобных договоренностей о краткосрочном прекращении огня данное соглашение специально было подписано как бессрочное (по умолчанию). Потом мы предлагали сторонам переоформить соглашение по стандартным образцам, но азербайджанцы уклонились.

По предложению России 27 июля 1994 г. М. Мамедов, С. Саркисян и С. Бабаян подписали заявление, в котором обязались соблюдать это соглашение вплоть до заключения соглашения о прекращении вооруженного конфликта. Такие же заявления неоднократно делали публично главы государств (Азербайджана и Армении) и высший руководитель Нагорного Карабаха. Все это важнее формальных юридических тонкостей.

Соглашение не требовало одобрения парламентами, но однозначно одобрено народами. И нет никаких оснований считать его неофициальным, **опасно потакая (вольно или невольно) тем, кто вновь ратует за решение этого затянувшегося конфликта силой.**

В сентябре 2003 г. в письме на эту тему я попросил Генерального секретаря ОБСЕ Яна Кубиша не допустить повтора слова «неофициальное» при новых изданиях справочников (их издавал Секретариат общеевропейской организации), а представителей России при ОБСЕ проследить за этим.

В издании 2007 г. наконец-то это словечко устранено. Но теперь там вообще нет упоминания о том, что в Карабахе установлено перемирие. Скупно очерчена деятельность МГ, щедро расписана прочая мелочевка, а **о единственном реальном достижении в карабахском урегулировании – ни слова!** Хотя для ОБСЕ далеко не безразлично, работают ли сопредседатели МГ в условиях войны или перемирия. И все потому, что оно добыто при содействии России, а не ОБСЕ.

Отсюда один из выводов: мы не лучшим образом обеспечиваем **последовательность и преемственность** в делах, мало печемся о достижениях России, о том, чтобы западники так или эдак не переигрывали нас.

2. Есть еще один экзотический пример того, как неряшливо ведутся дела в общеевропейской организации, – судьба другого, вполне официального **соглашения об укреплении режима прекращения огня**, подписанного всеми тремя сторонами 4 февраля 1995 г. уже под эгидой ОБСЕ (тоже по инициативе России и тоже по умолчанию бессрочного).

Одна из особенностей прекращения огня в Карабахе в мае 1994 г. в том, что Баку не пожелал ни размещения международных наблюдателей или миротворческих сил, ни даже обычно применя-

емого развода сил сторон от линии соприкосновения, отвода тяжелого вооружения.

Эти военно-технические меры азбучны для надежного соблюдения прекращения огня. Обыкновенный симметричный вариант развода войск был отклонен министром обороны АР М. Мамедовым. С учетом озабоченностей азербайджанской стороны посредник специально выработал асимметричный вариант развода сил, но и тот не был принят ею («армяне – на нашей территории, пусть они и отходят!»). Никакие доводы о том, что это самая начальная фаза урегулирования, где учитываются лишь военно-технические, а не военно-политические критерии, не убедили М. Мамедова. Полевые позиции сторон с 1994 г. остались на малой дистанции друг от друга, что усилило опасность инцидентов, а потом азербайджанцы местами даже приближали свои позиции к армянским (все под тем же предлогом: «это – наша территория»). Таким образом, стороны взяли на себя ответственность за поддержание режима прекращения огня. Иногда они с гордостью говорят об этом, но не проявляют адекватной сдержанности и ответственности.

Из-за отсутствия развода войск сопредседатели Минской группы ОБСЕ (Россия и Швеция) в начале 1995 г. предложили сторонам заключить соглашение об укреплении режима прекращения огня, определяющее порядок локализации и улаживания инцидентов, поддержания прямых контактов между всеми сторонами на уровнях политического и военного руководства, а также между командирами на местах. При инцидентах стороны обязались незамедлительно вступать в контакт с противостоящей стороной и информировать посредников, указав точное место и время, характер и последствия происшествия, предложить принять меры против нарушителей и для восстановления статус-кво-анте. Другая сторона обязана провести расследование и в течение 6 часов дать ответ, сообщить о принятых ею мерах. Затруднены также пропагандистская раскрутка инцидентов, нагнетание взаимного недоверия и неприязни.

Текст соглашения был заранее проработан лично с Г. Алиевым, Л. Тер-Петросяном и Р. Кочаряном и подписан министрами обороны АР и РА, командующим армией НК. Для поддержания контактов стороны официально обменялись через посредников номерами телефонов политического и военного руководства. Текст соглашения давно опубликован (см. приложение, документ № 12).

Это единственное соглашение в активе ОБСЕ по Карабаху вступило в силу 6 февраля 1995 г., однако **давно не выполняется сторонами**. Тем больше удивляет вялый подход евроорганизации к своему соглашению, нацеленному на оздоровление обстановки в регионе конфликта. ОБСЕ не печется о его выполнении. Неиз-

вестно, чтобы иерархи ОБСЕ (Действующий председатель, «тройка», Постоянный совет в Вене) ставили этот вопрос перед сторонами. Иногда, но не часто об этом напоминают сопредседатели МГ.

Еще один горький курьез: личный представитель Действующего председателя ОБСЕ Анджей Каспржик, проводящий с 1997 г. мониторинги на линии соприкосновения, лишь в 2003 г. узнал об этом соглашении из моей газетной статьи и запросил его текст. В связи с нередкими инцидентами мне как одному из авторов соглашения не раз довелось поднимать вопрос о его невыполнении в статьях и выступлениях, а также перед структурами ОБСЕ.

(Но должны были знать об этом и настаивать на выполнении соглашения **российские сопредседатели МГ ОБСЕ**. Это еще один пример «соскальзывания» важных дел при смене наших дипломатов.)

В марте 2005 г. на парламентских слушаниях в Ереване министр обороны Армении Серж Саркисян публично ответил мне, что армяне готовы вернуться к выполнению этого соглашения, если так же поступит азербайджанская сторона. Ту же позицию занял Степанакерт, предложив Баку и Еревану договориться о выполнении соглашения. Ответа из Баку нет до сих пор – уже на протяжении многих лет.

Положим, там не удовлетворены соглашением (из-за участия в нем НК или обязательства поддерживать контакты с противостоящей стороной). Тогда могли бы предложить дополнить или изменить его; в конце концов, заключить новое соглашение. Буквально каждый день Баку сообщает о многократных нарушениях армянами прекращения огня, иногда о жертвах среди военнослужащих и мирных жителей. Казалось бы, элементарная логика требует от сторон не только выражать озабоченность происходящими инцидентами и жертвами, но и принимать меры для выправления положения. Но никаких предложений для нормализации обстановки не выдвигается. Остается предположить, что кого-то **инциденты устраивают**: поддерживают и нагнетают напряженность, неприязнь и ненависть к противнику.

После самого крупного за многие годы инцидента 4 марта 2008 г. МИД России 5 марта предложил сторонам задействовать все предусмотренные этим соглашением возможности. 7 марта за это высказались, наконец-то, все сопредседатели МГ ОБСЕ (хотя ошибочно адресовались к «обеим» сторонам – соглашение заключено между тремя). Но дальше ничего не сделано, и так будет до другого более или менее крупного инцидента.

Нынешние посредники и личный представитель ДП ОБСЕ призваны содействовать укреплению режима прекращения огня, однако их возможности фиксировать и проверять инциденты весьма ограничены. Периодически проводимые послом А. Каспржи-

ком и его помощниками мониторинги на линии соприкосновения никак не могут исключить инциденты – все зависит от сторон конфликта.

3. Пренебрежение выполнением официально взятых обязательств не способствует становлению **состоятельности государств**. Возникает и более серьезный вопрос: будет ли выполняться то соглашение по урегулированию карабахского конфликта, над «базовыми принципами» которого идет сейчас работа, или его ждет та же судьба в системе ОБСЕ?

С другой стороны, **под вопросом эффективность самой ОБСЕ**. Ей явно не хватает верности своей миссии мирно урегулировать карабахский конфликт, твердости в отстаивании этого курса.

Взявшись мирно разрешить конфликт, ОБСЕ должна решительно выступать против всего, что мешает этому. А поскольку стороны и сами взяли то же самое обязательство, ОБСЕ должна требовать этого и от них. Ее решения приняты консенсусом, то есть без возражений со стороны государств–участников конфликта.

4. Необъяснима удивительная **толерантность ОБСЕ** в отношении ряда весьма негативных явлений вокруг Карабаха. Вот некоторые из них:

А) раскрутка **воинственной кампании** руководством Азербайджана;

Б) взвинчивание им военных бюджетов и **гонки вооружений**, особенно нетерпимое в столь чувствительном и взрывоопасном регионе;

В) периодические серии **инцидентов на линии соприкосновения**.

Все три явления служат нагнетанию напряженности, закреплению и даже наращиванию взаимного недоверия, парализующего мирный процесс.

Сопредседатели МГ ОБСЕ высказываются по этим вопросам слишком деликатно, даже чересчур робко. Это можно еще понять с учетом иерархии – это послы. Но где же **высшие должностные лица ОБСЕ**? Не похоже, чтобы они даже в закрытом порядке привлекали внимание руководителей сторон конфликта к неприемлемости таких акций и заявлений.

Лишь бы спасти переговорный процесс, в любом виде удержать его на плаву, ОБСЕ идет иногда на неоправданные уступки сторонам в конфликте, проявляет конформизм. Конечно, этот процесс чрезвычайно важен, хотя бы для сохранения перемирия, но не может стать самоцелью. Цель – разрешение конфликта мирными, переговорными средствами.

Каждая из сторон требует от ОБСЕ давления на противостоящую ей. Посредники не хотят давить, и это верно. Но ОБСЕ приложила немало усилий для мирного решения конфликта и не

должна позволять сторонам пренебрежительно относиться к ним. Это вовсе не давление на стороны, а **естественное ограждение мирного пути решения конфликта**, того пути, за который выступили как все стороны, так и ОБСЕ вместе со всем международным сообществом.

5. ОБСЕ не хватает верности своим собственным решениям, документам, принятым ранее, причем принятым опять же с согласия сторон. Опираясь на свои принципы и принятые решения, она вправе влиять должным образом на стороны конфликта, а не плестись за ними, уступая в необоснованных требованиях. Можно привести немало решений ОБСЕ, от которых она давно отошла и действует не так, как было решено. Причем никакой ее орган не отменил и не изменил ранее принятые решения. Вот примеры:

– Будапештский саммит поручил сопредседателям проведение переговоров между **конфликтующими сторонами**, а не только между признанными государствами. В мандате сопредседателей тоже речь идет **лишь о сторонах конфликта, а не о государствах**. Пресловутый «пражский процесс» не имел под собой никакого решения ОБСЕ.

– О НК как третьей стороне этого конфликта однозначно высказался Действующий председатель ОБСЕ Ласло Ковач 31 марта 1995 г. Он подчеркнул участие всех трех сторон **во всем процессе переговоров**, включая Минскую конференцию. Из трехсторонней конфигурации конфликта исходили сопредседатели МГ ОБСЕ и в трех своих предложениях сторонам в 1997–98 гг. Их нынешняя позиция на этот счет не слишком четкая. ОБСЕ вместо соблюдения принятых решений сползла на позицию, как бы чего не случилось. Лучше вести переговоры кое-как, лишь бы вести.

– ОБСЕ в 1992 г. приняла во внимание проведение выборов в Нагорном Карабахе (приглашались «избранные и другие представители НК»). А в последние годы ОБСЕ и его структуры, да и государства-сопредседатели осуждают проведение в НК выборов. Ведь там избирается власть только для своего населения, пусть даже на временной и не вполне легитимной для всех основе де-факто из-за того, что конфликт пока так и не урегулирован. Разве предпочтительнее власть авторитарных личностей или военщины? Кого лучше иметь в мирном процессе – узурпатора власти, фактически самозванца или лицо, которое имеет пусть даже не самый общепризнанный мандат от населения данного региона?

Эта критика вовсе не имеет целью поиск новых посредников взамен сопредседателей МГ ОБСЕ или впристезку к ним. Наивно полагать, что смена посредников решила бы дело. Многие просто не выдерживали тягот посредничества по Карабаху. Так, Италия

«утомилась» за 17 месяцев, Швеция за 16, Финляндия взмолилась через 11 и с трудом дотянула до 20 месяцев.

Периодически возникающие в Азербайджане искушения поменять или «демократизировать» посредничество, перетасовать сопредседателей МГ ОБСЕ, активизировать других членов МГ идут вразрез с решением Будапештского саммита ОБСЕ, поручившего проведение переговоров между сторонами конфликта не МГ ОБСЕ, а **ее сопредседателям**. До Будапешта весь опыт посредничества МГ в 1992–94 гг. (9 посредников, включая ангажированную Турцию!) изжил сам себя. В 1997 г. сопредседательство расширилось до трех, когда вместо Финляндии к России подключились сначала Франция, а затем США.

Дело в позициях сторон и оппортунизме ОБСЕ. Надо требовать от общеевропейской организации большей четкости и последовательности в ведении дел, непримиримости даже к помыслам о силовом решении конфликта и настойчивости в проведении в жизнь принятых решений.

6. В ходе карабахской войны было немало отвратительных явлений (депортаций, бомбежек и обстрелов городов и сел, убивали плененных и т.п.). Среди них и **оккупация** чужих земель. О ней говорится много, ее даже отождествляют с **агрессией**, хотя это не совсем одно и то же. Противоборство началось еще в СССР как внутренний конфликт (а не агрессия), а разгорелось после распада Советского Союза. Только Москва прямо говорила тогда Еревану, что Армения – прямой участник конфликта. Запад был терпим к подключению РА к военным действиям (в четырех резолюциях СБ ни слова об участии Армении в войне). Видимо, сказывалась инерция поддержки карабахского движения ради ослабления СССР.

С явным умыслом замазывается **причинно-следственная связь**: происхождение оккупации и нынешнего статус-кво. Баку не нравится разбираться, как это было. Конфликт начался не с оккупации. **Оккупация – следствие военных действий** на протяжении почти двух с половиной лет. Мы осуждали каждый захват, но в ходе боевых действий военная логика плохо подчиняется политической, юридической, а тем более моральной. Армяне норовили спрямить, сократить линию фронта перед лицом потенциального превосходства Азербайджана и продолжали захваты. Но Баку стал «соавтором» армянской оккупации: он упорно пытался решить конфликт силой, уходил от миротворческих инициатив, срывал прекращения огня. В оккупации **официальный Баку повинен не меньше других сторон**. Оплакивать последствия своей воинственности маловато – полезнее осознать свою немалую ответственность за произошедшее и извлечь уроки на будущее.

Конечно, оккупация районов вокруг НК – **аномалия**. Ее надо устранить как можно скорее. После падения Агдама это было даже **безоговорочным** требованием СБ ООН, но после серии срывов миротворческих усилий в 1993–94 гг. стало предметом переговоров: не мог СБ ООН вознаграждать того, кто более года не выполнял главное требование всех его четырех резолюций – **немедленно** прекратить военные действия. Азербайджанцы целый год не выполняли это требование (что такое год войны – всем понятно). Свое контрнаступление зимой 1993/94 гг. они проводили после всех четырех резолюций СБ ООН. Из-за невыполнения он вообще перестал принимать резолюции по Карабаху.

7. Взаимное недоверие сторон породило спор, быть ли урегулированию пакетным или поэтапным. Что должно быть устранено в первую очередь – причины или последствия вооруженного конфликта? Каждая сторона, не веря противнику, хочет в первую очередь выполнения своих требований. Но для международного сообщества, для ОБСЕ должен быть свой **наивысший приоритет: перекрыть все пути к возобновлению военных действий**.

Пакетное урегулирование автоматически включает в себя гарантии мирного решения, исключает возврат к войне как средству решения спорных проблем, но оно вряд ли возможно в обозримом будущем. Хотя армяне закладывают в него уже не определение окончательного статуса НК, а только способ его определения – волеизъявлением его населения.

Поэтапное решение, которого добиваются азербайджанцы с целью первоочередного освобождения территорий, занятых вокруг НК, и возвращения вынужденных переселенцев, имеет свои сложности. По всей внутренней логике урегулирования поэтапный подход невозможен без **четкого отказа сторон от применения силы и его надежного гарантирования**. Невозможно рассчитывать получить выгоды первых этапов урегулирования, а затем с более удобных позиций возобновить военные действия. Другая сторона никогда не пойдет на такую «поэтапность». Поэтому отказ от применения силы становится **«нулевым циклом»** для поэтапного подхода. Без него не быть первому этапу, не проскочить к первому этапу.

Освобождению оккупированных территорий больше всего мешает как раз попытка цепляться за иллюзию военного реванша. Кто же сдаст более выгодные, давно укрепленные позиции, если угроза вспышки военных действий так и не снята полностью? И наоборот, **устранение военной угрозы лишит армян внятных предлогов сохранять оккупацию азербайджанских районов**, даже если окончательно еще и не решен вопрос о статусе НК. Это и стало бы победой разума, победой права над силой. Пока этого

нет, стороны не способны на взаимные уступки в поисках компромисса: одна сторона еще надеется на силовой реванш, а другие, опасаясь этого, укрепляют выгодную для них линию обороны.

Поэтому необходимо отдать приоритет теперь не столько принципам урегулирования, сколько **снятию любых военных угроз**, что скорее открыло бы путь к первым практическим шагам. Отказ от этого – синоним нежелания идти на мирное, переговорное разрешение конфликта. Это должно вызывать однозначно негативную реакцию со стороны ОБСЕ, сопредседателей и участников МГ, других государств и международных организаций.

На снятие военных угроз, на безальтернативность мирного решения в Карабахе и нацелена **Московская декларация** президентов России, Армении и Азербайджана. В перспективе при честном подходе высших руководителей сторон конфликта она открывает путь к историческому примирению между армянами и азербайджанцами. К сожалению, это потребует проверки временем. Уже просматривается, что не все чистосердечно подписали ее.

Но какими бы мотивами кто ни руководствовался, международному сообществу необходимо добиться **заблаговременного принуждения к миру в Карабахе**, но цивилизованными **политико-дипломатическими средствами**. По многим причинам Россия заинтересована в этом больше, чем многие другие страны.

Многочисленных официальных заявлений со стороны сопредседателей, их государств, высших официальных представителей других стран и международных организаций в поддержку мирного решения конфликта, безальтернативности мирного пути и даже Московской декларации недостаточно. Надо наращивать усилия по этому направлению вплоть до предложения о заключении **соглашения о неприменении силы в разрешении карабахского конфликта**. Вряд ли Баку сможет пойти на это, но сама постановка вопроса послужит ограничителем в его заявлениях и действиях (особенно после авантюры Саакашвили).

С другой стороны, посредники, продолжая нынешнюю линейную программу действий (сначала принципы, потом текст соглашения, потом проблемы его подписания и главное – выполнения), могли бы выделить **два-три узких прикладных вопроса**, имеющих довольно самостоятельное значение и не требующих включения в принципы, для того чтобы провести по ним отдельные переговоры с целью отдельных «малых соглашений». При общей тупиковой ситуации успех и в малом деле имел бы значение как подтверждение возможности преодолеть взаимное недоверие.

8. Еще один, казалось бы, мелкий вопрос. Сопредседательство отходит от русского языка и все больше работает на английском. В СМИ Закавказья при переводе на русский это нередко приводит

к искажениям. В Баку и Ереване профессиональная элита знает английский, но в народе, а также в Степанакерте пока больше в ходу русский. Прежде весь минский процесс был двуязычен и чаще делали переводы с русского на английский, чем наоборот. МИДы стран-участниц МГ ОБСЕ подбирали кадры со знанием русского языка (его знают также американец Брайза и француз Фасье).

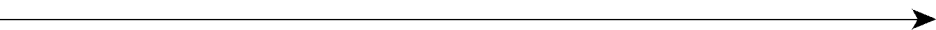
Можно возразить, что главное – не в языке, а в сдвигах на переговорах. Это верно, но когда и сдвигов серьезных пока нет, то и языковым фактором не стоило бы пренебрегать.

9. Сопредседатели Минской группы часто проводят консультации между собой, это очень хорошо. Не совсем ясно однако, касаются ли при этом лишь текущих задач своей работы над базовыми принципами соглашения или всей роли ОБСЕ в процессе карабахского урегулирования, готовят ли предложения по активизации усилий ее высших структур – Действующего председателя, «тройки», Постоянного совета. Пока не видно глубокой вовлеченности высшей иерархии ОБСЕ в урегулирование самого первого из конфликтов, которым общеевропейская организация занимается с 1992 г.

В такой ситуации вполне естественно президент России Д.А. Медведев активизировал собственные усилия в этой сфере с учетом горького опыта кровавой авантюры Саакашвили. Нельзя допустить, чтобы время выветрило суть Московской декларации, четко нацеленной на мирное, политическое разрешение карабахского конфликта – нужны уже и реальные дела.

Полагаю, что московская «команда» также периодически нуждается в критичном и в чем-то даже самокритичном рассмотрении хода карабахского урегулирования в целом.

Приложения

Основные международные документы по урегулированию нагорно-карабахского конфликта

1. Железноводское коммюнике (*Железноводск, 23 сентября 1991 г.*);
2. Резюме выводов Совета министров СБСЕ (*Хельсинки, 24 марта 1992 г.*);
3. Совместное заявление глав государств (*Тегеран, 7 мая 1992 г.*);
4. Резолюция 822 Совета Безопасности ООН (*30 апреля 1993 г.*);
5. Резолюция 853 Совета Безопасности ООН (*29 июля 1993 г.*);
6. Резолюция 874 Совета Безопасности ООН (*14 октября 1993 г.*);
7. Резолюция 884 Совета Безопасности ООН (*12 ноября 1993 г.*);
8. Заявление глав государств СНГ (*Москва, 15 апреля 1994 г.*);
9. Бишкекский протокол (*Бишкек, 5 мая 1994 г.*);
10. Соглашение о прекращении огня с 12 мая 1994 г. (*подписано в Баку 9 мая, Ереване 10 мая, Степанакерте 11 мая 1994 г. в виде посланий в Москву*);
11. Решение саммита ОБСЕ по Нагорному Карабаху (*Будапешт, 6 декабря 1994 г.*);
12. Договоренность об урегулировании инцидентов (*4 февраля 1995 г.*);
13. Мандат сопредседателей Минской группы ОБСЕ (*1 марта 1995 г.*);
14. Резюме Действующего председателя ОБСЕ (*Прага, 31 марта 1995 г.*);
15. Заявление Действующего председателя ОБСЕ (*Лиссабон, 3 декабря 1996 г.*);
16. Совместное заявление президентов РФ, США и Франции (*Денвер, 23 июня 1997 г.*);
17. Предложение сопредседателей МГ ОБСЕ («пакетный» вариант), 1997 г.;
18. Предложение сопредседателей МГ ОБСЕ («поэтапный» вариант), 1997 г.;
19. Предложение сопредседателей МГ ОБСЕ («общее государство»), 1998 г.;
20. Московская декларация (*2 ноября 2008 г.*).

**СОВМЕСТНОЕ КОММЮНИКЕ
ОБ ИТОГАХ ПОСРЕДНИЧЕСКОЙ МИССИИ
ПРЕЗИДЕНТОВ Б. ЕЛЬЦИНА И Н. НАЗАРБАЕВА**

23 сентября 1991 г.

Четвертый год не утихает острейший конфликт в районе Нагорного Карабаха, унесший жизни многих людей разных национальностей. Гибнут мирные граждане, гибнут военнослужащие армии и внутренних войск. Центральные органы СССР оказались неспособны разработать и реализовать эффективные меры по нормализации обстановки в регионе. Допущены грубейшие ошибки, повлекшие за собой [...] конфликтующих сторон и рост недоверия к союзным органам.

В сложившейся ситуации возникла необходимость в посреднических усилиях, цель которых «создать условия для начала переговорного процесса, шаг за шагом закладывающего основы нормализации ситуации в регионе. По согласованию с азербайджанской и армянской сторонами роль посредников приняли на себя руководители РФ и Казахстана.

20–23 сентября 1991 г. посредническая миссия, возглавляемая Президентом РФ Б. Ельциным и Президентом Казахстана Н. Назарбаевым, находилась в Баку, Гяндже, Степанакерте и Ереване. Стороны в решении конфликта руководствуются принципом невмешательства во внутренние дела суверенных государств, неукоснительного соблюдения прав всех граждан независимо от их национальности в соответствии с нормами международного права.

В ходе посреднических усилий обсуждены некоторые вопросы поэтапного урегулирования конфликта. Основные результаты обсуждения заключаются в следующем:

1. Стороны считают, что необходимыми и обязательными условиями урегулирования до 1 января 1992 г. конфликта являются; прекращение огня, отмена всех неконституционных актов Азербайджана и Армении по НКАО, признание полномочий законных органов власти, вывод из зоны конфликта всех вооруженных формирований за исключением частей внутренних войск МВД и МО СССР. По истечении этого срока присутствие всех вооруженных формирований и их действия признаются сторонами незаконными и будут пресекаться внутренними войсками МВД СССР, а участники вооруженных формирований подлежат привлечению к установленной законом ответственности.

Поручить рабочей группе наблюдателей разработать меры по прекращению огня, нейтрализации всех вооруженных формирований, определяемых ею как незаконные, созданию гарантий безопасности всех граждан, проживающих в зоне конфликта.

2. В целях реализации согласованных действий по нормализации положения в зоне конфликта образуется временная рабочая группа наблюдателей, в которую входят полномочные представители РФ и Казахстана. Рабочая группа начинает деятельность с 1 октября.

3. Азербайджанская Республика и Республика Армения обеспечивают поэтапное, начиная с пустующих сел, возвращение депортированного насе-

ления. Стороны гарантируют его безопасность в местах постоянного *проживания*. Переговоры по этому вопросу начать с 1 октября 1991 года.

4. Стороны, вовлеченные в конфликт, незамедлительно приступают к освобождению заложников. Этот процесс должен быть завершен в двухнедельный срок, по истечении которого лица, причастные к удержанию заложников, привлекаются к ответственности в соответствии с законом. Контроль за выполнением настоящего пункта осуществляют полномочные представители сторон-посредников.

5. Совместно с союзными органами стороны обеспечивают в двухнедельный срок нормальное функционирование железнодорожного транспорта, воздушных сообщений, систем связи и коммуникаций. Стороны с участием посредников приступают к переговорам по обеспечению свободного и взаимовыгодного функционирования автомобильных дорог.

6. В ходе обсуждения стороны пришли к единодушному мнению о необходимости обеспечения объективности информации, поступающей из зоны конфликта. Решено образовать информационную группу, состоящую из представителей РФ, Казахстана, уполномоченных осуществлять подготовку официальной информации о событиях в зоне конфликта.

7. Высшие органы государственной власти Азербайджана и Армении утверждают полномочные делегации, которые незамедлительно приступят к двустороннему процессу переговоров на постоянной основе.

8. Стороны считают, что начинающемуся переговорному процессу будет способствовать подготовка и заключение в ближайшее время двусторонних договоров между РФ и Азербайджаном, РФ и Арменией, Казахстаном и Арменией.

9. Рабочей группе наблюдателей периодически информировать высших руководителей четырех республик о ходе реализации мер, предусмотренных настоящим Коммюнике.

Положения, содержащиеся в настоящем Коммюнике, не могут быть рассмотрены как право посредников на вмешательство во внутренние дела суверенных государств – Азербайджанской Республики и Республики Армения.

Документ № 2

СБСЕ
ПЕРВАЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА СОВЕТА
ХЕЛЬСИНКИ, 1992 ГОД

ХЕЛЬСИНКСКАЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА СОВЕТА СБСЕ 24 марта 1992 года

Резюме выводов

I.

1. Совет СБСЕ провел свою первую дополнительную Встречу в Хельсинки 24 марта 1992 года.

2. **Министры приветствовали: Грузию, Словению и Хорватию в качестве государств-участников, получив от каждого из них письмо о согла-**

сии принять на себя обязательства и ответственность в рамках СБСЕ (приложения 1–3). Министры не считают, что принятие Словении и Хорватии затрагивает каким-либо образом Конференцию по Югославии, равно как и не предрешает результаты этой Конференции. Министры поддерживают усилия Брюссельской конференции по Югославии в рамках поисков всеобъемлющего политического урегулирования югославского кризиса.

II.

3. Министры выразили свою глубокую озабоченность в связи с продолжающейся эскалацией вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе и вокруг него, в результате которой увеличиваются страдания и растет число человеческих жертв среди населения. Они провели широкое обсуждение путей и средств прекращения конфликта, памятуя о тех последствиях для региональной и международной безопасности, к которым может привести его продолжение и дальнейшее расширение. Они призвали все стороны проявлять сдержанность.

4. Министры самым решительным образом вновь призвали к немедленному и эффективному прекращению огня при активном участии в его осуществлении ответственных командиров на местах. Они обратились с призывом о восстановлении атмосферы доверия и условий для конструктивного диалога, включая прекращение принятия мер экономического и политического давления.

5. Министры провели обзор текущей деятельности в рамках СБСЕ и одобрили в целом решения, принятые Комитетом старших должностных лиц. Они выразили свою признательность действующему Председателю СБСЕ за предпринятые им в этой связи шаги и подчеркнули свою готовность оказывать ему в случае необходимости всевозможное содействие.

6. Министры приветствовали взаимодополняющие усилия, предпринятые Европейским сообществом и его государствами-членами, государствами-членами Содружества независимых государств, членами Североатлантического совета сотрудничества и, в частности, усилия, предпринятые Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций.

Они просили действующего Председателя СБСЕ поддерживать в этом отношении тесные контакты с Организацией Объединенных Наций и организовать регулярный обмен информацией.

Министры согласились, что СБСЕ должно играть важную роль в деле развития мирного процесса в отношении этого конфликта. Они согласились, что положение в Нагорном Карабахе и вокруг него требует дальнейших действий со стороны СБСЕ.

7. Министры поручили действующему Председателю Совета министров СБСЕ г-ну Иржи Динстбиру в ближайшее время посетить этот регион с тем, чтобы содействовать, в частности, достижению и поддержанию эффективного прекращения огня, а также созданию рамок для всеобъемлющего мирного урегулирования.

8. Министры выразили свою твердую убежденность в том, что конференция по Нагорному Карабаху под эгидой СБСЕ обеспечит постоянно действующий форум для переговоров, с целью мирного урегулирования

кризиса на основе принципов, обязательств и положений СБСЕ. В этой связи министры просили действующего Председателя Совета министров СБСЕ созвать такую конференцию как можно скорее.

9. Министры, кроме того, согласились, что участниками этой Конференции, которая состоится в Минске, будут Азербайджан, Армения, Беларусь, Германия, Италия, Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Турция, Франция, Чешская и Словацкая Федеративная Республика и Швеция. Избранные и другие представители Нагорного Карабаха будут приглашены на Конференцию ее Председателем в качестве заинтересованных сторон после консультаций с участвующими в Конференции государствами. Действующий Председатель Совета СБСЕ назначит Председателя Конференции по Нагорному Карабаху под эгидой СБСЕ.

10. Министры настоятельно призвали все государства-участники СБСЕ и все заинтересованные стороны предпринять все необходимые шаги для обеспечения того, чтобы гуманитарная помощь предоставлялась всем, кто в ней нуждается, с использованием быстрых и эффективных средств, включая безопасные коридоры, поставленные под международный контроль.

11. Министры приняли к сведению обязательство Армении и Азербайджана оказать полную поддержку миссии действующего Председателя Совета СБСЕ в этот регион, а также другим действиям, в отношении которых было достигнуто согласие Совета СБСЕ, и призывают обе эти страны активно выполнять это обязательство с целью достижения прочного мирного урегулирования.

III.

12. Министры согласились провести Стокгольмскую встречу Совета 14 и 15 декабря 1992 года.

Документ № 3

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ В ТЕГЕРАНЕ

По приглашению Президента Исламской Республики Иран господина Акбара Хашеми-Рафсанджани в Тегеран для ведения двусторонних переговоров, а также для обсуждения региональных проблем прибыли осуществляющий полномочия Президента Азербайджанской Республики г-н Якуб Мамедов и Президент Республики Армения г-н Левон Тер-Петросян. Воспользовавшись предоставленной возможностью, по инициативе и предложению иранской стороны, в рамках дипломатических усилий по нормализации положения в Нагорном Карабахе и на азербайджано-армянской границе и сближения точек зрения в целях ослабления напряженности в регионе, главы двух государств встретились 7 мая 1992 г. и провели переговоры.

Стороны предварительно выразили благодарность Исламской Республике Иран, международным и региональным организациям, а также другим странам за усилия, направленные на мирное урегулирование конфликта в регионе, и выразили надежду, что миролюбивые пожелания и добрая воля будут способствовать миру и стабильности.

Стороны с целью развития двусторонних отношений и обеспечения безопасности в регионе пришли к согласию организовывать встречи представителей обеих стран на высшем уровне и, периодически, руководителей районов и ответственных военных представителей.

Стороны выразили желание мирными способами решать на разных уровнях все вопросы, связанные с нормализацией двусторонних отношений, на основе принципов СБСЕ и международного права.

Принимая за основу международные правовые нормы, Устав ООН, стороны подчеркнули необходимость обеспечения мира и стабильности на границах, в Нагорном Карабахе, отмечая, что это выгодно как для двух государств, так и для региона.

Уважая права человека и меньшинств, стороны обратили обоюдное внимание на вопросы решения проблем армянских и азербайджанских беженцев.

Стороны договорились, что в течение недели по прибытии в регион (Баку, Ереван, Нагорный Карабах) специального представителя Президента Исламской Республики Иран г-на М Ваэзи, после проведения переговоров с заинтересованными сторонами и при поддержке глав государств Азербайджана и Армении осуществляется прекращение огня и одновременно открываются все коммуникационные дороги с целью обеспечения экономических потребностей.

При согласии для выполнения достигнутых соглашений помимо наблюдателей Исламской Республики Иран будут привлечены наблюдатели СБСЕ и др.

Стороны, положительно оценивая работу встречи на высшем уровне в Тегеране, пришли к согласию, что все вопросы, связанные с двусторонними отношениями, необходимо решать посредством встреч и совещаний ответственных лиц на разных уровнях и путем переговоров.

Главы двух государств, высоко оценивая усилия Исламской Республики Иран, выразили надежду, что Исламская Республика Иран будет продолжать свои усилия до утверждения окончательного мира и стабильности в регионе.

Исламская Республика Иран
Акбар ХАШЕМИ-РАФСАНДЖАНИ
Азербайджанская Республика
Я. МАМЕДОВ
Республика Армения
Л. ТЕР-ПЕТРОСЯН

Документ № 4

РЕЗОЛЮЦИЯ 822 (1993) СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

от 30 апреля 1993 года

Совет Безопасности,
ссылаясь на заявления, сделанные Председателем Совета Безопасности 29 января и 6 апреля 1993 года, о нагорно-карабахском конфликте, принимая к сведению доклад Генерального секретаря от 14 апреля 1993 года, выражая серьезную обеспокоенность в связи с ухудшением отношений между Республикой Армения и Азербайджанской Республикой,

с *беспокойством отмечая* эскалацию вооруженных военных действий, и в частности последнее вторжение местных армянских сил в Кельбаджарский район Азербайджана,

будучи обеспокоен тем, что эта ситуация угрожает миру и безопасности в регионе,

выражая серьезную обеспокоенность в связи с перемещением большого числа гражданских лиц и чрезвычайной гуманитарной ситуацией в регионе, в частности в Кельбаджарском районе,

вновь подтверждая уважение суверенитета и территориальной целостности всех государств в регионе;

вновь подтверждая также нерушимость международных границ и недопустимость применения силы для приобретения территории,

заявляя о своей поддержке мирного процесса, осуществляемого в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, и будучи глубоко обеспокоен разрушительными последствиями, которые может иметь для этого процесса эскалация вооруженных военных действий,

1. *требует* немедленного прекращения всех военных действий и враждебных актов в целях установления прочного прекращения огня, а также немедленного вывода всех оккупирующих сил из Кельбаджарского района и других недавно оккупированных районов Азербайджана;

2. *настоятельно призывает* заинтересованные стороны немедленно возобновить переговоры в целях разрешения конфликта в рамках мирного процесса Минской группы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и воздерживаться от любых действий, которые затруднят мирное решение проблемы;

3. *призывает* обеспечить беспрепятственное осуществление международной деятельности по оказанию гуманитарной помощи в регионе, в частности во всех районах, затронутых конфликтом, с тем чтобы облегчить страдания гражданского населения, и вновь подтверждает, что все стороны обязаны соблюдать принципы и нормы международного гуманитарного права;

4. *просит* Генерального секретаря в консультации с действующим Председателем Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также Председателем Минской группы провести оценку ситуации в регионе, в частности в Кельбаджарском районе Азербайджана, и представить Совету дальнейший доклад;

5. *постановляет* продолжать активно заниматься этим вопросом.

Принята единогласно на 3205-м заседании.

Документ № 5

РЕЗОЛЮЦИЯ 853 (1993) СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

от 29 июля 1993 года

Совет Безопасности,
подтверждая свою резолюцию 822 (1993) от 30 апреля 1993 года,
рассмотрев доклад Председателя Минской группы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 27 июля 1993 года,

выражал серьезную обеспокоенность в связи с ухудшением отношений между Республикой Арменией и Азербайджанской Республикой и напряженностью между ними,

приветствуя принятие заинтересованными сторонами плана неотложных мер по осуществлению его резолюции 822 (1993),

с тревогой отмечая эскалацию военных действий и, в частности, захват Агдамского района в Азербайджане,

будучи обеспокоен тем, что такое положение продолжает угрожать миру и безопасности в регионе,

выражал вновь серьезную обеспокоенность в связи с перемещением большого числа гражданских лиц в Азербайджане и чрезвычайной гуманитарной ситуацией в регионе,

вновь подтверждал суверенитет и территориальную целостность Азербайджана и всех других государств в регионе,

вновь подтверждая также нерушимость международных границ и недопустимость применения силы для приобретения территории,

1. *осуждает* захват Агдамского района и всех других недавно оккупированных районов Азербайджанской Республики;

2. *осуждает также* все враждебные действия в регионе, в частности нападения на гражданских лиц и бомбардировки и артиллерийские обстрелы населенных районов;

3. *требует* незамедлительного прекращения всех военных действий и немедленного, полного и безоговорочного вывода участвующих в конфликте оккупационных сил из Агдамского района и всех других недавно оккупированных районов Азербайджана;

4. *призывает* заинтересованные стороны достичь прочных договоренностей о прекращении огня и соблюдать их;

5. *вновь подтверждает* в контексте пунктов 3 и 4, выше, свои предыдущие призывы восстановить экономические, транспортные и энергетические связи в регионе;

6. *одобряет* продолжающиеся усилия Минской группы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе по обеспечению мирного разрешения конфликта, включая усилия по осуществлению резолюция 822 (1993), и выражает серьезную обеспокоенность в связи с губительными последствиями для этих усилий эскалации военных действий;

7. *приветствует* меры по подготовке миссии Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе по наблюдению, включая график ее развертывания, а также рассмотрение в рамках Совещания предложения об обеспечении присутствия Совещания в регионе;

8. *настоятельно призывает* заинтересованные стороны воздерживаться от любых действий, препятствующих мирному разрешению конфликта, и продолжать переговоры в рамках Минской группы, а также посредством прямых контактов между ними в целях достижения окончательного урегулирования;

9. *настоятельно призывает* правительство Республики Армении продолжать оказывать свое влияние в целях обеспечения соблюдения армянами нагорно-карабахского региона Азербайджана положений резолюции 822 (1993) и настоящей резолюции и принятия этой стороной предложений Минской группы;

10. *настоятельно призывает* государства воздерживаться от поставок любого оружия и военного имущества, которые могли бы привести к эскалации конфликта или продолжению оккупации территории;

11. *вновь призывает* обеспечить беспрепятственное осуществление международной деятельности по оказанию гуманитарной помощи в регионе, в частности во всех районах, затронутых конфликтом, с тем чтобы облегчить возросшие страдания гражданского населения, и вновь подтверждает, что все стороны обязаны соблюдать принципы и нормы международного гуманитарного права;

12. *просит* Генерального секретаря и соответствующие международные учреждения предоставить срочную гуманитарную помощь пострадавшему гражданскому населению и помочь перемещенным лицам вернуться в свои дома;

13. *просит* Генерального секретаря в консультации с действующим Председателем Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также с Председателем Минской группы продолжать представлять Совету доклады о развитии ситуации;

14. *постановляет* продолжать активно заниматься этим вопросом.

Принята единогласно на 3259-м заседании.

Документ № 6

РЕЗОЛЮЦИЯ 874 (1993) СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

от 14 октября 1993 года

Совет Безопасности,

подтверждая свои резолюции 822 (1993) от 30 апреля 2004 года и 853 (1993) от 29 июля 1993 года и ссылаясь на заявление, зачитанное Председателем Совета Безопасности от имени Совета 18 августа 1993 года,

рассмотрев письмо Председателя Минской конференции Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе по Нагорному Карабаху от 1 октября 1993 года на имя Председателя Совета Безопасности,

выражая свою серьезную озабоченность тем, что продолжение конфликта в нагорно-карабахском регионе Азербайджанской Республики и вокруг него и сохранение напряженности в отношениях между Республикой Арменией и Азербайджанской Республикой создали бы угрозу миру и безопасности в регионе,

отмечая встречи на высоком уровне, прошедшие в Москве 8 октября 1993 года, и выражая надежду на то, что они будут способствовать улучшению ситуации и мирному урегулированию конфликта,

вновь подтверждая суверенитет и территориальную целостность Азербайджана и всех других государств в регионе,

вновь подтверждая также нерушимость международных границ и недопустимость применения силы для приобретения территории,

вновь выражая свою серьезную обеспокоенность в связи со страданиями людей, вызванными конфликтом, и чрезвычайной гуманитарной ситуацией в регионе и выражая, в частности, свою серьезную обеспокоенность в связи с перемещением большого числа гражданских лиц в Азербайджане,

1. *призывает* заинтересованные стороны сделать эффективным и постоянным прекращение огня, установленное в результате прямых контактов, предпринимаемых при содействии правительства Российской Федерации в поддержку Минской группы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе;

2. *вновь заявляет о своей полной поддержке* мирного процесса, осуществляемого в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также неустанных усилий Минской группы;

3. *приветствует и рекомендует вниманию* сторон «Обновленный график неотложных мер по осуществлению резолюций 822 (1993) и 853 (1993) Совета Безопасности», подготовленный 28 сентября 1993 года на совещании Минской группы и представленный заинтересованным сторонам Председателем Группы при всесторонней поддержке девяти других членов этой Группы, и призывает стороны принять его;

4. *выражает убежденность* в том, что все другие нерешенные вопросы, вытекающие из конфликта и не рассмотренные непосредственно в «Обновленном графике», следует быстро решить в рамках мирных переговоров в контексте минского процесса;

5. *призывает* к незамедлительному осуществлению взаимных и неотложных мер, предусматриваемых в «Обновленном графике» Минской группы, включая вывод сил с недавно оккупированных территорий и устранение всех препятствий для коммуникаций и транспорта;

6. *призывает также* к скорому созыву Минской конференции в целях достижения урегулирования конфликта путем переговоров, как предусматривается в «Обновленном графике», в соответствии с мандатом Совета министров Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 24 марта 1992 года;

7. *просит* Генерального секретаря положительно откликнуться на предложение направить представителя для участия в Минской конференции и оказать всю возможную помощь для проведения переговоров по существу вопроса после открытия Конференции;

8. *поддерживает* сформированную Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе миссию по наблюдению;

9. *призывает* все стороны воздерживаться от всех нарушений международного гуманитарного права и возобновляет свой призыв, содержащийся в резолюциях 822 (1993) и 853 (1993), обеспечить беспрепятственное осуществление международной деятельности по оказанию гуманитарной помощи во всех районах, затронутых конфликтом;

10. *настоятельно призывает* все государства в регионе воздерживаться от любых враждебных актов и от любого вмешательства или вторжения, которые привели бы к разрастанию конфликта и подорвали бы мир и безопасность в регионе;

11. *просит* Генерального секретаря и соответствующие международные учреждения предоставить чрезвычайную гуманитарную помощь пострадавшему гражданскому населению и помочь беженцам и перемещенным лицам вернуться в свои дома с достоинством и в условиях безопасности;

12. *просит* Генерального секретаря, действующего Председателя Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и Председателя Минской конференции продолжать представлять Совету доклады о ходе минского процесса и по всем аспектам ситуации на месте, а также о нынешнем

и будущем сотрудничестве между Советанием по безопасности и сотрудничеству в Европе и Организацией Объединенных Наций в этой связи;
13. *постановляет* продолжать активно заниматься этим вопросом.

Принята единогласно на 3292-м заседании.

Документ № 7

РЕЗОЛЮЦИЯ 884 (1993) СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

от 12 ноября 1993 года

Совет Безопасности, подтверждая свои резолюции 822 (1993) от 30 апреля 1993 года, 853 (1993) от 29 июля 1993 года и 874 (1993) от 14 октября 1993 года,

подтверждая свою полную поддержку мирного процесса, осуществляемого в рамках Советания по безопасности и сотрудничеству в Европе, и неустанных усилий Минской группы Советания,

принимая к сведению письмо действующего Председателя Минской конференции Советания по безопасности и сотрудничеству в Европе по Нагорному Карабаху от 9 ноября 1993 года на имя Председателя Совета Безопасности и добавления к нему,

выражая серьезную обеспокоенность тем, что продолжение конфликта в нагорно-карабахском регионе Азербайджанской Республики и вокруг него и сохранение напряженности в отношениях между Республикой Арменией и Азербайджанской Республикой явились бы угрозой миру и безопасности в регионе,

с тревогой отмечая эскалацию военных действий вследствие нарушений прекращения огня и чрезмерного применения силы в ответ на эти нарушения, в частности оккупацию Зангеланского района и города Горади-за в Азербайджане,

подтверждая суверенитет и территориальную целостность Азербайджана и всех других государств в регионе,

подтверждая также нерушимость международных границ и недопустимость применения силы для приобретения территории,

выражая серьезную обеспокоенность по поводу самого последнего случая перемещения большого числа гражданских лиц и возникновения чрезвычайной гуманитарной ситуации в Зангеланском районе и в городе Горадизе и на южной границе Азербайджана,

1. *осуждает* недавние нарушения установленного сторонами прекращения огня, которые повлекли за собой возобновление военных действий, и в частности осуждает оккупацию Зангеланского района и города Горади-за, нападения на мирных жителей и обстрел территории Азербайджанской Республики;

2. *призывает* правительство Армении использовать свое влияние с целью достичь соблюдения армянами нагорно-карабахского региона Азербайджана резолюций 822 (1993), 853 (1993) и 874 (1993) и обеспечить, чтобы вовлеченным силам не предоставлялись средства для продолжения их военной кампании;

3. с *удовлетворением отмечает* заявление девяти членов Минской группы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 4 ноября 1993 года и высоко оценивает содержащиеся в нем предложения в отношении односторонних заявлений о прекращении огня;

4. *требует* от заинтересованных сторон немедленного прекращения военных действий и враждебных актов, одностороннего вывода оккупирующих сил из Зангеланского района и города Горадиза и вывода оккупирующих сил из других оккупированных недавно районов Азербайджана в соответствии с «Обновленным графиком неотложных мер по осуществлению резолюций 822 (1993) и 853 (1993) Совета Безопасности» с внесенными в него поправками на совещании Минской группы, состоявшемся в Вене 2–8 ноября 1993 года;

5. *самым настоятельным образом призывает* заинтересованные стороны срочно возобновить соблюдение прекращения огня, установленного в результате прямых контактов, предпринимаемых при содействии правительства Российской Федерации в поддержку Минской группы, и сделать его эффективным и постоянным; и продолжать поиск возможностей урегулирования конфликта путем переговоров в контексте Минского процесса и «Обновленного графика» с внесенными в него поправками на совещании Минской группы 2–8 ноября 1993 года;

6. *вновь настоятельно призывает* все государства в регионе воздерживаться от любых враждебных актов и от любого вмешательства, которые привели бы к разрастанию конфликта и подорвали бы мир и безопасность в регионе;

7. *просит* Генерального секретаря и соответствующие международные учреждения предоставить срочную гуманитарную помощь пострадавшему гражданскому населению, включая население в Зангеланском районе и в городе Горадизе и на южной границе Азербайджана, и помочь беженцам и перемещенным лицам вернуться в свои дома с достоинством и не подвергаясь опасности;

8. *вновь обращается с просьбой* к Генеральному секретарю, действующему Председателю Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и Председателю Минской конференции и впредь сообщать Совету о ходе минского процесса и обо всех аспектах положения на месте, в частности об осуществлении его соответствующих резолюций, и о нынешнем и будущем сотрудничестве между Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе и Организацией Объединенных Наций в этом отношении;

9. *постановляет* продолжать активно заниматься этим вопросом.

Принята единогласно на 3313-м заседании.

Документ № 8

ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТА ГЛАВ ГОСУДАРСТВ СНГ ПО КОНФЛИКТУ В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ И ВОКРУГ НЕГО

15 апреля 1994 г.

Принимая к сведению заявления глав государств Азербайджанской Республики и Республики Армения о принятии ими мер по прекращению

военных действий, Совет глав государств Содружества констатирует, что нагорно-карабахский конфликт наносит невосполнимый урон азербайджанскому и армянскому народам, экономике и экологии обширного региона в Закавказье, затрагивает существенные интересы других участников СНГ, Содружества в целом.

Совет глав государств Содружества поддерживает усилия государств-участников Содружества, направленные на прочное политическое урегулирование конфликта, в том числе настойчивые миротворческие инициативы Российской Федерации, приветствует примирительную миссию Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ.

Совет глав государств Содружества подтверждает свое стремление всемерно способствовать поиску единственно возможного – компромиссного решения. Главный приоритет, императив урегулирования – незамедлительное прекращение огня, всех военных действий и вслед за этим его надежное закрепление. Без этого не перейти к ликвидации последствий трагического противоборства.

Совет глав государств Содружества обращается к международному сообществу, СБСЕ и ООН с призывом оказать поддержку принимаемым Содружеством Независимых Государств мерам в интересах урегулирования конфликта.

Документ № 9

БИШКЕКСКИЙ ПРОТОКОЛ

Участники встречи, проведенной 4–5 мая 1994 года в городе Бишкеке по инициативе Межпарламентской Ассамблеи СНГ, парламента Кыргызской Республики, Федерального Собрания и Министерства иностранных дел Российской Федерации:

– выразили решимость всемерно способствовать прекращению вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе и вокруг него, который не только наносит непоправимый урон азербайджанскому и армянскому народам, но и существенно затрагивает интересы других стран региона, серьезно осложняет международную обстановку;

– поддержав Заявление Совета глав государств СНГ от 15 апреля 1994 года, высказали готовность оказать полную поддержку усилиям глав и представителей исполнительной власти по прекращению вооруженного противоборства и ликвидации его последствий путем скорейшего заключения соответствующего соглашения;

– выступили за естественную активную роль Содружества и Межпарламентской Ассамблеи в прекращении конфликта, в реализации связанных с этим принципов, целей и конкретных решений ООН и СБСЕ (прежде всего резолюций Совета Безопасности ООН 822, 853, 874, 884);

– призвали все противоборствующие стороны внять голосу разума: прекратить огонь в полночь с 8 на 9 мая с.г., опираясь на Протокол от 18 февраля 1994 г. (в том числе и в части размещения **наблюдателей**), и самой интенсивной работой в кратчайшие дни закрепить это путем подписания надежного, юридически обязывающего соглашения, предусматривающего

механизм обеспечения невозобновления военных и враждебных действий, вывод войск с **занятых** территорий и возобновление функционирования коммуникаций, возвращение беженцев, продолжение переговорного процесса;

– согласились предложить парламентам государств-участников СНГ обсудить инициативу Председателя Совета Межпарламентской Ассамблеи В.Ф. Шумейко и Руководителя миротворческой группы Ассамблеи по Нагорному Карабаху М.Ш. Шеримкулова о создании миротворческих сил Содружества;

– считают целесообразным продолжать подобные встречи в интересах мирного решения вооруженного конфликта;

– выразили признательность народу и руководству Кыргызстана за создание превосходных условий работы, радушие и гостеприимство.

От имени делегаций:

(А. ДЖАЛИЛОВ) Р. ГУЛИЕВ

Б. АРАРКЦЯН К. БАБУРЯН

В. ШУМЕЙКО

М. ШЕРИМКУЛОВ

В. КАЗИМИРОВ

М. КРОТОВ

полномочный представитель
Президента Российской Федерации,
руководитель посреднической
миссии России

руководитель Секретариата Совета
Межпарламентской Ассамблеи
государств-участников СНГ

Бишкек, 5 мая 1994 года

Примечание: 8 мая 1994 г. в Баку при подписании Р. Гулиевым Бишкекского протокола в тот его экземпляр была включена следующая запись: «Подписано с условием, что в пятом абзаце настоящего текста в третьей строке сверху перед словом “наблюдателей” будет добавлено слово “международных” и в шестой строке сверху этого же абзаца слово “занятых” будет заменено на “захваченных”». Выше в оригинальном тексте выделены слова, к которым относятся эти поправки. Кроме того, предпринималась попытка дополнить тот экземпляр документа подписью Н. Бахманова, но в тот день его не нашли в Баку.

Документ № 10

МИНОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

П.С. ГРАЧЕВУ

МИД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.В. КОЗЫРЕВУ

В.Н. КАЗИМИРОВУ

Откликаясь на призыв к прекращению огня, изложенный в Бишкекском протоколе от 5 мая 1994 года, и опираясь на Протокол от 18 февраля 1994 года, противоборствующие Стороны согласились о следующем:

1. Обеспечить полное прекращение огня и военных действий с 00 часов 01 минуты 12 мая 1994 года.

Соответствующие приказы о прекращении огня будут отданы и доведены до командиров воинских формирований, ответственных за их выполнение, не позднее 11 мая 1994 года.

12 мая до 23.00 Стороны обменяются текстами своих приказов о прекращении огня с целью их возможного взаимного дополнения и в дальнейшем унификации основных положений аналогичных документов.

2. Просить министра обороны Российской Федерации о созыве в Москве не позднее 12 мая с.г. срочного совещания министров обороны Азербайджана, Армении и командующего армией Нагорного Карабаха с целью согласования рубежей развода войск, других неотложных военно-технических вопросов и подготовки развертывания передовой группы международных наблюдателей.

3. Настоящая договоренность будет использована для завершения в предстоящие 10 дней переговоров и заключения не позднее 22 мая с.г. Соглашения о прекращении вооруженного конфликта.

4. Настоящая договоренность вступит в силу сразу после того, как Посредник уведомит о том, что он получил от противоборствующих сил полностью идентичные документы, подписанные уполномоченными представителями.

Министр обороны
Азербайджана

Министр обороны
Армении

Командующий армией
Нагорного Карабаха

« » мая 1994 г.

Примечание: Текст подписан соответственно М.И. Мамедовым в Баку 9 мая, С.А. Саркисяном в Ереване 10 мая, С. Бабаяном в Степанакерте 11 мая 1994 г.

Документ № 11

ИЗ ИТОГОВОГО ДОКУМЕНТА БУДАПЕШТСКОГО САММИТА ОБСЕ от 6 декабря 1994 г.

Раздел II. «Региональные вопросы»

Активизация действий СБСЕ в связи с нагорно-карабахским конфликтом

1. Выражая сожаление по поводу продолжения конфликта и его трагических последствий для людей, государства-участники приветствовали подтверждение сторонами в конфликте договоренности о прекращении огня, достигнутой 12 мая 1994 года благодаря посредническим усилиям Российской Федерации во взаимодействии с Минской группой СБСЕ. Они подтвердили свою приверженность соответствующим резолюциям Совета Безопасности Организации Объединенных Наций и приветствовали политическую поддержку, оказываемую Советом Безопасности усилиям СБСЕ, направленным на мирное урегулирование конфликта. С этой целью они

призвали стороны в конфликте начать более интенсивные переговоры по вопросам существа, включая прямые контакты. В данном контексте они выразили свое твердое намерение наращивать предпринимаемые СБСЕ усилия и оказываемое им содействие. Они решительно поддержали посредническую деятельность Минской группы СБСЕ, а также выразили признательность за решающий вклад Российской Федерации и за индивидуальные усилия других членов Минской группы. Они договорились координировать и сводить воедино все эти усилия в рамках СБСЕ.

2. С этой целью они поручили действующему Председателю назначить, на основе консультаций с государствами-участниками и, действуя как можно скорее, сопредседателей Минской конференции с тем, чтобы создать единую и согласованную базу для переговоров, а также обеспечить полную координацию всей посреднической и переговорной деятельности. Эти сопредседатели, руководствуясь во всех своих усилиях на переговорах принципами СБСЕ и согласованным мандатом, будут совместно председательствовать на встречах Минской группы и совместно докладывать действующему Председателю. Они будут регулярно информировать Постоянный совет о ходе своей работы.

3. В качестве первого шага в рамках этих усилий они поручили сопредседателям Минской конференции незамедлительно предпринять при поддержке Российской Федерации и других отдельных членов Минской группы и в сотрудничестве с ними шаги с целью содействовать дальнейшему соблюдению существующей договоренности о прекращении огня и, опираясь на прогресс, уже достигнутый ранее в ходе посреднической деятельности, оперативно провести переговоры в целях заключения политического соглашения о прекращении вооруженного конфликта, реализация которого устранит основные последствия конфликта для всех сторон и позволит созвать Минскую конференцию. Они далее просили сопредседателей Минской конференции продолжать совместную работу со сторонами в конфликте в направлении дальнейшего осуществления мер укрепления доверия, особенно в гуманитарной области. Они подчеркнули необходимость принятия государствами-участниками как на индивидуальной основе, так и в рамках соответствующих международных организаций мер по оказанию гуманитарной помощи населению данного района, уделяя особое внимание облегчению бедственного положения беженцев.

4. Они согласились с тем, что, в соответствии с точкой зрения сторон в конфликте, достижение вышеуказанного соглашения позволило бы также развернуть многонациональные силы по поддержанию мира в качестве важнейшего элемента реализации самого соглашения. Они заявили о своей политической готовности предоставить, при принятии соответствующей резолюции Советом Безопасности ООН, многонациональные силы СБСЕ по поддержанию мира после достижения соглашения между сторонами о прекращении вооруженного конфликта. Они предложили действующему Председателю в возможно кратчайшие сроки разработать план, касающийся создания, состава и деятельности таких сил, которые были бы организованы на основе положений главы III Хельсинкского документа 1992 года и в полном соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. В этой работе действующий Председатель будет опираться на помощь сопредседателей Минской конференции и Минской группы, а также на поддержку со стороны Генерального секретаря; после проведения соответст-

вующих консультаций он также создаст в Вене группу планирования на высоком уровне для выработки рекомендаций, среди прочего, относительно размера и характеристик этих сил, командования и управления ими, их материально-технического обеспечения, распределения соответствующих подразделений и ресурсов, правил использования сил и договоренностей с предоставляющими их государствами. Он обратится за поддержкой к Организации Объединенных Наций в свете выраженной ею готовности предоставить техническую экспертно-консультационную помощь. Он будет также стремиться заручиться долговременной политической поддержкой Совета Безопасности ООН в отношении возможного развертывания сил СБСЕ по поддержанию мира.

5. На основе такой подготовительной работы и соответствующих положений главы III Хельсинкского документа 1992 года и после достижения соглашения между сторонами и направления ими официальной просьбы действующему Председателю через сопредседателей Минской конференции Постоянный совет примет решение о проведении операции СБСЕ по поддержанию мира.

Документ № 12

ПРЕЗИДЕНТУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ГОСПОДИНУ ГЕЙДАРУ АЛИЕВУ

Глубокоуважаемый Гейдар Алиевич,

В соответствии с состоявшимся в Баку обменом мнениями по вопросам укрепления режима прекращения огня направляю Вам, как было договорено, предложения Сопредседательства Минской конференции.

Предложения посредника по укреплению прекращения огня в нагорно-карабахском конфликте

От имени Сопредседательства Минской Конференции ОБСЕ (далее – Посредник) в целях укрепления режима прекращения огня, установленного в регионе конфликта с 12 мая 1994 года, и создания более благоприятных условий для продвижения мирного процесса совместно предлагаем противоборствующим сторонам (далее – Стороны) взять на себя следующие обязательства:

1. В случае возникновения инцидентов, угрожающих прекращению огня, незамедлительно в письменной форме по факсу или по линии ПМ известить об этом другую Сторону (и в копии – Посредника) с точным указанием места, времени, характера инцидента и его последствий.

Другой Стороне сообщается, что принимаются меры для недопущения ответных действий, которые могли бы привести к разрастанию инцидента; соответственно ожидается немедленное принятие другой Стороной надлежащих мер. Если возможно, сообщаются также предложения о срочном принятии мер в целях скорейшего преодоления данного инцидента и восстановления статус-кво-анте.

2. По получении такого извещения от другой Стороны незамедлительно провести проверку фактов и дать письменный ответ не позднее, чем через 6 часов (в копии – Посреднику).

3. Стороны согласны в том, что официальные источники будут передавать сообщения об инциденте средствами массовой информации только по получении ответа другой Стороны, а если поступление такого ответа задерживается, то не ранее, чем через 7 часов после передачи первоначального обращения по данному вопросу к другой Стороне. Стороны будут при этом объективно отражать в сообщении для прессы ответ другой Стороны, а также сообщать о том, что контакты по данному вопросу продолжаются.

4. В целях установления надежной прямой экстренной связи каждая Сторона выделяет два аппарата ПМ и обеспечивает круглосуточное дежурство ответственных должностных лиц у обоих аппаратов. Соответствующие номера аппаратов ПМ должны быть сообщены через Посредника не позднее 6 февраля 1995 года.

При невозможности использования факса для передачи Сторонами срочных сообщений друг другу или Посреднику соответствующие тексты диктуются по линии ПМ-связи.

5. Стороны согласны в том, что Посредник будет принимать к рассмотрению только те обращения Сторон, в которых подтверждено, что данный вопрос уже поставлен перед другой Стороной.

6. В особых случаях Стороны могут просить Посредника провести безоглаательную встречу с их представителями с целью рассмотрения инцидента и сложившейся ситуации.

7. При необходимости, по ходатайству одной из Сторон и при согласии другой, может быть направлена смешанная группа инспекторов, включающая, если Стороны просят об этом, представителей Посредника, для изучения ситуации на месте.

8. Не ожидая завершения расследования инцидента, Стороны обязуются принять меры для недопущения эскалации с целью восстановления статус-кво-анте, максимально учитывая при этом возможные рекомендации Посредника.

9. Ситуация в зависимости от ее тяжести может быть предложена Посредником к рассмотрению на заседании минской группы ОБСЕ или в Постоянном совете ОБСЕ.

10. Стороны обязуются воздерживаться от публичных заявлений, которые могут привести к эскалации конфликта.

Просим официально подтвердить готовность взять на себя вышеизложенные обязательства в полном объеме на уровне высшего военного руководства не позднее 4 февраля 1995 года с тем, чтобы по получении соответствующего ответа от Сторон считать эти обязательства вступившими в силу с 6 февраля 1995 года.

Владимир Казимиров
от имени Сопредседательства
Минской Конференции ОБСЕ

3 февраля 1995 года

Приложение: Предложение по тексту ответа.

Сопредседательство Минской Конференции ОБСЕ

Послу **В.Н. Казимирову**

Послу **А. Бьюнеру**

Подтверждаю согласие Азербайджана взять на себя в полном объеме обязательства, изложенные в Вашем предложении от 3 февраля 1995 года.

В случае получения от Вас подтверждения об общем согласии с этими обязательствами будем считать данную договоренность вступившей в силу с 6 февраля 1995 года.

М. Мамедов

Министр обороны Азербайджана

4 февраля 1995 года

Примечание: В тот же день, 3 февраля 1995 г., аналогичные письма были направлены президенту Республики Армения Л. Тер-Петросяну и лидеру Нагорного Карабаха Р. Кочаряну.

В тот же день, 4 февраля 1995 г. были получены ответные письма (идентичные вышеприведенному) от министра обороны Армении С. Саркисяна и командующего армией Нагорного Карабаха С. Бабаяна.

Документ № 13

Перевод с английского

1 марта 1995 г.

МАНДАТ СОПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО НАГОРНОМУ КАРАБАХУ ПОД ЭГИДОЙ ОБСЕ («МИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ»)

Сопредседатели назначаются Действующим председателем ОБСЕ (ДП ОБСЕ). В своей деятельности Сопредседатели будут руководствоваться принципами и нормами ОБСЕ, Уставом ООН, решениями совещаний ОБСЕ, включая постановления заседания Совета Министров ОБСЕ от 24 марта 1992 года и, особенно, решениями Будапештского Саммита ОБСЕ, а также соответствующими резолюциями Совета Безопасности ООН.

В своей работе Сопредседатели будут руководствоваться задачами Минской конференции, а именно способствовать разрешению конфликта без применения силы и, в частности, содействовать переговорам по мирному и всеобъемлющему урегулированию в соответствии с правилами про-

цедуры, как они определены в решениях десятой встречи Комитета старших должностных лиц (КСДЛ) СБСЕ.

Сопредседатели будут полностью координировать всю свою посредническую и переговорную деятельность, гармонизируя ее в единое скоординированное усилие в рамках ОБСЕ.

Сопредседатели совместно, на основе полного равенства и беспристрастности будут:

1. Предпринимать совместные усилия в целях укрепления режима прекращения огня;

2. Разрабатывать единую основу для переговоров со Сторонами в конфликте;

3. Вести переговоры со Сторонами в конфликте в целях заключения политического соглашения о прекращении вооруженного конфликта, опираясь на прогресс, достигнутый в предыдущей посреднической деятельности;

4. Поощрять прямые контакты, включая, соответственно, и переговоры по существенным вопросам между Сторонами в конфликте;

5. Продолжать работу со Сторонами в конфликте относительно мер по укреплению взаимного доверия, в особенности, в гуманитарной сфере, синхронизируя их с политическим процессом;

6. Оказывать ДП ОБСЕ содействие в разработке плана по развертыванию, составу и деятельности многонациональных сил по поддержанию мира (МСПМ) ОБСЕ;

7. Препровождать в адрес ДП ОБСЕ полученные от Сторон в конфликте подтверждения и официальные запросы, касающиеся операции по поддержанию мира (ОПМ) ОБСЕ;

8. Докладывать ДП ОБСЕ о ходе переговоров со Сторонами в конфликте по проекту мандата МСПМ ОБСЕ, Меморандуму о взаимопонимании, а также по положениям гарантий безопасности для персонала, участвующего в ОПМ ОБСЕ, на все время операции;

9. Совместно председательствовать на регулярных консультациях Минской группы, совместно направлять членам Минской группы документы, информационные материалы и предложения, включая предложения о датах и местах проведения встреч Минской группы, равно как о перечне вопросов для обсуждения;

10. Совместно и на постоянной основе информировать и консультироваться с ДП ОБСЕ, а также совместно и на регулярной основе информировать Постоянный совет ОБСЕ о ходе своей работы;

11. После консультаций с ДП ОБСЕ совместно информировать председателя Совета Безопасности и генерального секретаря ООН о ходе Минского процесса, обо всех аспектах ситуации в зоне конфликта, о ходе выполнения соответствующих резолюций СБ ООН, равно как и о настоящем и будущем сотрудничестве между ОБСЕ и ООН в этой области. Когда это необходимо и после соответствующих консультаций с ДП ОБСЕ, представлять на рассмотрение ООН свои соображения и предложения относительно новых резолюций, которые могли бы быть приняты СБ ООН в интересах мирного урегулирования конфликта;

12. Совместно, а в особых случаях отдельно, осуществлять на согласованной основе поездки в регион конфликта для поддержания контактов со Сторонами в конфликте по вышеупомянутым и другим относящимся к этому вопросам;

13. После консультаций с ДП ОБСЕ поддерживать необходимые контакты с Международным комитетом Красного Креста, Верховным Комиссариатом ООН по делам беженцев, а также с другими соответствующими международными и региональными организациями и институтами;

14. Совместно председательствовать на Минской конференции и представляющих ей подготовительных встречах;

15. Сопредседатели будут сотрудничать с Личным представителем ДП ОБСЕ в соответствии с положениями, содержащимися в мандате Личного представителя.

Документ № 14

ОБСЕ
РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ
ПРАГА

1-SC/Journal No. 2
31 марта 1995 года

Приложение

РЕЗЮМЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Первая встреча Руководящего совета была открыта действующим Председателем г-ном Ласло Ковачем. (Заявление действующего Председателя было распространено в качестве документа REFSC/3/95/Rev.) В своих замечаниях о положении в регионе СБСЕ действующий Председатель отметил, что государства – участники ОБСЕ по-прежнему сталкиваются с ситуациями, ставящими под угрозу принципы ОБСЕ, в том числе такие, как сохранение территориальной целостности, а также защита прав человека и основных свобод.

В ходе последовавшего за этим обсуждения делегации обменялись мнениями о подобных ситуациях в применении к различным регионам. Особое внимание было уделено обстановке в Чечне и Нагорном Карабахе...

Делегации выразили беспокойство по поводу сложившейся в ходе нагорно-карабахского конфликта ситуации «ни мира, ни войны» и подчеркнули важность усилий по укреплению соглашения о прекращении огня. Они высказали разочарование в связи с отсутствием прогресса на переговорах по данному конфликту. Действующий Председатель подтверждает ранее принятые *ОБСЕ* решения о статусе сторон, т.е. об участии двух вовлеченных в конфликт государств-участников, а также третьей стороны в конфликте (Нагорного Карабаха) во всем процессе переговоров, включая Минскую конференцию. Кроме того, заинтересованные стороны могут приглашаться на Минскую конференцию и мероприятия по подготовке к ней для проведения консультаций. Делегации обратились к сторонам с настоятельным призывом возобновить политические переговоры без предварительных условий и дать без дальнейшего промедления свое согласие на присутствие ОБСЕ в этом регионе.

Сторонам было настоятельно предложено откликнуться на обращения, касающиеся освобождения военнопленных и заложников. Многие делегации выразили обеспокоенность в связи с тем, что если этого не сделать

незамедлительно, то позитивный импульс, полученный благодаря будапештскому решению, будет утрачен. Одновременно следует усилить подготовку к проведению операции по поддержанию мира, с тем чтобы создать условия для принятия ОБСЕ ключевых решений. Действующий Председатель призвал государства-участники предпринять конкретные шаги по выделению персонала и денежных средств и обеспечить финансирование операции.

Документ № 15

Приложение к Декларации
Лиссабонского саммита

3 декабря 1996 года

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОБСЕ

Все вы знаете, что в течение двух последних лет не был достигнут прогресс в разрешении нагорно-карабахского конфликта и вопроса о территориальной целостности Азербайджанской Республики. Я сожалею, что усилия Сопредседателей Минской конференции примирить точки зрения Сторон в отношении принципов урегулирования не принесли успеха.

Три принципа, которые должны явиться составной частью урегулирования нагорно-карабахского конфликта, были рекомендованы Сопредседателями Минской группы. Эти принципы поддерживаются всеми государствами – членами Минской группы. Они являются следующими:

– территориальная целостность Республики Армения и Азербайджанской Республики;

– правовой статус Нагорного Карабаха, определенный в соглашении на основе самоопределения, которое обеспечит Нагорному Карабаху самую высокую степень самоуправления в составе Азербайджана;

– гарантированная безопасность для Нагорного Карабаха и всего его населения, включая взаимные обязательства обеспечить соблюдение положений урегулирования всеми Сторонами.

Я сожалею, что одна делегация не смогла согласиться с этим. Эти принципы поддерживаются всеми другими государствами-участниками.

Данное заявление войдет в документы Лиссабонского саммита.

Документ № 16

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА ЕЛЬЦИНА, ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ УИЛЬЯМА ДЖ. КЛИНТОНА И ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦИИ ЖАКА ШИРАКА ПО НАГОРНОМУ КАРАБАХУ

По случаю нашей встречи в Денвере мы, президенты Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки и Франции в качестве руково-

дителей государств – сопредседателей Минской конференции ОБСЕ по Нагорному Карабаху, выражаем нашу глубокую озабоченность продолжающимся нагорно-карабахским конфликтом. Он серьезно подорвал экономическое и социальное развитие и благосостояние во всем кавказском регионе. Он принес тысячи жертв. Более миллиона беженцев все еще оторваны от своих домов.

Мы выражаем удовлетворение продолжающимся соблюдением прекращения огня. Однако прекращение огня само по себе недостаточно. Без продвижения к прочному урегулированию прекращение огня может быть сорвано. Международное сообщество неоднократно призывало к урегулированию и мы убеждены в том, что прочный и постоянный мир в регионе должен быть установлен безотлагательно.

С этой целью мы взяли от имени наших стран обязательство тесно сотрудничать с тем, чтобы содействовать усилиям сторон в достижении урегулирования конфликта путем переговоров. Сопредседатели Минской конференции ОБСЕ от России, США и Франции представили новое предложение о всеобъемлющем урегулировании, учитывающее законные интересы и озабоченности всех сторон. Оно представляет собой хорошую основу для достижения взаимного согласия. Главная ответственность, однако, лежит на сторонах и их руководителях. Мы призываем их проявить позитивный подход и на основе этого предложения достичь путем переговоров скорейшего урегулирования.

Денвер, 23 июня 1997 года

Документ № 17

СОПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО МИНСКОЙ ГРУППЫ ОБСЕ

Всеобъемлющее соглашение по урегулированию нагорно-карабахского конфликта

Преамбула:

Стороны, полностью сознавая преимущества мира и сотрудничества в регионе для процветания и благосостояния их народов, полны решимости осуществить мирное урегулирование затянувшегося нагорно-карабахского конфликта. Урегулирование, изложенное ниже, создаст основу для совместного экономического развития Кавказа, дав возможность народам этого региона жить нормальной и продуктивной жизнью при демократических институтах, растущем благосостоянии и многообещающем будущем. Сотрудничество в соответствии с этим Соглашением приведет к нормальным отношениям в области торговли, транспорта и связи во всем регионе, дав возможность людям восстановить с помощью международных организаций свои города и селения, создать стабильность, необходимую для существенного увеличения внешних капиталовложений в регионе, и открыть путь к взаимовыгодной торговле, ведущей к достижению для всех людей естественного процветания, предпосылки которого заложены в Кавказском регионе. Примирение и сотрудничество между людьми высвободят их огромный потенциал на благо их соседей и народов мира.

Соответственно, Стороны, будучи привержены положениям Устава ООН, основополагающим принципам и решениям ОБСЕ и общепризнанным нормам международного права и проявляя решимость способствовать полному осуществлению резолюций 822, 853, 874 и 884 Совета Безопасности ООН, настоящим соглашаются осуществить меры, изложенные в Соглашении I по достижению прекращения вооруженного конфликта и восстановлению нормальных отношений, и достичь соглашения об окончательном статусе Нагорного Карабаха, изложенного в Соглашении II.

Соглашение I – Прекращение вооруженного конфликта

Стороны соглашаются:

I. Отказаться от использования вооруженной силы для урегулирования споров между ними, в том числе в связи с осуществлением настоящего Соглашения.

II. Вывести вооруженные силы двумя этапами:

На первом этапе силы вдоль нынешней линии соприкосновения к востоку и югу от Нагорного Карабаха будут отведены на несколько километров к линиям, согласованным в Приложении I с должным учетом рекомендаций Группы планирования высокого уровня, с целью создать возможность для первоначального развертывания передового отряда многонациональных сил ОБСЕ в обоснованной с военной точки зрения буферной зоне, развести стороны вдоль этой линии и обеспечить безопасность во время второго этапа вывода.

На втором этапе силы будут выведены в соответствии с графиком, согласованным в Приложении I, следующим образом:

A. Силы Армении выводятся в пределы границ Республики Армения.

B. Силы Нагорного Карабаха выводятся в пределы рубежей 1988 года Нагорно-Карабахской Автономной Области (с исключениями, указанными ниже в пунктах VIII и IX).

C. Силы Азербайджана выводятся к линиям, согласованным в Приложении I на основе рекомендаций Группы планирования высокого уровня.

D. Тяжелые вооружения будут отведены дальше, в места, согласованные в Приложении I на основе рекомендаций Группы планирования высокого уровня, при соблюдении требований прозрачности и отчетности.

E. По завершении вывода сил буферная зона будет расположена, как показано на карте в Приложении I, вдоль рубежей 1988 года НКАО и северной части армяно-азербайджанской границы.

III. Что территории, освобожденные в результате вывода сил, образуют разделительную зону, в которой наблюдение за безопасностью будет осуществляться силами ОБСЕ по поддержанию мира совместно с Постоянной смешанной комиссией. Ни одной из сторон не будет разрешено вводить свои силы в эту зону иначе как по разрешению сил ОБСЕ по поддержанию мира и Постоянной смешанной комиссии в порядке осуществления Приложения II, в котором будут предусмотрены согласованные подразделения для пограничной службы, разминирования и гражданских полицейских функций. Стороны соглашаются исключить все военные полеты в разделительной зоне и в буферной зоне.

IV. Содействовать развертыванию многонациональных сил ОБСЕ по поддержанию мира в буферной зоне для гарантирования безопасности совместно с Постоянной смешанной комиссией. Силы ОБСЕ по поддержанию мира будут состоять из сил, назначенных ОБСЕ, и их мандат будет определен резолюцией Совета Безопасности ООН, причем мандат будет возобновляться по рекомендации Действующего председателя ОБСЕ.

V. Осуществить возвращение перемещенных лиц к местам их прежнего постоянного проживания в разделительной зоне. Силы ОБСЕ по поддержанию мира совместно с Постоянной смешанной комиссией будут наблюдать за безопасностью возвращающегося населения и обеспечат уверенность всех Сторон в соблюдении режима демилитаризации этой зоны.

VI. Что одновременно с выводом сил будут осуществлены меры в целях открытия дорог, железных дорог, линий электропередачи и связи, торговых и других отношений, включая все действия, необходимые в этих целях. Стороны гарантируют использование этих связей всеми, включая этнические меньшинства, гарантируя последним доступ к их этническим группам в других местах региона. Каждая Сторона обязуется снять все блокады и обеспечить доставку грузов и людей всем другим сторонам без препятствий. Армения и Азербайджан гарантируют свободное и безопасное железнодорожное сообщение между ними, в частности по линии Баку–Горадииз–Мегри–Ордубад–Нахичевань–Ереван.

VII. Сотрудничать с Международным Комитетом Красного Креста, Верховным Комиссаром ООН по делам беженцев и другими международными гуманитарными организациями для обеспечения возвращения всех лиц, задержанных в связи с конфликтом, расследования судьбы пропавших без вести и репатриации всех останков.

VIII. В отношении следующих мероприятий, касающихся Лачинского коридора:

A. Азербайджан предоставляет аренду на коридор ОБСЕ, которая заключит контракт на исключительное использование коридора нагорно-карабахскими властями (с исключениями для транзита, указанными ниже в пункте E).

B. ОБСЕ наблюдает за безопасностью в сотрудничестве с нагорно-карабахскими властями.

C. Рубежи Лачинского коридора согласованы в Приложении II с должным учетом рекомендаций ГПВУ.

D. ОБСЕ наблюдает за строительством дороги в объезд города Лачин. По завершении строительства дороги город Лачин исключается из Лачинского коридора. Он возвращается под азербайджанскую администрацию (как часть разделительной зоны) и его прежние жители смогут вернуться.

E. В коридоре не допускаются постоянные поселения или вооруженные силы, за исключением разрешенных контингентов сил безопасности. Официальные лица: наблюдатели и члены сил по поддержанию мира ОБСЕ имеют право на транзит в любом направлении при предварительном извещении, как и азербайджанские жители региона, проезжающие транзитом из Лачинского района в Кубатлинский район или обратно. Территория Лачинского района за рамками коридора является частью разделительной зоны.

IX. В отношении следующих мероприятий, касающихся города Шуша и Шаумяновского района:

А. Стороны выводят из обоих участков свои вооруженные подразделения, за исключением подразделений ПВО с ограниченным обслуживающим персоналом.

В. Местные власти окажут содействие размещению наблюдателей Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ.

С. Перемещенные лица смогут вернуться к местам своего прежнего постоянного проживания. Их безопасность будет гарантирована соответствующими местными властями.

Д. Возвращающиеся жители пользуются всеми гражданскими правами, включая право на создание политических партий. Они будут представлены соответственно в парламентах Баку и Степанакерта и в выборных советах, полиции и силах безопасности в этих местах в соответствии со своей процентной долей в населении этих мест.

Е. Постоянная смешанная комиссия координирует распределение международной помощи в этих местах на справедливой основе и к выгоде обеих групп населения.

Ж. Жители города Шуша и Шаумяновского района будут иметь гарантированный доступ по дорогам, связь и другие отношения с остальным Азербайджаном и с Нагорным Карабахом.

Х. Учредить Постоянную смешанную комиссию (ПСК) для наблюдения за осуществлением положений настоящего Соглашения в отношении проблем, затрагивающих Азербайджан и Нагорный Карабах. ПСК имеет трех сопредседателей: один азербайджанец, один – из Нагорного Карабаха и представитель Действующего председателя ОБСЕ. Основная обязанность азербайджанского и нагорно-карабахского сопредседателей заключается в осуществлении Соглашения; основная обязанность сопредседателя от ОБСЕ будет заключаться в посредничестве и арбитраже в случаях разногласий. ПСК имеет следующие подкомиссии: военную, экономическую, гуманитарную и культурную. Функции ПСК и ее подкомиссий изложены в Приложении II.

XI. Установить полные дипломатические отношения между Республикой Армения и Азербайджанской Республикой.

XII. Создать Армяно-азербайджанскую двустороннюю комиссию (ААДК) с одним сопредседателем от Республики Армения и другим – от Азербайджанской Республики. Действующий председатель ОБСЕ представлен в этой Комиссии. ААДК содействует предотвращению пограничных инцидентов, осуществляет связь между пограничными войсками и другими соответствующими силами безопасности обеих стран и наблюдает за мероприятиями по открытию дорог, железнодорожных путей, связи, трубопроводов, торговых и других отношений.

XIII. Что Совет Безопасности ООН явится гарантом настоящего Соглашения.

XIV. Что настоящее Соглашение будет действовать до заключения на Минской конференции ОБСЕ соглашения о всеобъемлющем урегулировании, которое, в частности, учредит постоянные механизмы безопасности и поддержания мира на замену тех, которые предусмотрены нынешним Соглашением.

Приложение I

Осуществление вывода войск и возвращение перемещенных лиц: географические параметры, графики и аспекты безопасности.

Приложение II

Промежуточные меры безопасности: мандат комиссий, параметры наблюдения и режима безопасности.

Соглашение II – Статус

Преамбула:

Статус Нагорного Карабаха и сохранение его основополагающего этнического и культурного характера представляют интерес для международного сообщества, включая Республику Армения. Он не может быть определен односторонним действием как Азербайджанской Республики, так и нагорно-карабахских властей. Статус определяется следующими параметрами:

I. Признание всеми Сторонами в конфликте территориальной целостности и нерушимости границ Азербайджана и Армении.

II. Нагорный Карабах является государственным и территориальным образованием в составе Азербайджана, и его самоопределение будет включать права и привилегии, перечисленные ниже, как они будут оформлены в соглашении между Азербайджанской Республикой и нагорно-карабахскими властями, одобрены Минской конференцией и инкорпорированы в Конституции Азербайджана и Нагорного Карабаха.

III. Нагорный Карабах и Нахичевань будут иметь право на свободное и беспрепятственное транспортное сообщение и связь с Арменией и Азербайджаном.

IV. Административные границы Нагорного Карабаха устанавливаются по границам бывшей Нагорно-Карабахской Автономной Области.

V. Нагорный Карабах будет иметь свою собственную Конституцию, принятую народом Нагорного Карабаха на референдуме. Эта Конституция будет инкорпорировать официальное соглашение между властями Нагорного Карабаха и Азербайджаном о форме самоопределения на основе настоящего документа. Азербайджан соответственно внесет изменения в свою Конституцию для инкорпорирования этих соглашений.

Нагорный Карабах будет иметь собственные флаг, герб и гимн.

VI. На территории Нагорного Карабаха действуют Конституция и законы Нагорного Карабаха. Законы, правила и исполнительные решения Азербайджана действительны на территории Нагорного Карабаха, если они не противоречат Конституции и законам последнего.

VII. Нагорный Карабах самостоятельно формирует свои законодательные, исполнительные и судебные органы.

VIII. Население Нагорного Карабаха выбирает представителей в парламент Азербайджана и принимает участие в выборах президента Азербайджана.

IX. Нагорный Карабах будет иметь право на осуществление непосредственных внешних связей в областях экономики, науки, культуры, спорта и гуманитарных вопросов с иностранными государствами и международными организациями при соответствующем представительстве за рубежом. Политические партии Нагорного Карабаха будут иметь право устанавливать связи с политическими партиями в других странах.

X. Граждане Нагорного Карабаха будут иметь паспорта Азербайджана со специальной надпечаткой «Нагорный Карабах». Граждане Нагорного Карабаха не будут считаться иностранцами в соответствии с законами Армении, могут эмигрировать в любое время в Армению и могут принять армянское гражданство в случае постоянной эмиграции в Республику Армения.

XI. Нагорный Карабах будет являться свободной экономической зоной со свободным хождением в ней валют.

XII. Нагорный Карабах будет иметь национальную гвардию и полицейские силы. Граждане Нагорного Карабаха будут иметь право проходить службу на территории Нагорного Карабаха.

XIII. Армия, силы безопасности и полиция Азербайджана не будут иметь права вступать на территорию Нагорного Карабаха иначе как с разрешения властей Нагорного Карабаха.

XIV. Бюджет Нагорного Карабаха составляется из поступлений, образованных за счет собственных ресурсов. Правительство Нагорного Карабаха будет поощрять и гарантировать капиталовложения азербайджанских и иностранных лиц и компаний.

XV. Нагорный Карабах имеет многоэтнический характер; каждый гражданин имеет право использовать свой национальный язык во всех официальных и неофициальных случаях.

XVI. Совет Безопасности ООН явится гарантом настоящего Соглашения.

Меры по укреплению доверия для нагорно-карабахского конфликта

В качестве демонстрации своего намерения достичь мирного урегулирования конфликта Стороны могли бы осуществить, не ожидая какого-либо другого соглашения, любые или все из следующих мер по укреплению доверия и безопасности:

– Азербайджан и Армения могут принять на себя обязательство немедленно восстановить режим прекращения огня вдоль границы в секторе Иджеван–Казах. Этот режим, который применялся в 1992 году, включал телефонную линию экстренной связи и совместное пограничное патрулирование;

– Стороны могут прийти к соглашению об увеличении миссии по наблюдению Действующего председателя ОБСЕ для осуществления дополнительного наблюдения в связи с Нагорным Карабахом, например, вдоль армяно-азербайджанской границы в секторе Иджеван–Казах;

– Диалог с помощью Верховного комиссара ООН по делам беженцев и Международного Комитета Красного Креста в целях оценки гуманитарных потребностей (как для азербайджанских перемещенных лиц, так и внутри Нагорного Карабаха). Это может быть осуществлено с согласия либо Верховного комиссара ООН, либо МККК;

– Открытие еженедельных или ежедневных рынков в нагорно-карабахском регионе, открытых и для армян, и для азербайджанцев. Это потребует создания пунктов пересечения границы, открытия и разминирования подъездных путей к рыночным площадкам и соглашения относительно модальностей транзитных режимов и правил торговли.

Июль 1997 г.

СОПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО МИНСКОЙ ГРУППЫ ОБСЕ

Соглашение о прекращении нагорно-карабахского вооруженного конфликта

Преамбула:

Стороны, преисполненные решимости осуществить мирное урегулирование затянувшегося нагорно-карабахского конфликта, превратив существующее прекращение огня в прочный мир; признавая преимущества мира и сотрудничества в регионе для процветания и благосостояния их народов; желая создать основу для совместного экономического развития Кавказа, дав возможность народам этого региона жить нормальной и продуктивной жизнью при демократических институтах, растущем благосостоянии и многообещающем будущем; сознавая, что сотрудничество в соответствии с этим Соглашением приведет к нормальным отношениям в области торговли, транспорта и связи во всем регионе, даст возможность людям восстановить с помощью международных организаций свои города и селения, создать стабильность, необходимую для существенного увеличения внешних капиталовложений в регионе, и открыть путь к взаимовыгодной торговле, ведущей к достижению для всех людей естественного процветания, предпосылки которого заложены в Кавказском регионе, и что примирение и сотрудничество между людьми высвободят их огромный потенциал на благо их соседей и народов мира; будучи привержены положениям Устава ООН, основополагающим принципам и решениям ОБСЕ и общепризнанным нормам международного права и полному осуществлению Резолюций 822, 853, 874 и 884 Совета Безопасности ООН; напоминая о взятом государствами-участниками ОБСЕ на Будапештском саммите в 1994 году обязательстве наращивать усилия и содействие ОБСЕ в мирном урегулировании конфликта, их поручении Сопредседателям Минской конференции оперативно провести переговоры и заявлении о своей политической готовности предоставить при принятии соответствующей резолюции Советом Безопасности ООН многонациональные силы ОБСЕ по поддержанию мира после достижения Соглашения между Сторонами о прекращении вооруженного конфликта; и преисполненные решимости добросовестно продолжать мирный процесс в целях безотлагательного достижения всеобъемлющего урегулирования, которое определит окончательный статус Нагорного Карабаха; принимают на себя обязательства в отношении действий, изложенных ниже:

I. Стороны отказываются и воздерживаются от угрозы силой или применения силы для урегулирования споров между ними. Они разрешают все такие споры, включая любые споры, могущие возникнуть в связи с осуществлением настоящего Соглашения, мирными средствами, в первую очередь путем переговоров, в том числе в рамках Минского процесса ОБСЕ.

II. Стороны выводят свои вооруженные силы в соответствии со следующими положениями и как подробно изложено в Приложении 1:

A. На первом этапе силы вдоль нынешней линии соприкосновения к востоку и югу от Нагорного Карабаха отводятся на линии, указанные в Приложении 1 и в соответствии с содержащимся в нем графиком, с должным учетом рекомендаций Группы планирования высокого уров-

ня (ГПВУ) с целью создать возможность для первоначального развертывания передового отряда многонациональных сил ОБСЕ в обоснованной с военной точки зрения временной буферной зоне, развести стороны вдоль этой линии и обеспечить безопасность во время второго этапа вывода.

В. На втором этапе силы выводятся одновременно и в соответствии с графиком, содержащимся в Приложении 1, следующим образом:

(1) Любые силы Армении, расположенные за границами Республики Армения, выводятся в пределы этих границ.

(2) Силы Нагорного Карабаха выводятся в пределы рубежей 1988 года Нагорно-Карабахской Автономной Области (НКАО), за исключением Лачинского района.

(3) Силы Азербайджана выводятся за линии, указанные в Приложении 1 на основе рекомендаций ГПВУ, и выводятся с любой территории Армении.

(4) Тяжелые вооружения выводятся в места, указанные в Приложении 1 на основе рекомендаций ГПВУ, под наблюдением операции ОБСЕ по поддержанию мира, при соблюдении требований прозрачности и отчетности, изложенных в этом Приложении.

III. Территория, освобожденная в результате этого вывода сил, образует буферную зону и разделительную зону, как это подробно изложено в Приложении 2:

А. По завершении вывода сил буферная зона будет расположена вдоль рубежей 1988 года НКАО, северных и южных рубежей Лачинского района. Буферная зона остается незаселенной и полностью демилитаризуется, за исключением элементов операции ОБСЕ по поддержанию мира.

В. Разделительная зона демилитаризуется за исключением сил, разрешенных для действия в сотрудничестве с Постоянной смешанной комиссией, как подробно изложено в Приложении 2, включая:

(1) – элементы операции по поддержанию мира;

(2) – подразделения для пограничного патрулирования и разминирования;

(3) – гражданскую полицию, численность и разрешенное вооружение которой определены в Приложении 2.

С. В буферной и разделительной зонах создается бесполетная зона, в которой Стороны не допускают военных полетов, под контролем операции ОБСЕ по поддержанию мира, как изложено в Приложении 2.

Д. Безопасность во всех областях, контролируемых властями Нагорного Карабаха после вывода сил в соответствии со статьей II, обеспечивается существующими военными структурами и структурами безопасности Нагорного Карабаха.

IV. В соответствии с решениями Будапештского саммита ОБСЕ 1994 года Стороны приглашают и содействуют развертыванию многонациональной операции ОБСЕ по поддержанию мира (ОПМ), которая будет действовать в сотрудничестве с Постоянной смешанной комиссией (ПСК) и Армяно-азербайджанской межправительственной комиссией (ААМК), как определено в статье 7. ОПМ наблюдает за выводом сил и тяжелых вооружений, недопуском военных полетов, поддержанием режима демилитаризации и положением на армяно-азербайджанской границе, как изложено в При-

ложении 2. Стороны призывают Совет Безопасности ООН принять в этих целях соответствующую резолюцию на первоначальный период не более одного года и возобновлять положения этой резолюции по мере необходимости по рекомендации Действующего председателя ОБСЕ. Стороны согласны в том, что общая продолжительность многонациональной Операции по поддержанию мира будет минимально необходимой в зависимости от обстановки в регионе и темпов всеобъемлющего урегулирования конфликта. Стороны полностью сотрудничают с ОПМ, чтобы обеспечить осуществление настоящего Соглашения и предотвратить любой срыв или прекращение операции по поддержанию мира.

V. Стороны содействуют безопасному и добровольному возвращению перемещенных лиц к местам их прежнего постоянного проживания в разделительной зоне, как изложено в Приложении 2. ОПМ в сотрудничестве с Постоянной смешанной комиссией наблюдают за безопасностью возвращающегося населения, чтобы способствовать уверенности всех сторон в соблюдении режима демилитаризации в этой зоне. Стороны проводят переговоры об осуществлении скорейшего безопасного и добровольного возвращения всех других лиц, помимо охваченных настоящим Соглашением или всеобъемлющем урегулированием, которые были перемещены в результате конфликта и напряженности между Арменией и Азербайджаном после 1987 года.

VI. Одновременно с выводом сил Стороны немедленно осуществляют меры в целях открытия дорог, железных дорог, линий электропередачи и связи, торговых и других отношений, включая все действия, необходимые для достижения этого в кратчайшие возможные сроки в соответствии с графиком и конкретными положениями, изложенными в Приложении 3. Стороны гарантируют использование этих связей всеми, включая этнические меньшинства, обеспечивая последним доступ к их этническим группам в других местах региона. Каждая Сторона обязуется снять все блокады и обеспечить доставку грузов и людей всем другим Сторонам без препятствий. Стороны гарантируют свободное и безопасное железнодорожное сообщение между ними.

VII. Стороны полностью сотрудничают с Международным Комитетом Красного Креста, Верховным Комиссаром ООН по делам беженцев и другими международными организациями для обеспечения скорейшего и безопасного возвращения всех лиц, задержанных в связи с конфликтом, расследования судьбы пропавших без вести, репатриации всех останков и доставки без дискриминации гуманитарной помощи и помощи в целях реконструкции через контролируруемую ими территорию в районы, пострадавшие в ходе конфликта. Стороны сотрудничают с ОПМ ОБСЕ через Постоянную смешанную комиссию в осуществлении мер по укреплению доверия.

VIII. Стороны немедленно учреждают Постоянную смешанную комиссию (ПСК) для наблюдением за осуществлением положений настоящего Соглашения в отношении проблем, затрагивающих Азербайджан и Нагорный Карабах. Председателем ПСК является представитель Действующего председателя ОБСЕ при одном азербайджанском вице-председателе и одном нагорно-карабахском вице-председателе. Основная обязанность ПСК заключается в наблюдении за осуществлением Соглашения; обязанности председателя от ОБСЕ включают также посредничество в случаях разно-

гласий и санкционирование принятия мер в чрезвычайных ситуациях, таких, как природные катастрофы. ПСК имеет военную, экономическую, гуманитарную и культурную подкомиссии и подкомиссию по связи. Структура, функции и другие детали, касающиеся ПСК, изложены в Приложении 4.

IX. Стороны немедленно создают Армяно-азербайджанскую межправительственную комиссию (ААМК) для содействия предотвращению пограничных инцидентов между Арменией и Азербайджаном, осуществления связи между пограничными войсками и другими соответствующими силами безопасности обеих стран и наблюдения и содействия мероприятиям по открытию дорог, железнодорожных путей, связи, трубопроводов, торговых и других отношений. ААМК имеет двух сопредседателей: одного – от Армении и одного – от Азербайджана. В комиссию входит представитель, назначенный Действующим председателем ОБСЕ. Структура, функции и другие детали, касающиеся ААМК, изложены в Приложении 5. Азербайджанская Республика и Республика Армения учреждают бюро связи в столицах друг друга.

X. Азербайджанская Республика и Республика Армения вступают в переговоры, двусторонние и многосторонние, на соответствующих международных и региональных форумах, с целью обеспечить повышение безопасности в регионе, включая военную транспарентность и полное соблюдение договора ОБСЕ.

XI. Три Стороны в настоящем Соглашении, положив таким образом конец военному аспекту конфликта, соглашаются продолжать добросовестно вести переговоры при содействии сопредседателей Минской конференции и с другими Сторонами, соответственно приглашенными Действующим председателем ОБСЕ, для безотлагательного достижения всеобъемлющего урегулирования всех других аспектов конфликта, включая политический аспект, что включает определение статуса Нагорного Карабаха и решения проблем Лачина, Шуши и Шаумяна; такое урегулирование после его достижения путем этих переговоров и подписания тремя вышеупомянутыми Сторонами подлежит признанию международным сообществом на Минской конференции, созываемой как можно скорее.

XII. Каждая Сторона полностью уважает безопасность других Сторон и их населения. Стороны обязуются развивать добрососедские отношения между своими народами, содействуя торговле и нормальному взаимодействию между ними, и воздерживаются от заявлений или действий, могущих подорвать настоящее Соглашение или добрые отношения.

XIII. В добавление к конкретным положениям, касающимся поддержания мира и наблюдения за выводом, изложенным выше, и напоминая о соответствующих принципах и обязательствах ОБСЕ, включая те, которые нашли отражение в Хельсинкском документе 1992 года и Будапештском документе 1994 года, ОБСЕ посредством соответствующих механизмов наблюдает за полным осуществлением всех аспектов настоящего Соглашения и предпринимает соответствующие шаги согласно этим принципам и решениям по предотвращению нарушения условий настоящего Соглашения и противодействию им этому. Свидетели настоящего Соглашения, действуя через Постоянный Совет ОБСЕ и Совет Безопасности Организации Объединенных Наций, способствуют его полному осуществлению. В случае серьезного нарушения настоящего Соглашения они консультируются между собой относительно необходимых шагов, немедленно инфор-

мируют Действующего председателя ОБСЕ, председателя Совета Безопасности Организации Объединенных Наций и генерального секретаря Организации Объединенных Наций и просят Постоянный совет ОБСЕ или Совет Безопасности ООН рассмотреть соответствующие действия в этой связи.

XIV. Стороны берут на себя взаимные обязательства обеспечить соблюдение положений настоящего Соглашения, включая гарантии безопасности Нагорного Карабаха, его населения и возвращающихся перемещенных лиц, и принять необходимые меры для выполнения всех обязательств, вытекающих из настоящего Соглашения.

XV. Настоящее Соглашение вступает в силу по его подписанию и ратификации и остается в силе, с теми исключениями, которые вытекают из всеобъемлющего урегулирования, упомянутого в пункте XI. Настоящее Соглашение может быть изменено, дополнено и прекращено по согласию всех Сторон.

Декабрь 1997 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ (здесь не публикуются)

Приложение 1. Осуществление вывода сил и возвращения перемещенных лиц.

Приложение 2. Режим безопасности для разделительной зоны.

Приложение 3. Восстановление линий транспорта и связи.

Приложение 4. Постоянная смешанная комиссия.

Приложение 5. Армяно-азербайджанская межправительственная комиссия.

Документ № 19

СОПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО МИНСКОЙ ГРУППЫ ОБСЕ

О принципах всеобъемлющего урегулирования нагорно-карабахского вооруженного конфликта

Преисполненные решимости осуществить мирное урегулирование нагорно-карабахского конфликта в соответствии с нормами и принципами международного права, включая принципы территориальной целостности государств и самоопределения народов,

Армения, Азербайджан и Нагорный Карабах соглашаются в следующем:

I

Соглашение о статусе Нагорного Карабаха

Стороны заключат соглашение о статусе Нагорного Карабаха, которое будет включать в себя следующие положения:

Нагорный Карабах является государственным и территориальным образованием в форме Республики и образует общее государство с Азербайджаном в его международно признанных границах.

Азербайджан и Нагорный Карабах подпишут соглашение о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между соответствующими органами государственной власти, которое будет иметь силу конституционного закона.

Азербайджан и Нагорный Карабах образуют Совместный комитет, в который войдут представители президентов, премьер-министров, председателей парламентов, для определения политики и деятельности, относящихся к сфере совместного ведения.

Для поддержания контактов и координации совместных действий в Баку и в Степанакерте создаются соответственно представительства Нагорного Карабаха и Азербайджана.

Нагорный Карабах будет иметь право на осуществление прямых внешних связей в экономической, торговой, научной, культурной, спортивной и гуманитарной областях с иностранными государствами, со связанными с этими проблемами региональными и международными организациями при соответствующем представительстве за рубежом. Политические партии и общественные организации в Нагорном Карабахе будут иметь право устанавливать связи с политическими партиями и общественными организациями иностранных государств.

Нагорный Карабах принимает участие в осуществлении внешней политики Азербайджана по вопросам, затрагивающим его интересы. Решения по таким вопросам не могут быть приняты без согласия двух сторон.

Правительство Нагорного Карабаха может иметь своих представителей в посольствах или консульских учреждениях Азербайджана в иностранных государствах, в которых оно имеет специальные интересы, а также направлять своих экспертов в состав азербайджанских делегаций для участия в международных переговорах, если они касаются интересов Нагорного Карабаха.

Границы Нагорного Карабаха будут соответствовать границам бывшей Нагорно-Карабахской Автономной Области. Их возможные уточнения или изменения могут быть предметом специальных взаимных договоренностей между Азербайджаном и Нагорным Карабахом.

Границы между Азербайджаном и Нагорным Карабахом будут взаимно открыты для свободного перемещения невооруженных граждан друг друга. При осуществлении поездок и ведении деловых связей они не будут облагаться таможенными или другими сборами. Предоставление права на постоянное проживание будет отнесено к компетенции соответствующих правительств.

Азербайджан и Нагорный Карабах не будут использовать силу или угрозу применения силы для урегулирования споров.

В случае возникновения споров или разногласий, непреодолимых в рамках Совместного Комитета, стороны могут запрашивать консультативное мнение Действующего председателя ОБСЕ, которое будет учитываться при принятии окончательного решения.

Статус Нагорного Карабаха будет включать также права и привилегии, перечисленные ниже, как они будут оформлены в Соглашении о статусе Нагорного Карабаха, одобренном Минской конференцией.

1. Нагорный Карабах будет иметь собственную Конституцию, принятую народом Нагорного Карабаха на референдуме. Эта Конституция будет инкорпорировать положения Соглашения о статусе Нагорного Карабаха. Азербайджан, соответственно, внесет изменения в свою Конституцию для инкорпорирования этого соглашения.

Положения этого Соглашения или тех частей нагорно-карабахской и азербайджанской Конституции, которые его инкорпорируют, не могут быть изменены без согласия всех трех сторон.

2. На территории Нагорного Карабаха действуют Конституция и законы Нагорного Карабаха. Законы, правила и исполнительные решения Азербайджана действительны на территории Нагорного Карабаха, если они не противоречат Конституции и законам последнего.

3. Нагорный Карабах будет иметь собственные флаг, герб и гимн.

4. Нагорный Карабах в соответствии со своей Конституцией самостоятельно формирует свои законодательные, исполнительные и судебные органы.

5. Граждане Нагорного Карабаха будут иметь в качестве удостоверения личности паспорта Азербайджана со специальной надпечаткой «Нагорный Карабах». Только правительство Нагорного Карабаха или уполномоченное им на это учреждение будут иметь право выдавать такие паспорта.

Граждане Нагорного Карабаха армянского происхождения смогут эмигрировать в Армению и в случае переезда туда на постоянное жительство получить армянское гражданство в соответствии с законами этой страны.

6. Население Нагорного Карабаха имеет право выбирать представителей в парламент Азербайджана и участвовать в выборах президента Азербайджана.

7. Нагорный Карабах будет свободной экономической зоной, иметь право на эмиссию собственных денежных знаков, которые будут иметь хождение наряду с азербайджанскими денежными знаками, а также выпускать свои собственные марки.

8. Нагорный Карабах будет иметь право на свободные и беспрепятственные транспортные сообщения и связь с Арменией и Азербайджаном.

9. Нагорный Карабах будет иметь национальную гвардию (силы безопасности) и полицейские силы, формируемые на добровольной основе. Эти силы не могут действовать вне Нагорного Карабаха без согласия правительства Азербайджана.

10. Армия, силы безопасности и полиции Азербайджана не будут иметь права вступать на территорию Нагорного Карабаха без согласия властей Нагорного Карабаха.

11. Армянский язык является основным официальным языком в Нагорном Карабахе, а вторым официальным языком – азербайджанский. Его граждане могут также использовать другие родные языки во всех официальных и неофициальных случаях.

12. Бюджет Нагорного Карабаха будет состоять из средств, полученных из собственных источников. Правительство Нагорного Карабаха будет поощрять и гарантировать капиталовложения азербайджанских и иностранных компаний и лиц.

II

Относительно Лачинского коридора

Вопрос об использовании Лачинского коридора Нагорным Карабахом в целях обеспечения беспрепятственных сообщений между Нагорным Карабахом и Арменией является предметом отдельной договоренности,

если с согласия Азербайджана и Нагорного Карабаха не будут приняты иные решения, касающиеся особого режима Лачинского района. Лачинский район должен оставаться постоянно полностью демилитаризованной зоной.

III

Относительно города Шуши и города Шаумяна

Стороны соглашаются в том, что все азербайджанские беженцы смогут вернуться в места своего проживания в г. Шуша. Их безопасность будет гарантирована соответствующими властями Нагорного Карабаха. Они будут иметь равные права со всеми гражданами Нагорного Карабаха, в том числе право на создание политических партий, на участие в выборах всех уровней, быть избранными в государственные законодательные органы и в органы местного самоуправления, быть принятыми на государственную службу, в том числе в органы правопорядка.

Такие же права получают и армянские беженцы при их возвращении в г. Шаумян.

Жители города Шуши и города Шаумяна будут иметь гарантированный доступ по дорогам, связь и другие отношения с остальным Азербайджаном и Нагорным Карабахом.

Власти Нагорного Карабаха и Азербайджана окажут содействие размещению и деятельности соответственно в городе Шуше и городе Шаумяне представительств Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ.

* * *

Соглашение о статусе Нагорного Карабаха будет подписано тремя Сторонами и вступит в силу после его одобрения Минской конференцией.

IV

Соглашение о прекращении вооруженного конфликта

Стороны соглашаются в том, что Соглашение о прекращении вооруженного конфликта будет включать в себя следующие положения:

I. Стороны отказываются от угрозы силой или применения силы для урегулирования споров между ними. Они разрешают все такие споры, включая могущие возникнуть в связи с осуществлением Соглашения о прекращении вооруженного конфликта, мирными средствами, в первую очередь, путем прямых переговоров или в рамках Минского процесса ОБСЕ.

II. Стороны выводят свои вооруженные силы в соответствии со следующими положениями и как подробно изложено в Приложении 1:

A. На первом этапе силы вдоль нынешней линии соприкосновения к востоку и югу от Нагорного Карабаха отводятся на линии, указанные в Приложении 1 и в соответствии с содержащимся в нем графиком, с должным учетом рекомендаций Группы планирования высокого уровня (ГПВУ) с целью создать возможность для первоначального развертывания передового отряда многонациональных сил ОБСЕ в обоснован-

ной с военной точки зрения временной буферной зоне, развести стороны вдоль этой линии и обеспечить безопасность во время второго этапа вывода.

В. На втором этапе силы выводятся одновременно и в соответствии с графиком, содержащимся в Приложении 1, следующим образом:

(1) Любые силы Армении, расположенные за границами Республики Армения, выводятся в пределы этих границ.

(2) Силы Нагорного Карабаха выводятся в пределы рубежей 1988 года Нагорно-Карабахской Автономной Области (НКАО), за исключением Лачинского района, до достижения соглашения о беспрепятственном сообщении между Нагорным Карабахом и Арменией.

(3) Силы Азербайджана выводятся за линии, указанные в Приложении 1 на основе рекомендаций ГПВУ, и выводятся с любой территории Армении.

(4) Тяжелые вооружения выводятся в места, указанные в Приложении 1 на основе рекомендаций ГПВУ, под наблюдением операции ОБСЕ по поддержанию мира, при соблюдении требований прозрачности и отчетности, изложенных в этом Приложении.

III. Территория, освобожденная в результате этого вывода сил, образует буферную зону и разделительную зону в соответствии со следующими положениями и как это подробно изложено в Приложении 2:

А. По завершении вывода сил буферная зона располагается вдоль рубежей 1988 года НКАО. Она может также пройти в случае достижения дополнительной договоренности вдоль рубежей Лачинского района. Буферная зона остается незаселенной и полностью демилитаризуется, за исключением элементов операции ОБСЕ по поддержанию мира.

В. Разделительная зона демилитаризуется за исключением сил, разрешенных для действия ОПМ в сотрудничестве с Постоянной смешанной комиссией, как подробно изложено в Приложении 2, включая:

(1) элементы операции по поддержанию мира,

(2) подразделения Азербайджана для пограничного патрулирования и разминирования,

(3) гражданскую полицию Азербайджана, численность и разрешенное вооружение которой определены в Приложении 2.

С. В буферной зоне и разделительной зоне под контролем операции ОБСЕ по поддержанию мира создается бесполетная зона, в которой Стороны не допускают военных полетов, как изложено в Приложении 2.

Д. Безопасность во всех областях, контролируемых властями Нагорного Карабаха после вывода сил в соответствии со статьей II, обеспечивается существующими структурами безопасности Нагорного Карабаха.

IV. В соответствии с решениями Будапештского саммита ОБСЕ 1994 года Стороны приглашают и содействуют развертыванию многонациональной операции ОБСЕ по поддержанию мира (ОПМ), которая будет действовать в сотрудничестве с Постоянной смешанной комиссией (ПСК) и Армяно-азербайджанской межправительственной комиссией (ААМК). ОПМ наблюдает за выводом сил и тяжелых вооружений, недопущением военных полетов, поддержанием режима демилитаризации и положением на армяно-азербайджанской границе, как изложено в Приложении 2.

Операция по поддержанию мира учреждается согласно соответствующей резолюции СБ ООН на первоначальный период не более одного года и продлевается по мере необходимости по рекомендации Действующего председателя ОБСЕ. Стороны согласны в том, что общая продолжительность многонациональной операции по поддержанию мира будет минимально необходимой в зависимости от обстановки в регионе и темпов осуществления всеобъемлющего урегулирования конфликта. Стороны полностью сотрудничают с ОПМ, чтобы обеспечить осуществление настоящего Соглашения и предотвратить любой срыв или прекращение операции по поддержанию мира.

V. Стороны содействуют безопасному и добровольному возвращению беженцев и перемещенных лиц к местам их прежнего постоянного проживания в разделительной зоне, как изложено в Приложении 2. ОПМ в сотрудничестве с Постоянной смешанной комиссией наблюдает за безопасностью возвращающегося населения, чтобы способствовать уверенности всех сторон в соблюдении режима демилитаризации в этой зоне. Стороны проводят переговоры об осуществлении безопасного и добровольного возвращения всех других лиц, помимо охваченных настоящим Соглашением, которые являются беженцами или были перемещены в результате конфликта и напряженности между Арменией и Азербайджаном после 1987 года.

VI. Одновременно с выводом сил Стороны немедленно осуществляют меры в целях открытия дорог, железных дорог, линий электропередач и связи, торговых и других отношений, включая все действия, необходимые для достижения этого в кратчайшие возможные сроки в соответствии с графиком и конкретными положениями, изложенными в Приложении 3. Стороны обеспечат использование этих связей всеми, включая этнические меньшинства, обеспечивая последним беспрепятственный доступ к их этническим общинам в других местах региона. Каждая Сторона обязуется снять все блокады и обеспечить доставку грузов и людей всем другим Сторонам без препятствий. Стороны обеспечат свободное и безопасное железнодорожное сообщение между ними.

VII. Стороны полностью сотрудничают с Международным Комитетом Красного Креста, Верховным Комиссаром ООН по делам беженцев и другими международными организациями для обеспечения скорейшего и безопасного возвращения всех лиц, задержанных в связи с конфликтом, расследования судьбы пропавших без вести, репатриации всех останков и доставки без дискриминации гуманитарной помощи и помощи в целях восстановления через контролируемую ими территорию в районы, пострадавшие в ходе конфликта. Стороны сотрудничают с ОПМ ОБСЕ через Постоянную смешанную комиссию в осуществлении мер по укреплению доверия.

VIII. Стороны немедленно учреждают Постоянную смешанную комиссию (ПСК) для наблюдения за осуществлением положений настоящего Соглашения в отношении проблем, затрагивающих Азербайджан и Нагорный Карабах. Председателем ПСК является представитель Действующего председателя ОБСЕ при одном азербайджанском вице-председателе и одном нагорно-карабахском вице-председателе. Основная обязанность ПСК заключается в наблюдении за осуществлением Соглашения; обязанности председателя от ОБСЕ включают также посредничество в случаях разногласий и санкционирование принятия мер в чрезвычайных ситуациях, та-

ких как природные катастрофы. ПСК имеет военную, экономическую, гуманитарную и культурную подкомиссии и подкомиссию по связи. Структура, функции и другие детали, касающиеся ПСК, изложены в Приложении 4.

IX. Стороны немедленно создают Армяно-азербайджанскую межправительственную комиссию (ААМК) для содействия предотвращению пограничных инцидентов между Арменией и Азербайджаном, осуществления связи между пограничными войсками и другими соответствующими силами безопасности обеих стран и наблюдения и содействия мероприятиям по открытию дорог, железнодорожных путей, связи, трубопроводов, торговых и других отношений. ААМК имеет двух сопредседателей: одного от Армении и одного от Азербайджана. В комиссию входит представитель, назначенный Действующим председателем ОБСЕ. Структура, функции и другие детали, касающиеся ААМК, изложены в Приложении 5.

X. Азербайджанская Республика и Республика Армения вступают в переговоры, двусторонние и многосторонние на соответствующих международных и региональных форумах, с целью обеспечить повышение безопасности в регионе, включая военную транспарентность и полное соблюдение договора ОБСЕ.

XI. Каждая Сторона полностью уважает безопасность других Сторон и их населения. Стороны обязуются развивать добрососедские отношения между своими народами, содействуя торговле и нормальному взаимодействию между ними, и воздерживаться от заявлений или действий, могущих подорвать настоящее Соглашение или хорошие отношения.

XII. В добавление к конкретным положениям, касающимся поддержания мира и наблюдения за выводом, изложенным выше, и напоминая о соответствующих принципах и обязательствах ОБСЕ, включая те, которые нашли отражение в Хельсинском документе 1992 года и Будапештском документе 1994 года, ОБСЕ посредством соответствующих механизмов наблюдает за полным осуществлением всех аспектов настоящего Соглашения и предпринимает соответствующие шаги согласно этим принципам и решениям по предотвращению нарушения условий настоящего Соглашения и противодействию этому.

XIII. Соглашение о прекращении вооруженного конфликта будет подписано тремя Сторонами и вступит в силу после его одобрения Минской конференцией и ратификации парламентами трех Сторон.

XIV. Азербайджанская Республика и Республика Армения устанавливают полные дипломатические отношения с постоянными дипломатическими миссиями на уровне послов после подписания соглашений и их одобрения Минской конференцией.

V

О гарантиях

1. Стороны берут на себя взаимные обязательства обеспечить соблюдение вышеупомянутых соглашений, включая гарантии безопасности Нагорного Карабаха, его населения и возвращающихся в места своего прежнего проживания беженцев и перемещенных лиц.

2. Совет Безопасности ООН будет следить за осуществлением всеобъемлющего соглашения.

3. Соглашение о статусе Нагорного Карабаха и Соглашение о прекращении вооруженного конфликта могут быть подписаны Сопредседателями Минской конференции в качестве свидетелей. Президенты России, США и Франции подтверждают намерения трех стран совместно действовать с целью тщательного наблюдения за ходом осуществления соглашений и принятия надлежащих мер для выполнения этого Соглашения. ОБСЕ или Совет Безопасности ООН могут предпринять меры дипломатического, экономического или, в крайнем случае, военного характера в соответствии с Уставом ООН, если в этом возникнет необходимость.

Ноябрь 1998 г.

Документ № 20

МОСКОВСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

от 2 ноября 2008 г.

Президенты Азербайджанской Республики, Республики Армения и Российской Федерации, встретившись 2 ноября 2008 года в Москве по приглашению Президента Российской Федерации, предметно и содержательно обсудив в атмосфере конструктивности состояние и перспективы урегулирования нагорно-карабахского конфликта политическими средствами, путем продолжения прямого диалога между Азербайджаном и Арменией при посредничестве России, США и Франции в качестве Сопредседателей Минской группы ОБСЕ,

1. Заявляют, что будут способствовать оздоровлению ситуации в Южном Кавказе и обеспечению установления в регионе обстановки стабильности и безопасности путем политического урегулирования нагорно-карабахского конфликта на основе принципов и норм международного права и принятых в этих рамках решений и документов, что создаст благоприятные условия для экономического развития и всестороннего сотрудничества в регионе.

2. Подтверждают важное значение продолжения Сопредседателями Минской группы ОБСЕ посреднических усилий с учетом их встречи со сторонами в Мадриде 29 ноября 2007 года и последующих дискуссий в целях дальнейшей разработки основных принципов политического урегулирования.

3. Соглашаются, что достижение мирного урегулирования должно сопровождаться юридически обязывающими международными гарантиями всех его аспектов и этапов.

4. Отмечают, что президенты Азербайджана и Армении договорились продолжить работу, в том числе в ходе дальнейших контактов на высшем уровне, над согласованием политического урегулирования нагорно-карабахского конфликта и поручили своим министрам иностранных дел активизировать дальнейшие шаги в переговорном процессе во взаимодействии с Сопредседателями Минской группы ОБСЕ.

5. Считают важным поощрять создание условий для реализации мер по укреплению доверия в контексте усилий по урегулированию.

Документы российского посредничества и прямых контактов между Баку (АР) и Степанакертом (НК)

Эти документы (в отличие от приведенных выше) мало кому известны, их почти не цитировали, большинство публикуется впервые. Их суть – ограничения и прекращения военных действий в самый активный год войны в Карабахе (середина 1993 г. – май 1994 г.). Подписи высоких официальных лиц четко показывают, кто – стороны этого конфликта и кто, следовательно, должен участвовать в переговорах.

1. Из Баку. О прекращении обстрелов Степанакерта и Агдама (17.06.93).
2. Из Степанакерта. Об ограничении военных действий от Магадиза до Агдама (27.06.93).
3. Из Баку. Об ограничении военных действий от Магадиза до Агдама (27.06.93).
4. Из Баку. О повсеместном ограничении военных действий на 3 дня (24.07.93).
5. Из Баку. О повсеместном ограничении военных действий на 3 дня (25.07.93).
6. Из Баку. О встрече официальных лиц АР и НК 28 июля 1993 г. (27.07.93).
7. Из Степанакерта. О продлении прежней договоренности на 7 дней и встрече руководителей АР и НК на высшем уровне (28.07.93).
8. Из Баку. О продлении прежней договоренности на 7 дней и встрече руководителей АР и НК на высшем уровне (28.07.93).
9. Из Баку. О продлении прежней договоренности ещё на 3 дня и встрече руководителей АР и НК (05.08.93).
10. Полномочия Г. Алиева вице-премьеру Р. Гулиеву (17.08.93).
11. Из Баку. О возобновлении прекращения огня на 5 дней и встрече высших руководителей АР и НК (17.08.93).
12. Из Баку. О возобновлении прекращения огня на 11 дней и встрече высших руководителей АР и НК (30.08.93).
13. Полномочия Г. Алиева вице-спикеру А. Джалилову (31.08.93).
14. Полномочия Г. Алиева вице-спикеру А. Джалилову (03.09.93).
15. Из Баку. О продлении прекращения огня еще на 3 дня (10.09.93).
16. Из Москвы. Совместное коммюнике представителей руководства АР и НК по итогам их встречи в МИД России (13.09.93).
17. Из Степанакерта. Об установлении нового прекращения огня на 10 дней (16.12.93).
18. Из Москвы. О невыполнении в Баку договоренности посредника с Г. Алиевым по оформлению прекращения огня на 10 дней (18.12.93).
19. Из Баку. Превратное ответное письмо, сорвавшее установление прекращения огня на 10 дней с 17 декабря (19.12.93).
20. Из Баку. Об установлении прекращения огня на 10 дней (26.04.94).

21. Из Степанакерта. О выполнении протокола от 18 февраля вместо 10-дневного прекращения огня (28.04.94).
22. Из Баку. О повсеместном прекращении огня с 12 мая 1994 г. (09.05.94).
23. Из Еревана. О повсеместном прекращении огня с 12 мая 1994 г. (10.05.94).
24. Из Степанакерта. О повсеместном прекращении огня с 12 мая 1994 г. (11.05.94).
25. Из Москвы. Договоренность о закрытых контактах между Баку и Степанакертом (не была подписана).

04.10.93 010

001 00000000

0000000000

010

8-8852-182810

г-ну С. Бабаяну

г. Баку, проспект Азатлыг, 3, Кабинет 17.6.03

Азербайджанская Республика
МУДТАФИД НАЗАРЛЯРИКАзербайджанская Республика
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ

Вид связи, наименование средства связи	370001	г. Баку, проспект Азатлыг, 3
И	г. Г. в Баку	1800
ИД Азербайджанской Республики	2800ч.	
Факс 88-85-84 (8882)		

Москва, факс (290-24-74) (035);
 Министерство иностранных дел
 России
 Г-ну Павлюкову

В случае появления противопоставленных спорных мнений
 ВАМЬ НА СЕБЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО НЕ ПОГРЕТЬ ОБОРЛУКУ г. Баку,
 мы обяуемся не обстреливать г. Хаскандж.

Наличник Генерального штаба
 ВС Азербайджанской Республики

Москва НКВ 14

случае подтверждения вл. с _____ (СМР) противоборствующей стороны ни
 какой ракетой на одну неделю в 8.00 часов утра 27 июля 1951 г.
 прекращение/прекратить также наступательные операции и полеты про-
 тивника вперед с целью соприкосновения, которая сложилась на вышеу-
 занный момент, левые ракетные и артиллерийские системы, в также все
 иные конвандировали на всем участке фронта: дивизион от села Надарис
 север до Агдана на юге. (Надарис-Мардекерт-Поправенд-Агдан).
 Эта договоренность вступает в силу немедленно по получении упомяну-
 ть подтверждения.

Командующий Армия Северная НКВ

С. БАРАНА

Азербайджан Республикасы
МУДАФНО НАЗАРЛИГИ

Азербайджанская Республика
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ

№ документа, Государственный архив, X

170601

г. Баку, проспект Дембелова, 8

№ 2/281

№ 24, с. 10022 - 1003 стр.

ВЕРХОВНЫЙ СЪЕЗД РИПУБЛИКИ АЗЕРБАЙДЖАН

для господина БАБУРДИ К.

28-66-74

В случае взаимного обязательства обеих сторон облюемся проком на 3 дня прекратить любые наступательные операции, ракетные, артиллерийские обстрелы и воздушные бомбардировки. Договоренности вступае в силу с 16.00 часа 24 июля 1993 года, по получению сторонами упомянутых обязательств. При достижении договоренности о встрече, перемирие огня автоматическ продлевается до 24.00 часа дня этой встречи, если на ней не будут согласованы новые сроки.

И П МИНИСТРА ОБОРОНЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ *[Подпись]* С. АСМЕР

31-80-69

АЗЕРБАЙДЖАН РЕСПУБЛИКАСЫ
МҮДӘВӘНӘ КАВАРҖАНҖИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ РЕСПУБЛИКА
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ

№ 8/244 от 25 август 1993 года

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
РЕПУБЛИКИ

Генералу С. АБЕШОВУ

В случае взаимности обязательств обеих сторон
облаусит сроком на 3 (три) дня в течение которых будет
достигнута договоренность о встрече представителей Азербай-
джана и Республики Карабах прекратить любые наступательные
сперски, ракетные, артиллерийские обстрелы и воздушные бом-
бардировки.

Договоренность вступает в силу с 00 часов 25 июля
1993 года, по получении сторонами упомянутых обязательств.
При достижении договоренности о вышеупомянутой встрече,
прекращение огня автоматически продлевается до 24.00 часов
дня этой встречи, если же не на будущее согласованы иные
сроки.

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

С. АБЕШОВ

АЗЕРБАЙДЖАН РЕСПУБЛИКАСИ
M V D A F E Z N A Z I R L I K I

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЯ РЕСПУБЛИКА
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ

Yaxsi xatirə. Vətənpəşar əvəzlər, 2

070000

Yaxsi xatirə. Vətənpəşar əvəzlər, 2

№ 20/358

№ 20/358 100 20 04

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ ЦАРГОРНОГО ТАРБАХА
КОМАНДУЮЩЕМУ АРМИЕЙ

господину С.АБЫДОВ

В случае вышесказанного обстоятельства между сторонами, обе
ся гарантированы Безопасности на контролируемых нами терри
рии в районе высоты 482,2, где в 14.00 20.07.90 г. имеет
встреча официальными лицами Азербайджана и Царгорного Народа

Достижущая ранее договоренность между сторонами и по
этому огонь автоматически прекращается до 24.00 часа 20.1
если в ходе упомянутой встречи не будут согласованы иные

Со стороны Азербайджана во встрече примут участие:

1. АЛИЕВ С. - И.О.Министра Обороны Азербайджанской
Республики
2. АЛИЕВ И. - Государственный Министр
3. ИСМАНОВ И. - Заместитель Председателя Государст
ного комитета по делам военнопленных
заключенных
4. ЗУЛЬФИГАРОВ Т. - Представитель МОД
5. ТАММУСОВ Н. - секретарь

И.О.МИНИСТРА ОБОРОНЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

С.АБЫДОВ

С о г л а с е н и е
достигнутое на встрече официальных лиц Азербайджана и
Нагорного Карабаха 26.07.93 г.

Стороны согласовались провозгласить достигнутое ранее / 24.07.93г. /
договоренность о прекращении любых наступательных операций, ракетных,
артиллерийских обстрелов и воздушных бомбардировок сраном на 7/часов/
дней, в течение которых будет достигнуто соглашение о встрече на
высшем уровне руководителей Азербайджана и Нагорного Карабаха. Согла-
шение о предстоящей встрече подписывается уполномоченными на то
официальными представителями Азербайджана и Нагорного Карабаха.

При достижении упомянутого соглашения договоренность о прекращении
любых наступательных операций, ракетных, артиллерийских обстрелов и
воздушных бомбардировок автоматически продлевается до 24.00 часов дня
этой встречи, если за ней не будут согласованы иные сроки.

За Азербайджан
и.о. Министра Обороны
С.Абиев

За Нагорный Карабах
Министр Обороны
С.Саргсели

С О С Л О В И Я
 доставки груза на территории официальной зоны (загородная зона)
 Республики Беларусь 20.07.2010 г.

Стороны согласовали перевозку груза массой / 24,00 тонн / в соответствии с условиями перевозки, предусмотренными правилами перевозки грузов на воздушном транспорте, который будет осуществлен в интересах и в пользу грузоотправителя (заказчика) и перевозчика (аэропортов) в соответствии с условиями перевозки грузов на территории Республики Беларусь, а также в соответствии с правилами перевозки грузов, действующими на территории Республики Беларусь.

Для обеспечения безопасности перевозки груза в соответствии с условиями перевозки, предусмотренными правилами перевозки грузов на территории Республики Беларусь, перевозчик берет на себя ответственность за сохранность груза, а также за соблюдение сроков доставки груза в соответствии с условиями перевозки, предусмотренными правилами перевозки грузов на территории Республики Беларусь.

За Заказчика
 и.п. Александр Савицкий
 С.Александр

За Перевозчика
 Евгений Савицкий
 Е.Савицкий

С О Г Л А Ш Е Н И Е

Образы согласились прекратить достигнутому ранее (23.07.93) договоренности о прекращении любых наступательных операций, артиллерийских обстрелов и воздушных бомбардировок сроком на 3 (три) дня, в течение которых будет достигнуто договоренность о встрече руководителей Азербайджана и Нагорного Карабаха.

При достижении указанного соглашения договоренность о прекращении любых наступательных операций, ракетных, артиллерийских обстрелов и воздушных бомбардировок автоматически продлевается до 24.00 часов дня этой встречи, если на ней не будут подписаны иные сроки.

И. О. Министра
Азербайджанской Республики
С. Абиев

Министр Обороны
Нагорного Карабаха
С. Саркисян

5 августа 1993 года.

AZERBAIJAN REPUBLICASI
ALI SOVETININ
SƏDRİ

BAKİ

№ 12-150

17 - avqust 1993 "

Руководство Азербайджана уполномочивает вице-преьера
Р.ГУЛИЕВА в течение 5 (пяти) дней вести переговоры об организа -
ции встречи высших руководителей Азербайджана и Нагорного Кара -
баха.

OSUÇESTYELƏNƏN POLTOMONCHİ PREZİDENTİ AZERBAİDJANSKOY RESPUBLİKASI
TƏƏSİSƏTƏLİ VƏRHOVNİYO SOVETİ AZERBAİDJANSKOY RESPUBLİKASI

АЗЕРБАЙДЖАНСКОМУ МИНИСТЕРСТВУ
ОБОРОНЫ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ

Имя и фамилия получателя:

№№№№

г. Баку, проспект Азербайджана, 8

№ *А/641*

№ *47* от *августа* 1993 года

В продолжение ранее достигнутых договоренностей от 24 и 28 июля 1993 г. и в случае нового амьсарского обострения обеих сторон обязуемся возобновить повсеместное прекращение огня, в том числе и без наступательных операций, танко-артиллерийских обстрелов и воздушных бомбардировок, сроком на пять дней, в течение которых будет достигнута договоренность о встрече высших руководителей Азербайджана и Нагорного Карабаха.

Договоренность вступает в силу с 10.00 16 августа 1993 года по получению сторонами упомянутого обязательства. При достижении договоренности в амьсарской встрече прекращение огня может быть автоматически продлено до 24.00 часов 17-го августа, если на ней не будут рассмотрены иные темы.

Подписано: *С. АДИЕВ* (подпись) и *Р. ГИНИЕВ* (подпись) от
соответствующих представителей Азербайджана и Нагорного Карабаха.

г. Баку, Министерство
Обороны Азербайджанской Республики

С. АДИЕВ

г. Баку, Министерство
Обороны Азербайджанской Республики

Р. ГИНИЕВ

FRONT 230-2474

Протокол переговоров лично г-ну Гейдару АЛИЕВУ и г-ну А. Джалилову А. ДЖАЛИЛОВУ.
 Это не текст, ни в улучшенной, более четкой редакции.
 30.08.93 В. Казаков

**РУКОВОДСТВУ НАГОРНОГО КАРАБАХА
 Копия, МИД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

1. В случае аналогичного обязательства обмена сторонам в рамках договоренностей от 24 и 26 июля и 17 августа 1993 г. обязуется возобновить совместное прекращение огня на период с 31 августа по 10 сентября 1993 г. включительно.

2. Стороны подтверждают, что до 3 сентября специально на то уполномоченными официальными лицами будет согласована, а до 10 сентября с.г. будет обязательно проведена встреча руководителей Азербайджана и Нагорного Карабаха, о которой была ранее достигнута договоренность.

3. Стороны примут самые решительные меры в целях соблюдения Положения командирями прекращения огня, в особенности - до недопущения продвижения танков, ракетно-артиллерийских обстрелов, воздушных бомбардировок. Они призывают к ответственности нарушителей их непосредственных начальников.

Одновременно будет принята мера для выявления неподконтрольных вооруженных подразделений или групп, их устранения с территории соприкасающихся сторон, а затем расформирования и разоружения.

4. Стороны обязуются постоянно поддерживать прямой телефонный контакт на уровне высшего руководства вооруженных сил в целях предотвращения и урегулирования нарушений.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
 ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
 АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
 АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

И.О.МИНИСТРА ОБОРОНЫ
 АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

А. ДЖАЛИЛОВ
A. Djalilov

С. АБИЕВ
S. Abiev

AZERBAIJAN REPUBLIC
XII QUARTERLY
SOCIETY

DATE
M 140

153 - 28/10/1993

Генеральный директор Азербайджанского экономического общества

Присланный Вами документ от Сергея А. ПИКАРОВА не имеет отношения

Общество с ограниченной ответственностью "Азербайджанское Экономическое
Общество"
Делегация в Парламентское Собрание
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Г. А. ПИКАР

АЗЕРБАЙДЖАН РЕСПУБЛИКАСИ
ALİ SÖVETİNİN
BƏDƏNİ

QANUN

№ 171

« 03 » oktyabr 1992 il

Республика Азербайджан уполномочивает Комитетом
Президентов Народного Совета Азербайджана вести переговоры
об организации визитов руководителей Азербайджана в ИИП.

Безусловно и полностью Президент
Азербайджанской Республики
Президенты Народного Совета
Азербайджанской Республики

Гулиев Азербай

№ 11/м. 1993 - 1993 - 1993 - 1993
9.IX.93
СРОЧНО

Конфиденциально

РУКОВОДСТВУ НАГОРНОГО КАРАБАХА
Наимя: МИД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В случае аналогичного обязательства обеих сторон мы оплачены
срокаты совместное предложение пгм на период с 10 по 17 сентября 1993
г. исключительно.

В этот период состоятся переговоры в Миске специально на то
уполномоченных официальных лиц по подготовке встречи руководителей
Азербайджана и Нагорного Карабаха. В истории была ранее достигнута
договоренность (если переговоры в Миске пройдут успешно, то
прекращение огня дипломатически будет продолжено до дня их завершения
аккуратно).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА ОБОРОНЫ
ПЕРХИНИКУМ ГОВЕТА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

А.ДЖАЛИЛОВ

10 сентября 1993 г.

САБИЕВ

**СОВМЕСТНОЕ КОММЮНИКЕ ПО ИТОГАМ ПЕРЕГОВОРОВ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУКОВОДСТВА АЗЕРБАЙДЖАНА И НАГОРНОГО
КАРАБАХА**

12 и 13 сентября 1993 г. представители руководства Азербайджанской Республики А. Джапиров и Нагорного Карабаха А. Рухадян при содействии МИД России провели прямые переговоры в духе доброй воли с целью поиска путей скорейшего урегулирования вооруженного конфликта. Встреча в Москве явилась продолжением установившихся в последнее время контактов - прямых, через посредника и в рамках минской группы СБСЕ.

В результате налаживавшихся контактов неоднократно оформлялась и призывалась договоренность о временном прекращении огня. Несмотря на некоторые нарушения, она в основном соблюдается, что создало относительное затишье в зоне недавних боевых действий. Это побуждает к новым шагам в направлении примирения. В итоге московских переговоров прекращение огня еще раз продлено - до 5 октября 1993 г. включительно.

Согласившись, что в многолетнем конфликте, унесшем тысячи человеческих жизней, лишившем крива сотни тысяч людей, нет и не может быть силового решения, стороны выразили стремление преодолеть взаимное недоверие. Придавая особое значение начавшемуся диалогу, они подтвердили свою готовность рассмотреть весь комплекс вопросов по мирному урегулированию проблемы Нагорного Карабаха, в первую очередь вопросы окончательного прекращения военных действий, а также вопросы войск с занятых территорий и восстановления коммуникаций.

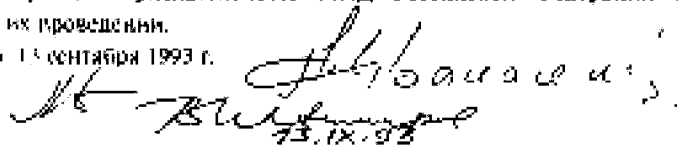
Участники встречи считают важным позитивное решение спорных вопросов. Они видят в Минской конференции СБСЕ форум, который может стать эффективным средством всеобъемлющего и прочного мирного урегулирования.

Подробно обсуждены вопросы подготовки встречи руководителей Азербайджана и Нагорного Карабаха. Достигнута договоренность о ее проведении, а также поддержке контактов на различных уровнях.

Стороны обменялись мнениями о взаимной передаче пленных и заложников, а также по другим вопросам, представляющим обоим сторонам интерес.

Участники переговоров, присутствовавшие в деловой конструктивной атмосфере, выразили признательность МИД Российской Федерации за содействие в их проведении.

Москва, 13 сентября 1993 г.

 13. IX. 93

ТЕЛЕТЕЛЕГРАФ АМЕРИКА И ТАИ
 КОММУНИКАЦИИ РОССИИ С ОБОИМИ СТРАНАМИ
 А.А. КОЗЛОВУ (ПЕЧАТЛИКОВУ)

В соответствии с условиями договоренностей, достигнутых 10 декабря 1950 г., мы подтверждаем, что в США и СССР в случае возникновения необходимости будут приняты совместно дополнительные меры по предотвращению и недопущению военных беспорядков в отношении телеграфных сообщений.

Из этого следует, что во время военных осложнений проект любого реального мерк в целях обеспечения пользования коммуникациями полноты прекратиться или, в исключительных обстоятельствах, ограничиться только и другой бронетанковой, ракетно-авиационной морскими и воздушных выдвинутиями, а исключительные случаи объявлять будет считаться СССР, а не США. При этом в России, достигнутый при переговорах договоренности, который не будет нарушен и не непосредственно военными будут немедленно немедленно объявлен об объявлении и от ответственности.

Будет обеспечено налаживание прямой телефонной связи на уровне высшего руководства вооруженных сил и войск трудотренировки и обслуживания призывов.

В период с 19 по 20 декабря отмечена незамедлительная протестивная при односторонней обработке сообщений издательского ЮЮЮ относительно возникшего проекта назначения договоренности и заключения соглашения о помощи к последующим переговорам военных действий.

Договоренности переговоры наступают в связи с выданными после переговоров все сведения получения своих исключительных достижений, выданных увеличением предостережений.

ДИРЕКТОР КОММУНИКАЦИОННОГО
 КОМПЛЕКСА АМЕРИКА И ТАИ
 ПЕЧАТЛИКОВ

А. КОЗЛОВ

ДИРЕКТОР КОММУНИКАЦИОННОГО
 КОМПЛЕКСА АМЕРИКА И ТАИ
 ПЕЧАТЛИКОВ

С. КОЗЛОВ

Отправлено 20 декабря 1950 г.

Тариэль,
 Прошу доложить
 Президенту, что
до сих пор из Баку
 не получен посредником
азербайджанский текст
 о прекращении огня,
 подписанный А. Джалиловым
 и Н. Садыховым. Так
 работать невозможно.
 Дело достаточно серьезное
 и в нем должен быть порядок.
 Или тогда надо отменить
 прекращение огня. 18.XII 21⁰⁰

М. В. В. Н. Казимиров

Меню на время в. к. казимира

• TRANSMISSION REPORT •
 DATE: 12/18/97 14:42:00 044200
 TIME: 14:42:00
 FROM: 044200
 TO: 044200
 STATION NAME: 044200
 TITLE PAGE: 044200
 RESULT: 044200

0:39

MFA RF

FROM 238-24-74

P. 2

Azərbaycan Respublikası
MÜDƏRİƏ NAZIRI

Азербайджанская Республика
МИНИСТР ОБОРОНЫ

ЛИЧНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСПОДИНУ КАЗИМИРОВУ В.Н.

№ _____ 199—II
Sizin №-iniz _____
Ta Nam № _____
16—1090 93

УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ!

Мы с интересом ознакомились с предложением относительно возможного продления настоящей договоренности и заключения соглашения о полном и повсеместном прекращении военных действий.

Как Вам известно, позиция нашей стороны остается неизменной, направленная на мирное урегулирование армяно-азербайджанского конфликта.

Принимая во внимание вышеизложенное, показывая в очередной раз свою добрую волю, мы не возражаем о взаимном прекращении огня и предлагаем противоположной стороне в ответ на наши благие намерения отодвинуть свои войска вглубь на 10 км от занимаемых позиций.

Мы надеемся на понимание выдвинутых нами и безусловное соблюдение подписываемых договоренностей.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО
ШТАБА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Рахманов

Н. Садиков
Н. САДИКОВ

Предпоследняя строка: «Мы надеемся на понимание выдвинутых нами предложений и ...»

МИНУБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Генерал-полковник
М.С. ПРАЧЕВУ
МИД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Генерал-полковник
А.В. КОЗЫРЕВУ
ВН. КАЗИМИРОВУ

Руководство Азербайджанской Республики подтверждает, что приняло предложение Российской Федерации о прекращении наступательных операций, ракетно-артиллерийских обстрелов и воздушных бомбардировок в зоне конфликта в Нагорном Карабахе и вокруг него с 00 часов 01 минуты с 28 апреля по 7 мая 1994 г. (включительно), если с этим согласны руководство и командование противоборствующих сил на идентичных условиях.

1. Соответствующий приказ вооруженным силам Азербайджанской Республики будет отдан и доведен до полков командиров до 15.00 27 апреля.

2. Обязуемся постоянно поддерживать прямой телефонный контакт с другой стороной на уровне высшего руководства вооруженных сил в интересах предотвращения и урегулирования возможных нарушений.

3. Гарантируем, что в случае нарушения с нашей стороны прямые нарушители и их непосредственные военачальники будут незамедлительно привлечены командованием к ответственности.

4. Настоящим договоренности будут использоваться для завершения в предстоящие 10 дней переговоров и заключения не позднее 7 мая с.г. Соглашения о прекращении вооруженного конфликта.

5. Настоящая договоренность вступает в силу сразу после того, как Посредник уведомит о том, что он получил от противоборствующих сил подписанные идентичные документы, подписанные уполномоченными представителями.

ЗАМЕЛ ПИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

А. АББАДИСОВ

Иск. 28 апреля 1994 года

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
ВС АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РАСЧЕТ

Р. ШИРЯЗ

Министерство обороны РФ
П. ГРАЧЕВУ

Министерство иностранных дел РФ
А. КОЗЫРГЕВУ, В. КАЗИМИРЦЕВУ.

Руководство Нагорно - Карабахской Республики, приняв предложения Российской Федерации и подтверждая готовность к мирному урегулированию вооруженного конфликта между АР и НКР, согласно обеспечить полное прекращение огня и военных действий с 00 ч.01 минут 29 апреля 1994 г. в соответствии с Протоколом от 18 февраля 1994 г.

Учитывая отсутствия наблюдателей, взаимное недоверие противоборствующих сторон, стремись исключить возможные попытки использования временной передышки в целях подготовки к очередному широкомасштабному наступлению и способствовать тем самым обеспечению необратимости мирного процесса, руководство НКР считает необходимым задействовать весь механизм вышеупомянутого Протокола, подписанного сторонами конфликта при участии Министерства обороны Российской Федерации.

Только реализация всего комплекса предусмотренных военно-технических мер может гарантировать устойчивое прекращение военных действий и создать благоприятные условия для решения политических проблем.

Руководство Нагорно-Карабахской Республики готово отдать соответствующие приказы после того, как Посредник подтвердит получение от противоборствующей стороны идентичного документа.

МИНИСТР
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
НАГОРНО-КАРАБАХСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

А. ГИКАСЯН

КОМАНДУЮЩИЙ
АРМИЕЙ ОБОРОНЫ
НАГОРНО-КАРАБАХСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

С. БАБАЯН

Ереван, 28 апреля 1994г.

МИНОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Г.С. ТРАЧЕВУ
МИД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
А.В. КОЗЫРЕВУ
В.Н. КАЗИМИРОВУ

Handwritten signature/initials

Отсылаясь на примы к прекращению огня, изданный в Бишкеком протокол от 5 мая 1994 года и отправка на Протокол от 18 февраля 1994 года, противоборствующие Стороны согласились о следующем:

Handwritten notes:
1. В тексте...
2. В тексте...
3. В тексте...
4. В тексте...

Handwritten notes:
1. В тексте...
2. В тексте...
3. В тексте...
4. В тексте...

1. В тексте осуществлены пункты 2 Протокола от 18 февраля 1994 года и объяснены полное прекращение огня и военных действий с 00 часов 07 минуты 19 мая 1994 года.

Стороны приняли решение о прекращении огня будет введена и доведена до командиров войсковых формирований, ответственных за их выполнение, по телефону 14 мая 1994 года.

14 мая до 23:00 Стороны обменялись текстами своего приказа о прекращении огня с целью их возможного взаимного сопоставления и в дальнейшем унификации основных положений указанных документов.

2. Прочтя министра обороны Российской Федерации о встрече в Москве по поводу 12 мая с/г. средию создания министров обороны Азербайджана, Армении и ~~Индонезии~~ Нагорного Карабаха с целью сопоставления рубежей развода войск, других неотложных военно-технических вопросов и подготовки развертывания переводной группы международных наблюдателей.

3. Настоящая договоренность будет исполняться для завершения и предоставления 10 дней переговоров и заключения по поводу 19 мая с/г. Соглашения о прекращении вооруженного конфликта.

~~Губернатором Азербайджана, с/г. 4. Настоящая договоренность будет исполняться для завершения и предоставления 10 дней переговоров и заключения по поводу 19 мая с/г. Соглашения о прекращении вооруженного конфликта.~~

4. Настоящая договоренность вступит в силу сразу после того, как Поверенный уведомит о том, что он получил от противоборствующей стороны полностью идентичные документы, подписанные уполномоченными представителями.

Министр обороны
Азербайджана

Министр обороны
Армении

Командующий армией
Нагорного Карабаха

Handwritten signature of Azerbaijani Minister of Defense

19 мая 1994 года

МИНОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
П.С.ГРАЧЕВУ
МИД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
А.В.КОЗЫРЕВУ
В.Н.КАЗИМИРОВУ

Отличаясь на прибыл и преобразование от 10, исполненный в Бишкекском центре от 5 мая 1994 года и опираясь на Протокол от 18 февраля 1994 года, противооборудующие Стороны договорились о следующем:

1. В целях осуществления пункта 2 Протокола от 18 февраля 1994 года обеспечить полное прекращение огня и военных действий с 00 часов 01 минуты 5 мая 1994 года.

Соответствующие приказы о прекращении огня будут отданы и доведены до командиров военных формирований, ответственных за их выполнение, не позднее 4 часов 5 мая 1994 года.

2. С мая до 23-00 Стороны обменяются текстами своих предложений по прекращению огня с целью их возможного взаимного дополнения и в дальнейшем унифицированы основных положений аналогичных документов.

3. Прямые контакты обороны Российской Федерации с армией в Москве по линии 12 мая с т. срочного совещания министров обороны Азербайджан, Армении и командующего армией Нахичевань Карабаха с целью согласования рубежей обороны войск, других неотложных военных-технических вопросов и подготовки развертывания передовых групп международных наблюдателей.

4. Настоящим документом будет использована для завершения в течение 10 дней переговоров и заявления не позднее 23 мая с.т. соглашения о прекращении вооруженного конфликта.

~~Стороны обязуются не распространять информацию о содержании настоящего документа и не допускать его публикации в средствах массовой информации.~~

5. Настоящий документ вступает в силу сразу после того, как Посредник уведомит о том, что он получил от противооборудующих сил полностью идентичные документы, подписанные уполномоченными представителями.

Министр обороны

Александр Леонидович

10 мая 1994 года

Министр обороны

Арутюнян

10 мая 1994

Командующий армией

Паваротян Карбахян

без второго абзаца пункта три (С. Саркисян)

С.С.Грачев
А.В.Козырев
В.Н.Казимиров

AKP

МИНОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
П. С. ГРАЧЕВУ
МИД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
А. В. КОЗЫРЕВУ
В. Н. КАЗИМИРОВУ

Откликаясь на призыв к прекращению огня, изложенный в Бишкекском протоколе от 5 мая 1994 года, и опираясь на Протокол от 18 февраля 1994 года, противоборствующие Стороны согласились о следующем:

1. Обеспечить полное прекращение огня и военных действий с 00 часов 01 минуты 12 мая 1994 года.

Соответствующие приказы к прекращению огня будут отданы и доведены до командиров воинских формирований, ответственных за их выполнение 11 мая 1994 года.

12 мая до 23.00 Стороны обменяются текстами своих приказов о прекращении огня с целью их возможного взаимного дополнения и в дальнейшем унификации основных положений аналогичных документов.

2. Просить министра обороны Российской Федерации о созыве в Москве не позднее 12 мая с.г. срочного совещания министров обороны Азербайджана, Армении и командующего Армией Нагорного Карабаха с целью согласования рубежей развода войск, других неотложных военно-технических вопросов и подготовки развертывания передовой группы международных наблюдателей.

3. Настоящая договоренность будет использована для завершения в предстоящие 10 дней переговоров и заключения не позднее 22 мая с.г. Соглашения о прекращении вооруженного конфликта.

4. Настоящая договоренность вступит в силу сразу после того, как Посредник уведомит о том, что он получил от противоборствующих сил полностью идентичные документы, подписанные уполномоченными представителями.

Министр обороны
Азербайджана

Министр обороны
Армении

Командующий Армией Обороны
Нагорного Карабаха

11 мая 1994 г.

**ДОГОВОРЕННОСТЬ О ПОРЯДКЕ ПОДДЕРЖАНИЯ
ПРЯМЫХ КОНТАКТОВ**

Прямые закрытые контакты предназначены для проведения консультаций с целью поиска взаимопонимания по элементам будущего статуса Нагорного Карабаха на основе договорных отношений между Баку и Степанакертом.

Интервал между встречами, как правило, не должен быть больше месяца. Контакты не будут прерываться или откладываться односторонне под каким бы то ни было предлогом. Место и время каждой новой встречи будет согласовываться на предыдущей встрече.

Ни одна из сторон не будет оглашать факт проведения этих консультаций и не допустит утечки информации об этом. В случае появления информации об этих контактах, стороны не будут ни подтверждать, ни опровергать ее.

Оглашение факта консультаций, если оно потребуется, может иметь место только одновременно на основе совместного решения, а выбор соответствующей формы и момента – только по обоюдной договоренности.

Контакты поручено осуществлять _____

Примечание: Р. Кочарян проявил готовность подписать эту договоренность, но только после Г. Алиева. Президент АР в беседах наедине с российским посредником 8 раз (!) подтверждал, что готов к такой договоренности, но не стал подписывать документ, подготовленный по его предложению. В двух последних беседах он сам поднимал эту тему.

Хронология посредничества России в мирном урегулировании нагорно-карабахского конфликта*

1991 год

- 30 августа** Объявлена независимость Азербайджанской Республики (АР).
- 2 сентября** Нагорный Карабах (НК) объявил об отделении от Азербайджана.
- 8 сентября** Аяз Муталибов избран президентом АР.
- 20–23 сентября** Поездка президентов Российской Федерации Б.Н.Ельцина и Казахстана Н.А.Назарбаева в Ереван, Степанакерт, Гянджу и Баку.
- 23 сентября** Железноводск. Встреча руководства РА и АР с участием представителей НК по инициативе Ельцина и Назарбаева. Подписано совместное коммюнике с установкой прекратить огонь до 1 января 1992 г. Не выполнено по обоюдной вине сторон.
- Армения провозгласила независимость.
- 16 октября** Левон Тер-Петросян избран президентом РА.
- 30 декабря** Обращение руководителей стран СНГ к АР и РА с призывом возобновить переговорный процесс.
- 31 декабря** Распад СССР.

1992 год

- 1 января** Чехословакия (мининдел Иржи Динстбир, затем Йозеф Моравчик) сменила Германию в качестве Действующего председателя СБСЕ.
- 30 января** Заявление МИД России в связи с обострением конфликта в Карабахе.
- 30–31 января** Прага. Вторая встреча Совета министров Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). АР и РА становятся участниками СБСЕ. Принято решение о на-

* Жирным шрифтом выделены акции самостоятельного посредничества России либо в связи с ее инициативами в минском процессе СБСЕ/ОБСЕ. Кроме того, Россия участвует в мероприятиях минского процесса ОБСЕ, где действует правило консенсуса.

правлении миссии докладчика СБСЕ в государства СНГ, принятые в СБСЕ, в том числе в регион карабахского конфликта.

- 12–18 февраля** Поездка миссии докладчика СБСЕ в регион конфликта.
- 20 февраля** **Москва. Встреча министров иностранных дел РА и АР и министра иностранных дел России А.В. Козырева по его инициативе. Совместное коммюнике.**
- 24 февраля** Визит мининдел Ирана А.А. Веляти в регион конфликта.
- 28 февраля** 7-е заседание Комитета старших должностных лиц (КСДЛ) СБСЕ просит государства региона, **особенно Казахстан и Российскую Федерацию, продолжить свои усилия в целях прекращения огня и содействовать переговорам.**
- 5 марта** **Заявление президента России в связи с ситуацией в НК.**
- 13 марта** 8-е заседание КСДЛ приняло решение созвать чрезвычайную сессию Совета министров СБСЕ по НК.
- 16 марта** Тегеран. Подписано трехстороннее коммюнике (Иран, Армения, Азербайджан), в котором намечалось на неделю установить прекращение огня, но не удалось.
- 18–20 марта** **Спецпредставитель президента России посетил Баку и Ереван.**
- 20 марта** **Киев. Совет глав государств СНГ. Соглашение о группах наблюдателей и коллективных силах по поддержанию мира в СНГ. Обсуждается ситуация в НК.**
- 24 марта** Хельсинки. Дополнительная встреча Совета СБСЕ решила созвать в Минске конференцию по НК под эгидой СБСЕ с участием 11 государств. «Избранные и другие представители Нагорного Карабаха» будут приглашены на нее в качестве заинтересованных сторон.
- 30 марта – 3 апреля** Поездка Действующего председателя СБСЕ И. Динстбира в регион конфликта.
- 31 марта – 14 апреля** **Пребывание спецпредставителей МИД России в зоне карабахского конфликта.**
- Начало апреля** Поездка заммининдел Ирана М.Ваязи в регион конфликта.
- 3–5 и 10 апреля** **Две поездки Козырева в регион конфликта.**
- 7 апреля** Действующий председатель СБСЕ назначил итальянца Марио Раффаэлли председателем Минской конференции (МК).
- 13 апреля** **Россия предложила двухэтапную схему урегулирования в Карабахе.**
- Поездка в зону конфликта миссии СБСЕ во главе с личным представителем его Действующего председателя.

- 14 апреля **Заявление МИД России по НК.**
Письмо Козырева Генеральному секретарю ООН о перспективах карабахского урегулирования.
- 1 мая 10-е заседание КСДЛ. Решение по правилам процедуры МК и учреждению миссии по наблюдению за прекращением огня.
- 2 мая **Москва. Встречи с парламентариями АР, РА и представителями НК.**
- 5 мая **Для систематической работы по мирному урегулированию в Карабахе учреждена посредническая миссия России во главе с послом по особым поручениям В.Н. Казимировым.**
- 7 мая Тегеран. Встреча президента РА Тер-Петросяна и и.о. президента АР Якуба Мамедова. Совместное заявление подписано также президентом Ирана А.Х. Рафсанджани
- 8 мая Взятие армянами г. Шуши.
- 10 мая **РА призвала СБ ООН не допустить дальнейшей эскалации карабахского конфликта.**
- 12 мая Заявление председателя СБ ООН по этому поводу.
- 13 мая **Заявление МИД России в связи с падением Шуши.**
- 18–21 мая Хельсинки. 11-е заседание КСДЛ, нацеленное на открытие Минской конференции (МК) СБСЕ по НК 23 июня 1992 г.
- 19 мая Город Лачин взят армянами. АР отказалась участвовать в МК, пока армяне не оставят Шушу и Лачин. Согласовано провести «чрезвычайную подготовительную встречу» представителей государств–участников МК, что привело потом к стихийному образованию Минской группы (МГ) СБСЕ.
- 22 мая **Заявление МИД России в связи с захватом г. Лачина.**
- 1–5 июня Рим. Чрезвычайная подготовительная встреча представителей государств–участников МК. Потом это – «Минская группа СБСЕ».
- 7 июня Абульфаз Эльчибей избран президентом АР.
- 12 июня **Предложения России по деэскалации конфликта и нормализации жизни мирного населения переданы сторонам в Москве, а участникам встречи МГ – 15–20 июня в Риме. Не востребованы руководством МГ и сторонами.**
Начало азербайджанского наступления на севере НК.
- 14 июня **Заявление МИД России в связи с азербайджанским наступлением на севере НК.**

- 15–20 июня Рим. II раунд чрезвычайной подготовительной встречи – МГ СБСЕ. Предложения России о прекращении наступательных операций и о приостановке военных действий на 30 дней.
- 29 июня – 7 июля Рим. III раунд чрезвычайной подготовительной встречи МГ СБСЕ. 3 июля по инициативе России принят призыв приостановить военные действия на 30 дней с 9 июля 1992 г. – дня открытия саммита СБСЕ (дала согласие лишь АР; РА и НК не ответили).
- 9–10 июля Хельсинки. Саммит СБСЕ. Острые противоречия между АР и РА не позволили принять документ по НК.
- 11 июля Поездка посреднической миссии России в Ереван. Встреча с Л. Тер-Петросяном.
- 17–21 июля Рим. Неформальные консультации 8 «нейтральных» стран МГ СБСЕ.
- 21–27 июля Поездка посреднической миссии России в Баку, Нахичевань, Степанакерт и Ереван. Встречи с А. Эльчибеом, Т. Гасымовым, И. Гамбаровым, Г. Алиевым, Тер-Петросяном, А. Манучаряном, Г. Петросяном.
- 31 июля – 5 августа Рим. IV раунд встречи МГ (впервые с участием карабахских армян). По инициативе России 5 августа принят призыв приостановить военные действия на 60 дней (дали согласие Ереван и Степанакерт, отказался Баку. Раффаэлли потом много месяцев добивался согласия президента АР Эльчибея).
- 7–8 августа Москва. Встреча личных представителей президентов РА и АР в МИД России. При содействии МИД РФ подготовлен проект соглашения по нормализации обстановки на границе АР и РА. АР уклонилась от его заключения.
- 8 августа Азербайджанцы захватили армянский г. Арцвашен/Башкенд.
- 11 и 14 августа Заявления на брифингах в МИД России о ситуации в НК.
- 15 августа Создан Государственный комитет обороны НК во главе с Робертом Кочаряном.
- 20 августа Подписан протокол по итогам встречи правительственных делегаций АР и РА по вопросам восстановления движения поездов и системы энергоснабжения.
- 21 августа Москва. Встреча президентов России и РА.
- 22 августа Послания президента России президентам АР и РА.
- 24–26 августа Поездка председателя МК Раффаэлли в Баку, Ереван и Степанакерт для личной передачи сторонам призыва к приостановке военных действий на 60 дней.

- 26 августа Заявление председателя СБ ООН.
- 27 августа Алма-Ата. Встреча мининдел РА и АР по инициативе президента Казахстана. Принят меморандум. Намечено прекратить огонь на границе АР и РА с 1 сентября, но вскоре перестрелки возобновились.
- 28 августа Ответное письмо Эльчибея Раффаэлли с выдвиганием условий для приостановки военных действий на 60 дней.
- 4 сентября **Ответное послание президента АР президенту России.**
- 7–10 сентября Рим. V раунд встречи МГ СБСЕ.
- 11 сентября Повторное обращение председателя МК к президенту АР по приостановке военных действий на 60 дней.
- 15 сентября **Москва. Первые негласные контакты между представителями АР и НК.**
- 16–17 сентября **Баку. Поездка личного представителя президента России. Встречи с Эльчибеем, И. Гамбаровым, Т. Гасымовым, Р. Казиевым. От предложения приостановить военные действия с 22 сентября на 60 дней азербайджанцы уклонились.**
- 19 сентября **Сочи. Соглашение между министрами обороны РА и АР при участии министров обороны и безопасности России о приостановке всех военных действий на 2 месяца.**
- 23 сентября Раффаэлли просит Действующего председателя СБСЕ уточнить мандат МК.
- 23–25 сентября **Москва. Подписан военно-технический протокол о механизме выполнения сочинского соглашения. В зону конфликта направлены более 50 наблюдателей от России. Украина, Белоруссия, Казахстан и Грузия наблюдателей не дали. Стороны не прекратили огонь, каждая обвиняла в этом другую. Вскоре пришлось российских наблюдателей отозвать.**
- 30 сентября **Поездка и.о. председателя правительства России Е.Т. Гайдара в Баку и Ереван. Среди сопровождающих – глава посреднической миссии России. Встречи с Эльчибеем и Тер-Петросяном.**
- 6 октября **Москва. Встреча Козырева с мининдел АР Гасымовым.**
- 12 октября **Москва. Президент России встретился с президентом АР Эльчибеем, прибывшим с официальным визитом.**
- 20 октября Ответное письмо Эльчибея Раффаэлли насчет приостановки военных действий на 60 дней.
- 24–27 октября **Поездка посреднической миссии России в Ереван и Степанакерт. Встречи с Тер-Петросяном, А. Киракосяном и Р. Кочаряном.**

- 27 октября** Заявление председателя СБ ООН с выражением озабоченности продолжением боевых действий в НК.
- 28 октября – 3 ноября** Поездка посреднической миссии России в Турцию и Иран. Встречи с руководством МИД Турции и Ирана.
- Ноябрь** МИД России представил сторонам конфликта проект календаря мероприятий: от приостановки военных действий до открытия МК СБСЕ. Велась работа по подготовке к проведению в Сочи встречи президентов России, АР, РА, Казахстана, Украины и Белоруссии для подписания соглашения о принципах и путях урегулирования конфликта («Сочи-2»).
- 2 ноября** Новое послание Раффаэлли Эльчибею с целью выяснить, верно ли он понял его письмо от 20 октября как согласие с приостановкой военных действий на 60 дней. Эльчибей подтвердил это.
- 5–7 ноября** 17-е заседание КСДЛ уполномочило Действующего председателя СБСЕ направить международных наблюдателей в зону конфликта, а также одобрило интеграцию наблюдателей России/СНГ в состав передовой группы наблюдателей СБСЕ.
- 7 ноября** Баку. Поездка посреднической миссии России. Встречи с Эльчибеем, П. Гусейновым.
- 14 ноября** Москва. Консультации российского посредника с замминистра РА Киракосяном.
Ереван. РА объявила о готовности открыть все железные дороги в НАР и дать гарантии безопасности доставки грузов в Нахичевань.
- 16–17 ноября** Москва. Консультации с председателем МГ СБСЕ М. Сикой и представителем США в ней Дж. Мареской. Американец передал письмо и.о. госсекретаря США Иглбергера Козыреву.
- 20 ноября** Москва. Брифинг главы посреднической миссии России по НК.
- 22–24 ноября** Баку. Поездка посреднической миссии России. Встречи с Гасымовым, Р. Казиевым, А. Джалиловым.
- 26 ноября – 1 декабря** Вена. Встреча специальной группы открытого состава СБСЕ по мандату передовой группы наблюдателей.
- 7 декабря** Очередная встреча делегаций РА и АР по восстановлению железнодорожного сообщения на Мегринском участке окончилась безрезультатно.
- 7–9 декабря** Женева. Неформальная встреча личных представителей президентов АР, РА, России, США и Турции (формат «пя-

терки»). Представитель РА предложил немедленно прекратить огонь. Мининдел АР уклонился.

- 11–13 декабря Стокгольм. 18-е заседание КСДЛ. Подготовка к встрече Совета СБСЕ.
- 14–15 декабря Стокгольм. Третья встреча Совета СБСЕ.
- 19 декабря Послание Иглбергера Козыреву по Карабаху.

1993 год

- 1 января Швеция (мининдел Маргарет афф-Углас) сменила Чехословакию в качестве Действующего председателя СБСЕ.
- 3 января Совместное заявление президентов России и США по НК.
- 5–8 января Москва. Встреча личных представителей президентов РА, АР, России, США и Турции и председателя МГ СБСЕ (формат 5 + 1). Принимается предложенная Россией идея «календаря урегулирования». Подготовлены документы, нацеленные на прекращение боев. Но Баку дезавуировал своего представителя на этой встрече – вице-премьера и посла АР Х. Гаджизаде.
- 10 января Москва. Президент России встретился с президентом РА.
- 17–18 января Москва. Консультации в МИД России с и.о. мининдел РА и советником президента АР Гулузаде.
- 18–24 января Поездка председателя МК Раффаэлли в Баку, Ереван и Степанакерт.
- 25 января Москва. Прием Козыревым Раффаэлли.
- 29 января Заявление председателя СБ ООН.
- 6–8 февраля Монтрё (Швейцария). Встреча религиозных лидеров Армении и Азербайджана по инициативе Всемирного совета церквей.
- 22 февраля – 1 марта Рим. Встреча МГ СБСЕ. Одобрен проект мандата передовой группы наблюдателей. Российские представители передали проект «Оперативных правил карабахского урегулирования» и предложения создать Совместную координационную комиссию (СКК).
- 25 февраля Совместное заявление Козырева и госсекретаря США.
- 1 марта Москва. Встреча Козырева с мининдел Турции Х. Четинюм. Договорились о совместной поездке в регион конфликта с целью добиться безусловного прекращения огня. После визита в Баку Четинюм стал увязывать это с уходом армян из Лачина и Шуши. Из-за этого совместная поездка не состоялась.
- 2 марта Российско-французское заявление на уровне мининдел.

- 16 марта** **Российско-французское заявление на уровне президентов.**
- 17–21 марта** **Женева. Новая встреча в формате 5 + 1. Обсуждение московского календаря урегулирования.**
- 27 марта – 5 апреля** Захват армянами Кельбаджарского района АР.
- 31 марта – 6 апреля** Женева. Продолжение встречи в формате 5 + 1. 6 апреля мининдел АР Гасымов покинул консультации и отказался участвовать в минском процессе до ухода армян из Кельбаджара.
- 6 апреля** Заявление председателя СБ ООН по Карабаху.
- 7 апреля** **Заявление МИД России в связи с эскалацией военных действий.**
- Апрель** Турция вводит блокаду против РА.
АР предпринимает много усилий для созыва заседания и принятия резолюции СБ ООН в связи с захватом Кельбаджара, а также просит Действующего председателя СБСЕ созвать чрезвычайное заседание (не уточняя, какого именно органа).
- 8 апреля** **Президент России предложил президентам АР и РА, а также руководству НК свое посредничество, нацеленное, прежде всего, на прекращение военных действий. Все три стороны согласились на посредничество России.**
Встреча В. Саркисяна и П. Гусейнова по инициативе АР и при содействии минобороны России П.С. Грачева. Договорились прекратить огонь с 9 апреля и провести в Москве 13 апреля встречу премьер-министров, которые должны подготовить встречу на высшем уровне. Степанакерт в этом не участвовал. Практических результатов не было.
- 10–16 апреля** Москва. Закрытые переговоры представителей президентов АР и РА при посредничестве России. Затем в них впервые принял участие представитель НК. Подготовлен проект соглашения о прекращении огня, уходе армян из Кельбаджара и снятии блокад с РА и НК. Баку вторично дезавуировал вице-преьера Гаджизаде, несмотря на его письменные полномочия, подписанные президентом Эльчибеом 9 апреля.
- 11 апреля** В развитие предложения Ельцина Козырев призвал стороны приостановить все наступательные операции с 13 апреля как минимум на неделю. Степанакерт и Ереван согласились, Баку запросил отсрочку на сутки, а затем уклонился.
Ответное послание президента РА президенту России.

- 12 апреля **Ответное послание президента АР президенту России.**
- 18 апреля **Согласовано временное прекращение огня на дни пребывания в регионе конфликта подготовительной миссии СБСЕ во главе с финским подполковником Хаппоненом.**
- 20–22 апреля **Анкара. Встречи делегации России на похоронах президента Турции Т. Озала (Г. Хижа, Казимиров, А.С. Чернышев) с Эльчибеем, Г. Алиевым и Тер-Петросяном.**
Встреча президентов АР Эльчибея и РА Тер-Петросяна.
- 24 апреля **Предложение России, поддержанное США и Турцией, продлить прекращение огня до 28 апреля – на период заседания КСДЛ СБСЕ в Праге. Отклонено письмом и.о. премьер-министра АР А. Масимова (Степанакерт и Ереван дали согласие).**
- 27–28 апреля **Поездка посреднической миссии России в Баку. Встреча с Эльчибеем.**
- 29–30 апреля **Москва. Встреча личного представителя президента России, представителей США и Турции. На основе инициативы президента России от 8 апреля выдвинут «График неотложных мер» с приостановкой военных действий на 60 дней.**
- 30 апреля **Резолюция 822 СБ ООН. Представитель президента России предложил представителям США и Турции до рассылки графика 3 мая привести его в соответствие с этой резолюцией СБ ООН, но оба уклонились.**
- 6 мая **Заявление представителя МИД России в связи с резолюцией 822.**
- 7–9 мая **Поездка посреднической миссии России в Ереван и Степанакерт. Встречи с Тер-Петросяном и Кочаряном.**
- 13–14 мая **Москва. Консультации российского посредника с представителем президента РА и лидером армян НК.**
- 14–15 мая **Москва. Повторная встреча личного представителя президента РФ, представителей США и Турции. Доработка «Графика неотложных мер».**
- 25 мая **Москва. Президент России встретился с президентом РА.**
- 26 мая **АР и РА дали согласие на график неотложных мер МГ. НК настаивал на выполнении резолюции 822. Россия, США, Турция и председатель МК СБСЕ призвали немедленно и полностью выполнить ее. РА и НК ответили согласием, а АР – молчанием, хотя была инициатором созыва СБ ООН. Баку был за уход армян из Кельбаджара в обмен на приостановку военных действий на 60 дней, но не на полное их прекращение.**

- 28 мая **Заявление МИД России о реакции сторон конфликта на посреднические предложения.**
- 3–4 июня Рим. Консультации минской «девятки» – без участия сторон. **Принятие по настоянию России увязки «Графика неотложных мер» с выполнением резолюции 822 СБ ООН.**
- 4 июня События в г. Гянджа и мятеж Сурета Гусейнова против Эльчибея.
- 9 июня **Ереван. Визит Козырева.**
- 15 июня Баку. Гейдар Алиев избран спикером парламента АР.
- 16 июня **Повторные предложения России участникам минской «девятки» о создании СКК.**
- 17 июня **При посредничестве России достигнута договоренность прекратить обстрелы Агдама и Степанакерта. АР не приняла предложение посредника прекратить также бомбардировки этих городов (у армян боевой авиации не было).**
- 17–18 июня Баку. Бегство президента Эльчибея в Нахичевань. Старшим из должностных лиц там остается председатель парламента АР Г. Алиев.
- 24 июня Баку. Г. Алиев получил от парламента АР чрезвычайные полномочия.
Заявление МИД России по обстановке в Азербайджане.
- 25 июня **Чтобы сбить накал боев в районах Агдама и Мардакерта МИД России предложил Баку и Степанакерту сбалансированно вернуть друг другу ряд населенных пунктов и высот. Ответов не было.**
- 26 июня Армяне взяли г. Мардакерт.
- 27 июня **При посредничестве России достигнута договоренность между военным руководством АР и НК о прекращении на одну неделю наступательных операций, ракетно-артиллерийских обстрелов и бомбардировок в районе Агдама и Мардакерта.**
Первый телефонный звонок и.о. министра обороны АР Абиева «министру обороны НКР» С. Саркисяну.
- 28 июня – 4 июля **Поездка посреднической миссии России в Баку, Ереван и Степанакерт.**
- 29 июня **Послания Козырева сторонам с предложением продлить и расширить договоренность от 27 июня об ограничении военных действий.**
- 2 июля **После согласования с Г. Алиевым российский посредник конкретизировал предложение продлить договоренность**

- от 27 июня и распространить ее на районы Физули и Гадрута. НК был согласен со всем, кроме оставления ряда высот. Несмотря на напоминания, ответа из Баку так и не было. Вскоре бои у Агдама возобновились.
- 12 июля Поездка Раффаэлли в Баку, Ереван и Степанакерт с целью убедить стороны принять график «девятки».
- 18–20 июля **Баку. Поездка посреднической миссии России. Беседы с новым руководством Азербайджана (Г. Алиев и другие).**
- 21 июля – 12 августа Рим. Заседания МГ СБСЕ полного состава и без участия сторон. Принят «График неотложных мер по выполнению резолюций 822 и 853 СБ ООН».
- 23 июля Взят армянами г. Агдам.
- 24 июля **Заявление МИД России в связи с захватом г. Агдама.**
- 24–25 июля В переписке по факсу и.о. минобороны АР Абиев и командующий армией НК Бабаян достигли договоренности о прекращении наступательных операций, обстрелов и бомбардировок с 25 июля на три дня, в течение которых договориться о встрече руководителей АР и НК.
- 27 июля Доклад председателя МГ СБСЕ для СБ ООН.
- 28 июля Линия фронта в Мардакертском районе у высоты 482,2. Встреча «официальных лиц Азербайджана и Нагорного Карабаха» во главе с и.о. министра обороны АР Абиевым и председателем комитета самообороны НК С. Саркисяном. Продлена еще на 7 дней договоренность от 24 июля для подготовки встречи АР–НК «на высшем уровне».
- 29 июля Резолюция 853 СБ ООН.
- 4–5 августа Рим. Встреча минской «девятки».
- 5 августа Охват Физули и Джебраила армяно-карабахскими формированиями.
Намеченное продление на 3 дня прекращения огня сорвано боевыми действиями сторон.
- 10 августа **Заявление МИД России с предостережением против аргобстрелов, бомбардировок и новых территориальных захватов.**
- 13 августа Скорректирован «График неотложных мер по выполнению резолюций 822 и 853 СБ ООН».
- 17 августа **При посредничестве России достигнута договоренность вернуться к прекращению огня с 18 августа на 5 дней. Вскоре она сорвана азербайджанцами, что привело потом к потере городов Физули и Джебраила.**
- 18 августа Заявление председателя СБ ООН.

- 20 августа Москва. Козырев принял лидера карабахских армян Кочаряна.
- 20–22 августа Баку. Поездка делегации МИД России и посреднической миссии России (Б.Л. Колоколов, В.Н. Казимиров – встречи с Г. Алиевым, Р. Гулиевым, Л. Гаджиевой, Г. Гасановым).
- 21 августа «Министр обороны НКР» Серж Саркисян назначен министром обороны РА.
Послание осуществляющего полномочия президента АР Г. Алиева президенту России.
- 23 августа Звонок Козырева госсекретарю США с предложением провести в Москве встречу послов обеих стран в МГ СБСЕ.
Азербайджанские войска оставили Физули и Джебраил. Г. Алиев в публичном выступлении признал нарушения прекращения огня с азербайджанской стороны.
- 24–28 августа Поездка посреднической миссии России в Баку, Ереван и Степанакерт. Встречи с Г. Алиевым 24 и 28 августа, Тер-Петросяном, Кочаряном.
- 26 августа Поездка с А. Джалиловым в г. Горадиэ.
- 28 августа Предложение России прекратить огонь по всей границе между РА и АР (не принято Арменией).
- 29 августа Референдум в АР по вотуму недоверия Эльчибею.
- 30 августа Москва. Консультации с послом США в МГ СБСЕ Мареской о силах разъединения.
- 31 августа Взят армянами г. Кубатлы.
При посредничестве России возобновлено прекращение огня на 10 дней – до 10 сентября.
- 1 сентября Призывы Москвы и президента РА отвести силы НК на прежнюю линию (до взятия Кубатлы). Кочарян согласился с призывом, но фактически не выполнил обещания, ограничившись оставлением ненадолго нескольких сел в этом районе.
- 8 сентября Заявление МИД России.
- 9 сентября Послания президента России президентам АР и РА (а также устное – руководителю НК) с предложением заключить соглашение о полном и повсеместном прекращении военных действий.
- 9–11 сентября Москва. Встреча МГ СБСЕ для доработки «Графика неотложных мер» и активизации ее деятельности (первая встреча МГ вне Рима). Минская «девятка» признает НК стороной конфликта. Ради сговора в отношении России

западники проводят отдельное заседание в тайне от хозяев встречи (!).

- 11 сентября При содействии России прекращение огня продлено до 13 сентября включительно.
- 12–13 сентября Москва. Переговоры в МИД России при российском посредничестве между представителями руководства АР и НК (вице-спикер Джалилов, и.о. минобороны С. Абиев – «мининдел» А. Гукасян). Прекращение огня продлено до 5 октября. Согласована «маршрутная карта» по дальнейшим шагам. Принято совместное коммюнике.
- 14 сентября Заявление МИД России по итогам переговоров представителей руководства АР и НК в Москве.
- 17–19 сентября Поездка посреднической миссии России в Ереван.
- 16–20 сентября Обмен посланиями по Карабаху между президентами США и России.
- 21–28 сентября Париж. Встреча МГ СБСЕ. Обновлен «График неотложных мер». Россию представлял посол В.И. Кузнецов.
- 22–25 сентября Москва. Переговоры с президентами и министрами иностранных дел РА и АР по российскому проекту соглашения о прекращении военных действий.
- 23 сентября Послание Кочаряна президенту России.
- 23–25 сентября Москва. Консультации с представителями Действующего председателя СБСЕ Моссбергом и председателя МК Лукой Форнари.
- 24 сентября Устная договоренность при посредничестве России о продлении прекращения огня до 5 ноября. Согласована «маршрутная карта № 2», но азербайджанцы не выполняли ее.
- Российскому посреднику представлен азербайджанский проект протокола как альтернатива его проекту соглашения.
- 24–25 сентября Москва. Встречи Козырева с мининдел АР и РА, а также с лидером карабахских армян. Гасанов предложил отложить подписание соглашения до 5 октября; уклонялся от принятия заявления; вопреки уговору, не явился дорабатывать проект соглашения с Кочаряном, Шахназаряном и российским посредником.
- 25 сентября Москва. Совет глав государств–участников СНГ. Беседы президента России с президентами АР и РА. Встречи Г. Алиева с Тер-Петросяном и закрытая – с Кочаряном.
- Линия фронта в Агдамском районе. Встреча вице-премьеров АР и НК А. Аббасова и Ж. Погосяна.

- 28 сентября Оформление российским посредником продления прекращения огня до 5 ноября. Установлен срок для трехсторонней встречи (АР, РА и НК) – до 25 ноября.
- 29 сентября Переданы замечания российского посредника азербайджанцам по их проекту протокола и предложение подписать соглашение 5 октября.
- 30 сентября Послание президента РА президенту России.
- 1 октября Письмо председателя МК СБСЕ председателю СБ ООН.
- 3 октября На выборах в Азербайджане Президентом АР избран Гейдар Алиев.
- 6–14 октября Поездка миссии СБСЕ во главе с личным представителем ДП СБСЕ Моссбергом в регион конфликта.
- 10 октября Баку. Официальное вступление Г. Алиева в должность Президента АР.
- 10–12 октября **Баку. На инаугурацию президента АР прибыли первый заместитель мининдел и глава посреднической миссии России (А.Л. Адамишин, В.Н. Казимиров).**
Вооруженное столкновение у села Куйджак (восточнее г. Джебраила) между азербайджанскими и армяно-карабахскими войсками. **Инцидент урегулирован при содействии России. Прекращение огня восстановлено.**
- 13 октября **Предложения российского посредника Г. Алиеву и Кочаряну зафиксировать прохождение линии соприкосновения сил сторон, чтобы не было споров и инцидентов на этой почве.**
- 14 октября Резолюция 874 СБ ООН.
- 18 октября Доклад Моссберга об итогах поездки миссии СБСЕ в регион конфликта с выводами и рекомендациями.
- 18–21 октября Рим. Встреча МГ СБСЕ.
- 19 октября **Москва. Беседа Козырева с Действующим председателем СБСЕ М. афф-Угглас. Она предложила создать своего рода «минскую тройку» для ведения переговоров со сторонами по поручению МГ и России.**
- 21 октября Москва. Визит госсекретаря США У. Кристофера.
Локальное нарушение режима прекращения огня с азербайджанской стороны на южном участке фронта с тяжелейшими для АР последствиями. **Сорвано прекращение огня, державшееся при содействии России с 31 августа (50 дней).**
- 22–27 октября Под предлогом этого нарушения армяне, выйдя на реку Аракс, отрезают и потом полностью захватывают юго-запад АР.

- 24–28 октября** Поездка Действующего председателя СБСЕ М. афф-Углас в Закавказье. Ее сопровождают Сика, Моссберг и Казимиров (Тбилиси – 24; Баку – 25; Ереван – 27).
- 25 октября** **Заявление МИД России в связи с эскалацией конфликта.**
- 29 октября** Взят армянами г. Зангелан.
- Российский посредник направил предложение Г. Алиеву и Гукасяну о временных договоренностях между АР и НК. Оно не было принято, но сгодилось затем при подготовке посреднических предложений.**
- С участием послов Сики (Италия) и Моссберга (Швеция) российский посредник подготовил и направил Г. Алиеву, Шахназаряну и Гукасяну проект совместного заявления АР, НК и РА в связи с недавним нарушением прекращения огня и широкими военными действиями. Стороны не приняли идею такого совместного заявления.**
- 2–8 ноября** Вена. Встреча МГ СБСЕ. «График неотложных мер» передан сторонам конфликта. Последнее участие посла Марески (США) во встрече МГ.
- 4 ноября** Заявление минской «девятки».
- 9 ноября** Письмо председателя МК СБСЕ Раффаэлли председателю СБ ООН.
- Москва. Подробные разговоры Козырева и Казмирова по телефону с Г. Алиевым, Тер-Петросяном и Кочаряном о предстоящей поездке посреднической миссии России в Баку, Ереван и Степанакерт с проектом соглашения о прекращении огня и военных действий.**
- 12 ноября** Резолюция 884 СБ ООН.
- 12–19 ноября** Баку. Поездка посреднической миссии России. Работа над проектом соглашения о прекращении военных действий. Встречи с Г. Алиевым, Гасановым, Гулузаде. Гасанов просит передать армянам азербайджанский проект соглашения как якобы проект российского посредника (!?).
- 16 ноября** Москва. Встреча первого замминистра Адамишина с зам. премьер-министра АР А. Аббасовым.
- 17–18 ноября** Москва. Встреча лидеров армянской апостольской церкви и мусульман Азербайджана при содействии главы Русской православной церкви. Принято совместное коммюнике.
- 20 ноября** Обстрел на границе АР и РА машины сопровождения посреднической миссии России. **Заявление Козырева на эту тему.**

- 22 ноября Заявление правительства России и пресс-конференция Козырева и Казиминова в связи с обстрелом посреднической миссии России.
- 28 ноября Рим. Неформальные консультации МГ СБСЕ (без представителя России).
- 30 ноября – 1 декабря Рим. Четвертая встреча Совета СБСЕ. Председательство в СБСЕ переходит от Швеции к Италии, а в МК и МГ СБСЕ – от итальянцев к шведам. Конфронтация между мининдел АР и РА срывает принятие решения по НК.
- 30 ноября – 4 декабря Москва. Переговоры российского посредника с представителем президента РА Д. Шахназаряном.
- 13 декабря Москва. Консультации российского посредника и представителя итальянского президиума МГ СБСЕ.
- Декабрь Подготовка контрнаступления азербайджанских войск по многим направлениям.
- 16 декабря Обострение обстановки на фронте возле г. Бейлаган. Предложение российского посредника прекратить огонь на 10 дней с возможным продлением принято Г. Алиевым и Кочаряном. Подписать документ поручено Джалилову и Н.Садькову; Гукасяну и Оганяну. В тот же вечер Степанакерт подписал его. Из Баку он поступил лишь в 21 час 19 декабря (трое суток спустя!), причем в непригодном виде. Прекращение огня пришлось отменить. Вероятная причина – камуфляж подготовки контрнаступления Азербайджана.
- 20 декабря Париж. Посол России Ю.А. Рыжов сообщил Г. Алиеву во время его официального визита во Францию, что, несмотря на личную договоренность с ним как главой государства, из Баку так и не поступило нормального документа о прекращении огня с 17 декабря. Г. Алиев обещал разобраться по возвращении в Баку (!?).
- 21 декабря Санкт-Петербург. Уход АР от подписания соглашения по нормализации обстановки на армяно-азербайджанской границе (РА дала замечания по проекту посредника).
- 21–22 декабря Мариенхамн (Аландские острова). Симпозиум парламентариев АР, РА и представителей НК по инициативе Межпарламентской ассамблеи СНГ, МИД России и Аландского института мира.
- 23–24 декабря Ашхабад. Встреча глав государств–участников СНГ (Ашхабад). Президентам РА и АР вручен доработанный текст российского проекта соглашения о прекращении военных действий. Урегулирован инцидент с обстрелом посреднической миссии России 20 ноября.

- 30 декабря** **Предложение России о новогоднем прекращении огня (Степанакерт дал согласие, Баку даже не ответил).**
- Конец декабря** Попытки Азербайджана перейти в масштабное контрнаступление на многих направлениях. Крупные потери сторон, особенно азербайджанцев у перевала Омар. Оттеснить армян им удалось лишь в районе железнодорожной станции Горадиз.

1994 год

- 1 января** Италия (мининдел Беньямино Андреатта, затем Антонио Мартино) сменила Швецию в качестве Действующего председателя СБСЕ.
- 6–10 января** Тегеран. Консультации по НК (Казимиров – М. Банк, гендиректор МИД Ирана).
- 10–11 января** Баку. Поездка посреднической миссии России. Встречи с Г. Алиевым и Гасановым.
- 12 января** Москва. Консультации в МИД России с заместителем специального советника госсекретаря США Козларичем.
- 18 января** Москва. Переговоры Козырева с мининдел АР Гасановым.
- 20 января** Москва. Переговоры Козырева с мининдел РА Ваганом Папазяном, а также с «мининдел НКР» Аркадием Гукасяном.
- 21–23 января** Москва. Консультации по российскому проекту соглашения.
- 25–27 января** Стокгольм. Консультации в формате Россия–Швеция–США (Казимиров–М. Моссберг–Крейг Данкерли). Россией выдвинуто три условия взаимодействия с МГ СБСЕ, в том числе не выступать перед сторонами против предложений друг друга. Принято всеми.
- 27 января** Предложения России сторонам прекратить огонь с 1 февраля как минимум на 2–3 недели и провести в Москве 1–2 февраля встречу на уровне мининдел. Степанакерт и Ереван были согласны, Баку уклонился от обоих предложений (с 16 декабря 1993 г. РА и НК трижды согласны прекратить огонь, АР уклоняется). Не удалась затем и попытка прекращения огня с 4 по 25 февраля.
- 28–31 января** Поездка посреднической миссии России в Баку, Ереван и Степанакерт. Выявлено, что, несмотря на договоренность в Стокгольме, Вашингтон дал указание посольствам США в Баку и Ереване вести работу против «российского плана».
- 1 февраля** Приступил к делам новый председатель МК СБСЕ Ян Элиассон (Швеция), сменивший итальянца Раффаэлли.

- 2 февраля Минобороны АР Мамедов впервые позвонил министру обороны РА С. Саркисяну, предложив встречу в Москве у Грачева, но без карабахцев.
- 4 февраля Консультации минской «девятки» (Вена), впервые с участием Элиассона.
- 5 февраля – 6 марта Олимпийское перемирие в соответствии с резолюцией 48-й сессии ГА ООН, принятой по инициативе МОК. Президент РА одобрил перемирие, но Баку не поддержал.
- 7–10 февраля Москва. Консультации в МИД России с гендиректором МИД Ирана Банком (Адамишин, Казимиров).
- 8 февраля Послание президента России президенту США (о нарушении американцами договоренности, достигнутой в Стокгольме).
- 16 февраля Москва. Межведомственная комиссия Совета безопасности России обсудила доклад главы посреднической миссии по НК.
- 17 февраля Москва. Беседа российского посредника с первым замминидел РА Ж. Липаритяном.
- 17–18 февраля Москва. Консультации со шведами Элиассоном и Мосберггом (Адамишин, С.В. Лавров, Казимиров).
- 18 февраля Москва. Переговоры министров обороны РА и АР с участием представителя НК при посредничестве министра обороны России. Подписан протокол, включающий прекращение огня с 1 марта 1994 г. и развод сил сторон от линии соприкосновения.
- Февраль По инициативе председателя СГГ СНГ, президента России исполнительный секретариат СНГ разослал главам государств Содружества подготовленный российским посредником материал «Согласованные подходы к урегулированию карабахского конфликта» для изучения и последующего согласования.
- 22 февраля Заявление МИД России.
- 23 февраля Москва. Встреча и.о. минидел России Адамишина с министром обороны АР М. Мамедовым.
Распоряжением президента РФ глава посреднической миссии России назначен полномочным представителем президента по политическому урегулированию конфликта в НК.
- 28 февраля – 1 марта Поездка замминистра обороны России Г.Г. Кондратьева и полномочного представителя президента РФ в Ереван и Баку. Встречи с Тер-Петросяном, С. Саркисяном, Г. Алиевым, Мамедовым. Нелетная погода помешала посетить Степанакерт.

- Начало марта** Прекращение огня с 1 марта, предусмотренное протоколом министров обороны от 18 февраля 1994 г., сорвано отказом АР отвести свои войска от линии соприкосновения.
- 3 марта** Послание Козырева и Грачева Г. Алиеву по выполнению протокола от 18 февраля 1994 г. в связи отказом АР приступить к разводу войск.
- 3–4 марта** Москва. Консультации российского посредника с первым замначальника генштаба ВС АР Р.Амировым и представителем МИД АР А. Азимовым. РА и НК не стали участвовать, требуя оценки срыва прекращения огня с 1 марта.
- 4 марта** Прага. 25-е заседание КСДЛ утверждает, что МК играет центральную роль в поисках политического урегулирования карабахского конфликта.
- 6 марта** Ответ Г. Алиева на письмо Козырева и Грачева.
- 6–8 марта** Баку. Приезд Адамишина и главы посреднической миссии России. Встречи с Г.Алиевым, Гулиевым и Гасановым.
- 9 марта** Москва. Совет глав государств СНГ. В заявлении по НК дана установка на прекращение огня в Карабахе: «Главным приоритетом, императивом урегулирования является незамедлительное прекращение огня и всех военных действий».
- Козырев и М.П.Колесников в посланиях Тер-Петросяну и Кочаряну предложили освободить один из районов АР, захваченных армянами осенью 1993 г.
- 12 марта** Встреча глав парламентов РА и АР Бабкена Аракцян и Расула Гулиева на границе в районе Иджеван-Казах по инициативе армянской стороны. Гулиев допускал признание НК стороной переговорного процесса.
- 15 марта** Ответные письма Кочаряна Козыреву и Колесникову с отказом вознаграждать АР за срыв развода войск, предусмотренного протоколом от 18 февраля 1994 г.
- 16 марта** Москва. Встречи с представителями шведского президиума МГ СБСЕ Моссбергом и генералом Бергом.
- 17 марта** В районе Аскерана (НК) сбит летевший из Москвы иранский военно-транспортный самолет. Погибли 32 человека.
- 19–24 марта** Москва. Переговоры трех сторон на уровне экспертов при посредничестве России по проекту соглашения о прекращении вооруженного конфликта и ликвидации его последствий (впервые присутствовали как наблюдатели представители шведского президиума МГ СБСЕ: Моссберг, генералы Берг и Бекман).

- 22 марта Российский посредник направил в Ереван и Степанакерт, а также передал министру обороны АР в Москве компромиссные предложения о разводе сил сторон от линии соприкосновения на основе сбалансированной асимметрии.
- Март Совместное заявление МИД и Минобороны России о миротворческих действиях России на территории СНГ.
- 30 марта Москва. Козырев принял председателя Верховного Совета Киргизии М.Ш. Шеримкулова, возглавляющего миротворческую группу Межпарламентской ассамблеи СНГ по НК накануне ее поездки в Баку, Ереван и Степанакерт.
- 31 марта – 3 апреля Поездка миротворческой группы Межпарламентской ассамблеи СНГ во главе с председателем Верховного Совета Киргизии Шеримкуловым с участием представителя президента России в Баку, Ереване и НК. Встречи с Г. Алиевым, Тер-Петросяном и Кочаряном.
- 4 апреля Послания российского посредника руководителям сторон конфликта в связи с его предложением развести войска на основе сбалансированной асимметрии.
- 5–7 апреля Баку. Поездка российской посреднической миссии для ускорения проработки там обновленного проекта соглашения. Встречи с Г. Алиевым.
- 8 апреля Москва. Особняк МИД России. Встреча Козырева, Грачева и Казимирова с Тер-Петросяном, Папазяном и Шахназаряном.
- 11–15 апреля Прага. Консультации МГ СБСЕ. Одобренны меры доверия. Из-за подготовки в Москве к Совету глав государств СНГ Россия не смогла направить в Прагу своих представителей. Ее представлял советник посольства РФ в Чехии Н.Г. Фомин.
- 12 апреля В связи с обострением обстановки на фронте российский посредник призвал стороны снизить военную активность хотя бы на несколько дней. Баку не отреагировал.
- 15 апреля Москва. Совет глав государств СНГ. Заявление с жесткой установкой прекратить огонь в Карабахе. Встречи президента России с президентами АР и РА.
- Обращение религиозных лидеров АР, РА и России к руководителям сторон конфликта.
- Министр обороны АР Мамедов отклонил предложения российского посредника от 22 марта о разводе сил на основе сбалансированной асимметрии как абсолютно неприемлемые и несправедливые.
- 19–20 апреля Стокгольм. Консультации российского посредника и Элиассона.

- 25–27 апреля Москва. Визит парламентской делегации АР во главе со спикером Милли меджлиса Гулиевым.
- 26 апреля МИД России предложил Баку и Степанакерту прекратить с 28 апреля на 10 дней наступательные операции, ракетно-артиллерийские обстрелы и воздушные бомбардировки для заключения не позднее 7 мая соглашения о прекращении вооруженного конфликта. Баку тотчас подписал документ.
- 28 апреля Степанакерт ответил, что готов полностью прекратить огонь и военные действия с 29 апреля, но в полном соответствии с протоколом от 18 февраля 1994 г. Из-за возникших расхождений между АР и НК договоренность не состоялась.
- 26 апреля – 2 мая Поездка миссии СБСЕ во главе с Моссбергом в регион конфликта.
- 4–5 мая Бишкек. Встреча глав парламентов АР, РА и представителей НК при содействии Межпарламентской Ассамблеи СНГ (В.Ф. Шумейко, М.И.Кротов), Верховного Совета Киргизии (Шеримкулов) и МИД России (Казимиров). Принят Бишкекский протокол с призывом прекратить огонь с 9 мая (подписали все участники встречи, кроме Джалилова – Г. Алиев не разрешил ему подписывать в Бишкеке документы без согласования с ним).
- 6 мая Москва. Козырев принял Элиассона. В беседе принял участие российский посредник.
- 7–10 мая Поездка посреднической миссии России в Баку. Спикер Милли меджлиса Гулиев 8 мая в кабинете Г. Алиева подписал Бишкекский протокол. Встречи с Г. Алиевым, Гулиевым и Мамедовым. Начало парламентского кризиса в Баку.
- 9–11 мая Руководство АР само просило о прекращении огня, не ставя на сей раз прежних предварительных условий. Оформление российским посредником бессрочного соглашения о полном и повсеместном прекращении огня в виде обращения министров обороны АР, РА и НК к Москве. Документ подписан минобороны АР в Баку, РА в Ереване и представителем НК в Степанакерте. Прекращение огня – в 00 часов 1 минуту в ночь на 12 мая.
- 12–15 мая Совместная поездка в Баку и Ереван руководителя посреднической миссии России и председателя МК СБСЕ (Казимиров–Элиассон). Встречи с Г. Алиевым, Тер-Петросяном и Кочаряном. Швед продвигал т.н. «малое соглашение» (об укреплении режима прекращения огня), российский посредник – проект «большого политического соглашения».

- 16–17 мая Москва. Встреча министров обороны АР, РА и командующего армией НК при посредничестве Минобороны и МИД России. Подписана договоренность о порядке реализации протокола от 18 февраля 1994 г., включавшая размещение в зоне конфликта смешанных постов наблюдения с участием России. В ночь на 17 мая министр обороны АР Мамедов отозван Г. Алиевым в Баку для консультаций. Отложив подписание документа, Мамедов по возвращении в Москву не стал его подписывать.
- 17–18 мая Баку. Приезд полномочного представителя президента России вместе с министром обороны АР. Их отдельные встречи с Г. Алиевым.
- 19 мая Вена. Постоянный комитет СБСЕ выразил поддержку гипотетическому «малому соглашению» об укреплении режима прекращения огня. Соглашение о прекращении огня с 12 мая, заключенное при содействии России, замалчивается.
- 1–6 июня Поездка посреднической миссии России в Баку, Ереван, Степанакерт. Встречи с Г. Алиевым, Тер-Петросяном и Кочаряном.
- 8–9 июня Санкт-Петербург. Заседание Совета Межпарламентской ассамблеи СНГ. Встреча спикеров парламентов АР и РА и представителей НК с участием председателя МПА, спикера парламента Киргизии и полномочного представителя президента России. Беседа российского посредника с представителями президиума МГ СБСЕ (Элиассон, Моссберг, Форнари, Бекман).
- 10–11 июня Вена. Встреча минской «девятки». Основная тема – взаимодействие СБСЕ с Россией.
- 12 июня Назначение посла Дж. Прессела представителем США в МГ СБСЕ.
- 13–14 июня Москва. Консультации в МИД России с экспертами АР (представители РА и НК уклонились от участия).
- 14–18 июня Поездка председателя МК СБСЕ Элиассона в регион конфликта.
- 23 июня Москва. Совместное обращение полномочного представителя президента России и председателя МК СБСЕ к руководителям конфликтующих сторон.
- 23–30 июня Поездка посреднической миссии России в Баку, Тегеран и Анкару. Встречи с Г. Алиевым, Гулиевым, Т. Зулфугаровым, М. Банком, Б. Унаном и О. Эрсуном.
- 4–8 июля Вена. Парламентская ассамблея СБСЕ. Встреча спикеров парламентов АР и РА.

- Начало июля** Послание президента США президенту России по Карабаху.
- 7–8 июля** Вена. Неформальные консультации минской «девятки».
- 13–14 июля** Стокгольм. Консультации Казиминова и Элиассона. Беседы с афф-Углас, Бекманом и военными экспертами миссии наблюдения СБСЕ.
- 20–23 июля** Поездка посреднической миссии России в Ереван, Степанакерт, Баку. Отклонено предложение Моссберга продлить... бессрочное прекращение огня на 30 дней. Принято предложение России, чтобы стороны периодически подтверждали свои обязательства по прекращению огня.
- 25–26 июля** Москва. Консультации в МИД России с представителями шведского президиума МГ по российскому проекту политического соглашения.
- 27 июля** Впервые три стороны подписали документ в подтверждение обязательств по прекращению огня вплоть до заключения политического соглашения. Заявление МИД России по этому поводу. Совместное заявление в поддержку этой договоренности сделали глава посреднической миссии России и председатель МК СБСЕ.
- 5–13 августа** Подмосковье. Переговоры уполномоченных представителей руководства АР, РА и НК по российскому проекту политического соглашения. Наблюдатели: от исполнительного секретариата СНГ, затем от президиума МГ СБСЕ.
- 11 августа** Подмосковье. На переговорах при посредничестве России достигнута договоренность о взаимном освобождении детей и женщин, находившихся в заключении или задержанных в АР, РА и НК (передача – через МККК).
- 14–18 августа** Вена. Встреча минской «девятки» без участия сторон конфликта. Обмен мнениями по НК на заседании Постоянного комитета СБСЕ.
- 23–30 августа** Поездка председателя МК СБСЕ Элиассона в регион конфликта 28 августа. Повторные односторонние заявления трех сторон конфликта в подтверждение обязательств соблюдать режим прекращения огня вплоть до заключения политического соглашения о прекращении вооруженного конфликта.
- 31 августа** Москва. Консультации в МИД России с представителями РА.
- 1 сентября** Послание Козырева госсекретарю США У. Кристоферу по Карабаху и российскому посредничеству в карабахском конфликте.

- 1–7,
10–14 сентября Москва. Продолжение переговоров уполномоченных представителей руководства АР, РА и НК по российскому проекту политического соглашения. Наблюдатели: от исполнительного секретариата СНГ, МПА СНГ и президиума МГ СБСЕ.
- 8–9 сентября Москва. Двусторонние и общие встречи высших руководителей сторон конфликта: президентов АР и РА, руководителя НК при посредничестве Козырева и главы посреднической миссии России. Обсуждение узловых проблем политического соглашения, включая проблемы Лачина и Шуши.
- 7 и 15 сентября Завершение выполнения договоренности об освобождении детей и женщин (всего освобождено и взаимно передано более 30 человек).
- 12–14 сентября Вена. Встреча МГ СБСЕ (без представителя России – из-за внезапного переноса даты шведами с 21 на 12 сентября, несмотря на возражения РФ в связи с мероприятиями в Москве).
- 14–16 сентября Прага. 28-е заседание КСДЛ решило изучить возможность создания многонациональных сил СБСЕ по поддержанию мира для НК.
- 15–16 сентября Москва. Встреча по инициативе межгосударственной телекомпании «Мир» руководителей союзов журналистов и телекомпаний АР, РА и НК.
- 18 сентября Заявление президента России по итогам встреч высших руководителей АР, РА и НК в Москве. Послания президента России президентам АР и РА, а также президенту США.
- 19–23 сентября Поездка посреднической миссии России в Баку и Ереван. Встречи с Г. Алиевым и Тер-Петросяном.
- 27–28 сентября Вашингтон. Обсуждение проблем карабахского урегулирования президентами России и США.
- 29 сентября В Баку убит вице-спикер А. Джалилов.
- 9–11 октября Визит в Армению председателя Федерального Собрания РФ в сопровождении главы посреднической миссии России.
- 6–17 октября Поездка миссии СБСЕ в регион конфликта. Обмен военнопленных (два на два).
- 14 октября Газета «Сегодня» опубликовала критическую статью российского посредника «Россия и Минская группа СБСЕ». Ее текст был распространен затем в штаб-квартире СБСЕ в Вене.

- 21 октября **Москва. Совет глав государств СНГ. Контакты между президентами АР и РА.**
- 24 октября **Вена. Постоянный комитет СБСЕ. Предложение главы посреднической миссии России разработать и принять мандат МГ СБСЕ.**
- 31 октября **Вена. Постоянный комитет СБСЕ. Внесение делегацией России проекта мандата МГ СБСЕ. Делегации США, ФРГ и других стран – против.**
- 3–4 ноября **Москва. Консультации с представителями шведского президиума МГ СБСЕ и секретариата по ММС для НК (И.С. Иванов – А. Бьюрнер; Иванов – П. Бруни; Казимиров – Бьюрнер).**
- 11–14 ноября **Москва. Продолжение переговоров уполномоченных представителей руководства АР, РА и НК по российскому проекту политического соглашения. Наблюдатели: от исполнительного секретариата СНГ и президиума МГ СБСЕ.**
- 11–15 ноября **Поездка и.о. председателя МГ СБСЕ в регион конфликта.**
- 15–16 ноября **Москва. Консультации МГ СБСЕ без участия сторон конфликта.**
- 17 ноября **Москва. Встреча президентов России и АР.**
- 18 ноября **29-е заседание КСДЛ обсудило проект документа по НК и многонациональным силам СБСЕ. Документ не принят.**
- 21 ноября **Получены предложения Венгрии по саммиту СБСЕ в Будапеште.**
- 25 ноября **Письмо Д. Хэрда Козыреву по Карабаху.**
- 29 ноября **Получены предложения США по саммиту СБСЕ.**
- 29 ноября – 2 декабря **Будапешт. Встречи МГ ОБСЕ без участия сторон и в полном составе.**
- 30 ноября **Получены предложения Швеции по саммиту СБСЕ.**
- 1 декабря **Ранее согласованная встреча в Москве президентов России, АР, РА и руководителя НК отложена по просьбе азербайджанской стороны под предлогом болезни Г. Алиева и потом не состоялась (американцы берут на себя организацию встречи президентов АР и РА на саммите СБСЕ в Будапеште).**
- МИД России получил предложения ЕС по Карабаху к саммиту СБСЕ.**
- 2 декабря **Совместные письма Казиминова и Бьюрнера высшим руководителям АР, РА и НК об обмене военнопленных и заложников всех на всех.**

- 5–6 декабря** Будапештский саммит преобразует СБСЕ в ОБСЕ. Принято подробное решение по НК, в том числе о консолидации посреднических усилий России и ОБСЕ и о создании сопредседательства МК и МГ ОБСЕ (Россия и Швеция).
- 5 декабря** Будапешт. Выступление Г. Алиева на саммите СБСЕ.
Будапешт. Встреча президентов АР и РА при содействии американцев.
- 6 декабря** Будапешт. Выступление Тер-Петросяна на саммите СБСЕ.
- 13–14 декабря** **Москва. Встреча Козырева с мининдел Швеции Л. Ельм-Валлен.**
- 14 декабря** **Москва. Беседа российского посредника и шведского посла Бьюрнера по вопросам сопредседательства России и Швеции.**
- 27–28 декабря** **Будапешт. Поездка российского посредника для встречи с новым Действующим председателем ОБСЕ мининдел Венгрии Ласло Ковачем.**

1995 год

- 1 января** Венгрия (мининдел Ласло Ковач) сменила Италию как Действующий председатель ОБСЕ.
- 6 января** **В.В. Лозинский назначен сопредседателем Минской конференции ОБСЕ. Сопредседателем МГ ОБСЕ стал российский посредник Казимиров.**
- 12–13 января** Вена. Консультации минской «девятки» с участием Швейцарии как будущего ДП ОБСЕ.
- 18–20 января** Стокгольм. Консультации сопредседателей МК и МГ ОБСЕ от России и Швеции. Встреча Лозинского и Казиминова с Элиассоном.
- 26 января – 2 февраля** **Совместная поездка сопредседателей МГ ОБСЕ Казиминова и Бьюрнера в Баку, Ереван и Степанакерт. Встречи с Г. Алиевым, Тер-Петросяном и Кочаряном.**
- 4 февраля** **По инициативе России сопредседательство МГ ОБСЕ оформило бессрочное приглашение между АР, РА и НК об укреплении режима прекращения огня, определившее порядок улаживания инцидентов на линии соприкосновения, вступившее в силу 6 февраля 1995 г.**
- 6–9 февраля** Москва. Первый раунд переговоров под сопредседательством России и Швеции.
- 9 февраля** Москва. Консультации МГ ОБСЕ без участия конфликтующих сторон.
- 10–11 февраля** Москва. Консультации МГ ОБСЕ в полном составе. 10 февраля принято Московское заявление. Встреча МГ 11 фев-

- раля с участием представителей сторон и МККК посвящена гуманитарным вопросам. Парафирована договоренность об освобождении ряда категорий военнопленных и заложников (больных, раненых, старше 50 лет). Достигнута договоренность о проведении встречи представителей сторон по гуманитарным вопросам при посредничестве МККК.
- 11 февраля** **Москва. Прием Козыревым глав делегаций государств-участников МГ ОБСЕ.**
- 20 февраля** Письмо сопредседателей МК ОБСЕ Лозинского и Элиасона руководителям трех сторон конфликта о переговорах по политическому соглашению.
- 20–24 февраля** **Вашингтон. Поездка Лозинского и Казиминова в США. Консультации по НК в госдепе США (Дж. Коллинз, Дж. Прессел, Р. Форсайт, Ш. Хеслин, Э. Шервуд, Дж. Корнблюм, Т. Прайс, К. Кэвана, Д. Лернел) и в сенате США (Ф. Вольф, С. Хойер).**
- 7–8 марта** **Бонн. Международная конференция по НК с основным докладом Казиминова и участием парламентариев и диппредставителей ряда стран и руководителей НПО АР, РА и НК. Поддержано предложение представителя России призвать руководителей сторон конфликта освободить всех пленных и заложников к годовщине прекращения огня – 12 мая. Встречи с Д. Шперлингом и другими депутатами бундестага.**
- 13–14 марта** Вена. Встреча МГ ОБСЕ.
- 21 марта** Совместное письмо сопредседателей МГ ОБСЕ Казиминова и Бьюрнера Г. Алиеву, Тер-Петросяну и Кочаряну с предложением освободить всех пленных и заложников к 12 мая – первой годовщине повсеместного прекращения огня.
- 23–27 марта** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ Казиминова и Бьюрнера в Баку и Ереван. Встречи с Г. Алиевым, С. Абиевым, Гасановым, Гулузаде; Тер-Петросяном, В. Осканяном, Э. Зуляном; Гуксяном; Э. Бои (МККК).
- 6–7 апреля** Стокгольм. Встреча МГ ОБСЕ без участия сторон. Стокгольмское заявление. Консультации Лозинского и Элиасона.
- 12 апреля** **Обращение Совета Федерации РФ к главам государств и парламентов сторон конфликта с призывом освободить всех военнопленных и заложников к первой годовщине прекращения огня – 12 мая 1995 г.**
- 20–21 апреля** Москва. Консультации с новым финским сопредседателем МК ОБСЕ Хейкки Талвитие. Его встречи с А.С. Черныше-

вым, А.И. Николаевым, О.И. Лобовым, Ю.М. Батуриным, В.Н. Казимировым.

- 21 апреля** Переход функций сопредседателя МК и МГ ОБСЕ от Швеции к Финляндии.
- 26 апреля** Заявление председателя СБ ООН.
- 26–29 апреля** Поездка представителя Действующего председателя ОБСЕ Иштвана Дьярмати и сопредседателей МГ ОБСЕ Казимирова и Рене Ниберга в Баку, Ереван и Степанакерт. Встречи с Г. Алиевым, Тер-Петросяном, Гукасяном.
- 2 мая** **Президент России направил послания Г. Алиеву, Тер-Петросяну и устно Кочаряну по случаю первой годовщины прекращения огня.**
- 3–7 мая** **Визит делегации Совета Федерации и Межпарламентской ассамблеи СНГ во главе с В.А. Густовым в Ереван, Степанакерт и Баку. Входящий в ее состав представитель президента России передал его послание руководителям сторон конфликта.**
- 6 мая** **Послания Козырева госсекретарю США, минидел стран МГ ОБСЕ и Ирана в связи с первой годовщиной прекращения огня.**
- 10 мая** Заявление Л. Тер-Петросяна об одностороннем освобождении Арменией пленных и заложников.
- 11 мая** 29 азербайджанских пленных и заложников доставлены из Армении в Баку.
- 12 мая** **Заявление Козырева по случаю первой годовщины прекращения огня.**
Призыв Действующего председателя ОБСЕ Ковача к сторонам по случаю годовщины прекращения огня.
- 15–18 мая** Москва. Первый раунд переговоров под сопредседательством России и Финляндии.
- 16 мая** **Москва. Встреча Козырева с главами делегаций АР, РА и НК.**
- 19 мая** Москва. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон. **Московское заявление-2.**
- 23 мая** Заявление правительства РА о приостановке ее участия в переговорах из-за нового взрыва на газопроводе в Марнеульском районе Грузии.
- 26 мая** Вена. Информация Талвитие, Казимирова и Ниберга Постоянному совету ОБСЕ. Заявление Действующего председателя ОБСЕ и сопредседателей МК в связи с взрывами на коммуникациях в регионе конфликта и заявлением МИД РА.

- 28 мая – 1 июня Поездка российского посредника в Баку и Ереван. Встречи с Г. Алиевым, Тер-Петросяном и Кочаряном.
- 12–14 июня Хельсинки. Консультации в рамках сопредседательства МК ОБСЕ (Талвитие, Казимиров, Ниберг).
- 15–19 июня Хельсинки. Переговоры по российскому проекту соглашения при сопредседательстве России и Финляндии.
- 20 июня Хельсинки. Консультации МГ ОБСЕ полного состава.
- 20–21 июня Хельсинки. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон. Хельсинкское заявление.
- 28 июня Назначение Действующим председателем ОБСЕ Л. Ковачем своего представителя в регионе конфликта посла С. Пшегодского (Польша).
Вена. Информация Лозинского и Талвитие Постоянному совету ОБСЕ.
- 5 июля Нью-Йорк. Доклад сопредседателей МК ОБСЕ Лозинского и Талвитие председателю СБ ООН.
- 12–17 июля Поездка сопредседателей МК ОБСЕ в Баку, Ереван и Степанакерт. Встречи с Г. Алиевым, Тер-Петросяном, Кочаряном.
- 23 июля Будапешт. Встреча сопредседателей МК с Действующим председателем ОБСЕ, мининдел Венгрии Ковачем.
- 24–28 июля Баден (Австрия). Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон. Баденское заявление и заявление по гуманитарным вопросам.
- 25–27 июля Баден (Австрия). Консультации МГ ОБСЕ полного состава.
- 20–23 августа Поездка российского посредника в Баку и Ереван по линии минского процесса ОБСЕ. Встречи с Г. Алиевым, Тер-Петросяном и Гукасяном.
- 23–25 августа Анкара. Поездка Лозинского и Казимирова для консультаций в МИД Турции (первый заммининдел О. Эймен, заммининдел А. Тунган, полномочный представитель президента А. Камель).
- 28 августа Поездка представителя США в МГ ОБСЕ Прессела в НК.
- 4–9 сентября Подмосковье (база отдыха «Союз»). Переговоры сторон при сопредседательстве России и Финляндии.
- 11 сентября Москва. Консультации МГ ОБСЕ полного состава.
- 12 сентября Москва. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон.
- 14 сентября Вена. Информация Лозинского и Ниберга Постоянному совету ОБСЕ.

- 25–29 сентября** Поездка сопредседателей МК ОБСЕ в Баку, Ереван и Степанакерт. Встречи с Г. Алиевым, Тер-Петросяном, Кочаряном.
- 5–7 октября** **Поездка Чернышева в Баку.**
- 8–16 октября** Мариехамн (Аландские острова). Переговоры сторон при сопредседательстве России и Финляндии.
- 16 октября** Хельсинки. Консультации МГ ОБСЕ полного состава.
- 17 октября** Хельсинки. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон.
- 19 октября** **По инициативе России направлено совместное послание президентов РФ и Финляндии Г. Алиеву, Тер-Петросяну и Кочаряну.**
- 20–26 октября** Нью-Йорк. Встречи сопредседателей МК и МГ ОБСЕ на сессии ГА ООН.
- 23 октября** Нью-Йорк. Прием Тер-Петросяном российского посредника.
- 25 октября** Нью-Йорк. Прием Г. Алиевым российского посредника.
- 1 ноября** Поездка представителя Германии в МГ ОБСЕ Ф. Ламбаха в НК.
- 6–10 ноября** Москва. Переговоры при сопредседательстве России и Финляндии.
- 10–11 ноября** Москва. Консультации МГ ОБСЕ полного состава.
- 11 ноября** Москва. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон.
- 13–14 ноября** **Поездка Чернышева в Ереван.**
- 14 ноября** **Заявление представителя МИД России на брифинге.**
- 17 ноября** **Распоряжение президента России Б.Н. Ельцина в связи с ситуацией в конфликте.**
- 19 ноября** **Будапешт. Поездка Лозинского для встречи с Действующим председателем ОБСЕ, мининдел Венгрии Ковачем.**
- 20 ноября** **Берн (Швейцария). Поездка Лозинского для встречи с будущим Действующим председателем ОБСЕ Флавио Котти.**
- 22 ноября** **Москва. Совещание в МИД России по Карабаху и Абхазии с участием Козырева, М.С. Барсукова, Е.М. Примакова, В.М. Серова, В.М. Журбенко, А.С. Щербакова.**
- 22–30 ноября** Бонн. Переговоры при сопредседательстве России и Финляндии. Консультации МГ ОБСЕ. Обсуждение доклада сопредседателей МК ОБСЕ по НК Совету министров ОБСЕ 7 декабря 1995 г. и проекта решения Совета министров.

- 8 декабря Будапешт. Доклад сопредседателей МК ОБСЕ. Принятие Советом министров ОБСЕ решения по НК.
- 20–25 декабря Послания президента России Г. Алиеву, Тер-Петросяну (и Кочаряну) переданы его полномочным представителем в Баку, Ереване и Степанакерте. Обсуждены также компромиссные развязки по Лачину и безопасности НК.

1996 год

- 1 января Швейцария (мининдел Флавио Котти) сменила Венгрию в качестве Действующего председателя ОБСЕ
- 9 января **Министром иностранных дел России назначен Е.М. Примаков.**
- 9–12 января **Москва. Переговоры при сопредседательстве России и Финляндии.**
- 13 января Москва. Консультации МГ ОБСЕ в полном составе. **Новый мининдел России Примаков принял их участников.**
- 15 января Москва. Консультации МГ ОБСЕ без сторон.
- 16 января **Беседа Примакова с Кочаряном.**
- 17 января **Беседа Примакова с Г. Алиевым.**
- 18 января **Встречи Ельцина с Тер-Петросяном и Г. Алиевым.**
- 19 января **Москва. Обращение Совета глав государств СНГ к президентам АР и РА и главам других государств.**
Пресс-конференция Б.Н. Ельцина (высказывания по НК).
- 21 января Встреча Кочаряна с представителем США в МГ ОБСЕ Пресселом.
- 24–27 января **Поездка российского посредника в Ереван и Баку. Встречи с Тер-Петросяном и Г. Алиевым.**
- 30 января Хельсинки. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон.
- 17–19 февраля **Поездка первого заммининдел России Б.Н. Пастухова и российского посредника в Ереван и Баку. Встречи с Тер-Петросяном и Г. Алиевым.**
- 21–22 февраля Хельсинки. Переговоры при сопредседательстве России и Финляндии.
- 23 февраля Хельсинки. Консультации МГ ОБСЕ в полном составе.
- 24 февраля Хельсинки. Консультации МГ ОБСЕ без сторон. Сопредседатели МК и МГ представили ДП ОБСЕ Котти проект документа «Рамки пакетного решения» к его поездке в Закавказье.

- 28 февраля – 2 марта** – Поездка ДП ОБСЕ Ф.Котти в Баку и Ереван в сопровождении сопредседателей МК и МГ ОБСЕ. Встречи с Г. Алиевым, Тер-Петросяном и Кочаряном. Обсуждение документа ДП ОБСЕ «Рамки пакетного решения».
- 6 марта** Вена. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон.
- 7 марта** Вена. Доклад сопредседателей МК и МГ ОБСЕ (Казимиров, Талвитие) Постоянному совету ОБСЕ.
- 12–15 марта** Поездка первого замминидел Пастухова и российского посредника в Ереван, Степанакерт и Баку. Беседы с Тер-Петросяном, Кочаряном и Г. Алиевым.
- 15–20 марта** Продолжение поездки российского посредника в Степанакерт, Ереван и Баку. Встречи с Кочаряном, Тер-Петросяном и Г. Алиевым.
- 25–28 марта** Москва. Переговоры под сопредседательством России и Финляндии.
- 29 марта** Москва. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон.
- 29–30 марта** Москва. Консультации МГ ОБСЕ в полном составе.
- 7–11 апреля** Поездка российского посредника в Баку, Ереван и Степанакерт. Встречи с Г. Алиевым, Тер-Петросяном и Кочаряном.
- 9 апреля** Письмо сопредседателей МК ОБСЕ председателю СБ ООН.
- 16 апреля** Нью-Йорк. Информация сопредседателей МК ОБСЕ, а также представителя ДП ОБСЕ членам СБ ООН о ходе карабахского урегулирования.
- 21 апреля** Люксембург. Встреча президентов АР и РА. Принято совместное коммюнике.
- 25–30 апреля** Поездка российского посредника на согласованной с финским сопредседателем основе в Баку, Ереван и Степанакерт. Встречи с Г. Алиевым, Тер-Петросяном и Кочаряном.
- 5 мая** Хельсинки. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон.
- 6 мая** Обращение президента России к президентам АР, РА, а также к руководителю НК по поводу второй годовщины прекращения огня.
- 8–11 мая** Поездка минидел России Примакова в Закавказье. Посещение Баку (дважды), Еревана (дважды), Степанакерта и Тбилиси. Освобождение сторонами 110 военнопленных и заложников по спискам МККК (АР – 39, РА – 11, НК – 60). 102 из них тотчас репатрированы на самолете Примакова. Принять совместное заявление трех сторон конфликта не удалось из-за позиции АР.

- 12 мая **Вторая годовщина прекращения огня в карабахском конфликте.**
- 17 мая **Москва. Совет глав государств СНГ. Встречи Ельцина с Г. Алиевым и Тер-Петросяном.**
- 22–26 мая Поездка представителя США в МГ ОБСЕ Дж. Прессела в Ереван и Баку. Его встречи с Тер-Петросяном и Г. Алиевым.
- 3 июня **Кисловодск. Встреча глав государств АР, РА, Грузии и России. Подписание декларации «За межнациональное согласие, мир, экономическое и культурное сотрудничество на Кавказе».**
- 5–10 июня Поездка российских и финских сопредседателей МК и МГ ОБСЕ в Баку, Ереван и Степанакерт. Встречи с Г. Алиевым, Тер-Петросяном и Кочаряном.
- 14–18 июня Москва. Переговоры по российскому проекту соглашения о прекращении вооруженного конфликта при сопредседательстве России и Финляндии.
- 20 июня Вена. Встреча сопредседателей МК и МГ ОБСЕ с «тройкой» ОБСЕ по приглашению Действующего председателя Котти.
- 2–3 июля Стокгольм. Переговоры по соглашению о прекращении вооруженного конфликта при сопредседательстве России и Финляндии.
- 4–5 июля Стокгольм. Консультации МГ ОБСЕ.
- 15 июля Действующий председатель ОБСЕ Котти назначил на три месяца своим личным представителем посла Анджея Каспржика (Польша).
- Июль **Главой российской посреднической миссии по НК назначен Ю.А. Юкалов (вместо В.Н. Казимирова).**
- 28 июля – 3 августа **Поездка Казимирова и Юкалова в Ереван, Степанакерт и Баку. Встречи с Тер-Петросяном, Гукасяном и Г. Алиевым.**
- 11–13 августа Хельсинки. Встреча российских и финских сопредседателей МК и МГ с представителями США, Франции, Турции и Швеции в МГ.
- 17–22 августа Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в регион конфликта.
- 30–31 августа **Москва. Консультации Юкалова и замминидел АР Т. Зульфугарова.**
- 3 сентября **Назначение Юкалова полномочным представителем президента России по НК (вместо Казимирова).**
- 10 сентября **Москва. Консультации Юкалова и замминидел РА В. Осканяна.**

- 13–15 сентября** Степанакерт. Визит представителей США и Германии в МГ ОБСЕ.
- 18 сентября** Москва. Консультации Юкалова и Гукасяна (НК).
- 23 сентября** Москва. Консультации Юкалова и Зульфугарова.
- 26–27 сентября** Москва. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон.
- 2–4 октября** Визит Группы планирования высокого уровня (ГПВУ) ОБСЕ в регион конфликта.
- 3–6 октября** Поездка российских и финских сопредседателей МГ ОБСЕ в Баку, Ереван и Степанакерт с некоторыми членами МГ (США, Швейцария, Дания, Турция). Встречи с Г. Алиевым, Тер-Петросяном и Кочаряном.
- 12 октября** Москва. Визит Кочаряна. Встреча с Примаковым с участием Юкалова.
- 16–17 октября** Вена. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон. Доклад сопредседателей МК Постоянному совету ОБСЕ о ходе карабахского урегулирования.
- 26 октября** Заявление представителя МИД России в связи с «президентскими выборами» в НК.
- 28–30 октября** Москва. Переговоры под сопредседательством России и Финляндии.
- 1–3 ноября** Визит мининдел Финляндии в Баку и Ереван. Встречи с Г. Алиевым, Тер-Петросяном и Кочаряном.
- 10–12 ноября** Хельсинки. Консультации сопредседателей МК ОБСЕ по подготовке итогового документа Лиссабонского саммита ОБСЕ.
- 18–22 ноября** Хельсинки. Переговоры под сопредседательством России и Финляндии и консультации МГ ОБСЕ.
- 24 ноября** Кочарян избран «президентом НКР».
- 26 ноября** Заявление представителя МИД России в связи с «президентскими выборами» в НК.
- 2–3 декабря** Лиссабон. Саммит ОБСЕ. Вопрос о НК не удалось включить в итоговый документ саммита, РА не дала консенсуса, а АР грозила сорвать принятие всего итогового документа. Вместо этого сделано заявление Действующего председателя ОБСЕ, не имеющее силу решения.
- 17 декабря** Нью-Йорк. Доклад сопредседателей МК ОБСЕ Совету Безопасности ООН о ходе карабахского урегулирования.
- 25–29 декабря** Поездка российского посредника в Ереван, Степанакерт и Баку. Встречи с Тер-Петросяном, Кочаряном и Г. Алиевым.

30 декабря ДП ОБСЕ Котти назначил замгенерального секретаря МИД Франции Ж. Бло сопредседателем МК ОБСЕ (вместо Финляндии).

31 декабря Протест мининдел АР в адрес ДП ОБСЕ по поводу назначения Франции сопредседателем МК ОБСЕ.

1997 год

1 января Дания (мининдел Н. Петерсон) сменила Швейцарию как Действующий председатель ОБСЕ, а Франция – Финляндию как сопредседатель МК и МГ ОБСЕ.

30 января Консультации российского сопредседателя МГ со спецпредставителем нового ДП ОБСЕ С. Кристиансенем.

30 января –
4 февраля Поездка Кристиансена в Ереван и Баку

14 февраля ДП ОБСЕ Петерсон назначил замгоссекретаря США С. Тэлботта сопредседателем МК ОБСЕ. США стали третьим сопредседателем МК и МГ ОБСЕ (с Россией и Францией).

24–25 февраля Копенгаген. Консультации российских, французских и американских сопредседателей под эгидой ДП ОБСЕ.

6 марта Москва. Консультации первого заммининдел Пастухова с Тэлботтом, представившим документ «НК: путь вперед».

14 марта **Москва. Консультации российского посредника и Зульфугарова.**

17–18 марта Париж. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ, решивших совместно обратиться к президентам АР и РА и руководству НК с призывом обменяться военнопленными и задержанными лицами.

19 марта Париж. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон.

20 марта Кочарян назначен премьер-министром РА.

26 марта Заявление МИД РА об освобождении в одностороннем порядке всех азербайджанских военнопленных.

27 марта **Москва. Заседания СМВД и СГП СНГ.**

28 марта **Москва. Заседание СГГ СНГ.**

1–4 апреля **Москва. Последний тур переговоров по проекту соглашения о прекращении вооруженного конфликта и первый под сопредседательством России, США и Франции. Переход сопредседателей к «челночной дипломатии».**

4 апреля Москва. Консультации МГ ОБСЕ.

27–30 апреля Париж. Консультации сопредседателей МК ОБСЕ.

- 28–29 апреля** **Ереван. Поездка российского сопредседателя МГ ОБСЕ и его встреча с Тер-Петросяном.**
- 1 мая** Москва. Консультации Примакова и госсекретаря США М.Олбрайт с участием Тэлботта и Бло.
- 29 мая – 1 июня** Поездка сопредседателей МК и МГ ОБСЕ в Баку, Ереван и Степанакерт. Встречи с Г. Алиевым, Л.Г. Петросяном и Тер-Петросяном.
- 4 июня** Вена. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон.
- 5 июня** Вена. Доклад Постоянному совету ОБСЕ о ходе карабахского урегулирования.
- 12–15 июня** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Степанакерт, Ереван и Баку. Встречи с Петросяном, Тер-Петросяном и Г. Алиевым.
- 23 июня** Денвер (США). Встреча «восьмерки». Заявление президентов России, США и Франции по НК.
- 25–26 июня** Париж. Консультации МГ ОБСЕ.
- 3–4 июля** **Москва. Визит Г.Алиева, его встречи с Ельциным и Примаковым.**
- 17–20 июля** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Баку, Ереван и Степанакерт. Встречи с Г. Алиевым, Петросяном и Тер-Петросяном.
- 21 июля** Москва. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон.
- Июль** Предложение сопредседательства МГ ОБСЕ «Всеобъемлющее соглашение по урегулированию нагорно-карабахского конфликта» («пакетный» вариант).
- Середина августа** Визит в регион конфликта представителя Германии в МГ ОБСЕ.
- 1 сентября** Гукасян избран «президентом НКР».
- 18–24 сентября** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Ереван, Баку и Степанакерт. Встречи с Тер-Петросяном, Г. Алиевым и Гукасяном.
- 7 октября** **Баку. Визит Примакова в АР и его переговоры с Г. Алиевым.**
- 8 октября** Ответы АР и РА на предложения сопредседателей МГ ОБСЕ о поэтапном урегулировании.
- 10 октября** Страсбург. Совместное заявление президентов АР и РА. Отказ руководства НК от предложений сопредседателей МГ ОБСЕ о поэтапном урегулировании.
- 15–18 октября** Вена. Доклад сопредседателей МГ ОБСЕ Постоянному совету ОБСЕ. Консультации сопредседателей с ГПВУ.

- 17 октября** Вена. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон.
Визит руководства ГПВУ ОБСЕ в регион конфликта. Встречи с С. Абиевым, С. Саркисяном и С. Бабабяном.
- 1 ноября** Опубликована статья Тер-Петросяна «Война или мир?»
- 5–10 ноября** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Баку, Степанакерт и Ереван. Встречи с Г. Алиевым, Гукасяном и Тер-Петросяном.
- 2–6 декабря** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Степанакерт, Ереван и Баку. Встречи с Гукасяном, Тер-Петросяном и Г. Алиевым.
- Декабрь** Предложение сопредседательства МГ ОБСЕ «Соглашение о прекращении нагорно-карабахского вооруженного конфликта» («поэтапный» вариант).
- 16 декабря** Копенгаген. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон.
- 18–19 декабря** Копенгаген. Совет министров ОБСЕ. Доклад сопредседателей МГ ОБСЕ Совету министров.
- 1998 год**
- 1 января** Польша (мининдел Б. Геремек) сменила Данию в качестве Действующего председателя ОБСЕ.
- 2–4 февраля** Париж. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 3 февраля** Отставка Тер-Петросяна.
- 3 марта** Варшава. Консультации сопредседателей МГ с ДП ОБСЕ мининдел Польши Геремеком.
- 5 марта** Москва. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон.
- 16–30 марта** Президентские выборы в Армении (во второй тур вышли Кочарян и А. Демирчян). Президентом РА избран Р. Кочарян.
- 21–24 апреля** Париж. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 28–29 апреля** **Москва. Заседание СГГ СНГ.**
- 28 апреля** Москва. Совместная декларация президентов РА и АР.
- 12–17 мая** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Степанакерт, Ереван и Баку. Встречи с Гукасяном, Кочаряном и Г. Алиевым.
- 10 июня** Варшава. Консультации сопредседателей МГ с ДП ОБСЕ.
- 17 июня** Заявление мининдел Армении Осканяна о возможном «присоединении НК к Армении».
- 18 июня** **Заявление МИД РФ с осуждением выступления Осканяна.**
- 22 июня** Заявление Госдепартамента США.

- 25 июня Заявление МИД Франции.
- 16 июля Послание президента России Р. Кочаряну.
- 9 августа Встреча Примакова с Осканяном. Предложения решить вопрос о статусе НК в рамках общего с АР государства.
- 29 августа Поездка Пастухова в Азербайджан. Встреча с Г. Алиевым. Обсуждение, в частности, формулы «общего государства».
- 13–18 сентября Поездка сопредседателей МГ в Баку, Ереван, Степанакерт. Встречи с Г. Алиевым, Кочаряном, Н. Мелкумян.
- 7–8 октября Варшава. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 11 октября Президентские выборы в Азербайджане. Вновь избран Г. Алиев.
- 21 октября Вена. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 22 октября Вена. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон.
- 8–12 ноября Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Баку, Ереван и Степанакерт. Передача Г. Алиеву, Кочаряну и Гукасяну «Принципов всеобъемлющего урегулирования нагорно-карабахского вооруженного конфликта» (на основе концепции «общего государства»).
- 18–20 ноября Доклад сопредседателей МГ ДП ОБСЕ, мининдел Польши Геремеку о ходе урегулирования карабахского конфликта.
- 19 ноября Официальный ответ МИД АР на предложения сопредседателей МГ ОБСЕ от 9 ноября 1998 г.
- 24 ноября Ереван. Встреча Гукасяна с Действующим председателем ОБСЕ.
- 25 ноября Официальные ответы РА и НК на предложения от 9 ноября 1998 г.
- 30 ноября Осло. Консультации МГ ОБСЕ без участия сторон.
- 1–2 декабря Осло. Совет министров ОБСЕ.
- 22 декабря Москва. Визит мининдел АР Зульфугарова и его переговоры с мининдел России И.С. Ивановым. Встреча с российским сопредседателем МГ.
- 28 декабря Москва. Визит мининдел РА Осканяна и его переговоры с Ивановым. Встреча с российским сопредседателем МГ.
- 29 декабря Варшава. Встреча министров иностранных дел АР и РА по инициативе Действующего председателя ОБСЕ. Обсуждение возможности встречи Кочаряна и Г. Алиева.

1999 год

- 1 января** Норвегия (мининдел К. Воллебек) сменила Польшу в качестве Действующего председателя ОБСЕ.
- 18–19 января** Вена. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 16 февраля** Москва. Встреча МГ ОБСЕ без участия сторон. Поддержка идеи возобновления прямых переговоров в рамках МГ, призыв налаживать двусторонний диалог между руководством АР и РА.
- 3 марта** Осло. Встреча сопредседателей МГ с ДП ОБСЕ, мининдел Норвегии Воллебеком.
- 23–24 марта** **Баку. Визит заммининдел России Л.В. Драчевского и передача им Г. Алиеву послания президента России с предложением провести в Москве встречу президентов АР и РА.**
- 26–28 марта** **Ереван. Визит Драчевского и обсуждение с Кочаряном того же предложения президента России.**
- 1 апреля** **Москва. Первая встреча Г. Алиева и Кочаряна как президентов. АР и РА накануне заседания СГГ СНГ. К концу беседы в ней принял участие Иванов. Положено начало большой серии встреч глав двух государств.**
- 26 апреля** Вашингтон. Встреча президентов АР и РА по инициативе США после 50-летнего юбилея НАТО. Беседа началась в присутствии М. Олбрайт.
- 6–7 мая** Париж. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ. Принят текст для заявления Постоянного совета ОБСЕ к пятилетию прекращения огня в НК.
- 27 мая** **Москва. Рабочий визит мининдел РА и просьба повременить с выдвижением сопредседателями МГ ОБСЕ новых предложений и их совместными поездками в регион.**
- 16 июля** Женева. Встреча президентов АР и РА по своей инициативе.
- 22 августа** Женева. Встреча президентов АР и РА по своей инициативе. Договоренность о встречах Минобороны АР и РА для принятия мер по укреплению режима прекращения огня и консультациях мининдел АР и РА с целью возобновления прямых переговоров в рамках МГ ОБСЕ.
- 2–3 сентября** **Визит мининдел России Иванова в Баку и Ереван.**
- 7 сентября** Осло. Встреча сопредседателей МГ с ДП ОБСЕ мининдел Норвегии Воллебеком в плане подготовки его поездки в Закавказье. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 9 сентября** Ялта. Встреча мининдел АР и РА на Балтийско-Черноморском форуме.

- 10 сентября** Ялта. Встреча президентов АР и РА на Балтийско-Черноморском форуме по своей инициативе.
- 15–18 сентября** Поездка ДП ОБСЕ Воллебека в страны Закавказья. Встречи с Кочаряном, Гукасяном и Г. Алиевым. Освобождение армянами трех военнопленных, а азербайджанцами четырех.
- 29 сентября** Нью-Йорк. Встреча мининдел АР и РА на сессии ГА ООН.
- 7 октября** Осло. Встреча сопредседателей МГ с ДП ОБСЕ Воллебеком для обсуждения итогов его поездки в Закавказье.
- 8 октября** Вена. Встреча МГ ОБСЕ без участия сторон.
- 11 октября** Ерасх – Садарак (армяно-азербайджанская граница). Встреча президентов АР и РА по своей инициативе.
- Вена. Расширенное заседание Постоянного совета ОБСЕ по конфликтным ситуациям на территории стран–членов ОБСЕ с участием сопредседателей МГ.
- 27 октября** Ереван. Теракт в парламенте РА. Среди 8 убитых – премьер-министр Вазген Саркисян и спикер парламента Карен Демирчян.
- 17 ноября** Стамбул. Встреча президентов АР и РА накануне саммита ОБСЕ.
- 18–19 ноября** Стамбул. Саммит ОБСЕ. Итоговая декларация саммита приветствует активизацию диалога президентов АР и РА. Выражена надежда на возобновление переговоров в рамках МГ ОБСЕ.
- 11–15 декабря** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Ереван, Степанакерт и Баку. Встречи с руководителями сторон конфликта.

2000 год

- 1 января** Австрия (мининдел В. Шуссель, а затем Б. Ферреро-Вальднер) сменила Норвегию в качестве Действующего председателя ОБСЕ.
- 24 января** **Москва. Совет глав государств СНГ. Встреча президентов АР и РА по инициативе России. Затем к ней подключился премьер России В.В. Путин.**
- 28 января** Давос. Встреча президентов АР и РА по своей инициативе.
- 22 марта** Степанакерт. Покушение на А. Гукасяна.
- 20 июня** **Москва. Заседание СГГ СНГ. Встреча президентов АР и РА по инициативе России. Затем к ней подключился Путин.**
- 18 августа** Ялта. Встреча президентов АР и РА по своей инициативе.
- 7 сентября** Нью-Йорк. Встреча президентов АР и РА по своей инициативе.

- 27–28 ноября Вена. Совет министров ОБСЕ.
- 1 декабря Минск. Встреча президентов АР и РА по своей инициативе.
- Декабрь Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в регион конфликта.
- 2001 год**
- 1 января Румыния (мининдел М.Джоана) сменила Австрию в качестве Действующего председателя ОБСЕ.
- 26 января Париж. Встреча президентов АР и РА по инициативе Франции. В конце беседы к ней присоединился президент Ж. Ширак.
- Февраль** Баку. Оглашены три предложения сопредседательства МГ ОБСЕ, переданные сторонам конфликта в июле и декабре 1997 г. и ноябре 1998 г. Вслед за Баку все три проекта опубликованы в Ереване.
- 27–28 февраля Визит ДП ОБСЕ в РА.
- 1–2 марта Визит ДП ОБСЕ в АР.
- 4–5 марта Париж. Встреча президентов АР и РА по инициативе Франции. В конце беседы к ней присоединился Ширак.
- 3–7 апреля Ки-Уэст (США, штат Флорида). Встреча президентов АР и РА по инициативе США. К беседам подключался госсекретарь К. Пауэлл.
- 9 апреля Вашингтон. Президент США провел две встречи – с президентом АР и с президентом РА.
- 18–21 мая Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в регион конфликта.
- 31 мая Минск. Заседание СГГ СНГ. Встреча президентов АР и РА по инициативе России. В беседе принял участие Путин.
- 22–24 июня Ла-Валлетта (Мальта). Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ с привлечением экспертов.
- 9–13 июля Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в регион конфликта. Россию представлял первый заммининдел В.И. Трубников.
- 1–3 августа **Сочи. Неформальный саммит СНГ. Беседы Путина с президентами АР и РА. Частично он принял участие и во встрече двух президентов 1 августа.**
- Сентябрь Вена. Доклад сопредседателей МГ Постоянному совету ОБСЕ.
- Ноябрь Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в регион конфликта.
- 30 ноября **Москва. Заседание СГГ СНГ. Встреча президентов АР и РА. В ней частично принял участие Путин.**
- 3–4 декабря Бухарест. Совет министров ОБСЕ.

2002 год

- 1 января** Португалия (мининдел Х. Гама, затем Мартинеш да Круш) сменила Румынию в качестве Действующего председателя ОБСЕ.
- 25–26 января** **Официальный визит президента АР в Москву.**
- 29 января – 6 февраля** Нью-Йорк. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ. Передача президенту АР и мининдел РА предложений о возобновлении переговорного механизма по НК.
- 26–28 февраля** Вена. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с президентом РА.
- 7–11 марта** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Баку, Ереван и Степанакерт (Россию представлял Трубников). Встречи с Г. Алиевым, Кочаряном и Гукасяном. По настоянию Г. Алиева и с согласия Кочаряна, несмотря на возражения Гукасяна, сопредседатели помогают создать так называемый «пражский механизм» (встречи спецпредставителей двух президентов – заммининдел А. Азимова и Т. Маркаряна – раз в 2–3 месяца для обсуждения довольно узкого круга вопросов). Иногда использование этого механизма называли переговорами второго уровня.
- 15 марта** Вена. Заседание МГ ОБСЕ с информацией о «пражском механизме».
- 8–11 апреля** Прага. Решение оргвопросов для запуска «пражского механизма».
- 8 мая** Париж. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 12–15 мая** Прага. Заместители министров иностранных дел АР и РА провели первую встречу в рамках «пражского механизма». На открытии был Трубников.
- 18–19 июня** Лиссабон. Встреча сопредседателей МГ с новым Действующим председателем ОБСЕ мининдел Португалии М. да Крушем. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 23–26 июня** Стамбул. Встречи сопредседателей МГ ОБСЕ с президентом АР, мининдел РА и мининдел Турции И. Джемом.
- 27–30 июня** Таллин. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с президентом РА.
- 26 июля** Вена. Заседание МГ ОБСЕ без участия сторон.
- 29–30 июля** Прага. Вторая встреча личных представителей президентов АР и РА при участии сопредседателей МГ ОБСЕ (Россию представлял Трубников).
- 11 августа** На выборах «президента НКР» вновь одержал победу Гукасян.

- 14 августа** Садарак (армяно-азербайджанская граница). Встреча президентов АР и РА по своей инициативе.
- 25–29 сентября** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Ереван, Степанакерт и Баку. Россию представлял Трубников. Предложение сторонам выработать «кодекс поведения» перед выборами президентов в обеих странах в 2003 г.
- 6 октября** Кишинев. Заседание СГГ СНГ. Встреча президентов АР и РА с последующим подключением сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 15 ноября** Вена. Третья встреча личных представителей президентов АР и РА.
- 21–22 ноября** Прага. Саммит НАТО. Встреча президентов АР и РА с последующим подключением сопредседателей МГ ОБСЕ (21.XI).
- 6–7 декабря** Порту (Португалия). Совет министров ОБСЕ.

2003 год

- 1 января** Нидерланды (мининдел Я. Схеффер) сменили Португалию в качестве ДП ОБСЕ.
- 13 января** Вена. Участие сопредседателей МГ ОБСЕ в инаугурации нового ДП ОБСЕ Я. Схеффера.
- 16–17 января** Москва. Официальный визит Кочаряна в Россию. Его встреча с Путиным. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с президентом РА.
- 19–21 января** Прага. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ в МИД Чехии по проблемам «пражского переговорного механизма».
- 22–25 января** Страсбург. Участие сопредседателей МГ ОБСЕ в заседании Бюро Комитета министров Совета Европы (КМСЕ), где рассмотрены проблемы карабахского урегулирования. Раздельные консультации с личными представителями президентов АР и РА Азимовым и Маркарянном.
- 27–29 января** Киев. Неформальный саммит СНГ. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с президентом АР Г. Алиевым 28 января по его инициативе.
- 19 февраля – 5 марта** Первый и второй тур президентских выборов в РА. Во втором туре победил Кочарян.
- 20–22 февраля** Варшава. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ с участием личного представителя ДП ОБСЕ А. Каспржика на случай обострения обстановки в регионе конфликта.
- 4–6 марта** Вашингтон. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ перед их поездкой в Закавказье.

- 14–15 апреля** Париж. Консультации сопредседателей МГ между собой.
- 6–7 мая** Париж. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ перед их поездкой в регион (Россию представлял Трубников).
- 29–30 мая** Анкара. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ с руководством МИД Турции.
- 2–3 июня** Мадрид. Встречи сопредседателей МГ ОБСЕ с мининделами АР и РА.
- 5–6 июня** Вена. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ и их встреча с председателем Постоянного совета ОБСЕ Я. де Виссером.
- 10–12 июня** Гаага. Консультации со спецдокладчиком ПАСЕ по НК Т. Дэвисом.
- 13–15 июня** Прага. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ с МИД Чехии по продолжению переговоров в рамках «пражского механизма».
- 8 июля** Встреча министров обороны АР и РА на границе двух стран с целью предотвращения инцидентов на линии соприкосновения.
- 23–24 июля** Брюссель. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ с назначенным спецпредставителем Евросоюза по Закавказью Х. Талвитие.
- 4 августа** Ильхам Алиев назначается премьер-министром АР.
- Сентябрь** **Ю.Н. Мерзляков сменил Н.М. Грибкова в качестве сопредседателя МГ ОБСЕ от России.**
- 15–16 сентября** Вена. Рабочие консультации сопредседателей МГ ОБСЕ. Их встречи с председателем Постоянного совета ОБСЕ Виссером и руководителем ГПВУ полковником С. Блоком.
- 30 сентября – 1 октября** Гаага. Встреча сопредседателей МГ с ДП ОБСЕ Схеффером перед его поездкой в регион.
- 2–4 октября** Париж. Встречи сопредседателей МГ с мининдел АР и РА.
- 15 октября** Избрание Ильхама Алиева президентом АР.
- 6 ноября** Москва. Консультации сопредседателей МГ перед отъездом в регион.
- 7–12 ноября** Поездка сопредседателей МГ в Баку и Ереван. Россию представлял Трубников.
- 11–14 ноября** Вена. Доклад сопредседателей МГ Постоянному совету ОБСЕ. Брифинг для участников МГ ОБСЕ. Встреча со спецдокладчиком Парламентской ассамблеи ОБСЕ Г. Леннмаркером.

- 1–2 декабря Маастрихт. Совет министров ОБСЕ.
- 4–7 декабря Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Баку и Ереван. Встречи с президентами АР и РА.
- 10–14 декабря Женева. Информационный саммит ООН. Первая, в основном ознакомительная встреча президентов АР и РА (И. Алиев и Р. Кочарян) с подключением сопредседателей МГ ОБСЕ (11 декабря).
- 12 декабря Кончина Гейдара Алиева.

2004 год

- 1 января Болгария (мининдел С.Пасси) сменила Нидерланды в качестве Действующего председателя ОБСЕ.
- 15–16 января Вена. Консультации сопредседателей МГ с новым ДП ОБСЕ Пасси и генеральным секретарем ОБСЕ Я. Кубишем.
- 21–23 января Анкара. Консультации в МИД Турции (Мерзляков, Чепурин).
- 5 февраля **Москва. Визит президента АР и его встреча с президентом России В.В. Путиным.**
- 11–15 февраля Париж. Консультации сопредседателей МГ между собой и с мининдел РА.
- 19 февраля Будапешт. Убийство армянского офицера, обучавшегося на курсах НАТО по английскому языку, его азербайджанским однокурсником.
- 25–29 февраля Женева. Участие сопредседателей МГ в семинаре по НК в Женевском центре политики и безопасности.
- 4–5 марта Прага. Встреча сопредседателей МГ с мининдел АР и РА.
- 7–9 марта София. Встреча сопредседателей МГ с Действующим председателем ОБСЕ Пасси.
- 14–17 марта Поездка Действующего председателя ОБСЕ мининдел Болгарии С. Пасси в Закавказье.
- 17–21 марта Братислава. Неформальная встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел АР и РА. Встреча с ДП ОБСЕ С. Пасси.
- 16 апреля Прага. Встреча мининдел РА с новым мининдел АР Э. Мамедьяровым с участием сопредседателей МГ.
- 27–30 апреля Варшава. Экономический форум. Вторая встреча президентов АР и РА с подключением сопредседателей МГ ОБСЕ (28 апреля).
- 12–13 мая Страсбург. Встреча мининдел АР и РА с участием сопредседателей МГ.
- 14 мая **Москва. Встреча президентов России и РА.**

- 14–15 мая Вена. Брифинг сопредседателей для участников МГ ОБСЕ и представителя ДП ОБСЕ.
- 21 июня Прага. Встреча мининдел АР и РА с участием сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 7–9 июля Москва. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ перед поездкой в регион (Россию представлял Трубников).
- 11–17 июля Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Ереван, Баку и Степанакерт. Встречи с президентами и мининделами АР и РА, а также руководством НК.
- 20–22 июля **Москва. Обсуждение проблем карабахского урегулирования с участием Трубникова, Мерзлякова и Каспржика.**
- 29–30 августа Прага. Встреча мининдел АР и РА с участием сопредседателей МГ ОБСЕ, включая подготовку встречи президентов в Астане.
- 15–17 сентября Астана. Саммит СНГ. Встреча президентов АР и РА. Они продолжили беседу с участием президента России, встретились со своими мининдел и с сопредседателями МГ ОБСЕ.
- 19–21 сентября Вена. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ со спецпосланником ДП ОБСЕ Ф. Димитровым перед его поездкой в Закавказье.
- 19–22 октября София. Встреча сопредседателей МГ с ДП ОБСЕ С. Пасси.
- 2–5 ноября Вена. Доклад сопредседателей МГ Постоянному совету ОБСЕ.
- 19 ноября Берлин. Встреча мининдел АР и РА с участием сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 23–29 ноября Нью-Йорк. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел АР в связи с внесением Азербайджаном в повестку дня 59-й сессии ГА ООН вопроса о заселении армянами оккупированных территорий.
- 6–7 декабря София. Совет министров ОБСЕ. Встреча мининдел АР и РА с участием сопредседателей МГ ОБСЕ. Принят согласованный документ по нагорно-карабахскому урегулированию.
- 9 декабря Брюссель. Саммит НАТО (8–11.XII). Встреча мининдел АР и РА с участием сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 15–18 декабря Вена. Брифинг сопредседателей для участников МГ ОБСЕ.

2005 год

- 1 января Словения (мининдел Димитрий Рупель) сменила Болгарию в качестве Действующего председателя ОБСЕ.

- 12 января** Прага. Встреча мининдел АР и РА с участием сопредседателей МГ.
- 31 января – 6 февраля** По мандату сопредседателей МГ миссия ОБСЕ по установлению фактов посетила 7 оккупированных районов АР вокруг НК для прояснения вопроса об армянских поселениях там. Одновременно сопредседатели МГ посетили НК.
- 1–2 марта** Прага. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел АР.
- 15 апреля** Лондон. Встреча мининдел АР и РА с участием сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 28 апреля** Франкфурт. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел АР.
- 14 мая** Краков. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел РА.
- 15 мая** Варшава. В дни саммита Совета Европы прошла четвертая встреча президентов АР и РА с участием мининдел обеих стран и сопредседателей МГ. Встречу открыли мининдел России, Франции и представитель Госдепартамента США.
- 25–27 мая** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Баку. Встречи с президентом и мининдел АР.
- 8 июня** Вена. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел РА.
- 17 июня** Париж. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел АР и РА.
- 21 июня** Брюссель. Встреча мининдел АР и РА во время международной конференции по Ираку.
- 12–15 июля** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Ереван и Баку. Встречи с президентами и мининдел АР и РА.
- 24 августа** Москва. Встреча мининдел АР и РА с участием сопредседателей МГ ОБСЕ при подготовке встречи двух президентов в Казани.
- 27 августа** Казань. Пятая встреча президентов АР и РА во время саммита СНГ с участием обоих мининдел и сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 17–18 сентября** Нью-Йорк. Сопредседатель МГ ОБСЕ от США провел встречи с мининдел АР и РА.
- 5–6 декабря** Любляна. Совет министров ОБСЕ.
- 14–17 декабря** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Баку и Ереван. Встречи с президентами и мининдел АР и РА.

2006 год

- 1 января** Бельгия (мининдел Карел де Гюхт) сменила Словению в качестве Действующего председателя ОБСЕ.

- 17–19 января** Лондон. Консультации сопредседателей МГ и личного представителя ДП ОБСЕ между собой. Встречи с мининдел АР и РА.
- 20–23 января** Брюссель. Встреча сопредседателей МГ с ДП ОБСЕ де Гюхтом.
- 31 января – 3 февраля** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Баку и Ереван. Встречи с президентами и мининдел АР и РА.
- 10–11 февраля** Рамбуйе (Франция). Встреча президентов АР и РА с участием сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 7–8 марта** Вашингтон. Рабочие консультации сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 10–14 марта** Нью-Йорк. Контакты сопредседателей с аппаратом ООН.
- 20 марта** Стамбул. Рабочие консультации сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 24–25 мая** **Поездка в Баку и Ереван подготовленной по инициативе России специальной миссии стран–сопредседателей МГ ОБСЕ на уровне заместителей глав внешнеполитических ведомств (Карасин, Фрид, Морель) и сопредседателей МГ.**
- 26–30 мая** Париж. Саммит НАТО. Встреча президента Франции с президентом АР.
- 2–9 июня** Бухарест. Черноморский форум диалога и партнерства. Встреча президентов АР и РА 5 июня.
- Брюссель. Встреча сопредседателей МГ с ДП ОБСЕ де Гюхтом.
- 14 июня** Париж. Встреча мининдел АР и РА с участием сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 22–23 июня** Вена. Доклад сопредседателей МГ Постоянному совету ОБСЕ (текст доклада был опубликован). Ежеквартальный брифинг сопредседателей для участников МГ ОБСЕ. Встречи с председателем Постоянного совета и Генеральным секретарем ОБСЕ.
- 30 июня** Москва. Рабочие консультации сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 17 июля** Санкт-Петербург. Заявление председателя «Группы восьми» коснулось и НК. «Группа восьми» поддержала усилия сопредседателей МГ ОБСЕ (Россия, США, Франция), подчеркнула необходимость согласования принципов мирного урегулирования уже в 2006 г., призвала АР и РА проявить политическую волю, достичь договоренности и готовить народы к миру, а не к войне.

- 4 августа** Нью-Йорк. АР в третий раз с 2004 г. вносит в повестку дня ГА ООН вопрос о положении на оккупированных территориях Азербайджана.
- 7 сентября** Нью-Йорк. 60-я сессия ГА ООН приняла неконфронтационную резолюцию по пожарам на оккупированных территориях АР. В начале октября с.г. регион посетит экологическая миссия ООН и ЮНЕП, включающая представителей АР и НК.
- 12 сентября** Париж. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел РА.
- 13 сентября** Лондон. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел АР.
- 24–26 сентября** Нью-Йорк. Встречи сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел АР и РА.
- 2–5 октября** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Баку и Ереван. Встречи с руководством АР и РА.
- 6 октября** **Москва. Раздельные встречи мининдел России с мининдел АР и РА.**
- 24 октября** Париж. Встреча мининдел АР и РА с участием сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 25 октября** Брюссель. Встреча сопредседателей МГ с ДП ОБСЕ де Гюхтом.
- 16 ноября** Вена. Доклад сопредседателей МГ Постоянному совету ОБСЕ.
- 20–24 ноября** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Баку и Ереван. Встречи с руководством АР и РА.
- 2–6 декабря** Брюссель. Совет министров ОБСЕ. Встречи сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел АР и РА.
- 12–16 декабря** Мадрид. Встреча с будущим ДП ОБСЕ мининдел Испании М. Моратиносом и сотрудниками МИД Испании.

2007 год

- 1 января** Испания (мининдел М.А. Моратинос) сменила Бельгию в качестве Действующего председателя ОБСЕ.
- 23 января** Москва. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел АР и РА. Встреча мининдел России с мининдел АР и РА с участием статс-секретаря МИД России Г.Б. Карасина. Встреча мининдел России с сопредседателями МГ ОБСЕ.
- 24–26 января** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Баку, Ереван и Степанакерт. Встречи с президентами АР и РА, обоими

- мининдел, а также с руководством НК. Рабочие консультации сопредседателей МГ.
- 2 февраля** Москва. Встреча российского сопредседателя МГ ОБСЕ с руководителем НК Гукасяном.
- 14 февраля** Париж. Рабочие консультации сопредседателей МГ ОБСЕ. Встреча с мининдел РА Осканяном.
- 13–14 марта** Женева. Встреча мининдел АР и РА. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел АР Мамедьяровым. Рабочие консультации сопредседателей МГ.
- 29–30 марта** Вена. Брифинг сопредседателей для участников МГ ОБСЕ.
- 19 апреля** Белград. СМИД ОЧЭС. Встреча мининдел АР и РА.
- 10 мая** Мадрид. Встреча с ДП ОБСЕ мининдел Испании Моратиносом перед его поездкой в Закавказье.
- 10–11 мая** Страсбург. Раздельные встречи сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел АР и РА.
- 22–26 мая** Поездки сопредседателей МГ ОБСЕ в Ереван и Баку. Встречи с руководством АР и РА.
- 5–7 июня** **Поездка российского сопредседателя МГ в Баку. Встречи с руководством АР и РА.**
- 7–8 июня** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Ереван. Встречи с руководством РА.
- 9 июня** Санкт-Петербург. Встреча президентов АР и РА.
- 12 июня** Москва. Рабочие консультации сопредседателей МГ ОБСЕ.
- 10 июля** Париж. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел РА.
- 13 июля** Брифинг сопредседателей для участников МГ ОБСЕ. Встреча с испанским председательством ОБСЕ и с ГПВУ.
- 31 июля –
1 августа** Москва. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ. Их встречи с заммининдел Карасиным и Грушко.
- 3 сентября** Брюссель. Раздельные встречи сопредседателей с мининдел АР и РА.
- 15–19 сентября** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Ереван, Степанакерт и Баку. Встречи с руководством РА, АР и новым руководителем НК Б. Саакяном.
- 4 октября** Нью-Йорк. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел РА.
- 5 октября** Вашингтон. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с замгоссекретаря США Д. Фридом.
- 17 октября** Париж. Встречи сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел АР и РА.

- 22 октября** Париж. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с политдиректором МИД Франции Ж. Арно.
- 24–27 октября** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Ереван и Баку. Встречи с руководством РА и АР.
- 8 ноября** Вена. Доклад сопредседателей МГ Постоянному совету ОБСЕ.
- 13–16 ноября** Мадрид. Встреча сопредседателей МГ с ДП ОБСЕ мининдел Испании Моратиносом. Рабочие консультации сопредседателей МГ.
- 16–19 ноября** Париж. Раздельные встречи сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел РА и АР. Рабочие консультации сопредседателей МГ.
- 29–30 ноября** Мадрид. Совет министров ОБСЕ. Передача министрами иностранных дел России, Франции и заместителем госсекретаря США (Лавров, Кушнер и Бернс) мининделам АР и РА базовых принципов карабахского урегулирования. Принято заявление СМИД ОБСЕ по НК.
- 10–13 декабря** Хельсинки. Встреча сопредседателей МГ ОБСЕ с будущим ДП ОБСЕ мининдел Финляндии И. Канерва. Консультации в МИД Финляндии. Рабочие консультации сопредседателей МГ.

2008 год

- 1 января** Финляндия (мининдел И. Канерва, затем А. Стубб) стала действующим председателем ОБСЕ вместо Испании.
- 13–19 января** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Баку, Ереван, Степанакерт и снова в Баку. Выявление реакции сторон на Мадридские базовые принципы урегулирования.
- 8 февраля** **Москва. Встреча российского сопредседателя МГ и директора департамента МИД России А.В. Келина с руководством Международной кризисной группы.**
- 12 февраля** **Москва. Встреча российского сопредседателя МГ и директора департамента МИД России Келина со спецпредставителем ЕС по Южному Кавказу П. Семнеби.**
- 19 февраля** С.А. Саркисян избран президентом РА в первом туре.
- 20 февраля** АР распространила на ГА ООН проект резолюции «О положении на оккупированных территориях Азербайджана».
- 1 марта** Столкновения на улицах Еревана, приведшие к жертвам.
- 3–4 марта** Крупный инцидент на линии соприкосновения с несколькими погибшими азербайджанцами.
- 4–6 марта** Москва–Париж–Вашингтон. Подготовка заявления сопредседателей МГ ОБСЕ в связи с инцидентом.

- 5 марта** Заявление МИД России в связи с боестолкновениями на линии соприкосновения.
- 7 марта** Заявление сопредседателей МГ по этому вопросу.
Заявление директора департамента МИД России по этому вопросу.
- 11–14 марта** Вена. Встреча сопредседателей МГ с мининдел РА. Их брифинг для участников МГ и консультации между собой.
- 14–16 марта** Париж. Встреча сопредседателей МГ с мининдел АР. Рабочие консультации между собой.
- 1–4 апреля** Бухарест. Раздельные встречи сопредседателей МГ ОБСЕ с президентами АР и РА, а также с обоими мининдел. Рабочие консультации сопредседателей МГ.
- 14–18 апреля** Вена. Внеочередное заседание МГ ОБСЕ. Консультации сопредседателей МГ с генеральным секретарем ОБСЕ М. Бришамбо.
- 4–6 мая** Париж–Страсбург. Встречи сопредседателей МГ ОБСЕ с мининдел АР и новым мининдел РА Э. Налбандяном. Рабочие консультации сопредседателей МГ.
- 5 июня** Москва. Консультации сопредседателей МГ ОБСЕ перед встречей президентов АР и РА в Санкт-Петербурге. Подготовлено обращение сопредседателей МГ к ним.
- 6–8 июня** Санкт-Петербург. Неформальный саммит СНГ. Первая встреча президентов АР и РА И. Алиева и С. Саркисяна между собой и с участием сопредседателей МГ ОБСЕ. Встречи сопредседателей МГ с мининдел АР и РА. Консультации сопредседателей МГ.
- 9–10 июня** Хельсинки. Встреча сопредседателей МГ с ДП ОБСЕ финским мининдел А. Стуббом. Встреча со спецпредставителем ДП ОБСЕ по Южному Кавказу Х. Талвитие.
- 26–29 июня** Поездка сопредседателей МГ в Баку, Ереван и Степанакерт. Встречи с президентами и мининдел АР и РА, а также руководителем НК и «мининдел» НК Г.М. Петросяном.
- 30 июня – 3 июля** Вена. Ежегодная конференция ОБСЕ по обзору проблем в области безопасности. Брифинг для участников МГ ОБСЕ. Рабочие консультации сопредседателей МГ.
- 31 июля – 1 августа** Москва. Встреча мининдел АР и РА с участием сопредседателей МГ ОБСЕ. Беседа первого заммининдел А.И. Денисова с обоими министрами с участием сопредседателей МГ. Рабочие консультации сопредседателей МГ.
- 24–27 сентября** Нью-Йорк. Консультации представителей государств–сопредседателей МГ. Беседа сопредседателей МГ с президентом РА, встречи с мининдел АР и РА. Рабочие консультации сопредседателей МГ.

- 31 октября – 1 ноября** Москва. Встреча мининдел России, АР и РА и консультации сопредседателей МГ перед встречей президентов АР, РА и России. Беседы Карасина и сопредседателей МГ с мининдел АР и РА.
- 2 ноября** **Замок Майендорф (Подмосковье). Московская декларация по НК принята президентами АР, РА и России.**
- 4–8 ноября** Вена. Ежегодный доклад сопредседателей МГ Постоянному совету ОБСЕ. Их брифинг для участников МГ ОБСЕ. Консультации с финским председательством ОБСЕ.
- 12–18 ноября** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Баку, Ереван и Степанакерт. Встречи с президентами АР и РА, обоими мининдел и руководством НК.
- 2–5 декабря** Хельсинки. Совет министров ОБСЕ. Встреча мининдел стран-сопредседателей (Лавров, Кушнер, а также Фрид) с мининдел АР и РА. Совместное заявление по НК на основе Московской декларации. Встречи сопредседателей МГ с мининдел РА и АР и консультации между двумя министрами. Рабочие консультации сопредседателей МГ и встречи с греческим председательством ОБСЕ и спецпредставителем ДП ОБСЕ по Южному Кавказу Х. Талвитие.

2009 год

- 1 января** Греция (мининдел Д. Бакояннис) сменила Финляндию в качестве Действующего председателя ОБСЕ.
- 19–22 января** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Баку и Ереван. Их встречи с президентами и мининдел АР и РА.
- 27–31 января** Цюрих–Женева. Консультации мининдел АР и РА с участием сопредседателей МГ и между сопредседателями.
- 28 января** Цюрих. Третья встреча президентов АР и РА с участием сопредседателей МГ ОБСЕ в начале и в конце беседы.
- 26 февраля – 4 марта** Поездка сопредседателей МГ ОБСЕ в Баку, Ереван, Степанакерт и снова в Баку. Встречи с высшими руководителями и мининдел АР и РА, руководителем и представителями гражданского общества НК.
- 12 марта** Вена. Брифинг сопредседателей для участников МГ ОБСЕ.
- 23–25 марта** Вена. Встреча сопредседателей МГ с представителями гражданского общества АР, РА и НК на III азербайджано-армянской конференции, организованной британской НПО «Интернэшнл Алерт».

Именной указатель*

- Абиев Сафар Ахундович** – 76, 78–79, 83, 95–100, 294–295, 375, 377–380, 382–383, 385–386, 389
- Адамишин Анаголий Леонидович** – 53, 61, 63–64, 88, 101, 104, 107–108, 123, 128–130, 207
- Азер Чандан** – 68–69, 112, 128
- Азимов Араз Бююкагаевич** – 82, 289–291
- Алиев Гейдар Алиевич** – 21–25, 37, 49–51, 62–65, 73, 78–90, 92–95, 97–108, 114–120, 124–125, 129, 140–146, 148, 150–155, 159–160, 162, 165, 168, 177–178, 185–186, 188–190, 201–207, 209–211, 243–244, 246, 258, 272–275, 278, 282, 293, 295–297, 308–309, 312, 321–322, 349, 384, 386–389, 392, 399
- Алиев Ильхам Гейдарович** – 283, 309, 317
- Амиров Рауф** – 394
- Аракцян Бабкен Гургенович** – 45, 146, 148, 156–157, 217, 244–245, 346
- Арушанян Борис Сергеевич** – 42, 62
- Аткинсон Дэвид** – 174, 265–270
- Бабаян Самвел** – 75–79, 96, 100, 375–376, 379–380, 395, 398
- Бабурян Карен Зармайрович** – 91, 96, 108, 146, 148, 154, 157, 245, 346, 378
- Бахманов Низами** – 45, 102, 148, 150, 152–153, 160, 274, 346
- Блохин Александр Викторович** – 210
- Бьюрнер Андерс** – 41, 177, 193, 195, 293–294, 351
- Ваязи Махмуд** – 32
- Вольский Аркадий Иванович** – 63, 92
- Вурал Волкан** – 67, 181
- Гаджизаде Хикмет** – 45, 55–56, 79, 94
- Гамбар(ов) Иса** – 47, 63
- Гасанов Гасан Азизович** – 37, 106, 115, 117–119, 127, 151, 153–155, 185, 204, 206, 208, 211, 275, 282
- Гасымов Тофик Мессимович** – 47, 54, 56, 61, 83, 154
- Горбачёв Михаил Сергеевич** – 23, 51, 64
- Грачёв Павел Сергеевич** – 7, 57–58, 72, 161–162, 164–165, 185, 188–189, 191–192, 272, 346
- Гукасян Аркадий Аршавирович** – 79, 91, 94, 97, 100, 107–108, 140, 157, 172–173, 202, 205, 209, 273, 293, 296, 390–391, 395
- Гулиев Расул Байрамович** – 98, 128, 146, 151–156, 159, 185–187, 209–210, 217, 244, 246–247, 275, 295, 346, 384–385
- Гулузаде Вафа Мирзоевич** – 81–83, 104–105, 108–109, 151, 159, 167–169, 186, 295–296
- Гусейнов Сурет** – 73, 78, 84
- Джалилов Афияддин Джалилович** – 47, 98, 100, 108, 128, 140–142, 144, 147–153, 155, 245, 273, 295–296, 346, 386–390, 392–394
- Динстбир Иржи** – 29, 37–38, 336
- Дьярмати Иштван** – 181–182, 199
- Дюбуа Элен** – 112–113

* Ссылки даны лишь на те страницы книги, где идет речь о лицах, прямо связанных с нагорно-карабахским конфликтом и поисками его мирного урегулирования.

- Ельцин Борис Николаевич – 28, 43, 46, 52, 55–56, 58, 64–65, 69–70, 92, 103–104, 116, 123, 180, 203, 208, 240, 251, 319, 334, 354
- Есаян Олег – 26
- Золян Сурен Тигранович – 30
- Зульфугаров Тофик Надырович – 97, 151, 256
- Иванов Игорь Сергеевич – 182, 210
- Казиев Рагим – 57–58
- Казимиров Владимир Николаевич – 17, 34, 66, 75, 79, 108, 114, 116–117, 125–127, 130, 182, 190, 210, 346, 350–351, 375–377, 386, 389–390, 392–393, 399
- Караманукян Шаген Леонович – 45, 120
- Карасин Григорий Борисович – 120, 129
- Каспржик Анджей – 293, 323
- Киракосян Арман – 25, 45
- Киракосян Джон – 25
- Клинтон Уильям Дж. – 62, 251, 319, 354
- Ковач Ласло – 37, 103, 181, 274, 325, 353
- Козларич Ричард – 189
- Козырев Андрей Владимирович – 17–19, 29, 36, 43–44, 61, 63–64, 66–67, 69–70, 79–80, 91–93, 103, 110–111, 114–118, 120, 123, 125, 127, 135–137, 151, 161, 171, 179, 182, 190–192, 206–208, 318, 346
- Коллинз Джеймс Ф. – 128, 188, 191
- Колоколов Борис Леонидович – 104
- Кондратьев Георгий Григорьевич – 162, 165
- Коркуд Сельджук – 68–69
- Коротченя Иван Михайлович – 244
- Кочарян Роберт Седракович – 42, 80, 84, 86, 91–92, 94, 100–101, 103, 105–106, 114–118, 129, 140–141, 145, 178, 202–203, 205–206, 209, 243, 273, 276, 293, 296, 322, 351, 399
- Кристофер Уоррен – 67, 171, 176, 182, 190–191
- Кротов Михаил Иосифович – 147, 244–245, 346
- Кубиш Ян – 171, 254, 321
- Ламбах Франк – 112–113, 176
- Липаритян Жирайр – 108, 168, 210, 296
- Мамедов Мамедрафи Исмаилович – 141–142, 151, 153, 159, 162, 165, 185, 189–190, 255–256, 295, 320–322, 347, 351, 396–397
- Мамедов Якуб – 272, 337–338
- Мамедьяров Эльмар – 274
- Мареска Джек Джон – 42–43, 46, 57, 98, 112–113, 173, 175, 180–181, 192
- Мелик-Шахназаров Арсен Ашотович – 97
- Мехтиев Надыр Худавердиевич – 38, 41, 45–46, 48, 52–54, 56
- Моссберг Матнас – 112–113, 124, 136, 166, 177, 184
- Музыченко Владимир Ильич – 31, 121
- Мусабеков Расим Насреддинович – 30, 39
- Муталибов Аяз Ниязович – 18, 27, 51, 295
- Намазов Эльдар Сагифович – 39
- Назарбаев Нурсултан Абишевич – 28, 46, 55–56, 65, 240, 334
- Ниберг Рене – 160, 181, 193, 195, 199–200, 208–209
- Оганян Сейран – 140, 293, 391
- Оников Леон Аршакович – 25, 207
- Пастухов Борис Николаевич – 204–205, 207

- Панчехин Сергей Анатольевич** – 31, 47, 49, 82
Папазян Ваган Акопович – 103, 105, 117, 124–126, 134, 205
Перина Рудольф – 85
Петросян Георгий Михайлович – 29, 45, 96
Пиккеринг Томас Р. – 182
Прессел Джозеф – 187–189, 191–192
Примаков Евгений Максимович – 201–208, 274
Путин Владимир Владимирович – 243, 245

Раффаэлли Марио – 37–38, 42–47, 59–61, 92, 124, 136, 221, 223, 230, 234
Ризаев Рамиз Гасанович – 79, 151, 159, 210
Рупель Димитрий – 285–287, 294
Руцкой Александр Владимирович – 7, 63, 92
Рюриков Дмитрий Борисович – 64–65, 208

Садыхов Наджмеддин – 140–143, 295, 392–393
Садыхов Иса Назарович – 121–122, 137
Саламов Альберт Алиевич – 82, 104
Саркисян Вазген Завенович – 57
Саркисян (Саргсян) Серж Азатович – 91, 95, 97–98, 162, 255–256, 293, 320, 323, 347, 351, 381–382, 393, 397
Сика Марио – 42, 224, 234
Собчак Анатолий Александрович – 144, 245
Ступишин Владимир Петрович – 88, 94, 108, 136–138

Талвитие Хейкки – 193, 198
Тер-Петросян Левон Акопович – 45–51, 65, 84, 86, 91–92, 100, 103, 105, 114, 116, 118, 124, 129–130, 133–136, 144–145, 165–168, 170, 178, 188, 202–203, 205–206, 210, 243–244, 272–273, 293, 296, 321–322, 337–338, 351
Трубников Вячеслав Иванович – 85
Туманян Арташес – 144, 245
Тэлботт Строб – 128

Фатуллаев Эйнулла – 16
Фрид Дэниел – 312

Хакала Терхи – 194
Халонен Тарья – 200
Хашими-Рафсанджани Акбар – 337–338
Хёйнк Вильгельм – 110–111, 128

Черномырдин Виктор Степанович – 7, 116, 124, 129
Четин Хикмет – 66–71
Чуркин Виталий Иванович – 47, 63–64, 125, 207

Шахназарян Давид Гургенович – 53–54, 56, 94, 108, 117, 120–121, 123, 126–127, 130, 133, 138, 209
Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич – 17, 18, 23
Шелов-Коведяев Федор Вадимович – 30
Шеримкулов Медитхан Шеримкулович – 146–147, 149, 244–246, 346
Шония Вальтер Александрович – 82, 87–89
Шумейко Владимир Филиппович – 147–151, 245–247, 346

Элиассон Ян – 40, 151, 154, 165, 167, 175, 177, 179–180, 183–188, 190–191, 193, 221, 227–228, 247, 298
Эльчибей (Алиев) Абульфаз – 22, 45–48, 50–54, 57–60, 64–65, 67, 71, 73, 78, 82–83, 88, 90, 93–95, 258, 271, 278, 282, 295, 308

Юкалов Юрий Алексеевич – 208–209

Владимир Николаевич Казимиров

МИР КАРАБАХУ

*Посредничество России в урегулировании
нагорно-карабахского конфликта*

Редактор *И.Е. Рыбалкин*

Оформление художника *В.П. Григорьева*

Художественный редактор *И.А. Горбунова*

Технический редактор *З.Д. Гусева*

Корректор *К.С. Чигринова*

Компьютерная верстка *Е.А. Надиной*

Подписано в печать 15.04.2009.

Формат 60х90^{1/16}. Бумага офсетная.

Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 28,5 + вкл. 0,75.

Изд. № 204/2009. Тираж 1200 экз.

Цена договорная. Заказ № .

Издательство «Международные отношения»
107078, Москва, Садовая-Спасская, 20

Тел. отдела реализации:

8(499)662-45-28

E-mail: info@inter-rel.ru

Сайт: www.inter-rel.ru

Отпечатано с оригинал-макета
издательства «Международные отношения»

в ОАО ордена «Знак Почета»

«Смоленская областная типография им. В.И. Смирнова»

214000, Смоленск, проспект Ю. Гагарина, 2

Тел.: 38-01-60, 38-14-17, 38-46-20

ISBN 978-5-7133-1344-9

9 785713 313449